

РУССКИЙ ВОПРОС

В ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ
И МЫСЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Транснефть

Издание осуществлено при поддержке
Открытого акционерного общества
«АК „ТРАНСНЕФТЬ“»

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
POLITICAL SCIENCE DEPARTMENT

THE RUSSIAN QUESTION

IN THE HISTORY OF POLITICS AND THOUGHT

Anthology

Ed. by
Prof. A. Shutov and Prof. A. Shirinyants

MOSCOW UNIVERSITY PRESS
2013

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

РУССКИЙ ВОПРОС

В ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И МЫСЛИ

Антология

Под редакцией
А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца

Издательство Московского университета
2013

УДК 32:93/94; 94 (470)*16/18*
ББК 63.3(2); 66.1 (0)
Р76

*Печатается по решению Ученого совета
факультета политологии Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

В оформлении переплета книги использован
фрагмент географической карты 1724 г.

Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под
Р76 ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. – М.: Издательство Московского
университета, 2013. – 624 с., илл.

ISBN 978-5-19-010881-1

В антологии «Русский вопрос в истории политики и мысли» собраны работы английских, немецких, французских и польских политиков, литераторов и общественных деятелей XIX века. В книгу вошли литературные эссе, публичные выступления, политическая публицистика, научные статьи и фрагменты книг, а также антирусские карикатуры того времени, т. е. все, что формировало неприязненное отношение европейского общественного мнения к России и русским. Часть публикуемых текстов впервые переведена на русский язык. Издание снабжено комментариями.

Для студентов гуманитарных факультетов университетов, а также всех, кто интересуется историей политики и социально-политической мысли.

Ключевые слова: русский вопрос, Россия XIX в., русофобия.

УДК 32:93/94; 94 (470)*16/18*
ББК 63.3(2); 66.1 (0)

The Russian Question in the History of Politics and Thought. Anthology / Ed. by Prof. A. Shutov and Prof. A. Shirinyants. – Moscow: Moscow University Press, 2013. – 624 p., ill.

ISBN 978-5-19-010881-1

In the anthology “The Russian Question in the History of Politics and Thought” the works of English, German, French and Polish politicians, writers and public persons of the XIXth century are collected. The book comprises literary essays, public speeches, political journalism, scientific articles and book extracts as well as anti-Russian caricatures of that time, i. e. everything that used to form European public opinion and negative attitude towards Russia and Russians. Some texts have been translated into Russian for the first time. This edition contains a comment.

The book is intended for university students of humanities as well as anyone interested in the history of politics and socio-political thought.

Key words: the Russian question, Russia in the XIXth century, russophobia.

© Факультет политологии
МГУ имени М.В.Ломоносова, 2013

© Коллектив авторов, 2013

© Издательство Московского университета, 2013

ISBN 978-5-19-010881-1

РУССКИЙ ВОПРОС И ЛИНИЯ РУСОФОБИИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЕВРОПЫ XIX ВЕКА

Замысел настоящей антологии состоит в том, чтобы проследить формирование негативных стереотипов восприятия образа России и русских в политической литературе европейских стран XIX века. При всей важности положительных интерпретаций российского участия в международных политических процессах, быта, нравов и обычаев России, — которые, безусловно, присутствовали в научных трудах и публицистике Европы того времени, — наша задача состояла в следующем. Мы попытались показать, каков был круг идей, которые зарождались и внедрялись в массовое сознание европейцев, формировали устойчивое общественное мнение в разных слоях общества, а также у представителей правящей элиты европейских государств, и относились лишь к одной, но довольно влиятельной линии в общественно-политической мысли — линии русофобии. Речь идет о так называемом «русском вопросе», который неизменно поднимали влиятельные политики, государственные и общественные деятели, публицисты — непосредственные участники политических событий Европы девятнадцатого столетия.

Что такое русский вопрос в истории политики и мысли? Это явление имеет две стороны, два основания и аспекта. Во-первых, это особенности существования так называемой «титульной нации» — русских в многонациональной империи. К XIX веку сложилось парадоксальное несоответствие ситуации в центре и на периферии огромной Российской империи, когда обитатели «окраин» (Остзейский край, Польша, Финляндия и др.) страны получали большие социально-политические и экономико-правовые преференции по сравнению с жителями центральной

России. В то же время при дворе зачастую особую роль играли лица — выходцы из тех самых окраин (особенно прибалтийские немцы) или европейских стран. Во-вторых, династический характер внешней политики Российской империи, направленной на сохранение европейских монархий и политического «баланса сил» в Европе, вмешательство с этой целью во внутренние дела других государств, участие практически во всех европейских войнах привели к возникновению в массовом сознании европейцев устойчивого страха перед экспансивной силой России.

Столкновение внешнеполитических интересов России на Балканах, а затем в Центральной Азии с интересами других европейских государств, особенно Великобритании, агрессивная политическая пропаганда этих стран, акцентирующая культурные противоречия, которые не так четко обнаруживались в высших слоях европейского и русского обществ, но становились весьма заметными при столкновении с простым русским народом, который был объявлен европейскими писателями и журналистами «варварским», «азиатским», «коварным» и «кровавым», — все это обусловило превращение русофобии в устойчивый элемент общественного сознания европейцев.

В свое время замечательный русский мыслитель И.А. Ильин в небольшой статье «Мировая политика русских государей» (1949), перечисляя характерные черты отношения Запада к России в XIX веке, обнаружил в Европе целое «гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...». Емкая, точная и выразительная формула Ильина, разъясняющая суть такого отношения, сводится к следующему: «Европейцам “нужна” дурная Россия: **варварская**, чтобы “цивилизовать” ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленить; **завоевательная**, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; **религиозно-разлагающаяся**, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать не ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры

и концессии. Но если эту “гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий “до последней капли ее крови”»¹.

В данном случае Ильин «осовременил» понятие, которое, как принято считать, впервые ввел в общественный оборот Ф.И. Тютчев², указывавший, что в основе «русофобии» — ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России³.

Возникновение образа России — «чудовища», «людоеда 19-го века»⁴ — в общественном сознании европейцев, с точки зрения Тютчева, было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы (т. е. России — законной сестры христианского Запада, не феодальной и не иерархической, но потому самому еще более искренне-христианской, целого мира, единого по своему началу, солидарного в своих частях, живущего своею собственною органическою, самобытною жизнью⁵), непониманием общественной системы, цивилизации, которая сменит западную: «Западные люди, судящие о России, — это нечто вроде китайцев, судящих о Европе...»⁶. К «непониманию» присово-

¹ Ильин И.А. Мировая политика русских государей // Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза. 1956. С. 93.

² В.В. Кожин в своих работах («О русском национальном сознании», «Пророк в своем отечестве (Федор Тютчев — Россия век XIX)», «Судьба России: вчера, сегодня, завтра»), указывая на то, что именно Тютчев ввел в общественно-политическую лексику слово «руссофобия», в качестве доказательства приводил слова из письма поэта от 26 сентября 1867 г. дочери Анне: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *руссофобия* некоторых русских людей — кстаги, весьма почитаемых. [...] в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи, здесь действуют только инстинкты, и именно в природе этих инстинктов и следовало бы разобраться». Тютчев здесь говорит о русских либералах-западниках.

³ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 191.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Там же. С. 100.

купается «нравственная безответственность»¹. При этом, как тонко подмечал Тютчев, общественное мнение раздражают против России не реальные «несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности»², а сами начала цивилизации (история без феодализма, религиозной борьбы, папской иерархии, имперских войн, инквизиции, рыцарства; наличие единства и «основного начала», которое «не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления»³). В связи с этим он также отмечает инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство — «нечто среднее между уважением и страхом — то чувство awe (благоговейного страха. — *Авт.*), которое испытывают только по отношению к Власти»⁴.

* * *

Большую роль в восприятии России и русского народа русофобия играла в Британской империи⁵. Для этого существовали определенные основания. Во-первых, Россия и Британия на протяжении XIX века довольно часто оказывались по разные стороны баррикад как в Европе, так и на Востоке. Во-вторых, британская внешняя политика и публицистика вдохновляли русофобские выступления в различных странах от Балтики до Тихоокеанского региона. В-третьих, многочисленные попытки британского вмешательства во внутреннюю политику России: от участия в подготовке убийства императора Павла I и поддержки различных инсургентов на Кавказе до эскалации революционного процесса.

¹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 191.

² Там же. С. 193.

³ Там же. С. 192.

⁴ Там же. С. 100–101.

⁵ Gleason J.H. The Genesis of Rusophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1960; Krautheim H.-J. Öffentliche Meinung und imperiale Politik: Das britische Russlandbild, 1815–1854. Berlin, 1977.

Антироссийская публицистика в Британской империи первой половины XIX века характеризует различные этапы венской системы международных отношений, которая сложилась после создания Священного союза в 1815 г. В 1814 г. Александр I посетил Лондон и, казалось, отношения между двумя сильнейшими мировыми империями Россией и Британией были налажены. Но в последующие годы отношения между империями охладели главным образом из-за столкновения их внешнеполитических интересов на Балканах и в Турции¹. Это иллюстрирует памфлет генерала Роберта Томаса Уилсона (1777–1849) «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году», появившийся в том же 1817 г. и выдержавший несколько изданий². К этому времени за плечами автора памфлета было участие в многочисленных военных кампаниях на Европейском континенте и секретных миссиях в Османской империи (Египте и Турции)³. Он обрел известность военного писателя, выпустив книги о египетской и польской кампаниях. Вместе с русской армией автор прошел дорогами Отечественной войны 1812 г., находился при Главной квартире М.И. Кутузова, а затем при Александре I в качестве представителя английского командования. В последние годы жизни занимал пост губернатора Гибралтара (1842–1849).

¹ См.: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985; Орлов А.А. Россия и Англия в 1815-1817 гг.: от союза к охлаждению // В.А. Дунаевский. Педагог, ученый, солдат. К 80-летию со дня рождения. М., 2000. С. 224–243.

² [Wilson Rober Thomas] A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. 3rd edition. London: James Ridgway, 1817.

³ Подробнее об Уилсоне см.: Glover M. A Very Slippery Fellow: The Life of Sir Robert Wilson, 1777-1849. Oxford, 1978; Samuel I. An Astonishing Fellow: the Life of General Sir Robert Wilson. London, 1985; Орлов А.А. «Английский обер-шпион» или «солдат удачи»: оценка деятельности и личности генерала Р.Т. Вильсона в русской и англоязычной историографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. М., 2005. Т. 4 / Ред.-сост. В.М. Безотосный. С. 272–286; Он же. «Наш английский генерал» (об отношении генерала Р.Т. Вильсона к России и к русским) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. М., 2006. Т. 5: Сборник материалов: к 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Ред.-сост. В.М. Безотосный и А.А. Смирнов. С. 154–177.

Памфлет начинается с утверждения, что борьба с Наполеоном ослабила Англию и в то же время дала возможность укрепиться США и России. Таким образом, на месте одного противника появилось три. Главную свою задачу Т. Уилсон видел в том, чтобы «выявить правду», каким образом это произошло. На первый взгляд, автор беспристрастно рассказывает о событиях предшествующих Отечественной войне 1812 г. и самих военных операциях (именно эта часть публикуется в данном сборнике), но затем анализирует новые возможности России после территориальных приобретений 1810-х гг., что придает первой части памфлета совершенно иное звучание. Рассказывая об Отечественной войне 1812 г., автор знакомит британского читателя с военными ресурсами России на тот случай, если понадобится воевать с ней, и для этого подробно разбирает все ошибки наполеоновской армии. Памфлет «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году» вызвал широкую дискуссию в Британии. Все читатели согласились с главным выводом Уилсона о том, что Россия превратилась в одну из самых мощных мировых держав, но не все согласились с тем, что это превращение представляет опасность для Британии. Памфлет Уилсона не смог подорвать приверженности Британии Венской системе международных отношений, хотя убедительно доказал, что антинаполеоновские войны и Священный союз изменили баланс сил в Европе в пользу России.

Вновь обратиться к «анализу» внешней политики России британским публицистам дала возможность Русско-турецкая война 1828–1829 гг. В первый год войны памфлет «Замыслы России»¹ опубликовал генерал британской армии Джордж де Лейси Эванс (1787–1870). Он начал военную службу волонтером еще в 1806 г., а завершил командующим вторым дивизионом Британской армии, участвуя в осаде Севастополя, битвах при Альме и Инкермане в Крымскую войну (1853–1856). Одновременно с военной службой Эванс был членом Парламента (1830–1841, 1846–1865). Он был убежден, что Россия ведет откровенно захватническую политику, и потому предлагал кар-

¹ *Evans de Lacy. The Designs of Russia. London: John Murrey, 1828.*

динально пересмотреть позицию Британии, которая в то время была союзницей России, совместно с ней выступала на стороне Греции и участвовала в Наваринском сражении 1827 г. против Турции. Наглядным примером русского экспансионизма для Эванса служила Русско-турецкая война 1828–1829 гг., которая, по его мнению, явно обозначила основной вектор русской внешней политики — Константинополь, чей захват для России представлял политическую и экономическую потребность. Pamфлет Эванса привел к всплеску русофобских настроений в Британии и способствовал усилению противоречий между союзниками, однако британское правительство и парламент в тот момент не были готовы идти на разрыв отношений с бывшим союзником. Благоприятный момент для этого настал в 1830 г., когда партия вигов сформировала кабинет министров и на пост секретаря (министра) по иностранным делам был приглашен лорд Пальмерстон¹. Радикализация внешней политики Британии пошла рука об руку с радикализацией антироссийской британской публицистики, самым ярким представителем которой стал Дэвид Уркхарт (1805–1877)². В 1833 г. он опубликовал памфлет «Турция и ее ресурсы»³, в котором обосновал перспективы развития торговых отношений между Британской и Османской империями. Благодаря этому памфлету, Уркхарт был представлен королю Вильгельму IV и Пальмерстону, а затем направлен в Турцию для детального изучения ресурсов Турции. На следующий год Вильгельм IV предложил Уркхарту занять пост британского консула в Стамбуле, однако тот отказался, чтобы провести новую кампанию в поддержку Турции. При участии британско-

¹ О роли Пальмерстона в радикализации внешней политики см.: *Webster C.K. The Foreign Policy of Palmerston, 1830–1841: Britain, the Liberal Movement, and the Easter Question: In 2 vol. N.Y., 1969; Taylor A. Palmerston and Radicalism, 1847–1865 // Journal of British Studies. 1994. Vol. 33. No. 2. P. 157–179; Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5.*

² *Lamb M. The Making of a Rusophobe: David Urquhart — The Formative Years, 1825–1835 // The International History Review. 1981. Vol. III. N3. P. 330–357.*

³ [*Urquhart David*]. *Turkey and its Resources: its Municipal Organization and Free Trade; The State and Prospects of English Commerce in the East. London: Saunders and Outley, 1833.*

го посла в Османской империи Понсонби Уркхарт подготовил и выпустил в свет памфлет «Англия, Франция, Россия и Турция» (1834)¹, выдержавший пять изданий, — своеобразный ответ на подписание Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского мирного договора 1833 г., который, по мнению Пальмерстона, превратил Турцию в «вассала России».

Уркхарт и его издания стали в то время олицетворением британской русофобии. Развернутая им против России пропагандистская кампания имела ряд особенностей. Во-первых, критикуя внешнюю политику России, Уркхарт как сторонник интервенционизма предлагал практические решения по ее нейтрализации. Во-вторых, русофобия Уркхарта в действительности проистекала из его туркомании, поэтому его памфлеты были востребованы в моменты обострения российско-турецких отношений. В-третьих, Уркхарт значительно расширил круг источников, которые должны были подтвердить агрессивную политику России, в частности сделал известными широкой публике значительное число дипломатических документов, которые ему предоставили польские эмигранты и посол Понсонби. Антирусский кампания Уркхарта была настолько успешной, что он был назначен секретарем британского посольства в Османской империи. Именно в этот период проявился большой интерес Уркхарта к возможностям использования черкесов для противодействия продвижению России на Кавказе. В 1836 г. он в нарушение российского эмбарго на международную торговлю вдоль восточного побережья Черного моря попытался доставить оружие черкесам и тем самым вызвать российско-британский конфликт, за что был уволен с дипломатической работы. В дальнейшем Уркхарт занимался организацией комитетов по иностранным делам для пропаганды радикального патриотизма среди рабочих, особенно в период Крымской войны. К 1850-м гг. относится знакомство Уркхарта с К. Марксом, который под его влиянием начал готовить памфлеты, направленные против Российской империи и внешней политики Пальмерстона.

¹ [Urquhart David]. England, France, Russia & Turkey. London: James Ridgway & Sons, 1834.

В связи с формированием крымской системы международных отношений Россия стала более активно использовать центрально-азиатский регион для восстановления баланса сил в Европе. Соперничество Российской и Британской империй в этом регионе получило наименование «Большой игры»¹. Важную роль в обострении англо-российских противоречий сыграл Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895). Начиная с 1827 г., он выполнял военные и дипломатические поручения в Персии, Британской Индии и Османской Аравии и одновременно занимался изучением археологических памятников и произведений клинописи. Роулинсон равно преуспел в обеих областях, став директором Ост-Индской компании (1856–1858), членом Парламента (1858, 1865–1868), президентом Королевского географического общества (1874–1875) и Азиатского общества (1878–1881) и т. д. В 1868 г. он подготовил для Парламента «Меморандум», в котором после рассмотрения этапов продвижения России в Центральную Азию, пришел к выводу о серьезности российской угрозы для Британской Индии и британских интересов на Востоке². Доводы Роулинсона нашли понимание как в Британии, так и в Британской Индии, и способствовали переходу Британии от политики «искусного бездействия» к политике интервенционизма в Центральной Азии.

В 1885 г. произошел так называемый афганский кризис, который стал кульминацией «Большой игры» и чуть было не привел к войне между Британской и Российской империями. После захвата афганского города Пендже русские войска вступили в бой с афганскими подразделениями, которыми командовали англичане. Последние отступили. И хотя стороны воздержались

¹ *Ingram E.* The Beginning of the Great Game in Asia, 1828–1834. Oxford, 1980; *Хонкирк П.* Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004; *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012 и др.

² Первое издание «Меморандума» вошло в книгу: *Rawlinson Henry.* England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. 2nd edition, with additional notes. London: John Murray, 1875.

от эскалации конфликта, британская публицистика продолжала требовать от Министерства иностранных дел и по делам Содружества более активных действий в этом регионе. Данное событие способствовало тому, что книга Арминия Вамбери (1832–1913) «Предстоящая борьба в Индии» (1885), написанная под влиянием версии о русской угрозе Британской Индии, стала бестселлером¹. Ее отличало не только хорошее знание региона, но и использование разнообразных российских источников. Венгерский востоковед, путешественник Вамбери (он называл себя Германом Вамбергером или Бамбергером) был свидетелем подавления российской армией венгерской революции в 1849 г. Очевидно, это и определило его антироссийские и пробританские настроения, характерные для большинства венгерских эмигрантов². Общеευропейскую известность Вамбери принесло описание путешествия по Закавказью и Центральной Азии, совершенного в 1861–1864 гг. Примерно в 1868 г. он стал секретным британским агентом и тайным корреспондентом Министерства иностранных дел и по делам Содружества Британской империи. Книга Вамбери «Предстоящая борьба в Индии», как и вся его политическая публицистика 1870–1890-х гг., полная враждебности к России и отстаивавшая колониальные интересы британской короны, претендовала на роль своего рода учебного пособия для западноевропейских правительств. Однако многие из них отнеслись к ней скептически. Вамбери забросил политику и целиком отдался преподавательской и научной работе.

Особенностью британской русофобии XIX века является акцент на международных отношениях, что связано с экономическими интересами Великобритании на Ближнем Востоке и Южной Азии. Зная, что во внешней политике Британское внешнеполитическое ведомство руководствуется британским общественным мнением, собственными интересами в регионах

¹ *Vambéry Arminius. The Coming Struggle for India, Being an Account of the Encroachments of Russia in Central Asia and of the Difficulties Sure to Arise Therefrom to England. London etc.: Cassell & Company, 1885.*

² О Вамбери см.: *Bartholomä R. Von Zentralasien nach Windsor Castle. Leben und Werk des ungarischen Orientalisten Arminius Vámbéry (1832–1913). Würzburg, 2006.*

и учитывает внешнюю политику великих держав, авторы анти-русских памфлетов одновременно решали несколько задач: формировали общественное мнение, необходимое для принятия тех или иных внешнеполитических решений; изображали внешнюю политику России в невыгодном для нее свете и, наконец, пытались убедить правительство и народ в том, что внешняя политика России наносит урон интересам Британии. Характер русофобских выступлений определялся и другими факторами. *Во-первых*, наиболее сильные антирусские настроения были характерны для партии вигов (примечательно, что памфлеты, критиковавшие русофобские выступления, иногда подчеркнuto называли «непартийными»¹). *Во-вторых*, антирусская публицистика сознательно эксплуатировала народный радикализм и радикальный патриотизм². *В-третьих*, заметное влияние на британскую русофобию оказывала политическая эмиграция, в частности, польская «великая эмиграция» 1830–1870 гг. венгерская эмиграция после подавления венгерской революции в 1849 г.³, русская революционная эмиграция 1860–1880-х гг. и т. д. Справедливости ради, нужно заметить, что русофобия не смогла полностью предопределить отношение к России и русскому народу в британском обществе. Не случайно и в период Крымской войны, когда в Британии велась масштабная антирусская пропаганда, и в период Русско-турецкой войны 1877–1879 гг. правительству и парламенту страны не удавалось достичь единства по различным международным вопросам, касающимся Российской

¹ [Bryant W.C.] Advertisement // Cobden R. The Political Writing. Vol. 1. L.; N.Y., 1867. P. 158.

² Taylor M. The Old Radicalism and the New: David Urquhart and the Politics of Opposition // Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organized Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914 / Ed. E.F. Biagini, A.J. Reid. N.Y., 1991. P. 23–43; Jonathan P. The Politics of Patriotism: English Liberalism, National Identity and Europe, 1830–1886. Cambridge, 2006.

³ Brock P. Polish Democrats and English Radicals, 1832–1862: A Chapter in the History of Anglo-Polish Relations // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. No 2. P. 139–156; Hulse J.W. Revolutionists in London. Oxford, 1970; From the other Shore: Russian Political Emigrants in Britain 1880–1917 / Ed. J. Slatter. London, 1984; Müller M. The Russian Revolutionary Emigrés 1825–1870. Baltimore; London, 1986; Романюк С.К. «Русский» Лондон. М., 2009.

империи. Не случайно сами британцы нередко выступали с критикой русофобских памфлетов и негативных стереотипов, которые в них воспроизводились. Все это свидетельствует о живом интересе британского общества к России, о его желании получить объективное представление о русской внутренней и внешней политике, культуре и повседневной жизни¹.

* * *

Отношения России и Франции на протяжении всего XIX века складывались очень непросто и отличались нестабильностью. Вслед за колебаниями политического курса, изменялось и восприятие России французским обществом. Периоды международной политической напряженности, непременно, вызывали шквал негативных оценок и образов «русского медведя». Французскую русофобию этого периода можно весьма условно разделить на три периода.

Начало первому периоду напряженности было положено противостоянием европейских стран в эпоху наполеоновских войн. Агрессивная завоевательная политика Наполеона в отношении России обосновывалась мифом о якобы существующем и передающемся из поколения в поколение правителей России «завещании» Петра I. Предположительно в 1812 г. в Париже вышла книга анонимного автора «О росте Русского государства с момента его возникновения до начала XIX века»², содержащая массу тенденциозно подобранных фактов захватнической политики России. Ее автор уверяет, что в личных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром I, где якобы изложен план (проект) политической деятельности, рекомендованный Петром вниманию своих преемников, который большинство из них выполняли

¹ См.: *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX — начало XX в.: Очерки. Архангельск, 1994; *Орлов А.А.* «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и Россия в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.): Очерки. М., 2008; и др.

² *Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle.* Par M. L***. Paris, 1812.

твердо и неуклонно. В доказательство в книге приводилось «резюме» этого плана из 14 пунктов. В 1836 г. Фредерик Гайярде в работе «Мемуары кавалера д'Эона»¹ опубликовал копию «плана европейского господства», оставленного Петром I своим преемникам, причем указал, что она снята непосредственно на месте, в архиве Петергофского дворца. Гайярде поясняет: этот документ нашел в секретных архивах царского двора находившийся на дипломатической службе в России некий кавалер д'Эон и в 1757 г. передал его в руки короля Людовика XV.

«Завещание» имеет своей исторической основой реальную внешнюю политику России в XVIII веке, но превратно истолкованную. Более всего в «документе» просматриваются внешнеполитические интересы Франции и Польши. Автор «Завещания» не был знатоком внешней политики Петра I, из-за чего в тексте имеется целый ряд ошибок и нелепостей². Но он верно уловил многие тенденции русской политики и связал их с Петром I, руководствуясь выработанным в XVIII веке стереотипом: Россия — творение Петра I. Мешая правду с вымыслом, автор завершал создание нового стереотипа «русской опасности», который стыковался в сознании европейцев со старым — «русского варварства»³. Из этого «документа» читателю становилось ясно, что у Петра I были грандиозные замыслы и что проекты эти не были похоронены вместе с ним. Их осуществление таило угрозу для других европейских государств, от которой они спаслись только благодаря смерти русского императора; «Завещание» использовалось в западноевропейской антироссийской пропаганде и политической публицистике XIX–XX веков вплоть до эпохи холодной войны, неизменно «всплывая» практически при каждом обострении отношений с Россией как подтверждение мифа о «русской опасности».

Второй этап русофобских настроений во Франции XIX века наступил после непродолжительного сближения российской и

¹ Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. T. I–II. Paris, 1836.

² См.: Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 416–417.

³ См.: Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Глава V. Саратов, 2003.

французской позиций после крушения наполеоновской империи в годы Реставрации. Очередное охлаждение двусторонних отношений произошло после Июльской революции 1830 г. Воцарившегося на французском престоле Луи Филиппа Орлеанского император Николай I до конца жизни считал «узурпатором» престола, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского, внука свергнутого короля Карла X. Все это время французы так или иначе следили за происходящим в далекой России, однако их представления о ней были весьма поверхностными и расплывчатыми. Неточные, а порой и просто вымышленные сведения о близкой отставке высокопоставленных государственных деятелей России (например, заместника Царства Польского фельдмаршала И.Ф. Паскевича), о заговорах и бунтах в армии и т. п. регулярно появлялись на страницах французской печати.

Наиболее одиозной фигурой французской русофобии 1840-х гг. являлся французский литератор маркиз Астольф де Кюстин. Продолжая дело, начатое первооткрывателем жанра путевых заметок французским астрономом Жаном Шапп д'Отрошем (1722–1769), совершившим в екатерининские времена путешествие в Сибирь и оставившим современникам и потомкам антирусские по своему характеру записки¹ уже в новом XIX веке, А. де Кюстин (1790–1857) добился разрешения посетить Россию, и летом 1839 г. совершил поездку по стране, во время которой вел путевой дневник в эпистолярном жанре. Первое издание 36 писем, написанных Кюстином в России, вышло в Париже в мае 1843 г. под названием «La Russie en 1839» (1–4 vol.), затем, в ноябре того же года вышло второе, исправленное и дополненное издание. Третье и четвертое издания «России в 1839 году» вышли в 1846 г.; пятое — в 1854 г.; шестое — в 1855 г. Книга имела шумный успех у европейцев, ее перевели на немецкий и английский языки, неоднократно переиздавали. В России книгу

¹ «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г.; содержащее отчет об обычаях и традициях русских, состоянии государственных дел этой державы; географическое описание и нивелирование дороги от Парижа до Тобольска, астрономические наблюдения и опыты с природным электричеством...» (Париж, 1768).

Кюстина запретили, и первые отрывки из нее были переведены на русский язык и опубликованы лишь в 1891 г. Полностью путевые записки де Кюстина были переведены на русский язык, прокомментированы и изданы В.А. Мильчиной и ее коллегами¹ в 1996 г. Европейский успех книги и неприязненное отношение к ней и к ее автору в России во многом обусловили зоологический характер русофобских эскапад Кюстина. При всем уважении к некоторым нашим современникам, сумевшим разглядеть в писаниях Кюстина «любовь» и даже «восхищение» Россией², вынуждены признать, что Кюстин в своих письмах недвусмысленно демонстрирует презрение к варварской стране, кишашей насекомыми и ... холопами, смысла жизни которых — страх и подчинение деспотизму высшей власти в лице немецкого императора. Последнему Кюстин выказывает известное сочувствие³. И если одна часть «холопов» — представители российской знати, продемонстрировав «чудовищную смесь византийской мелочности с татарской свирепостью, греческого этикета с азиатской дикой отвагой»⁴, буквально очаровали Кюстина, то «простой народ» — русские крестьяне, мещане, купцы, солдаты и прочие жители России и ее столицы — в большинстве своем предстают в описании Кюстина хитрыми, вороватыми, лукавыми, жестокими, уродливыми физически представителями немецко-шведско-ливонско-финско-калмыцко-татарско-славянской смеси⁵, жизнь которых проходит в антисанитарных условиях своеобразного

¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В.Мильчиной; коммент. В.Мильчиной и А.Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. — Серия «Записи Прошлого».

² См.: Кожин В. Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России. К 160-летию знаменитого путешествия (URL: http://www.patriotica.ru/enemy/koz_h_kustin.html).

³ «Сомнений больше нет; все решено: я вынес наконец суждение о Николае I... Это человек с твердым характером и непреклонной волей — без этих качеств невозможно стать тюремщиком третьей части земного шара; но ему не хватает великодушия: его злоупотребления властью слишком убедительно мне это доказывают» (Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. С. 357).

⁴ Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. С. 93.

⁵ Там же. С. 186.

симбиоза людей с клопами и тараканами. Неслучайно русское общество снизу доверху пронизано страхом, насилием, духом беззакония, шпионством. В нем господствует бескорыстное и безотчетное раболепство. Резюме Кюстина, «изучившего» за пару месяцев русский народ, крайне негативно: «русского народа еще и нет — есть только императоры, имеющие рабов, и вельможи, также имеющие рабов; народа все они не образуют»¹. При этом народ, которого, по Кюстину, «еще нет», обладает «необузданной страстью к завоеваниям»² и угрожает Европе: «Россия видит в Европе свою добычу, которая рано или поздно ей достанется...»³.

Третий период всплеска русофобских настроений во Франции связан с Крымской войной 1853–1856 гг. Этот период отмечен наиболее острыми выпадами в адрес Российской империи со стороны всего европейского сообщества. В Европе появилось множество газетных и журнальных статей, карикатур, памфлетов и целых работ, посвященных описанию варварской и дикой природе русских и русского государства.

Французский историк Жюль Мишле (1798–1874) в начале 1850-х гг. написал цикл статей о России. Поводом к написанию этих статей послужило его знакомство с изданным на французском языке в 1851 г. сочинением А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России»⁴. Для Мишле, сочувствующего декабристам и полякам, Россия была самой настоящей «империей

¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. С. 637.

² «В сердце русского народа кипит сильная, необузданная страсть к завоеваниям — одна из тех страстей, что вырастают лишь в душе угнетенных и питаются лишь всенародной бедой. Нация эта, захватническая от природы, алчная от перенесенных лишений, унижительным покорством у себя дома заранее искупает свою мечту о тиранической власти над другими народами; ожидание славы и богатств отвлекает ее от переживаемого ею бесчестья; коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной вольности» (Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. С. 641).

³ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. С. 642.

⁴ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.

зла»¹. Опираясь на сведения, почерпнутые из работ Герцена и прусского экономиста А. фон Гакстгаузена² о русской сельской общине, Мишле делает нелестные выводы о русском народе и государстве в целом. Положение дел в России Мишле описывает так: «Чудовищная жизненная мощь, чудовищная плодovitость, которая грозила бы страшными опасностями всему миру, не будь она уравновешена другой, не менее чудовищной силой — смертью, которой прислуживают два расторопных помощника: ужасный климат и еще более ужасное правительство»³. Восхищаясь проницательностью А. де Кюстина и его работой «Россия в 1839 году», Мишле заимствует у него ряд характеристик русского народа, приводит примеры ужасающей безнравственности русского человека в семье, анализирует его рабское положение в «общинном коммунизме» и заключает, что «глядя на русских, ясно понимаешь, что это племя пока не развилось до конца. Русские — еще не вполне люди»⁴, а само русское государство — это «царство лжи» и «крещендо обманов, мнимостей, иллюзий»⁵. По мнению Мишле, единственное, что может спасти Россию — это свержение деспотической власти императора. Резкость суждений Мишле о русском народе вызвала протест даже Герцена, который осенью 1851 г. опубликовал в Ницце на французском языке брошюру «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле»⁶, где оспорил утверждение, «что Россия не существует, что русские — не люди, что они лишены нравственного смысла»⁷, и призвал отличать русский народ от

¹ См.: Мишле Ж. Демократические легенды Севера / Жюль Мишле; пер. с фр. В. Мильчина. // Отечественные записки. 2007. № 38 (5).

² Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Ганновер, 1847.

³ Мишле Ж. Демократические легенды Севера. С. 152.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле / Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мыркова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012.

⁷ Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле / Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы. С. 453.

«византийско-немецкого правительства», народную Россию — от России официальной.

В середине XIX века во Франции появлялись и весьма экзотичные представления о России. Эрнест Кёрдеруа (1825–1862) — революционер, публицист, анархист предложил свое видение России и ее будущей роли в европейской судьбе. Под впечатлением идей Ш. Фурье, П. Леру и П.-Ж. Прудона, Кёрдеруа сосредоточил свои интеллектуальные усилия на пропаганде анархистских идей братства и сопротивления угнетению и в 1854 г. опубликовал работу «Ура!!! Или революция от казаков». Накануне и во время Крымской войны «казацкая» тема активно эксплуатировалась во французском театре и во французской прессе, причем казаки рисовались самыми черными красками. Кёрдеруа трактует популярную фигуру по-своему. Казак, по его определению, это всякий угнетенный. Книга Кёрдеруа — плод разочарования автора во французском революционном движении. Ход его мысли прост: коль скоро Франция не способна измениться самостоятельно, пусть ей помогут в этом русские завоеватели-варвары; коль скоро западная цивилизация обветшала и прогнила, пусть ее уничтожит войско Николая I. Осенью 1854 г., когда Франция уже полгода находилась в состоянии войны с Россией, позиция эта стала настоящим вызовом западному обществу¹.

Сведения о России Кёрдеруа, как и Ж. Мишле, почерпнул по преимуществу из изданной в 1851 г. на французском языке книги Герцена «О развитии революционных идей в России». Доказывая неизбежность падения европейской цивилизации, Кёрдеруа первую же главу посвящает «общему изложению причин, обуславливающих неизбежность завоевания Западной Европы Россией»². Кёрдеруа считает Россию варварской страной, а единственной миссией русского народа — «завоевывать и разрушать»³. «Такой силы, единой, сплоченной и более могущественной, нежели та, благодаря которой существует сегодня

¹ См.: Кёрдеруа Э. Ура!!! Или революция от казаков / Эрнест Кёрдеруа; пер. с фр. В. Мильчина // Отечественные записки. 2007. № 38 (5). С. 159.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 164.

Франция, силы послушной, дисциплинированной, вышколенной деспотическим правлением; рабски покорной, в отличие от той, на которую опирается сегодня Франция, силы воинственной и завоевательной, слепой, глухой и немой, разрушительной, презиращей условности и требования чести, кровожадной и более беспощадной, нежели все *сентябрьские* и *декабрьские* убийцы во Франции¹, силы, не считающейся ни с какими потерями, ни с какими бедствиями и беспрестанно возрождающейся в лоне нации, которая может и хочет до бесконечности поставлять новых солдат и новые боеприпасы, в отличие от Франции, которая этого не может и не хочет, — такой силы я не нахожу нигде, кроме как в России»². Французским авторам нельзя отказать в исключительной образности и яркости речи. Рисуя устрашающий всякого европейца образ России, Кёрдеруа пишет: «Я никогда не отводил России иной роли; я сказал, что она станет дубиной, которая расплющит западные страны с их интересами, станет мечом, который разрубит гордые узел монополии. Только моим противникам из *злободневных политических листков* могло прийти на ум, будто я приписываю русской силе интеллектуальное могущество»³.

В это же время во Франции увидела свет еще одна необычная и по форме, и по жанру работа, посвященная России — «История Святой Руси...»⁴ (1854). Название книги обманчиво. Ее автор Гюстав Доре (1832–1883) — не историк, а французский живописец и график. Не имея специального художественного образования, но с детства проявляя свой талант, Доре получил широкую известность как иллюстратор.

¹ Сентябрьские убийцы — участники массовых убийств аристократов в парижских тюрьмах 2–5 сентября 1792 г.; декабрьские убийцы — сторонники Луи-Наполеона Бонапарта, будущего Наполеона III, который в ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот; попытки защитить распущенное Луи-Наполеоном законодательное собрание были жестоко подавлены (в Париже было убито около 400 человек). — Примеч. В. Мильчиной.

² Кёрдеруа Э. Ура!!! Или революция от казаков. С. 162.

³ Там же. С. 163.

⁴ Доре Г. История Святой Руси / Гюстав Доре; пер. с фр. Л. Рофварг, поэт. пер. с фр. И. Евса, отв. ред. Т. Волкова. М.: Астрель, 2012.

Первая его самостоятельная работа «История Святой Руси...» стала реакцией на политические события Крымской войны (1853–1856). Происхождение России, ее история, политическое устройство получили у Доре фантастическую и язвительную интерпретацию. Сам жанр работы был новаторским для XIX века, она представляет собой графический роман — вид визуальной повести, состоящей из гравюр и текста, прообраз будущих комиксов. Сочетая карикатурные изображения с колкими комментариями к ним, Доре создает сатирический образ России. Это подчеркивается уже в самом названии — «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси по старинным источникам и историкам: Нестору, Никону, Сильвестру, Карамзину, Сегюру и др. в 500 рисунках с комментариями». Свой труд Доре начинает с рисунка «черного квадрата», поясняя, что «в непроглядной тьме затеряно начало Истории России»¹, а первый русский появился в результате «порочной связи» белого медведя и моржихи².

Проследившая историю России, Доре намеренно искажает последовательность правителей, родственные связи и даже имена. Например, период феодальной раздробленности XII–XIII веков он описывает так: «... как только трон перешел к Андрею, вся страна легла перед ним на брюхо, дабы вновь восторжествовал мир и всеобщее благоденствие. За Андреем следовал Бруталеслав, великий охотник. За Бруталеславом следовал Бафресслав, большой обжора. За Бафресславом следовал Куатшеслав, непревзойденный оратор. За Куатшеславом следовал Флитцеслав, самый меткий лучник. За Флитцеславом следовал Плампсислав, ловкий прыгун. За Плампсиславом следовал Калослав, красавец из красавцев. За Калославом следовал Вутислав, облаченный в доспехи. <... >»³. Ряд иллюстраций Доре сопровождает насмешливыми стихотворными подписями⁴. Новаторская по жанру и

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Доре Г. История Святой Руси. С. 43–44.

⁴ Например, иллюстрируя период Крымской войны, он пишет: «Когда бескрайнюю страну / вовлек в кровавую войну / царь Николай Добрейший, — /

форме работа Доре полна сатирической фантазии и намеков на варварскую, звериную природу русского человека и государства¹ и вполне укладывается в русло русофобии того времени.

После окончания Крымской войны и подписания в 1856 г. невыгодного для России Парижского мирного договора, русофобские настроения как в Европе, так и во Франции обострились. Ярким примером такого обострения является творчество историка, публициста и политика Анри Мартена (1810–1883). Юрист по образованию, А. Мартен известен во Франции как авторитетный историк, член Национального собрания и Французской Академии. Именно под его руководством была опубликована «История Франции» в девятнадцати томах. Мартен отличался крайне неприязненным отношением к России. В одном из его основных трудов («Россия и Европа» (1866)), возникшем под влиянием расистских идей поляка-эмигранта Ф. Духиньского, русские («московиты») описываются как склонный к деспотизму варварский народ неевропейского (туранского) происхождения, несправедливо присвоивший историю Руси.

Многочисленными историческими «фактами» обосновывая тезис о том, что русские и европейцы принадлежат к разным историческим расам — арийской и туранской, Мартен пишет о неизбежности решающей схватки между Россией и Европой. Предрекая неминуемую гибель от нашествия москвитов, Мартен призывает европейские государства к объединению как единственному средству противостоять общему внешнему врагу. «Европейские народы еще слабо отдают себе отчет в том, что главной целью создания подобной федерации независимых европейских народов станет их совместная борьба против России»². Отказывая русскому народу в праве считаться сла-

льстец, пристегнув поклон к словам, / спросил: “Не кажется ли вам, / о государь мудрейший, / что в город враг войдет вот-вот?” / Но царь заткнул бедняге рот: / “Зови гостей к обеду / и мне с утра мозги не парь, / поскольку царь на то и царь, / чтоб не проспять победу”» (Доре Г. История Святой Руси. С. 149).

¹ К примеру, любимой забавой детства Ивана IV Доре называет — «разрывание кузнечика» (Доре Г. История Святой Руси. С. 87).

² Мартен А. Россия и Европа. Париж, 1866. С. II.

вянским народом, Мартен указывает на пропасть, разделяющую Россию и остальной цивилизованный мир: «Московит совершенно отличается по духу от славянина и европейца. Основные его качества — все отрицательные: отсутствие индивидуальности, всесторонней развитости, изобретательности и непременно порождаемой ей способности к самосовершенствованию, что сочетается с необычайной покорностью и умением с большой легкостью подражать другим. У московитов совершенно нет никакой расположенности к созданию свободных сообществ, если только речь не идет о религиозном сектантстве. У них нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола, особенно со стороны верховной власти, оппозиция которой считается в некотором роде кощунством. Московиты не знают прав человека, у них наличествует влечение к самовластью и фанатичное преклонение перед грубой силой»¹. Политический вывод Мартена закономерен: «Русский народ можно привести к цивилизованности только через его поражение в войне. Если Европа не победит Россию, она погибнет. Любая война между самими европейцами есть гражданская война. Война же с московитами — это битва с внешним врагом, битва за существование»².

Парадоксы истории привели к тому, что война случилась не между Европой и Россией, как предсказывал Мартен, а между Францией и Пруссией. Несмотря на невмешательство России в этот военный конфликт между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с О. Бисмарком и поражение в нем Франции, отношение к России во французском обществе изменилось. После Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Россия стала восприниматься как один из возможных союзников Франции, что, в конечном счете, привело к созданию в конце XIX века франко-русского союза (1891–1917).

* * *

Сложную генеалогию имела немецкая русофобия. Ни один из членов Германского Союза (1815–1866) не страдал напрямую

¹ Мартен А. Россия и Европа. С. 100.

² Там же. С. 106.

от царского гнета. Тем не менее, изначально либеральное национальное движение в Германии проявляло солидарность с поляками. И не случайно здесь русофобия достигла своего первого пика после подавления польского восстания 1830–1831 гг. Но после того как в 1848 г. стало очевидно, что требование о восстановлении суверенитета Польши несовместимо с территориальными интересами Германии, восторженное отношение немецких либералов к Польше заметно остыло. Национальное собрание, заседания которого проходили в церкви святого Павла во Франкфурте, приняло в июле 1848 г. решение в пользу «здорового национального эгоизма» против «сентиментального космополитического идеализма» — то есть против Польши. За независимость Польши и тем самым за революционный крестовый поход против России в конце концов выступили только радикальные левые. Но это свое требование они оказались не в состоянии выполнить.

И все же, несмотря на отказ от поддержки Польши, после революции 1848 г., немецкая русофобия достигла новой кульминации. Объединение Германии, предполагавшее территориальное преобразование Европы, было недостижимо без существенного ослабления позиций России. Николай I и его министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде считали планы объединения Германии «нелепыми выдумками немецких профессоров». Поэтому многие немецкие националисты выступали за войну против России. Правда, осуществить свои планы они не смогли. Немецкие государства во главе с Пруссией сохранили нейтралитет в ходе Крымской войны, воспользовавшись в полной мере результатами поражения России.

Радикалы же в лице немецкого политического изгнанника Карла Маркса (1818–1883) нейтралитета не сохраняли. Задумав в начале 1856 г. работу по истории русско-английских отношений в XVIII веке, он, по сути, написал памфлет военного времени, который затем опубликовал в газетах сторонников вождя английских русофобов Д. Уркхарта «Шеффилдская свободная пресса» и «Свободная пресса». Что же сделало задуманное историческое исследование политическим памфлетом? Для ответа воспользу-

емся оценками людей, которых трудно заподозрить в предвзятом отношении к идеологу марксизма. По мнению советских ученых, готовивших в перестроечное время марксовские «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» к публикации, односторонность подхода, тенденциозность в выборе источников, ненаучный характер этих источников привели Маркса «к определенной пристрастности оценок, недостаточной объективности некоторых суждений, искажению многомерной картины исторического развития страны и ее внешней политики»¹. Пытаясь объяснить «незавершенностью работы» недооценку Марксом «иных (кроме норманнского и ордынского) внешнеполитических влияний, среди которых первое место принадлежит византийскому с его православной церковью и высокой культурой»², советские ученые вынуждены были признать ряд положений работы Маркса (суждения об «антиморском» характере славянской расы, о «татаризации» страны московскими князьями, о наличии в политике Петра I «монгольских черт» и др.) не соответствующими современному уровню исторической науки и нуждающимися в критическом осмыслении. Однако незавершенностью работы и некорректным выбором источников вряд ли можно объяснить снисходительно пренебрежительное отношение Маркса к русскому народу. Так, например, насчитав большое количество чиновников-немцев в царской администрации³, Маркс вполне серьезно назвал их «цивилизаторами» варварской России. По его мнению, именно прибалтийские немцы не только дали реформатору Петру дипломатов и генералов, но «в избытке снабдили его чиновниками, учителями и фельдфебелями, которые должны были вымуштровывать русских, придав им тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних»⁴.

¹ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. От Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Новый «Священный союз» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 156.

⁴ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 13.

Вообще, «классики марксизма» испытывали непреодолимое отвращение к славянам в целом и к русским, в частности¹. Так, Фридрих Энгельс (1820–1895) писал о панславизме — идее славянской взаимности, возникшей в XIX веке: «Это нелепое антиисторическое движение, поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город — деревне, торговлю, промышленность, духовную культуру — примитивному земледелию славян-крепостных. Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице Российской империи — той империи, в каждом шаге которой обнаруживается претензия рассматривать всю Европу как достояние славянского племени и, в особенности, единственно энергичной части его — русских; ... той империи, которая за последние 150 лет ни разу не потеряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой... войной. И Центральная Европа хорошо знает интриги, при помощи которых русская политика подерживала новоиспеченную теорию панславизма...»².

Подводя итоги ученых штудий в области «внешней политики царизма», Энгельс в одноименной работе 1889–1890 гг. отказался от тезисов Маркса о «монгольских чертах» внешней политики России и русофильстве политики Лондона как якобы главной проблеме для понимания дипломатической истории XVIII века. В его интерпретации европейская дипломатия в целом, и особенно «шовинистическая» царская политика, приобретают сугубо антигерманский характер, а «основным вопросом» политической повестки дня в индустриально развивающейся России становятся не «ребяческие затеи завоевания

¹ Факт русофобского отношения основоположников марксизма к России и русскому народу обуславливался не только классовой ненавистью вождей пролетариата к самодержавию, но и шовинистическим отношением к славянам и личной неприязнью к деятелям русской политической эмиграции — А.И. Герцену, М.А. Бакунину, П.Н. Ткачеву и др., к тем, с кем они сталкивались в своей повседневной борьбе за лидерство в европейском рабочем и социалистическом движении.

² Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М., 1956. С. 56.

Константинополя, Индии и мирового господства», а ожидание народной социальной революции¹.

Справедливости ради нужно сказать, что, в отличие, например, от Польши, немецкая русофобия отражала лишь одну из сторон отношения немцев к России. Среди представителей консервативного лагеря немецкого общества существовали и ярко выраженные русофильские тенденции. Достаточно назвать Франца фон Баадера, считавшего русскую церковь неиспорченной цивилизацией, и Августа фон Гаксгаузена, превозносившего преимущества русской общины. Сильные пророссийские тенденции были и в высших слоях прусского общества. Но и здесь возмущение в правящих кругах Берлина вызывал тот факт, что царь рассматривал прусского короля как своего рода младшего партнера и непрестанно вмешивался во внутренние дела Германии. Они стремились освободиться от подобной опеки. И это произошло вскоре после объединения Германии в 1871 г. Пути Германии и России начинали постепенно расходиться. Еще в 1871 г. Вильгельм I рассыпался в благодарностях русскому царю за нейтралитет России в франко-германской войне. Но уже некоторое время спустя идея неизбежности борьбы между славянами и германцами, о которой так много рассуждали как в России, так и в Германии, стала реальностью.

Наряду с «внешней», западной русофобией, русофобские настроения, русофобские образ мысли и действий имели место и в Российской империи. Обратил внимание на это Тютчев, трактовавший русофобию как многогранное явление. Наряду с «внешней» русофобией западноевропейского общества, с соединенными в одном общем чувстве ненависти к России» «пропагандами» — католической, революционной и пр., которым вторит «насмешка эха» — западная колония образованных

¹ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. М., 1962. С. 47.

русских¹, он указывает на подобные проявления в самой Российской империи, причем не только в кругу либералов, нигилистов-революционеров, «польской оппозиции», остзейского юнкерства, но и в правительстве страны, где разрушающе действовала, как он ее называл, «антирусская клика»² — «все элементы, или

¹ См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 100, 148. Российские либералы-западники, живущие и в Европе, и в России, это люди, у которых напрочь отсутствует «национальное чувство» и чья русофобия, как считает Тютчев — инстинктивна, беспринципна, не имеет никакой логики и вообще иррациональна: «Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней у этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызвали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной жизни в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. А.Ф. Аксаковой. Петербург. Среда, 20 сент[ября] [1867] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 306).

² Говоря об «антирусской клике», Тютчев, прежде всего, имел в виду конкретных лиц в правительстве и управлении империей, которых противопоставлял царствующим самодержцам, находящимся вне всякой критики при жизни. «Клика, находящаяся сейчас у власти, — писал Тютчев, — проявляет деятельность положительно антидинастическую. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только потеряет популярность, но приобретет антирусский характер». И в другом месте: «Эти отбросы русского общества, это антирусское отродье, не может не видеть в нем своего злейшего врага...» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 58. А.Ф. Аксаковой. [Петербург]. 2 января [1869] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 352). Это — «клика, которая захватила власть и влияние и путает Россию, а не правит ею» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 58. И.С. Аксакову. С.-Петербург[ур]. Среда, 19 февраля [1869] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 355). Министров Тютчев называл «подлецами», а действия правительства характеризовал как «явное бесстыдство», «явную глупость» и т. п. (см.: Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 7 декаб[ря] 1870 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 365; и др.). При этом Тютчев был искренним монархистом, сторонником и

нерусские по происхождению, или *антирусские* по направлению». Эта «коалиция всех антирусских в России направлений есть факт очевидный, осязательный... в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разнородности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные и заштатные. Их связывает одно — отрицательное начало, т. е. врожденная или привитая враждебность ко всему русскому...»¹. Из этих проявлений, которые описал и подверг резкой критике Тютчев, складывается образ русофобии «внутренней».

Одной из составляющих «внутренней русофобии» в России XIX века стали, по мнению Тютчева, «нигилисты» и «польский элемент», которых он вслед за М.Н. Катковым объединяет, усматривая в нигилистических, революционных поползновениях подпитывающую их поддержку поляков и подозревая даже в выстреле Каракозова «польскую интригу». «Нигилисты», как считал Тютчев в начале 1860-х годов, — «заблудшие овцы», скот, взбрыкивающий время от времени: «Я сейчас прочитал в словаре Даля слово *брык*, и вот как он его определяет: беготня скота, когда в знойное оводное время, задравши хвост, мятется туда и сюда и ревет... Итак, скажем с буквальной точностью: *брык* нашего молодого поколения — нашей *Jeune Russie*»². Роль овода для нигилистов выполняет полиция и в целом власть, «которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается

идеологом, теоретиком имперской идеи, о «классовой» основе власти не рассуждал, считая таковой основой и критерием ее божественное происхождение и нравственность ее представителей (см.: Тютчев Ф.И. Письмо к А.Д. Блудовой от 28 сент. 1857 г. // Тютчев Ф.И. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 184 и др.). Рассуждая о русофобской «клике» в правительстве, он исходил из того, что действия этих людей, прежде всего, разрушали русскую печать, препятствовали формированию самосознания русского общества, что и делало эту клику собственно «русифобской».

¹ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. А.И. Георгиевскому 1864–1866. 5. Ницца. 2/14 января 1865 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 387.

² Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. И.С. Аксакову. [Петербург.] 23 октября 1861 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 263.

в самого ужасного пособника Отрицания и Революционного ниспровержения»¹. Нигилистов, которыми «все более и более наполняется земля Русская, как каким-то газом, выведенным на божий свет животворной теплотой полицейского начала»², Тютчев считает «выродками человеческой мысли», порожденными не только западными влияниями, но и произволом и подавлением мысли в самой России. В том, что революционные социалистические теории, которые исповедовали нигилисты, связаны с анархией, безверием и безнравственностью, и провоцируются запретами, подавлением, неумением власти противопоставить им адекватные идеологические меры, еще раз убедительно показал первый политический процесс в России — суд над «нечаевцами» 1871 г., заседания которого посещал Тютчев. Тютчев был глубоко убежден, что репрессивные меры материального воздействия в отношении любого проявления зла не всегда единственно годное и возможное оружие: «порой это оружие становится негодным, — негодным в силу того, что оно дает ощущение мнимой безопасности, позволяющее забывать о необходимости иметь гораздо более эффективное оружие»³. «Вредным» теориям, социалистическим иллюзиям и «движениям сердца» революционеров нужно противопоставить подлинные принципы консерватизма Самодержавия и духовности православной Церкви, нравственно переубедить заблудшее молодое поколение, о чьих бреднях возможно даже будут когда-то в будущем вспоминать с грустью⁴. В этом его поддерживал М.П. Погодин. В одной из последних своих книг «Простая речь о мудреных вещах», выдержавшей за три года три издания, Погодин, рассуждая о нигилизме и нигилистах, пришел к выводу,

¹ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 72. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 4 января 1872. С. 374.

² Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. И.С. Аксакову. [Петербург.] 23 октября 1861. С. 263.

³ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 72. А.Ф. Аксаковой. Петербург, 4 января 1872. С. 374.

⁴ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 74. А.Ф. Аксаковой. Петербург. Пятница, 28 сентября 1872. С. 378.

что «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и самоучек-дилетантов», то есть невежд, забывших Бога и «собирающихся строить новое общество... на крови и в грязи», нужно не наказывать, а убеждать и учить¹. В этом отношении Погодин был абсолютно прав. Погодинский критический вывод о невежестве радикальной интеллигенции получил историческое и социологическое подтверждение и был не раз поддержан русскими мыслителями.

* * *

Катков, Тютчев, Погодин, Аксаков и многие другие их современники не случайно объединяли русских радикалов-нигилистов с польскими инсургентами. Практически для всех русских консерваторов «**крамольно-католическая Польша**» — фанатическая последовательница Запада и постоянная изменница «относительно своих братий» — славян². Подчеркивая степень влияния поляков на оппозицию русскому самодержавию, Тютчев отмечал: «Перестав ощущать себя русскими, становятся не космополитами, а непременно, неизбежно — поляками»³. Если нигилисты, как полагал Тютчев, враги не очень серьезные, то «польские ксендзы», «польская шляхта», «польская эмиграция», не «польская народность», а именно они — враги особенные, опасные, сознательные и целеустремленные⁴. Русский историк и этнограф, немец по происхождению, родившийся в Варшаве А.Ф. Гильфердинг прямо указывал на то, что польская шляхта — это «организм разложившийся и уже неспособный к новому развитию»⁵. В свою очередь, Погодин считал, что «шляхта нынешняя, как древние евреи, изведенные из Египта,

¹ Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 19, 135 и др.

² См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 143.

³ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 11. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 20 декабря 1866 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 279.

⁴ См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 143; *Он же*. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 11. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 20 декабря 1866. С. 279.

⁵ См.: Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России в Царстве Польском // Русский инвалид. 1863. № 254, 16 ноября, № 254, 17 ноября.

должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне европейской, а новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю, в соединении с Россиею»¹. Таким образом, в русской политической мысли четко различали интересы польского народа и польской шляхты. События эпохи освобождения крестьян и реформ шестидесятых годов в России и Польше², когда либеральные действия правительства России упорно «не замечались» польской шляхтой и польской эмиграцией, продолжавшими «протестовать, казнокрадствовать, распускать фальшивые ассигнации, поджигать и требовать не только границ 1772 года, но даже Киева!», убедили их в том, что польская шляхта совершенно чужда не только славянам, но и польскому народу. Шляхта эта, во-первых, имеет западное, кельтическое или романское происхождение; во-вторых «пришельцы в Польше никогда не соединялись с туземцами, как соединились они у нас и в других странах». Поэтому, приходит к выводу Погодин: «шляхта и народ составляют там (в Польше. — *Авт.*) до сих пор два совершенно различные общества»³. Как не без оснований представлялось Погодину и другим русским консерваторам, космополитической, клерикальной, неразрывно связанной с изжившими себя традициями феодальной анархии и сословного эгоизма, обращенной целиком в прошлое шляхте противостояло самобытное, неосознанно хранящее исконно славянские начала крестьянство.

В свете исторических реалий такая позиция русских мыслителей не вызывает никакого удивления. К этому времени противоречия между Польшей и Россией имели уже вековую традицию. Польский вопрос, наверное, был самым острым вопросом

¹ Погодин М.П. Польский вопрос // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 330.

² Как отмечает Погодин, — «крестьяне польские сделали такими же собственниками, как и русские; города освобождены от феодального ига, убежища праздности (и политических козней), лишние монастыри, ограничены. Наконец, в последнее время объявлена широкая амнистия: тысячи сосланных за участие в мятеже семейств возвращены на родину, следствия прекращены, конфискации остановлены» (Погодин М.П. Польский вопрос. С. 329).

³ Погодин М.П. Польский вопрос. С. 330.

внутренней политики России на протяжении большей части XIX века. Этот вопрос, оказавшийся в центре внимания различных политических сил как в России, так и в Европе, конечном счете, обусловил разделы Польши 1772, 1793 и 1795 гг., так или иначе повлекшие за собой длинную цепь трагических событий, среди которых польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. и последующие неудачные попытки царской администрации инкорпорировать Польшу в состав Российской империи. Многие исследователи совершенно справедливо склонны связывать «падение Польши» с глубочайшим и затянувшимся внутренним кризисом, разложением польского государственного строя, всевластием и своекорыстием шляхты, использованным соседями Речи Посполитой, в первую очередь Пруссией и Австрией, а также Россией, для территориальных приращений за ее счет. Большинство историков считает основным архитектором разделов прусского короля Фридриха II, рассматривая роль России как вынужденную обстоятельствами Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., для успешного окончания которой было необходимо нейтрализовать открытое противодействие Австрии и скрытое — Пруссии¹.

С особой силой русско-польские противоречия обострились после ноябрьского восстания 1830 г., которое стало своего рода рубежом во взаимоотношениях Петербурга и Варшавы. До тех пор предпринималось немало попыток склонить к лояльности шляхту включенной в состав России части Польши. Почти парадоксом кажется то, что из всех держав, принимавших участие в разделе Польши, именно в самодержавной России эти усилия предпринимались к началу XIX века особенно широко.

¹ Именно такой точки зрения придерживался, например, Погодин — автор «национальной» концепции, согласно которой Россия, участвуя в разделах Польши, только возвращала в свой состав украинские и белорусские земли, не присоединив ни пяди территории коренной Польши. Он, как и многие русофилы-патриоты (по крайней мере, в России XIX в.), высказывал в адрес Екатерины II едва ли не единственный упрек — в усилении Пруссии и передаче украинской Галиции Австрии (см.: *Погодин М.П. Письмо к Гизо о польском вопросе // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 399*).

Не в последнюю очередь это было связано с полонофильскими и либеральными симпатиями Александра I, которые он проявлял до 1812 г. «Польши больше нет, но мы продолжаем жить как поляки в Польше» — таково было ощущение жителей Восточной Польши. И даже «флирт» Польши с Наполеоном практически не повлиял на характер русской политики в Великом герцогстве Варшавском, политическое и военное руководство которого было сохранено в королевстве Польском, созданном на Венском конгрессе. Это новое государство на Висле, несмотря на личную унию с русским царем, получило одну из самых либеральных конституций на европейском континенте. В последние годы царствования Александра I эта конституция все больше выхолащивалась. После восшествия на престол Николая I политический курс Петербурга в отношении Польши особенно обострился. И все-таки новый император в мае 1829 г. короновался в Варшаве, став королем Польши. Тем самым он подтвердил польскую конституцию, наличие которой вызывало резкий протест русских консерваторов, справедливо полагавших, что, будучи конституционной монархией, королевство Польское находилось в непримиримом противоречии со всей остальной Российской империей (если не принимать во внимание Великое княжество Финляндское или же Остзейский край, о котором речь пойдет ниже). Поэтому гнев императора и русских консерваторов по поводу «неблагодарности» «изменников-поляков» после восстания 1830 г. был совершенно правомерен.

Для «русской» Польши всегда было характерно противостояние государства и общества, расхождение иерархии общественных и государственных ценностей. С подавлением польского мятежа 1830–1831 гг., к которому присоединилась почти в полном составе правящая верхушка Польского королевства, были уничтожены остатки польской самостоятельности. «Польша должна была погибнуть; — писал Тютчев, и далее подчеркивал, — не самобытность ее польской народности, чего Боже сохрани! Но ее ложное образование, та ложная национальность, которая была ей привита»¹. Взамен отмененной Конституции

¹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 183.

1815 г. был введен Органический статут (1832), радикальным образом ограничивающий автономию Королевства, но и он фактически не вступил в силу. Сейм, Государственный совет и высшие судебные учреждения были ликвидированы, перестала существовать польская армия. Место собственного учебного занял Варшавский учебный округ, такой же, как в Киеве или Казани, на территории Королевства стала общеобязательной общероссийская монетная система, система мер и весов. Власти стали активно вмешиваться в дела католической церкви, развернулась кампания по обращению униатов в православие¹. Противостояние государства, которое олицетворяла Россия, и польского общества особенно обострилось. Сложился даже некий общественный кодекс чести, запреты и заветы которого определяли жизнь в стране гораздо сильнее, чем государственные законы. Социальный престиж в глазах поляков был теперь никак не связан с государственными прерогативами, поскольку считалось, например, что поляки-аристократы, занимавшие высокие посты в аппарате управления, служили не собственной стране, а иностранному господству.

Уже накануне 1830 г. отношение большинства польской знати к России было крайне враждебным. После поражения царская империя на Висле воспринималась не просто как политический противник, но как воплощение зла, а борьба польского народа с Россией — как противостояние света и тьмы. Таким образом, конфликт перерастал политические рамки и приобретал псевдометафизический характер, когда России приписывались стремления не только к деспотическому подчинению своих собственных подданных, но и к порабощению всего «свободного мира», т. е. Запада. Революционеры всех стран, — указывал Тютчев, — возлагают свои надежды на «возможность крестового похода против России», где «полем сражения послужила бы Польша»². Около десяти тысяч польских эмигрантов, находившихся на Западе после 1831 г., продолжали свои споры с Россией и появля-

¹ См.: Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

² Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 141.

лись почти везде и всюду, где велась борьба против царской империи, став для официальных властей синонимами бунтарства и непокорности. Но своей главной победы они добились на арене европейского общественного мнения, инициировав и подпитывая то, что Тютчев назвал «русофобией». Известное резкое ухудшение образа России на Западе после 1830 г., то, что симпатии к Польше испытывали многие европейцы, а к России только немногие легитимисты, объясняется не в последнюю очередь влиянием польской эмиграции.

Примерно три десятилетия спустя после ноябрьского восстания в польско-русских отношениях наметилась разрядка. После поражения в Крымской войне и восшествия на престол Александра II в 1855 г. в России наступила, по выражению Тютчева, «оттепель», были замыслены и стали проводиться в жизнь грандиозные реформы. Не остался в стороне от политики реформ и польский вопрос. И хотя Александр II категорически отказывался восстановить конституцию 1815 г., перемена климата на Висле в конце 1850-х гг. ощущалась всеми. Была провозглашена амнистия политическим заключенным, и в результате вернулись домой из Сибири многие изгнанники. Однако и в это время польские генералы и политики уклонялись от любых шагов, которые можно было бы истолковать как коллаборационизм с русскими. Русофобское общественное мнение в Польском королевстве парализующе влияло на любые попытки нормализовать отношения между Петербургом и Варшавой. Радикалы, вопреки большинству здравомыслящих поляков, выступавших против вооруженного восстания, подталкивали страну к военной конфронтации. Их сила заключалась в том, что они в крайней форме выражали ценности, признанные всеми поляками: готовность бороться за независимость страны представляла собой моральное обязательство, от которого никто не мог отступить. Главное значение придавалось при этом не победе, а воле к сопротивлению. Такой идеализм, в область которого переместился национальный инстинкт самосохранения поляков, вызывал недоумение и восхищение на Западе и откровенное неприятие в России, тем более, что позиция многих из них теперь опреде-

лялась тезисом: «Тот, кто говорит, что мы славяне, является изменником, ибо мы просто поляки»¹.

В русской политической публицистике 1860-х гг., посвященной польскому вопросу, красной нитью проходит мысль о том, что Польша, в отношении которой русское правительство осуществляло «примирительную политику» и поддерживало различные автохтонные преимущества, коих было лишено население центральной России, не сумела воспользоваться монаршим доверием и милостью и ответила на либеральные действия правительства «моральной революцией» и вооруженным мятежом². Одним из примеров неумения и нежелания поляков пользоваться монаршей милостью многим представлялась «система Велепольского» — «образ управления» в Польше с июня 1861 г. до октября 1863 г. — приведший к восстанию 1863–1864 гг.³ Тщательно анализируя происходящее, многие русские публицисты попытались внести свой вклад в формирование как в России, так и за рубежом, релевантного истине общественного мнения, а также воздействовать на разум и совесть восставших поляков. Во время мятежа тон высказываний русской прессы по польскому вопросу был очень жестким. При этом никто не собирался огульно обвинять в преступлениях⁴ весь польский народ. Эти

¹ Цит. по: Дьяков В.А. Славянофильские тенденции в польской общественной мысли накануне и во время славянского съезда 1848 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 57.

² «Моральная революция» — по сути, кампания гражданского неповиновения, частью которой стали собрания в костелах, где под видом богослужений пелись патриотические гимны и отмечались памятные даты из истории Речи Посполитой; панихиды и крестные ходы, а также постоянное ношение траурной одежды женщинами в память о жертвах в борьбе за польскую независимость (Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 148).

³ О событиях этого восстания существует обширная литература, огромный корпус источников опубликован в серии: Восстание 1863 г. Документы и материалы. Т. 1–25. 1960–1986.

⁴ В ночь с 10 на 11 января 1863 г. было осуществлено «ночное убийство русских солдат» группами вооруженных повстанцев, совершивших нападение на 17 русских гарнизонов; а 31 марта, в первый день православной Пасхи, был оглашен манифест об амнистии всем участникам восстания в Царстве Польском и Западном крае, не замешанным в каких-либо иных преступлениях, при условии, что они сложат оружие до 1 мая. Этот очередной жест царской

преступления против русских, указывал, например, Погодин, «дело партии иностранных революционеров, которые имеют много других целей, кроме национальных»¹. Такая позиция газет вполне отражала настроения, господствовавшие в русском обществе. Характерный пример — эпизод, произошедший на Славянском съезде 1867 г., когда на банкете в Сокольниках выступил чешский делегат Ф. Ригер. Перед появлением на съезде он совершил поездку в Париж, где вел переговоры с польскими эмигрантскими кругами, а теперь на съезде попытался убедить его российских участников в необходимости компромиссной политики по польскому вопросу. Ригер, в частности, согласился с тем, что поляки неправы, «отчуждая от русского народа его малороссийскую ветвь» (речь шла о Галиции), но пригласил русских согласиться, что и они неправы, когда не признают права поляков на «народное существование», хотя эта ветвь западного славянства отличается от русских и по языку, и по истории. «Докажите, что вы не желали лишить их народности», — обратился Ригер к собравшимся и выразил надежду, что «наши русские братья первые произнесут прекрасное слово христианской любви и примирения»². В ответ на это заявление выступил князь В.А. Черкасский, который, в частности заявил, что Польша сама виновата в том, что растеряла свободы, дарованные ей Александром I. Он привел ряд статистических данных, свидетельствовавших, что Россия заботилась о развитии образования в Польше больше, чем в российских губерниях, что податей в привислинских губерниях взималось только по 4 руб. с жителя, а в России по 6 руб., что крестьяне при проведении реформы в Польше получили землю на более льготных условиях, чем в России. Поэтому, подчеркнул Черкасский, если поляки осознают все это и придут к нам со смиренным раскаянием, им

милости не был принят повстанцами. Итогом восстания 1863 г. явилось поражение поляков с 30 тыс. человек убитыми, потери русских определялись в 3343 человек (из них 2169 — раненых).

¹ Погодин М.П. Польский вопрос // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876. С. 366.

² Банкет в Сокольниках // Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в Москве в мае 1867 года. М., 1867. С. 347–348.

будут «широко раскрыты наши братские объятия». В отчете о съезде после этих слов сказано: «Невозможно описать то впечатление, которое произвела речь высокоуважаемого оратора. Толпы кинулись обнимать его; со всех сторон кричали: спасибо, благодарим, благодарим»¹.

В свое время, в середине шестидесятых годов, Погодин, отмечая, что вся европейская печать «кишит» статьями о польском вопросе, что «европейские весы» в этом случае «кривы и не верны», как, впрочем, и во всех других случаях, «когда дело касается предметов, приносящих пользу или причиняющих вред России, которая до сих пор представляется в их воображении каким-то грозным призраком»², настаивал на необходимости жесткого ответа европейским русофобам, формулирования и пропаганды *русской* позиции, «Русского мнения», *русских* доказательств в пользу *русского* решения польского вопроса. Сделать это тем более необходимо, подчеркивал он, что в основе русофобских выступлений западной прессы лежат нелепости, подобные утверждениям некоторых «крайних поляков» о том, например, «что Россия не существует, что России нет, пета Rusi, и что Русский язык не есть Славянский язык!»³. Видно нет нелепости, восклицает Погодин, «которая не нашла бы себе последователей, особенно, если она служит к обвинению России, которая все еще составляет какое-то бельмо на глазу у Европы, — жаль, что не типун на языке»⁴.

Одним из таких обвинителей России, был польский инсургент, «парижский профессор истории» Францишек Хенрик Духиньский (1816–1893). В ряде своих трудов, главным из которых стало сочинение «Основы истории Польши и других

¹ Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. 121.

² Погодин М.П. Польский вопрос. С. 327.

³ Погодин М.П. Польский вопрос. С. 368. Один из конкретных случаев такого русофобского «непонимания» Погодин подверг критическому разбору в «Отповеди французскому журналисту» (6 июня 1863) (см.: Погодин М.П. Отповедь французскому журналисту // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 413).

⁴ Погодин М.П. Польский вопрос. С. 368.

славянских стран, а также истории Москвы», вышедшее в трех частях в Париже в 1858–1861 гг., он «самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т. д. точек зрения» отстаивал догму, будто великороссы не славяне. К. Маркс, чьи слова из письма Ф. Энгельсу мы привели выше, с большим интересом отнесся к концепции Духиньского и высказался в ее поддержку: «Он утверждает, что настоящие москвиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т. д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части <...>. Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян»¹. По сути, не имеющие научной основы, писания Духиньского были направлены на обоснование необходимости создания некоего буфера между «арийской» Европой и «туранской» Москвой²; вполне понятно, что на эту роль предназначалась независимая Польша, включающая Украину-Русь, Беларусь, Литву, Прибалтику, Смоленск и Великий Новгород.

Идеи Духиньского были с энтузиазмом восприняты польской эмиграцией, мечтающей о восстановлении «Великой Польши от моря до моря», его с восторгом приняли французские русофобствующие интеллектуалы и политики — Э. Реньо, А. Мартен, К. Делямар и др. Сам Духиньский самонадеянно заявлял, что его взгляды «никогда не будут опровергнуты, как никогда земля Польши не перестанет относиться к европейской

¹ Маркс — Энгельсу, 24 июня 1865 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31. С. 106–107.

² «Мы видим, — писал Духиньский, — что физико-географические черты нашей Родины способствуют, с одной стороны, общности ее жителей с народами Западной Европы, так же, как происхождение жителей нашей Родины, создает, с другой стороны, ее внутреннее единство: мы видим, что физико-географические черты Московского государства как таковые отделяют его жителей от Европы, объединяя их с жителями Центральной Азии вплоть до китайской стены, так же, как объединяют их идейные и духовные потребности, следующие из их происхождения» (*Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku.* F. H. Duchinińskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde. 1859. S. 13).

системе, а земля Москвы к азиатской системе, разве что мы назовем Азию Европой, но и тогда будет две Европы, как, по сути, есть и сейчас, а именно: Европа до восточных границ Польши и Европа московская, ведь Москва и сегодня составляет половину Европы»¹. Однако идиллию разрушил О. фон Бисмарк, уничтоживший наполеоновскую Вторую империю, а вместе с ней и французскую русофобию, после чего писания Духиньского потеряли былую привлекательность, и всем «вдруг» открылись дилетантизм и политическая тенденциозность их автора.

Русское правительство после подавления восстания 1863 г. уже не интересовали польские национальные проблемы, любые компромиссы и договоры с польским обществом были теперь для него исключены. В самой Польше борьба со шляхтой и католическим духовенством велась не только силовыми военными методами, но и путем реформ, проведенных там сразу же после восстания 1863 г. Однако попытки русификации Польши ничуть не способствовали ее инкорпорации в состав империи, для все новых и новых поколений патриотично настроенных поляков главным врагом оставалась Россия, а в общественном сознании россиян сложилось негативное восприятие «поляков», которые в глазах «нереволюционной» общественности стали выглядеть мучителями русских крестьян, иудами славянского дела, религиозными фанатиками и экзальтированными носителями химерических имперских претензий давно и безвозвратно погибшей «великой Польши» и, наконец, отъявленными русофобами, инициаторами и вдохновителями любых нарушающих национально-политическое единство России движений и выступлений.

Именно в это время под Вильно — на «кресах» (восточных землях бывшей Речи Посполитой) — в родовом имении своих родителей появился на свет человек, которому суждено было сыграть особую роль в польской истории. Юзеф Клеменс Гинятович Косьчеша Пилсудский (1867–1935) не интересовался эт-

¹Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku. F.H. Duchinińskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde. 1859. S. 30.

нографическими теориями, его больше привлекали социальные и революционные идеи, поэтому он в 1884 г. «назвал» себя социалистом и поставил главной целью жизни физическое уничтожение русского государства с последующим восстановлением на его обломках новой Польши, доминирующей в Центральной и Восточной Европе.

Основатель польской армии и будущий диктатор возрожденного польского государства, Пилсудский был «всего лишь» членом ЦРК подпольной Польской социалистической партии (ППС) и редактором ее печатного органа «Рабочий», в котором поместил свою статью «Россия» (1895). В этой статье он изложил свои негативные взгляды на Россию, которых затем не менял. Суть их сводилась к следующему. Национальный характер и русскую историю, по Пилсудскому, определило долгое и тяжелое монголо-татарское иго, привившее за несколько веков русскому народу дух рабства, покорность власти и безропотность перед ударами судьбы¹. Рассмотрев положение всех классов российского общества, Пилсудский пришел к выводу о том, что «границы между классами расплывчаты, и, имея рабское прошлое, они (классы. — *Авт.*) не обладают традицией политической борьбы и способностью к сплочению, к созданию политических партий. Единственная сплоченная сила в России — масса чиновников, эта армия самодержавия. Это также единственная сознательная сила»². Надежды на русский пролетариат у Пилсудского абсолютно нет, а силой, способной разрушить самодержавие становится ... население покоренных царизмом стран: поляки, литовцы, латыши, русины (т. е. народы, занимающие территории, принадлежащие в прошлом Речи Посполитой)³. Итак, все вернулось на круги своя — и у не любящего этнографии революционера Пилсудского цивилизационное превосходство поляков (а также соприкасавшихся когда-то с поляками народов)

¹ *Piłsudski Józef. Wybór Pism / Wstęp Włodzimierz Suleja, Krzysztof Polechoński. Wybór i opracowanie Włodzimierz Sulej. Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich — wydawnictwo. 1999. S. 8.*

² *Piłsudski Józef. Op. cit. S. 16.*

³ *Ibid. S. 18.*

предопределяет их главенствующую роль в будущем разрушении «варварской» России...

* * *

В правительственной политике и в политической публицистике второй половины XIX века тесно связанным с польским вопросом в «балтийско-польский узел» оказался остзейский вопрос¹. Связь польской «интриги» с сепаратистскими устремлениями остзейского дворянства для русских консерваторов-патриотов была очевидна. Очевидным для них было и то, что в основе этих устремлений, в конечном счете, оказывалась русофобия.

Всегда тяготевшие к Пруссии остзейские бароны составляли верхушку общества в «Остзейском крае» — Прибалтийском крае, который с 1801 по 1876 гг. включал в себя три про-

¹ Очень хорошо об этом писал И.С. Аксаков, указывая на то, что трудно не заметить аналогию «польского и немецкого дела» — схожесть поведения поляков в Западном крае и немцев в Остзейском крае Российской империи бросается в глаза. Во-первых, «как в северо-западных губерниях поляки, так и в Балтийском поморье немцы — пришельцы и не принадлежат к туземной национальности края»; во-вторых, «как там, так и здесь немцы и поляки — господа в крае, в котором представляют значительное меньшинство»; в-третьих, именно в их руках «сосредоточена поземельная собственность, социальные привилегии и все средства давления на непольские и ненемецкие массы народа»; в-четвертых, в их среде господствует «стремление в Северо-западном крае — ополячить русских и литовцев, а в балтийских губерниях — онемечить латышей и эстов»; в-пятых, «способы претворить туземную народность в польскую и немецкую — употребляются почти одинаковые: религия, школы, соблазны житейских выгод, угрозы, насилия, гонения, унижения...»; в-шестых, «высшие классы, составленные из людей чуждой краю национальности, т. е. из поляков и из немцев, — заслоняли, а в Балтийском поморье продолжают заслонять и теперь, массы сельского населения от верховной русской власти»; и, наконец, в — седьмых, «в этих массах угнетенного сельского населения — глубоко вкоренена национальная вражда к своим насильникам — к польским панам и к немецким рыцарям, — живет искреннее влечение к России, искренняя вера в Русского царя...» (см.: Аксаков И.С. Еще о драгоценных откровениях г. фон-Бокка // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. 81. Подобные аналогии, как считает Аксаков, полезны, так как предостерегают русское общество о новой, подобной польской (восстание и т. п.), опасности (с. 82)).

винции — Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, соединенные в отдельное генерал-губернаторство Российской империи. В этом крае существовал «особый режим», отличный от системы общероссийской государственности и характеризовавшийся господством немецкого языка, лютеранства, особым сводом законов, судопроизводством, управлением и т. д. Особый режим в крае сложился исторически и первоначально оформился в 1640-х гг., когда шведами был утвержден особый порядок управления и установились сословные привилегии для остзейских дворян, а после завоевания края русскими войсками был подтвержден властями России. Все это делало край, по выражению И.С. Аксакова, «музеем исторических редкостей социального и общественного устройства»¹. В общественно-политической лексике того времени даже слово «остзеец», означавшее «прибалтиец», «немца», имело также коннотацию «сторонник “остзейского режима”». Иронизируя по этому поводу, корреспондент одной из русских газет предлагал: «Не следовало ли бы употреблять название “остзеец” лишь для людей, всеми силами стремящихся к сохранению средневековых предрассудков?»².

Социально-политическая суть «остзейского» или, как его обозначали в правительственных документах, «балтийского» вопроса, сводилась к коллизии, связанной с двухмиллионным коренным населением края — латами и эстами, которых, с одной стороны, насильственно «онемечивало» остзейское меньшинство и лютеранская церковь при полной идеологической и пропагандистской поддержке со стороны Пруссии («Почти ежедневно, — указывал И.С. Аксаков, — в большей части прусских газет, помещаются статьи, проповедующие крестовый поход на Россию из-за братьев немцев, то есть из-за немецкой колонии в

¹ Аксаков И.С. По поводу введения русского языка в присутственные места Остзейских провинций // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М., 1887. С. 15.

² Кронштадтский вестник. № 115. 9.X.1863. С. 458. Газета патриотического направления (главный редактор Петр Дмитриевич Рыкачев) выпускалась в Кронштадте морскими офицерами, начиная со 2 июля 1861 г. вначале два, а с 1862 г. — три раза в неделю.

180 тыс., угнетающей 1 600 000 ненемецкого населения». У Погодина цифры немного другие, но пропорция 1:10 сохранена: «Немцев... в крае меньше 200 тысяч, а Латышей и Эстов более 2-х миллионов»¹), с другой — стремились обрусить и прорусски настроить центральная власть и православная церковь.

Пик обсуждения этого вопроса пришелся на вторую половину 1860-х гг. по ряду причин. Во-первых, именно в это время ясно обозначились политико-культурные противоречия романского, германского и славянского миров, наметилось противостояние немецких (или скорее прусских) и русских политических интересов. Польское восстание дало импульс объединению Германии под началом Пруссии («Пруссия не страна, имеющая армию, а армия, владеющая страной»²) и боязнь политической переориентации остзейцев на «фатерланд» стимулировали обострение проблемы русификации прибалтийских окраин империи. Любые шаги российского правительства по русификации вызывали бурную реакцию за рубежом. При этом, по верному замечанию современного исследователя, чаще всего получалось так, что становясь объектом идеологических манипуляций, «термин “русификация” не описывает явление, но оценивает его»³.

¹ Аксаков И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 688; Из книги М.П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 4. С. 65. А, например, Ц.Х. Виттекер приводит следующие данные: «Их (прибалтийских немцев — ред.) было немного по сравнению с общим населением — в 1850 г. 790 242 из 60 миллионов... Их дворянство, числом всего 5389 человек, происходило из тевтонских рыцарей, и российским властям они противопоставили тактику пассивного сопротивления» (Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1999. С. 226.).

² Погодин М.П. Речь, произнесенная председателем Славянского комитета, у себя дома, за обычным обедом, в воспоминание о первом Славянском съезде, 16 мая, 1871 года // Погодин М.П. Речи, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830-1872. М., 1872. С. 612.

³ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С.55. Не только противники «обрусения» и «русификации» окраин Российской империи не всегда четко понимали то, что они разумеют под этими терминами, но и у самих сторонников

Во-вторых, внутри России с новой силой проявилось влияние «немецкой партии» при дворе, которая, всячески поддерживая остзейских немцев, да и вообще иностранцев, в карьерных и имущественных делах, тем самым, по мнению многих, пренебрегала государственными интересами России. Об этой «немецкой партии» еще в 1848 г. многозначительно писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «вся русская политика и дипломатия осуществляется, за немногими исключениями, руками немцев или русских немцев... Тут на первом месте граф Нессельроде — немецкий еврей; затем барон фон Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстляндии... В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в их числе некий г-н фон Фотон, — все немцы. Барон фон Бруннов, русский посланник в Лондоне, тоже курляндец... Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин таких примеров...»¹ Немногим изменилось положение и в царствование Александра II, когда при дворе существовала целая «проостзейская» группа (министр внутренних дел в 1861–1868 гг. П.А. Валуев, министр финансов в 1862–1878 гг. М.Х. Рейтерн и др.). Такое же положение дел сохранялось и в начале царствования Александра III. Таким образом, «воздержание» русского правительства от пересмотра остзейского законодательства, объяснялось, с одной стороны, «слабым, даже до позднейших времен, сознанием национальных государственных интересов в русских правящих сферах, вследствие вольного или невольного, слепого подобострастия к «иностранной культуре»; с другой, «влиянием множества представителей при-

«обрусения» не было согласия по поводу того, что есть «русскость»: «одни отводили ключевую роль православию, другие языку и культуре, третьи — расе или крови. Как следствие, различались и представления о мерах, инструментах и задачах русификации» (Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 69).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Новый «Священный союз» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 156.

балтийского дворянства, занимавших видные места на русской государственной службе»¹.

В-третьих, в эпоху Великих реформ, либерализации общественной жизни и наметившегося подъема международного престижа России, укрепления ее целостности и роста правового порядка во внутреннем управлении, диссонансом звучали требования остзейских немцев о расширении автономии края, который, по сути, выпадал из правового поля общероссийского законодательства, так как система «остзейского права» утверждала приоритет местных законов над общими, а препятствия, чинимые деятельности в крае православной церкви, издевательства местных баронов над «туземцами», подчеркнута пропруская ориентация интеллигенции, предпочитавшей давать своим детям образование в германских университетах и не «замечавшей» русской культуры — все это будоражило общественное мнение, вызывало законное возмущение русских, опасавшихся, как писал Ю.Ф. Самарин, «признания балтийского германизма за политическую национальность»; успехов германизации «туземцев», сближения их с немцами против «русских начал» за создание особого остзейского «государства в государстве»² — т. е. всего того, что и составляло цель программы действий остзейцев. Особенное возмущение вызывало отношение к «остзейским протестантам» (выражение Тютчева³) — крестьянам, которые в 1840-х гг. в массовом порядке стали переходить из лютеранства в православие. Однако преследования со стороны остзейских баронов, у которых эти крестьяне находились в полной экономической зависимости (прежде всего изъятие земельных наделов), повлекли за собой обратный процесс. С начала 1860-х гг. в высшие административные сферы поступило

¹ Аксаков И.С. По случаю сенаторской ревизии в Курляндской и Лифляндской губерниях в 1882 г. // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М., 1887. С. 133.

² См.: Самарин Ю.Ф. Окраины России. Выпуск первый. Русское Балтийское поморье в настоящую минуту // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1890. С. 140–174.

³ См.: Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. А.И. Георгиевскому 1864–1866. 5. Ницца. 2/14 января 1865. С. 388.

множество заявлений о желании латышей и эстов вернуться к лютеранскому вероисповеданию.

При этом в самой Прибалтике и в Европе считали, что особого «остзейского» вопроса не существует. Немецкая печать старалась перевести обсуждение проблемы в плоскость национальной ненависти русских к немцам, сравнительного анализа достоинств русских и немцев как наций. Именно в таком ключе писали свои «пасквили-элегии» (М.П. Погодин) Е.П. Сиверс, Э. Каттнер, В. фон Боккидр.¹ Среди этих «пасквильянтов» особое место занимали Карл Христиан Гергард Ширрен (1826–1910) — сын лифляндского пастора, профессор, преподававший историю в Дерптском и Кильском университетах², и Юлиус Вильгельм Альберт фон Экгардт (1836–1908) — балтийско-немецкий писатель, автор работы «Балтийская провинция России» (1869, на нем. языке), уроженец Лифляндии, редактировавший сначала газеты в Риге, а затем перебравшийся на службу в Гамбург и даже ставший германским консулом в Цюрихе. К ним примыкал дерптский уроженец Виктор Амадеус Ген (1813–1890), которого в бытность его библиотекарем в Санкт-Петербурге называли просто Виктором Евстафьевичем.

¹ Сиверс — правнук адмирала петровских времен, окончивший Дерптский университет, в 1860-е гг. выступил с рядом критических статей в «Baltische Monatschrift»; Каттнер — выпустил труд «Призвание Пруссии на востоке», в котором доказывались права Пруссии на Прибалтику и живописалась «будущность немецких остзейских провинций под прусским господством»; бывший вице-президент лифляндского гофгерихта (высшего суда) фон Бок издавал в Берлине на немецком языке «Лифляндские сообщения», где «сравнивал старорусскую партию, к которой он причислял и Самарина, со стрельцами и весьма недвусмысленно рекомендовал против нее крупные меры Петра Великого» (Суворин А.С. Юрий Федорович Самарин. Литературный портрет // Суворин А.С. Труды и дни. М., 2004. С. 121).

² Профессор русской истории, автор многотомного издания «Исторические истоки крушения Лифляндской независимости» (Ревель, 1861–1881) и других книг — Ширрен — на русском языке не опубликовал ни одной работы. Лекции его в университете отличались тенденциозностью. Они читались на немецком языке, для немцев и превозносили все немецкое в истории России. После его отставки в 1869 г. лекции по русской истории в Дерптском университете стали читать на русском языке, а сам Ширрен покинул Россию, жил в Дрездене и в 1874 г. занял кафедру всеобщей истории в Кильском университете.

Антирусские писания этих авторов во многом были ответом на специальные работы Ю.Ф. Самарина. Попав в 1847 г. по делам службы в Ригу в составе комиссии МВД по ревизии городского управления, Самарин два года провел в Прибалтике. Изучив городские архивы, он написал историю Риги (издана в 1852 г. в Петербурге под названием «Общественное устройство г. Риги»). В своих «Письмах из Риги» (1848) Самарин первым в русской печати дал развернутую историко-политическую характеристику Остзейского края, поднял вопрос об отношении прибалтийских немцев к России, нарушениях прав местного населения и русских людей в крае (за что был на 12 дней заключен в Петропавловскую крепость), а затем всесторонне исследовал этот вопрос в выпусках «Окраин России», изданных за границей в 1868–1876 гг., сформулировав задачу российской политики в Прибалтике: опека и поддержка дружественных России элементов — латышей и эстонцев, освобождение их от немецкого влияния.

«Ответом» на первые выпуски «Окраин России»¹ и была брошюра Ширрена «Лифляндский ответ господину Юрию Самарину»². В ней, самаринскому воспеванию «инстинктов русского народа» Ширрен противопоставил «право своей страны». Именно ее принято считать апофеозом проостзейской публицистики. Ширрена поддерживал Экгардт, выпустивший в 1869 г. за границей немецкий перевод книги Самарина с тенденциозными комментариями³. Он же в Лейпциге в 1871 г. издал сборник «Младорусский и старолифляндский. Политические и культурно-исторические сочинения фон Юлиуса Экгардта», выдержавший в течение года два издания. В вошедшей

¹ Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Выпуск I. [Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую часть)]. Издание Ю. Самарина. Прага: типография д-ра Ф. Скрейшовского. 1868. Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Выпуск II. [Записки православного латыша Индрика Страумита. (1840-1845)]. Издание Ю. Самарина. Прага: типография др. Э. Грегера. 1868.

² Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin von C. Schirren. Dritte Auflage. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1869.

³ Samarin J. Anklage gegen die Ostseeprovinzen Russlands / Übersetzt und commentiert von J. Eckardt. Leipzig, 1869.

в этот сборник работе «Новая русская эра», Экгардт «кратко» знакомит европейского читателя с историей национальной идеи в России со времени Петра Великого. Основной рефрен этого псевдонаучного труда (он переполнен историческими ляпами и пугающими фразами — «злбно ненавидели», «зловещее молчание», «яростная враждебность» и т. п.) прост — если французы «подарили» России «полукультуру», царившую в «высшем обществе» смесь французских обычаев с «нижегородскими», против которой резко выступали русские патриоты (Карамзин, Пушкин, Грибоедов и др.), то немцы, немецкое просвещение, немецкое образование, философия и т. п., наконец, немецкие администраторы — именно они пытались цивилизовать варварскую Россию — империю «военного абсолютизма», служили главным элементом Просвещения в этой стране «безмолвного раболепства».

Что касается Виктора Гена, то в своих зарисовках нравов русских и характеристиках русской души¹ он добавил собственную немалую ложку дегтя в карикатурное описание немцами «рабской» России и «умственно отсталого» русского народа². Русские, как считает Ген, промежуточный результат перехода от татарских племен к европейцам, о чем свидетельствует их рабско-татарская натура. Нравы русских отвратительны, как и их вульгарный облик. Русские — дикари, ленивые, легкомысленные, без совести и чести, всегда пьяные, сексуально невоздержанные, носящие вонючую, грязную одежду, посещающие такие отхожие места, при одном виде которых пробирает дрожь. Вся национальная жизнь в России — помойная яма, а все, что есть хорошего и полезного — выучено или позаимствовано у других народов, прежде всего у немцев, которые и призваны руководить этими дикарями: «Несчастный, жертвенный народ, без саморефлексии, который забывается в водке, народ, привыкший

¹ *Hehn V. De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele. Stuttgart, 1892.*

² Примечательно, что Ген почти двадцать лет исправно служил русскому государству, получал награды и вышел в отставку в почти генеральском чине действительного статского советника.

за многие столетия к побоям, издевательствам, к порке розгами и кнутом, к зуботычинам и пощечинам, народ с азиатской доблестью смирения, без опоры, без своей собственной созидательной силы, народ, который с рождения чувствует себя уверенно, если ему приказывают и надо быть послушным, народ, с которым все можно сделать приказом и розгами, которого страхом и взмахами кнута, этим идеальным, обезличенным оружием повелителей, варягов, немецких знатоков строя, можно принудить к героическим подвигам, даже к гениальными деяниям»¹.

Что в писаниях балтийско-немецких публицистов вызывало категорическое неприятие русского общества? Во-первых, защита давно устаревших привилегий, противоречащих смыслу общероссийских реформ 1860-х гг. Во-вторых, «германизация» остзейского края², немечение «туземного населения» — русских подданных и противодействие русификации, под которой подразумевалось введение русского языка в систему управления, судопроизводства и образования (чтобы «русская власть говорила по-русски») и поддержка православия в крае, являющемуся частью России³. И, в-третьих, привлечение остзейцами

¹ *Hehn V. De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele. Stuttgart, 1892. S. 40.*

² Так, Аксаков заявлял: «не существует ни вражды, ни ненависти в русском обществе к людям немецкого происхождения, ни стремления к нивелировке или сплаживанию всех живых оттенков и особенностей незначительной немецкой части прибалтийского населения». Суть проблемы сводится к тому, «следует ли допустить полную германизацию» 1 700 000 жителей края или следует «заботиться об известной степени их обрусения», в виду того, что германизация края с неизбежностью, как подчеркивает Аксаков, повлечет то, что Прибалтика станет частью Германии. Ответ для российского гражданина очевиден (см.: *Аксаков И.С. По поводу статьи «Северной Почты» об отношении русской печати к прибалтийскому вопросу // Аксаков И.С. Полн. собр. соч., Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. 55–56).*

³ Например, Погодина возмущало то, что русские дворяне, купцы и ремесленники в крае не могут пользоваться правами, какие имеют остзейские немцы, что латышские и эстонские крестьяне не имеют прав на землю и на свободу вероисповедания, что, главное, русский человек там «должен скрывать свое происхождение» и говорить на немецком языке не только в обиходе, но даже в суде и других присутственных местах. Последнее обстоятельство выглядело

заграничной (по преимуществу немецкой) прессы с целью сформировать общественное мнение в Европе неблагоприятное для России и оказать давление на правительство.

Универсальную формулу преодоления «племенного антагонизма» немцев, латышей, эстонцев и русских в Прибалтийском крае в свое время вывел Аксаков: «Примирение этих враждующих народностей может состояться лишь на нейтральной почве — их общего подчинения единому русскому государственному началу»¹. Разъясняя существо формулы, он в 1885 г. пишет о том, что «единственный справедливый способ уравновесить взаимные отношения трех или четырех в крае народностей, это — подчинить их общему имперскому праву, признать для них обязательным общий государственный язык и общие государственные законы, не касаясь ни их веры, ни народной индивидуальности»². В целом же, источником силы Российской империи, считал Аксаков, являются не Остзейские провинции, ни Польша и ни Финляндия, как бы ни были они крепко связаны с Русью, а настоящая Русь — «живое, цельное тело, а не мозаичная сборка иноверцев и иноплеменных. К этому телу могут прилепляться прочие народные личности и тела, могут претворяться в его органическую сущность или только пользоваться его защитой, — но весь смысл бытия, вся сила, разум, историче-

парадоксальным в свете того, что распоряжением правительства 1850 г. о переводе ведения официальной документации в крае на русский язык, именно русский становился языком «присутственных мест» Остзейского края и должен был быть средством коммуникации в общественной сфере. Однако до конца 1860-х в крае это и многие другие решения правительства, при попустительстве (тогда говорили «либерализме») центральных властей попросту игнорировались (Из книги М.П. Погодина Остзейский вопрос. Письмо М.П. Погодина к профессору Ширрену // Вестник Моск. ун.-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 4. С. 71; и др.).

¹ Аксаков И.С. О том, что желательно бы иметь в Прибалтийской окраине русский, а не немецкий университет // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. 154.

² Аксаков И.С. Еще об «Окраинах» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. 167.

ское призвание, весь исторический *raison d'être* — заключается именно в *святой Руси... »*¹

Завершая характеристику русофобии XIX века, нельзя не процитировать эмоциональное восклицание Аксакова, которым мыслитель заканчивает одну из последних своих статей. Смысл и содержание следующей фразы И.С. Аксакова не только ясны, но и близки современному россиянину: «Сколько аномалий в государственном строе наплодила наша долголетняя антинациональная политика!.. Сколько еще придется разделять из того, что натворено под воздействием фальшивопонятого европеизма, гуманизма, либерализма — во вред истинным интересам русской народности, русской государственной чести и силе!»² Однако вполне уместны и мудрые слова писателя С.Т. Аксакова, который, утешая собеседников, часто говорил: «Россия такой слон, которому чем глубже дашь рану, тем она скорее заплывает жиром»³.

* * *

Составляя перечень произведений для включения в Антологию, мы оказались перед решением очень сложной проблемы выбора тех или иных текстов. Сложность эта обуславливается огромным количеством и разнообразием критической по отношению к России литературы, выходящей (и выходящей) на Западе в течение нескольких столетий. Мы остановились на работах авторов, представляющих британскую, французскую, не-

¹ Аксаков И.С. Где органическая сила России? // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 260. Однако, к сожалению, в России все произошло по пророческому предсказанию Самарина: «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиной к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. Тот день был бы началом ее разложения. В тот день возрадовались бы представители всех враждебных ей партий и народностей; Мирославский и Шедо-Феротти, Герцен и фон-Бокк забыли бы на время свои разномыслия; они сбежали бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения Империи» (Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. Окраины России. М., 1890. С. XVII).

² Аксаков И.С. Еще об «Окраинах» Ю.Ф. Самарина. Т. 6. С. 167.

³ Цит. по: Погдин М.П. О системе маркиза Велепольского. С. 453.

мецкую, польскую и прибалтийскую политическую литературу XIX века, выбрали из этих авторов наиболее известных и включили в издание самые показательные, на наш взгляд, фрагменты их произведений. Конечно же, в одной книге трудно всесторонне осветить такое многогранное явление, как русофобия. Разработка темы «русский вопрос в истории политики и мысли» предполагает дальнейшие усилия по критическому осмыслению аргументов выразителей русофобского мышления. Впереди — серьезные академические исследования самого феномена русофобии, тем более что это направление до сих пор было уделом в основном публицистики и пропаганды, активно позиционировавших различного рода «фобии» и «мании» в своих интересах и целях. Вместе с тем исследование восприятия отдельных стран и народов имеет значительную исследовательскую традицию в зарубежных университетских центрах, научных учреждениях. При этом, как нам представляется, необходимо брать в расчет все “pro et contra”, т. е. мнения не только сторонников «русофобского» направления, но и их оппонентов. Это важно для того, чтобы дать более полное представление об образе России в политическом дискурсе отдельных исторических периодов.

* * *

Авторы-составители благодарят переводчиков с английского языка — Ю.В. Захарову, В.В. Сутырина, Ю.В. Устинову, с французского — Р.В. Моторнова, с немецкого — Т. Вильке, с польского — О.А. Остапчук, Д.Л. Романовского.

При подготовке текстов и составлении примечаний мы воспользовались энциклопедиями, словарями и справочниками проекта «Рубрикон», электронной факсимильной библиотекой проекта «Руниверс», электронной библиотекой старинной литературы Эстонии EEVA, а также переводами, комментариями и примечаниями к различным изданиям произведений *А. де Кюстина* — О.Э. Гринберг, С.Н. Зенкиной, В.А. Мильчиной, И.К. Стафф, А.Л. Осповата; *Ж. Мишле*, *Э. Кёрдеруа* — В.А. Мильчиной; *Г. Доре* — Л. Рофварг, И.А. Евса; *К. Маркса* — В.А. Смирновой, Б.Г. Тартаковского, А.Ю. Зубко-

РУССКИЙ ВОПРОС И ЛИНИЯ РУСОФОБИИ

ва; Ф. Энгельса — А.К. Воробьевой, Р.Г. Лебедевой, Ф.Г. Рябова, а также «Копии плана европейского господства ...» — Е.Н. Даниловой. Существенную помощь в составлении комментариев оказали И. Дец, О.А. Остапчук, П.И. Талеров, Д.Л. Романовский, в подборе и обработке иллюстративного материала — Б.С. Котов, О.Д. Тальская. Им — огромная благодарность.

Издание не состоялось бы без помощи президента Открытого акционерного общества «Транснефть» Николая Петровича Токарева. Участники проекта выражают ему глубокую признательность за проявленный интерес и поддержку усилий нашего коллектива по подготовке к печати этой книги.

*канд. полит. наук А.В. Мыркова, канд. филос. наук З.Н. Осадченко,
канд. полит. наук Н.Р. Сетов, канд. полит. наук О.Е. Сорокопудова,
канд. ист. наук А.В. Топычканов, докт. полит. наук А.А. Шириняни,
докт. ист. наук А.Ю. Шутов*

A
S K E T C H
OF THE
Military and Political Power
OF
RUSSIA,
IN
THE YEAR 1817.

THIRD EDITION.

SERPENS NISI SERPENTEM COMEDERIT—NON EST DRACO.

LONDON:
PRINTED FOR JAMES RIDGWAY, PICCADILLY.
1817.

Роберт Уилсон

**ОЧЕРК О ВОЕННОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ
МОГУЩЕСТВЕ РОССИИ**

в 1817 году

Вступление¹

Спокойствие Европы было заявленной во всеуслышание целью и обещанием воинственной политики, которую Британский кабинет проводил в течение двадцати пяти лет: не того спокойствия, которое Тиберий² или Сулла³ даровал Риму, когда угнетаемые и нищие были лишены права даже говорить о своих несчастьях, но такого, которое будет результатом политики умиротворения общественного мнения и обеспечения поддержки за счет мудрого поведения всех стран, спокойствия, которое будет основано на принципах самосохранения за счет объединения власть имущих и слабых, захватчиков и угнетенных ради их общих интересов. Было бы оскорблением общественного мнения попытаться вступить в дискуссию, чтобы доказать, что это обещание было выполнено.

Где тот мир и все сопутствующие блага?

Какие ошибки были исправлены за счет бездушного акта справедливости?

Какие пожелания были удовлетворены за счет щедрости власти?

Даже самые смелые и решительные испуганы вспышками народного негодования. Муки страдающего народа сопровождаются отчаянием столь ужасным, что оно способно заставить задуматься даже самых глупых, а мыслящих — задрожать.

«Мы пережили страдания, не обретя мудрости» и, покуда недавние сражения были жестокими, есть слишком много причин полагать, что «наша битва не закончена», что будут и другие сражения, которые, начавшись однажды, не смогут быть завер-

шены при помощи компромисса, поскольку прежние разочарования придадут враждующим сторонам беспримерную жестокость, не допускающую никакой пощады.

Однако автор не предлагает обращать большего внимания на моральное состояние Европы, чем это нужно для того, чтобы обозначить свою позицию, состоящую в том, что Россия, выиграв от событий, обрушившихся на Европу, получила не только большой доступ к ресурсам, позволяющим сохранять доминирование, но и целый ряд владений от своих соперников. Это может показаться хвастовством, но предсказание относительно именно такого развития событий было сделано тогда, когда гороскоп для России не казался сторонним наблюдателям столь радужным. Предсказание же исполнилось настолько точно, что отрывок из него стоит процитировать.

«Когда Царь и Консул выдвинут вперед свои легионы для смертельной схватки, от посредничества, вооруженных союзов, беспристрастных конвенций и демаркационных линий не будет никакой пользы. Эти державы не привычны к кабинетным войнам и придворному этикету на поле битвы.

Вторжение других государств может ускорить их собственное подчинение, но не в состоянии предотвратить их судьбу. Лидеры России и Франции встретятся практически в центре мира: объект их ссоры — не отдельная епархия, не те, кто будет служить мессу на латыни или возносить молитвы на греческом — они будут сражаться за обладание Геллеспонтом и Босфором⁴, двумя постами, на которых стоит ныне зависимая империя нашего Западного полушария⁵. Эти противоборствующие стороны не удовлетворятся коротким столкновением и затем взаимным отступлением, они не будут сражаться ради территорий. Лишь один победитель останется на поле брани и получит власть над Миром»!* [...]

Англия бросила все свои ресурсы на то, чтобы устранить угрозу со стороны одного влиятельного соперника — Франции. В то же время Россия, выиграв в результате этого, достигла такой

* *Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force, of France and Russia.* Hague, 1803. — Здесь и далее прим. Уилсона.

вершины, которую никогда не смогла бы взять Франция. Америка же, обогатившись за счет войны, стала морской державой, угрожающей занять главенствующее место на море и начать пускать свои корабли по каналу связи с Индиями.

В дополнение ко всему этому можно сказать сверхъестественному воплощению, напитанному активной жизнью, смертельной для континентальных амбиций Англии и настаивающей для ее морского превосходства, Франция пораженная, но все еще опасная, доведенная до состояния сильной озлобленности, предложила свои объятия тому, кто поможет ей осуществить месть.

Таким образом, вместо одного соперника Англия была вынуждена противостоять трем, подпитываемым духом враждебности, наполнившим мир. [...]

В этой работе не делается попыток опубликовать новые факты. Единственная задача — выявить правду, соотнеся с уже известными фактами, и ничего кроме правды. Больше информации, возможно, будет дано для того, чтобы прояснить и удостоверить несколько утверждений, но неприкосновенность принципа конфиденциальности накладывает ограничения.

Короли, министры, политики и генералы могут быть довольны или разочарованы, но историк должен отказаться от любой предвзятости или неприязни. Он должен сказать *Tros*, *Tyrtiusque*⁶ и т. д. Но поскольку он не обязательно должен избегать нанесения обид, выполняя функции исследователя и писателя и фиксируя различные операции, что требует беспристрастности при похвале или критике того или иного персонажа, он должен быть готовым столкнуться с недовольством властей, чью гордость оскорбили, и преступников, остро переживающих любые упреки.

Сейчас такие времена, что те, кто мог бы спасти свою страну, должны принять на себя удар, не думая о собственной безопасности, и быть готовыми вместе с римским оратором воскликнуть:

*Quinetiam corpus libenter obtulerim si repreaentari morte med libertas civitatis potest, ut aliquando dolor populi Romani pariat quod jamdiu parturit*⁷.

Кто-то скажет, что с такими эмоциями и такой похвалой имя автора также должно быть написано на титульной странице, так что оно появится (невзирая на то, что к принципу *ignotum pro magnifico*⁸ редко относятся благосклонно), если этикет литературного поединка с анонимным чемпионом не требует закрытого забрала. Но никакие мотивы, связанные со страхом, не приведут к удалению подписи и попытке скрыться или участвовать в поединке под вымышленной личиной. Автор всегда готов отстаивать перед несогласными коллегами при свете дня все те утверждения, предположения и мнения, которые содержатся на этих страницах.

Все попытки влиять на судей незаконны и являются признаками плохих мотивов или страха, но все же можно надеяться, что глаза критика не заметят некоторых недостатков стиля и языка: манера изложения взывает к милосердию — содержание книги оспаривает претензии на награду.

Очерк и т. д. и т. д.

Весьма необычная статья появилась в журнале «Frankfort»⁹, снабженная некоторыми наблюдениями, требующими внимания.

Вся статья приводится здесь как основа для исследования и последующих рассуждений:

«Кажется необходимым, чтобы Европа знала о существующей для нее угрозе. Эта угроза исходит и будет исходить не от Англии, Франции или Австрии. Она будет исходить с севера — от России. Россия — это держава, жаждущая занять самое высокое и диктаторское положение, которые было у Франции в период тирании Бонапарта. В связи с этим она сделала все возможное, чтобы помешать союзу между Англией и Нидерландами путем организации брака между двумя семьями и объединить Оранскую династию (House of Orange) с российской императорской фамилией¹⁰. Ради этой цели она организовала брак короля Вюртембергского с герцогиней Ольденбургской¹¹. Ради этой цели она связала себя также за счет брачных уз с династией Бранденбургов. Именно поэтому она не слишком возражает против пре-

тензий иностранных пасквилей против Англии, поскольку они могут ослабить почитание и уважение к этой великой нации. Она не против постоянных нападков и на правительство Франции, которые сохраняют ощущение смятения и тревоги внутри всей страны. Она рассчитывает рассорить Англию и Францию, поощряя их взаимные претензии и неприязнь» (“Frankfort”).

«Мы склонны отдать должное автору этой заметки в “Frankfort” за искренность его опасений, но мы не разделяем их, и не рассматриваем происшедшие события с той же точки зрения. Прежде всего он слишком склонен основываться на процессах и последствиях семейных союзов. Опыт истории показывает нам, насколько мало значимыми они становятся, когда приходится делать выбор между ними и каким-либо предпочтительным политическим планом, или амбициями, или славой. Мы не знаем и нас не беспокоит, какую роль сыграла Россия и сыграла ли она ее вообще, в разрыве брака между семьями Брауншвейгов и Оранских¹², поскольку союз между брауншвейгской и саксонской династиями полностью устроил население этой страны, и, безусловно, не найдется ни одного принца, чьи манеры были бы более достойными, чем манеры герцога Саксен-Кобургского¹³.

Данное мнение относительно влияния брачных союзов в целом между правящими династиями относится и к другим бракам, о которых рассуждает корреспондент “Frankfort”. В частности, Вюртемберги! Какое влияние и какой вес может иметь эта династия в масштабах европейской политики? Что касается иностранных пасквилей в адрес Англии, мы не удивлены, поскольку они написаны печально известными якобинцами. Более того, мы намерены пойти дальше и заявить, что мы это заслужили. Мы поставили их на место, и их пасквили и наветы являются продуктом мести и разочарования. Но нас всегда удивляло то, что они остаются безнаказанными. Безусловно, ни одна держава в Европе не обязана Англии столь многим, как правительство Нидерландов. В большей степени в результате влияния этой страны объединение Соединенных Провинций с Нидерландами привело к укреплению на троне династии Оранских¹⁴, что стало одним из самых мудрых политических решений. Было бы абсурдно предполагать,

что королевство Нидерланды могло бы высказывать претензии на величие, которые имеет Россия, или заключать какой-либо наступательный союз с ней против Франции и Англии, поскольку такая политика лишь объединит обе эти страны против нее. Да и какую пользу для нее может иметь Россия, расположенная столь далеко? Кроме того, нужно принять во внимание, что разработка такой политики не будет оставлена без внимания со стороны Австрии. И при таком положении дел, о которых пишет корреспондент "Frankfort", будет нетрудно найти занятие и для Турции. Но повторим, что считаем опасения корреспондента "Frankfort" надуманными. Мы не верим, что Россия имеет такие намерения. То, что раньше могло показаться невозможным, сейчас не только возможно, но очевидно и реально. Англия и Франция поняли, что в их интересах образовать крепкий и сердечный союз, и, пожалуй, мы рискнем утверждать, что в Европе больше нет таких двух дворов, между которыми установилось такое взаимопонимание. Австрия также прочно связана с ними обеими. *И теперь мы с удовольствием спросим, что любая другая держава или все вместе взятые могут предпринять против союза Великобритании, Австрии и Франции?* Маловероятно, что мир в Европе будет нарушен в скором времени. Ни у одного государства нет причин делать это, напротив, у всех есть веские причины его сохранить» («London»¹⁵).

Старинная французская поговорка гласит: «qui s'excuse s'accuse»¹⁶, и конечно, Россия должна воспринимать эту непрощенную публикацию мнения, враждебного ее деятельности, и замечаний, оскорбительных для ее могущества, как бестактный поступок, демонстрирующий зависть и страх.

Вообразить себе враждебность, а затем угрожать контролем или возмездием не только недружелюбно, но и оскорбительно. Школьники, когда драку нужно закончить, бросают какому-нибудь чемпиону: «Я слышал, ты хотел меня обидеть, но я этому не верю. Но если ты и правда хотел, я бы тебя как следует проучил». Тот же дух сопротивления охватывает их, когда люди и угроза озлобляет их больше.

Нации, как и люди, очень чувствительны к таким умышленным насмешкам. Англичане забыли, сколько шума наделала фра-

за Наполеона¹⁷ о том, что «Англия не сможет выстоять против Франции в одиночку», как она распространилась среди тех людей, которых он предполагал унижить?

Так или иначе, вопрос требует изучения, поскольку бестактность уже была допущена. И в результате беспристрастного точного анализа состояния Европы будет показано, что эта безрассудная провокация дополняется желанием сдержать угрозу.

Для этой цели необходимо сделать очерк европейской истории России.

Всего лишь столетие назад Петербург возник на месте пустынных болот, а окружающие земли были под контролем Швеции, которой при помощи союза с Польшей, королевством с семнадцатью миллионами жителей, и Турцией, обладавшей огромной властью, удалось заставить Петра Первого после его победы под Полтавой капитулировать в сражении при Пруте, выкупить свою свободу за счет драгоценностей жены и выплатить дань татарам¹⁸.

Амбиции, талант и удача Петра I возобладали, и была основана морская столица¹⁹, ставшая памятником его славы, и в то же время обеспечившая лучшую защиту для сохранения его дерзкой политики: «В природе лишь одна Россия, и у нее не может быть соперников»*.

Последующие монархи вплоть до правления Екатерины²⁰, за исключением Елизаветы²¹, чьи договоры были достойными, а войны, благодаря ее армии, славными, но не успешными, не продолжали его порыв, но они работали над консолидацией земель, которые он получил, а торговля давала дополнительные средства для достижения их целей.

Екатерина Вторая была страстным завоевателем и вдохновляла на это своих подчиненных. В империи, где основательное образование всегда оставалось без внимания, и которое сама Екатерина променяла на более привлекательные свершения, самые способные министры и непобедимые генералы появлялись будто по волшебству.

* Из речи Петра Великого после поражения шведского флота у острова Аланд в 1714 году.

Кавказ, Крым, «страна казаков»²², Курляндия и большая часть Польши были присоединены к ее владениям, при этом Суворов²³ никогда не мог привести на поле боя армию из сорока тысяч годных к службе солдат.

Размеры этого сооружения поражали воображение, тогда как расселины или трещины были также пугающе огромными. Леса все также стояли в соответствии с замыслом первоначального архитектора, но для завершения его гениального плана была необходима непрерывная череда умелых комбинаций.

Польша, будучи ключевым бастионом, соединяющим Стокгольм и Константинополь и вклинивающимся в линию обороны России, отдала благосостояние, полученное ненадежным способом, и подчинила народ беспокойному вассалу. Благоприятный момент не был упущен. Была занята наиболее важная позиция в Европе для его сохранения (чему способствовали две великие державы, пока другие были пассивными наблюдателями), и воинственная независимая нация, имевшая свой гарнизон, была расчленена, как законная добыча между претендентами на попечение о «ее безопасности и спокойствии».

Мудрая и либеральная политика Екатерины, в частности, религиозная терпимость, исполнение законов, уважение к обычаям и языку, ослабила сопротивление народа и сформировала в нем симпатию к ее правительству, что впоследствии позволило показать добровольную ассоциацию с ее империей.

Действительной целью Екатерины был Константинополь, посему она сдерживала свою враждебность по отношению к Франции, сведя ее к публикации двух манифестов, нескольким щедрым денежным подаркам для лишенной трона и экспатрированной династии, и пожалованию меча господину полковнику Вобану²⁴, который, по его собственным словам, и мнению принца Эстерхази²⁵, «принял его, как если бы был обязан никогда его не использовать»*.

* Mémoires pour servir à l'Histoire de la Guerre de la Vendée / Par M. le comte de*** [Vauban]. Paris, 1806. S. 24. «Il a reçu cette epee comme un homme qui ne s'en servira pas».

Павел²⁶, весьма бесхитростный и лишенный дара политической изворотливости, выполнил свои обещания. Тридцать шесть тысяч солдат под командованием Суворова выступили маршем в Италию²⁷, где подтвердили репутацию своего командующего; в то время как восемнадцать тысяч солдат высадились в Хелдере (Нидерланды) при неблагоприятных обстоятельствах²⁸ и в результате сильно обесценили военные ожидания России. Разочарованный и разозленный Павел объединился со своим бывшим врагом и направил свое оружие против бывших друзей. Таким образом был сформирован морской союз, а значительное число кавалерийских войск формировалось для нападения на Индию, когда недовольное дворянство и униженные солдаты восстали и прекратили его правление²⁹.

Павел был жестоким и своенравным, хотя, по словам его врагов, «по трезвому рассуждению он хотел защитить свою страну от поражения, у него был слишком экзальтированный ум, что привело к ее бесчестию».

Правление Павла было слишком коротким для развития огромных ресурсов его империи, но оно оказало важное влияние на европейскую политику России, показав, что любая часть Европы доступна для войск, переброшенных с Кавказа и из Сибири. Его проект вторжения в Индию через Персию³⁰, отвергнутый современниками как дикий и прожектерский, постепенно привлекал все большее внимание правительства и одобрение тех, кто волею судеб стал исполнителем этого предприятия.

Александр³¹ взошел на трон, располагая значительной поддержкой. Благодаря положительным личным качествам он получал расположение всех, кто его окружал, а потому от его пребывания на троне ожидали очень многого. «Телемах с Севера» не был опьянен властью, но получил наставление относительно своих обязанностей от Ментора³², обладающего знаниями и достоинством, и исполнял обязанности деспотического суверена с тем, чтобы заниматься благотворительностью на троне*.

* См. указы, касающиеся положения крепостных крестьян (slave): при продаже не переселять их с земли, избавление от смертных наказаний, редкие наказания кнутом и т. д.

Будучи противником непомерных трат некоторых своих предшественников, он урегулировал расходы на содержание своих дворцов и употребил свои богатства на полезные начинания, поощрение общественных работ, оснащение арсеналов и наращивание сил армии. Сдержанный, активный и неутомимый, он вел дела правительства посредством прямой переписки или личного контроля. Разбирающийся в статистике, топографии и знакомый с потребностями людей, населяющих его огромную империю, он пестовал всеобщее процветание за счет политики, учитывающей потребности всех и каждого.

Таким был Александр. С той же точностью можно описать, что он за человек, поскольку личный характер автократа, чья воля является единственным признанным принципом правительства, всегда должен иметь верховное влияние на меры, принимаемые и осуществляемые его кабинетом.

У Александра не было выбора кроме как заключить мир с Англией: это действительно было скрытое условие его права на наследование престола. Его чувства совпадали с его обязанностями и он выиграл от улучшения своей финансовой системы, приведя в действие многие источники богатства и силы, которые до того момента оставались нереализованными.

Несмотря на бессмысленные траты людей и денег на персидской и молдавской границах³³, на его корабельных верфях исправно строились новые суда, а на складах росли запасы для сформированных войск.

Как союзник Австрии принимая участие в разрушительной битве под Аустерлицем³⁴ (стремительно начавшейся и проигранной еще до начала сражения из-за несвоевременного маневра на флангах), Александр был, возможно, единственным человеком в своей армии, кто не спускался по Карпатским горам, отчаянно желая отыграть назад все неудачи и позор той кампании. Напряжение сил было увеличено в соответствии с необходимостью, и когда Наполеон перешел Рейн, чтобы атаковать Пруссию, сто двадцать тысяч русских солдат были брошены ей на помощь.

Битва при Йене³⁵, которая за один день уничтожила прусскую монархию и позволила французам за четырнадцать дней

донести свои штандарты до Вислы, расстроила все намеченные операции и заставила Россию обороняться на своей собственной границе, располагая пятью или шестью тысячами деморализованных наемных солдат, избежавших разгрома, вместо двухсот сорока тысяч, которые всего несколькими днями ранее были построены, чтобы с ней сотрудничать.

Битвы при Пултуске, Эйлау, Хайльсберге и Фридланде³⁶ не могли предотвратить успешное продвижение врага к Неману, и Александр, обеспокоенный сложившейся ситуацией, принял условия мира, предложенные Наполеоном³⁷, условия, которые Наполеон считал не только выигрышными для России, но и приукрашенными знаками уважения к монарху, чтобы смягчить разочарование от поражения.

Малоуспешная экспедиция сэра Джона Дакворта³⁸ и результат несанкционированного выступления британских войск из Александрии на Розетту (сама кампания против Александрии была предпринята по рекомендации российского кабинета министров), безусловно, весьма огорчили Александра и дали значительное преимущество туркам, так как привязали подкрепление к их границам, и потому Россия не могла избежать угрозы другим своим интересам. Но настоящим мотивом, побудившим его принять мир, было убеждение, что его армия слишком слаба и малочисленна, слишком дезорганизована с точки зрения элементарного расположения, чтобы защитить от вторжения польские земли, включенные в состав России, где все еще витает дух мятежа. В то же время он знал, что дополнительной помощи, о которой говорилось во время похода, не существовало, и не было двадцати тысяч солдат в резерве для защиты обеих столиц.

Мир, который привел к восстановлению на троне его союзника, хотя самый драгоценный камень короны остался в руках захватчика, уменьшил личное разочарование, которое Александр испытывал после войны. Мир, в результате которого он получил еще большую часть Польши, который санкционировал его выходы на Турцию до самого Дуная и завоевание важной части земель в Финляндии³⁹, этот мир был удачным для его политики в целом. Но мир, который дал ему время и в результате которого он дол-

жен был получить выгоду, был вкупе с опытом и полученными знаниями о несовершенствах его военной системы еще более ценен, или, по выражению самого Александра, «бесценен».

Атака на Копенгаген⁴⁰, которую Александр всегда считал правомерной (так как кронпринц Дании придерживался строгого нейтралитета и выступал против нарушения принципа — не важно с земли или с моря), давала ему предлог для объявления войны Англии. Однако вопреки складывающимся обстоятельствам он упорно придерживался политики, которая сдерживала его от выполнения столь непопулярной меры.

Захват Финляндии не имел оправдания вовсе. Но присоединение имело такое же значение для России, какое включение Нормандии в состав Англии имело бы для Франции. Последующее низложение правящей династии в Швеции⁴¹ Александр не предвидел, и будет сожалеть об этом до тех пор, пока не будет восстановлена справедливость за счет либо компенсации, либо реставрации.

Наполеон, вновь вторгшийся в Австрию, чтобы пресечь двусмысленные переговоры, поставившие его в неловкое положение после битвы при Эйлау*, а также чтобы предвосхитить враждебные намерения, призвал Россию на помощь для захвата Австрии со стороны Галиции. Ее армия прошла через эту провинцию и продвинулась к Ольмюцу, когда австрийский кабинет министров принял решение о мире и согласился дать обещание о постоянной дружбе, обещание, которое Россия, как полагают, отказалась давать после заключения Тильзитского договора⁴².

Мир принес Российской империи обширные и значимые территориальные приобретения, и хотя с того времени они были сданы, повторная оккупация состоится как только это будет удобно императору.

Оборона Галиции невозможна, так как Россия владеет герцогством Варшавским, а это шестьсот тысяч солдат и дружелюбное население, на которое нужно будет нападать. К тому же про-

* Наполеон сказал австрийскому генералу, посланному произвести рекогносцировку его войск, который приехал, когда опасность миновала: «Возвращайся и скажи своему господину, что он уже на два месяца опоздал, сейчас я готов».

винция находится между Вислой и Неманом, в данный момент под властью Пруссии, если бы Россия когда-либо приняла решение о ее захвате, а Пруссия была бы не настолько мудра, чтобы вести переговоры о уступках и контрибуции.

В России по-прежнему существуют сильная английская партия и коммерческие интересы большей части русского дворянства, которая громко роптала в связи с ущербом ее состоянию, а следовательно, общему благосостоянию империи по причине английской морской блокады. Александр, однако, упорствовал, но, памятуя впечатления от кампании на Висле⁴³, приложил все усилия, чтобы улучшить управление армией, а также увеличить ее численность.

Наполеон, который ожидал и надеялся, что война с Турцией⁴⁴ истощит финансовые и военные ресурсы России или в любом случае замедлит рост ее действующих войск, с удивлением и тревогой наблюдал за результатами административных мер Александра.

В течение трех лет Россия потеряла из своей молдавской армии, более по причине климата, чем на поле битвы, тридцать шесть генералов и сто двадцать тысяч солдат. Тем не менее армия в шестьдесят тысяч воинов, лучше чем когда-либо в истории России оснащенная, организованная и дисциплинированная, возможно, превосходившая по общему составу любую армию в Европе, стояла на Дунае и блокировала турецкую армию в Шумле (уподножия Балканских гор), защитный бастион Константинополя⁴⁵, бастион, который полководец вроде Наполеона уже давно покорил бы своим военным гением и пламенным духом победы.

Во время Персидской войны⁴⁶ ежегодно гибло от десяти до двадцати тысяч солдат, но с каждым годом российские пути сообщения (коммуникаций) улучшались, постепенно ослабляя персидскую границу.

Вместо одной ослабленной армии на Немане было построено в три линии войско в сто восемьдесят тысяч человек, способное отбить любую атаку, и другой значительный отряд войск располагался в Финляндии. Все арсеналы были заполнены, полторы тысячи орудий было на поле битвы, в каждой провинции

готовились рекруты, и народное ополчение формировалось по всей империи.

Наполеон, никогда не забывавший битвы при Эйлау и военные качества русской армии, понял, что пришло время, когда Россия либо займет позицию, соответствующую его устремлениям, а именно созданию такого устройства Европы, которое при стратегических выгодах ее расположения и многочисленности населения гарантировало бы ей руководство континентом; либо Россию следует разгромить, вытеснить, победить и ослабить, чтобы она вновь стала не более чем азиатской державой. Он выбрал момент для начала такой операции, поскольку опасался, что Россия может победить турок и заключить мир, а Англия в этом случае благодаря своим посредническим услугам усилит свое влияние. Вероятно, он также имел основания подозревать, что характер затянувшейся войны в Испании вызывал враждебные чувства у вынужденных союзников, толкая их на объединение в союзы, диаметрально противоположные по сопротивлению и поддержке.

Вопреки советам многих его лучших чиновников и политиков он отказался дополнительно направить восемьдесят тысяч солдат, чтобы завершить завоевание Пиренейского полуострова и вызвать отвращение английской нации континентальными войнами, разрушив надежды, так сильно вдохновляющие и так дорого стоящие. Он всегда отвечал, что самым благоразумным было оставить английскую армию воевать в стране, удаленной от той, где она, по его мнению, могла принести больший вред его интересам.

Находясь во главе армии из более четырехсот тысяч человек, Наполеон обвинил Александра в нарушении договоров и потребовал их обновления.

Результат кампании хорошо известен, но действительная история всех операций, представляющая большой интерес для политика, солдата и философа, все еще скрыта от мира.

Здесь можно официально заявить лишь о том, что вопреки неожиданному заключению мира между Турцией и Россией⁴⁷ и невероятной враждебности Швеции, колоссальный проект На-

полеона был выполнен во всех тех пунктах, которые, как и предполагалось, представляли непреодолимые препятствия к его успеху.

Оккупировав берега Двины и Днестра, он тем самым обозначил, что восстановление Польши возможно, а его наступление на Москву, чего требовало тщеславие, чтобы закрепить успех, уже стало операцией, которая могла быть осуществлена без какого-либо напряжения или неудобств, если бы политические спекуляции не заставили задержаться в этой столице больше чем на двадцать дней.

Можно восхвалять Наполеона или порицать его имя, но ему противостояла героическая армия и отважные люди — армия, преданности которой он сам воздал должное, описав войска, погибающие под его огнем, как «не желавшие отступить, но не способные остаться». Но факт, что от недостатка энергии в управлении российскими [военными] действиями и решениями не сосредоточиваться и не наносить главные удары по вражеской пехоте на марше, французская армия восстановила бы свои позиции на Двине и Днестре без серьезных потерь, если бы не внезапный сильный мороз и полное пренебрежение снабжением подковами, предназначенными для того климата, за исключением подков собственной лошади Наполеона, которые из-за предосторожности сохранил генерал Коленкур^{*48}.

Утвердившись однажды в таком образе мыслей, зима могла бы стать совершенно безопасной, если бы Австрия внушила страх в эффективной кооперации, а все ресурсы Польши были бы использованы в наступающей кампании.

В современной истории больше не было такой кампании, когда все участники так часто имели возможность одержать

* Во время отступления за один дукат, стоящий тогда один фунт стерлингов, с благодарностью покупали простую подкову даже в российской армии. Русские лошади в собственной стране всегда имеют грубые подковы, чтобы быть готовыми к морозам. Непригодная французская артиллерия и кавалерия не могли занять позиции, необходимые для защиты войск, а на марше и ночном отдыхе не были обеспечены провизией и фуражом, разве что в городах и селах, расположенных по дороге. Временные трудности, но определенно они были реальной причиной бедствий, которые обрушились на французскую армию.

верную победу и добиться полного поражения оппонента без какого-либо риска и потерь.

Колебания [военных] советов в моменты операций заставляли отступить из укрепленного лагеря под Дриссой и в других случаях и почти без дискуссий отказываться от прав на обширные территории между Неманом, Днепром и Днестром.

После битвы под Смоленском⁴⁹ (в которой поляки прославили себя отважным захватом предместий города) и добровольной сдачи города, причем врагу не пришлось ничего предпринимать чтобы занять город и заставить дополнительные войска отступить, русская армия была вытеснена на прилегающую дорогу с шестьюстами единицами артиллерии и не могла добраться до главной дороги на Москву. Войска были вынуждены двигаться по узкой дороге с большим трудом, тогда как французская армия, уже пересекла реку^{*50} и приближалась к тому единственному месту, где русские могли выйти на открытое пространство**. Герцог д'Абрантес (Жюно)⁵¹ остановился на расстоянии полумили, что позволило русским подтянуть отставшие отряды к опасному месту^{***52}. В результате, как верно заметил Наполеон, он упустил «наиболее благоприятный момент в его (герцога и, можно добавить, самого Наполеона) жизни».

В Бородино, как и в Ватерлоо⁵³, фронт шел на фронт, человек на человека, каждый солдат должен был проявить отвагу. Исход зависел от боевых усилий, а не от сложных маневров или прихотей фортуны. Пример командира, заряд пороха, натиск, отпор и удержание позиций — вот единственная тактика, перекрестный огонь артиллерии — единственная стратегия. Но по-

* Корпус Багратиона, спасшийся благодаря исключительным усилиям и некоторой фортуны от армии Даву, направленной для того, чтобы перехватить его, находился на этой дороге и получил приказ, без информирования солдат отступить к Дорогобужу, чтобы вернуть корпус и прикрыть операцию обходного марша, как было запланировано.

** В английском нет достаточно точного военного термина, который означает «вылезти из горлышка».

*** Принц Вюртембергский, дядя Александра, своими усилиями, предпринятыми по этому случаю, думал получить большое вознаграждение за спасение русской армии, однако отвага принца Евгения Вюртембергского, его племянника, командующего корпусом, прибавила [эти заслуги] к своей чести.

сле вынужденного отступления, связанного с потерей батареи, прикрывавшей всю левую и часть центральной позиции, после взятия Москвы, во время которого происходили весьма любопытные события, до сих пор неизвестные миру, когда в течение двенадцати дней разрозненная и измотанная русская армия кружила по дымящимся руинам своей столицы в попытках вернуть калужскую дорогу, в этой ситуации колонны подставили свой фланг под удар французской армии, обеспечив ей беспроигрышную абсолютную победу*.

Если бы Наполеон на второй день после битвы под Малоярославцем, принесшей славу принцу Евгению⁵⁴ и его итальянской армии (говоря без всякой предвзятости о принимавших в ней участие русских войсках), выдвинул свой авангард вместо того, чтобы пытаться вернуть московскую и смоленскую дороги, вся русская армия, подчиняясь ранее данным приказам, уже отошла бы за Оку и оставила Наполеону безопасную линию для марша по повторному захвату Польши.

С другой стороны, в битве под Тарутино⁵⁵, где Мюрат⁵⁶ (как сказано в его докладе) позволил застать себя врасплох, ни один человек из его армии не смог бы спастись, если бы операции генерала от кавалерии Беннигсена⁵⁷ [...] были активно поддержаны шестью тысячами солдат. [...]

Под Вязьмой⁵⁸, где в течение всего дня генерал Милорадович⁵⁹, командовавший одним корпусом русской армии, сражался и одержал убедительную победу над тремя французскими корпусами, когда основной состав русских стоял биваком на расстоянии слышимости выстрела ружей и не дальше, чем в четырех часах марш-броска для пехоты, французская армия могла быть разгромлена!

Под Красным⁶⁰ русская армия численностью сто десять тысяч человек, располагая мощной кавалерией и артиллерией, тихо

* Начиная от Смоленска все население страны, брошенное своей армией на произвол судьбы, разместило своих жен, детей и основное имущество на телеги (каждый крестьянин имеет, по крайней мере, одну) и присоединилось к колоннам, увеличивая беспорядок и нужду. В конце концов армия превратилась в бродячий народ.

наблюдала за двадцатичетырехчасовым маршем французской армии по границе ее фронта до тех пор, пока не скрылся из виду аррьергард*. Война могла бы завершиться.

Беннигсен, Строганов⁶¹ и Голицын⁶² начали атаку, поскольку больше не могли отказываться от этой возможности. Французская армия не располагала кавалерией**, у них не было ружей***, а пехота из-за отсутствия боеприпасов не могла вступить в сражение, конечности многих солдат были отморожены, а голод истончил их настолько, что, по меткому выражению одного из казаков, «Стыдно смотреть, как эти скелеты уходят от своих могил».

Под памятным Красным на третий день маршал Ней⁶³ принял сражение, которое по ярости атаки и неустрашимости защиты можно назвать «битвой героев». С поля этой битвы маршал собрал оставшихся в живых и, переправившись через Днепр, добрался до расположения армии Наполеона****. *Вся российская армия остановилась на привал***** и выставила караулы, чтобы противостоять его колоннам и мешать его отступлению*, — благоразумная диспозиция без отказа от преследования наполеоновской армии неизбежно привела бы к пленению целого корпуса.

На реке Березина Наполеон, чьи войска были усилены отрядами маршала Удино⁶⁴, встретил лишь восемнадцать тысяч солдат под командованием адмирала Чичагова⁶⁵, которые охраняли берег реки длиной в тридцать миль. Затем появились войска Витгенштейна⁶⁶, чтобы принять участие в последовавшей трагедии

* Там было несколько частных столкновений отдельных корпусов перед французскими войсками, направленными против их позиций, но не было генерального сражения.

** Кавалерии действительно больше не было — лошади едва двигались.

*** На дорогах было множество оврагов, склоны которых были скользкими, как стекло. В этих ложбинах французы бросали свои ружья.

**** Наполеон, узнав о действиях Нея, перед его появлением сказал: «Я бы дал десять миллионов за его спасение».

***** Привал, который приспособил Наполеон для перехода через Борисфен, или Днепр и Березину. Французская армия переправилась через вышеупомянутую реку у Орска и позже около Веселово, в направлении Зембина.

и присоединиться к беспрерывной погоне. Чичагов отправился в Игумен, будучи уверенным, что Наполеон движется в том направлении, но ни один солдат великой русской армии не дошел туда. В данном случае, как это было и прежде, ни один человек из французской армии не сумел бы спастись, если бы были использованы преимущества, которые давали русской армии превосходство сил, расположение, состояние неприятеля, а также доблесть и отвага русских офицеров и солдат.

Русская армия под командованием Кутузова⁶⁷, которая в самом начале преследования армии Наполеона насчитывала сто двадцать тысяч дееспособных воинов, на подходе к границе герцогства Варшавского составляла всего лишь тридцать пять тысяч солдат*. Там она была встречена гораздо большим войском под командованием австрийского генерала, которое находилось в дружественной стране, где каждый человек был солдатом, особенно нескольких тысяч поляков, спасшихся после разгрома французской армии и единственных из этой армии сумевших спасти свою артиллерию, что сделало честь их дисциплине и отваге.

Корпуса Чичагова и Витгенштейна не насчитывали и двадцати пяти тысяч солдат. Своевременное дезертирство четырнадцатитысячного прусского корпуса генерала Йорка оставило их противостоять только остаткам французской армии под командованием Мюрата и гарнизонам на Висле, которые были усилены дезертирами из России. [...] К моменту капитуляции после приступа лихорадки в гарнизонах осталось чуть более десяти тысяч человек.

У Мюрата была возможность собрать армию из сорока тысяч солдат, когда он объединил свои усилия с австрийцами в Варшаве. Русская армия, а точнее остатки армии, отступала к Неману. Потери среди русских были таковы, что подкрепление в десять тысяч солдат, вышедших маршем из Вильны, добралось в составе лишь пятнадцати сотен, причем семь тысяч из них на следующий

* Там было много рот без единого человека и много батальонов с не более чем 50 людьми.

же день оказались в госпитале, а точнее говоря, в покойничьих этого города*.

Предложение Мюрата было отклонено, тогда как австрийский генерал, к удивлению и разочарованию местных жителей, следуя приказу из Вены подписать предложенное соглашение, покинул герцогство и Варшаву.

Висла осталась позади, и, когда кампания была завершена захватом Калиша, основная русская армия, уменьшившаяся численно из-за болезней и изможденности, составляла лишь восемнадцать тысяч солдат.

Успех этой кампании для России был пропорционален потерям, понесенным неприятелем. Ее столица была захвачена, многие из ее богатых земель были опустошены и разграблены, и более двухсот тысяч солдат регулярной армии погибли, но использование всех ресурсов империи, возрождение боевого духа людей стало мощной и долгосрочной компенсацией за причиненное зло, которое будет исправлено со временем.

Наполеон получил неверную информацию по ряду пунктов, касающихся России. Он принципиально ошибался, полагая, что в России нет хороших дорог, но плотный наст снега делает поверхность твердой, что возделывание земли находится в упадке и что население России живет рассредоточенно. Однако он обнаружил прекрасные и даже более широкие дороги, чем во Франции, так что орудия можно было вести по три в ряд и с доста-

* В госпиталях Вильны было оставлено более семи тысяч умерших и умирающих, замерших и обмороженных. Их брошенные тела закрывали окна, полы и стены. В одном коридоре Великого Конвента около 15 сотен тел были нагромождены друг на друге, как свинцовые или железные болванки. Когда их наконец положили на сани, чтобы сжечь, в их позах представились весьма необычные фигуры, казалось, что они заморожены в придуманных положениях: каждый застыл в последнем действии его жизни, в последнем движении его конечностей; даже глаза сохранили последнее выражение, будь то гнев, страдание или мольба. По дорогам вокруг горящих руин домов, которые сжег бешеный дух разрушения, лежали поклеванные и объеденные сожженные тела. Тысячи лошадей стонали в агонии, с покалеченным и покромсанным мясом, желая удовлетворить свой голод, но не знали сострадания. Во многих сараях едва живые люди складывали на свои замороженные тела человеческие туши, которые отравляли живых от контакта с теплом и соединяли умирание и смерть в одну массу разложения.

точно большим интервалом между ними; земли в России были удобрены и давали богатый урожай; а провинции вокруг Москвы весьма плотно заселены, не уступая по количеству жителей любой части Европы! Он также обнаружил, что качество жилья крестьян лучше, чем он считал, они лучше обеспечены топливом, лучше одеты и питаются лучше, чем крестьяне на континенте и даже в современной Англии! Тем не менее не вызывает сомнений тот факт, что в России могла вспыхнуть крестьянская война, если бы можно было поддерживать дисциплину в разнородной армии Наполеона, чтобы избежать набегов и оскорблений со стороны французских солдат, которые вызывали раздражение [крестьян] и оскорбляли их религиозные чувства. Также верно и то, что, несмотря на эти причины, Наполеон отверг предложения об организации восстания, которые были сделаны ему в Москве.

Александр в это время проявил определенную жесткость, что расстроило все планы Наполеона и его советников. Он обязался как *правитель* и как *человек* никогда не вести переговоры с Наполеоном до тех пор, пока в его стране будет находиться вооруженная вражеская армия. Его несговорчивость и жесткость сделали бесполезными попытки переговоров, которые, как говорили, еще не приносили [ему] такого разочарования. [...]

Перевод с английского Ю.В. Устиновой

Комментарии

Роберт Уилсон

ОЧЕРК О ВОЕННОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ МОГУЩЕСТВЕ РОССИИ
в 1817 году

Уилсон (Wilson) Роберт Томас (1777–1849) — офицер связи в русской армии в 1812 г., впоследствии британский генерал, губернатор Гибралтара (1842–1849). Автор одного из первых памфлетов, в которых отразился британский взгляд на ситуацию в Европе и антинаполеоновские войны начала XIX в. — «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году». Памфлет вызвал широкую дискуссию в Англии, что способствовало избранию Уилсона членом Парламента (1818–1831).

Печатается по: [Wilson Rober Thomas] A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. 3rd edition. London: James Ridgway, 1817. P. V–VIII, XI–XII, XIII–XV, 1–37.

¹ Публикуемый фрагмент освещает события до начала Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.

² *Тиберий* — Тиберий (Tiberius) Юлий Цезарь Август (42 г. до н.э. — 37 г. н.э.), римский император, второй представитель династии Юлиев-Клавдиев.

³ *Сулла* — Сулла (Sulla) Луций Корнелий (138–78 гг. до н.э.), древнеримский государственный деятель и диктатор, известен тем, что отказался от неограниченной власти над Римом.

⁴ *Геллеспонт и Босфор* — Дарданеллы и Босфор, два пролива, связывающие Черное и Средиземное моря.

⁵ *Ныне зависимая империя нашего Западного полушария* — Османская империя.

⁶ *Tros, Tyriusque* — «троянец или тириец», фраза из «Энеиды» Вергилия (Кн. 1, 574).

⁷ *Quinetiam corpus libenter obtulerim si repraesentari morte med libertas civitatis potest, ut aliquando dolor populi Romani pariat quod jamdiu parturit* — «Более того, я охотно встретил бы своей грудью удар, если бы мог своей смертью приблизить освобождение сограждан, дабы скорбь римского народа, наконец, породила то, что она уже давно рождает в муках» (лат.). Это — фраза из Второй Филиппики М.Т. Цицерона против М. Антония (XLVI, 118, перевод В.О. Горенштейна).

⁸ *Ignotum pro magnifico* — «Неизвестное представляет великим» (лат.).

⁹ «Frankfort» — речь идет о газете «Journal de Frankfort», издававшейся на французском языке в 1816–1823 гг.

¹⁰ *Она сделала все возможное, чтобы помешать союзу между Англией и Нидерландами путем организации брака между двумя семьями и объединить Оранскую династию (House of Orange) с российской имперской фамилией* — Судя по всему, речь идет о заключенном в 1816 г. браке принца Нассау-Оранского Вильгельма (Виллема) II (1792–1849), короля Нидерландов с 1840 г., и великой княжны Анны Павловны (1795–1865), младшей дочери Павла I и сестры Александра I.

¹¹ *Ради этой цели она организовала брак короля Вюртембергского с герцогиней Ольденбургской* — брак дочери российского императора Павла I, Екатерины Павловны (в первом браке за Георгом, принцем Ольденбургским (1784–1812), и Вильгельма I, короля Вюртембергского (1781–1864)). Брак заключен в 1816 г.

¹² *Разрыве брака между семьями Брауншвейгов и Оранских* — в 1813 г. состоялась помолвка наследницы престола принцессы Великобритании Шарлотты Августы Уэльской (1796–1817) и принца Нассау-Оранского Вильгельма (Виллема) II (1792–1849). Через год помолвка была разорвана, и в 1816 г. Шарлотта вышла замуж за Леопольда, принца Саксен-Кобургского (1790–1865), впоследствии король Бельгии.

¹³ *Герцог Саксен-Кобургский* — Леопольда, принц Саксен-Кобургский (1790–1865), с 1831 г. король Бельгии.

¹⁴ *Объединение Соединенных Провинций с Нидерландами привело к укреплению на троне династии Оранских* — речь идет о создании Объединенного королевства Нидерландов в 1815 г. По решению Венского конгресса в него вошли Соединенные Провинции, Австрийские Нидерланды, Льежское епископство, а на престол была возведена династия Нассау-Оранских.

¹⁵ «London» — идентифицировать издание не удалось. В Лондоне выходило достаточно много периодических изданий: «The London Chronicle», «The British Review, and London Critical Journal», «The European Magazine, and London Review», «The London Literary Gazette and Journal of Belles Lettres» и т. д.

¹⁶ *Qui s'excuse s'accuse* — «кто оправдывается, тот сам себя обвиняет» (фр.).

¹⁷ Речь идет о Наполеоне Бонапарте (1769–1821), императоре Франции (1804–1815).

¹⁸ Швеции ... удалось заставить Петра Первого после его победы под Полтавой капитулировать в сражении при Пруте, выкупить свою свободу за счет драгоценностей его жены и выплатить дань татарам — шведский король Карл XII после поражения под Полтавой в 1709 г. укрылся на территории Османской империи, что привело к Русско-турецкой войне 1710–1713 гг. Царь Петр I (1672–1725) лично возглавил Прутский поход и оказался в окружении. По легенде, для заключения Прутского мирного договора его жена, Екатерина I (1684–1727), отдала все свои драгоценности.

¹⁹ *Морская столица* — Санкт-Петербург.

²⁰ *Екатерина II Великая* (1729–1796) — российская императрица с 1762 по 1796 г.

²¹ *Елизавета Петровна* (1709–1761) — российская императрица с 1741 по 1762 г.

²² «Страна казаков» — Украина.

²³ *Суворов Александр Васильевич* (1730–1800), российский полководец и генералиссимус.

²⁴ *Полковник Вобан* — маркиз де Вобан (marquis de Vauban), Жак Энн Джозеф ле Претр (1754–1816), французский генерал.

²⁵ *Принц Эстергази* — Валентин Владислав, принц Эстергази (1740–1805), французский полковник, приближенной французской королевы Марии Антуанетты.

²⁶ *Павел I* (1754–1801), российский император с 1796 по 1801 г.

²⁷ *Марш в Италию* — Итальянский поход А.В. Суворова 1799 г.

²⁸ *Высадились в Хелдере (Нидерланды) при неблагоприятных обстоятельствах* — русско-английская экспедиция 1799 г. в Голландию была плохо обеспечена продовольствием и фуражом и проходила при неблагоприятных погодных условиях, что привело к большим потерям и незначительным результатам.

²⁹ *Недовольное дворянство и униженные солдаты восстали и прекратили его правление* — Р.Т. Уилсон попытался придать заговору узкого круга лиц, направленного против Павла I, характер массового восстания.

³⁰ *Проект вторжения в Индию через Персию* — т.н. Индийский поход Павла I, который был начат в январе 1801 г., но остановлен в связи с убийством императора.

³¹ Имеется в виду Александр I (1777–1825), российский император с 1801 по 1825 г.

³² «Телемах с Севера» не был опьянен властью, но получил наставление относительно своих обязанностей от Ментора — образ заимствован из «Одиссеи» Гомера: Телемах (сын Одиссея) и его наставник Ментор. Не ясно, кого именно Р.Т. Уилсон считал Ментором Александра I.

³³ *Бессмысленные траты людей и денег на персидской и молдавской границах* — речь идет о Русско-персидской войне 1804–1813 гг. и Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

³⁴ *Битве под Аустерлицем* — сражение наполеоновской армии против объединенной армии третьей антинаполеоновской коалиции 1805 г.

³⁵ *Битва при Йене* — сражение французской и прусской армий при Йене и Ауэрштедте 1806 г.

³⁶ *Битвы при Пултуске, Эйлау, Хайльсберге и Фридрихсвальде* — перечислены сражения четвертой антинаполеоновской коалиции 1806–1807 гг.

³⁷ *Александр, обеспокоенный сложившейся ситуацией, принял условия мира, предложенные Наполеоном*, — Тильзитский мирный договор 1807 г.

³⁸ *Джона Дакворта* — Дакворт (Duckworth) Джон Томас (1748–1817), британский адмирал эпохи Наполеоновских войн. Уилсон ошибочно назвал его Джорджем

³⁹ *Мир, в результате которого он получил еще большую часть Польши, который санкционировал его выходы на Турцию до самого Дуная и завоевание важной части земель в Финляндии по Тильзитскому миру 1807 г.* Россия получила Белостокскую область в Польше. Мирный договор позволил России завершить Русско-турецкую войну 1806–1812 гг. и Русско-шведскую войну 1808–1809 гг., в результате которой к России была присоединена Финляндия.

⁴⁰ *Атака на Копенгаген* — несмотря на нейтралитет Дании, Великобритания в 1807 г. осуществила бомбардировку Копенгагена с целью капитуляции Дании и пленения датского флота.

⁴¹ *Низложение правящей династии в Швеции* — в 1809 г. шведский риксдаг низложил короля Густава IV, после чего наследником престола был избран датский принц Карл Август, а после его преждевременной смерти маршал Наполеона Бернадотт (1810 г.).

⁴² *Тильзитский договор* — Тильзитский мирный договор заключен Россией и Францией 25 июня — 9 июля 1807 г. Россия признала все завоевания Наполеона и присоединилась к континентальной блокаде Англии.

⁴³ *Кампании на Висле* — отступление русской армии 1807 г.

⁴⁴ *Война с Турцией* — Русско-турецкая война 1806–1812 гг.

⁴⁵ *Стояла на Дунае и блокировала турецкую армию в Шумле (у подножия Балканских гор), защитный бастион Константинополя* — Шумла — крепость по дороге из Силистрии в Константинополь, в которой была блокирована турецкая армия в 1810 г.

⁴⁶ *Персидская война* — имеется в виду русско-персидская война 1804–1813 гг.

⁴⁷ *Неожиданному заключению мира между Турцией и Россией* — Бухарестский мирный договор 1812 г.

⁴⁸ *Генерал Коленкур* — Коленкур (Caulaincourt) Арман Огюстен Луи де (1773–1827), французский дипломат и близкий советник Наполеона.

⁴⁹ *Битва под Смоленском* — Смоленское сражение 16–17 августа 1812 г.

⁵⁰ В примечании упоминаются *Багратион* Петр Иванович, князь (1765–1812), генерал русской армии; *Даву* — Даву (Davout) Луи Никола (1770–1823), маршал наполеоновской армии.

Принц Вюртембергский — Александр Фридрих Карл Вюртембергский (1771–1833), австрийский и российский генерал, военный губернатор Белоруссии, член Государственного совета.

⁵¹ *Герцог д'Абрантес (Жюно)* — Жюно Жюно (Junot) Андош Жан (1771–1813), дивизионный генерал армии Наполеона, получил титул герцога д'Абрантес за успешное руководство осадой Лиссабона в 1808 г.

⁵² В примечании упоминаются *принц Вюртембергский* — Александр Фридрих Карл Вюртембергский (1771–1833), австрийский и российский генерал, военный губернатор Белоруссии, член Государственного Совета, и *его племянник* — Евгений Вюртембергский (1788–1857), герцог, генерал от инфантерии, на службе в русской армии состоял с 1806 г.

⁵³ *Принц Евгений* — Евгений Вюртембергский.

⁵⁴ *В Ватерлоо* — вероятно, имеется в виду сражение объединенной армии седьмой антифранцузской коалиции с наполеоновской армией 1815 г.

⁵⁵ *Битве под Тарутино* — сражение 18 октября 1812 под Тарутино.

⁵⁶ *Мюрат* — Мюрат (Murat) Иоахим (1767–1815), наполеоновский маршал, король Неаполитанского королевства в 1808–1815 гг.

⁵⁷ *Генерал от кавалерии Бенningсен* — Беннингсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826), граф Российской империи, генерал от кавалерии на службе в русской армии.

⁵⁸ *Под Вязьмой* — сражение при Вязьме 22 октября 1812 г.

⁵⁹ *Генерал Милорадович* — Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), русский генерал от инфантерии, генерал-губернатор Санкт-Петербурга и член Государственного совета.

⁶⁰ *Под Красным* — сражение при Красном 3–6 ноября 1812 г.

⁶¹ *Строганов* — Строганов Павел Александрович (1772–1817), российский военный и государственный деятель.

⁶² *Голицын* — Голицын Борис Андреевич (1766–1822), генерал-лейтенант российской армии.

⁶³ *Маршал Ней* — Ней (Neu) Мишель (1769–1815), маршал Франции эпохи Наполеоновских войн.

⁶⁴ *Маршал Удино* — Удино (Oudinot) Никола Шарль (1767–1847), маршал Франции эпохи Наполеоновских войн.

⁶⁵ *Адмирал Чичагов* — Чичагов Павел Васильевич (1767–1849), русский адмирал и морской министр Российской империи.

⁶⁶ *Витгенштейн* — Витгенштейн Петр Христианович (1768–1843), генерал-фельдмаршал Российской империи.

⁶⁷ *Кутузов* — Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813), главнокомандующий русской армией в Отечественной войне 1812 г.

Комментарии Н.Р. Сетова

∫
ON

THE DESIGNS

OF

RUSSIA.

BY

LIEUT.-COLONEL DE LACY EVANS.

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.

MDCCCXLVII.

Джордж Эванс
ЗАМЫСЛЫ РОССИИ

Торговая, внешняя и морская политика России
после овладения Константинополем

Именно эта возможность, которую мы рассматривали на предыдущих страницах, — попадание турецкой столицы в руки царей, чего они так долго жаждали и к чему так долго стремились, повлечет за собой судьбоносные перемены.

Хорошо известно, что место расположения этой столицы является, вне всякого сомнения, центральной точкой сухопутных и морских торговых путей, и не только старого мира¹, обладая при этом и другими непревзойденными преимуществами. «Мыс Фракии², который выступает, — пишет Гиббон, — в Пропонтиду³ и располагается между двух морей⁴, был, без сомнения, лучшим местом в Европе для города, стремящегося к власти над миром».

Вероятно, эта оценка ничуть не преувеличена. Бесчисленные примеры, древние и современные, свидетельствующие о важных следствиях расположения [городов], вне сомнения, придут на ум читателю, даже когда речь заходит о значительно менее выгодных местах, а также тогда, когда приходится преодолевать препятствия, которые в рассматриваемом случае не существуют. Примерами удачного расположения являются Александрия и Пальмира⁵. Оба города были окружены песками бесконечных пустынь, однако сумели подняться к вершинам богатства, великолепия и власти единственно благодаря удачно расположенному порту в одном случае и выгодному положению на пути караванов между Левантом и Евфратом⁶ — в другом. Выдающийся

статистик Дюпен⁷ предполагает, что влияние расположения города столь велико, что если бы в давние времена при выборе столицы Франции жребий пал на город Руан⁸, то страна стала бы не военным, но морским и торговым государством. Обратное могло бы стать реальностью в отношении Англии в той степени, в какой бы это позволило наше островное положение, если бы Йорк⁹, а не Лондон был выбран в качестве резиденции правительства.

Стремясь к достижению схожей цели, Петр Великий¹⁰ заставил свою знать следовать за ним в порт на Балтике¹¹, к которому она до сих пор не преодолела своего отвращения.

Не то что бы предприятие окончилось хуже, чем ожидалось, учитывая, что подступы к порту пригодны для навигации лишь чуть более 6 месяцев в году; что это одна из самых негостеприимных, неурожайных и неблагоприятных окраин империи. Нельзя не отметить, что, к несчастью, место это имеет меньше доступа к ресурсам, не будучи связанным с большими реками, вдоль которых сосредоточена основная масса русских богатств. Но у основателя Санкт-Петербурга не было выбора — он не мог добраться до Юга¹². Со временем [этот город], возможно, будет не более чем резиденцией генерал-губернатора северных провинций и балтийского адмиралтейства.

Выбор древней Византией Константинополя в качестве центра императорской власти является особым по нескольким обстоятельствам. Этот город принадлежал к одной эпохе вместе со свержением язычества и принятием христианства в качестве государственной религии. Очевидно, он также служил средством для сбережения реликвий римского величия на протяжении более чем тысячелетия после угасания самой империи, которая ушла далеко по пути распада к моменту возвышения Константинополя. На протяжении долгих лет, несмотря на то что в его стенах жила презренная, изнеженная раса, соединившая в себе отбросы Греции и Италии, город продолжал служить хранилищем памятников письменности, произведений искусства, богатств и роскоши, какие только существовали на свете.

Свирепое полчище воинственных фанатиков в конце концов ворвалось в Европу¹³. Вскоре после захвата нескольких провинций их внимание привлекли и возбудили алчность славные и знаменитые сокровища этого города. Большую часть века, изолированный и ослабленный, он боролся и пытался противостоять своим яростным захватчикам, тем самым невольно отводя от других частей Европы угрозу замены Евангелия на Коран, которая вовсе не казалась совершенно невозможной, во всяком случае в той мере, в какой сила оружия могла помочь обращению.

С этого времени на протяжении четырех сотен лет город был связан и втоптан в пыль безжалостными улемами¹⁴, свирепыми солдатами, железом и запятнанным кровью скипетром султанов. Такой тогда стала капризная судьба этой столицы и таким образом на долгие времена ее совершенно неповторимые мощь и возможности оставались невостребованными.

Для любого народа, не замкнувшегося лишь на себе и не погрязшего в оцепенении ленивого бездействия, такое приобретение должно нести величающую ценность; для России оно было выше всякой цены. Ее шаги на величественном пути, предначертанном ей, обладали несравненной быстротой, и тем не менее для нее было характерно наибольшее отставание в материальном смысле, вызванное недостатками, присущими ее особому положению. Льды севера и закрытые ворота на юге¹⁵ сковывали любое усилие и преграждали любую попытку создания флота, которое заключало в себе одно из главнейших ее природных стремлений.

Преодоление раз и навсегда таких глубоких и унижительных препятствий путем приобретения великого порта¹⁶, свойства которого являются непревзойденным, который приблизит на сотни миль наиболее плодородные земли империи к богатым рынкам запада, — это то, что любой русский, обладающий малейшим проблеском интеллекта и понимающий национальные интересы, будет желать всем сердцем.

Допуская, таким образом, что это предполагаемое событие уже свершилось и что ничего не помешало прочности завоева-

ний, конечно, не считая несвязных нападков восточных полчищ или замысловатых увещеваний западных дворов (которые, вероятно, окажутся не более действенными, чем в случае морских набегов Кнуда¹⁷), мы обратим свой взгляд немного дальше и рассмотрим на последующие несколько лет политический курс, который достигнет многого в деле усыпления подозрений и успокоения волнений, приведя в замешательство всех сторонников войны.

С одним-единственным исключением, которое будет обосновано под благовидным предлогом неотвратимой природы рассматриваемого примера, предположим, что общий дух сдержанности и даже склонности к уступкам по всем остальным вопросам знаменует собой политическую манеру самодержца на ее ранних этапах; по той причине, что силы сопротивления все еще могут казаться слишком грозными, чтобы вступать с ними в опрометчивую борьбу; и таким образом, в течение некоторого времени [автократ] не отважится ни на какие резкие действия с тем, чтобы не пробуждать общее чувство [враждебности] в других государствах. Мир, взаимные уступки, взаимное доверие, щедрость, процветание торговли, порядок, покой и безмятежность станут привычными «елейными» методами, всегда находящимися под рукой у честолюбивого правительства, которое будет признавать применение только таких средств. Министры дворов других правителей, изо всех сил желающие верить, что такая политика продиктована истинными намерениями [самодержца], будут более склонны искать покой, предаваясь подобным надеждам на будущее.

Константинополь, по крайней мере на некоторое время, станет свободным портом. Иностранным купцам будут оказываться любые услуги, защита и содействие. Итак, доходами казны сперва будут пренебрегать, прощая их отсутствие. И таким образом, торговлю подтолкнут на эти благоприятные пути; и важное влияние, которое торговый класс оказывает повсюду, будет умиротворено и направлено заведомо против всяких нарушений мирных отношений.

Далее, недавно приобретенные владения будут укрепляться в их основе — дорожное сообщение будет улучшено, леса отступят и поредеют, болота будут осушены и поселенцы будут приглашены отовсюду, но не из России — там в подобных случаях не прибегают к такой формальности, как приглашение. Оттуда будут направлены многие десятки тысяч поселенцев*¹⁸, в летнее пекло или в смертельный зимний холод, в зависимости от каприза министра, без церемоний, подобно тому, как стадо коров перегоняют на новый луг.

Денежная помощь и участки земли по устоявшейся практике будут отданы магнатам, генералам и высшим офицерам из «свиты» завоевателя [новых территорий]; и изобильные почвы, стоявшие невспаханными под ногами варвара, вскоре начнут приносить хороший доход на затраченный труд крепостного [крестьянина].

* Достаточно привести два примера — один 1778 г., другой вполне свежий, около 1824 г.: «Во время моего пребывания на русской границе в карантине ее пересекли 75 тысяч христиан (из них 35 тысяч 769 мужчин), которым русские приказали покинуть Крым. Армянские женщины, которые пришли из Кафы, были красивее и, я полагаю, ближе подошли к той совершенной форме, которую греки передали в своих статуях, нежели женщины из Тино. Эти люди были отправлены на заселение страны, покинутой ногайскими татарами, неподалеку от западного побережья Азовского моря; но зима пришла до того, как строительство предназначенных для них жилищ было завершено, и значительное число [переселенцев] не имело другого укрытия от холода, кроме нор в земле (землянок), укрытых тем, что они могли купить; это были люди, которые пришли из обустроенных домов, и большая их часть погибла; через несколько лет в живых остались только семь тысяч» (Eton, [William. A Survey of the Turkish Empire. London, 1799]). «Не более чем три года назад 25 тысяч душ по приказу были отправлены с границ Польши в земли черноморских казаков, когда число последних значительно сократилось по разным причинам с тех пор, как они были принуждены к переселению Екатериной. Подкрепление прибыло в начале зимы, когда многие погибли в суровом климате, оставленные в нужде. Странно, что единственной причиной переселения в такое неподходящее время стал доставленный приказ об этом, и, следовательно, подлежащие переселению люди не могли быть включены в отчет о численности населения нового года в данной провинции, но должны были быть включены в соответствующий документ по черноморским казакам». (Jones, [George Matthew. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey; also on the coast of the sea of Azof and of the Black sea]: In 2 vol. London, 1827). — Здесь и далее прим. Эванса.

Всем пашам, агам и беклербекам¹⁹ из Малой Азии, кто еще не отрекся от своего прежнего повелителя, будет предложено отречься. Это даст ответ на текущие потребности при улаживании положения. Затем они могут быть изгнаны или унижены до состояния рабов по мере возникновения подходящих возможностей. Отток европейских мусульман, вне сомнения, породит смятение. Отвага султана, если он сможет уклониться от лезвия меча и останется преисполнен этого качества духа в достаточной степени, сама сможет послужить украшением упадка его ненавистной власти, открыв возможность для достойного ухода правящей династии османского народа. Вскоре он [султан] утонет в незначительности, и милость пенсии по выслуге лет будет также возможна, если он того захочет. Такова была участь предателя Станислава, Курлядского принца, Крымского хана, Грузинского короля Ираклия²⁰, и нескольких других наследников короны большей и меньшей важности, которые были успешно освобождены заботливыми москвитями от «забот»^{*21} правления.

И между делом Николай²² добавит корону когда-то славной Восточной империи к тем, что уже имеются, — или водрузит ее на голову одному из своих братьев, или включит эту страну в состав империи как пограничную провинцию; возможно, при этом местная администрация будет номинально отделена [от русского правительства], как в случае Польши²³. Точно неизвестно, какое именно решение будет принято. Но с последним [упомянутым] решительным шагом, возможно, повременят, по крайней мере с его публичным провозглашением до тех пор, пока у других правительств не появятся достаточные причины для недовольства или [напротив] пока общие настроения в Европе не смирятся с таким [новым] положением дел.

На протяжении всего этого времени наиболее внушительные военные силы будут пребывать в постоянной боевой готов-

* «Всегда соединяем достаточные попечения, чтобы распространить их на свои владения» (России). Манифест о войне 1828 г. Однако в этом нет осторожной жалобы на опрометчивое заявление о решении увеличить это время.

ности на передних рубежах. И ни одна возможность не будет упущена в плане распространения слухов о великой численности [этих войск]. Это будет не более чем последовательное применение метода, который с небольшими отклонениями был в ходу последние 13 лет, — мир на словах и подготовка к войне на деле.

Тотчас новые и более близкие отношения сотрудничества будут налажены с государствами Средиземноморья, за исключением Франции, которая политически нездорова. Русские хоть и незнакомы с [политическими] фракциями в их обычном смысле у себя дома, тем не менее вполне неплохо сведущи в том, как обращаться с ними за рубежом.

Маловероятно, что Сицилия вскоре станет объектом притязаний как передовой рубеж [империи] и что интересы [империи] коснутся этого острова. Союз с Соединенными Штатами Северной Америки, мы можем быть уверены, станет очень тесным. Общность целей — низвержение нашего морского и торгового превосходства^{*24} — повлечет образование и скрепит этот нелепый и неискренний союз, — неискренний, по меньшей мере, со стороны наших свободных и просвещенных отпрысков.

Вскоре число британских морских флагов в Средиземноморье, а также сухопутных сил должно будет получить ощутимый прирост.

Во всяком случае непосредственным итогом станет установление отношений с двором Эскориала²⁵, которое будет производиться под покровом тайны. Фердинанд²⁶ (если он все еще будет править) тотчас же окажется под защитой своего имперского брата с востока²⁷. Теплая забота России в отношении внутренних дел и действий правительства Испании²⁸, уже является вполне очевидной: не является маловероятным и то, что в знак особой дружбы, подчиняясь просьбам, император [Российской империи] может поддаться уговорам и направить в Мадрид полдюжины тысяч подготовленных солдат-москвитов в качестве

* Именно с этой целью около пятидесяти лет назад Россия, воспользовавшись нашим затруднительным положением в связи с американской войной, возглавила то, что называлось вооруженным нейтралитетом.

придворной стражи и охранников королевской персоны от разговоров дескамисадос²⁹.

Одновременно с этими действиями, новый и главный* толчок будет дан всем сухопутным торговым связям с Востоком. Для достижения этой цели, которая будет иметь в большей степени военную и политическую направленность, нежели коммерческую, купцов пригласят основать свои представительства под государственные гарантии в Трапезунде, Эрзуруме, Мосуле, Басре и Багдаде, а также в Хиве, Балхе, Бухаре** и Самарканде***³⁰. «Depuis quelques années, — говорит генеральный консул Гамба ([Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba, consul du Roi à] Tiflis. [2-ème éd. Paris], 1826) un assez grand nombre de marchands Russes de l'intérieur viennent s'embarquer à Astrakhan pour le Golfe de Koultiou, sur la côte méridionale de la Mer Caspienne; de ce point ils vont en caravan à Khiva, et jusqu'à Boukhara, en traversant la pays des Turcomans, qui occupent une partie de la côte»³¹.

С этой целью вооруженная защита будет обеспечена там, где в ней существует потребность: дороги и речная навигация будут улучшены, плотины и запруды будут очищены, будут обеспечены вспомогательные средства в пунктах перевозки, особенно на Каспии, реках Тигре и Амударье, также будут предоставлены

* Подтверждение готовности Русского правительства понести серьезные издержки ради целей подобного характера находим, рассматривая его линию в отношении Одессы. Когда была поставлена цель подарить этому плохому расположенному порту временное процветание, судна строились фактически за счет государства для нужд любого, не лишеного смекалки иностранного спекулянта, который мог прибыть на место, не имея никаких оснований для доверия, кроме заверений в собственной респектабельности.

** См. подробнее в конце главы.

*** До середины прошлого века, когда русские заставили нашу компанию в Астрахани, во главе которого стоял Хенвей, уйти, мы продолжали заниматься крупными торговыми сделками на Каспии и с Бухарой, Самаркандом и так далее. Стоит отметить, что татары на восточном берегу Каспийского моря используют чай в намного больших количествах, чем мы. Следовательно, сухопутная доставка этого продукта не может обходиться дорого, так как народ небогат.

выгодные привилегии или, что практически то же самое, освобождения от пошлин. Указ 1821 года³², касающийся данного вопроса, является свидетельством того, что подобный порядок действий, вполне вероятно, будет воплощен в жизнь — попутно и за сравнительно короткое время потери императорской казны будут возмещены с излишком.

«Il n'est pas douteux, (говорит тот же писатель, осуждающий торговое превосходство Британии как несправедливость, против которой все нации должны объединиться) *qu'une grande partie du commerce de l'Asie reprendra son ancienne route, parce qu'elle est plus courte, plus avantageuse, et qu'elle n'est dominée par aucune compagnie privilégiée*»³³. Этот рьяный торговый служащий, вероятно, полон надежд в своих воззрениях несколько сверх меры, однако русское правительство, видимо, благосклонно приняло такие планы и сообразовывается с ними.

Плавание из Лондона в порты Индийского полуострова обычно требует покрытия около 16–18 тысяч миль. Чтобы добраться из Константинополя в Бомбей или Сурат, требуется преодолеть не более трех тысяч миль, из них четыреста миль^{*34} по сухопутному маршруту, на протяжении которого в изобилии доступны транспортные средства, а именно мулы, верблюды, волы, а также имеется искупающая все расходы выгода прохождения через Эрзурум^{**35}.

* Данный сухопутный маршрут, как отмечалось ранее, пролегает между Трапезундом и Мосулом. От Мосула до Багдада — две сотни миль, которые можно преодолеть на плоскодонных судах. От Багдада до Залива широко раскинулись берега глубокой реки, без порогов, со спокойным течением, что делает этот водный путь подходящим для морских судов.

** «В случае — пишет полковник Макдонелл Киннер, наш посол при персидском дворе, — если какая-либо европейская держава решится на вторжение в Индию, нет другого места восточнее Константинополя, которое подходило бы лучше для группировки большого войска, чем Эрзурумская равнина; лошади и рогатый скот дешевы и имеются в избытке, закупки кормов могут быть произведены повсюду на протяжении весны и лета, существенные запасы зерна могут быть накоплены за счет соседних провинций. Дороги в это время года превосходны и хорошо приспособлены для перевозки артиллерии на равнинные участки, так как среди местных жители широко пользуются телегами, запряженными волами. Городские жители ведут обширную торговлю со всеми

Это, конечно, предполагает, что последний упомянутый город находится во владении русских; что, на самом деле, может произойти уже сейчас. Между Волгой (по которой уже пущены пароходы) и Доном около 50 миль пути по суше — соединяющий канал еще не открыт, хотя предположительно, его строительство уже близко к завершению³⁶. По этому короткому сухопутному маршруту уже идут оживленные перевозки, в которых на постоянной основе задействовано более 15 тысяч телег* в течение сезона.

И вновь стоимость сухопутных перевозов здесь оказывается такой скромной, что многие суда, идущие вверх по течению Волги, разбираются и перевозятся к Дону, чтобы там вновь быть собранными для плавания по этой реке.

Два великих торговых пути, к основанию которых теперь будут стремиться русские, следующие: один будет пересекать Персидский залив** и достигать Трапезунда; другой — от татарского Китая³⁷ через Бухару, Пенджаб — к устью Дона. От входа в Дон и от Трапезунда они будут сливаться в Константинополе как перевалочном пункте, и оттуда товары будут направляться в Средиземноморье и вверх по Дунаю и другим великим рекам, вероятно, при помощи пароходов. [Здесь находятся] обширные

крупными городами в Турции и Персии, в особенности с Константинополем, Багдадом и Ереваном». Несмотря на это, русские займут другую позицию для атаки на Индию. Восточное побережье Каспия и Арала, очевидно, лучше подходит для группировки их войск.

* Значительная их часть, правда, занимается перевозкой рыбы. Рыболовное хозяйство на Каспии имеет потрясающие масштабы. Вся Россия снабжается отсюда, и требуемое количество рыбы ни в коем случае не является небольшим в Великий пост, который они соблюдают с величайшей точностью.

** Торговля жемчужинами для всех европейских рынков составляет много большую отрасль, чем можно было бы предположить, исходя из относительно малого количества жемчужин, использующихся для украшений европейских нарядов. На протяжении ряда лет добыча жемчужин была и продолжает оставаться очень денежным занятием арабов в Персидском заливе. В этих целях постоянно используется несколько крупных кораблей. В настоящее время, когда в Лондоне существует так много фиктивных, мошеннических, скороспелых акционерных предприятий, насколько мне известно, имела место неудачная попытка наладить данный промысел. Это заслуживает сожаления.

залежи угля, особенно в окрестностях Таганрога, в некоторых районах уголь залегает прямо на поверхности земли. Дунай течет недалеко от Рейна, и планы соединения этих двух рек вынашиваются давно: расходы, видимо, составят умеренную сумму; в мемуарах, приписываемых Бонапарту³⁸, приводятся расчеты, исходя из которых все предприятие должно обойтись примерно в семьсот тысяч фунтов.

Все эти перевозки могут и, скорее всего, будут осуществляться без какого-либо участия с нашей стороны, за исключением индийских морей. Освобождение от анархии и грабежей, улучшение общих условий [жизни] в Малой Азии, если они последуют, могли бы, без сомнения, оказаться полезными для наших производственных интересов, если бы мы смогли войти на их рынки на равных условиях с подданными господствующего государства. Но запретительная* система, к которой последнее уже бессовестно прибегло для защиты своих неокрепших мануфактур и своей торговли в целом, не оставляет сомнений в том, что наш проход через Босфор, по прошествии некоторого времени будет столь затруднен ограничительными правилами, что британские купцы утратят интерес к продолжению этого соревнования.

Далее мы столкнемся с еще одним новшеством. Посредством тесных сношений между Константинополем и Востоком, которые могут таким образом быть вскормлены, будут установлены контакты с Кабулом, Лахором, Синдом, Махараштрой. Эмиссары проникнут в эти страны; — действия по возвращению к власти свергнутых правителей каждой общественной группы будут трудолюбиво наращиваться; — наиболее воин-

* Четыре года назад русское посольство было направлено в Пекин; с тех пор произошло очень значимое увеличение в объемах караванной торговли с Китаем: с целью поддержки [этих начинаний] в последние год-два под строгий запрет попали несколько предметов индийского производства, которые ранее доставлялись из Лондона в Россию. Английские купцы в России более не пользуются расположением. Чай, который доставляют караваны [из Китая] обладает лучшим ароматом, нежели наш, но при этом имеет намного более высокую цену. В небольших количествах он уже пробил себе дорогу на немецкие и французские рынки.

ственная часть недовольного населения будет подстрекаться к организации и подготовке [сопротивления] в свете намеков на то, что на британцев готовится крупное наступление в Европе и Азии; конечно, помощь также будет предложена, и верность наших солдат поколеблется.

Итак, общественное сознание в этих странах будет приведено в состояние возбуждения и кипения: так как, вопреки благотворному свойству британской власти, вследствие различных обстоятельств, на некоторые мы не сможем повлиять, другие сложатся ненамеренно, Индия повсюду полна поверженных вождей заминдари³⁹, высеченных пиндари⁴⁰, а также сброшенных с трона раджей или набобов⁴¹ с их многочисленными последователями, родственниками и приверженцами. Во многих центральных и северо-западных штатах существует крупная категория распущенной солдатни, чья каста и переданное по наследству предназначение связано с оружием: привыкшие к военным приключениям, беззаконным и хищническим нравам, дерзкие, они сегодня лишены средств к существованию и тоскуют по действию и отмщению. Не окажется забытой идея, по крайней мере среди десятков миллионов магометан, рассеянных по полуострову⁴², о возвращении части прошлого могущества императору Моголов^{43*}, который до сих пор с нашего позволения номинально имеет свой императорский двор в Дели.

Уже только эти действия заставят нас увеличить численность нашей индийской армии, по крайней мере на пятьдесят тысяч человек (европейцев или туземцев); так будет положено начало быстрому росту расходов и падению доходов.

* «Вероятно, единственным поводом, который мог бы найти любой воображаемый враг для того, чтобы пробудить всеобщую шумиху, стало бы восстановление правления династии Тимура; такой боевой клич стал бы воззванием к верности правителю Ауада» (Summary [of the Administration of the Indian Government, by the] Marquess of Hastings, [during the Period that he Filled the Office of Governor General. London, 1824]).

И еще — «В Индии существует (утверждает все тот же источник) многочисленный класс, по происхождению и по нраву, с самой ранней молодости, явно уготованный к военной жизни».

Тогда мы, несомненно, заявим протест, который направим двору правителя Константинополя, в связи с тем, что имя царя звучит на границах Индии и внутри ее. Последуют прямые и явные опровержения вместе с теплыми и [даже] горячими заверениями в нерушимой дружбе: возможно, сама идея будет списана на клевету, «недоброжелательность» подобно сплетням завистников, о которых шла речь в одном из последних заявлений.

Итак, посредством коварства и неощутимой войны, любая из выгод, которые [мы] могли бы извлечь из этих великих завоеваний (которые в других обстоятельствах могли бы приносить нам, можно надеяться, даже жаждать, в избыточных доходах и коммерческой прибыли, не менее чем несколько миллионов ежегодно*), будет не просто уравновешена, но, скорее, даже обращена в недостаток; индийский долг недолго будет оставаться на текущей отметке; займы будут с трудом получены от восточных банкиров и будут обложены большим ростовщическим процентом; и однако, это все равно будет названо установлением мира.

Управляя завоеванным народом при помощи его собственной армии, следует помнить, что кошелек не менее необходим, чем меч. Регулярно выплачиваемое жалование — почти единственная веревка, удерживающая верность солдат этого класса.

Однако вернемся к деятельности русских.

Черное море, которое на протяжении не одного века было сердцем оживленного и в высшей степени доходного промысла, чье лоно стремились усеять парусниками неумелых мореплавателей тех времен, чьи берега в разные эпохи были усыпаны процветающими поселениями и преуспевающими городами, вновь станет тем, что уготовано его восхитительным положением; и

* «Обдумав с холодным расчетом каждое обстоятельство, я не могу найти ни одной причины тому, почему нам не стоит уверенно рассчитывать на годовой остаток, составляющий 4 миллиона стерлингов, после текущего года; так как причины, которые приведут к увеличению дохода, не несут в себе ничего, что могло бы повлечь дальнейшие расходы» ([Summary of the Administration of the Indian Government, by the] Marquess of Hastings, [during the Period that he Filled the Office of Governor General. London, 1824]). «Есть все основания рассчитывать на прогрессивный рост [дохода]» (Там же).

его ветры, порты, течения станут известны любому моряку не меньше, чем течение и шум Темзы.

Таким образом, будет достигнуто благо, насколько это отдельно и непосредственно касается упомянутых стран; имеем ли целью помешать или вовсе преградить путь этим благодатным и чрезвычайно приятным улучшениям? Конечно же нет. Цель этого скромного, но основательного и убежденного рассуждения в том, чтобы эти страны двигались в направлении формирования, или по крайней мере приготовления к формированию, скорее нового и соперничающего [с Россией] государства или федерации государств средней силы вместо того, чтобы они превратились бы в простые вспомогательные средства дальнейшего развития и усиления одного [государства]⁴⁴, принадлежащего другой части света и в прошлом слишком великого для любой благотворной цели.

В настоящее время данные вопросы должны быть подчинены делу создания оснований, при которых одно или несколько государств, которые, несмотря на то что они могут оказаться менее быстрыми в своем развитии и совершенствовании [со временем] окажутся не только полезными, но и безвредными для других; и которые в конечном итоге смогли бы достичь высот морального влияния и практического совершенствования общественной жизни, выходя за границы тех результатов, которых могла бы достигнуть чисто деспотическая и рабская система России.

Конечно, дело не в том, что процветание и обогащение России или какой-либо иной страны явилось бы причиной для волнений. Главной причиной являются контакты. Исключение в рассматриваемом случае составляет то, что этот новый соперник в борьбе за общественное процветание и богатство в то же самое время представляет собой могучую военную державу, находящуюся на пике завоеваний, располагающую возможностями и приспособленную к проведению враждебной политики, [средства которой] даже и в прошлые времена были несовместимы с действительной или хотя бы предполагаемой в будущем независимостью любых обществ, находящихся поблизости.

Пример вполне очевиден. Природа слишком щедро одарила ее [Россию] мускулами для ведения войны — «Железом и людьми». Если к этому в любом существенном количестве прибавить «Морскую торговлю и ее спутника — золото», то можно задать вопрос: где сыскать средства для сдерживания ее непомерного продвижения?

От процветания Франции и Англии, от неприкосновенности их независимости, несомненно, зависят интересы цивилизации, а также свободных и здоровых учреждений во всех уголках старого света. И если какой-либо ущерб будет нанесен силе или будущей безопасности эти двух государств посредством передачи значительной территории из-под власти жестокой тирании в руки более мягкой, но в то же время несравнимо более могущественной деспотии, тогда лекарство окажется хуже самой болезни — мы поставим под угрозу всё ради облегчения положения части.

Перевод с английского В.В. Сутырина

Комментарии

Джордж Эванс

ЗАМЫСЛЫ РОССИИ

Эванс (Evans) (1787–1870) Джордж де Лейси — генерал британской армии, начал военную службу волонтером в 1806 г., а завершил — командующим второго дивизиона Британской армии, участвуя в осаде Севастополя, битвах при Альме и Инкермане в Крымскую войну (1853–1856). Одновременно с военной службой Эванс был членом Парламента (1830–1841, 1846–1865). Памфлет «О замыслах России» был создан под впечатлением от начала Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Эванс считал, что Россия ведет откровенно захватническую политику и потому предлагал пересмотреть внешнюю политику Британии, которая была союзницей России, совместно выступала на стороне Греции и участвовала в Наваринском сражении 1827 г. против Турции. Памфлет Эванса привел к всплеску русофобских настроений в Британии и способствовал усилению противоречий между союзниками.

Печатается по: *Evans de Lacy. The Designs of Russia. London: John Murray, 1828. P. 120–142.*

¹ *Старого мира* — имеется в виду Европа.

² *Мыс Фракия* — оконечность восточных Балкан, которая с северо-востока омывается Черным морем, а с юго-востока — Мраморным морем.

³ *Пропонтида* — Мраморное море.

⁴ *Двух морей* — Черное и Мраморное моря.

⁵ *Александрия и Пальмира* — два крупнейших города Древнего Востока — Александрия в Египте и Пальмира (Тадмор), столица Пальмирского царства, позже римская колония, в Сирийской пустыни.

⁶ *Евфрат* — река на Ближнем Востоке.

⁷ *Статистик Дюпен* — Дюпен (Dupin) Пьер Шарль Франсуа (1784–1873), французский математик и статистик.

⁸ *Руан* — город на берегу Сены в Нормандии (север Франции), в 40 км от Атлантического океана.

⁹ *Йорк* — город в Северном Йоркшире (Великобритания), в 50 км от Северного моря.

¹⁰ *Петр Великий* (1672–1725), русский царь с 1682 г. и император с 1721 г.

¹¹ *Порт на Балтике* — Санкт-Петербург.

¹² *Он не мог добраться до Юга* — то есть Россия не имела выхода к Черному морю.

¹³ *Свирепое полчище воинственных фанатиков в конце концов ворвалось в Европу* — речь идет о завоевании Фракии турками-османами в 50–60-е гг. XIV века.

¹⁴ *Улем* — знаток ислама.

¹⁵ *Закрытые ворота на юге* — т. е. отсутствие выхода в Черное и Средиземное моря.

¹⁶ *Великий порт* — Константинополь.

¹⁷ *Кнуд* — Кнуд Великий (994/995–1035), король Дании, Англии и Норвегии.

¹⁸ В примечании речь идет о переселении христианского населения Крыма в 1778–1780 гг., а также запорожских казаков — на Кубань в 1792–1793 гг. *Кафа* — город в Крыму (ныне Феодосия).

¹⁹ *Пашам, агам и беклербекам* — перечисление различных титулов в Османской империи: паша — губернатор провинции, ага — военачальник, беклербек (бейлербей) — наместник султана.

²⁰ *Станислава, Курляндского принца, Крымского хана, Грузинского короля Ираклия* — перечислены правители, лишившиеся своего престола в результате присоединения их государств к России: король польский и великий князь Литовский Станислав II Август Понятовский (1732–1798), герцог Курляндский Петр Бирон (1724–1800), крымский хан Шагин-Гирей (ок. 1755–1787), царь грузинского царства Картли-Кахети Ираклий II (1720–1798). При Ираклии II был подписан Георгиевский трактат (1783 г.), по которому устанавливался российский протекторат над Грузией. Окончательное присоединение Грузии произошло только в 1801 г. при грузинском царе Георгии II.

²¹ В примечании ссылка на Манифест о войне с Турцией (опубликован 14 апреля 1828 г.).

²² *Николай I* (1796–1855), российский император в 1825–1855 гг.

²³ *Номинально отделена [от русского правительства], как в случае Польши* — Польша являлась Варшавским герцогством (1807–1813) и Царством Польским (1815–1915) в составе Российской империи.

²⁴ В примечании речь идет о том, что во время Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. Россия заняла благожелательную позицию в отношении США и возглавила в 1780 г. «Лигу нейтральных» европейских стран, выступающих за вооруженный нейтралитет, т. е. торговлю с обоими участниками войны.

²⁵ *Эскориал* — резиденция короля Испании близ Мадрида.

²⁶ *Фердинанд* — Фердинанд VII (1784–1833), король Испании в 1808, 1813–1833 гг.

²⁷ *Имперский брат с востока* — российский император.

²⁸ *Теплая забота России в отношении внутренних дел и действий правительства Испании* — речь идет об участии России вместе с другими членами Священного союза в подавлении Испанской революции 1820–1823 гг. и возведении на испанский престол Фердинанда VII.

²⁹ *Дескамисадос* (безрубашечники) — самоназвание левого крыла организации комунерос, участников Испанской революции 1820–1823 гг.

³⁰ В примечании упоминается *Хенвей* — Хенвей (Hanway) Джонас (1712–1786), английский коммерсант, член Российской компании британских купцов, в 1740-е гг. торговал с Персией.

³¹ *«Depuis quelques années un assez grand nombre de marchands Russes de l'intérieur viennent s'embarquer à Astrakhan pour le Golfe de Koultiou, sur la côte méridionale de la Mer Caspienne; de ce point ils vont en caravan à Khiva, et jusqu'à Boukhara, en traversant la pays des Turcomans, qui occupent une partie de la côte»* — цитата из книги французского консула в Тифлисе Жака Франсуа Гамбы (1763–1833): «В последние годы довольно большое количество российских внутренних купцов переехала в залив Астраханский Култук на южное побережье Каспийского моря, откуда идут караваны в Хиву, Бухару и дальше, пересекая страну туркменов, которые занимают часть побережья». Култук — общее название для заливов и рукавов Каспийского моря.

³² *Указ 1821 года* даровал всем торгующим в Закавказье, независимо от подданства, освобождение на 10 лет от платежа пошлин и повинностей, кроме 5% таможенной пошлины с товаров, ввозимых из Персии.

³³ *«Il n'est pas douteux, qu'une grande partie du commerce de l'Asie reprendra son ancienne route, parce qu'elle est plus courte, plus avantageuse, et qu'elle n'est dominée par aucune compagnie privilégiée»* — цитата из книги Гамбы: «Нет никаких сомнений, что значительная часть азиатской торговли возобновит свой былой маршрут, потому что он короче, более выгоден и не находится во власти какой-либо привилегированной компании».

³⁴ В примечании под *Заливом* имеется в виду Персидский залив.

³⁵ В примечании упоминается *Макдонелл Киннер* — Киннер (Kinneir) Джон Макдонел (1782–1830), британский лейтенант, путешественник и дипломат, в 1824–1830 гг. представитель Ост-Индской компании в Персии.

³⁶ *Соединяющий канал еще не открыт, хотя предположительно, его строительство уже близко к завершению* — в первой четверти XIX в. появилось несколько проектов Волго-Донского канала, однако ни один из них не был реализован.

ЗАМЫСЛЫ РОССИИ

³⁷ *Татарский Китай* — северный Китай.

³⁸ *Бонапарт* — Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский император (1804–1815).

³⁹ *Заминдари* — наследственный землевладелец.

⁴⁰ *Пиндари* — иррегулярные отряды войск в Северо-Западной Индии, особенно у маратхов.

⁴¹ *Раджи и набобы* — титулы различных индийских правителей.

⁴² *Полуостров* — полуостров Индостан.

⁴³ *Император Моголов* — Империя Великих Моголов находилась на территории Индии в 1526–1540, 1555–1858 гг. В примечании упоминается *Ауд* — княжество на севере современной Индии, независимое в 1732–1756 гг., один из очагов сопротивления колониальным властям.

⁴⁴ *Одного [государства]* — имеется в виду Российская империя.

Комментарии А.В. Топычанова

Дэвид Уркхарт
АНГЛИЯ И РОССИЯ

Глава I

Народ, великий числом и военным духом, подвергавшийся многочисленными невзгодам, был полностью побежден силой российского оружия. Если бы страна могла умереть, то такой страной стала похороненная Польша¹. Неизвестно, придет ли когда-нибудь время ее восстановления, но сейчас она мертва по тем причинам, которые интересуют одно государство ради сохранения другого. Она стала пустым местом на политической карте Европы. Ее место за столами заседаний пусто. Положение других членов было грубо попрано, но, ясно осознавая возможные последствия, они приняли это положение дел, не предприняв никаких усилий, чтобы предотвратить катастрофу.

Как же случилось, что две лидирующие в мире нации², находясь в состоянии мира и близкого союза, вынуждены страдать от включения в Россию народов, гарантированного договорами или же нет, не говоря об этих народах, которые повсеместно считаются бастионом Европы против организованного наплыва славянских орд? Как могло случиться, что такие масштабные политические интересы не были учтены? Как могло случиться, что сам крик о помощи был заглушен? Сложность, очевидная непомерная сложность ситуации заставила эти державы закрыть глаза на интересы, которые оказались под слишком серьезной угрозой, чтобы за них бороться, и заглушить сострадание, которое не стоило проявлять впустую. Польшу лишь поддержали в войне с тремя северными державами³. Ее исчезновение не было, однако, политически неизбежным и требовало бы немедленной реакции. Это была бы катастрофа прискорбная, если не неизбежная. Как

великодушно было бы пренебречь национальными интересами ради страдающей нации. Французский министр, в конце концов, имел удовольствие провозгласить в парламенте, что «порядок в Варшаве восстановлен». Но северный союз, достаточно сильный, чтобы осуществить уничтожение Польши, еще больше укрепился за счет масштабных приобретений и чувства морального превосходства, вызванного достигнутым успехом. Борьба неизбежна, если только одна или другая сторона не поступится своими интересами и без борьбы согласится с условиями поражения. Европа превращена в два противоборствующих лагеря, их последние ресурсы без ограничений тратятся на подготовку, что свидетельствует о намерении осуществить быстрый прорыв, который будет ускорен их давлением. Когда же откроется арена военных действий? Где пройдут линии противостояния? Кто станет агрессором?

В решении этой дилеммы сама Россия предложила вариант, вызывающий раздражение Европы. Та жестокость, с которой Россия вырвала у Турции Договор от 8 июля⁴, гарантирует, в той степени, насколько могут гарантировать дипломатические документы, прекращение доставки почтовой корреспонденции по единственной, уязвимой и жизненно важной части ее гигантской территории.

Включение Франции в тот момент, когда даже самая малая помощь могла бы спасти Польшу, было остановлено возражением, согласно которому ее войска-де должны пройти по территории Пруссии. Знала ли Франция, что могла бросить тень на море? Разве у нее не было карты Черного моря? Она не подумала о Турции? Она забыла об их общей и давней ненависти к уничтожителю Польши?

Стоит ли считать, что и сама Турция послужила росту России? Станет ли мастодонт сарматских степей Левиафаном морей Запада? Будет ли принесена другая жертва в такой короткий промежуток времени на тот же алтарь лишь потому, что даже малая помощь вновь не была оказана? Будут ли руины Турции положены на могильный камень Польши, лишая ее даже слабого лучика надежды и делая ее судьбу необратимой?

Именно через Дарданеллы мы должны попасть в сердце Оттоманской империи, через Босфор должен пройти флот, чтобы остановить завоевателя. Поддержав Турцию, можно не только спасти ее, но и восстановить то, что было разрушено по причине ее слабости*. Существование Польши связано с судьбой Турции. Обе страны коснулась одна и та же «железная рука». Разожмите эту губительную хватку, и обе одновременно вернуться к жизни. Дарданеллы — ключ к обеим, обе укрепятся, получив пролив, или будут уничтожены, лишившись его.

Когда какие-либо приготовления на полуострове и дополнительный протокол в Бельгии препятствуют ее планам, когда возникают проблемы с испанскими и бельгийскими соглашениями, проблемы, созданные ею самой с тем, чтобы занять нас на всех направлениях и отвлечь наше внимание от Турции, Россия мечет громы и молнии в прусской прессе, демонстрирует величие своей мощи, численность своих войск, обширность территорий, силу своих союзов и позиций, поскольку в данном случае, нападая на своего врага, она выступает также против империи, военной монархии и всей Германской федерации. Но лишь намекните на Оттоманский вопрос, затроньте чувствительные проблемы, и эта высокомерная держава мгновенно окажется на коленях. Протесты, объяснения, обещания щедрости, лояльности и благожелательности щедро транслируются за границу, чтобы успокоить шторм. Россия понимает, как немного нужно, чтобы реанимировать ее старого Оттоманского врага, объединить разделенные сейчас и противоборствующие части этой империи, разбудить подавляемую энергию и жажду мести, разорвать связи с ее раболепными заискивающими союзниками, привести войну не к ее дверям, но в самый ее центр, сделать так, чтобы война нависла лишь над ее головой, война, от которой она была

* Свидетельство, современное разделу Польши, неоспоримо, как и связь между событиями в Польше и Турции. Успешное завершение российской войны против турок в 1774 г. определило раздел. «А судьба Польши, — говорит Коукс, — как и судьба его вассала княжества Курляндского, в конце концов будет зависеть от нынешней войны между Россией и турками» (Northern Tour. Vol. I. P. 178). — Здесь и далее прим. Уркхарта.

полностью защищена. Различие в ее языке в этих двух случаях характеризует разницу угроз. В первом случае Россия защищена войсками Пруссии, которые она всегда будет рада видеть вовлеченными в изматывающую борьбу. Если они будут побеждены, Россия сможет укрыться за своими бескрайними просторами и снегами. В другом случае она окажется на передовой в одиночестве, не имея укрытия и оборонительного вооружения, с враждебным мечом, направленным ей прямо в сердце.

Таков вопрос, который мы предлагаем рассмотреть. Необходимость прибегнуть к крайним мерам может возникнуть лишь если Россия проявит явную враждебность и станет непосредственной угрозой для Турции. В первую очередь необходимо непредубежденно и со всей тщательностью, какой требует такой важный вопрос, проанализировать отношения этих двух империй друг с другом, дабы наши выводы не были обусловлены личными пожеланиями и интересами и негодованием по поводу агрессии России против нас и дабы мы не обманулись, изучая реальные слабости России, и то, как она пользуется своей властью и влиянием.

Вот уже десять лет продолжается катастрофа, вызванная открытой или завуалированной враждебностью России и ошибками Франции и Англии, которые поставили вопрос о существовании Турции в зависимость от дипломатического решения судов Европы. Здесь мы подходим к самому важному наблюдению. Эти ошибки наших кабинетов, стали ли они результатом уверенности в декларациях и соглашениях с Россией? Если так, то предпринятые нами меры или отказ от действий и стали ошибками. За этим последовали несчастья для Турции и опасности для нас. Не потому что при сравнении нас и России мы оказались худшими, но потому, что мы обращались с Россией как с цивилизованным государством и европейским правительством.

Россия ограничила независимость Турции. Под маской общих намерений, обычных мер и формальных союзов с двумя заинтересованными правительствами, которым вскоре, вероятно, придется прибегнуть к крайним мерам ради получения поддержки, а также используя различные способы дезинформации,

Россия не только скрыла свои истинные мотивы и действия, но и призвала на помощь их армии и флот, а также обеспечила себе их моральную поддержку для дальнейшего осуществления своих замыслов.

Потребовали ли новые условия нарушения предыдущего контракта? Возможно, задавать такой вопрос абсурдно, но Европа пока не привыкла к тому, что обманутое великой европейской державой доверие остается безнаказанным. Она не привыкла, что интересы, затрагивающие почти само политическое существование Англии и Франции, оказываются попранными и оскорбленными какой-либо державой. Она еще не поняла, что воля царя Московского является законом в Европе. Таким образом, невозможно не прийти к заключению о том, что Англия и Франция не потребовали от России никаких гарантий и не были заинтересованы в Турции.

Но давайте рассмотрим вопрос так, как его сейчас представляет Россия. Она громко и недвусмысленно заявляет, что не имеет никаких замыслов относительно Турции и целиком и полностью заинтересована в сохранении целостности и независимости Турции. Но давайте посмотрим, как ее действия повлияли на эту независимость, и как своими действиями она предала Англию и Францию? Если при этом мы обнаружим, что ее действия расходились со словами, ее мотивы отличались от ее заявлений, то сможем с полным основанием заключить, что она скрывает от нас другие мотивы, касающиеся ее влияния, что, по ее мнению, достичь своих целей она может, лишь покрыв их непроницаемой тайной и обманом. Такую колоссальную ответственность перед народом, предшественниками и потомками несут император, министры и дипломатические посланники, опускающиеся до использования методов, недостойных не только человека чести и людей, занимающих столь влиятельные посты, но и тех, кто опустился на самый низкий уровень морального разложения.

Греческое восстание⁵, ставшее предпосылкой для ослабления Турции, является важной главой в изучении вопроса. Это восстание дало все те плоды, которые ожидала Россия, но также и те, на которые она не рассчитывала и которые мы не могли

даже отдаленно предвидеть и ожидать*. Но то, что это восстание, равно как и два предшествующих, были организованы Россией, является прописной истиной, слишком банальной, чтобы повторять.

Необходимо уделить несколько страниц пояснению связи между этим восстанием и Адрианопольским договором⁶. Следует судить Россию ее же устами. Первым значимым документом является записка барона (Г.А.) Строганова⁷ от 18 июля 1821 года. Этот документ написан весьма умело, заставляя восхищаться талантом, достойным лучшего применения. Каковы должны быть чувства русского? Какой дух и энтузиазм вдохновляют самых ничтожных слуг системы обращаться к столь значительным темам? Эти документы следует изучать полностью, имея полное представление о вопросе, чтобы понять их коварство и моральное воздействие на турок и греков, а также на чувства Европы, подготовленной к неизбежному нападению великих держав на Порту**⁸.

«В сохранении Турции Россия видела дополнительный способ укрепления мира в Европе. Таким образом, ее обязанностью было осуждение любого предприятия, которое могло подвергнуть риску существование этого правительства. Это было ее долгом как державы неизменно лояльной, всегда непредвзятой в отношениях с этим государством, которое в течение пяти лет

* Мы имеем в виду способность турецкого ума к учению, избавление от злоупотреблений правительства, убежденность в необходимости связать свои интересы, планы и политику с европейскими странами, чьи интересы были ущемлены развитием России.

** Это был второй раз, когда Россия заставила естественных союзников самих вонзить нож в свое сердце. Здравомыслящий турецкий историк Васиф Эфенди* написал этот примечательный пассаж: «В этих условиях Король умер, и Республика вскоре забилась во внутренних конвульсиях. Россия постаралась им только поспособствовать. Они подстрекали противоборствовавшие стороны и преуспели в искусстве принуждения этих сторон к тому, чтобы призывать Россию на помощь. Порта всевозможными способами старалась предостеречь Республику от такой вероломной дружбы. Она обращала внимание на захватнические планы России и увещевала принять ее под защиту против такого опасного союзника». Несколько страницами ниже мы находим, что из-за наступательного и оборонительного договора между Россией и Польшей Порта «была так озлоблена, что объявила войну Республике».

она призывала обезопасить себя гарантиями строгого соблюдения договоров. Но Россия сделала больше: она предложила Порте сотрудничество, *открытую дружбу (franchement amicale), в целесообразности которой не следует сомневаться*».

Формулировки, набранные курсивом, показывают намеки и угрозы, очень раздражающие для Порты, но смысл которых может быть не ясным английскому читателю.

«С глубочайшим сожалением Россия наблюдает, что ее предложения не были оценены Блистательной Портой, что турецкое правительство не осознало важности урегулирования этих проблем и предотвращения их повторного появления, и что принятая ею система в угоду людям, посягнувшим на ее авторитет, может разбудить чувства, уважаемые всеми людьми, чувства религиозности, человеколюбия, патриотизма, порожденные нацией, погрязшей в отчаянии».

«Блистательная Порта может легко представить себе последствия введения такой системы. Вопреки самым наилучшим намерениям европейских держав *она принудительно окажется в состоянии войны с христианским миром.*

Так, в первую очередь, если беспорядки продолжатся или не смогут быть прекращены, Россия, *далекая от поиска гарантии мира (?)* в период Оттоманской империи, *будет рано или поздно вынуждена действовать самостоятельно*, что продиктовано защитой ее оскорбленной религии, нарушенных договоров и осужденных единоверцев.

Кроме того, министр Турции должен был уже понять, *что причина, побуждающая Россию действовать*, это также и ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРИЧИНА».

Эта записка — больше, чем просто выражение глубокого филантропического интереса, больше, чем предложение совета и помощи Порте. Великодушие России идет дальше, ибо, показывая слепоту Порты по поводу ее собственных интересов, эта записка становится ультиматумом. Примите мой совет, говорит Россия, или свершение того, что я рано или поздно обязана выполнить. Если в течение восьми дней Порта не «оправдает надежд его Императорского Величества», она будет отрезана от

всех коммуникаций с Россией, министр отправлен в отставку. В этом провозглашении войны он выступил защитником христианства и всей Европы и угрожал империи вторжением в то время, когда восстание вспыхнуло в ее провинциях, а ненависть и недоверие ее местных советов обратились против ее союзников, которые могли ее поддержать. Это беспрецедентное насилие достигло такого уровня, что после оговоренных восьми дней предложение было полностью отвергнуто под предлогом того, что время на размышления вышло. Этот простой пример ведения Турцией переговоров, безусловно, заслуживает такого же внимания, что и риторика России.

«Как бы ни противоречило установление такой договоренности правилам, принятым между двумя странами, Блистательная Порта серьезно восприняла необходимость согласиться с ней. По завершении восьми дней были предприняты меры, чтобы передать ответ на следующий день, и было послано за российскими драгоманами, чтобы донести ответ министру. Драгоман⁹ сослались на некую отговорку и заявили, что придут за ответом на следующий день. Они явились к раис-эфенди¹⁰ и заявили, что срок в восемь дней истек, а министр не может получить ответ Блистательной Порты». Таким образом, Россия сочтет, что «отдала последний долг» Порте, после чего «император полагает, что выполнил все свои обязательства со всевозможной тщательностью!»^{*11}

Прежде чем оставить этот документ мы должны выделить отрывок, который со всей очевидностью убеждает и подтверждает интерес, который могущественное правительство имеет по

* Примечательно, что разрыв был мотивирован преимущественно тем, что турецкое правительство не вывело свои войска из провинций, тех самых провинций, которые стали центром мятежа, для подавления которых Россия предложила свои войска! Это было названо нарушением Бухарестского договора. Тем временем Россия удержала не от данных провинций, а от самой Турции крепости Анапа, Поты и другие, передача которых была оговорена договором. Те, кто хочет знать, как английский посол «дал знать Дивану» о замысле «Императора», найдут это в записках лорда Стрэнгфорда* и разъяснении Порты (достойно особого восхищения разъяснение, датированное февралем 1822 г.). Это как раз то, что нам следует знать о собственных усилиях по нанесению ран Турции.

отношению к судьбе 500 000 граждан иностранного государства. «Публичные акты посвящены наказанию и смерти людей, которые до сих пор были защищены установленными условиями договора и негласным почтением, обязательным для других граждан Европы. Будет излишне цитировать все специальные условия договора Его Высочества, которые подтверждают безошибочность этого утверждения. Совершенно ясно, что не только зачинщики этих беспорядков, но греческий народ в целом и сами источники его существования, подверглись удару по причине мер, принятых судом Константинополя».

Глубокая убежденность звучит в этих энергичных формулировках — великодушие и человечность должны превалировать в ее местных органах власти — а недавние события в Польше — наваждение.

Мы процитировали эти отрывки не только ради праздного стремления обвинить Россию, но ради того, чтобы подтвердить ее слабости через ее страхи.

Мы не станем пытаться проанализировать объявление войны Россией, но лишь приведем несколько отрывков.

«Его Императорское Величество, ожидая от союза трех держав немедленного прекращения войны на востоке, отказался от любого воздействия, отверг идею применения односторонних мер относительно этого важного вопроса. Под его покровительством была открыта конференция в Аккермане¹². Было решено в дополнительном соглашении к Бухарестскому договору¹³, соглашении, условия которого несут печать той рассчитанной преднамеренной сдержанности, которая при соблюдении всех требований и незыблемых принципов правосудия не учитывает ни преимуществ расположения и превосходства войск, ни возможности успеха».

В ответе Порты присутствует совсем другая версия или, как минимум, объяснение смысла выражения «преднамеренная сдержанность» в России.

«После нескольких встреч российские полномочные послы в нарушение конвенции представили отдельный документ под названием ультиматум, требуя, чтобы он был одобрен и при-

нят без изменений. Тщетно полномочные послы Блистательной Порты демонстрировали, насколько это предложение противоречит всем дипломатическим формам и самой сути конференции. «Наша миссия, — отвечали русские, — добиться принятия этого документа без единого возражения». В конце концов турки уступили после официального заверения русских послов, что «Россия никоим образом не станет вмешиваться в греческий вопрос. Эта декларация, зафиксированная в протоколах обеих сторон, стала обетом дружбы и мира между двумя империями в настоящем и в будущем. Завершение конференции было косвенно обусловлено данной декларацией, и договор был заключен, к счастью, без изучения деталей каждой из сторон».

После того как Император выразил сожаление, что его жертвы не были оценены и его сдержанность понята, объявление войны продолжается:

«Однако война с Турцией не привела к ухудшению отношений России с ее союзниками, не предполагала заключение договора о гарантиях и политических обязательствах, связывающих судьбу Оттоманской империи с репарационными выплатами 1814 и 1815 годов¹⁴, в тени которых цивилизованная христианская Европа смогла передохнуть после своих продолжительных раздоров, и европейские правительства смогли объединиться в память об общей славе*, проявив общность принципов и намерений».

Как же в 1828 году Россия могла забыть, что еще в 1821 она обращалась к Турции всего лишь как защитник христианских и европейских идей? Греческая революция оказала влияние на Европу: июльский договор был подписан. Договор не был ею создан или предложен, она лишь присоединилась к нему по причине врожденного страха за цену человеческой жизни и поблагодарила Великого капитана эпохи, подтвердив влияние, которое он имел на ее советы.

Но «Россия, находясь в состоянии войны с Портой и по мотивам, не связанным с июльским договором, придерживается и будет придерживаться дополнительных условий этого согла-

* Это предупреждение для Франции!

шения. Обязанности, налагаемые на нее по этому соглашению, принципы, на которых он основан, будут, во-первых, выполнены с максимальной лояльностью, во-вторых, без отклонений. Ее союзники всегда смогут рассчитывать на ее готовность присоединиться к ним ради исполнения Лондонского соглашения и оказать помощь в работе, которую потребуется делать ради ее религии и соображений гуманности. Она всегда готова извлечь выгоду из своего существующего положения, но лишь ради ускорения выполнения условий договора от 6 июля, а не ради их изменения».

Россия спровоцировала греческое восстание, обвинила в этом Порту и предложила свое посредничество в его подавлении. Затем она угрожает войной вследствие жестоких мер, принятых Портой, этими угрозами, публично подтвержденными отъездом ее посла, распространяет восстание, провоцирует враждебность между Турцией и христианским миром, делает вид, что Англия упростила ее вступить в союз, обусловленный июльским договором, получает важные преимущества по Аккерманскому договору, отказавшись ради Турции от любого дальнейшего вмешательства в дела Греции^{*15}. Затем союзники

* В апреле Россия подписала протокол, по которому она обязалась вмешиваться в дела Греции. В сентябре она обеспечила принятие Аккерманского договора, обязавшись не вмешиваться в эти дела. В июле она подписала Лондонский договор, подтвердив апрельское обязательство, дополненное изъяснением решимости применить силу в случае необходимости. А в октябре, ее адмирал, действовавший на основании *морской* интерпретации этого документа, принял участие в сражении при Наварине, где оттоманский флот был уничтожен тремя державами (и это в условиях прочного мира), которые позже заключили соглашение о «мире, посредничестве и защите». Но мысленная оговорка, в чем Порта призналась в послании своим подданным, была единственной внятной причиной для жалобы, на основе которой Россия смогла найти повод для расхождения со своими союзниками и объявления войны *по особым причинам*. После сражения при Наварине и отъезда послов из Константинополя Порта не сомневалась в том, что она была в состоянии войны с тремя государствами. Она возвала к чувству патриотизма турок и призвала их вооружаться ради защиты их страны и религии. В то же время она известила их не о том, что она была обманута Россией, что было правдой, а о том, что она была обманута Россией и подписала Аккерманский договор с тем, чтобы выиграть время (Quarterly Review. No. CV. P. 234, 235. Note to Fifth Edition).

позволяют ей воспользоваться тем бесценным моментом, когда Турция очевидно находится на последнем издыхании, и начать войну с тем, чтобы урегулировать положение дел в Греции. Когда Россия способствовала возникновению враждебности и антагонизма между Турцией и Европой, она обнаружила, что Турция больше не нужна как противовес европейской власти. Великодушие побудило ее не разрушать Турцию. Она обязалась не «извлекать выгоду из ситуации», в которой она оказалась благодаря своим союзникам, никоим образом не отклоняться от дополнительных условий (условий посредничества, мира и охраны) соглашения от 6 июля. Посредник в Греции, она выступает воюющей стороной лишь в Румелии и Анатолии¹⁶, но она захватывает суда на Архипелаге¹⁷ и блокирует Дарданеллы, в то же самое время она субсидирует Грецию, чтобы сохранить присутствие 20 000 военных на своей границе и парализовать операции турок^{*18}.

Ради этого Каннинг¹⁹ разработал то памятное Соглашение²⁰? Это таким образом «влияние России в Греции было нейтрализовано, а ее вмешательство в дела Турции предотвращено»?

Выполняя Соглашение ради сохранения Турции, вы уничтожили основной способ защиты для морской державы — ее флот, вы заставили ее поверить, что ваша цель — ее уничтожение, ваши послы покинули ее столицу. Вы, в соответствии с ее способом суждения, формально и практически объявили войну. Теперь следует сохранить «достигнутые результаты, которые Император, чья справедливость и здравый смысл никогда не бывает напрасной, ожидает от своего благословения»**.

* Но эти люди вместо того, чтобы войти в незащищенные пограничные провинции, оставались бездейственными, что было совсем не характерно для них и имело результатом не только беспорядки. Фессалия и Пина, охваченные мятежом, сдерживались только посланником Каподистрии, умолявшим, пугавшим и грозившим им мстостью всей Европы и обещавшим им полное освобождение, если они не «погубят самих себя, смешав планы союзников», использовавшим любой аргумент, чтобы предотвратить расширение греческой территории, чего, похоже, он так боялся на конференциях в Поросе. Для ближайших целей России Греция была достаточно велика, для ее собственных отдаленных целей — слишком велика.

** Заключение провозглашения войны Россией, 26 апреля, 1828 года.

Что другие государства, даже самые слабые в Европе, позволили бы себе предпринять, чтобы повлиять на дипломатические документы, соображения гуманности, филантропии и религии? Лишь одна Россия могла торговать всем самым святым и почитаемым в обычном общении между людьми ради осуществления проектов, предпринятых лишь на основе веры в разобщенность, доверчивость и невежество Европы. До этого времени ей просто везло, что ее словам верили, а ее действия оставляли без внимания. Лишь одна Россия могла снискать дружбу и получать услуги от всех сторон^{*21} и всех групп. И она так возвысилась по причине наших внутренних раздоров, что позволяла оскорблять, и оскорблять безнаказанно, великие европейские державы, говоря о «великодушии Императора». Почему это продолжалось? Просто потому что в то время проявлялись лишь слабые и незначительные намеки на то, что она собой представляет, и никто не ощущал ущерба, наносимого нам ее развитием, не знал средств ее сдерживания.

«Может ли кто-либо, осведомленный о сути дискуссий 1821 года и записке барона Строганова, знакомый с условиями представленного им ультиматума, с грубой манерой, в которой он отверг ответ Порты, и его последующим отъездом из Константинополя, который, как справедливо отметила Порта, “не имел никакой причины”, может ли кто-либо хоть на мгновение усомниться, что намерением российского посла было вызвать восстание и что он в этом преуспеет? Были ли послы Франции и Англии готовы покинуть Константинополь, как они сделали это впоследствии в 1827 году? Не была ли война между Персией и Турцией²², которая началась именно тогда, спровоцирована российским поверенным в делах в Тебризе²³ и обоснована им в длинной записке, адресованной чиновнику шахского двора?

* Либералы по всей Европе поддержали Каподистрию. Первым приобретением на Черном море она обязана уходу Фокса. Для партии тори, пришедшей к власти, и карлистов во Франции Адрианопольский договор, объявление войны были направлены на захват Константинополя, представляемого как признак восстановления падшей династии.

Могло ли быть такое замечательное совпадение мнений российских представителей в таких отдаленных дворах неподготовленным заранее результатом?

Но жесткость российского посла была бесполезной. Твердая позиция и вмешательство британского правительства, а также сдержанное поведение Порты помогло отсрочить катастрофу. И так было до тех пор, пока кандалы, что мы надели на себя Лондонским договором, не приковали нас к России и пагубные последствия столь неблагополучной связи не привели к падению Турции, а мы не только лишились возможности предотвратить восстание, но и поспособствовали прославлению нашего соперника и ускорили покорение нашего союзника»*.

Война в целом завершена, материальные средства России истощены, а моральный дух Порты полностью изможден, но Россия все еще является угрозой после захвата Балкан, она угрожает Англии захватом ее флота у острова Тенедос. Таким образом, она создает впечатление, что Турецкая империя почти у нее в руках. Наш посол немедленно прибыл, другие дипломаты торопили с договором, который, будучи отложенным на несколько недель, никогда не был бы заключен. Российские войска стремительно уходили, а турецкие начали постепенно приходить в себя от испуга, разочарования и несбывшихся ожиданий.

Затем появился манифест²⁴. Слова его, как солнечные лучи, должны были услаждать взор Европы, а благочестие и лиричность — побуждать разделить славную победу российских войск над деспотизмом, невежеством и варварством.

Левый берег Дуная захвачен, чтобы остановить бич народов — чуму. Крепости на границах с Черкесией перешли в бессрочное владение империи, чтобы остановить отвратительную для России торговлю рабами^{**25}. Потери человеческих

* Quarterly Review. No. CV. P. 231.

** Черкесская работоторговля, в борьбе с которой Россия так часто говорила о гуманности Европы, только по названию связана с торговлей неграми или ее собственными 25 миллионами крепостных крестьян. В Турции рабство означает усыновление. Раб — член семьи. Он связан со своим хозяином узами кровного родства. Ему доверяют больше, чем некоторым родственникам! Для

жизней были компенсированы урегулированием греческого вопроса — что было приятно для союзников и священо для ее собственной религиозности и гуманизма. Невзгоды ее собственных подданных компенсированы, а Дарданеллы стали абсолютно свободными для ведения торговли всех наций. Россия «все еще остается чужда стремлению к завоеваниям и возвеличиванию»*.

Вероятно, можно предположить, что расширение господства России, подобно нашему в Индии, стало возможным в результате обстоятельств и противоречило принципам, установленным ею самой для себя. Но любой, кто ничего не знал о России, в результате пристального изучения этого объявления войны должен понимать, что захват Дарданелл был основной целью политики России. «Босфор закрыт, — провозгласил Николай I в манифесте от 26 апреля 1828 года, — наша торговля парализована». Объявление войны продолжается так: «Разрушение российских городов, которые были обязаны своим существованием этой торговле, стало неизбежным, и центральные провинции державы Императора потеряют единственную точку сбыта своей продукции, единственный способ морского сообщения, который приносит плоды, поддерживает промышленность и достаток». Это сильное заявление, и, без сомнения, оно было сделано преднамеренно. Как можно развивать внутрен-

него открыта любая карьера, любая судьба, даже печати визирия. Черкесские женщины, находящиеся в турецком рабстве, чувствуют себя так же, как Брисеида в шатре Ахиллеса. Тот же негр, перевезенный в европейские колонии, становится существом, которое рассматривается как нижайшее по своему интеллекту и положению в сравнении с белым собратом. Будучи перевезенным в Турцию, он может стать и часто становится священником, генералом, пашой. Черкесы обоих полов сейчас доставляются в Турцию контрабандным путем. Их рабство, естественно, никак не связано с насилием. Их мысли могут отличаться от наших, их позиция — естественный результат этого отличия. Россия призывает покончить с рабством! Пусть Европа взглянет на миллионы своих существ, низведенных до положения животного и опустившихся еще ниже из-за своей деградации и унижения, которому они подвергаются без возможности отмщения.

* Манифест 1 октября 1829 года.

ние ресурсы России, не ставя государство под угрозу, когда вывоз и ввоз товаров находится под контролем государства, враждебного по своей сути, совершавшего длительные вторжения, озлобленного и раздраженного из-за унижений, причиненных поражением? Если бы не было вероятности враждебного движения, если бы не было таких стран, как Франция и Англия, если бы богатые районы Турции не стоило захватывать, если бы Россия не была заинтересована в создании флота, если бы ей не было нужно предотвратить существование хорошего правительства в Турции, чтобы не допустить развития сельского хозяйства, что было бы пагубно для ее собственного, или лишить надежды различные народы, которые находятся в подчинении России лишь потому, что в Турции продолжается смута, если бы ни по одной из этих причин, каждая из которых способна оправдать ее усилия, захват Дарданелл не был бы желателен, все же это было бы необходимо для обеспечения безопасности торговли России. Должно было сохранять контроль над проливом до тех пор, пока правительство сможет позволить широкое развитие промышленности, которая в любой момент может потрясти империю и свалить правительство по приказанию раис-эфенди капитану порта Константинополя. «Дарданеллы важный вопрос, жизненно важный для нас», — сказал граф Нессельроде²⁶. «Это ключ от моего дома», — ответил Александр.

Как наше владычество в Индии, хотя оно и росло без препятствий и расширялось без стеснения или контроля, расширение владений России должно прогрессировать? Россия, сдерживаемая широким поясом, зависимая от враждебного привратника и видящая богатые трофеи, но сдерживаемая великой недипломатичной державой, должна ради расширения получить эти трофеи и обмануть, запутать и опрокинуть эту державу. Ничто не может сдержать ее, даже если она и захотела бы остановиться и сохранить правительство и могущество Турции. Ее стремление к развитию демонстрируют ее попытки лишить Турцию средств к существованию и ее покорение — это необходимость для России.

Глава II

Но мы должны вернуться к Адрианопольскому договору.

Первой, заслуживающей внимания статьей является третья. Дельта у устья Дуная переходит к России, а значит вся река, текущая через Болгарию, провинции и центральную Европу, отдается в ее пользование, а противоположный берег должен оставаться незаселенным на расстоянии шести миль от реки. Таким образом, не во власти Порты сохранить над ним контроль.

В соответствии с четвертой статьей, России отходит Анапа, военный и коммерческий ключ к Черкесии, полученный путем обмана в начале войны. Это приобретение отрезает торговые связи для 3–4-х миллионов независимых и воинственных народов, лишает их жизненно необходимых вещей и средств, становится препятствием для их коммуникаций с Турцией и лишает их права на сочувствие Европы.

Эта территория включает примерно двести миль побережья, три военных укрепления и две крепости, а также папалык²⁷ за пределами Грузии. Россия принимает это как должное и оставляет за собой, пользуясь невежеством Европы, не утруждаясь уточнять названия и детали.

Отдельный акт, дополняющий статью V, устанавливает следующие условия для областей: назначение господарей на пожизненный срок, освобождение от натуральных сборов, что было основным источником дохода от провинций, изгнание с их территории всех мусульман, уничтожение турецкой крепости в Гуиргове и установление карантина, в результате которого земли отделяются от Порты и присоединяются к России²⁸.

Такого рода вмешательство не может означать ничего, кроме фактического обладания. Учреждение в провинциях империи, считающихся независимыми, военных укреплений ни на мгновение не потерпело бы ни одно правительство, кроме России. Таким образом, провинции изолировались от Турции, а Россия получала контроль над каждым человеком, каждым судном, каждой кипой товаров, каждым письмом. Идея карантина, установленного иностранным государством, чудовищна. Учреждение

карантинов контролируется российским агентом и российским консулом, что звучит как римский консул провинций.

Статья VI подтверждает условия Аккерманского договора по отношению к Сербии. Что касается статьи как таковой, то против нее нечего возразить. Возможно, по этой же причине Россия сделала все, чтобы не допустить ее выполнения. Адъютант Императора так преуспел в запутывании вопроса границ, что дискуссия еще долго будет оставаться предметом сожалений и жалоб. Не думал ли принц Милош²⁹, что вопрос следовало бы решить по его собственному разумению и изгнать турок?

Император обратился и к вопросу о Белграде, и по его решению правитель должен был поклясться, что никогда не ступит в этот город снова, а столица будет перенесена в Семендрию³⁰. В конечном итоге соглашение между Сербией и Портой было достигнуто мирно. Султан даровал больше, чем требовалось изначально, к удивлению и злости российского посла^{*31}.

Статья VII устанавливает привилегии для российских купцов. Они должны были уплатить тариф за внешнюю торговлю, после чего свобода их торговли «не будет нарушаема или стесняема ни в каком случае и ни под каким предлогом, ни посредством каких-либо запрещений или ограничений, ни по поводу каких-либо учреждений и мер, вводимых по части внутреннего управления или законодательства». Но помимо уплаты трех процентов за экспорт, уменьшенных для русских до менее одного процента вследствие обесценивания валюты и древности российского тарифа, который она никогда не позволяла обновить, существовали местные налоги на товары, против которых данная статья и была направлена. Результатом было нарушение всей системы внутреннего управления страны. Управляющие и фермеры, лишённые прав и доходов, были ожесточены против русских протезе, последовали акты насилия, незамедлитель-

* Князь Милош собрал князей и глав деревень Сербии для того, чтобы представить на их рассмотрение фирман, дарующий ему звание наследного князя. Как только российский посол узнал об этом, он позволил себе безобразное оскорбление: «Не возомнил ли Милош себя Боливаром?»

но рассматривавшиеся Россией. Начались волнения, которые нельзя не рассматривать иначе, как результат условий договора с иностранной державой. И ради кого были введены эти жуткие привилегии? Можно предположить, что ради большой и влиятельной группы купцов. Ничего подобного. В Турции нет ни одного русского купца! Первостепенной задачей России было увеличение количества ее протеже. В настоящий момент половина экспорта Турции является собственностью России, а прежде в результате покровительства России привилегированный класс был освобожден от всех гражданских и финансовых обязательств, и теперь введение таких неслыханных коммерческих привилегий добавило новые поощрения. Но за этим актом скрывалась еще более важная цель — абсолютная свобода торговли. Администрация Турции проявила склонность к имитации монополий Мехмета Али³². В новых трудных условиях эта идея вновь стала актуальной. Были предприняты попытки, очевидно нарушавшие те права, которые Россия защищала с такой яростью. Ставленники России вкупе со всеми иностранцами и местным населением, будучи обложены новыми поборами, гораздо более тяжкими, чем те, от которых освободила их Россия, громко потребовали возмещения от ее посла. Им было велено не вмешиваться в дела, их не касающиеся! Цель России была достигнута: были созданы «монополии», каким бы неподходящим ни казался термин, учреждено новое бремя — не слишком тягостное, но весьма неприятное. Тлетворный дух фискальства проник в администрацию: каждый франк в империи воскликнул: «Турция потеряна», и каждый служащий России добавил: «Что бы это была за страна, находишься она в руках цивилизованного правительства!»

Статья VIII устанавливает размеры компенсаций за коммерческие убытки. Больше в договоре нет ничего, заслуживающего внимания, кроме статьи IX, устанавливающей размер компенсаций за военные издержки России, сумма которых «определена будет с обоюдного согласия» между двумя дворами.

В этом маленьком предложении состоит суть всей операции, именно в результате нее Турция сделалась заложником своего

врага. Это привело к договору от 8 июля, к конвенции в Санкт-Петербурге и затем к фактической гибели империи.

Это памятное свидетельство того, с какой скоростью был оформлен столь важный договор, того, с каким равнодушием восприняли его другие посольства и того, какими возможностями обладала Россия для поражения своего врага. Турецких полномочных представителей заставили поверить, что миллион равняется ста тысячам*. Они подписали Договор и после ратификации отвезли в Константинополь, будучи уверенными, что запрашиваемая сумма была четыреста тысяч, а не четыре миллиона фунтов стерлингов.

Учитывая плачевное состояние российских войск, их полнейшее обнищание, свирепствующие болезни, а также революцию в расположении войск местных жителей и албанской армии, которую Порты с трудом удержала от нападения на Россию, скорейшее обнаружение этой ошибки с нулями, возможно, лишило бы нас необходимости проводить этот анализ. Но сожаления тщетны, разве что они могли бы заставить нас отказаться от бездействия, которое так существенно и так бесполезно скомпрометировало наши интересы, более того, заставило нас вообще забыть о них.

Но если условия таковы, что же дало право России на материальную компенсацию? И имей она даже безусловное право на эту компенсацию, если она затрагивает само существование Турции, то не должны ли мы если не аннулировать договор, то хотя бы предотвратить формальное уничтожение турецкого правительства? Но нашему равнодушию можно найти объяснение в том, что Россия воспользовалась этим правом, выдвигая свои требования в такой манере, которая позволила Турции выполнить их. В уважительной манере империи по отношению к другой империи, как это и было сделано в Адрианопольском договоре: «если которое-либо из содержащихся в сей статье

* Сумма не была определена в договоре, который был первоначально разослан послам. Но в дополненном документе торговые претензии детально изложены так же, как в договоре оговорены сроки выплат.

постановлений будет нарушено и на представления о сем российского министра не последует совершенного и скорого удовлетворения, то Блистательная Порта предварительно признает, что императорский российский двор имеет право принять такое нарушение за неприязненное действие и немедленно поступить в отношении к империи Оттоманской по праву возмездия». При таких условиях, налагающих ответственность на одну сторону, разве было бы необходимым иметь дополнительные гарантии, кроме установленных Договором, признать долг и установить способы получения платежа? Разве было бы необходимым заключать должника в тюрьму и ставить его в ситуацию, когда невозможно выплатить долг? Хотя бы ради получения долга ему должно позволить привести в порядок свои дела. Но очевидно, что кредитору нужна не денежная сумма, а сам должник. Так соперник, понимающий, что его сил недостаточно для подчинения врага, стремится ограничить и разделить его силы и на основании права изолировать его от симпатий народа и внимания Европы.

Провинции и Силистрия отданы в счет долга! Силистрия — одна из важнейших крепостей в европейской части Турции. Обладание ею дает России место для дислокации войск в самом центре Оттоманской империи, таким образом разрешая все несогласия во мнениях между Россией и Турцией по вопросам внешней политики и внутреннего управления.

Таковы основные положения Адрианопольского договора — такие плоды России, и шипы Англии принес договор от 6 июля³³. [...]

Россия может радоваться получению таких колоссальных результатов за счет столь небольших сил и средств. Но нет, все эти приобретения случайны, они получены без значительного напряжения мысли и энергии. Но ни один звук не сорвется с ее губ, улыбка не появится на лице, пока не наступит великий день исполнения договора, и звон колоколов на Дарданеллах сольется с возгласами победы и неповиновения в залах Константина и долго подавлявшейся радостью от невероятного обмана.

Глава III

Адрианопольский договор был лишь началом конца. Способ, период и последствия каждой из четырех выплат в 1 500 000 дукатов в счет возмещения коммерческих убытков детально описаны, но ни в Договоре, ни в Отдельном акте³⁴ практически не упоминается выплата в 8 миллионов дукатов. Мы узнаем лишь, что «Силистрия и провинции эвакуируются, но должны быть полностью восстановлены через два месяца после уплаты всего долга, который будет установлен Его Величеством Императором всероссийским для Блистательной Порты в знак признания ею его великодушия и щедрости».

Безусловно, должны последовать дальнейшие переговоры и должны быть сформулированы другие договоры. России больше не нужно вымогать, требовать и угрожать, теперь Турция должна просить, умолять и выпрашивать великодушие и щедрость Императора! Все же в защиту чести и намерений членов турецкого правительства должно ясно заявить, что, несмотря на неравенство их позиции в силу нехватки информации, в тот момент ни один из них не прельстился золотом, лестью и политическими выгодами и не опустился до предательства и шпионажа в пользу России.

Но ни тогда, ни сейчас не могут быть заподозрены в сделке с Россией ни одна из партий, ни один их членов Дивана, которые окружены российскими агентами, российскими советами, российскими идеями, выражаемыми как представителями России, так и драгоманами³⁵, и агентами почти всех европейских держав и которые, находясь в таких унижительных и угрожающих обстоятельствах, имея все основания для страха, продолжают надеяться на возможность отсрочки выплат и смягчения потерь. Во всей империи нет ни одного турка, который не счел бы себя оскорбленным, будучи заподозренным в связях с Россией. Она заставляет людей плясать под ее дудку, но только за счет их страхов, их невежества, их пороков, их изоляции и покинутости*. Какое

* Нельзя забывать, что Порта прекрасно осознавала, что интриги одного из участников договора 6 июля, которые не могут быть названы политикой, поставили Мухаммада-Али в такую позицию, которая помогла реализации планов России.

отличие от Польши!³⁶ Именно это препятствует успеху России, применяющей все деморализующие средства. И это, вероятно, могло бы помочь правительству вернуть равновесие, если бы не позиция Мухаммада-Али, оказавшего России решительную поддержку и уничтожившего любую возможность спасения империи³⁷, не прибегая к иностранному вмешательству.

Лишь единством Дивана можно объяснить его обращение к Англии во время марша Ибрагим-паши³⁸. Турция обращалась к государству, которое немало способствовало обретению независимости Грецией, нации, так часто проявлявшей равнодушие в отношениях с Турцией. И это обращение было героическим актом, заслуживавшим другого отношения. Россия тем временем использовала всю свою власть, влияние и способности, чтобы предложить гарантированную помощь.

Даже после деморализующего отказа Англии просьба о помощи была удовлетворена путем частных переговоров во дворце султана. Порта была ознакомлена с условиями лишь посредством ноты российского посла, объявлявшей о выходе из Севастополя дополнительных войск.

В этих условиях и прибыл адмирал Руссэ́н³⁹. Порта, обеспокоенная ситуацией, в которой она оказалась в результате подписанного султаном акта, и желавшая вернуть свою защиту в руки любого государства, которое могло бы спасти ее от протекции России, предложила вновь прибывшему французскому послу соглашение, которое было подписано позднее. Случайное стечение обстоятельств сделало Францию арбитром на Востоке в вопросе, на котором держался мир, интересы и стабильность Европы. Посол понял это, ухватился за возможность, и подобно генералу Гильемино⁴⁰ был принесен в жертву.

С того момента, который не часто вспоминают в курсе национальной истории, Францию можно считать полностью исключенной из решения восточного вопроса.

Если это неизвестно, то следует узнать, что присутствие 8 или 9 тысяч русских в окрестностях Константинополя не привело к аресту Ибрагим-паши и не спасло султана. Их присут-

стве служило лишь дальнейшей легитимации его предприятия. Повсюду Ибрагим-паша объявлял, что его поход, поддерживаемый Англией и Францией, призван освободить султана от его союза с Россией. Эта мысль распространялась от Эльбруса на Кавказе до Черногории на Адриатике. От одного конца Турции до другого каждый крестьянин, каждый паша пытался узнать, так ли это. Одно слово, сказанное подходящим человеком, могло остановить Мухаммада-Али, чьи усилия на море сделали всю его структуру уязвимой и зависимой от каприза любого французского или английского морского офицера. Англия и Франция, не осознавая своих возможностей, уклонились от роли арбитров в тот момент, когда им были гарантированы все преимущества. Лишь когда Россия взяла эту роль на себя, развитие предприятия Ибрагима-паши было прервано благодаря присутствию русских в Александрии⁴¹. Россия неизбежно потеряла бы превосходство в Европе, если бы другое государство стало защитником Турции. Не в великолепном ли положении в отношении Турции оказалась Россия, формально отказавшись от признания ее фактических заслуг! Теперь европейские державы позволили России сказать Европе: «Я могла бы завладеть Турцией, если бы захотела»; сказать султану: «Я спасла тебя»; и Мухаммаду-Али: «Вы в долгу передо мной за ваши новые приобретения». Они позволили ей насладиться победой и войти в Босфор, и, как заявил Николай I, одержать еще «большую победу, освободив его».

Такая операция имела практические выгоды для России. Они были закреплены в Ункяр-Искелесийском договоре от 8 июля⁴², незадолго до вывода российских войск из Константинополя.

В Санкт-Петербурге Николай I и граф Нессельроде сочли этот договор не важным для Англии и Франции, он был заключен тайно и без их участия. Граф Орлов⁴³ со своей солдатской прямоотой разглагольствовал по возвращении, что Порта просила и умоляла об этом договоре, как обещании Императора продолжать оказывать защиту и покровительство.

Лишь на совести Императора и его министров остается то, что посланники Франции и Англии в Санкт-Петербурге испы-

тали доверие к этому заявлению и были введены в заблуждение относительно того, что Россия ничего не имеет против независимости Турции! Может показаться невозможным, что клятвенные заверения этих господ не были основаны на каких-либо фактах, которые оправдывали или извиняли бы их. Но не было и намека на те заявления, свидетелями которых мы стали. Договор, представленный как уступка просьбам Порты, стал громом среди ясного неба. Он был составлен в российском посольстве, возможно, даже в канцелярии в Санкт-Петербурге, его черновой вариант даже мог бы быть подготовлен много лет назад, ожидая подходящего момента для реализации^{*44}. Но как бы то ни было, ясно одно, как и Аккерманский, данный договор был представлен Порте не для обсуждения, а для того, чтобы «одобрить и принять».

Все правила международной вежливости были нарушены, частные лица, подозревавшиеся в поддержке оппозиции, были частным образом запуганы от имени Императора, который «ничего не знал о соглашении и получил его копию как новость». Министры Оттоманской империи отказались от контактов с оппозицией, деятельность которой, не принеся выгод стране, могла погубить отдельных оппозиционеров.

Этот Договор, который ни в коей мере не заинтересовал Англию и Францию, был настолько важен для России, что граф Орлов дал ясно понять турецкому правительству, что его подписание является условием вывода российских войск.

* Единственной целью миссии графа Орлова и причиной, по которой он был наделен чрезвычайными полномочиями, была необходимость вырвать у Турции подпись под этим Договором. Будучи наделенным высшей военной властью в южных провинциях России, он прибыл, когда все уже было завершено, и заменил Бутенева в качестве посла, а генерала Муравьева — в качестве командующего оккупационными войсками. Эти масштабные силы, учитывая время его прибытия, не было необходимости выдвигать. Кроме того, как он сам не раз повторял во всех салонах Терапии и Буюк-дере, он и прибыл «как горчица после обеда». Однако он не мог допустить и минуты промедления, и, узнав в Одессе о задержке отправления на несколько часов по причине ошибки в расчетах, даже понимая, что те события, что были предлогом для его поездки, совершились, он собственной рукой жестоко выпорол капитана фрегата!

К договору был добавлена серьезная приманка о том, что половина невыплаченной суммы в 6 миллионов дукатов может быть списана, а возможно, Император в знак благодарности за оказанное доверие спишет и всю сумму. Мы не станем ослаблять эффект от сути этого соглашения, уверений и поступков ни единым комментарием со своей стороны.

Не раз убеждаясь, что сущность этого Договора не всегда понятна, мы перечислим основные выгоды, полученные Россией, что объяснит, почему он был так важен для нее.

По Договору она стала единственным защитником султана, а в случае непредвиденных обстоятельств, которые в любой момент могли возникнуть в результате ее собственных усилий, обращение за помощью к любой зарубежной державе считалось нарушением условий специального договора. Турция на свою беду поняла меру наказания по любой реальной или вымышленной претензии.

Ей указали на необходимость сохранять «отсутствие любого повода для обсуждений». Факт оказания защиты, в результате которого упал авторитет султана в глазах его поданных, стал печально известным благодаря Договору.

В глазах всей Европы Император выглядел как защитник. Рассчитывая на протесты и демонстрации, которые, как он предполагал, не будут иметь значительных последствий, он справился с большой проблемой, возникшей в результате занятой им позиции. Претензии Франции и Англии, выраженные, а затем снятые без требования компенсации, дали ему дипломатическую победу, стоившую дороже, чем многие, завоеванные на полях сражений. Турецкое правительство в свою очередь осознало, что ему неоткуда ждать помощи, а его существование может быть продлено лишь за счет терпения и сдержанности, требуемые Императором.

Если бы вопреки ожиданиям России этот договор заставил бы Англию и Францию очнуться от своего безразличия и помешать ее прогрессу, это означало бы, что она совершила ужасную ошибку, первую, в которой она была виновата. Если же нет, то

это был последний договор, возможный между Россией и Турцией, последнее свидетельство их независимого друг от друга существования*⁴⁵.

По Договору все обсуждения и решение всех возникающих между двумя дворами споров должны производиться в Санкт-Петербурге.

Раболепство Порты на руку России, поскольку позволяет преодолеть практические трудности, позволяет списывать недовольство населения Турции на плохое руководство, позволяет обладать такими местами, стратегическая сила которых предоставляет возможность давать отпор России во время войны. Но самое главное, что по условиям договора в глазах Европы она обладает всеми этими правами. Чтобы сохранить видимость доверительных отношений с Турцией, окончательное урегулирование выплаты было отложено в период подписания Договора от 8 июля. Послу надлежало явиться в Санкт-Петербург и обратиться к щедрости Императора четко оговоренным образом в соответствии с обязательствами, по которым, помимо всего прочего, несколько тысяч русских штыков находились в самом центре владений Оттоманской империи.

Выбранный посол становился основным представителем в вопросе получения прошения султана о помощи. При взаимодействии дипломатического представительства России с сералем⁴⁶ его советником был греческий посредник. С равным старанием были выбраны два секретаря — с турецкой и греческой сторон. Состав миссии в действительности был назначаем Россией.

Хотя посол и назначался Россией, все же был турком: он не был предан России и не продал свою страну. Он пытался отстаивать права Турции, но в ответ получал лишь — «такова воля

* Этот Договор был наградой за отважную высадку 9000 русских на берегах Босфора — выдающийся шаг, когда-либо совершавшийся из честолюбия. Если бы только талант командования и этот удивительный успех могли облагородить жестокий захват трофеев и жестокое господство России! Лорд Понсонби перед эвакуацией эскадры предупреждал Порту о принятии такого договора, покаяваясь, что планы России легко просчитать, если разгадать ее позицию.

Императора». У него не было выбора между подчинением и требованием отзыва своего паспорта^{*47}. Позиция посланников Франции и Англии в Санкт-Петербурге, о которой мы писали выше, лишала его даже незначительной моральной поддержки, а потому он покорился, и соглашение было заключено в том виде, в каком желал Император.

Провинции формально были возвращены Порте, хотя, безусловно, Россия распоряжалась ими таким образом, как если бы они находились под ее управлением. Ей принадлежала крепость вне ее границ, а по территории Турции проходили военные дороги, ведущие в крепость. Император проводил эту военную оккупацию, подготовку запасов продовольствия и, как и прежде, заявлял своим терпеливым европейским союзникам о своей сдержанности и бескорыстии.

Но оккупация Силистрии, проводившаяся при условии невыплаты долга, или при оказании финансовой помощи Турции со стороны другой державы, или в случае революции в Турции, открывшей бы сокровищницы Султана, могла освободить турецкую землю. Провинции, однако, по вышеуказанному соглашению, были «застрахованы» от таких случайностей, а Силистрия передавалась в пользование на 8 лет без возможности выкупа^{**}. Это условие, конечно, считалось обоснованным, для реализации

* Миссия Ахмет-паши совпала с первым морским выступлением Англии в Леванте. Как мы можем обоснованно утверждать, Россия потребовала всяческих условий в пользу Турции, поскольку ее встревожило, что Англия может одним лишь словом осуществить эвакуацию Силистрии. Поскольку у Англии не было конкретной позиции или плана, отдельного министра не следует осуждать за игнорирование такой прекрасной возможности. Особенно неудачно было то, что именно этот момент был выбран, чтобы сообщить России, что выступление Англии ничего не значило, и что в тот же самый момент маршал должен прибыть в качестве посла Франции, чтобы выразить удовлетворение своего правительства сдержанностью Императора! Это может показаться невероятным и непостижимым, и именно так и рассудило турецкое правительство, которое, ощущая разницу своей ситуации до и после этих миролюбивых объяснений, могло лишь предположить, что мы заключили союз с Россией.

** Мы понимаем так, но можно отрицать это, ссылаясь на удивительную расплывчатость формулировок Договора. Если Россия будет возражать против нашего вывода, то пусть врят те, кого она может убедить.

планов России в любом случае*. При этом оно также подавалось как акт сдержанности и бескорыстия со стороны Императора. Его бесконечно лояльные союзники утешили себя тем, что Император продлил срок денежной выплаты на целых восемь лет!

Эти ежегодные выплаты должны были выплачиваться не в дукатах, а в турецких монетах⁴⁸, и не по действующему курсу стоимости дукатов на время выплаты, а по цене 32 пиастра за дукат. Обесценивание денег, случившееся после выплаты первых сумм после заключения Адрианопольского договора, привело к повышению курса до 45 пиастров за дукат, но Император официально взял обязательство принимать выплаты по курсу 32 пиастра за дукат. При том, что обесценивание монет было вызвано серьезными факторами, союзники Императора воскликнут: Какая щедрость!

Попытки России завоевать сильные и гористые районы Лазистана и Аджары⁴⁹ на азиатской границе во время последней военной кампании окончились ничем. Теперь участок этой страны аннексирован Россией, что подтверждено подписью Ахмет-паши под соглашением. Россия, таким образом, имеет право в мирное время атаковать и подчинять себе те районы, которые оказали ей сопротивление во время войны, районы, которые приобрели важное значение в результате внутренних событий. Россия занимает прочное положение в горных районах Лазистана и Армении и располагает средствами распространения своего разлагающего влияния.

Отделение территорий требовало определенного предлога. Таким предлогом стала оговорка о «компенсации натурой», что Адрианопольский договор признавал в счет уменьшения долга. Договор 8 июля был подписан при условии сокращения трехмиллионного долга. Передача этих земель оплачена двумя

* Даже в том случае, если вся сумма будет выплачена, компенсация не предполагается, разве что все условия Адрианопольского договора, налагающие на Турцию выплаты, будут тщательным образом выполнены. Мы говорили об учрежденных ею псевдомонополиях — не является ли эта практика нарушением Адрианопольского договора? Не станет ли она в один прекрасный день удобной отговоркой?

миллионами из тех трех, а третий миллион предстояло выплатить. Это единственное объяснение требованию Императора «все или ничего»: если все, что я требую, не будет передано, то сокращение контрибуции на два миллиона будет отменено. Но и в этом случае самые лояльные союзники России усмотрели доказательство умеренности Императора.

Эта чудесная, странная и наполненная событиями история имеет и удивительное завершение. Дело в том, что этот пример умеренности Императора был опубликован вовремя, чтобы успокоить и заглушить протесты Англии и Франции, взволнованных заключением договора о защите Турции. За официальным объявлением об их сатисфакции последовали недвусмысленные признаки недоверия, и эскадры, после столь полезной для России демонстрации сил*, были отозваны в Тулон и на Мальту⁵⁰. Таким образом, дипломатический триумф России был провозглашен самими европейскими державами. Она восстановлена после прошедших войн, ее приобретения носят законный характер, ее призывы к сдержанности воспринимаются на веру, терпимость и лояльность союзников гарантированы. Какова же должна быть жизненная сила Турции, коли она все еще существует! [...]⁵¹

Глава VII

До настоящего момента мы рассматривали Турцию как принципиальный вопрос, к которому европейские державы имели касательство настолько, насколько их политика влияла на ее существование. Сейчас мы изучим интересы этих держав относительно друг друга, упоминая Турцию лишь как объект их соперничества и в той степени, в какой ее богатство, вооружение, торговля, расположение и флот могут обеспечить влияние и власть каждой из соперничающих сторон или союзных правительств.

* Одним из последствий этой демонстрации было то, что Мухаммад-Али прислушался к ее рекомендациям, а ее влияние расширилось за пределы Средиземноморья вплоть до берегов Индийского океана.

После усложнения ситуации с Бельгией⁵² выдающийся дипломат и представитель одной из великих держав заметил: «К чему эта тревога? Ни одно ружье в Европе никогда не выстрелит ради независимости Бельгии. Арена борьбы европейских держав будет открыта на Востоке».

Да, с каждым днем представителям европейских кабинетов становится все яснее, что решение европейских проблем — на Востоке, а турецкий вопрос — не просто европейская проблема, а одна из главных проблем в Европе.

Во Франции бытует общее смутное представление о том, что Англия принципиально заинтересована в сохранении Турции, тогда как в Англии полагают, что в этом заинтересована преимущественно Франция. Мы надеемся доказать, что это в интересах обеих стран, а кроме того, лишь их совместные усилия позволят сохранить и обеспечить эти общие для них интересы.

Интересы Франции всегда были и всегда должны быть в противодействии возвышению России. Они должны оставаться такими, даже если завтра Карл X⁵³ будет возвращен на трон при помощи России. Эти интересы Франции и сейчас и ранее были связаны с интересами Турции. Каков же тогда ее интерес в возвышении России за счет ослабления Турции?

Когда Австрия и Польша оказали сильное давление на Турцию, Людовик XIV направил 200-тысячное войско в Пруссию⁵⁴, чтобы восстановить баланс⁵⁵. Когда Россия угрожала Турции, французские инженеры и военные обучали турок, открывали школы, строили укрепления и настойчиво оказывали те услуги, которые несговорчивые в то время турки могли бы принять. Когда была разделена Польша, Франция не была заинтересована [в Турции] не только по той причине, что ею правила возлюбленная Людовика XV⁵⁶. В то время Франция была деспотичной монархией, близкой России по политическим принципам, хотя и противостоящей ей по политическим интересам. В 1793 г. Франция заняла другую позицию⁵⁷. Она переняла политические принципы, в соответствии с которыми в стране уничтожались

* См. Приложение № 2.

интересы, классы и идеи, на которых основывалась власть прежних правителей, равно как и правительства России, Пруссии и Австрии. Это стало поводом для враждебности со стороны монархий, поскольку затрагивало саму основу их существования. Эта враждебность не исчезнет до тех пор, пока Франция остается уязвимой, а другие державы располагают возможностями для нападения.

Россия стала центром союза, дважды разбившего Наполеона⁵⁸, и каким бы незначительным ни был ее вклад, она направляла движение, поскольку являлась главным защитником тех принципов, которые заставляли выступать против власти Франции, принципов, подвергавшихся резкой критике в государствах ее союзников, но остававшихся неприкосновенными и главными в России.

Враждебность была свойственна не только государственным мужам России. Казаки дважды разбивали бивуаки на берегах Сены!⁵⁹

Франция, измученная нападением всех европейских держав и непомерными амбициями своего правителя, на время перестала представлять угрозу для северных держав. В 1830 году в страну вновь вернулся опасный и угрожающий дух 1793 года⁶⁰. Северные державы не стали немедленно хвататься за оружие, поскольку на опыте знали более верный способ нападения (возможно, не сделав это, они совершили бы большую ошибку). Восстание в Польше и беспорядки в Германии⁶¹ указали им на их реальную слабость в случае нападения, на необходимость усмирения любых движений сопротивления внутри страны и объединения всех сил до объявления войны, нацеленной на полное политическое уничтожение, войны, которая, будучи развязанной, будет долго полыхать яростью и распространяться со скоростью, не свойственной ни одной из предшествующих. Россия, как и прежде, была центром и душой этого союза, основанного на общем понимании необходимости уничтожить новую доктрину Франции.

Австрия и Пруссия присоединились к России⁶², поскольку каждое действие Франции могло привести к их распаду, а внутри каждой из стран в любой момент мог вспыхнуть мятеж. Россия стала их спасением в борьбе с обеими угрозами, тогда как она

сама, находясь в безопасности благодаря удаленности, климату и бедности, готовила кризис, в котором европейские державы взаимно бы измотали и уничтожили друг друга. В их стремлении поглотить княжества Германии Россия поддерживала их, а Франция противодействовала. Таким образом, формировалось два источника зависимости от России: один — на основе предпочитаемых ею целей, другой — на основе ее способности противостоять враждебному влиянию. Где бы Россия была сегодня, если бы не соперничество Франции и Англии? Чем бы она стала, если бы не война либерализма и деспотизма? В результате этого противостояния она смогла усилиться, и это противостояние необходимо для ее дальнейшего возвышения. Франция — объект для нападения. Потому она должна смотреть на возможность доступа к силам каждого из союзников не как на вопрос зарубежного или торгового влияния, но как на орудие во враждебном лагере, как на подкрепление, входящее в лагерь врага в канун битвы.

В этих условиях войны каковы были результаты доступа ко всем ресурсам турецкой империи со стороны северного союза? С того часа Россия стала неуязвимой, ведь ее южную и восточную границу охраняли несколько тысяч человек, а она могла сконцентрировать все свое внимание на западе. Всего через несколько лет ее доход удвоится или утроится. Торговля Европы будет в ее руках, все материалы, ныне используемые в арсеналах Франции, будут под ее контролем. Значительный флот будет спущен в Средиземное море, и тогда ее морские силы будут превосходить французские. Влияние и торговля Франции на море немедленно будут прекращены, и в любой момент Россия сможет доставить отряды казаков к берегам Италии или Испании, чтобы оказать поддержку тем силам и принципам, которые сейчас доставляют Франции столько беспокойства. Все это скажется на Бельгии, Германии и внутренних группировках. Как только Россия укрепится на Дарданеллах, все эти обстоятельства станут очевидными. Тогда настанет время для реализации планов, так тщательно планировавшихся в трех кабинетах, для уничтожения тех настроений, которые так пугают два северных государства и дают преимущество третьему.

Останется ли тогда Англия союзником Франции? Пошлет ли флот и войска для ее поддержки? Очевидно, нет. Каковы бы ни были ее симпатии, Англия не может снова вступить в континентальную войну, а эта битва будет проходить на суше.

Если таковы результаты оккупации Турции, не стоит ли вопрос о существовании Франции? Предположим, что эти последствия можно отсрочить, но что с того? Жизнь нации не ограничивается несколькими переворотами песочных часов, измеряющих период жизни отдельного человека. Жизнь нации — это существование системы, и для Франции эта жизнь уже подвергается серьезному риску, а через несколько шагов России ее судьба станет необратимой.

Но если возродить Оттоманскую империю, вся картина изменится с точностью до наоборот. Россия будет остановлена там, где она сейчас, и не сможет стать ничем иным, кроме того, чем по сути является — бедной, незащищенной и уязвимой. Если бы Дарданеллы принадлежали Турции, Россия никогда бы не осмелилась раздражать морские державы. Если бы была нужна война для того, чтобы восстановить Турцию, сейчас черед Франции, а не России. Россия владеет Оттоманской империей со всей ее мощью к сопротивлению, она уклоняется от армий Германии в случае их враждебности, и она призывает на помощь морскую, и, что еще важнее, моральную поддержку Англии. Успех гарантирован, а средства незначительны. Ей нужно 500 тысяч человек помимо национальной гвардии, чтобы быть готовой [к войне] в случае непредвиденного развития событий в Европе. Флот, уже находящийся в море, в течение трех месяцев решит турецкий вопрос полностью в ее пользу, что повлечет за собой всевозможные трудности для Европы, а именно урегулирование ситуации на Полуострове и в Бельгии⁶³, ситуации, спровоцированной Россией и ее сторонниками, чтобы отвлечь внимание Европы от того поля сражения, где России достаточно лишь появиться, чтобы победить, и где она намерена появиться.

Не меньшим императивом являются интересы Англии. Северный союз, направленный против Франции, затрагивает торговые интересы Англии. Этот предмет требует отдельного и бо-

лее детального пояснения. На данный момент будет достаточно сказать, что страны, ведущие с нами торговлю, годовой оборот которой равен тридцати миллионам, окажутся под непосредственным контролем коалиции и подпадут под действие российского таможенного тарифа. Этого не происходит сейчас, но случится, когда маска будет полностью сорвана. Какой эффект на внутреннюю ситуацию в Англии окажет существенное сокращение экспорта? Причем речь может идти не только о тарифах коалиции, но и тарифах Северной и Южной Америки. Разве открывающиеся торговые перспективы, не говоря о тех, что уже существуют в отношении Турции, не важны? Разве ничего не стоят развивающиеся проекты торговли с Индией напрямую через турецкие территории, когда Дунай стал судоходным⁶⁴, а каналы вот-вот соединят его с другими реками Австрии, России, Пруссии и Баварии, что позволит наладить прямую связь между промышленными районами Германии и рынками Турции, Персии, Египта, Аравии и даже Индии? Разве в интересах Англии, чтобы принцип свободы торговли перестал действовать в единственной части Европы, где он существует? Разве в интересах Англии позволить, чтобы империя, принципом существования которой является свобода торговли⁶⁵, была поглощена самой консервативной державой на земле? Разве в интересах Англии, чтобы такая держава заняла самую удачную торговую позицию? Лорд Четэм⁶⁶ мог не учитывать эти факторы, они не существовали тогда, поскольку налоговая система России еще не была разработана. Именно поэтому он мог утверждать со всей убежденностью, что «с человеком, который не видит интересов Англии в сохранении Оттоманской империи, я не стану спорить».

В то время, когда Россия, как позволила себе высказаться «Санкт-Петербургская газета»⁶⁷ (St. Petersburg Gazette)^{*68}, рассчитывает идти войной «на Париж при помощи Константинополя», с не меньшим интересом она смотрит и на исключение

* Эта памятная статья в «Санкт-Петербургской газете» по требованию Франции и Англии была отозвана, но опубликована позже в «Ясской официальной газете» и произвела большое впечатление на российские войска, оккупировавшие провинции.

Великобритании из торговой деятельности на континенте как способ сделать ее беспомощной, а ее собственных союзников зависимыми от самой возможности России сделать это, независимо от торговых выгод, которые она получит для самой себя.

После оккупации Дарданелл значимость наших владений в Леванте⁶⁹ исчезает. Они были ценными лишь потому, что турки контролировали эти проливы. Как только там появилась Россия, они стали бесполезными, а вскоре станут и непригодными.

Но и здесь Россия имеет мнение, отличное от мнения союзников. В наших владениях в Индии, будем ли мы бороться за них на Днестре, противостоя всей мусульманской нации, или мы будем сражаться на Инде, в Багдаде или Персии, скоро может вспыхнуть мятеж, который Россия осуществит в нашем тылу, когда станет владеть Турцией и Персией⁷⁰. На Черном море поддержку нам может оказать Франция. Россия, учитывая ее принципы, интересы и устремления, начнет войну с Англией не на жизнь, а на смерть.

Англия и Франция, заняв сейчас оборонительную позицию, выдвигают против России всю Оттоманскую империю, делают бесполезными для агрессии все насильно присоединенные ею с 1774 года территории⁷¹, отделяют от нее и нейтрализуют ее зависимых союзников. Англия получает поддержку Франции, что было бы невозможно на Инде. Франция получает поддержку Англии, которую она бы не получила на Рейне. Российский дух захватничества, который мучает и угрожает каждому уголку Европы, будет уничтожен, ее знамена остановлены на протяжении ее марша от Вислы к Араксу⁷², ее власть в Европе утрачена, ее взгляд навсегда будет отвлечен от востока и юга.

Мы повторяли не один раз, что союзники России, поддерживающие ее восточную политику и ослабление Оттоманской империи, обязательно отойдут от нее, если Англия и Франция решат восстановить турецкую империю. Чтобы развить эту мысль, которая сама по себе является решением вопроса, мы должны изучить интересы и мотивы, определяющие политику Австрии.

Австрия, давний враг Турции, уже обогатилась за счет восстановления Венгрии, отторгнутых от Турции Трансильвании,

Срема и австрийской Хорватии⁷³. Сто лет назад она была воодушевлена надеждой заполучить европейскую часть Турции и Константинополь, но возвысился другой враг Турции и конкурент Австрии — Россия, преуспевшая в реализации этих планов.

В результате этого политика Австрии была направлена на объединение с Турцией ради сдерживания этого северного захватчика, но после раздела Польши она оказалась в состоянии зависимости и ничтожности. По мере роста влияния России ее нерешительность проходила, и во время последней войны она была готова ввести свои войска в Валахию, и не сделала этого лишь потому, что Англия выступала на стороне России. Но оставьте Турцию ее русскому врагу, и Австрия попытается получить выгоду из катастрофы, которую не смогла предотвратить. [...]

Франция лишь только по своим политическим убеждениям угрожает Австрии и системе ее правления. [...]

Способ разбить Францию в пух и прах предполагает, что Россия займет Константинополь. Князь Меттерних⁷⁴ питает надежду уравновесить это приобретение за счет присоединения территорий в Румелии, территорий, которые обеспечат приток новых солдат, чтобы подавить революционные настроения в других областях. Он более озабочен угрозами внутреннего, а не внешнего характера, и может полагать, что Россия, направив свои амбиции на другое поле, сосредоточит свою энергию и ресурсы на восточном направлении, а все угрозы для Австрии будут отдалены. Он надеется, что враждебность России будет направлена на Францию, и она не захочет ссоры с Австрией, а будет наращивать силу для достижения их общих целей. Князь Меттерних полагает, что, заняв Константинополь, Россия войдет в непосредственный контакт с Францией, что копившаяся так долго враждебность усилится, что все многочисленные интересы, на которые до сих пор Россия имела лишь удаленное и неопределенное влияние, станут объектом ежедневного вмешательства и контроля. Влияние и торговля России будут доминирующими в Средиземноморье, Египте и Греции, ее флот станет угрожать, а отряды казаков будут находиться в непосредственной близости

сти от Италии, Испании, Корсики и Алжира. Тогда Россия будет готова в любой момент атаковать Францию, войска которой будут заняты обеспечением ее обороны и перестанут быть источником беспокойства для Австрии, и при таких обстоятельствах Франция ни за что не посмеет направить войска в Германию или Италию.

Враждебность Австрии по отношению к Франции насчитывает несколько веков и обусловлена их общими интересами в Италии и Германии, а позже различными политическими системами. Кроме того, чтобы защитить свои торговые и другие интересы от действий французского флота, Австрия вынужденно оказалась в зависимости от морского превосходства Англии. Но союз этих двух держав делает их общие принципы еще более опасными, лишает ее уверенности, любой возможности поддержки на море со стороны Англии против Франции. Но, создав морской флот, которым Россия обязательно и незамедлительно будет обладать, Австрия сможет избавиться от зависимости от Англии.

В данный момент во власти князя Меттерниха даровать или лишить Россию территорий, от которых зависит получение этого результата. Вследствие этого он немедленно навлечет на себя угрозу, но, с другой стороны, он сможет ощутить, что держит в своих руках судьбы Европы. Эти источники угрозы и уверенности Россия использовала весьма умело*, и Меттерних мог надеяться одним эффективным ударом обуздать Францию и разру-

* Способы, используемые Россией для достижения результата ради благожелательности отдельных людей, действительно редкость в политике. Ее прогресс — настоящая политическая драма, наполненная случайностями, сменой декораций, сцен и событий, но всегда заканчивающаяся нужным результатом. С революции 1830 года Россия приобрела такое влияние на Австрию. После июльской революции первый посланник из Санкт-Петербурга принес князю Меттерниху сообщение, что российскому посланнику в Париже было приказано следовать курсом австрийского посланника и покинуть Париж, если он сочтет необходимым это сделать. Меттерних немедленно вообразил себя руководителем великой системы, держащим в руках судьбы Европы. С того часа Австрия перестала вести счет жертвам, чего и требовала Россия, и не скупилась на уступки. Мог ли Меттерних не приказывать своему посланнику в Константинополе и агенту в Александрии идти на «лояльное сотрудничество» с представителями России?

шить европейскую торговлю Англии, разорвать союз, который через несколько лет беспрепятственно станет принимать решения по всем европейским вопросам, и тем самым укрепить северный союз, сделав его способным уничтожить политические институты, против которых он выступал, а также закрепить верховенство абсолютизма, уничтожив прессу. [...]

Австрия, противник Франции в Германии, является противником России в Турции; антагонист Франции в Италии, она имеет не менее веские причины выступать против России в провинциях; конкурент Франции в Леванте, она должна опасаться усиления России в не менее значимых проливах Черного моря. Россия уже ведет тайные переговоры с военными колонистами Иллирии⁷⁵, которые охраняют ее границы с Венгрией, и ведет активную работу в трех турецких провинциях, граничащих с Австрией, в результате которой эти территории будут для Австрии бесполезными. Франция пугает Австрию хартией — Россия пугает ее символом веры⁷⁶.

Ни один австрийский политик не может не понимать последствий захвата Россией Константинополя. Ничего подобного Австрия не сможет найти на половине российских провинций Сербии, Боснии и Черногории*. Даже для России будет более выгодно, если Австрия будет ими обладать. Она стремится к морским приобретениям и за счет такой незначительной территориальной уступки с удовольствием купит долговременное угодничество австрийского правительства. Что же станет с независимостью Австрийской империи? Ее торговые отношения в Черном море — во владении России, две трети ее территории окружены границами России, ее торговые суда в Средиземном море, которых насчитывается много тысяч, в любой момент могут быть высланы Указом. Что станет с ее владениями на Адриатике?

* Мы уже отмечали, что Россия стала предметом ненависти для тамошних правителей, но доминирование Австрии очень скоро разбудит предрасположенность к России: нетерпимость и налоги Австрии очень скоро дадут пищу для пророссийской пропаганды. Даже сейчас, пусть не желая того, они обязаны полагаться на Россию, поскольку ее влияние чувствуется во всем. Она дает взятки — посылает агентов и шпионов — она может обещать и угрожать. Ее глаза и ее указующий перст проникают повсюду.

Оккупировав Дарданеллы, ключ ко всем транспортным перемещениям Леванта, установив требуемые нормы, позволит ли Россия Австрии или любой другой державе участвовать в морской торговле Леванта? Конечно, российский торговый флот будет контролировать караванные пути и торговлю между Левантом и Европой. Более того, с берегов Далмации⁷⁷ она будет контролировать Адриатику с военной точки зрения, а значит, в любом случае лишит ее ценности для Австрии. [...]

Если Россия первой окажется в Константинополе, она обязательно объединит ресурсы всех северных правительств, она станет морской державой, которой не будет никакого противовеса в Средиземноморье, Греция и Египет окажутся в зависимости, ни одно государство не сможет принять участие в разделе трофеев Турции или в торговле с Левантом, Центральной Азией и Персией, Аравией, Сирией или Египтом. Возможность заключения любого союза Англии и Франции против нее исчезнет, а сама цивилизация окажется перед угрозой еще более опасной, чем она пережила в 604 году во время нашествия варваров.

Если Англия опередит Россию, то Франция будет на ее стороне, Австрия присоединится, чтобы ускорить прекращение борьбы, вся Османская империя будет поставлена под ружье, и единственным приемлемым результатом в таком случае будет отступление России за Днепр, который рассудительность и последовательность в политике кабинетов Франции и Англии никогда не позволят ей пересечь. [...]

Не стоит и упоминать об угрозе Турции со стороны России, если Англия выступит на стороне Турции, другими словами, пошлет даже несколько боевых кораблей в Черное море. Это будет означать, что Турция имеет поддержку Англии: турки будут понимать, что Англия взяла на себя обязательства, а Англия (что не менее важно) будет иметь неограниченное влияние на турецкое правительство. [...] В этой ситуации Россия не решится атаковать Турцию, не располагая армией, вдвое превосходящей ту, что участвовала в прошедшей войне. Другой проблемой станет транспортировка этих войск. [...]

Если не брать во внимание угрозу восстания против России в провинциях, а также неспособность России атаковать Турцию,

пока она располагает поддержкой Англии, то сможет ли Россия защитить себя, если благодаря Англии Турция преодолет свою слабость и предпримет атаку против России? Вопрос целиком зависит от того, кто владеет Черным морем. Союз Англии с Турцией даст Турции контроль над Черным морем. [...]

Однако у нас нет намерения воевать, нет агрессивных планов по отношению к России. Она очень хорошо знает о последствиях такого подстрекательства, но она имеет право угрожать, пока угрозы приносят победы. Наша цель — не подтолкнуть Англию к войне, но предостеречь ее от ужасных последствий неверных представлений о силах России, которые существуют лишь в наших страхах, а не в реальности. [...]

Перевод с английского Ю.В. Устиновой

Комментарии

Дэвид Уркхарт
АНГЛИЯ И РОССИЯ

Уркхарт (Urquhart) Дэвид (1805–1877) — английский дипломат, консервативный публицист и политический деятель, туркофил; в 1830-х годах выполнял дипломатические поручения в Турции, в 1847–1852 гг. член парламента, тори. «Классик» британской русофобии XIX в., чьи памфлеты имели международный резонанс.

Печатается по: [*Urquhart David*]. *England & Russia: being a fifth edition of England, France, Russia & Turkey, revised and enlarged*. London: James Ridgway & Sons, 1835. P. 1–52, 115–149.

¹ *Похороненная Польша* — речь идет о Русско-польской войне 1792 г. и разделах Польши.

² *Две нации* — имеются в виду польская и литовская нации, составлявшие Речь Посполитую, союз Королевства Польского и Великого княжества Литовского.

³ *Тремя северными державами* — имеются в виду участники раздела Польши: Российская империя, Пруссия, Австрия.

⁴ *Договор от 8 июля* — Ункяр-Искелесийский мирный договор, подписанный 8 июля (26 июня) 1833 г. между Россией и Турцией. Суть договора сводилась к созданию военно-политического союза между двумя империями, особое внимание уделялось контролю над морскими пространствами (в частности, договор предусматривал возможность закрытия Босфора для движения всех кораблей, кроме российских). Разумеется, данное обстоятельство беспокоило европейские державы, Англию и Францию.

⁵ *Греческое восстание* — начавшаяся в 1821 г. вооруженная борьба греческого народа за независимость. В 1832 г. Турция окончательно признала независимость Греции.

⁶ *Адрианопольский договор* — Адрианопольский мирный договор, ставший итогом Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Согласно этому договору, Россия вернула Турции все земли в европейской части Османской Империи (кроме устья Дуная), а взамен получила контроль над всем восточным побережьем Черного моря.

⁷ *Барон Строганов* — Строганов Григорий Александрович (1770–1857) — российский дипломат, посол в Османской империи в 1816–1821 гг.

⁸ *Порта* — Порта, Блистательная Порта, Оттоманская Порта — историческое название правительства Османской империи.

⁹ *Драгоман* — должность дипломатического переводчика в переговорах между ближневосточными и европейскими государствами, а также наименование любого посредника-переводчика.

¹⁰ *Раис-эфенди* — один из титулов правителя в Османской империи.

¹¹ В примечании упоминаются:

Крепости Анапа, Потю — турецкие крепости на восточном берегу Черного моря, имевшие важное военно-стратегическое значение и потому неоднократно оккупировавшиеся Россией, а затем вошедшие в ее состав по Адрианопольскому мирному договору 1829 г.

Диван — совещательный орган при турецком султানে, включал великого визиря, главу мусульманского духовенства и высших сановников.

Лорд Стрэнгфорд — Перси Смит (Percy Smythe) Клинтон Сидни, 6-й виконт Стрэнгфорд, лорд Пэнхерст (1780–1855), посол Великобритании в Османской империи (1820–1824) и Российской империи (1825–1826). Из обширного наследия Стрэнгорда на русский язык переведены его донесения 1826 г. (Из донесения английского посла лорда Стрэнгорда. Россия и Англия в начале царствования имп. Николая I // Русская Старина. 1907. С. 529–536).

¹² В *Аккермане* — имеется в виду Аккерманская крепость (после 1944 — Белгород-Днестровская крепость), в которой 25 сентября (7 октября) 1826 г. была подписана Аккерманская конвенция, конкретизировавшая условия Бухарестского мира.

¹³ *Бухарестскому договору* — имеется в виду Бухарестский мирный договор 1812 г., ставший итогом Русско-турецкой войны 1812 г. Согласно договору, Россия получала восточные земли Молдавского княжества (Бессарабию) и военно-морские объекты на Кавказском побережье Черного моря. Турция в свою очередь получила все земли на Кавказе, ранее завоеванные Россией.

¹⁴ *Репарационными выплатами 1814 и 1815 годов* — вероятно, речь идет о контрибуции, наложенной на Францию седьмой антифранцузской коалицией.

¹⁵ В примечании речь идет, в частности, о:

британо-русском протоколе о совместных действиях Британии и России в урегулировании греческого вопроса, подписанном 4 апреля 1826 г. в Санкт-Петербурге;

морском сражении соединенной эскадры России, Англии и Франции с турецко-египетским флотом 20 октября 1827 в Наваринской бухте Ионического моря.

¹⁶ *Румелия и Анатолия* — исторические наименования соответственно европейских и азиатских владений Османской империи.

¹⁷ *Архипелаг* — имеется в виду греческий архипелаг, состоящий из более чем 1400 островов. Архипелаг являлся объектом экспедиций русского флота в 1769–1774 гг. и 1806–1807 гг. Экспедиции проходили в рамках военных кампаний против Османской империи.

¹⁸ В примечании упоминается *Каподистрия* — Каподистрия (Kapodistrias) Иоаннис (1776–1831), граф, в 1803–1806 гг. государственный секретарь так называемой Республики Семи Соединенных островов (создана на Ионических островах по русско-турецкой конвенции 1800). В 1809–1827 гг. находился на русской дипломатической службе. Во время Греческого восстания 1821–1829 гг., в апреле 1827 г. был избран президентом Греции.

¹⁹ *Каннинг* — Каннинг (Canning) Джордж (1770–1827), министр иностранных дел и премьер-министр Великобритании.

²⁰ *Соглашение* — Речь идет о Лондонской конвенции 1827 г. — соглашении между Россией, Англией и Францией о признании независимости Греции от Турции.

²¹ В примечании упоминается *Фокс* (Fox) Чарлз Джемс (1749–1806), английский государственный деятель, лидер вигов; министр иностранных дел (1782, 1783 и 1806).

²² *Война между Персией и Турцией* — имеется в виду Турецко-персидская война 1821–1823 гг.

²³ *Российским поверенным в делах в Тебризе* — речь идет о Семене Ивановиче Мазаровиче (ум. в 1852 г.), российском поверенном в делах Персии в 1818–1826 гг.

²⁴ *Манифест* — Манифест Николая I о начале войны против Османской империи от 1 октября 1829 г.

²⁵ В примечании упоминается *Брисеида в шатре Ахиллеса* — в греческой мифологии дочь царя лелегов Брисеида после разорения родного города, гибели мужа и братьев, досталась Ахиллесу, став его наложницей.

²⁶ *Граф Нессельроде* — Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), министр иностранных дел Российской империи (1816–1856).

²⁷ *Пашалык* — данным термином обозначали территорию, подконтрольную Османской империи.

²⁸ В данном случае Уркхарт в вольной форме трактует содержание Отдельного акта, в нем, в частности, нет ни одного упоминания «крепости в Гюиргове», а сказано, что «Турецкие города, находящиеся на левом берегу Дуная, с принадлежащими к ним округами (раями) будут возвращены Валахии и навсегда присоединены к сему княжеству, а укрепления, доселе существующие на прострaнстве того берега, никогда не должны быть возобновляемы».

²⁹ *Принц Милош* — Милош Обренович I (1780–1860), князь Сербии в 1815–1839 гг., национальный лидер, возглавивший войну за независимость от Османской империи.

³⁰ *Семендрия* — город в центральной Сербии.

³¹ В примечании упоминается один из самых известных руководителей войны за независимость испанских колоний в Америке — Боливар (Bolívar) Симон (1783–1830).

³² *Мехмет Али* — Мухаммед Али-паша (1769–1849), занимавший пост хедива (вассала) турецкого императора Махмуда II в Египте и организовавший восстание против турок в 1831 г.

³³ *Договор от 6 июля* — Лондонская конвенция от 6 июля 1827 г.

³⁴ *Отдельный акт* — речь идет об Адрианопольском мирном договоре, который состоял из 16 статей, Отдельного акта (в нем обеспечивалась автономия Дунайских княжеств), а также Объяснительного акта о контрибуции, о котором и говорит Уркхарт.

³⁵ *Драгоманами* — драгоман, здесь — переводчик при европейском посольстве (консульстве) в восточных странах.

³⁶ *Какое отличие от Польши!* — Уркхарт сравнивает ситуацию с разделом Польши.

³⁷ *Позиция Мухаммада-Али, оказавшего России решительную поддержку и уничтожившего любую возможность спасения империи* — «Поддержка» Мухаммеда Али-паши (1769—1849; хедив Египта, вассал Турецкого султана Махмуда II) России заключалась в том, что он восстал против Махмуда II в 1831 г. с целью добиться независимости Египта и таким образом способствовал еще большему ослаблению Османской империи.

³⁸ *Во время марша Ибрагим-паши* — Ибрагим-паша (1789–1848; приемный сын Мухаммеда Али-паши) в 1831 г. совершил военный поход, в результате которого Сирия перешла к египетскому паше.

³⁹ *Адмирал Руссэ* — барон Руссэ (Roussin) Альбин Рэн (1781–1854), адмирал, посол Франции в Стамбуле (1832–1839).

⁴⁰ *Генерал Гильемино* — Гильемино (Guilleminot) Арман Шарль (1774–1840), генерал, французский посол, участник российско-турецких переговоров в Слободзее летом 1807 г., добивавшийся заключения перемирия России и Турции на невыгодных для России условиях, однако впоследствии условия были пересмотрены в пользу России.

⁴¹ *Развитие предприятия Ибрагима-паши было прервано благодаря присутствию русских в Александрии* — речь идет о миссии Н.Н. Муравьева-Карского, который прибыл в Александрию и потребовал от Ибрагим Али-паши прекращения военных действий против турецкого султана. Египетский паша согласился с требованиями, но после отъезда Муравьева возобновил военные действия.

⁴² *Ункяр-Искелесийский договор от 8 июля* — Ункяр-Искелесийским договором, подписанным в 1833 г., определялись условия оборонительного союза России и Турции.

⁴³ *Граф Орлов* — граф Орлов Алексей Федорович (1786–1861), государственный деятель, в 1833 г. — чрезвычайный посол в Константинополе и главнокомандующий черноморским флотом и десантными войсками.

⁴⁴ В примечании упоминаются:

Бутенев — Аполлинарий Петрович Бутенев (1787–1866), дипломат, посол России в Турции. Уркхарт не точен: А.Ф. Орлов не заменил Бутенева, который

оставался послом в Турции до 1842 г. и также подписал Ункяр-Искелесийский договор со стороны России.

Генерал Муравьев — Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866), который командовал десантом до прибытия Орлова, после чего был назначен командующим сухопутным отрядом русских и турецких войск в окрестностях Бейкоса.

Терапия и Буюк-дере — два села на европейском берегу Босфора, близ Стамбула, где в летнее время проживали европейские дипломаты.

⁴⁵ В примечании речь идет о высадке десанта русской армии в Буюк-дере близ Константинополя, а также упоминается *Лорд Понсонби* — Понсонби (Ponsonby) Джон, виконт (1770–1855), английский посол в Стамбуле (1832–1841).

⁴⁶ *Сераль* — дворец султана в Стамбуле.

⁴⁷ В примечании речь идет о миссии турецкого посланника Ахмет-Паши, который находился в Санкт-Петербурге с 22 ноября 1833 г. для обсуждения дальнейших условий Ункяр-Искелесийского мирного договора. Первым морским выступлением, скорее всего, является активизация британского торгового флота в Леванте (т. е. на восточном побережье Средиземного моря), где действовали британские компании. Сам Уркхарт был сторонником провокаций с использованием мирных судов, в частности по его инициативе судно «Виксен» должно было доставить оружие черкесам для борьбы с Россией в 1837 г.

Что касается «маршала», который *должен прибыть в качестве посла Франции* — здесь, вероятно, имеется в виду вышеупомянутый адмирал барон А.Р. Руссэн.

⁴⁸ *Ежегодные выплаты должны были выплачиваться не в дукатах, а в турецких монетах* — в Османской империи имел хождение турецкий пиастр (гуруш, позже — куруш). Дукат — общеевропейская монета весом 3,5 г из золота 986 пробы, которая чеканится с 1284 г. до настоящего времени. В 1840 г. один дукат был равен 2 руб. 93 1/3 коп.

⁴⁹ *Лазистан и Аджария* — северо-восточные провинции Османской империи. С 1878 г. Аджария и восточный Лазистан — в составе Российской империи (ныне в составе Грузии).

⁵⁰ *В Тулон и на Мальте* — в Тулоне находилась французская военно-морская база, а на Мальте, оккупированной Великобританией в 1814 г., находилась база британского военного флота.

⁵¹ [...] — далее опущены: глава IV («Основы турецкой власти остались неизменными. — Организация правительства. — Внутренняя реформа. — Развитие мысли. — Деятельность янычаров. — Свержение деребеев»), глава V («Сравнение Польши и Турции. — Польша была легко подчинена. — Турцию, однажды подчиненную, легко держать в подчинении. — Ни одна держава не примет участие в разделении Турции. — Невозможность конфедерации в Турции. — Единство Турции — ее сила. — Терпимость к исламу»), глава VI («Материальное положение правительства Турции. — Причины и результаты различных восстаний курдов, лазов и албанцев. — Квазинезависимость Сербии. — Финансовое положение. — Сельское хозяйство и торговля»).

⁵² *После усложнения ситуации с Бельгией* — то есть после Бельгийской революции 1830 г.

⁵³ *Карл X* — Карл X (1757–1836), до 1824 граф д'Артуа, король Франции с 1824 по 1830, последний представитель старшей линии Бурбонов на французском престоле, вынужден после Июльской революции 1830 г. отречься от трона и покинуть страну.

⁵⁴ *Людвиг XIV направил 200-тысячное войско в Пруссию* — Имеется в виду Голландская война 1672–1678 гг., в которой Франция, Англия, Швеция, Бавария и их союзники выступили против Голландии, Испании, Бранденбурга и др. Численность французской армии была несколько ниже (в начале войны 117 тысяч пехоты и 25 тысяч кавалерии).

⁵⁵ *Приложение № 2* включает краткий обзор «Политические отношения Франции и Турции».

⁵⁶ *Возлюбленная Людовика XV* — имеется в виду маркиза де Помпадур (Жанна-Антуанетта Пуассон) (1721–1764).

⁵⁷ *В 1793 г. Франция заняла другую позицию* — речь идет трех важнейших изменениях во внутренней и внешней политике Франции, произошедших в 1793 г. Это — казнь Людовика XVI в., объявление войны Англии и создание якобинской диктатуры.

⁵⁸ *Россия стала центром союза, дважды разбившего Наполеона* — речь идет о Шестой и Седьмой антифранцузских коалициях (1812–1814 и 1814 гг.).

⁵⁹ *Казаки дважды разбивали бивуаки на берегах Сены!* — русская армия дважды занимала Париж, после побед над наполеоновской армией Шестой и Седьмой антифранцузских коалиций в 1814 и 1815 гг.

⁶⁰ *В 1830 году в страну вновь вернулся опасный и угрожающий дух 1793 г.* — имеется в виду Июльская революция во Франции 1830 г.

⁶¹ *Восстание в Польше и беспорядки в Германии* — имеются в виду Польское восстание 1830–1831 гг. и волнения в Ганновере, Саксонии, Брауншвейге и Гассен-Касселе (1830–1833), которые начались под влиянием Июльской революции во Франции.

⁶² *Австрия и Пруссия присоединились к России* — начавшееся в 1830 г. сближение Австрии, Пруссии и России было закреплено Мюнхенгретцкой конвенцией (1833 г.). Уркхарт преувеличивает роль России в этом союзе, созданном во многом по инициативе австрийского канцлера В.К. Меттерниха (1773–1859).

⁶³ *Ситуации на Полуострове и в Бельгии* — Уркхарт был убежден, что Россия провоцировала революционную ситуацию в Европе, в частности революцию в Италии (1831) и Бельгии (1830).

⁶⁴ *Дунай стал судоходным* — речь идет об открытии пароходства на реке Дунай в 1830 г.

⁶⁵ *Империя, принципом существования которой является свобода торговли* — здесь приведено традиционное для британской литературы объединение принципа свободы торговли, теоретически обоснованного шотландским экономистом Адамом Смитом, и системы представительной монархии.

⁶⁶ *Лорд Четэм* — Питт (Pitt) Уильям, первый граф Четэм (1708–1778), британский государственный деятель, военный министр, фактически возглавлявший британское правительство в годы Семилетней войны (1756–1763) и способствовавший превращению Англии в мировую колониальную империю.

⁶⁷ «Санкт-Петербургская газета» — вероятно, дипломатическая газета “Journal de St.-Petersbourg”, издававшаяся в Санкт-Петербурге.

⁶⁸ В примечании упоминается «Ясская официальная газета» — не совсем ясно, о какой газете идет речь. Первая молдавская газета «Албина ромыняскэ» (“Albina Romineasca”) стала выходить в 1829 г. С 1854 г. издавались «Бессарабские областные ведомости». В Яссах (бывшей столице Молдавского княжества, с 1812 г. уездный центр Бессарабской области Российской империи) в 1830-е гг. официальных газет не выходило.

⁶⁹ *Левант* — территория к востоку от Средиземного моря между Анатолией и Египтом, объект экономических интересов европейских держав, особенно после первой египетско-турецкой войны (1831–1833), когда ослаб контроль Османской империи над этим регионом.

⁷⁰ *В наших владениях в Индии, будем ли мы бороться за них на Днепре, противостоя всей мусульманской нации, или мы будем сражаться на Инде, в Багдаде или Персии, скоро может вспыхнуть мятеж, который Россия осуществит в нашем тылу, когда станет владеть Турцией и Персией.* — Англия традиционно преувеличивала российскую угрозу для Британской Индии, что связано с Индийским походом 1801 г., в который российская армия была отправлена без карт, достаточного провианта, фуража и лошадей.

⁷¹ *Насильно присоединенные ею с 1774 года территории* — территории Крымского ханства, Большой и Малой Кабарды, присоединенные к Российской империи на основании Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.

⁷² *Аракс* — река в Закавказье, по которой в соответствии с Гюлистанским мирным договором 1813 г. была проведена граница между Россией и Персией.

⁷³ *Австрия... обогатилась за счет восстановления Венгрии — отторгнутых от Турции Трансильвании, Срема и австрийской Хорватии* — В результате Великой Турецкой войны 1683–1699 гг. Турция уступила Священной Римской империи Венгрию, Трансильванию, Срем и Хорватию.

⁷⁴ *Князь Меттерних* — Меттерних-Виннебург (Metternich-Winneburg) Клеменс Венцель Лотар (1773–1859), австрийский канцлер (1821–1848).

⁷⁵ *Иллирия* — территория Королевства Хорватии и Славонии.

⁷⁶ *Франция пугает Австрию хартией* — Россия пугает ее символом веры — речь идет о Хартии 1830 г. (Конституции Франции), принятой в результате Июльской революции во Франции, и Символе веры Русской православной церкви.

⁷⁷ *Далмация* — область на северо-западе Балканского полуострова (территория современных Хорватии и Черногории), на побережье Адриатического моря.

Комментарии Н.Р. Сетова, А.В. Топычканова, А.А. Шириняца

ENGLAND AND RUSSIA IN THE EAST.

A SERIES OF PAPERS ON

THE POLITICAL AND GEOGRAPHICAL CONDITION
OF CENTRAL ASIA.

By MAJOR-GEN. SIR HENRY RAWLINSON,
K.C.B., F.R.S.,

MEMBER OF THE ROYAL GEOGRAPHICAL SOCIETY,
AND MEMBER OF THE COUNCIL OF INDIA.
(Formerly Survey and Minister at the Court of Persia.)

SECOND EDITION, WITH ADDITIONAL NOTES,

WITH A MAP.

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.
1875.

Генри Роулинсон

АНГЛИЯ И РОССИЯ НА ВОСТОКЕ

Глава V. Меморандум

по центрально-азиатскому вопросу, июль 1868 г.*¹

1. Общий обзор продвижения России в Центральную Азию до 1868 г. — 2. Отношения российских военкомандующих с

* Так как данный «Меморандум» обладает всеми характеристиками официального документа, может быть полезно кратко описать его действительную историю. В конце 1868 г. я выступил с заявкой, стремясь привлечь внимание Палаты общин к положению дел в Центральной Азии. В результате мое имя значилось вторым в списке выступающих на пятничном вечере, который в те дни отводился для обсуждения частных дел. Первым в списке, однако, был мистер Фосетт с предложением об изучении состояния Ирландского университета. Эта тема была одинаково неприятна для обеих сторон, в связи с чем Палата не захотела открывать дебаты. Заседание приближалось к концу, и возможность второму выступающему получить слово в вечер пятницы была мала. По причине того, что мною была проделана значительная работа по подготовке речи, которая так и не была произнесена, мне рекомендовали воплотить мои заметки в «Меморандум», который был бы передан лицам, проводящим нашу восточную политику, то есть именно тем, кому в действительности были адресованы мои выводы и рекомендации, несмотря на то что их оглашение было запланировано в Палате. Так и было сделано. Меморандум, являвшийся попросту расширенной версией произнесенной речи, был передан Государственному секретарю по делам Индии, который официально направил его в Калькутту для рассмотрения местными властями. Он был доставлен в критический момент, когда обсуждался вопрос изменения наших отношений с Афганистаном, мог оказать определенное влияние на решения правительства. Как бы там ни было, несмотря на то что многочисленные пометки, написанные на документе, иногда содержали возражения против очевидных обстоятельств, и не все предложенные мероприятия по корректировке ситуации были приняты, все же было абсолютное единство мнений в одобрении центральной компоненты предложенной схемы афганской политики — а именно замена политики «искусного бездействия» предыдущего периода на политику дружеского вмешательства. — Здесь и далее прим. Роулинсона.

центрального правительством. — 3. Взгляд России на свои текущие позиции и перспективы в Центральной Азии в подаче Григорьева и генерала Романовского. — 4. Вероятные позиции России в Центральной Азии при отсутствии сдерживания со стороны Англии. — 5. Влияние данных позиций на Индию с точки зрения: (а) отношений России с Кабулом; (б) неугомонности пограничных государств; (с) слабых мест нашей позиции в Индии. — 6. Обоснование немедленного вмешательства в афганскую политику. — 7. Более широкий взгляд на вопросы Центральной Азии в связи с возможностями России для агрессии против Индии в будущем. — 8. Средства, необходимые для ответа на опасности: (а) преобразование наших политических отношений с Персией; (б) различные вспомогательные средства усиления нашей позиции на северо-западной границе Индии.

1. Когда Россия начала вставать на ноги после оцепенения и истощения, последовавшими за Крымской войной², ее первой заботой было восстановление и укрепление ее положения в Азии. Ей был нанесен тяжелый удар в Европе, но ей удалось спастись от еще более ужасного бедствия в Азии, где, если бы британская армия была задействована вместо турецкой, и были бы предприняты шаги по использованию содействия черкесов³, она могла бы потерять все свои закавказские провинции*⁴.

Предотвращение повторного возникновения такой опасности потребовало от России немедленного внимания, и Парижский мирный договор⁵ оставил черкесов незащищенными перед шквалом ее гнева⁶. Вскоре 150 000 солдат были приведены в боевую готовность и брошены против них. В 1859 г. штурмом была взята крепость Гуниб, и Шамиль попал в плен⁷. Успех шел за успехом, пока побежденные черкесы, которые предпочли подчинению изгнание, не покинули родные горы, чтобы искать

*Несколько программ действий по достижению этой цели были переданы лорду Кларендону в 1855 г., и есть убедительные основания полагать, что они могли быть обстоятельно рассмотрены правительством. Этому помешало беспокойство французов, которые не принимали доводов в пользу благосклонного или хотя бы терпимого отношения к кампании в Азии, в результате которой, как они утверждали, «напасти» выпадут на долю Франции, а выгоды достанутся Англии.

пристанище на турецкой территории⁸. Важность исчезновения черкесской народности очевидно не была оценена в то время. Вероятно, ее значение едва ли оценено и сегодня, однако это был переломный момент для Российской империи на Востоке. Сопротивление горцев создавало мощный барьер, преграждающий поток дальнейших завоеваний. Когда с черкесами было покончено, не оказалось ни военного, ни физического препятствия на пути России от Аракса к Инду⁹.

Устранение трудностей с черкесами немедленно придало новую энергию действиям России на восточном направлении. Как только Россия освоилась в Степи¹⁰ в 1847–1848 гг. и возвела крепости на реках Ирғиз и Турғай¹¹, она, возможно, просто повиновалась естественному закону расширения или сознательно вернулась к традиционной схеме завоевания территорий. По большому счету, вопрос о том, какая из этих причин была главной, не особо интересен.

Как бы там ни было, очевидно одно — ее продвижение от Оренбурга до Сырдарьи (Jaxartes)¹², расширение ее границ от северных до южных пределов Степи являлись прелюдией к жестокой и нескончаемой войне. Мир был возможен в Центральной Азии до тех пор, пока Киргизская степь — практически необитаемая пустыня, простирающаяся на 2000 миль с запада на восток и примерно на 1000 миль с севера на юг — служила «буфером» между военными поселениями в Оренбурге и Сибири и центрами магометан за Аральским морем. Как только «спорная земля» была пройдена и русские гарнизоны натолкнулись на укрепления узбеков на Сырдарье¹³, больше не существовало возможности для мира или дружественных отношений. Едва русские аванпосты столкнулись с узбекскими племенами, как часть территории последних была захвачена. Одно расширение границ влекло за собой следующие события с неотвратимой силой закона природы. В период с 1853 г. по 1868 г., несмотря на помехи, вызванные Крымской войной, Россия постепенно продвинулась от Аральского моря через соляные болота низовья Сырдарьи к границам речных наносов севернее пустыни, но в течение этих лет она не предпринимала попытки вторжения

в земли Кокандского ханства¹⁴. Только в более поздний период, когда ее руки были развязаны умиротворением Кавказа, Россия вступила в смертельную схватку с узбеками. Продвигаясь вглубь богатых и густонаселенных районов, запертых между рекой и северными горами, Россия быстро захватила великие города Туркестан, Шымкент, Ташкент и Худжанд, вероятно, без какого-то конкретного плана по приумножению собственной славы, но скорее, как она сама заявила, вследствие практической необходимости. После занятия Шымкента была предпринята попытка, вероятно, из добрых намерений, остановить поток завоеваний. Были начаты переговоры о делимитации границ, в ноябре 1864 г. князь Горчаков¹⁵ выпустил циркуляр, заявляющий о том, что последние захваты территорий были вызваны «неизбежной необходимостью», а не желанием правительства, а также категорично утверждающий, что экспансия империи теперь достигла своих пределов. Но, как хорошо сказано, чернила, которыми был написан циркуляр, не успели высохнуть, как обещание мира стало бессмысленным. Военные действия возобновились в районе Сырдарьи в начале 1865 г. и продолжают по сей день с небольшими перерывами и, как можно было ожидать, их исход оборачивается в пользу России.

Такой вопиющий отход от заявлений князя Горчакова оправдывался различными предлогами. Например, говорилось о том, что бухарцы, с границами которых русские пришли в соприкосновение после захвата Шымкента, навязали захватчикам борьбу и вместе с Кокандским ханством вынудили их вступить в сражение в окрестностях Ташкента, что и привело к захвату этого города. Арест нескольких русских офицеров в Бухаре, куда они были направлены якобы для проведения переговоров, повлек возобновление боевых действий в 1866 г. В ходе этой кампании под командованием генерала Д.И. Романовского¹⁶ был взят город Худжанд, Кокандское ханство было полностью разбито. Часть его территорий была включена в новую российскую провинцию Туркестан¹⁷, а остаток был отдан под управление местного хана Худояра¹⁸, который, по сути, стал русским вассалом. Следующим шагом на пути завоевания было вторжение

во владения Бухарского эмирата в 1867 г. генерала Д.И. Романовского с нескрываемой целью по формированию плацдарма за пустыней по берегам Сырдарьи, что немедленно бы создало угрозу Самарканду и Бухаре и, как провозглашалось, обеспечило бы защиту границ империи.

Но если бы цель Д.И. Романовского заключалась в разжигании, а не умиротворении раздоров, то он не мог бы придумать лучшего средства ее достижения, кроме как основать крепость в Джизаке¹⁹, что и было сделано. Укрепление находилось на расстоянии вытянутой руки от Самарканда, достаточного для того, чтобы ухватить за бороду находящегося на пике своего могущества эмира, одновременно подпитывая недовольство повсюду в его владениях, над которыми нависла неотвратимая угроза вторжения. Ожидать при таких обстоятельствах, что узбекский правитель будет добросовестно следовать предложенному соглашению о перемирии, было бы поистине неразумно. Он считал, что над ним нависла угроза уничтожения и, естественно, за неимением лучших средств защиты, прибегнул к интригам и тактике двуличия, стремясь продлить собственное существование. Россия имела очень хорошие основания, стратегические и политические, чтобы спровоцировать недавнее столкновение. Никакой военкомандующий не позволил бы сорокатысячному войску сконцентрироваться вблизи его позиций без того, чтобы принять меры по подготовке к сражению. Когда наступил критический момент, генерал К.П. Кауфман²⁰, без сомнения, действовал рассудительно, переходя в наступление, вместо того чтобы ждать атаки врага. Однако связывать войну с вероломством эмира, как это было сделано в официальных заявлениях России, значит спутать причину и следствие^{*21}.

2. Еще один момент, который необходимо учесть для правдивой оценки положения в Центральной Азии, заключается в

* Русские представили в качестве *casus belli*, повода для войны, следующее объяснение. В ходе переговоров с Бухарой генерал К.П. Кауфман был вынужден занять населенный пункт Ухум, передовую позицию на северном склоне Нура-тинских гор, с тем чтобы разогнать местных разбойников. Тогда эмир нарушил мирные договоренности, собрав 40 000 воинов в Самарканде и предполагая напасть на российскую крепость в Джизаке. — 1874 г.

отношениях русского военного командования на местах с правительством в Петербурге. Россия всегда наделяла своих полководцев значительной политической властью, что нам сложно представить. Она объясняла медленный прогресс в покорении Кавказа, указывая на корыстные интересы армии, препятствовавшей преждевременному истощению такого щедрого источника для продвижения по службе и получения наград. Утверждается, что сходный антагонизм существует и в отношениях военного и гражданского руководства в Туркестане, начиная с первой вспышки военных действий.

Генерал М.Г. Черняев²², взявший Ташкент, был смещен с должности туркестанского генерал-губернатора, по всей видимости, вследствие слишком агрессивных захватнических действий, а несколькими годами позднее его преемник, Д.И. Романовский, был лишен всех военных званий за схожий проступок, а именно — нарушение приказа и вторжение в Бухарский эмират²³. Генерал Кауфман, вероятно, будет также подвергнут дисциплинарным взысканиям за свой недавний блистательный успех. Но являются ли эти знаки недовольства императора реальными, или они имеют своей единственной целью усмирить ропот сторонников мира в России и предупредить иностранный протест? Хорошо известно, что, несмотря на видимую немилость, император пожаловал М.Г. Черняеву меч с алмазной рукоятью как завоевателю Ташкента, а Д.И. Романовский, по всей видимости, вскоре будет восстановлен в звании с возвращением наград. Очень вероятно, что и генерал Кауфман получит награду за свои военные заслуги вместе с выговором за ненадлежащее политическое рвение^{*24}.

* Еще более яркий пример безнаказанности, с которой военные офицеры в России могут преступать или игнорировать полученные приказы, находим в недавнем случае с генералом Кауфманом, удачливом командующим операцией по взятию города Хивы. Считается, что ему было категорически запрещено захватывать территории в соответствии с переданными перед началом кампании через графа П.А. Шувалова заверениями русского императора британскому правительству. И все же, когда стало известно о заключении по итогам успешной военной кампании нового соглашения, включающего в состав Российской империи всю дельту Амударьи, и, таким образом, нарушающего обещание

Результатом этого двойного действия будет подтверждение или по крайней мере попытка подтверждения Россией своей умеренности и бескорыстности. Таким образом, она якобы прислушивается к настроениям политиков, которые искренне убеждены, что территориальная экспансия империи порождает скорее слабость, чем силу, ее продвижение в новые земли, тем не менее, неуклонно и постоянно, словно она в действительности обладает той беспринципной силой, о которой говорят ее враги.

3. Последние разведывательные данные, полученные из Центральной Азии, подтверждают провозглашенное генералом К.П. Кауфманом занятие Самарканда и наступление на Бухару, а также предвещают неотвратимую судьбу эмира, а именно постепенное поглощение его владений Российской империей, которая, вопреки всем оговоркам, вопреки возможному искреннему нежеланию, продолжает отрывать все большие земли от Кокандского ханства до полного захвата.

По сути, что бы ни предпринял двор в Санкт-Петербурге, «перст судьбы» велит России поглотить узбекские государства. Ее текущая позиция служит еще одной иллюстрацией старой доктрины, согласно которой, когда цивилизация вступает в контакт с варварами, последние с неизбежностью вынуждены освободить дорогу. Россия достигла точки, когда отступление других народов более невозможно и, таким образом, завершится ли поглощение в этом году, в следующем году, через пять или даже десять лет — рано или поздно можно быть уверенными — ничто не остановит исчезновение независимости Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата и последующее расширение рубежей России до Амударьи (Oxus).

Тогда встает вопрос: как новый расклад сил в Центральной Азии затронет наши интересы в Индии? Ослабит ли он нас или усилит? Следует ли способствовать его упрочению или, наоборот, стремиться изменить? Значительная часть думающих лю-

верховного правителя, никаких мер в отношении генерала Кауфмана принято не было, за исключением временного отстранения от командования, к которому он, по имеющимся сведениям, сейчас возвращается с практически неограниченными полномочиями.

дей, включая всех до одного представителей оптимистически настроенного класса англо-индийских политиков, выскажется в поддержку «русского марша». В целом они придерживаются мнения, в соответствии с которым приход порядка, цивилизации и правления по христианским принципам на место невежества, жестокости и анархии изуверских узбеков, должен быть воспринят как благоприятная перемена. Далее, они указывают на толчок, который будет дан торговым операциям вследствие увеличения безопасности и развития средств сообщения, равно как и увеличения запросов и потребностей оседлого населения и совершенствующегося общества. Однако, рассматривая ситуацию под таким углом, мы едва ли можем отдать причитающееся политическим соображениям.

Общественное мнение в России, уступая проявлению более подлинного инстинкта, заявило о себе по-другому. Безусловно, нашего внимания заслуживает тот факт, что в то время как пресса в нашей стране, с едва заметными исключениями, выразила удовлетворение в связи с прогрессом России в Центральной Азии и приветствовала продолжение выбранного ею курса, русская пресса с таким же единодушием считает его неприятным, если не опасным, для Англии и строит предположения о тех шагах, которые мы могли бы предпринять с целью остановить это движение или, по крайней мере, устранить его последствия.

Вероятно, нет смысла цитировать русские газеты, так как их предназначение может заключаться лишь в представлении взглядов протестующей части общества, однако письма В. Григорьева, последнего губернатора Восточной Сибири²⁵, который был связан с вопросами восточной политики последние 20 лет, являет собой более весомый авторитет, а его мнение может действительно считаться практически официальным выражением настроений и политического курса правительства. Последующие выдержки, опубликованные в «Московских ведомостях»²⁶ в прошлом году, вызывают интерес:

«Англия является единственной страной, которая может оказать содействие бухарцам в войне с Россией. Поэтому очень вероятно, что эмир, предпочитая отдаленную опасность близ-

кой, обратится за помощью в борьбе против нас к британскому правительству в Индии. Согласно самым свежим разведывательным данным, послы в действительности были направлены в Калькутту²⁷ с просьбой о деньгах, оружии, артиллеристах и даже солдатах, предлагая взамен самую искреннюю верность британским интересам, признание Бухары в качестве британского протектората и фактически что угодно еще из того, что может быть сочтено желаемым. Такая линия поведения со стороны Бухары может повлиять на наши отношения с Англией, так как Англия, получив обращение за помощью от Бухарского эмирата и будучи действительно заинтересованной в независимости Бухары, едва ли воздержится от вмешательства в наши отношения с этой страной, если не материально, то во всяком случае дипломатически. Но как бы ни было вероятно это вмешательство, не менее вероятно и то, что любым дипломатическим действиям Англии в пользу Бухары уготована та же судьба, что и их вмешательству на стороне польских бутувщиков несколько лет назад. Если они обвинят нас в агрессии в отношении Бухарского эмирата, мы можем ответить им, сославшись на их собственное самоуправство в Индии. Мы можем прочесть нотацию по этому вопросу, которая окажется исключительно чувствительной для них. К счастью, прошло то время, когда мы относились к дипломатическим нотам как к нашествию холеры и когда мы готовы были пожертвовать материальными интересами империи, лишь бы не подпасть под их действие.

Наше Министерство иностранных дел теперь достаточно «огнестойкое» в этом отношении: оно привыкло к враждебным увещаниям, исходящим от европейских правительств, и будет готово ответить на новые нападки с благопристойным достоинством.

Также возможно, что Англия найдет удовлетворение в том, чтобы оказывать бухарцам тайную поддержку оружием и денежными средствами. Этому мы не можем воспрепятствовать, поэтому и обсуждать данный вопрос бессмысленно. Однако мы можем напомнить англичанам, что возбуждение и пестование мятежа — это игра, в которую могут сыграть два игрока, и, следовательно, если тайная поддержка будет оказываться недоволь-

ным бухарцам, мы можем ответить, воздействуя при помощи тех же средств на слабые места на границе Индии²⁸. Такой вид противоборства возможен, однако он никому не принесет выгоды. Он повлечет большие траты, будет умалять достоинство двух великих держав, и в конце концов приведет к очень скромным результатам, так как такая поддержка не поможет узбекам справиться с русскими, равно как и индусам справиться с англичанами».

* * *

«Едва ли можно ожидать, что Англия будет помогать Бухарскому эмирату войсками, и дело не в физических препятствиях, которые бы могли помешать этому, так как дорога из Пешавара²⁹ к пойме Амударьи подходит не только для передвижения легких войск, но и тяжелой артиллерии; однако путь пролегает через все еще независимую территорию Кабула³⁰, и афганцы никогда не разрешат иностранной армии пройти по своей земле, а англичане еще не забыли ужасный урок 1842 г.³¹ Поэтому они семь раз подумают, прежде чем отважиться на такой шаг и рискнуть».

* * *

«Однако Бухарский эмират, обеспеченный моральной поддержкой с юга, может попытаться спровоцировать объединенное движение магометан против нас, и это более чем вероятно. Можно ожидать того, что Хивинское и Кокандское ханства при некоторых условиях могут объединить свои силы с Бухарским эмиратом, но это приведет лишь к ускорению разрушения всех трех государств. В каждом столкновении часть узбекских земель будет утрачиваться до тех пор, пока их хозяева не потеряют свою независимость и не будут поглощены Российской империей».

Эти выдержки имеют ценность не только потому, что демонстрируют преобладающие в России настроения, судя по которым, надо полагать, ее продвижение в Центральной Азии действительно преследует враждебные цели; они также ценны потому, что указывают на недовольство коренных народов, с которым это продвижение может столкнуться.

В. Григорьев, без сомнения, приписывает нам чрезмерную чувствительность к данному вопросу, полагая, что мы прибегнем к тщетному дипломатическому протесту или будем содействовать борьбе узбеков с захватчиками путем поставок оружия или оказания военной поддержки. Однако в то же время, намекая на возможность оборонного союза узбекских народов, он поднимает важный вопрос, который нам следовало бы сделать предметом собственных размышлений. Если говорить более конкретно, то можно ожидать, что неугомонность России на восточном направлении подтолкнет соседние независимые государства к созданию союза, о котором идет речь. Если бы три узбекских государства обрели поддержку находящегося на взлете правителя Кашгара Якуб-бека³², а с другой стороны — Персии, если бы на их стороне выступили афганцы, чьи отношения с Бухарой на протяжении долгого времени были особенно тесными, то такой союз представлял бы действительно внушительную и, в случае поддержки, неодолимую силу.

Однако до того, как мы определимся с нашей окончательной позицией по вопросу содействия формированию такого союза, а также по другим превентивным мерам, мы должны рассеять все сомнения относительно позиций России в Центральной Азии на текущий момент и на ближайшее будущее — на рассмотрении данного вопроса мы и сосредоточим свое внимание.

Проникая в глубь Центральной Азии, Россия продемонстрировала высочайшую осмотрительность и не менее крутой нрав. Несмотря на устойчивый прогресс год за годом — не так уж важно продумывался ли он или был порожден цепочкой случайностей, она никогда не ставила ногу туда, откуда ее нельзя было бы беспрепятственно убрать назад, если бы это потребовалось. Шествие иногда забегаало вперед, как в случае с вторжением генерала М.Г. Черняева во владения Бухарского эмирата в 1866 г., однако постоянная оккупация всегда была следствием внимательной и неспешной подготовки. Россия всегда держала наготове резервы, обеспечивала безопасную связь с подразделениями, поддерживавшими маневр, укрепляла фланги так, чтобы движение вперед было единой и хорошо организованной опе-

рацией. Поэтому от захвата Ташкента до начала наступления на Ходженд прошел почти год, потребовавшийся на укрепление связей между новыми поселениями в Туркестане и старыми колониями Верный и Капал³³ около монгольской границы на востоке. Мы можем быть уверены, что сейчас, когда русские заняли Самарканд, они будут действовать таким же образом и сперва позаботятся о том, чтобы упрочить свое положение на новых захваченных территориях, укрепив линии коммуникации, тянущиеся на запад.

Генерал Д.И. Романовский, покоривший Кокандское ханство, был отправлен в отставку в прошлом году, как было сказано, в связи с чрезмерными захватническими стремлениями. По всей видимости, с этого времени он погрузился в рутину нотариального дела в Москве. Недавно он опубликовал памфлет по теме Центральной Азии³⁴, который оказал глубокое влияние на военные и политические круги Санкт-Петербурга³⁵.

На страницах брошюры он рисует светлое будущее, открывающееся для российского предприятия на Востоке, достигшего Амударьи и Сырдарьи, самого «сада Азии», при условии недопущения административных и стратегических ошибок; в брошюре также предлагается ряд мер по улучшению и укреплению завоеванных Россией позиций.

Как бы там ни было, «осевой момент», вокруг которого, как считает генерал, вращается вся ситуация, состоит в немедленном установлении прямой коммуникации между Кавказом и Туркестаном, посредством которой последний превратится из несущественной и несамостоятельной обузы в неотъемлемую часть империи. В результате налаживания прочных коммуникаций военные силы, сосредоточенные в западных провинциях, где они более не требуются, могут быть переброшены к Амударье и Сырдарье**.

* Английский перевод работы Романовского недавно был опубликован в нашей стране и заслуживает внимательного прочтения. — 1874 г.

** По всей вероятности, главной целью операции по взятию Хивы как раз и являлось установление этой стратегической линии коммуникаций между Кавказом и Туркестаном. Русские разведывательные отряды, посланные в разные стороны туркменских степей в 1869–1873 гг., видимо, убедили свое

Д.И. Романовский предлагает три различных пути коммуникаций с целью соединения Каспийского и Аральского морей. Южный путь начинается у Красноводского залива³⁶ и протянется к старому руслу Амударьи, в котором можно обнаружить воду путем выемки грунта, и далее к устью этой реки в Аральском море.

Этот путь будет самым простым с точки зрения физических особенностей местности, но, чтобы он превратился в безопасный маршрут передвижения, Хивинское ханство должно быть поглощено империей, а племена туркмен покорены. Северный путь мог бы пролегать от устья реки Эмбы³⁷ с северо-востока Каспийского моря, огибая с севера Аральское море и достигая Казалы на Сырдарье³⁸. География местности не будет представлять здесь препятствий, но путь будет длинным и извилистым, значительных усилий потребует и снабжение водой во время передвижения по границе Каракумской пустыни. С точки зрения Д.И. Романовского, самым подходящим является срединный маршрут, пересекающий плато Устюрт в том месте, где Каспийское и Аральское моря оказываются ближе всего, и связывающий залив Мертвый Култук³⁹ в Каспийском море и залив Чернышева⁴⁰ в Аральском море. Протяженность этого перешейка едва ли достигает 200 миль, и российское правительство давно вынашивало идею, впервые выдвинутую князем Барятинским⁴¹, о прокладке здесь железнодорожной колее. Если бы русским удалось перекинуть железную дорогу через безжизненную пустыню Устюрта, их позиции в Туркестане изменились бы коренным образом*.

командование в том, что использовать маршруты от Каспия до Аральского моря в военных или торговых целях будет невозможно до тех пор, пока Хивинское ханство сохраняет свою независимость. Отсюда проистекала необходимость в дорогостоящем и, по-видимому, малопродуктивном походе генерала Кауфмана. — 1874 г.

* Серьезным подтверждением того, что поход генерала фон Кауфмана был совершен не во имя приумножения национальной славы и не в интересах человеческих ценностей и развития торговли, а скорее являлся неотъемлемой частью системы усилий по наращиванию военной мощи [на Восточном направлении], является тот факт, что первые масштабные действия, предпринятые русскими инженерами, как только захват Хивинского ханства открыл для этого перспективы, состояли в изучении возможности выполнения инженерных

В настоящее время, как подчеркивает Романовский, переброска войск и припасов с Волги через киргизские степи на передовые посты за границами Бухарского эмирата занимает почти два года, тогда как при помощи пароходов на Каспии и Арале, железной дороги, связывающей два моря, и легких шлюпок (boats) на Сырдарье и Амударье и нескольких недель хватит для переброски переполненных кавказских гарнизонов в сердце Азии, учитывая, что воды первой реки позволяют пароходам добраться до Ходженда, а второй — до окрестностей Балха⁴².

Сегодня этот замысел вовсе не кажется фантастическим. Напротив, глядя из Санкт-Петербурга, он вполне осуществимым, в связи с чем Романовский, к которому вернулась благосклонность начальства, будет вновь направлен в Туркестан, чтобы воплотить свои рекомендации. С целью соединить Кавказ с Туркестаном и создать непрерывный русский фронт на юге от Черного моря до Китая большие усилия, кроме всего прочего, прилагаются к умиротворению туркмен, под влиянием которых находится южная (lower) часть пустыни между Каспием и Аралом, и, если они будут отвращены от разбойного образа жизни и поставлены под военный контроль, то могут дать русской армии более грозную кавалерию, чем донские казаки.

4. Теперь, опираясь на трезвые размышления, предположим, что в ближайшие 10 лет мы не будем противодействовать России*. В этом случае она сможет обеспечить себе примерно следующие позиции:

работ, призванных устранить те «недостатки» (слабые стороны) российских позиций, о которых говорил Романовский. По некоторым данным, недавно были проведены измерительные работы в степи между Каспийским и Аральским морями в точности по двум маршрутам, отмеченным Романовским, с тем, чтобы прорыть судоходный канал вдоль южной линии и проложить железную дорогу вдоль северной. — 1874 г.

* Десять лет еще не истекли, но, я полагаю, мы можем прибавить к этому сроку еще 10 лет с тем, чтобы проверить точность моих предположений. Кроме того, следует обратить внимание и на то, что мы уже в определенной степени вмешались в происходящее в Кабуле и, вероятно, будем вмешиваться в дальнейшем более активно, так что предполагаемое положение вещей вряд ли сможет сложиться.

Каспийское и Аральское моря будут связаны судоходным каналом, железной дорогой или простой дорогой, прикрытой военными укреплениями, обеспеченной водой и припасами. Таким образом, Туркестан будет непосредственно связан не только с Кавказом, но и с русскими городами на Волге и даже Санкт-Петербургом. Независимые узбекские ханства прекратят свое существование, на их месте будут установлено правление русских губернаторов, вероятно, с административным центром в Бухаре.

Управление территорией будет осуществляться при совместном участии русских и местных правителей в соответствии с системой, которая долгое время успешно применялась в закавказских провинциях. К традициям магометанства будут относиться с уважением, хотя вычурное ханжество и изуверство бухарского духовенства будет, вне сомнения, сдерживаться. Торговля будет процветать, тогда как похищения людей и работорговля будут истреблены. Сельское хозяйство будет развиваться, и условия жизни людей в целом улучшатся. Устья Амударьи и Сырдарьи будут углублены, получают развитие рыболовные промыслы, на обеих реках будут созданы флотилии пароходов. Численность местного гарнизона будет зависеть от текущих потребностей территории и ее ресурсов. В настоящее время 16 000 солдат достаточно для того, чтобы удерживать земли, которые Россия присоединила к себе, и это едва ли треть того, что в конечном итоге перейдет в ее владение. Следовательно, в будущем, когда Хивинское ханство и восточная часть Кокандского эмирата падут и Туркестан на юге будут окаймлять воды Амударьи, общая численность военного контингента здесь едва ли будет меньше 40 000 солдат, из которых 5000 будут отведены Хивинскому ханству, 15 000 — Кокандскому эмирату, включая густонаселенные города Ферганской долины, и 20 000 будут предназначаться Бухаре и зависимым от нее землям. Едва ли подлежит сомнению тот факт, что ресурсов, которым обладает территория в случае надлежащей разработки, хватит в избытке, чтобы покрыть военные издержки подобного объема.

5. Рассмотрим теперь влияние описанного нами положения на Индию. Пока Россия не наращивает свои силы к северу от Амударьи и сосредоточивает свое внимание на развитии недавно освоенных земель, у нас нет причин жаловаться на соседство с ней. Фактически помимо постепенного сокращения наших коммерческих операций на рынках Центральной Азии соседство России будет оказывать малое, если вообще ощутимое, влияние на наши дела. Однако возможно ли, что Россия, даже руководствуясь самыми добрыми намерениями, сохранит этот спокойный и безобидный настрой? Сможет ли, пожелай она того, сбросить с себя ответственность и обязательства, уклониться от соблазнов продолжения вмешательства в дела региона, неразрывно связанных с ее новым положением? Можно позволить себе усомниться в этом. Следует помнить, что позиции России за Амударьей отделены от нашей границы в долине Инда сильной и независимой страной афганцев.

Неправильно и глупо полагать, что Россия, как это недавно утверждалось в «Русском инвалиде»⁴³, закрепившись на Амударье и заполучив в свое распоряжение ресурсы Бухары, не сможет оказывать влияния на Афганистан. Кроме того, пока Кабул сохраняет свою независимость, опасения индийских алармистов в том, что будем мы подвержены всем издержкам и неудобствам, вызванным близостью с Россией, также не имеют под собой разумных оснований.

(а) Правда находится между двумя крайностями. Без сомнения, мы подвержены определенной опасности, порожденной продвижением России по Амударье, и эта опасность подкрадывается к нам через Афганистан, впрочем, она не прямая и упреждаема. В Англии далеко не все осведомлены о тесной связи между Бухарой и Кабулом, существовавшей в течение долгого времени и сохраняющейся сегодня. Тем не менее она составляет важный элемент ситуации в Центральной Азии, на самом деле — самый важный элемент, так как именно это обстоятельство обуславливает наше соприкосновение с Россией. Бухара и Кабул связаны не только географически, но и политически. Общая граница этих земель раскинулась на многие сотни миль.

Города Балх, Хульм, Кундуз, находящиеся последние 30 лет под властью афганцев, ранее принадлежали Бухарскому эмирату⁴⁴. Другие области — Меймене, Сари-Пуль, Андхой — являются предметом спора двух государств*. Россия, овладевая Бухарой, фактически унаследует множество афганских обид и претензий, от которых она не сможет просто отмахнуться.

Политические связи двух стран теснее географических. На протяжении последних 30 лет Бухара оказывала большое влияние на судьбы Кабула. Когда мы лишили власти Дост Мухаммед хана в 1839 г., он укрылся в землях эмира, а в 1841 г. он и в 1842 г. его сын вернулись из Бухарского эмирата, чтобы напасть на нас в Кабуле⁴⁵. Бухара также сыграла важную роль во всех последних переворотах в Афганистане.

Женатый на дочери эмира Бухары, Абдур Рахман хан⁴⁶ в основном благодаря узбекскому войску в 1865 г. выгнал своего дядю Шир Али хана⁴⁷ из Кабула, после чего Бухара наполнилась афганскими беженцами. По всей видимости, группа именно этих беженцев числом 200–300 человек, перешедших на сторону России в результате притеснений со стороны узбеков, стала проводником для русских войск и сражалась в их рядах в битве при Самарканде^{**48}.

Таким образом, фактор России в афганской политике более не является предметом отвлеченных размышлений. В ее распоряжении находится афганское войско во главе с внуком Дост Мухаммед хана⁴⁹. Она является повелительницей страны, кото-

* Поэтому было решено, что, несмотря на этнический состав населения, все земли южнее Амударьи принадлежат Кабулу, что составляло владения Дост Мухаммед хана ко времени его смерти в 1863 г. — 1874 г.

** Предводителем этих афганцев, число которых едва превышало 280 человек, выступал Искандер хан, сын Султан Ахмад хана из Герата. Дальнейшая судьба это молодого афганского правителя необычна. Когда отпала необходимость в его услугах в Туркестане, он был отправлен в Санкт-Петербург, где получил офицерский чин. Однако он вынужден был покинуть российскую столицу вследствие нарушения военной дисциплины, что, впрочем, не запятнало его честь. Теперь он живет в Лондоне на небольшое денежное пособие, выплачиваемое Министерством по делам Индии. Этот молодой человек обладает большими способностями, сильным характером и может в дальнейшем сыграть немаловажную роль на арене афганской политики.

рая не раз выступала вершителем судеб Кабула. Следовательно, в случае отсутствия активных действий с нашей стороны мы оставим полностью на усмотрение России степень ее вмешательства в дела Афганистана — будь то регулирование престолонаследования и действий правительства или будь то дружеское участие советом при поддержании отношений мира.

(b) Следующий вопрос, требующий исследования, касается того, какие обличия может принять опасность, исходящая от связи России с Кабулом. Предположение, что Россия из текущего расположения своих сил может предпринять попытку вторжения в Афганистан, является попросту химерическим и должно быть нами отброшено. Если иностранная армия когда-нибудь доберется до границы Индии, то ее путь будет пролегать через Герат и Кандагар, где дороги открыты и проходят через области, названные «житницей Азии», но никак не через бесплодные земли и сложные переходы и между Кабулом и Пешаваром. Нам следует опасаться не вторжения, откуда бы оно ни пришло и какой бы вид ни приняло.

Присутствие России даст о себе знать в менее заметных, но, возможно, в не менее действенных формах. Если она создаст постоянную дипломатическую миссию в Кабуле, а Россия едва ли согласится на меньшее, если мы заранее не займем это место, то последствия таких перемен незамедлительно отзовутся в Индии. Проникновение иностранного влияния в сферу наших отношений с Индией само по себе даст толчок волнениям внутри страны самого вредного и опасного характера.

Как сообщается, махараджа Кашмира, принявший как обиду наши требования о снижении транзитных пошлин в его владениях для развития торговли, вступил в переговоры с властями Ташкента с предложением направить их торговых представителей в Яркенд на границе с Тибетом^{*50}.

* В оправдание махараджи Кашмира может быть приведена выдержка из заметок сэра Д. Маклеода, написанных на данном меморандуме и освобождающих Его высочество от вины за предполагаемое участие в переговорах с российской стороной. Выражая свое отношение к данному положению настоящего документа, он пишет: «На самом деле, какие бы сплетни ни распространялись, я не верю, что они когда-либо обретут определенную форму.

И если бы русские были ближе к нам и оттого доступнее, у его примера появилось бы множество последователей. Конечно, не может быть сомнений в том, что если Россия путем увеличения военного присутствия на Амударье или достижения доминирующего политического влияния в Афганистане станет способна (в глазах местных народов), бросить вызов нашему превосходству в Азии, то это всколыхнет ситуацию чудовищным образом. Любой наместник (chief) Северной Индии, который чем-то недоволен, даже если ему это только кажется или он просто чувствует себя стесненным порядками, установленными нашим правительством, немедленно начнет плести интриги в надежде выскользнуть из-под нашей гнетущей тени. Дело не в том, что коренные народы Индии — будь то магометане или индусы — питают какие-то чувства к русским или думают, что их правление будет более мягким и благодетельным, нежели наше. Напротив, последователи Пророка⁵¹ во всех краях считают русских еще более безнадежными (неисправимыми) неверным, чем англичан из-за их неряшливых привычек и кажущегося поклонения рисункам. Однако, с другой стороны, приход конкурирующей европейской державы предвосхищает изменения, которые близки неугомонному и азартному духу азиатов и потому захватывают его.

(с) Вместе с тем существует и более важный ракурс при рассмотрении данного вопроса. До сих пор мы исходили из предположения о том, что Россия является дружественной по отношению к Англии страной и не вынашивает планов по расширению своей роли в Азии непосредственно за наш счет. Конечно, Россия неизбежно отдает себе отчет в том, что она сегодня намного сильнее, чем во времена Крымской войны и что достигнутые в последнее время позиции предоставляют ей ранее отсутствовавшие рычаги политического влияния, которые могут быть использованы против нас. Однако будет несправедливым списать

Лично я полностью отвергаю эти наговоры, источником которых, по всей вероятности, является тот факт, что махараджа по нашей просьбе через торговцев и своих доверенных лиц навел справки относительно положения вещей в Ташкенте и других местах». — 1874 г.

на это последние агрессивные действия России. Впрочем, предположим, что вследствие последних затруднений в Турции или других регионах Россия стремится ослабить нас и поставить в неудобное положение, чтобы заставить нас сосредоточить военные силы на Востоке и таким образом воспрепятствовать нашему активному вмешательству в европейские дела. Рассмотрим подробнее под этим измененным углом то, как позиция России в Бухарском эмирате и ее отношения с Кабулом могут затронуть нас. Точная оценка связанных с этим опасностей требует, чтобы мы прямо взглянули на наше реальное положение в Индии, а для этого как нельзя лучше подходит серия отчетов, недавно представленных в парламент под заголовком «Системы правления Восточной Индии» (“East India Systems of Government”). В них содержится множество доводов и доказательств высочайшего качества, свидетельствующих о том, что большая часть земледельческого населения живет в достатке и в целом довольна своим положением, что способствует популярности нашего правительства у этих классов. Вместе с тем в отчетах имеется обширная информация и другого характера, многое в этих документах дает обильную пищу для размышлений и вызывает озабоченность. Прочитав единственное положение из отчета сэра Ричарда Темпла⁵², члена Совета генерал-губернатора [Индии], отвечающего за финансовые вопросы* и обладающего поистине обширным практическим знанием Индии и глубоко понимающего местные особенности. Так, он утверждает, что существуют четыре класса, «которые являются нашими неизбежными врагами и не настроены улаживать разногласия на подходящих нам условиях».

Это 1) духовенство (как индусы, так и магометане), 2) политический класс и военные, 3) смещенные нами местные принцы и вожди, 4) «толпа, чернь, низы общества». Если данное положение верно, а у нас нет причин сомневаться в этом, то можно заключить, что в Индии мы живем на настоящем вулкане, извержение которого может начаться в любую минуту и погубить нас. Особую важность для наших размышлений имеет следующее:

* В настоящее время является губернатором Бенгалии. — 1874 г.

класс, который прежде всех остальных будет втягиваться в афганские интриги, подпитываемые русской пропагандой, является одновременно самым вспыльчивым и озлобленным. «Враждебность наиболее сильна в среде магометанского духовенства, — пишет сэр Р. Темпл, — она буквально сжигает их неугасающим огнем. Основываясь на том, что мне было известно о ситуации в Дели в 1857–1858 гг.⁵³, а также на подлинных сведениях того времени в отношении Хайдарабада⁵⁴, я убежден — тигр жаждет своей жертвы не меньше, чем фанатичные мусульмане в Индии жаждут крови белых неверных. Все это очень печально, но нет смысла скрывать неизбежный факт»*.

К сожалению, и в Афганистане сегодня действует механизм агитации, прекрасно приспособленный для того, что сэр Р. Темпл называет «кипением, брожением и гноением» враждебности магометан в Индии. Фанатики Ситаны⁵⁵, которые доставили нам столько проблем несколько лет назад, сегодня вновь обнаруживают признаки жизни. По некоторым данным, к ним присоединился Фируз шах, который как последний представитель царской династии Дели принимает титул короля Индостана и провозглашает себя нашим непримиримым врагом⁵⁶.

Известно, что они также контактируют с ваххабитами⁵⁷ и другими недовольными магометанами в северной Индии. Поэтому можно со всей определенностью сказать, что если бы Россия желала поставить нас в неудобную ситуацию и обладала бы достаточным влиянием в Кабуле, чтобы заставить правителя этого города дать ход враждебному нам объединению Ситаны, поощряя и направляя движение посредством Ахунда из Свата⁵⁸ и других афганских духовных лидеров, а также поддерживая набеги и налеты

*Надо понимать, что настоящий меморандум не является официальным документом. Если бы на меня были возложены государственные обязанности в 1868 г., то я, вероятно, не решился бы использовать язык, алармистский по тону и преувеличенный по сути. Но как человеку со стороны, изо всех сил стремящемуся привлечь внимание индийского правительства, мне простиительно процитировать слова одного из его опытнейших и ценных служащих. Вместе с тем должен признать, что публикация депеш такого деликатного и конфиденциального характера является шагом опрометчивым и даже предосудительным.

горных племен вдоль всей границы с Индией, мы бы оказались в весьма затруднительном положении. В настолько затруднительном, что нам бы потребовалось обширное подкрепление из Англии, в итоге изначальная цель России была бы достигнута.

6. Имея перед собой подобную перспективу, понимая уязвимость своей позиции, а также то, что, пожелай того Россия, естественное развитие текущей ситуации позволило бы ей существенно навредить нам, можем ли мы оправдать дальнейшую приверженность тому, что сэра Джон Лоуренс⁵⁹ саркастически, но, вероятно, несправедливо, прозвал политикой «искусного бездействия»? Имеет ли оправдание наше бездействие, которое позволит России беспрепятственно добраться до Кабула и утвердиться там в качестве дружественной державы, готовой защищать афганцев от англичан? Сторонники бездействия утверждают, что в борьбе за расположение афганцев, держава, которая придет в эти земли последней, окажется наиболее успешной, потому что первопроходцы будут естественным образом восприниматься как враги, в то время как те, кто придет следом, предстанут освободителями. Однако такая постановка вопроса оставляет без внимания тот факт, что вражда между афганцами и англичанами уже существует и в последние годы усилилась из-за прекращения денежной помощи и наших постоянных отказов от вмешательства в междоусобицы. В то же время русские, напротив, никогда не оказывали военного давления на страну, не оскорбляли честь горцев какими-либо иными способами, в связи с чем афганцы относятся к ним, если и не с дружескими чувствами, то во всяком случае без враждебности и страха. Главный довод против активного вмешательства, однако, до сих пор состоял в том, что страна является очагом анархии и беззакония. Таким образом, поддерживая одного претендента на власть, мы тем самым провоцируем враждебность его соперников, толкая их в объятия России, чье появление на афганской политической сцене будет таким образом ускорено, а не задержано.

Впрочем, такое мнение едва ли отражает реальное положение вещей. Если мы ничего не предпримем, то можно быть уверенными, Россия в свое время обязательно обеспечит себе

прочное положение в Кабуле как следствие овладения Бухарой. Существуют подозрения, что политический переворот в Афганистане⁶⁰ обязан своим возникновением именно России, а Шир Али хан был запущен из Герата как пробный шар при подготовке наступления русских на Бухарский эмират. Если это окажется правдой, в случае успеха Шир Али хана, который сегодня кажется делом решенным, предотвратить воплощение планов России весьма непросто. Однако, если она просто наблюдает за развитием событий, а это более вероятно, и вскармливает агентов своего влияния в среде афганских беженцев с тем, чтобы приобрести влияние в Кабуле, тогда наш священный долг в том, чтобы немедленно вмешаться и опередить ее. Наверное, никто не будет оспаривать, что знаменитая доктрина лорда Окленда⁶¹, заключающаяся в «формировании сильной и дружественной державы на северо-восточной границе», всегда была руководящим политическим принципом для Индии, хотя в последние годы им слишком часто пренебрегали, допуская губительные просчеты при реализации. Никто не будет сомневаться и в том, что эта политическая линия была бы выигрышной и сегодня, если бы проводилась без существенных рисков или затрат. Впрочем, почему при ее проведении должны возникнуть серьезные риски? Правда ли, что наша интервенция в Афганистан приведет к «сплошной неразберихе и полному хаосу»? Наверяны ли эти опасения нашим опытом, что хаос есть нормальное состояние этой страны? Не является ли общеизвестным фактом то, что с момента нашего ухода из Кабула в 1842 г. и до 1863 г., на протяжении более чем 20 лет, в Афганистане под властью Дост Мухаммед хана установилось полное равновесие и достаток.

Этот правитель твердо верил в нашу силу, добросовестно относился к своим обязательствам, при любом удобном случае подавая недовольство и ропот своих подданных и на протяжении своего длительного пребывания у власти вел себя по отношению к нам предано и благоразумно. Все это заставляет нас сомневаться, что политический переворот, захлестнувший страну по завершении его правления и наносящий вред торговле, не-

прерывно порождающий беспокойствие на нашей собственной границе, может быть следствием не только слабости преемников Дост Мухаммед хана и естественной непокорности афганцев, но в неменьшей степени и следствием нашего невмешательства в ситуацию. Многие авторитетные фигуры, способные выработать собственное мнение, утверждают, что если бы мы вместо продвижения Дост Мухаммед хана с самого начала поддержали Шир Али хана, предоставляя ему ту же денежную помощь, что получал его отец, то он без промедления подавил бы своих соперников в лице братьев и племянников, оставался бы на вершине власти до сегодняшнего дня*.

В настоящий момент представилась еще одна возможность. Шансы Шир Али хана сегодня вновь возрастают. Он уже владеет Гератом, Кандагаром и Газни, кроме того, ожидается, что либо он лично, либо его сын Мухаммед Якуб хан⁶² вскоре будет возведен на престол и в Кабуле⁶³. Мы должны использовать его в своих интересах без промедления. При условии, что он не замешан в делах с Россией, возобновление денежной помощи, оказывавшейся его отцу, и моральная поддержка со стороны британского правительства в Индии, скорее всего, позволят ему победить соперников и гарантируют его преданность. Если его уже подкупили, то ожидания и запросы будут выше. Возможно, потребуется снабдить его оружием и оказать военную поддержку или даже предоставить в его распоряжение вспомогательный военный контингент. Однако какая бы ни была цена, мы должны ее заплатить, это оправдано исключительной важностью обретения доминирующей позиции в Кабуле и блокирования подступов для русских в настоящий момент. Вопрос о воссоздании дипломатической миссии в Кабуле, связанный с денежной помощью и установлением квазипротектората над страной, может быть решен лишь на месте событий. Если мы не готовы подставить под угро-

* Сэр Джон Лоуренс в своих пометках на Меморандуме отрицает ответственность за непризнание Шир Али хана в качестве эмира Кабула после смерти его отца, подчеркивая: «Вопрос был решен до того, как он прибыл в Индию в декабре 1863 г.». Однако в то же время он поддерживает предложенный курс действий как «оправданный обстоятельствами». — 1874 г.

зу нашу Индийскую империю, мы неизбежно должны занять эту позицию рано или поздно.

Когда мы обеспечим расположение и доверие правителя, такой шаг не повлечет больших рисков^{*64}. Успех миссии майора Ламсдена⁶⁵ в 1857 г. показал, что британские дипломаты, настроенные твердо, но в то же время примирительно, могут прокладывать пути сотрудничества на полях старых сражений, не возбуждая при этом враждебность. Кроме того, слава нашего недавнего Абиссинского триумфа⁶⁶, без сомнения, придаст еще большую личную безопасность нашему послу.

Есть еще один аргумент, относящийся к предмету нашего рассуждения и заслуживающий того, чтобы быть упомянутым. Отложив в сторону все соображения, касающиеся наступления русских и укрепления их влияния в Кабуле, мы обязаны перед нашим подданным в Пенджабе предпринять значительные усилия для установления сильного и дружественного правительства в Афганистане. Анархия заразна, и когда картины кровопролития и грабежей становятся привычным пейзажем, невозможно сохранить порядок и спокойствие народов и племен, живущих в приграничных районах. Следовательно, в интересах мира, в интересах торговли, в интересах морального и материального совершенствования можно утверждать, что вмешательство в Афганистане сегодня является нашим долгом; и любые умеренные издержки или обязательства, которые могут появиться в процессе восстановления порядка в Кабуле, обернутся в дальнейшем экономией средств.

7. До сих пор наше рассуждение ограничивалось главным образом практическими соображениям о последствиях для Ин-

* Вопрос восстановления дипломатической миссии при дворе правителя Кабула всегда был и остается спорным. Сэр Дж. Лоуренс и его Совет были единогласно против этой меры в 1868 г., считая ее излишней и преждевременной. Лорд Мейо подтвердил их решение в 1869 г. из уважения к сомнениям Шир Али хана по этому поводу. Однако вопрос поднимался не единожды и по разным поводам; в настоящий момент серьезного обсуждения заслуживает следующее опасение: не придется ли нам принести в жертву наши основные интересы из-за продолжающейся отстраненности от Кабула в связи с чрезмерной щепетильностью к чувствам афганцев? — 1874 г.

дии, вызванных позицией России в Центральной Азии сегодня и в ближайшем будущем. Однако, если мы заглянем немного дальше и посмотрим на предмет размышления шире, то обнаружим множество вопросов не меньшей, а то и большей важности. Каждый, кто проследит движение России в направлении Индии на карте Азии, будет поражен тем, насколько это движение напоминает маневры армии, окружающей осажденную крепость.

Первая линия⁶⁷, вдоль которой располагаются русские силы, огибает с севера Каспийское море, проходя через Оренбург к Иртышу. В стратегическом плане мы можем считать ее лишь линией наблюдения. Вторая линия⁶⁸, являющаяся прямой демонстрацией силы, будет пролегать вдоль тех границ, которые Россия готовится сейчас занять. Эти границы, согласно плану генерала Романовского, протянутся от Красноводского залива Каспийского моря южнее Хивы к Амударье и по ее течению через Памирское плато, включая таким образом все узбекские земли и водный путь Амударьи и Сырдарьи. Эта линия отделена от первой более чем 1000 милями, но она не представляет непосредственной угрозы для Индии, поскольку афганские горы служат надежным щитом против военного вторжения. Однако в случае, если России удастся пережить революцию в Европе и катастрофу в Азии, русские обязательно попытаются занять и третью возможную линию расположения своих сил. Она будет тянуться от Астерабада на юго-востоке Каспия, вдоль персидской границы в Герат, а оттуда через нагорье Хезарех к Амударье, а возможно, и через Кандагар к Кабулу. Такая позиция России будет устрашающей. Войска, припасы и материальные средства могут в неограниченном количестве накапливаться в Астерабаде. Пространство между этим портом и Гератом является открытым и может быть беспрепятственно использовано в целях снабжения. Цепь военных постов соединит эти две точки и позволит хорошо контролировать туркмен, оказывая тем самым большую услугу персам, обеспечивая таким образом их расположение и сотрудничество. Герат нередко называют «ключом к Индии», и он полностью заслуживает свою репутацию наиболее важной точки в Центральной Азии. Земляные укрепления, окружающие

город, имеют колоссальные размеры и могут быть значительно усилены. Водные и продовольственные запасы доступны в избытке, здесь встречаются все идущие с севера дороги, которые позволили организовать прекрасное снабжение русских сил. По сути, не будет преувеличением сказать, что если Россия полностью укрепитя в Герате и обеспечит связь с Астерабадом через Мешхед и Хивой через Мерв, а также с Ташкентом и Бухарой через Меймене и по течению Амударьи, всех местных сил Азии будет недостаточно, чтобы отбросить ее с этих рубежей.

Предположим, что в этой ситуации Россия пустится во все тяжкие, а только враждебность к Англии способна привести ее к такой доминирующей и угрожающей позиции, тогда у нее будут все возможности для причинения нам серьезного вреда, так как занятие Герата сосредоточит в ее руках, кроме собственных, также все военные ресурсы Персии и Афганистана. Не все отдают себе отчет, что в политической борьбе подобного характера мы с Россией не будем на равных. У нас нет естественных оснований рассчитывать на преданность промежуточных стран, нет приманки, затрагивающей их интересы до той степени, чтобы они предпочли союз с нами, нежели с нашими соперниками. Между тем России достаточно лишь указать на Индию как на традиционный трофей Центральной Азии, награду, к которой всегда стремились полчища с северных гор, как их симпатии тут же окажутся на ее стороне. Приятные воспоминания о разграблении Дели Надир шахом⁶⁹ и успешная кампания против маратхов под предводительством Ахмад хана Абдали⁷⁰ с трудом выветриваются из умов современного поколения персов и афганцев. Такие мечты имеют непреодолимую власть над их умами и, не будучи уравновешенными особыми соображениями, всегда подталкивают к союзу с нападающими, а не защищающимися. Следовательно, вполне вероятно, что в ближайшем будущем, если Россия окажется в состоянии войны с нами, она может бросить на Индию 50 000 дисциплинированных персидских воинов и 20 000 лучших в мире туркменских и афганских лошадей — такая сила под командованием русских офицеров вполне способна справиться с нашими войсками в Индии, состоящими из местных сил, осо-

бенно если русские подойдут к этому наступлению серьезно и выделяют небольшую вспомогательную группировку из своих отборных солдат для укрепления и координации атакующих войск. Конечно, такое наступление может не увенчаться серьезными результатами и не подвергнуть большому риску наше положение в Индии, так как наши гарнизоны получают примерно равное по силам подкрепление из Англии. Но как бы там ни было, нам придется проливать кровь и сражаться за свою жизнь, не имея возможности нанести ответный удар России.

8. Имеем ли мы основания обойти вниманием эту опасность из-за ее отдаленности во времени? Не следует ли, пока еще есть время, принять меры предосторожности с тем, чтобы нас не застали врасплох? России никогда не удастся закрепиться в Герате и поддерживать связь с Астерабадом⁷¹ без сотрудничества с Персией, и наши усилия должны быть соответственно направлены на предотвращение такого сотрудничества.

(а) Доктрина, которая сегодня преобладает в нашей восточной дипломатии, исходит из того, что Персия слаба и ненадежна, чтобы оправдать чрезмерные затраты на поддержание добросердечных отношений с шахом. Таким образом, некоторое время нам придется довольствоваться второстепенной позицией, уступив России первенство в Тегеране в надежде на то, что когда придет время действовать, мы сможем вернуть утраченные позиции посредством увеличения расходов и удвоенных усилий. И все же это очень недальновидная политика. Расположение, которым мы когда-то пользовались в Персии, но потеряли, не может быть куплено в один день. Оно возрастает постепенно при постоянном неослабевающем внимании. Следовательно, если мы желаем сдерживать продвижение России в направлении Индии, если мы стремимся к тому, чтобы сделать невозможным или, по крайней мере, отодвинуть на неопределенный срок захват Россией Герата, мы обязаны немедленно перейти к энергичным действиям в Персии. Сегодня не требуются огромные затраты, которые мы понесли в дни Гарфорда Джонса и Джона Малькольма, выдворяя французов из Тегерана⁷². Требуется продемонстрировать новый интерес к этой стране и готовность предоставить защиту от рус-

ского давления. Наши офицеры должны вновь снискать доверие и авторитет среди персидских солдат, как было во времена Кристи, Линдси и Харта⁷³. Такие подарки, как современное оружие и, возможно, артиллерия, послужат хорошим подтверждением пробудившегося интереса с нашей стороны. Нужно поощрять персидскую знать отправлять своих сыновей получать образование в Лондоне, а не в Париже. Вложение английского капитала может беспрепятственно осуществляться в банки, железные дороги, добычу полезных ископаемых и другие коммерческие предприятия и при условии поддержки наших властей могло бы послужить дальнейшему укреплению дружеских уз между странами.

Среди народа, столь одержимого внешними проявлениями и придающего такую большую ценность фасаду, первостепенная необходимость состоит в том, чтобы наша миссия работала «широко», на либеральных основаниях, наши подарки должны распространяться свободно, а устройство наших дипломатических учреждений в Тегеране должно иметь, скорее, восточный, нежели европейский характер. Еще одна возможность произвести благоприятное впечатление и фактически запустить систему предлагаемых мер возникла в связи с обращением шаха за нашей помощью в создании и поддержании персидского флота в Заливе⁷⁴. Учитывая исключительную непригодность персов к военно-морскому делу, маловероятно, что этот замысел, даже при условии нашего полного содействия, будет соответствовать даже ожиданиям шаха, однако наше согласие на это предложение в любом случае существенно усилит наше влияние при дворе и может поспособствовать развитию общности наших интересов, начало которому уже положило совместное телеграфное предложение^{*75}.

* Настоящие предложения, относящиеся к нашей персидской политике, не наши благосклонности ни в Англии, ни в Индии. Они бродили и созревали последние шесть лет, обретая различные зачаточные формы — в частности, в Концессии Рейтера; однако с нашей стороны по-прежнему имеет место безответственное промедление и нерешительность как следствие излишней осторожности, и, если мы будем упорствовать в ней, то можем оказаться в чрезвычайно затруднительном положении. Данный вопрос более подробно рассматривается в завершающей части главы 2. — 1874 г.

В связи с предложенными преобразованиями нашей дипломатии в Персии важно рассмотреть вопрос: следует ли наши отношения с этой страной вновь отдать в юрисдикцию Министерства по делам Индии? Сегодня не может быть сомнений в том, что наша дипломатия на персидском направлении имеет ключевое значение в вопросах восточной политики и в то же время во многом зависит от индийской политики. Именно продвижение России в направлении Индии и исходящая от нее угроза Кабулу и Герату требуют нашего более активного участия в делах Тегерана. Любые защитные меры, относящиеся к Персии или Афганистану, должны быть организованы в Индии и координироваться из Индии.

Если понадобятся солдаты, они могут быть переброшены из Пешавара или Синда⁷⁶. Индийская армия могла бы дать офицеров для войск шаха. Бомбей обеспечит морское снабжение [Персидского] залива. Из годовых доходов, получаемых в Индии, ежегодно 12 000 фунтов направляется на покрытие расходов персидской миссии. Ничто не связывает нашу европейскую дипломатию с Персией, кроме отношения этой страны с Турцией, но даже эти отношения, касающиеся в основном проблем на границе, скорее естественным образом подпадают под юрисдикцию Багдада, Эрзерума или Константинополя. Вопросом является и то, насколько Министерство иностранных дел, превосходно ведущее дела европейской дипломатии, приспособлено к тому, чтобы работать с особенностями Востока. Тегеран — это восточный двор, такого же характера и духа, как и дворы в Кабуле, Лахоре, Дели, Лакхнау или Хайдарабаде, где нужно воздействовать на зрение, а не на разум и где человеческий характер значит намного больше, нежели форма и порядок работы учреждений. Вызывает сомнения, могут ли обязанности нашей миссии в Тегеране, признанной в качестве важнейшей части обороны Индии, быть выполнены обычными дипломатами Министерства иностранных дел? В любом случае несравнимо лучше было бы использовать для этой работы индийских сотрудников, приспособленных к местной специфике, знакомых с местным языком. Они будут относиться к своей службе в Персии или Афганиста-

не как к карьере на всю жизнь вместо того, чтобы стремиться к роскоши и праздности Парижа и Вены. Одно можно сказать точно: если мы упустим текущую возможность передать персидскую миссию в юрисдикцию Министерства по делам Индии, то в дальнейшем расширение наших индийских интересов и осложнения, связанные с приближением России к Индии, сделают эту передачу неизбежной, однако тогда нам потребуются все силы и умения индийских властей, чтобы выпутаться из усугубившейся ситуации*.

(b) В заключение кратко суммируем рекомендуемые меры по корректировке текущего положения в Центральной Азии. Их немного, но они не лишены важности. Шир Али хан должен получить денежную помощь и укрепиться в своем положении в Кабуле. Если он получит полновесную поддержку авторитета и ресурсов лорда Окленда, то наше положение в этой столице будет таким же надежным и главенствующим как во время Бёрнса⁷⁷ при дворе Дост Мухаммед хана в 1837 г. Следующим шагом надо вернуть утраченные позиции в Персии с тем, чтобы Россия не могла использовать эту страну как орудие своего продвижения к Индии. На местном уровне следует укрепить коммуникации и снабжение на афганской границе, рассматривающейся как военный рубеж. Вопиющее упущение заключается в том, что до сих пор не проложена железная дорога между Лахором и Пешаваром; мы также до сих пор зависим от медлительного и ненадежного индийского судоходства в коммуникациях между Мулганом⁷⁸ и морем**.

* Мои взгляды на этот вопрос изменились под влиянием возрастающей тяжести российского вопроса в связи с продвижением России в Центральной Азии, с которым может работать только Министерство иностранных дел. Данный предмет обсуждался в главе 2, разделе 6, и мне нечего прибавить к тому мнению, что изложено там. — 1874 г.

** На расстоянии это недоразумение сглаживается, и в течение следующих нескольких лет ожидается завершение строительства единой железной дороги от Калькутты и Карачи в одном направлении к Пешавару, а в другом — к подножью Боланского прохода. Но, увы, это единственное из предложенных мною мероприятий, которое было полностью выполнено. Ситуация с Персией до сих пор не исправлена, и поддержка Шир Али хана была настолько нерегулярной, что наше положение в Кабуле остается неустойчивым. — 1874.

Последняя моя рекомендация касается строительства оборонительного укрепления в Кветте над Боланским проходом⁷⁹, у которого множество как убежденных сторонников, так и противников. Никто не решится поставить под вопрос важное военное значение этой работы. Этот плацдарм прикроет нашу границу и в случае вторжения задержит врага на время, достаточное для того, чтобы провести группировку сил в тылу. Вероятно, в текущих обстоятельствах возведение такой крепости окажет благотворное воздействие на местные настроения в Индии. Сообщается, что наши друзья сейчас находятся в унынии ввиду нашего бездействия, в то время как наши враги наращивают свои силы и уверенность. Начало нового дела в Кветте воодушевит одних и приструнит других. Оно покажет, что наш ответ — это ответ сильного, что мы отдаем отчет в серьезности текущего положения и готовы к немедленным действиям, если того потребует ситуация. Однако, с другой стороны, неясно, как к строительству отнесутся в Кандагаре и Кабуле. Если бы у нас были налажены надежные отношения с Шир Али ханом и он рассматривал крепость в Кветте как укрепление собственных позиций, тогда последним и единственным препятствием на пути воплощения этого замысла являлась бы его стоимость. Но если, и это более вероятно, племена воспримут возведение крепости не на афганской земле* как угрозу или как подготовку к враждебному наступлению на их земли, тогда мы не можем рисковать нашими дружескими отношениями ради строительства такого малого объекта.

Лондон, 20 июля, 1868 г.

Перевод с английского В.В. Сутырина

* Необходимо объяснить, что Кветта принадлежит Келату, а не Кабулу и что соглашение позволяет нам «размещать британские войска в любой части территории Келата как сочтут нужным Британские власти». См.: A collection of treaties, engagements, and sunnuds relating to India and neighbouring countries / Compiled by C.U. Aitchison. Calcutta, 1862. Vol. VII. P. 77. — 1874 г.

Комментарии

Генри Роулинсон

АНГЛИЯ И РОССИЯ НА ВОСТОКЕ

Роулинсон (Rawlinson) Генри Кресвик (1810–1895) — офицер английской армии, археолог, ассириолог, лингвист и дипломат. С 1827 г. выполнял военные и дипломатические поручения в Персии, Британской Индии, Османской Аравии и одновременно занимался изучением археологических памятников и произведений клинописи. Служил специальным представителем английского правительства в оккупированном Англией Кандагаре (1840–1842), консулом в Багдаде (1844–1851), директором Ост-Индской компании (1856–1858), посланником в Тегеране (1859–1860). Был членом Индийского совета (1858–1859, 1868–1895). Избирался депутатом Парламента (1858, 1865–1868), президентом Королевского географического общества (1874–1875) и Азиатского общества (1878–1881). В 1868 г. издал книгу «Англия и Россия на Востоке», в которой обосновывал серьезность российской угрозы для Британской Индии и британских интересов в Центральной Азии.

«Меморандум по центрально-азиатскому вопросу» Роулинсона, вошедший в книгу «Англия и Россия на Востоке», печатается по: *Rawlinson Henry. England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. 2nd edition, with additional notes. London: John Murray, 1875. P. 271–300.*

¹ В примечании Роулинсона упоминается *Фоссет* — Фоссет (Fawcett) Генри (1833–1884), ученый-экономист, член парламента в 1865–1884 гг. В 1869 г. после отмены «Ирландского церковного акта», в соответствии с которым в Тринити-колледже и Университете Дублина могли учиться только англикане, Г. Фоссет предложил предоставить возможность получения высшего образования для членов других церквей. Вопрос был решен только в 1873 г. подписанием «Билля об Ирландском университете».

² *Крымская война* — Крымская, или Восточная война (1853–1856), война России и коалиции, в составе Османской, Французской и Британской империй и Сардинского королевства.

³ *Содействия черкесов* — черкесами в XIX в. называли несколько адыгских этнотерриториальных групп, проживавших в низовьях рек Кубани и Лабы, в предгорных и горных местностях, прилегающих к Черноморскому побережью (абадзехи, шапсуги, натухайцы, убыхи, бжедуги и др.). По Адрианопольскому мирному договору 1829 г., территория их проживания вошла в состав Российской империи, однако некоторые племена не признали российского подданства и длительное время оказывали военное сопротивление, пользуясь поддержкой Османской, Британской и Французской империй.

⁴ В примечании упоминается *Лорд Кларендон* — Джордж Уильям Фредерик Вильерс, 4-й граф Кларендон (Clarendon) (1800–1870), британский государственный деятель и дипломат.

⁵ *Парижский мирный договор* — договор 1856 г., завершивший Крымскую войну.

⁶ *Парижский мирный договор оставил черкесов незащищенными перед шквалом ее гнева* — Парижский мирный договор 1856 г. признал Черкесию частью Российской империи. Воспользовавшись отсутствием у России военного флота в Черном море, Османская, Французская и Британская империи оказывали военную поддержку черкесам, выступившим против России.

⁷ *В 1859 г. штурмом была взята крепость Гуниб, и Шамиль попал в плен* — русская армия в августе 1859 г., окружив аул Гуниб на одноименном горном плато в Дагестане, вынудила сдаться в плен руководителя Северо-Кавказского имамата Шамиля (1797–1871).

⁸ *Успех шел за успехом, пока побежденные черкесы, которые предпочли подчинению изгнание, не покинули родные горы, чтобы искать пристанище на турецкой территории* — речь идет о переселении преимущественно адыгских племен в Османскую империю в 1862–1865 гг.

⁹ *От Аракса к Инду* — образно говоря, от границ России до границ Британской Индии. По реке Аракс в Закавказье на основании Гюлистанского мирного договора (1813) была проложена граница между Россией и Персией. Инд — самая западная из крупных рек Британской Индии, однако к западу от нее также находились владения Британии.

¹⁰ *Степь* — здесь, Киргизская (Казахская) степь, простирающаяся от Уральских гор до Аральского моря.

¹¹ *Возвела крепости на реках Ирғиз и Тургай* — в действительности, строительство крепостей Оренбургская на Тургае и Уральская на Ирғизе началось в 1845 г.

¹² *Сырдарья* — река в Средней Азии, ее истоки находятся в восточной части Ферганской долины, впадает она в Аральское море.

¹³ *Укрепления узбеков на Сырдарье* — имеются в виду крепости Яны-Курган, Джулек, Ак-Мечеть, Чим-Курган, Кумыш-Курган. «Узбеками» Г. Роулинсон называет подданных Кокандского ханства.

¹⁴ *Кокандское ханство* — государство Центральной Азии (1709–1876), которое в период наибольшего расцвета охватывало территорию Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, восточного Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

¹⁵ *Князь Горчаков* — Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), министр иностранных дел Российской империи (1856–1882).

¹⁶ *Генерал Д.И. Романовский* — Дмитрий Ильич Романовский (1825–1881), генерал-лейтенант, начальник Туркестанской области (1866–1867).

¹⁷ *Новая российская провинция Туркестан* — Туркестанское генерал-губернаторство образовано в 1867 г., включало две области: Сырдарьинскую и Семиреченскую.

¹⁸ *Хан Худояр* — Сейид Мохаммад Худайар (1832–1886), правитель Кокандского ханства (1844–1875).

¹⁹ *Крепость в Джизаке* — Джизак — город на пути из Ферганской долины в Самарканд. Занят русской армией в 1866 г.

²⁰ *Генерал К.П. Кауфман* — Константин Петрович Кауфман (1818–1882), генерал-адъютант, с 1867 г. командующий войсками Туркестанского военного округа и туркестанский генерал-губернатор.

²¹ В примечании упоминается пункт Ухум — кишлак (селение) в окрестностях Джизака.

1874 г. — дата указывает на то, что комментарии включены во второе издание «Меморандума» 1874 г.

²² *Генерал М.Г. Черняев* — Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898), начальник Туркестанской области (1865–1866), Туркестанский генерал-губернатор (1882–1884).

²³ *Генерал М.Г. Черняев, взявший Ташкент, был смещен с должности туркестанского генерал-губернатора, по всей видимости, вследствие слишком агрессивных захватнических действий, а несколькими годами позднее его преемник, Д.И. Романовский, был лишен всех военных званий за схожий проступок, а именно — нарушение приказа и вторжение в Бухарский эмират* — в действительности оба начальника Туркестанской области не были лишены званий (Романовский даже возглавил штаб Кавказского военного округа), их отставка была вызвана опасениями, что быстрое продвижение русской армии вызовет негативную реакцию Британской империи.

²⁴ В примечании упоминается *граф П.А. Шувалов* — граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889), посол России в Великобритании (1874–1879).

²⁵ *Григорьев, последний губернатор Восточной Сибири* — Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), востоковед, публицист, начальник пограничной экспедиции в Оренбурге в 1851–1862 гг., профессор Санкт-Петербургского университета. Никогда не занимал губернаторские посты. В «Меморандуме» он ошибочно назван М. Григорьевым, что встречается в английских и французских публикациях того времени (см., например: *Lettre adressée à la Société asiatique de Paris sur l'origine et les monuments de l'écriture carrée dont l'invention est attribuée au pagba-lama, par M.W. Grigorief. Paris, 1861*). Письмами Григорьева названы статьи, некоторые из которых выходили также на английском языке (например: *Grigorief V. Review of Vámbéry's «History of Bukhara»*; *The Russian Policy Regarding Central Asia: An Historical Sketch // Schuyler E. Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja: In 2 vol. London, 1876. P. 360–389, 391–415*).

²⁶ «*Московские ведомости*» — газета, выходившая под редакцией М.Н. Каткова.

²⁷ *Калькутта* — столица Британской Индии.

²⁸ *Воздействуя при помощи тех же средств на слабые места на границе Индии* — речь идет о племенах (прежде всего восточных пуштунах), территория проживания которых слабо контролировалась Британской Индией.

²⁹ *Пешавар* — столица восточных пуштунов.

³⁰ *Кабул* — столица Афганистана.

³¹ *А англичане еще не забыли ужасный урок 1842 г.* — речь идет об Англо-афганской войне 1839–1842 гг., в ходе которой британская армия потеряла свыше 18 000 человек, и отступлении англичан из Кабула зимой 1841–1842 гг.

³² *Правитель Кашгара Якуб-бек* — Магомет Якуб-бек Бадаулет (ок. 1820–1877), создатель и правитель государства Йегтишар в Восточном Туркестане со столицей в Кашгаре (1872–1876).

³³ *Старые колонии Верное и Капал* — крепости Верный (ныне Алматы) и Копал Новой Сибирской пограничной линии основаны соответственно в 1854 и 1847 гг. Роулинсон первое поселение ошибочно назвал Верное.

³⁴ *Недавно он опубликовал памфлет по теме Центральной Азии* — имеется в виду брошюра: Романовский Д.И. Заметки по Средне-Азиатскому вопросу. СПб., 1868.

³⁵ В примечании Роулинсон ссылается на *Английский перевод работы Романовского* — Romanovsky M. Notes on the Central Asian Question. Calcutta, 1870.

³⁶ *Красноводский залив* — залив в восточной части Каспийского моря.

³⁷ *Река Эмба* — р. Эмба протекает по Подуральскому плато и Прикаспийской низменности.

³⁸ *Казалы на Сырдарье* — Казала, или Сыр-Дарьинский форт № 1 — военное укрепление в урочище Казалы, с 1867 г. город Казалинск.

³⁹ *Залив Мертвый Култук* — залив у северо-восточного берега Каспийского моря.

⁴⁰ *Залив Чернышева* — залив у северо-западного берега Аральского моря.

⁴¹ *Князь Барятинский* — князь Александр Иванович Барятинский (1815–1879), государственный и военный деятель, главнокомандующий Кавказской армией и наместник императора Александра II на Кавказе, руководил завоеванием Западного Кавказа.

⁴² *Воды первой реки позволяют пароходам добраться до Ходженда, а второй — до окрестностей Балха* — Ходжент стоит на р. Сырдарье, а Балх — в 74 км от р. Амударья.

⁴³ «Русский инвалид» — официальная российская газета.

⁴⁴ *Города Балх, Хульм, Кундуз, находящиеся последние 30 лет под властью афганцев, ранее принадлежали Бухарскому эмирату* — эти города южного Туркестана были завоеваны эмиром Афганистана Дост Мухаммед ханом в 1855–1863 гг.

⁴⁵ *Когда мы лишили власти Дост Мухаммед хана в 1839 г., он укрылся в землях эмира, а в 1841 г. он и в 1842 г. его сын вернулись из Бухарского эмирата, чтобы напасть на нас в Кабуле* — Дост Мухаммед хан (1790–1863), с 1834 г. эмир Афганистана, основатель Баракзайской династии. В политике объединения Афганистана Дост Муххамед хан сначала пытался заручиться поддержкой Российской империи, что привело к Англо-афганской войне 1839–1842 гг. Г. Роулинсон сознательно упустил тот факт, что Дост Муххамед хан в конце 1840 г. сдался англичанам и находился в Индии. Потерпев поражение, англичане были вынуждены его освободить, Дост Муххамед хан вернулся в Афганистан и вновь занял пост эмира.

⁴⁶ *Женатый на дочери эмира Бухары, Абдур Рахман хан* — Абдур Рахман хан (ок. 1844–1901), эмир Афганистана (1880–1901). В 1865 г. помог своему отцу, Афзаль хану, занять афганский престол. Был женат на дочери правителя Герата Яр Мухаммад хана.

⁴⁷ Имеется в виду *Шир Али хан* (1825–1879), сын Дост Мухаммеда хана, правитель Афганистана (1863–1866, 1868–1878).

⁴⁸ *Битва при Самарканде* — взятие Самарканда в 1868 г.

⁴⁹ *Внук Дост Мухаммед хана* — вероятно, речь идет об Искандер хане, сыне Султан Ахмед хана от брака с дочерью Дост Мухаммед хана, Навваб.

⁵⁰ В примечании упоминается *Д. Маклеод* — Маклеод (McLeod) Дональд Фрил (1810–1872), вице-губернатор штата Пенджаб в Британской Индии (1865–1870).

⁵¹ *Последователи Пророка* — мусульмане, последователи пророка Мухаммеда.

⁵² *Сэр Ричарда Темпла* — Темпл (Temple) Ричард (1826–1902), чиновник Британской Индии, член Совета генерал-губернатора Британской Индии, отвечающего за финансовые вопросы (1868–1874).

⁵³ *О ситуации в Дели в 1857–1858 гг.* — речь идет об Индийском (Сипайском) восстании 1857–1859 гг. против британской колониальной администрации в Индии.

⁵⁴ *Хайдарабад* — самое большое княжество в составе Британской Индии, сохранило лояльность Британии во время Сипайского восстания 1857–1858 гг.

⁵⁵ *Фанатики Ситаны* — речь идет о лагере ваххабитов в Ситане (провинция Бихар), который был разгромлен с большими потерями силами целого армейского корпуса (1863 г.).

⁵⁶ *Фируз шах, который как последний представитель царской династии Дели, принимает титул короля Индостана и провозглашает себя нашим непримиримым врагом* — речь идет о шахзаде (т.е. принце) Фируз шахе, представителе династии Великих Моголов, участнике Индийского восстания 1857–1859 гг.

⁵⁷ *Ваххабиты* — последователи Муххамда ибн Абд аль-Ваххаба (1751–1828), в Индии ваххабизм соединил религиозное учение и методы джихада с политическими, экономическими и национальными требованиями.

⁵⁸ *Ахунда из Свата* — ахундой (мусульманский епископ) из княжества Сват (ныне территория северо-западной провинции Пакистана Пешавар) Г. Роулинсон, скорее всего, называет самого известного ахунда — Абдула Гафура (1794–1877).

⁵⁹ *Сэр Джон Лоуренс* — Лоуренс (Lawrence) Джон (1811–1879), генерал-губернатор Индии (1864–1869).

⁶⁰ *Политический переворот в Афганистане* — речь идет о борьбе за престол эмира Афганистана, начавшейся после смерти Дост Муххамед хана в 1863 г.

⁶¹ *Лорд Окленд* — Эден (Eden) Джордж, лорд Окленд (1784–1849), генерал-губернатор Индии (1836–1842).

⁶² *Мухаммед Якуб хан* (1923), сын Шир Али хана, эмир Афганистана в 1879 г.

⁶³ *Либо он лично, либо его сын Мухаммед Якуб хан вскоре будет возведен на престол и в Кабуле* — прогноз Г. Роулинсона полностью подтвердился — в 1868 г. эмиром Афганистана стал Шир Али хан, а после его смерти — его сын, Муххамед Якуб хан.

⁶⁴ В примечании упоминается *Лорд Мейо* — Бурк Ричард Саусуэлл (Richard Bourke), 6-й Граф Мейо (1822–1872), генерал-губернатор Индии (1869–1872).

⁶⁵ *Майор Ламсден* — Ламсден (Lumsden) Питер Старк (1829–1918), офицер Британской Индии. Г. Роулинсон упоминает его миротворческую миссию 1857–1858 гг. в Кандагаре, которая в литературе получила название «политическая миссия в Афганистан» (*Bellew H.W. Journal of a political mission to Afghanistan, in 1857, under major (now colonel) Lumsden. London, 1862.*)

⁶⁶ *Слава нашего недавнего Абиссинского триумфа* — серия побед в Англо-эфиопской войне 1867–1868 гг.

⁶⁷ *Первая линия* — Оренбургская линия, система оборонительных сооружений на юго-восточной окраине Российской империи, построенная в 1730–1740-е гг. и измененная во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в.

⁶⁸ *Вторая линия* — система оборонительных линий — Сырдарьинской, Новой Кокандской и Новой Сибирской, выстроенных в 1850–1860-е гг.

⁶⁹ *Надир шах* — Надир шах Афшар (1688–1747), шах Ирана (1736–1747), в 1739 г. захватил Дели.

⁷⁰ *Ахмад хан Абдали* — Ахмад хан Дуррани (1722–1772), происходит из клана Абдали, шах Афганистана (1747–1772), совершил ряд успешных походов в Индию, Иран и Южный Туркестан, во время Афгано-маратхской войны 1758–1761 гг. одержал серию побед над армией маратхов (1760–1761).

⁷¹ *Астерабад* — город на севере Персии.

⁷² *Сегодня не требуются огромные затраты, которые мы понесли в дни Гарфорда Джонса и Джона Малькольма, выдворяя французов из Тегерана* — речь идет о посольстве британского посла Гарфорда Джонса (1764–1847) и представителя Ост-индской компании Джона Малькольма (1769–1833), направленных в Тегеран в 1802 г. с целью склонить Персию к войне против Франции в случае похода наполеоновской армии в Британскую Индию. Участники посольства поспорили между собой о размере вознаграждений для членов персидского двора.

⁷³ *Кристи, Линдси и Харт* — британские инструкторы в Персидской армии во время Русско-персидской войны 1804–1813 гг. — майор Чарльз Кристи (ск. в 1812), лейтенант Генри Линдси (1792–1851) и майор Исаак Харт (ск. в 1830).

⁷⁴ *В Заливе* — имеется в виду Персидский залив.

⁷⁵ *Совместное телеграфное предприятие* — речь идет об Англо-иранском телеграфном соглашении 1863 г., на основании которого Департамент индоевропейского телеграфа (подчинялся Совету генерал-губернатора Британской Индии) построил в 1864 г. телеграфную линию от Карачи до Османской империи, связавшую Лондон с Калькуттой в обход России.

В примечании упоминается *Концессия Рейтера* — немецкий предприниматель Пол Юлиус барон фон Рейтер (1815–1899) в 1872 г. получил эксклюзивную семидесятилетнюю концессию на проведение ряда коммерческих предприятий на территории Ирана, в том числе строительство железной дороги, связывающей Каспийское море с Персидским заливом, разработку полезных ископаемых. Под давлением европейских стран и России концессия была расторгнута.

ГЕНРИ РОУЛИНСОН

⁷⁶ *Синд* — провинция Британской Индии (ныне Пакистана).

⁷⁷ *Бёрнс* — Бёрнс (Burnes) Александр (1805–1841), британский дипломат, сторонник сотрудничества Британии с афганским эмиром Дост Мухаммед ханом, при дворе которого находился в 1836–1837 гг. (Г. Роулинсон ошибочно указал 1847 г.).

⁷⁸ *Мултан* — город в провинции Пенджаб (ныне Пакистан), на р. Чинаб, впадающей правый приток реки Сатледж (бассейн Инда).

⁷⁹ *Кветта над Боланским проходом* — Кветта — северная столица Белуджистана (ныне в составе Пакистана), стратегически важный пункт на границе с Афганистаном, закрывающий Боланский проход — исторический путь из Центральной Азии через хребет Центральный Брагуи в Индостан. В соответствии с рекомендациями Г. Роулинсона, Кветта в 1876 г. перешла под контроль Великобритании.

⁸⁰ В примечании упоминается *Келат* — Келатское ханство, находившееся на территории Белуджистана.

Комментарии А.В. Топычанова

THE COMING
STRUGGLE FOR INDIA.

BEING AN ACCOUNT OF

*THE ENCROACHMENTS OF RUSSIA IN CENTRAL ASIA, AND OF THE
DIFFICULTIES SURE TO ARISE THEREFROM TO ENGLAND.*

BY

ARMINIUS VAMBÉRY.

CASSELL & COMPANY, LIMITED:
LONDON, PARIS, NEW YORK & MELBOURNE.

1895.

[ALL RIGHTS RESERVED.]

Арминий Вамбери

ПРЕДСТОЯЩАЯ БОРЬБА В ИНДИИ

Глава XI. Сравнение английской и русской цивилизаций на Востоке

До сих пор я писал о политическом соперничестве Англии и России в Центральной Азии, рассчитывая прежде всего и исключительно на внимание английской публики. Сейчас я собираюсь обратиться к европейским и американским читателям, проявляющим интерес к настоящему предмету, стремясь доказать им, что основанием моих симпатий к англичанам не является лишь какая-то легкомысленная причуда. Я не питаю любовь к одной из этих стран и ненависть к другой. Я попытаюсь показать, что мои симпатии вытекают из длительного практического и теоретического исследования, внимательного и непредвзятого соотнесения итогов деятельности этих двух представителей нашей западной цивилизации. Конечно, настоящее обстоятельное сравнительное исследование английской и русской цивилизаций на Востоке заслуживает отдельной книги и будет производить весьма скромное впечатление в узких границах одной главы. Однако я вижу перед собой неизбежное обязательство указать на отличительные моменты в поведении этих двух держав. Я польщу себе, если скажу, что предпринимаю эту попытку в надежде на то, что вопрос Центральной Азии, которым так долго пренебрегали дипломаты, более того, который даже высмеивался определенным кругом политиков, представляет интерес не только для Англии и России, но и для всего цивилизованного мира. Это не Центрально-Азиатский, но строго европейский вопрос с далеко идущими политическими и культурными последствиями.

В трудах французских и германских политических публицистов мы находим, что Россия, имеющая азиатское происхождение и обладающая многими ярко выраженными чертами азиатского общества, намного превосходит Англию в деле распространения идей и принципов нашей западной культуры и установления оседлого правления (settled rule) в полуварварских странах Азии и, таким образом, является более подходящим исполнителем для этих задач, нежели закрытые, холодные, жесткие англичане.

Участвуя в полемике по данному вопросу на протяжении почти 20 лет, я часто слышу от своих собеседников, что, не замечая широкой пропасти, которая отделяет глубоко европеизированного англичанина от азиата, проникнутого духом восточной культуры, уходящей в глубину тысячелетий, я тем самым упускаю из виду, что менее совершенные представители [европейской цивилизации], находящиеся посередине между двумя противоположными культурами, совершенно естественным образом могут и будут служить более продуктивным посредником между ними. Мне говорят, что, следовательно, русское общество, стоящее на грани двух культурных миров, самым решительным образом доказало, что является более успешным культиватором наших западных обычаев на Востоке. Что ж, я никогда не стремился сойти за фанатика, равно как не предавался отрицанию во имя отрицания. Я всегда признавал и даже сейчас признаю, что русская цивилизация, со всеми своими недостатками и пороками, все же стоит выше культуры, проистекающей из магометанства¹, и что она, плодотворная в той степени, в какой в прошлом могла быть плодотворна и культура магометан, сегодня утрачивает свою волю к преобразованиям и скатывается в темную глушь истории.

Бесполезно отрицать, что через установление оседлого правления в прежде варварских регионах Азии, где вершили правосудие, грабеж и кровопролитие, опустошавшие целые районы, Россия даровала счастье этим жалким созданиям, являющимся нашими братьями. Однако я оставляю за собой право задать ответный вопрос: может ли порядок вещей, созданный деятельностью России, называться настоящей цивилизацией и имеет ли

оно хотя бы проблеск того великолепного света, который мы называем современной культурой христианского Запада? И далее, кто может поставить нам в вину то, что, зная о существовании более чистого источника, более просвещенного факелоносца и стремясь подарить величайшие плоды культуры нищему угнетенному Востоку, мы укрепимся в желании заменить двусмысленную и ненадежную русскую силу на более преданного проводника наших идей?

Факты красноречивей теорий, в связи с чем я чувствую себя обязанным развернуть перед глазами читателя панораму жизни народностей, которые на протяжении более четырехсот лет находились под воздействием русского процесса цивилизации (*process of civilisation*). И читатель согласится со мной, что они не просто ничего не приобрели, они на сегодняшний день потеряли морально и материально и находятся все также далеко от малейшего представления о нашей западной культуре, как и их братья по вере, живущие под изуверским гнетом магометан.

Наблюдая за жизнью около полумиллиона казанских татар, умственно одаренной части турецкого народа, прославившейся в прежние времена своей мусульманской культурой, мы обнаружим, что, за исключением нескольких поверхностных моментов, таких как знакомство с европейскими напитками, ни малейшего следа мира XIX века не отразилось в общественной и политической жизни этих упрямых азиатов. Мы можем со всей уверенностью утверждать, что, за исключением нескольких изданных книг, содержащих примитивные знания в области географии, истории России, а также переводов русских сказок, правительство не сделало ничего, чтобы поднять уровень образования этих людей. Они брошены в моральном беспамятстве, а всей своей умственной дисциплине обязаны школам, которые сами же основали и содержат. В Казани существует государственная школа (*public government school*), но ее уклон и дух подготовки являются строго русскими в расчете на то, чтобы превратить татар в христиан и москвитов, чтобы их было проще поглотить и так гигантскому телу москвитизма (*body of Muscovitism*).

Сходными окажутся и наблюдения за жизнью башкир, близкого по численности к казанским татарам ответвления тюрко-татарской расы, представители которого проживают на территории Урала с незапамятных времен и, несмотря на нахождение под властью России уже около двух веков, пребывают в еще худшем состоянии, чем их собратья на Волге, как с моральной, так и с материальной точек зрения. Бедные, покинутые и забытые, подвергнутые осмеянию фанатичными православными русскими, они потеряли практически половину своей изначальной численности. Мы можем продолжить приводить примеры подобного рода, упомянув Тобольск на северо-востоке или расширив зону наших наблюдений до Алтайских гор на юге. Везде мы столкнемся с фактом, что с появлением русских колонизаторов коренные народы быстро исчезают, что правительство вместо того чтобы проявить заботу о жестоко угнетаемых подданных, скорее поощряет разрушения, которые приносят с собой русские казаки, попы и купцы.

В подтверждение нашего предыдущего утверждения дадим слово русскому путешественнику, процитировав следующий отрывок из работы, опубликованной Н.М. Ядринцевым² в журнале «Русское обозрение»³: «Территории кочевников с каждым днем становятся все меньше, алтайцы выдавливаются с их гор, долин и лесов русскими, в довершение к этому кочевники, живущие на равнинах, а также обитатели лесов подвергаются эксплуатации со стороны русских самым бессовестным образом, при этом в ход идут любые разновидности хитрости, обмана и насилия. Алтаец получает за свои товары (кедровые орехи, беличьи и соболиные шкуры, говядину) цену, самовольно установленную русским купцом, в то время как алтаец вынужден отдавать огромные деньги за продукцию русских фабрик. Например, за аршин женской одежды, который стоит 60–70 копеек, — 3 рубля, и за ситец стоимостью 18 копеек — 40 копеек. Алтайца без малейшего зазрения совести загоняют в долговую кабалу ростовщики, а его здоровье разрушается постоянными излияниями такого смертельного яда, как водка. Поэтому недалеки те времена, когда тюркские жители Сибири, разоренные до нитки, гибнущие от

болезней, прекратят свое существования, оставив после себя в истории лишь свое имя».

В свете этих суровых, но правдивых обвинений заявления генерала Соболева⁴, в которых он возлагает вину на англичан за то, что они, дескать, устанавливают тираническую власть над своими народами, что они низводят их до состояния рабов, чтобы только английская торговля приносила прибыль, и англичанин приумножал свои богатства, выглядят довольно любопытно, и читатель поймет, что я был более чем великодушен, называя усилия русских по культивированию цивилизации в Азии благодеянием для рода человеческого.

Конечно, я вполне отдаю себе отчет в том, что дорогие друзья России всегда найдут ту или иную причину, чтобы оправдать москвитянина, распространяющего цивилизацию. В вопросе, составляющем предмет нашего текущего внимания, они будут доказывать, что неудачи имеют свой источник не в определенных желаниях правительства и не являются следствием его действий, но скорее происходят из упрямого сопротивления магометанского общества, которое оно проявляет практически повсюду, где бы европейские завоеватели ни пытались его цивилизовать. Они приведут в пример, помимо прочих, магометан в Алжире и в особенности мусульманских подданных королевы-императрицы Индии⁵. Последние приведенные примеры сравнения будут рассмотрены нами ниже. А в целях доказательства крайней неэффективности цивилизаторских усилий Россией заметим, что она потерпела неудачу в этом вопросе также применительно к тем иностранным народам, которые находились под ее властью и давно приняли христианскую веру, народам, исповедующим православную веру и полностью доступным цивилизационному влиянию Русской церкви и государства. Позвольте мне выбрать в качестве примера чувашей, проживающих на правом берегу Волги, а также на левом берегу в северо-западном направлении, в районе Оренбурга, которые являются подданными царя с 1524 г.⁶ Эти тюрки, насчитывающие около 600 000 душ, приняли христианство в 1743 г.⁷ Они находятся под постоянным и невиданным гнетом русской администрации и, будучи мирными

и трудолюбивыми земледельцами, не получили в награду ничего, кроме прихода новых господ. Чуваши пребывают в таком же невежестве, в такой же власти суеверия, как и в прежние времена, он только номинально является христианином и втайне продолжает поклоняться всем богам своей языческой веры. Этот факт может нести определенную пользу для этнографа, но вместе с тем является позором, а не успехом российской цивилизации, о котором друзья этой северной державы не так давно раструбили всему миру.

Состояние угорского населения, к которому относятся черемисы, вотяки, зыряне и вогулы⁸, можно считать еще более отчаянным. Их повседневная жизнь, их образ мышления, наконец, их общественное бытие не демонстрируют ни малейшего следа влияния европейской цивилизации. Они изменились очень незначительно, если вообще изменились с тех пор, как о них стал проявлять отеческую заботу царь, чье правительство находит удовольствие в воспитании мирных и добропорядочных налогоплательщиков, меньше всего помышляя об облегчении тягот жизни этих народов, находящихся под его опекой. Закономерным результатом этого безграничного попустительства является постепенное сокращение численности иностранных народов, завоеванных империей⁹ — масса московитизма просто проглатывает их, как видно из сравнения существующих в настоящее время статистических сведений со сведениями пятидесятилетней давности. Якуты на дальнем севере, живущие на берегах Лены, сократились в своем числе почти вдвое. Манси находятся практически на грани полного вымирания. Крымские татары, знаменитая раса завоевателей, насчитывавшая около полумиллиона душ в начале прошлого века, сократилась до 80 тысяч. Такое же ужасное сокращение численности постигло и ногайских татар. Знаменитые и независимые горцы Западного Кавказа исчезли почти полностью¹⁰. Вовсе не будет преувеличением сказать, что этнограф, занимающийся описанием рас, попавших в подчинение России, должен исполнить погребальную песнь и специально искать те места, где люди, составляющие объект его исследования, жили когда-то.

Может ли быть по-другому, можем ли мы ожидать от деятельности России по распространению цивилизации иных результатов? Согласно поговорке о том, что река не может подняться выше своего источника, было бы нелепо ожидать от русского правительства распространения культуры более высокой, чем она дарует своим собственным подданным. А ведь мы говорим об обществе, где главным принципом управления является постоянная нужда, где взяточничество, казнокрадство и коррупция являются повальным увлечением; где каждый служащий — военный или гражданский — стремится к удовлетворению прежде всего личных интересов, не имея даже самого отдаленного представления о долге, честности и патриотизме; где практически невысказано отправление власти на основе права и законности, незаменимых для благосостояния масс. «Господь на небесах, а царь далеко на севере», — восклицает несчастная жертва, истязаемая неслыханной жестокостью русских служащих; слезы ее падают на землю, скорбный взгляд обращен к небу, но она смиренно и добровольно подчиняется, и ее стригут, как овцу¹¹. Я могу и дальше продолжать рисовать картины того положения, какое было создано Россией в Центральной Азии и было многократно воспето в панегириках ее убежденных и невежественных почитателей. Я мог бы привести здесь выдержки из писем моих друзей в Центральной Азии, которые полны свидетельств русской несправедливости и жестокости, потрясающих воображение. Однако я уверен, что и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедить читателя в том, что работа русской цивилизации в Азии оставляет желать лучшего и что мы имеем полное право задать себе вопрос: это ли благородный свет культуры, ради которого мы должны позволить другим народам покоряться русской власти? Те ли это достижения, ради которых мы можем попустительствовать опасности, которой подвергается империя, созданная Англией, империя, перед которой все человечество находится в долгу за беспримерно щедрые дары в области общественной и политической организации, империя, которая ниспослала благословение народам, доверенным ее заботе?

Я прежде всего спрашиваю, есть ли хоть один европеец, чья грудь не вздымалась бы от гордости при виде замечательного положения, сложившегося в Индии? Именно здесь простая и непритязательная торговая компания начала с того, что обеспечила себе рынок для коммерческой деятельности, и закончила тем, что построила гигантскую империю, раскинувшуюся на площади в 1 500 000 квадратных миль с населением около 250 000 000 человек; империю, превосходящую по своему безбрежному пространству и по своему значению какую-либо колонию в истории мира, основанную завоевателем в таком непривычном климате, в настолько отличающихся социальных и политических условиях; империю, где одного общего вздоха завоеванных рас будет достаточно, чтобы немногочисленных завоевателей унесло в море, и где тем не менее тень одного британца внушает такой благоговейный страх массам и обеспечивает их покорность и уважение к цивилизационным доктринам, привезенным с далекого Запада? Я повторяю, такое невероятное зрелище не может оставить своего наблюдателя нетронутым и равнодушным. Он неизбежно обнаружит в нем неопровержимое величие нашей западной культуры, успех которой венчает неукротимую отвагу, редкое дерзновение и непоколебимость человека, воспитанного в наивысшем свете современной цивилизации. В конце концов наблюдатель поймет, что либеральные учреждения, воздвигнутые на понятиях справедливости и права, могут процветать даже на азиатской почве.

Если кто-то сочтет высокий пафос, с которым я говорю об английских свершениях в Индии, лишь всплеском безоговорочного восхищения, я укажу лишь на тот факт, что в этих строках звучит голос бывшего дервиша¹², бывшего эфенди¹³ и бывшего странника среди восточных народов. Это голос многолетнего исследователя восточного характера, который пришел к убеждению, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко¹⁴, чем затронуть неподвижный консервативный восточный ум какими-либо реформами, новшествами и свежими идеями. Если добавить, что Индостан¹⁵ — это колыбель и первоисточник всех этих качеств, составляющих истинный и неподдельный образ вос-

точного мышления со всеми его странными представлениями о жизни, политики, религии, тогда любезный читатель поймет крайнее изумление, которое я испытываю при виде того успеха, которого добились английские цивилизаторы в самом очаге азиатчины (Asiaticism) — в Индии. Только те смогут по достоинству оценить работу, проделанную англичанами к настоящему времени, кто своими глазами видел невероятные усилия и борьбу, предшествовавшие даже самым незначительным преобразованиям в Турции и Персии. Только те смогут отдать этой работе должное, кто видел, как добрые намерения местных правителей потерпели крушение, налетев на неподвижные скалы суеверия, слепой фатализм и злой умысел. Я полагаю, никто не ждет от меня изложения даже примерного перечня подробных деталей этих событий, так как невозможно в одну главу вместить свидетельства, которые потребовали для своего самого общего описания объемистых томов, принадлежащих перу сэра Генри Каннингхэма¹⁶ («Британская Индия и ее правители») и сэра Ричарда Темпла¹⁷ («Индия в 1880 году»). Я затрагиваю лишь главные фигуры, предстающие перед нашим взором на этой грандиозной живописной картине, когда утверждаю, что дух западной цивилизации распространяется подобно магическим чарам на огромных просторах этой традиционной азиатской земли, и что зарю новой эры не видят лишь ослепленные завистью и намеренным заблуждением, лишь те, кто жаждет найти промахи и недостатки там, где великолепные результаты являются явными и очевидными.

На континенте¹⁸ мы нередко читаем о том, что достоинства лучшей цивилизации любезно преподнесены нам туземцами за счет необыкновенно больших налогов; и цивилизаторы (civilizers) доходят до утверждения о том, что индийские земледельцы (ryot) несут на себе тяжелейшее налоговое бремя, которое несравнимо легче повинностей, налагаемых на европейских крестьян. Чтобы опровергнуть это утверждение, я приведу слова, однажды сказанные мне индусом, которого трудно заподозрить в симпатиях англичанам: «Во времена наших туземных правите-

лей вы могли уклоняться от уплаты налогов за счет взяток и подкупа властей на протяжении нескольких лет кряду. Мы накапливали хороший излишек (good amount of fat), но какой в нем был прок? Раджа или кто-либо из его слуг внезапно набрасывался на нас, и мы вынуждены были отдать не только излишек, "жирок", но иногда еще и кожу и кости. Сегодня мы совсем в ином положении. Закон дарует нам пищу без перебоев, а инородная власть руководит более справедливо. Конечно, они регулярно доят нас, но в результате наша кожа и кости остаются при нас, и в целом мы существуем вполне терпимо».

Переходя от иносказательности этого жителя востока к официальным сведениям, процитируем следующий отрывок из доклада Комиссии по проблемам голода¹⁹ (Famine Comission), касающийся существующего размера налогов.

«Общий размер налогообложения всего населения всеми видами налогов, включая налог на доходы от земледелия (land revenue), в этом полугодии составляет 4 шиллинга с человека. Землевладельцы платят около 5 шиллингов 6 пенсов (44 анна²⁰) с человека, но, исключая сумму налога на доход от земли, уплачиваемую государству, их налоги составляют 1 шиллинг 9 пенсов (14 анна) с человека. Батраки (agricultural labourers) платят налог на спиртные напитки (liquor) и соль в размере 1 шиллинг 8 пенсов (или 13,5 анна) с человека либо каждая семья уплачивает в год свой двухнедельный заработок. Ремесленники (artisans) уплачивают около 2 шиллингов (16 анна) каждый или средний заработок за 5 рабочих дней. Торговцы уплачивают 3 шиллинга 3 пенса (26 анна) каждый. Но любой туземный житель Индии, который не ведет торговли и не владеет землей, отказывается от употребления спиртных напитков и приобретения английской одежды или железа, должен уплатить налогов всего на сумму 7 шиллингов в год вследствие употребленной им лично соли. На семью, состоящую из трех человек, повинность составляет 1 шиллинг 9 пенсов, или примерно четырехдневную зарплату мужа и его жены».

Теперь позвольте поинтересоваться у желчных критиков Великобритании, неужели приведенные выше размеры налогов

действительно являются такой большой платой за предоставленную туземцам безопасность, за избавление от тирании и деспотизма, которые они вынуждены были терпеть, находясь под властью своих туземных правителей, за просвещение, доступ к которому они получают в школах при поддержке государства, за значительное улучшение сообщений — одним словом, за все требования цивилизованной жизни и современного прогресса? Или необузданные клеветники на Англию безразличны к тому факту, что ужасные преступники, такие как таги²¹, нападающие из засады и удушающие путешественников на безлюдных дорогах, или дакойты²², ранее процветавшие по причине жестокости и дерзости некоторых категорий населения наряду со смиренностью других, — все эти злодеи исчезли почти полностью²³ и, как говорится в индийской поговорке, теперь «ребенок может пойти по дороге с корзинкой золота у себя на голове» благодаря безопасности, обеспеченной полицией. Я не могу разделить это безразличие, когда у меня в памяти еще живы страх и беспокойство путешественников и караванов, подвергавшихся опасности в различных странах магометанской Азии и даже на русском Кавказе. Не что иное, как строгое британское правление положило конец такому старому преступлению, как сати, когда индусских вдов сжигали на погребальных кострах их мужей. Именно это правление покончило с ужасающими убийствами девочек, когда сотни и тысячи невинных живых существ топили в святых водах Ганга каждый год. Благодаря железной британской руке погромы и волнения, проистекающие из ненависти и фанатизма различных сект и вероисповеданий, кражи детей, подлог, прелюбодеяние и лжесвидетельствование пошли на спад. Масштабы всех этих злодеяний удалось уменьшить, как не удавалось это раньше ни религиозным заповедям туземцев, ни продажным слугам раджей. Английский закон не делает различий между разными вероисповеданием и цветом кожи, кастами и чинами. И я вполне могу представить потрясение, которое индусы — подданные императрицы должны испытывать, когда английский трибунал выносит вердикт в пользу туземца, когда истцом выступает англичанин или когда туземец узнает, что вердикт вынесен против

самого правительства. И это не где-нибудь, а на Востоке, где существует пословица: «В судебном деле против падишаха Пророк²⁴ — его адвокат (lawyer)».

После установления закона и безопасности в общественной и государственной жизни английское правительство проявило особую заботу о том, чтобы облегчить положение класса земледельцев и увеличить урожайность почв. Хорошо известно, что азиатские страны зависят от систем ирригационных каналов, отводящихся от источников воды через хитроумные сети. Это заменяет дождь как главный источник плодородия в более умеренных климатических зонах, но редкий в засушливом климате Востока. Ирригационные каналы составляют подлинное богатство и служат приумножению благосостояния азиатских стран. В древние времена восточные властители стремились увековечить свои имена, создавая системы орошения, но прогнивший и разложившийся магометанский мир уже давно перестал помогать природе созданием каналов. Английские власти, таким образом, сделали впечатляющую работу по возрождению в Индии давно ушедших времен величия туземных правителей (princes). Они частично восстановили существовавшие раньше ирригационные каналы и потратили значительные средства на создание новых. Чтобы составить представление о размерах системы каналов, созданной в итоге в Британской Индии, мы можем упомянуть о том, что общая протяженность основных каналов и ответвлений в президентствах²⁵ Бенгалии, Мадраса, Бомбея достигает 4 900 миль, в Пенджабе — 1 550 миль; в Синде — 5 600 миль, а в Северной Индии — 8 300 миль. Протяженность каналов, вместе взятых, составляет 20 350 миль, не считая рукавов рек и небольших малоизвестных каналов. Орошаемая площадь достигает 1 900 000 акров в Мадрасе и Бомбее; 360 000 акров в Бехаре и Ориссе; 1 450 000 акров в северо-западных провинциях; 1 350 000 акров в Пенджабе; и 1 250 000 акров в Синде. Всего 6 310 000 акров, или около шести с половиной миллионов акров. Капиталовложения государства в строительство этой системы каналов составляют около 20 и одной четверти миллионов фунтов стерлингов, что приносит 6% чистой прибыли (по книге

Р. Темпла «Индия в 1880 г.»). Имея перед глазами эти расчеты, мы сразу поймем, как Индия смогла в прошлом году направить в Англию 10 000 000 центнеров пшеницы, тогда как 10 лет назад была в состоянии направить лишь 1 000 000 центнеров. Сегодня экспорт зерна из этой страны значительно ощутим в южной России, Венгрии и повсюду в Европе, но особенно в Америке. Его объемы, вероятно, примут еще большие масштабы и существенно повлияют на мировую торговлю кукурузой.

Рассуждая о предпринятых Англией успешных шагах по развитию земледелия в Индии, мы не можем не упомянуть о том, что Россия имела намерение подражать своему британскому сопернику и 10 лет назад начала работы по отводу канала от реки Сырдарья в направлении так называемой Венгерской степи²⁶. Начало работ ознаменовалось кипучей деятельностью, но благодаря хищениям со стороны ответственных служащих вскоре затея кончилась неудачей. Карманы служащих, может быть, и были полны до краев, но степь остается такой же голодной, какой была всегда.

Правительство же при любой возможности предпринимало усилия для облегчения страданий людей в тех местах, где, несмотря на заботу этого правительства, стихийные бедствия все же нарушали работу земледельцев и на страну обрушивался голод. С 1873 по 1879 г. несколько районов были охвачены голодом. Мы наблюдали трогательную сцену, когда христиане с далекого запада, а именно народ Англии, поспешили на помощь своим голодающим братьям на далеком брахманском и мусульманском востоке. Многие тысячи откликнулись на призыв английской прессы, сделав личные добровольные пожертвования. Возглавил это движение мэр Лондона, и суммы, собранные только за две недели, составили около одного миллиона фунтов стерлингов. Легко вообразить, какое моральное воздействие эта помощь возымела на фанатичных магометан Индии, которые в схожей ситуации не дали бы ни гроша страдающим христианам. Правительство также сыграло свою роль, выполнив невероятное количество различных полезных работ, наняв для этих целей несколько миллионов людей и накормив с незаслуженной щедростью еще несколько миллионов. В целом с 1874 по 1879 г. правитель-

ство произвело расходы на сумму около 16 миллионов фунтов стерлингов.

Переходя к теме просвещения, которое было подарено туземцам Индии их иностранными правителями, мы можем достоверно утверждать, что туземные властители во времена своего величия едва ли покровительствовали образованию и литературе в той же мере, в какой сегодня им покровительствуют иностранные завоеватели-христиане. Магометане могут похвастаться тем, что пророк сказал: «Учись от колыбели до могилы». Или: «Идите за наукой, даже если она на границе с Китаем». Но я могу заверить своих читателей, что учеба и наука никогда не становились предметом такой неординарной заботы в руках магометанских правителей, как это хотят представить некоторые наши теоретики, закапывающиеся в своих библиотеках и изо всех сил стремящиеся обнаружить эту благодетель в величайших властителях магометанского мира. Их обучение и наука складывались преимущественно из теологии, грамматики и схоластических рассуждений, распространение которых ограничивалось очень узким кругом людей. При этом образование и наука, которым в Индии покровительствуют представители нашей культуры, имеют своей целью привнесение света в широкие массы, печать книг и трактатов для народа, а также увеличение общего умственного уровня. Все это наносит сокрушительный удар кастовым различиям и различиям в чинах.

Образовательная система, осуществляющая свою работу посредством начальных и средних (normal) школ, а также трех университетов в Калькутте, Мадрасе и Бомбее, ежегодно обходится государству в £800 000, или в четверть годового дохода (net available revenue). Всего [в стране] работают 65 500 учреждений, включая школы и колледжи самых разных видов, а число учащихся насчитывает около двух миллионов, из которых 72 200 являются девочками, для которых открыты специальные школы. Конечно, общее количество детей, обучающихся в школах, не очень большое, так как на 1000 человек приходится лишь 9 учителей. Но где еще в магометанском мире мы найдем такой же средний процент и каково количество обучающихся, благодаря

России, башкир, казанских татар и чувашей, если сравнить его с упомянутым выше процентом? Кроме того, обратите внимание, что каждый год колледжи и университеты, поддерживаемые британским правительством, выпускают большое количество местных жителей, хорошо знакомых не только с английской литературой, но также с различными направлениями современной науки. Смуглый азиат, цитирующий Шекспира, Вергилия и Гомера, — это неординарная, но не необычная сцена. В отношении литературы мы должны упомянуть и о том, что много ценных работ по истории, множество произведений в жанре беллетристики, мало того, и труды по теологии магометан и брахманов печатались на языках туземцев за счет государства. В течение только одного года были изданы 4 900 книг, из которых 550 были на английском языке, 3 050 — на местных языках, 7 730 — на классических языках Индии и 570 — на более чем одном языке. Наконец, добавим к этому газеты на местных языках, открыто обсуждающих и критикующих правительство и политику страны. Их тиражи и охват возрастают с каждым днем, и уже почти что начинают соперничать, в том числе за счет свободного и неограничиваемого языка, с английской прессой. Число этих газет достигает нескольких сотен, а их общий тираж составляет несколько сотен тысяч экземпляров.

Мы завершим сравнение между русскими и английскими цивилизаторскими усилиями, обратившись к рассмотрению вопроса о строительстве железных дорог в Индии. Общая протяженность железнодорожных путей в 1873 г. составляла 5 671 миль, в 1880 г. — 8 611 миль, а в 1883 г. — 10 317 миль. Это колоссальная сеть железных дорог, опутавшая полуостров [Индостан] во всех направлениях, на которую был затрачен капитал в размере, превышающем двести миллионов фунтов стерлингов. Часть вложений принадлежит кредитным организациям, часть — государству и одна часть — местным штатам. Действительно, англичане получают самый большой доход от железных дорог ввиду того, что они могут использовать различные линии в стратегических целях, а также для развития торговли в Индии. Но на долю туземцев приходится не меньше выгод, так как они могут совер-

шать поездки по железной дороге, купив билет, дешевле которого, могу я вам сказать, и во всем мире не сыщешь.

Принимая во внимание всю массу удобств, которая предоставляется туземцам за уплату ими налогов в пользу государства, мы должны сказать, что идея, преобладающая повсюду в Европе, о том, что Великобритания разоряет Индию и обогащается за ее счет, является совершенно нелепой от начала до конца. Если изучить, например, сведения, приведенные сэром Ричардом Темплом, мы выясним, что обычные доходы и поступления составляли в 1880 г. около 67 миллионов, в то время как обычные расходы выросли до 67 с половиной миллионов в 1879–1880 гг., а в 1880–1881 гг. составляли 66 и три четверти миллионов фунтов стерлингов. Поэтому утверждения врагов Англии о том, что Государственное казначейство каждый год получает обширный профицит²⁷ от индийских доходов, являются смехотворными. О том, что Англия получает от Индии, мы поговорим в следующей главе, здесь же мы стремились лишь к тому, чтобы провести различие между путями и средствами, которые использовали два представителя нашей западной культуры в Азии для утверждения лучшей цивилизации и распространения среди жителей Востока идеи о том, что плоды завоеваний, пусть и основанных на превосходстве в материальной силе, заключаются в даровании жителями далекого Востока истинного благоденствия нашей лучшей цивилизации, которой мы по праву гордимся. В России народы, также подчиненные благодаря силе, либо исчезают полностью, либо медленно гибнут, влача жалкое существование под гнетом тирании и глубоко коррумпированных русских чиновников, а заря новой эры скрыта от них пеленой [неизвестного] будущего. И это в то время, когда «большая часть многочисленного индийского населения ничего не желает так, как сильного, кроткого (mild) и справедливого правления Англии, при котором каждый человек пребывает в покое, пожиная плоды своей земли; не будучи вынужден при этом отдавать свои блага против воли, он ложится спать без страха, получив возмещение за зло, причиненное ему соседями; он, непотревоженный, отправляет

религиозные обряды, следует ритуалам своей касты и обращает глаза свои к государству как к своему отцу».

Таким образом, я спрашиваю: может ли честный европеец, находящийся в здравом уме, все еще сомневаться в том, кому отдать предпочтение в работе по культивированию цивилизации в Азии? И не стыдно ли различным нациям Европы под влиянием мелочных распрей и соперничества так слепо заблуждаться, чтобы превозносить Россию в ущерб Англии?

Там, где речь заходит о человечестве, наши взгляды не должны привязываться к национальным границам. Они должны стремиться за пределы этих границ, предприняв честную попытку подняться на умственную и моральную высоту, которая бы позволила увидеть самую широкую панораму. До тех пор пока национальная идея является передовой в борьбе за цивилизацию, а последнюю я считаю равной человечеству, истинным людям стоит быть преданными ей. Однако с того момента, когда эта идея, забыв о своем великом предназначении, становится пагубной, вставая в противоречие с благородной целью цивилизации, за которую она когда-то боролась и которую когда-то защищала, из моей груди вырывается возглас: «Исчезни такая идея; и пусть национальные границы будут уничтожены, если они ничто кроме барьеров, на которых начертаны слова бесстыдного эгоизма и безумной вражды между нациями».

Рассуждая таким образом, я указываю на постыдное поведение определенной части германской и французской прессы в период последних разногласий между Англией и Россией в Центральной Азии, а также на некоторых публицистов, которые, забыв о великолепной работе, проделанной Англией в Азии, торжествовали при виде перспективы, которая мыслилась ими как близкий конец Великобритании. Они восхищались полуварварской и деспотичной Россией и были готовы разрушить престиж той самой нации, чье знамя всегда было и продолжает быть предвестником нового лучшего мира в далеких землях Востока и чьи берега являются самым безопасным прибежищем для французов и немцев, преследуемых за их политические идеи.

Перевод с английского В.В. Сутьрина

Комментарии

Арминий Вамбери

ПРЕДСТОЯЩАЯ БОРЬБА В ИНДИИ

Вамбери (Vambery) Арминий, он же Герман Вамбергер, или Бамбергер (1832–1913) — венгерский востоковед, путешественник. В 1850-е гг. жил в Стамбуле, в 1861–1864 гг. совершил путешествие по Закавказью и Центральной Азии. В 1865–1905 гг. преподавал восточные языки в Будапештском университете. Не позднее 1868 г. стал секретным британским агентом и тайным корреспондентом Министерства иностранных дел и по делам Содружества Британской империи. Книга «Предстоящая борьба в Индии» была написана после поездки Вамбери в Лондон в 1885 г. и сразу стала бестселлером, успешно конкурируя с изданиями его современника, публициста Чарльза Томаса Марвина (1854–1890).

Печатается по: *Vambery Arminius. The Coming Struggle for India, being an account of the Encroachments of Russia in Central Asia and of the Difficulties Sure to Arise Therefrom to England. London etc.: Cassell & Company, 1885. P. 165–189.*

¹ *Магометанство* — ислам.

² *Н.М. Ядринцев* — Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894), российский публицист и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии.

³ «*Русское обозрение*» — А. Вамбери имел в виду газету «Восточное обозрение», которую основал Н.М. Ядринцев и в которой он публиковал материалы о так называемых сибирских инородцах, в том числе об алтайцах. Наблюдения Ядринцева были обобщены в его книгах: «Сибирь как колония» (СПб., 1882) и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (СПб., 1891).

⁴ *Генерала Соболева* — Соболев Леонид Николаевич (1844–1913), российский генерал, премьер-министр Болгарии. Свое отношение к британской политике в Азии выразил, в частности, в своей книге «Страницы из истории восточного вопроса. Англо-Афганская распря» (В 4 т. СПб., 1880–1885).

⁵ *Королевы-императрицы Индии* — имеется в виду королева Британской империи Виктория (1819–1901), провозглашенная в 1876 г. императрицей Индии.

⁶ *Чувашей, проживающих на правом берегу Волги, а также на левом берегу в северо-западном направлении, в районе Оренбурга, которые являются подданными царя с 1524 г.* — А. Вамбери связывает присоединение чувашских земель с походом претендента на казанский престол Шаха-Али 1523 г., однако в действительности переход этих территорий в царское подданство относится к 1550-м гг.

⁷ *Эти тюрки, насчитывающие около 600 000 душ, приняли христианство в 1743 г.* — массовая христианизация чувашей осуществлялась с 1731 г. и завершилась к середине XVIII в., когда они официально стали считаться христианами. А. Вамбери значительно преувеличил численность чувашей, которых в 1795 г. насчитывалось только 352 тысячи.

⁸ *Черемисы, вотяки, зыряне и вогулы* — соответственно марийцы, умурты, коми и манси.

⁹ *Закономерным результатом этого безграничного попустительства является постепенное сокращение численности иностранных народов, завоеванных империи*

ей — А. Вамбери приводит неверные сведения, в действительности в Российской империи наблюдался рост численности автохтонного населения. Так, с 1791 по 1917 гг. численность татар Поволжья выросла в 10,3 раз, мордвы — в 11,1 раз, башкир — в 10,1 раз, удмуртов — в 11,1 раз, марийцев — в 7,4 раз, чувашей — в 5,2 раза (подробнее см.: Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93; Они же. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 18–34).

¹⁰ *Знаменитые и независимые горцы Западного Кавказа исчезли почти полностью* — речь идет о масштабном переселении преимущественно адыгских племен в Османскую империю в 1862–1865 гг.

¹¹ *Стригут как овцу* — это выражение в английском языке также имеет значение обманывать, грабить, отнимать.

¹² *Дервиш* — мусульманский аскет и сторонник суфизма. А. Вамбери в облике дервиша совершил путешествие по Востоку в 1861–1864 гг.

¹³ *Эфенди* — воинское звание и почетное обращение в Османской империи. Вамбери именовался эфенди, когда был секретарем Мехмеда Фуад-паши в 1850-е гг. в Стамбуле.

¹⁴ *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко* — евангельское выражение (Мф. 19: 24; Лк. 18: 25).

¹⁵ *Индостан* — полуостров на юге Азии, здесь употребляется как синоним Индии.

¹⁶ *Сэр Генри Каннингхэм* (1832–1920) — британский юрист, главный военный прокурор Мадраса, автор книги «British India and its Rulers» (London, 1881).

¹⁷ *Сэр Ричард Темпл* (1826–1902) — британский политик, губернатор Бомбея, автор книги «India in 1880» (London, 1880).

¹⁸ *На континенте* — т. е. в Европе.

¹⁹ *Комиссии по проблемам голода* — Британская комиссия, рассматривавшая проблемы голода в Индии и подготовившая соответствующий доклад в 1880 г.

²⁰ *Анна* — монета Британской Индии (равна 1/16 рупии).

²¹ *Таги* — члены преступной касты, исповедовавшей культ богини Кали. Занимались разбоем, грабежом, убивали своих жертв преимущественно с помощью удушения.

²² *Дакойты* — разбойники.

²³ *Все эти злодеи исчезли почти полностью* — речь идет о масштабной борьбе с так называемыми преступными кастами, или преступными племенами, в результате которой во второй четверти XIX в. таги были почти полностью уничтожены, и сократилась численность других преступных групп.

²⁴ *Пророк* — пророк Мухаммед.

²⁵ *Президентства* — административно-территориальные единицы Британской Индии.

²⁶ *Венгерская степь* — также именуется Пуста, степной регион на северо-востоке Венгрии.

²⁷ *Обширный профицит* — здесь превышение доходов бюджета над его расходами.

Комментарии Н.Р. Сетова

КОПИЯ ПЛАНА ЕВРОПЕЙСКОГО ГОСПОДСТВА

В о имя святой и нераздельной Троицы, мы, Петр, Император и Самодержец всея России и проч., всем нашим потомкам и преемникам на престоле и правительству русской нации ...

I

Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха; оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом, пользоваться миром для войны и войной для мира, в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России.

II

Вызывать всевозможными средствами из наиболее просвещенных стран военачальников во время войны и ученых во время мира для того, чтобы русский народ мог воспользоваться выгодами других стран, ничего не теряя из собственных.

III

При всяком случае вмешиваться в дела и распри Европы, особенно Германии, которая, как ближайшая (страна), представляет более непосредственный интерес.

IV

Разделять Польшу, поддерживая в ней смуты и постоянные раздоры, сильных привлекать на свою сторону золотом, влиять на сеймы, подкупать их для того, чтобы получить возможность

участвовать в избрании королей, проводить на этих выборах своих сторонников, оказывать им покровительство, вводить туда русские войска и временно оставлять их там, пока не представится случая оставить их там окончательно. Если же соседние государства станут создавать затруднения, то их успокаивать временным раздроблением страны до тех пор, пока можно будет отобрать назад то, что было им дано.

V

Захватить как можно больше областей у Швеции и искусно вызывать с ее стороны нападения, дабы иметь предлог к ее покорению. Для этого изолировать ее от Дании и Данию от Швеции и заботливо поддерживать между ними соперничество.

VI

В супруги к русским великим князьям всегда избирать германских принцесс для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая в Германии наше влияние, тем самым привязать ее к нашему делу.

VII

Преимущественно добиваться союза с Англией, в видах торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболее нуждается в нас и которая может быть наиболее полезна для нашего флота. Обменивать наш лес и др. произведения на ее золото и установить между ее и нашими торговцами и моряками постоянные сношения, которые приучат нас к торговле и мореплаванию.

VIII

Неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Черного моря.

IX

Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии. Обладающий ими будет обладателем мира. С этой целью

возбуждать постоянные войны то против турок, то против персов, основывать верфи на Черном море, мало-помалу овладевать как этим морем, так и Балтийским — ибо то и другое необходимо для успеха плана — ускорить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта через Сирию¹ и достигнуть Индии как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота.

X

Установить и старательно поддерживать союз с Австрией, поощрять для виду ее замыслы о будущем господстве над Германией, а втайне возбуждать против нее недоброжелательство в государях. Стараться, чтобы те или другие обращались за помощью к России, и установить над страной нечто вроде покровительства (протектората) с целью подготовки полного ее порабощения в будущем.

XI

Заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы, а, по овладении Константинополем, нейтрализовать его зависть или возбудив против него войну, или дав ему часть из завоеванного, с тем чтобы позднее отобрать это назад.

XII

Привлечь на свою сторону и соединить вокруг себя всех греко-восточных дезунитов (*grecs desunis*)² или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южной Польше, сделать их средоточием и опорой и предуготовить всеобщее господство над ними посредством установления как бы духовного главенства; таким образом приобрести столько союзников друзей, сколько окажется их (дезунитов) у каждого из наших врагов (*ce seront autant d'amis, qu'on aura chez chacun des ses ennemis*).

XIII

Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша покорена, Турция завоевана, армии соединены, Черное и

Балтийское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великою тайною предложить сперва Версальскому двору³, а потом и Венскому, разделить власть над вселенной. Если который-либо из них, обольщаемый честолюбием и самолюбием, примет это предложение, — что неминуемо и случится, — то употребить его на погибель другого, а потом уничтожить и уцелевшего, начав с ним борьбу, в исходе которой уже нельзя сомневаться, ибо Россия в то время уже будет обладать всем Востоком и большей частью Европы.

XIV

Если, паче чаяния, тот и другой откажутся от предложения России, то надлежит искусно возжечь между ними распрю и истощить их во взаимной борьбе. Тогда Россия, воспользовавшись решительной минутой, должна устремить свои заранее собранные войска на Германию и одновременно с этим выслать два значительных флота, один из Азовского моря, другой их Архангельска, с своими азиатскими ордами под прикрытием вооруженных флотов Черноморского и Балтийского. Выйдя в Средиземное море и океан, они наводнят, с одной стороны, Францию, с другой — Германию, и когда обе эти страны будут побеждены, то остальная Европа уже легко и без всякого сопротивления падет под (наше) иго.

Так можно и должно покорить Европу.

Комментарии

КОПИЯ ПЛАНА ЕВРОПЕЙСКОГО ГОСПОДСТВА

«Копия плана европейского господства, оставленная Петром Великим своим преемникам на русском троне и хранящаяся в архивах Петергофского дворца, близ Санкт-Петербурга» или «Завещание Петра Великого» (*Le Testament de Pierre le Grand*) — политически тенденциозная фальсификация, появившаяся ориентировочно в 1812 г. и опубликованная на французском языке. По утверждению публикаторов, документ представлял собой стратегический план действий для преемников Петра I с целью установления Россией мирового господства. По общему мнению историков, является подложным документом, сфабрикованным французскими политическими кругами, тесно связанными с внешней политикой.

«Завещание» имеет своей исторической основой реальную внешнюю политику России в XVIII в., но превратно истолкованную. Более всего в

«документе» просматриваются внешнеполитические интересы Франции и Польши. Первоначальный автор «завещания» не был знатоком внешней политики Петра I, из-за чего в тексте имеется целый ряд ошибок и нелепостей. Тем не менее там верно отмечены многие тенденции русской политики, которые были связаны с Петром I, в рамках выработанного в XVIII в. стереотипа: Россия — творение Петра I. «Завещание» использовалось в западноевропейской антироссийской пропаганде и политической публицистике XIX–XX вв. вплоть до эпохи холодной войны, неизменно «всплывая» практически при каждом обострении политического интереса к России и выступая подтверждением мифа о «русской опасности».

Первоначально, приблизительно в 1812 г., в Париже вышла книга анонимного автора «О росте Русского государства с момента его возникновения до начала XIX века» (*Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Par M. L***. Paris, 1812*). Анонимный автор книги — французский историк, публицист, дипломат Шарль-Луи Лезюр, сообщивший сам об этом в своей книге «*Histoire des Cosaques*» (1814). В этой работе, полной односторонне подобранных сведений о захватнической политике России и характере ее народа, было сообщено, что в личных архивах русских царей имеются секретные мемуары, написанные собственноручно Петром I. В этих мемуарах якобы изложен план (проект) политической деятельности, рекомендованный Петром вниманию своих преемников, который большинство из них выполняли твердо и неуклонно. Однако в этой работе содержалось только «резюме» этого плана в 14 пунктах. Самого текста Лезюр не воспроизводит. Он указывает, что у Петра I были грандиозные замыслы, осуществление которых повлекло бы за собой катастрофу для других европейских государств, от которой они спаслись только благодаря смерти Петра I; но что проекты эти не были похоронены вместе с ним. В сноске Лезюр говорит, что, по слухам, в частных архивах русских императоров имеются собственноручные записки (мемуары) императора, которые как будто видел бывший английский консул в России. Мифы о гигантских агрессивных планах Петра I родились и всячески муссировались задолго до книги Лезюра, но «завещание» как оформленный документ появилось много позже.

Только в 1836 г. Фредерик Гайярде в работе «Мемуары кавалера д'Эона» (*Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. T. I–II. Paris, 1836*) опубликовал копию «плана европейского господства», оставленного Петром I своим преемникам, причем указал, что эта концепция снята непосредственно на месте в архиве Петергофского дворца. В заголовке «документа» нет слова «завещание», но в тексте книги Гайярде этот термин к нему применен. Гайярде поясняет, что таков документ, который некий кавалер д'Эон, находящийся на дипломатической службе в России, нашел в секретных архивах царского двора и копию которого он передал в 1757 г. в руки короля Людовика XV. Следующий автор, оперировавший этим документом, Леонард Ходзько, в работе «Польша историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная» (*La Pologne historique, litteraire, monumentale et illustree (redigee par un societe de literateurs sous la direction de L. Chodzko). Paris, 1839*) употребил термин «политическое завещание Петра Великого», и далее это название, вразрез с

общеустановленными правилами ссылок на документы или воспроизведение их, прочно закрепилось за ним в иностранной печати. Ходзько даже указывает даты составления завещания (1709 и 1724 гг.). В дальнейшем тема политического «наказа» Петра I эксплуатировалась во время всплесков антирусских настроений на протяжении практически всего XIX в. (например: *Colson F. De la Pologne et des Cabinet du Nord. T. I–III. Paris; Leipzig, 1841; Mochmacki M. Powstanie Naroda Polskiego. Paris, 1834; Teleki L. Testament de Pierre le Grand. L'intervention russe. Paris, 1849; Ravergie A.-L. Histoire de la Russie et de ses projets d'envahissements depuis le regne de Pierre le Grand jusqu'à nos jours. Paris, 1854; Question d'Orient. Carte des agrandissements de la Russie depuis Pierre le Grand jusqu'à ce jour avec le testament de ce monarque, et une par Correard I. Paris, 1855; Balleydier A. Histoire de l'empereur Nicolas (Trente annees de regne). Paris, 1857. T. II; L'Hermite P. Une derniere fois sauvons la Pologne, suivi du Testament de Pierre le Grand. Paris, 1863; Martin H. La Russie et l'Europe. Paris, 1866; Gaume M. Le Testament de Pierre le Grand, ou la clef de l'avenir. Paris, 1876) и даже первой половины XX в. (Подробнее см. статью о «завещании» в «Историческом журнале» в связи публикацией нескольких глав из него в иранских газетах в 1915 г. и в связи с использованием этой фальсификации гитлеровской печатью для оправдания нападения на Советский Союз: *Яковлев Н.О.* О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 128–133.)*

Главная цель «документа» — показать «истинную» политику России, которая стремилась завоевать Европу и весь мир, и что она действует в духе «завещания» Петра I, который якобы рекомендовал своим потомкам не слагать оружия, пока Россия не будет властвовать над всем миром. Примечательно, что часть авторов ссылалась на положения «завещания» не с целью сознательного очернения образа России, а вполне доверяя этим псевдоисторическим источникам (см. подробнее: *Данилова Е.Н.* «Завещание» Петра Великого // *Арабески истории: Альманах / Сост. А.И. Курчки. Вып. 5–6. Каспийский транзит. Т. 2. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 22–29.*)

Относительно первоначального авторства «завещания» в исторической науке до сих пор нет единого мнения. Высказывались точки зрения, что документ был сфабрикован каким-то французским дипломатом, даже самим Наполеоном (*Berkholz G. Das Testament Peter des Grossen // Baltische Monatsschrift, 1859; Idem. Napoleon I — auteur du testament de Pierre le Grand. Bruxelles, 1863*), часть исследователей считает автором кавалера д'Эона (см.: *Карнович Е.П.* Шевалье д'Эон при дворе императрицы Елизаветы Петровны // *Древняя и новая Россия. 1875. Т. II. № 7; Шубинский С.Н.* Мнимое завещание Петра Великого // *Древняя и новая Россия. 1877. Т. I*). Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что это фальсифицированный документ, имеющий своей целью оправдание агрессивной политики в отношении России. Во-первых, данное «завещание» не имеет ничего общего с духовными грамотами великих князей и царей московских ни по форме, ни по содержанию. Во-вторых, «Завещания» как исторического документа не существует (сами публикаторы говорили о копии, добытой незаконным путем), нет и рукописи копии, снятой с «завещания». Между тем, и в 1830-х годах типограф-

КОПИЯ ПЛАНА ЕВРОПЕЙСКОГО ГОСПОДСТВА

ская техника во Франции стояла достаточно высоко, чтобы можно было дать литографию. В-третьих, не существует установленного единого текста «завещания», существует несколько вариантов, «резюме», каждый публикатор интерпретировал по-своему положения «документа» (Подробнее доказательства подложности этого документа см.: Данилова Е.Н. «Завещание» Петра Великого // Арабески истории: Альманах / Сост. А.И. Куркчи. Вып. 5–6. Каспийский транзит. Т. 2. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 21–88).

В данной работе приводится текст Гайярдэ как наиболее полный и подробный из имеющихся. Впервые «Завещание Петра I» опубликовано на русском языке в 1946 г. в Трудах Историко-архивного института (М., 1946. Т. II).

Печатается по: «Завещание» Петра Великого / Пер. с фр. Е. Данилова / Арабески истории: Альманах / Сост. А.И. Куркчи. Вып. 5–6. Каспийский транзит. Т. 2. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 31–34.

¹ Левант (от др.-фр. *Soleil levant* — «восход солнца», *итал.* Levante — «восходящий») — историко-географическая область Восточного Средиземноморья, страны Ближнего Востока, через которые в древности шла основная торговля между Западом и Востоком.

² В отличие от униатов или «унитов» — православных христиан, присоединенных к католицизму в результате церковной Брестской унии 1596 г. об объединении православной и католической церквей с подчинением Папе Римскому, «дезуниатами» (разъединенными) именовали сторонников Константинопольской юрисдикции.

³ В 1666–1789 гг. официальная резиденция короля Франции располагалась в г. Версале под Парижем.

Комментарии О.Е. Сорокопудовой

LA RUSSIE

EN 1839

PAR

LE MARQUIS DE CUSTINE

- Respectez surtout les étrangers, de quelque qualité, de quelque rang qu'ils soient, et si vous n'êtes pas à même de les combler de présents, prodiguez-leur au moins des marques de bienveillance, puisque de la manière dont ils sont traités dans un pays dépend le bien et le mal qu'ils en disent en retournant dans le leur. •

(Extrait des conseils de Vladimir Monomaque à ses enfants en 1126
Histoire de l'Empire de Russie, par Karamsin, t. II, p. 205.)

TOME PREMIER

PARIS

LIBRAIRIE D'AMYOT, ÉDITEUR

6, RUE DE LA PAIX

1843

Астольф де Кюстин
РОССИЯ В 1839 ГОДУ
Фрагменты¹

Письмо пятое

[...] Князь² довершил свой рассказ о характере людей и установлений своей страны позже, когда мы остались одни³. Вот что запомнилось мне из его рассуждений:

«Всега четыре столетия отделяют Россию от нашествия варваров, Запад же пережил подобное испытание четырнадцать веков назад: цивилизация, имеющая за плечами на тысячу лет больше, создала нравы, несравнимые с нравами русских.

За много столетий до вторжения монголов скандинавы послали к славянам, в ту пору ведшим совсем дикое существование, своих вождей, которые стали княжить в Новгороде Великом и Киеве под именем варягов; эти чужеземные герои, явившиеся в сопровождении немногочисленного войска, стали первыми русскими князьями, а к их спутникам восходят древнейшие дворянские роды России. Варяги, принимаемые за неких полубогов, приобщили русских кочевников к цивилизации. В то же самое время константинопольские императоры и патриархи привили им вкус к византийскому искусству и византийской роскоши. Таков был, с позволения сказать, первый слой цивилизации, растоптанный татарами, когда эти новые завоеватели обрушились на Россию.

От баснословных эпох российской истории до нас дошла память о святых мужах и женах — законодателях христианских народов. Первые славянские летописи рассказывают о подвигах мужественных и воинственных князей. Память о них пронзает тьму, как пробивается сквозь тучи в грозовую ночь свет звезд. Рюрик, Олег, княгиня Ольга, святой Владимир, Святополк, Мо-

номах — властители, не схожие с великими людьми Запада ни характерами, ни именами⁴.

В них не было ничего рыцарского, это — ветхозаветные цари: нация, которую они покрыли славой, недаром соседствует с Азией; оставшись чуждой нашим романтическим⁵ идеям, она сберегла древние патриархальные нравы.

Русские не учились в той блистательной школе прямодушия, чьи уроки рыцарская Европа усвоила так твердо, что слово честь долгое время оставалось синонимом верности данному обещанию, а слово чести по сей день почитается священным даже во Франции, забывшей о стольких других вещах!⁶ Благодетельное влияние крестоносцев, равно как и распространение католической веры, не пошло далее Польши⁷; русские — народ воинственный, но сражаются они ради победы, берутся за оружие из послушания или корысти, польские же рыцари бились из чистой любви к славе: поэтому хотя вначале две эти нации, два ростка одного и того же корня имели между собой очень много общего, история, наставник народов, развела их так далеко одну от другой, что русским политикам потребуется больше столетий на то, чтобы сблизить их снова, чем потребовалось религии и обществу на то, чтобы их разлучить^{*8}.

Покуда Европа переводила дух после многовековых сражений за Гроб Господень, русские платили дань мусульманам, возглавляемым Узбеком⁹, продолжая, однако, как и прежде, заимствовать искусства, нравы, науки, религию, политику с ее коварством и обманами и отвращение к латинским крестоносцам у греческой империи. Примите в расчет эти религиозные, гражданские и политические обстоятельства, и вы не удивитесь ни тому, что слово русского человека крайне ненадежно (напомню, это говорит русский князь), ни тому, что дух хитрости, наследие лживой византийской культуры, царит среди русских и даже определяет собою всю общественную жизнь империи царей, удачливых преемников Батыевой гвардии.

Абсолютный деспотизм, какой господствует у нас, установился в России в ту самую пору, когда во всей Европе рабство

* См. письмо четырнадцатое. — Здесь и далее примечания Кюстина.

было уничтожено. После нашествия монголов славяне, до того один из свободнейших народов мира¹⁰, попали в рабство сначала к завоевателям, а затем к своим собственным князьям. Тогда рабство сделалось не только реальностью, но и основополагающим законом общества. Оно извратило человеческое слово до такой степени, что русские стали видеть в нем всего лишь уловку; правительство наше живет обманом, ибо правда страшит тирана не меньше, чем раба. Поэтому, как ни мало говорят русские, они всегда говорят больше, чем требуется, ибо в России всякая речь есть выражение религиозного или политического лицемерия.

Автократия¹¹, являющаяся не чем иным, как идолопоклоннической демократией, уравнивает всех точно так же, как это делает демократия абсолютная.

Наши самодержцы некогда на собственном опыте узнали, что такое тирания. Русские великие князья* были вынуждены душить поборами свой народ ради того, чтобы платить дань татарам; нередко по прихоти хана их самих увозили, точно рабов, в глубины Азии, в Орду, и царствовали они лишь до тех пор, пока беспрекословно повиновались всем приказам, при первом же неповиновении лишались трона; так рабство учило их деспотизму, а они, сами подвергаясь насилию, в свой черед приучали к нему народы**; так с течением времени князья и нация развратили друг друга.

Заметьте, однако, что на Западе в это время короли и их знатнейшие вассалы соревновались в великодушии, даруя народам свободу.

Сегодня поляки находятся по отношению к русским в точно таком же положении, в каком находились те по отношению к монголам при наследниках Батые. Освобождение от ига далеко не всегда способствует смягчению нравов. Иногда князья и народы, подобно простым смертным, вымещают зло на невинных жертвах; они мнят, что их сила — в чужих мучениях».

* Так русские долгое время именовали московских князей.

** Беспробудная дрема славян — следствие этого многовекового рабства, своеобразной политической пытки, заставляющей народы и царей растлевать друг друга.

— Князь, — возразил я, выслушав пространные рассуждения своего собеседника, — я вам не верю. Вы выказываете чрезвычайную утонченность ума, пренебрегая национальными предрассудками и расписывая вашу страну чужестранцу таким образом, но я столь же мало доверяю вашему смирению, сколь и гордыне других русских.

— Через три месяца, — отвечал князь, — вы отдадите должное и мне, и власти слова, а пока, воспользовавшись тем, что мы одни (он огляделся по сторонам), — я хочу обратить ваше внимание на самое важное обстоятельство; я хочу дать вам ключ ко всему, что вы увидите в России. Имея дело с этим азиатским народом, никогда не упускайте из виду, что он не испытал на себе влияния рыцарского и католического; более того, он яростно противостоял этому влиянию.

— Вы заставляете меня гордиться собственной пронизательностью; я как раз недавно писал одному из друзей, что, судя по всему, тайной пружиной русской политики является религиозная нетерпимость.

— Вы блестяще угадали то, что вам предстоит увидеть: вы даже не можете вообразить себе, как велика нетерпимость русских; те из них, кто наделены просвещенным умом и бывали в европейских странах, прилагают величайшие усилия, дабы скрыть свое мнение о триумфе греческого православия, которое они отождествляют с русской политикой. Не вникнув в существо этого явления, невозможно понять что бы то ни было ни в наших нравах, ни в нашей политике. Не подумайте, например, что разгром Польши¹² есть следствие злопамятства императора; он — результат холодного и глубокого расчета. С точки зрения правозверных русских, эти зверства достойны величайшей похвалы; сам Святой Дух нисходит на самодержца и возносит его душу превыше человеческих чувств, а Господь благословляет исполнителя его высших предначертаний; по этой логике, чем больше варварства в поступках судей и палачей, тем больше в них святости. Ваши легитимистские журналисты не знают, что делают, когда ищут себе союзников среди схизматиков. Скорее в Европе разразится революция, нежели российский император согласит-

ся принять сторону католиков; даже протестанты воссоединятся с папой раньше русского самодержца, ибо протестантам, чьи верования выродились в системы, а религия — в философическое сомнение, осталось принести в жертву Риму лишь свою сектантскую гордыню, император же положительно и всерьез обладает духовной властью и добровольно с ней не расстанется. У Рима и у всех, кто связан с Римской церковью, нет врага более страшного, чем московский самодержец, земной глава своей Церкви, и мне странно, что проницательные итальянцы до сих пор не постигли опасностей¹³, грозящих им со стороны России*. Это весьма правдивое описание поможет вам понять, сколь ложны иллюзии, которыми обольщаются парижские легитимисты¹⁴.

По этому монологу князя К*** вы можете судить обо всех остальных; замечу, что всякий раз, когда дело доходило до утверждений, рискующих оскорбить московитскую гордость, князь умолкал, если не был совершенно уверен, что никто не может нас услышать.

Признания его заставили меня задуматься, а раздумья вселили в мою душу страх.

Этой стране, которую наши нынешние мыслители долгое время не принимали в расчет из-за ее чрезвычайной отсталости, суждено такое же — если не более — великое будущее, как пересаженному в американскую почву английскому обществу, чересчур прославленному философами¹⁵, чьи теории продлили сегодняшнюю нашу демократию, со всеми ее злоупотреблениями.

Если воинский дух, господствующий в России, не создал ничего подобного нашей религии, чести, если русские солдаты не так блистательны, как наши, это не означает, что русская нация менее сильна; честь — земное божество, но в жизни практической долг играет не менее важную роль, чем честь, а может быть, и более важную; в нем меньше великолепия, но больше упорства и мощи. Этой земле не суждено родить героев Тассо или Ариосто¹⁶, но герои, способные вдохновить нового Гомера и нового Данте¹⁷, могут воскреснуть на развалинах нового Илиона, осаж-

* Князь К*** был католиком. Все русские, стремящиеся к независимости ума и веры, склоняются к переходу под покровительство Римской церкви.

денного новым Ахиллом, воителем, который один стоил всех прочих персонажей «Илиады»¹⁸.

Я убежден, что отныне миром будут править народы не самые беспокойные, но самые терпеливые*: просвещенная Европа склонится только перед силой действительной, меж тем действительная сила наций — это покорство правящей ими власти, подобно тому как сила армий — дисциплина. Впредь ложь будет вредить в первую голову тем, кто станет к ней прибегать; правда заново входит в силу, ибо годы забвения возвратили ей юность и могущество.

Когда наша космополитическая демократия принесет свои последние плоды, внушив целым народам ненависть к войне, когда нации, именуемые светочами просвещения, обессилеют от политического распутства и, опускаясь все ниже и ниже, впадут в спячку и сделаются предметом всеобщего презрения, вследствие чего всякий союз с этими обеспамятевшими от эгоизма нациями будет признан невозможным, тогда рухнут преграды, и северные орды вновь хлынут на нас, тогда мы падем жертвами последнего нашествия — нашествия не темных варваров, но хитрых и просвещенных властителей, знающих больше нас, ибо наши собственные злоупотребления научат их, как можно и должно править.

Провидение неспроста копит столько бездействующих сил на востоке Европы. Однажды спящий гигант проснется, и сила положит конец царству слова. Тщетно станут тогда обезумевшие от ужаса поборники равенства звать на помощь свободе древнюю аристократию; тот, кто берется за оружие слишком поздно, тот, чьи руки от долгого бездействия ослабели, немощен. Общество погибнет оттого, что доверилось словам бессмысленным либо противоречивым; тогда лживые отголоски общественного мнения, газеты, желая во что бы то ни стало сохранить читателей, начнут торопить развязку, хотя бы ради того, чтобы еще месяц иметь о чем рассказывать. Они убьют общество, дабы питаться его трупом.

* Прямодушие, которому я стараюсь не изменять, не позволило мне переменить что бы то ни было в этом письме; однако я вновь прошу читателя, который захочет сопутствовать мне в моем странствии, вначале сравнить мои мысли до путешествия с выводами, к которым я пришел после него, а уж затем составлять свое мнение о России.

Письмо десятое

[...] Нигде я так ясно не ощущал непостоянства всего земного, как в Петербурге; и в Париже и в Лондоне мне случалось сказать себе: настанет день, когда эти шумные торжища сделаются молчаливее Афин и Рима, Сиракуз и Карфагена, однако когда речь идет о европейских столицах, очевидно, что ни времени, ни непосредственных причин этого превращения не дано знать ни одному смертному, тогда как исчезновение Петербурга предсказать нетрудно; оно может произойти хоть завтра, под звуки победных песен торжествующего народа. У других столиц закат следует за истреблением жителей, эта же столица погибнет в ту самую пору, когда положение русских в мире упрочится. Я столько же верю в долговечность Петербурга, сколько в жизнестойкость политических систем и людское постоянство. Ни об одном другом городе мира этого сказать нельзя.

Что за страшная сила — та, которая, возведя столицу в пустыне, может одним словом вернуть дикой природе все, что было у нее отнято! Здесь собственной жизнью распоряжается только монарх: судьба, мощь, воля целого народа — все пребывает в руках одного человека. Российский император — олицетворение общественного могущества; среди его подданных в теории — а может быть, и на практике — царит то равенство, о каком мечтают нынешние галло-американские демократы, фюреристы¹⁹ и проч. Однако для русских существует причина грозы, неведомая иным народам, — гнев императора. Тирания, республиканская ли, монархическая ли, вселяет в души ненависть к абсолютному равенству. Ничто так не пугает меня, как железная логика, примененная к политике. Если Франция уже десять лет живет в материальном довольстве, то, быть может, оттого, что за видимой бессмысленностью ее деятельности скрывается высшая практическая мудрость; к счастью для нас, нами правит реальность, пришедшая на смену умозрительным построениям.

В России деспотическая система действует, как часы, и следствием этой чрезвычайной размерности является чрезвычайное угнетение. Видя эти неотвратимые результаты непреклонной политики, испытываешь возмущение и с ужасом спрашиваешь

себя, отчего в деяниях человеческих так мало человечности. Однако не стоит путать трепет с презрением: мы не презираем то, чего боимся.

Глядя на Петербург и размышляя о страшном существовании жителей этого гранитного лагеря, можно усомниться в Господнем милосердии, можно стенать и возносить проклятия, но невозможно соскучиться. Это непостижимо, но великолепно. Деспотизм, подобный здешнему, представляет собой неисчерпаемый источник наблюдений и размышлений. Эта колоссальная империя, представшая моему взору на востоке Европы, той самой Европы, где повсюду общество страдает от отсутствия общепризнанной власти, кажется мне посланницей далекого прошлого. Мне кажется, будто на моих глазах воскресает ветхозаветное племя, и я застываю у ног допотопного гиганта, объятый страхом и любопытством.

Всякому, кто въезжает в пределы Российской империи, первым делом бросается в глаза, что общество, устроенное так, как здесь, пригодно только для здешних жителей: чтобы жить в России, следует быть русским; впрочем, по видимости все здесь вершится так же, как и в других странах. Не то — по сути.

[...] Однако, что бы ни говорили эти покорные подданные, что бы они ни делали, восторг их остается принужденным: это — любовь стада к пастуху, который кормит его, чтобы резать. У народа, лишённого свободы, есть инстинкты, но нет чувств, инстинкты же нередко дают о себе знать в форме грубой и навязчивой: покорство подданных не может не утомлять российских императоров; порой и кумиру надоедает ладан. По правде говоря, поклонение это не раз нарушали чудовищные изменения. Русское правительство — абсолютная монархия, ограниченная убийством²⁰, меж тем когда монарх трепещет, он уже не скучает; им владеют попеременно ужас и отвращение. Деспоту в его гордыне потребны рабы, человек же ищет себе подобных; однако подобных царю не существует; этикет и зависть ревностно охраняют его одинокое сердце. Он достоин жалости едва ли не в большей степени, нежели его народ, особенно если он чего-нибудь стоит.

Всюду, где есть двор и общество, люди расчетливы, но нигде расчетливость не носит такого неприкрытого характера. Российская империя — огромная театральная зала, где из всякой ложи видно, что творится за кулисами.

[...] Здесь очень легко обмануться видимостью цивилизации. Находясь при дворе, вы можете почитать себя попавшим в страну, развитую в культурном, экономическом и политическом отношении, но, вспомнив о взаимоотношениях различных сословий в этой стране, увидев, до какой степени эти сословия немногочисленны, наконец, внимательно присмотревшись к нравам и поступкам, вы замечаете самое настоящее варварство, едва прикрытое возмутительной пышностью.

Я не упрекаю русских в том, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы. Пока они еще необразованны — но это состояние по крайней мере позволяет надеяться на лучшее; хуже другое: они постоянно снедаемы желанием подражать другим нациям, и подражают они точно как обезьяны, оглупляя предмет подражания. Видя все это, я говорю: эти люди разучились жить как дикари, но не научились жить как существа цивилизованные, и вспоминаю страшную фразу Вольтера²¹ или Дидро, забытую французами: «Русские сгнили, не успев созреть»²².

В Петербурге все выглядит роскошно, великолепно, грандиозно, но если вы станете судить по этому фасаду о жизни действительной, вас постигнет жестокое разочарование; обычно первым следствием цивилизации является облегчение условий существования; здесь, напротив, условия эти тяжелы; лукавое безразличие — вот ключ к здешней жизни.

Письмо одиннадцатое

[...] Чем больше я узнаю Россию, тем больше понимаю, отчего император запрещает русским путешествовать и затрудняет иностранцам доступ в Россию²³. Российские политические порядки не выдержали бы и двадцати лет свободных сношений между Россией и Западной Европой. Не верьте хвастливым речам

русских; они принимают богатство за элегантность, роскошь — за светскость, страх и благочиние — за основания общества. По их понятиям, быть цивилизованным — значит быть покорным; они забывают, что дикари иной раз отличаются кротостью нрава, а солдаты — жестокостью; несмотря на все их старания казаться прекрасно воспитанными, несмотря на получаемое ими поверхностное образование и их раннюю и глубокую развращенность, несмотря на их превосходную практическую сметку, русские еще не могут считаться людьми цивилизованными. Это татары в военном строю — и не более.

Их цивилизация — одна видимость; на деле же они безнадежно отстали от нас и, когда представится случай, жестоко отмстят нам за наше превосходство.

Письмо тринадцатое

[...] Если предоставить русского самому себе, он всю жизнь будет маяться приступами неудовлетворенного тщеславия; он станет почитать себя варваром. Ничто так не пагубно для естественности, и, следовательно, для духа народа, как эта беспрепятственная озабоченность общественным превосходством других наций. Преисполняться смирения и краснеть за себя от спеси — одна из причуд человеческого самолюбия. Я успел заметить, что в России сей феномен не редкость: здесь характерные черты выскочки можно изучать среди людей всех сословий и рангов.

Во всех классах русской нации красивые мужчины встречаются чаще, чем красивые женщины, — что отнюдь не мешает обнаружить и среди мужчин множество плоских, лишенных выражения физиономий. Представители финской расы скуласты, у них маленькие, тусклые, глубоко посаженные глаза и приплюснутое лицо, словно люди эти при рождении шлепнулись носом оземь; к тому же у них бесформенный рот, а весь облик совершенно невыразителен — настоящая маска раба. Здешние жители походят на финнов, а не на славян.

Мне часто попадались люди с отметинами оспы, что для остальной Европы ныне редкость и свидетельствует о непростительной небрежности русского правительства.

В Петербурге разные расы так перемешаны, что здесь невозможно составить представление об истинном населении России: кровь немцев, шведов, ливонцев, финнов — разновидности лопарей, спустившихся с полюса, — калмыков и иных татарских рас влилась в кровь славян, чья изначальная красота в столичных жителях мало-помалу изгладилась; вот отчего я часто вспоминаю справедливое замечание императора: «Петербург — русский город, но это еще не Россия».

[...] Не устану повторять: в России нет знати, ибо нет независимых характеров; число избранных душ, составляющих исключение, слишком мало, чтобы высший свет следовал их побуждениям; человека делает независимым не столько богатство или хитростью достигнутое положение, сколько гордость, какую внушает высокое происхождение; а без независимости нет и знати.

Эта страна, столь отличная от нашей во многих отношениях, в одном все же походит на Францию: в ней отсутствует общественная иерархия. Благодаря этой прорехе политического устройства в России, как и во Франции, существует всеобщее равенство; поэтому и в одной и в другой стране основная масса людей испытывает беспокойство ума — у нас ее волнение громогласно, в России же политические страсти все направлены в одну точку. Во Франции кто угодно может достигнуть всего, если начнет с трибуны; в России — если начнет с двора; последний холоп, коли он сумеет угодить повелителю, завтра может стать первым лицом после императора. Как у нас в стране стремление к популярности производит дивные метаморфозы, так и здесь милость сего божества — приманка, ради которой честолюбцы совершают настоящие чудеса. В Петербурге становятся законченными льстецами, как в Париже — несравненными ораторами. Какой дар наблюдательности явили русские придворные, обнаружив, что один из способов понравиться императору — это разгуливать зимой по петербургским улицам без сюртука!²⁴ Сия героическая лесть, обращенная прямо — к погоде, а косвенно — к повелителю, стоила жизни не

одному честолюбцу. Но честолюбец — сказано слишком сильно, ибо здесь льстят бескорыстно. Как вы понимаете, в стране, где принято угождать подобным образом, не угодить легко. Две фанатические страсти, престолярная гордыня и рабское самоотречение царедворца, схожи между собою сильнее, нежели представляется с виду, и творят чудеса: первая возносит слово до высот истинного красноречия, вторая дарует силу молчания; но обе влекутся к единой цели. И оттого умы под гнетом безграничного деспотизма пребывают в таком же волнении и терзаниях, как и при республике, с той лишь разницей, что при автократии молчаливое беспокойство подданных ведет к глубокой душевной смуте, ибо честолюбец, желающий преуспеть при абсолютистском способе правления, вынужден таить свою страсть. У нас, чтобы жертвы пошли на пользу, они должны быть публичными; здесь же, напротив, о них никто не должен знать. Самодержец никого так не ненавидит, как подданного, который открыто ему предан; всякое усердие, выходящее за рамки слепого, рабского повиновения, для него несносно и подозрительно; ведь исключения открывают врата для притязаний, притязания превращаются в права, а подданный, полагающийся, будто у него есть права, в глазах деспота — бунтовщик.

[...] Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии; я нахожу союз этот тем более страшным, что продлиться он может еще долго, ибо страсти, которые в иных странах губят людей, заставляя их слишком много болтать, — честолюбие и страх, здесь порождают молчание. Из насильственного молчания этого возникает невольное спокойствие, внешний порядок, более прочный и жуткий, чем любая анархия, ибо, повторяю, недуг, им вызванный, кажется вечным.

[...] И все же наш долг перед самими собой — сделать здесь одну оговорку и установить различие в общественном устройстве обеих стран. Во Франции революционная тирания есть болезнь переходного времени; в России деспотическая тирания есть непрерывная революция.

Письмо четырнадцатое

Русские — выходцы из сообщества племен, которые долгое время были кочевниками и всегда отличались воинственностью; они еще не вполне позабыли бивуачную жизнь. Все народы, недавно переселившиеся из Азии в Европу, стоят в ней лагерем, словно турки. Петербург — это армейский штаб, а не столица нации. Как бы ни был великолепен этот военный город, в глазах западного человека он выглядит голым.

[...] Пышный город, возведенный Петром Великим, украшенный Екатериной II, протянутый прямо, как стрела, всеми прочими государями через болотистую, вечно затопляемую песчаную равнину, в конце концов теряется в ужасающей мешанине лавок и мастерских, среди груды безымянных зданий и обширных, непрочерченных площадей; из-за врожденной неорганизованности и нечистоплотности народа, живущего в этой стране, площади последние сто лет загромождены обломками всякой всячины и нечистотами любого свойства. Вся эта дрянь год за годом копится в русских городах, оспаривая притязания немецких государей, что мнят, будто воистину послужили просвещению славянских народов. Как бы сильно ни извратило иго, навязанное этим народам, их первоначальный характер, он обязательно сказывается хоть в каком-нибудь уголке их городов, принадлежащих деспотам, и домов, принадлежащих рабам; да если и есть у них вещи, какие называются городами и домами, то не потому, что эти вещи им нравятся или они ощущают в них нужду, но потому, что им говорят: их надобно иметь либо, скорее, терпеть, дабы шагать в ногу с древними цивилизованными расами Запада; а главное, потому, что когда бы им вздумалось спорить с людьми, которые по-военному наставляют их и ведут за собой, то люди эти, капралы и педагоги одновременно, погна-ли бы их кнутом обратно на азиатскую родину. Бедные экзотические птицы, оказавшиеся в клетке европейской цивилизации, они — жертвы мании или, вернее сказать, глубоко рассчитанных устремлений честолюбцев-царей, грядущих завоевателей мира: те прекрасно знают, что, прежде чем нас покорить, следует подражать нам всегда и во всем.

Калмыцкая орда, что разбила лагерь в лачугах, окружив скопление античных храмов; греческий город, спешно возведенный для татар, словно театральные декорации, декорации блистательные, но безвкусные, призванные обрамлять собою подлинную и ужасную драму, — вот что сразу же бросается в глаза в Петербурге.

Природа и история никак не затронули русскую цивилизацию; ничто в ней не вышло из почвы или из народа — прогресса не было, в один прекрасный день все ввезли из-за границы. В этом триумфе подражательства больше ремесла, нежели искусства: здесь то же различие, как между гравюрой и рисунком. Дар гравера проявляется только в воплощении чужих идей.

[...] У славян, когда они красивы, тонкий, изящный стан, от которого, однако, веет силой; у них у всех миндалевидный разрез глаз, а взгляд бегающий и плутоватый, азиатский. Глаза могут быть и черные, и голубые, но они всегда прозрачны и отличаются живостью, переменчивостью и большим обаянием, ибо умеют смеяться.

Народ этот серьезен больше по необходимости, чем от природы, и осмеливается смеяться не иначе как глазами; говорить этим людям не разрешают, но взгляд, одушевленный молчанием, восполняет недостаток красноречия — столько страсти придает он лицу. В нем почти всегда светится ум, иногда кротость и покой, чаще — тоска, доходящая до свирепости; чем-то он напоминает взгляд попавшего в западню зверя.

[...] Удивительно, как мощно одарены нации от природы: на протяжении более чем столетия благовоспитанные русские — знать, ученые, власти предрержащие, только тем и занимались, что кланчили идеи и искали образцов для подражания во всех обществах Европы — и что же? смешная фантазия государей и придворных не помешала русскому народу остаться самобытным*.

Народ этот умен и по природе своей слишком утончен, слишком тактичен и деликатен, чтобы слиться когда-нибудь с

* Упрек этот, обращенный к Петру I и ближайшим продолжателям его дела, служит дополнением к похвальному слову императору Николаю, который взялся остановить сей нескончаемый поток.

тевтонской расой. Буржуазная Германия и поныне более чужда России, нежели Испания с ее народами, в чьих жилах течет арабская кровь. Медлительность, тяжеловесность, грубость, пугливость, неловкость претят славянскому духу. Славяне легче свыкаются с местью и тиранией; самые добродетели германцев русским ненавистны; а потому русские, несмотря на жестокою религиозною и политическую вражду с Варшавой, за несколько лет сильнее продвинулись в ее общественном мнении, нежели пруссаки со всеми их редкими и основательными достоинствами, какими отличаются тевтонцы; я не говорю, что это благо, я просто отмечаю сам факт: не все братья любят друг друга, но все друга друга понимают^{*25}.

Что же до некоторого сходства, какое, кажется мне, я нахожу между русскими и испанцами, то оно объясняется связями, которые изначально могли возникнуть между арабскими племенами и отдельными ордами, что двигались через Азию на Московию. Мавританская архитектура чем-то схожа с византийской, образцом для истинно московской архитектуры. Гений азиатских народов, бродивших по Африке, вряд ли мог быть противен гению других восточных наций, только что осевших в Европе; история объясняется успешным влиянием рас друг на друга, такова общественная неизбежность, подобно тому как человеческий характер есть неизбежность личная.

Повозки, назначенные для вывоза городских нечистот, малы и неудобны; с подобной машиной человек и лошадь мало что могут сделать за день. Русские обыкновенно проявляют свою сообразительность не столько в старании усовершенствовать дурные орудия труда, сколько в разных способах использовать те, что у них есть. В них мало развита изобретательность, и чаще всего им не хватает механизмов, приспособленных для достижения нужной цели. Народ этот при всем его изяществе и талантах начисто лишен творческого гения: русские и в этом — северные римляне. И те и другие вынесли свои науки и искусства из-за границы. Они умны, но ум их подражательный, а значит, более

* См. письма пятое и двадцать девятое.

иронический, чем плодовитый: такой ум все копирует, но ничего не в силах создать сам.

Насмешка — главная черта характера тиранов и рабов. У всякой угнетенной нации ум склоняется к поношению, сатире, карикатуре; за свое бездействие и унижение она мстит сарказмами. Остается вычислить и сформулировать, в каком отношении находятся нации с теми конституциями, какие они себе избирают сами или какие им навязывают сверху. Мое мнение таково: всякая приобщенная к культуре нация имеет тот единственный способ правления, который только и может иметь. Я не собираюсь ни предлагать, ни даже излагать вам свою теорию — пусть над этим трудятся люди более достойные и ученые; нынешняя моя цель гораздо скромнее: я хочу описать, что поражает меня на улицах и набережных Петербурга.

В нескольких местах поверхность Невы сплошь покрыта лодками с сеном. Эти безыскусные сооружения будут повыше многих домов и с виду живописны и ловко устроены, как и все, чем славяне никому не обязаны, кроме себя. Эти передвижные здания служат жилищем для гребцов; они затянуты соломенными коврами, наподобие плетеных циновок, которые, несмотря на свою грубость, придают им облик восточного шатра или китайской джонки; только в Петербурге довелось мне видеть целые стены из сена, убранные соломенными половиками, и семьи, вылезавшие из-под сена, словно звери из логова.

В городе, где дома изнутри подвержены нашествию полчищ паразитов, а снаружи каждую зиму ветшают, особенную важность обретает ремесло маляра. В России любое здание надо всякий год штукатурить заново, иначе оно скоро разрушится.

Любопытен способ, каким русский маляр исполняет свою должность. Для работы на улице ему остается всего три месяца в году, и число рабочих, как вы понимаете, должно быть достаточно велико — их встречаешь на каждом перекрестке. Эти люди сидят, рискуя жизнью, на дощечке, небрежно привязанной к длинной, свисающей вниз веревке, и качаются на ней, как насекомые, у стен здания, которое заново покрывают побелкой. Нечто похожее есть и у нас: наши рабочие тоже поднимаются и

спускаются вдоль стены дома, повисая на узлах веревки. Но во Франции маляров всегда было немного, и они далеко не так важны, как русские. Человек везде ценит свою жизнь во столько, сколько она стоит.

Представьте себе сотни пауков, что, повиснув на клочке разодранной бурей паутины, спешат починить ее с дивным проворством и усердием,— и вы получите представление о том, как работают маляры коротким северным летом на улицах Петербурга. Дома здесь четырехэтажные, не выше; они белого цвета и выглядят чистыми, но эта их внешность обманчива. Я знаю доподлинно, каковы они изнутри, и потому прохожу мимо блистающих фасадов с почтительным отвращением. В провинции красят города, через которые должен проезжать император; что это — почесть, какую отдают государю, или желание обмануть его, скрыв нищету, в которой пребывает страна?

Русские по большей части издают неприятный запах, который ощущается даже издали. Люди светские пахнут мускусом, простонародье же — кислой капустой, луком и старыми смазками сапогами. Дух этот устойчив и неизменен.

Письмо пятнадцатое

[...] Здешнее правительство с его византийским духом, да и вся Россия, всегда воспринимали дипломатический корпус и западных людей вообще как недоброжелательных и ревнивых шпионов. Между русскими и китайцами есть то сходство, что и те и другие вечно полагают, будто чужестранцы им завидуют; они судят о нас по себе.

Оттого столь хваленое московское гостеприимство выродилось в целое искусство и превратилось в весьма тонкую политику; искусство это состоит в том, чтобы удовлетворить гостя с наименьшими затратами искренности. Из путешественников лучше всего относятся к тем, кто дольше и с наибольшим добродушием позволяет водить себя за нос. Учтивость здесь всего лишь искусство прятать друг от друга двойной страх: страх, который испытывают, и страх, который внушают сами. Под всякой

оболочкой приоткрывается мне лицемерное насилие, худшее, чем тирания Батыея, от которой современная Россия ушла совсем не так далеко, как нам хотят представить. Повсюду я слышу язык философии и повсюду вижу никуда не исчезнувший гнет. Мне говорят: «Нам бы очень хотелось обойтись без произвола, тогда мы были бы богаче и сильнее; но ведь мы имеем дело с азиатскими народами». А про себя в то же время думают: «Нам бы очень хотелось избавить себя от разговоров про либерализм и филантропию, мы были бы счастливей и сильнее; но ведь нам приходится общаться с европейскими правительствами».

Нужно сказать, что русские всех до единого сословий в чудесном согласии споспешествуют торжеству у себя в стране подобной двуличности. Они способны искусно лгать и естественно лицемерить, причем так успешно, что это равно возмущает мою искренность и приводит меня в ужас. Здесь мне ненавистно все, чем я восхищаюсь в других местах, ибо цена этим восхитительным вещам, на мой взгляд, слишком высока: порядок, терпеливость, покой, изысканность, вежливость, почтительность, естественные и нравственные связи, какие должны устанавливаться между создателем замысла и исполнителем его, — в общем, все, в чем состоит ценность и привлекательность правильно устроенного общества, все, что придает некий смысл и цель политическим установлениям, здесь сливается в одно-единственное чувство — страх. Страх в России замещает, то есть парализует, мысль; из власти одного этого чувства может родиться лишь видимость цивилизации; да простят меня близорукие законодатели, но страх никогда не станет душой правильно устроенного общества, это не порядок, это завеса, прикрывающая хаос, и ничего больше; там, где нет свободы, нет ни души, ни истины. Россия — это безжизненное тело, колосс, который существует за счет головы, но все члены которого изнемогают, равно лишенные силы!.. Отсюда — какое-то глубинное беспокойство, неизъяснимое недоумение русских, причем у них, в отличие от новых французских революционеров, недоумение это происходит не от смутности идей, не от заблуждений, не от скуки материального процветания или рожденных конкуренцией приступов

ревности; в нем выражает себя неподдельное страдание, оно — признак органической болезни.

[...] Россия — империя каталогов; она замечательна, если читать ее как собрание этикеток; но бойтесь заглянуть дальше заголовков! Если вы откроете книгу, то не найдете ничего из обещанного: все главы в ней обозначены, но каждую еще предстоит написать. Сколько здешних лесов всего лишь топи, где вы не нарежете и вязанки хворосту!.. Все расположенные в удалении пóлки — только пустые рамки, в них нет ни одного человека; города и дороги только замышляются; сама нация доселе всего лишь афишка, наклейка для Европы, обманутой неосторожной дипломатической выдумкой*. Я не нашел здесь подлинной жизни ни в ком, кроме императора, и естественности нигде, кроме как при дворе.

[...] Империя эта при всей своей необъятности — не что иное, как тюрьма, ключ от которой в руках у императора; такое государство живо только победами и завоеваниями, а в мирное время ничто не может сравниться со злосчастьем его подданных, разве только злосчастье государя. Жизнь тюремщика всегда представлялась мне столь похожей на жизнь узника, что я не устаю восхищаться прельстительной силой воображения, благодаря которой один из этих двоих почитает себя несравненно меньше достойным жалости, чем другой.

Человеку здесь неведомы ни подлинные общественные утехы просвещенных умов, ни безраздельная и грубая свобода дикаря, ни независимость в поступках, свойственная полудикарю, варвару; я не вижу иного вознаграждения за несчастье родиться при подобном режиме, кроме мечтательной гордыни и надежды господствовать над другими: всякий раз, как мне хочется постигнуть нравственную жизнь людей, обитающих в России, я снова и снова возвращаюсь к этой страсти. Русский человек думает и живет, как солдат!.. Как солдат-завоеватель.

* Автор не вычеркивает сию вспышку раздражения, дабы читатель сам оценил ее уместность. Дурное настроение, усилившееся из-за картины показного, невозможного слияния с народом, толкнуло его на бунт против лжи, тем более опасной, что и светлые умы оказались в ее власти.

Настоящий солдат, в какой бы стране он ни жил, никогда не бывает гражданином, а здесь он гражданин меньше, чем где бы то ни было, — он заключенный, что приговорен пожизненно сторожить других заключенных.

Письмо семнадцатое

[...] Русские — царедворцы во всем: в этой стране всякий — солдат казармы или церкви, шпион, тюремщик, палач — делает нечто большее, чем просто исполняет долг, он делает свое дело. Кто скажет мне, до чего может дойти общество, в основании которого не заложено человеческое достоинство?

Я не устаю повторять: чтобы вывести здешний народ из ничтожества, требуется все уничтожить и пересоздать заново.

[...] Россия — нация немых; какой-то чародей превратил шестьдесят миллионов человек в механических кукол, и теперь для того, чтобы воскреснуть и снова начать жить, они ожидают мановения волшебной палочки другого чародея. Страна эта производит на меня впечатление дворца Спящей красавицы: все здесь блистает позолотой и великолепием, здесь есть все... кроме свободы, то есть жизни.

[...] Русского простолюдина бьют в жизни так же часто, как и приветствуют. Для общественного воспитания сего народа, не столько цивилизованного, сколько приученного соблюдать этикет, в равных дозах и с равной действенностью отвешиваются и розги (в России розги — это нарезанные длинные прутья), и поклоны; быть битым может быть в России лишь человек, принадлежащий к определенному классу, и бить его может лишь человек из другого, тоже определенного класса. Дурное обхождение здесь упорядочено не хуже таможенных тарифов; все это напоминает свод законов Ивана Грозного²⁶. Здесь уважают кастовое достоинство, но до сих пор никто не подумал ввести ни в законодательство, ни даже в обычай достоинство человеческое...

[...] Нравы народа — продукт постепенного воздействия законов на обычаи и обычаев на законы; они не меняются по мановению волшебной палочки. Нравы русских жестоки, несмотря

на все претензии этих полудикарей, и еще долго будут таковыми оставаться. Еще не прошло и столетия с тех пор, как они были настоящими татарами; лишь Петр Великий стал принуждать мужчин брать с собой жен на ассамблеи; и многие из этих выскочек цивилизации сохранили под теперешним своим изяществом медвежью шкуру: они всего лишь вывернули ее наизнанку, но стоит их поскрести, как шерсть появляется снова и встает дыбом^{*27}.

Письмо восемнадцатое

[...] У этого покорного народа столь велико влияние общественных установлений на все классы, а безотчетно впитанные привычки столь властно подчиняют себе характеры, что даже самые крайние проявления мести, похоже, упорядочены у русских какими-то правилами. Здесь убийство рассчитано и осуществляется размеренно; люди умерщвляют других людей по-военному, скрупулезно, без гнева, без волнения, без слов, и их спокойствие ужаснее любых безумств ненависти. Они толкают друг друга, швыряют наземь, избивают, топчут ногами, словно механизмы, что равномерно вращаются вокруг своей оси. Физическая бесстрастность при совершении самых буйных поступков, чудовищная дерзость замысла, холодность его исполнения, молчаливая ярость, немой фанатизм — вот из чего слагается преступление, так сказать, добросовестное; в этой удивительной стране самые бурные вспышки подчинены какому-то противоестественному порядку; тирания и бунт идут здесь в ногу, сверяя друг по другу шаг.

Сама здешняя земля, однообразный вид сельского пейзажа определяют симметрию во всем: полное отсутствие рельефа на повсюду одинаковой и большей частью голой равнине, не слишком разнообразная растительность, которая всегда скудна

* Это слова архиепископа Тарантского, чей весьма занимательный и исчерпывающий портрет недавно создал г-н Валери в своей книге «Итальянские анекдоты и достопримечательности». По-моему, ту же мысль еще более энергично высказывал император Наполеон. Впрочем, она приходит в голову всякому, кто близко наблюдает русских.

в северных странах, вечные ровные пространства, совершенно лишенные каких бы то ни было живописных холмов и долин,— на них виднеется селение, похоже, одно-единственное на всю империю и, словно наваждение, всюду преследующее путешественника; в общем, все, что Бог забыл сделать для этой страны, укрепляет и без того неколебимое единообразие политической и общественной жизни ее жителей. Здесь повсюду одно и то же, а потому, невзирая на необъятные просторы, в России от края до края все исполняется с дивной четкостью и согласованностью. Если кому-нибудь когда-нибудь удастся подвигнуть русский народ на настоящую революцию, то это будет смертоубийство упорядоченное, словно эволюции полка. Деревни на наших глазах превратятся в казармы, и организованное кровопролитие явится из хижин во всеоружии, выдвигаясь цепью, в строгом порядке; одним словом, русские точно так же подготовятся к грабегам от Смоленска до Иркутска, как готовятся ныне к парадному маршу по площади перед Зимним дворцом в Петербурге. В результате подобного единообразия естественные наклонности народа приходят в такое согласие с его общественными обычаями, что последствия этого могут быть и хорошими, и дурными, но равно невероятными по силе.

Будущее мира смутно; но одно не вызывает сомнений: человечество еще увидит весьма странные картины, которые разыграет перед другими эта Богом избранная нация.

Русские почти всегда нарушают общественный порядок из слепого почтения к властям.

Письмо девятнадцатое

[...] Чин — это нация, разделенная на полки, это военное положение, на которое переведено все общество, и даже те его классы, что освобождены от воинской службы. Одним словом, это деление гражданского населения на классы, соответствующие армейским званиям. С тех пор как была установлена эта иерархия званий, человек, в глаза не видевший учений, может сделаться полковником.

[...] Из подобного общественного устройства проистекает столь мощная лихорадка зависти, столь неодолимый зуд честолюбия, что русский народ должен утратить способность ко всему, кроме завоевания мира. Я все время возвращаюсь к этому намерению, ибо тот избыток жертв, на какие обрекает здесь общество человека, не может объясняться ничем иным, кроме подобной цели. Беспорядочное честолюбие иссушает человеческое сердце, но оно в равной мере может истощить и ум, отбить у нации способность к суждению настолько, чтобы она пожертвовала свободой ради своей победы. Не знай я этой задней мысли, пусть не высказываемой вслух, — мысли, которой, быть может, не отдавая себе в том отчета, повинуются множество людей, я бы почел историю России за необъяснимую загадку.

Тут возникает главный вопрос: что такое эта мысль о завоевании, составляющая тайную жизнь России, — приманка ли, способная более или менее долго соблазнять грубый народ, или же в один прекрасный день ей суждено воплотиться в действительность?

Сомнение это не покидает меня ни на минуту, и, несмотря на все свои усилия, ответа я не нашел. Все, что я могу сказать, — это то, что с тех пор как я в России, будущее Европы видится мне в черном цвете. Однако же совесть велит мне не скрывать и того, что люди весьма мудрые и весьма опытные придерживаются иного мнения.

Люди эти говорят, что я преувеличиваю могущество России, что каждому обществу предначертана своя судьба, что удел общества русского — распространить свои завоевания на Восток, а затем распасться самому. Умы, упорно не желающие верить в блестящее будущее славян, признают, как и я, что народ этот даровит и любезен; они соглашаются, что он восприимчив ко всему живописному; они отдают должное его врожденной музыкальности и приходят к выводу, что подобные склонности могут до определенной степени способствовать развитию изящных искусств, но их недостаточно для того, чтобы осуществились притязания на мировое господство, которые я приписываю русским или подозреваю у их правительства. «Русские лишены

научного гения, — добавляют эти мыслители, — в них никогда не проявлялась способность к творчеству; ум их от природы ленив и поверхностен, и если они и усердствуют в чем, то скорее из страха, чем из увлечения; страх придает им готовность пойти на все, набросать начерно что угодно, но он же и мешает им продвинуться далеко по какой бы то ни было стезе; гений, подобно героизму, по природе отважен, он живет свободой, тогда как царство и сфера действия у страха и рабства ограничены, как и у посредственности, орудием которой они выступают. Русские — хорошие солдаты, но скверные моряки; они, как правило, более покорны, чем изобретательны, более склонны к религии, чем к философии, в них больше послушания, нежели воли, и мысли их недостает энергии, как душе их — свободы^{*28}. Самое для них трудное и наименее естественное — это чем-то всерьез занять свой разум и на чем-то сосредоточить свое воображение, так, чтобы найти ему полезное применение; вечные дети, они смогут на какой-то миг одолеть всех с помощью меча, но никогда с помощью мысли; а народ, которому нечего передать другим народам, тем, кого он хочет покорить, недолго будет оставаться сильнейшим.

Даже французские и английские крестьяне физически крепче, нежели обитатели России: русские более проворны, чем мускулисты, более свирепы, чем энергичны, и более хитры, чем предприимчивы; в них есть некая созерцательная храбрость, но им недостает дерзости и настойчивости; их армия, блистающая на парадах отменной дисциплиной и выправкой, состоит, за исключением нескольких избранных частей, из людей, которых публике предьявляют в красивой форме, а за стенами казарм содержат в грязи. Цвет лица изможденных солдат выдает их страдания и голод, ибо поставщики обворовывают этих несчастных, а те получают слишком скудное жалование, чтобы, тратя его частично на лучшую пищу, удовлетворять свои потребности; обе турецкие кампании достаточно ясно явили всем слабость этого колосса²⁹; короче говоря, у общества, не вкусившего при рождении своем свободы, не знавшего иных политических потрясений,

* См. портрет русских в письме тридцать втором, из Москвы.

кроме навеянных чужеземным влиянием, общества, беспокойного в самой сердцевине своей, нет долговечного будущего...»

Из всего этого делается вывод, что Россия, мощная в своих собственных пределах, наводящая страх, покуда она борется лишь с азиатами, сломает себе шею в тот самый миг, когда ей захочется сбросить маску и объявить войну Европе — в подтверждение своей высокомерной дипломатии.

Таковы, насколько я знаю, самые сильные доводы, что выдвигают против моих опасений политические оптимисты. Я нисколько не ослаблял аргументацию моих противников; меня они обвиняют в том, что я преувеличиваю опасность. Говоря по правде, есть люди, и люди ничуть не менее достойные, которые разделяют мое мнение и неустанно корят оптимистов за слепоту, уговаривая их признать зло, покуда оно еще не стало непоправимым. Я представил вам обе стороны вопроса; теперь слово за вами — ваше суждение будет иметь в моих глазах большой вес; однако же предупреждаю: если ваш приговор будет отличен от моего, я все равно долго и упорно, покуда хватит сил, буду отстаивать свое мнение, пытаясь найти наилучшие доводы для его подкрепления. Я вижу этого колосса вблизи, и мне трудно себе представить, чтобы сие творение божественного Промысла имело целью лишь ослабить азиатское варварство. Мне представляется, что главное его предназначение — покарать дурную европейскую цивилизацию посредством нового нашествия; нам непрестанно угрожает извечная восточная тирания, и мы станем ее жертвами, коли навлечем на себя эту кару своими чудачествами и криводушием.

[...] В России повсюду властвует секрет — административный, политический, общественный; скрытность, полезная и бесполезная, умолчание об излишнем ради того, чтобы умолчать о необходимом, — таковы неизбежные плоды исконного характера этих людей, упроченного воздействием здешнего образа правления. Всякий путешественник нескромен; за иностранцем с его вечным любопытством надобно наивежливейшим образом приглядывать, иначе он, чего доброго, увидит вещи такими, каковы они есть, ведь это было бы в высшей степени неприлично.

Короче, русские — это переряженные китайцы; они не желают сознаваться, что питают отвращение к наблюдателям из дальних стран, но если бы, подобно настоящим китайцам, осмелились пренебречь упреком в варварстве, въезд в Петербург был бы нам заказан точно так же, как в Пекин: русские принимали бы к себе только мастеровых людей, стараясь затем не отпустить работника обратно на родину. Вы сами видите, отчего хваленое русское гостеприимство кажется мне не столько лестным или трогательным, сколько досадным; под предлогом покровительства меня связывают по рукам и ногам; но из помех разного рода невыносимее всего кажется мне та, на которую жаловаться я не вправе. Благодарность, которую я испытываю за усердную заботу, предметом коей себя ощущаю, есть благодарность насильно завербованного солдата: я, человек прежде всего независимый, то есть путешественник, все время чувствую на себе иго — моим мыслям стараются придать определенное направление... Здесь не ведают ничего, кроме учений³⁰, и умы совершают маневры наподобие солдат; всякий вечер, возвращаясь к себе, я себя ощущаю, чтобы понять, какой на мне мундир, и делаю смотр своим мыслям, выясняя их звание, ибо в этой стране все идеи разбиты на классы в зависимости от положения человека: находясь в определенном звании, человек видит — или притворяется, что видит, — вещи определенным образом, и чем выше этот человек поднимается, тем меньше он думает, иными словами, тем меньше осмеливается говорить.

[...]

Письмо двадцать первое

[...]Знаете ли вы, что в этот час дороги Азии снова запружены ссыльными, отторгнутыми от родного очага, которые пешком идут искать смерти, как скот покидает пастбище и идет на бойню? Монарший гнев обрушился на них после так называемого польского заговора³¹, заговора «молодых безумцев», которые стали бы героями, если бы он удался; впрочем, обреченность их попыток, мне кажется, лишь подчеркивает их нравственное ве-

личие. Сердце мое обливается кровью при мысли о ссыльных, об их семьях, об их родине!.. Что станется, когда притеснители высеят из этого уголка земли, где еще недавно процветало рыцарство, цвет старой Европы, самых благородных и отважных ее сынов, в Татарию? Тогда они кончат набивать свой политический ледник и наслаждаться победой сполна: Сибирь станет царством, а Польша — пустыней.

Можно ли произносить слово «либерализм» и не краснеть от стыда при мысли, что в Европе существует народ, который был независимым, а ныне не знает иной свободы, кроме свободы отступничества? Когда русские обращают против Запада оружие, которое они с успехом применяют против Азии, они забывают, что средства, способствующие прогрессу у калмыков, являются преступлением по отношению к народу, далеко ушедшему по пути цивилизации. Вы видите, как старательно я избегаю слова «тирания», хотя оно напрашивается: ведь оно дало бы оружие против меня людям, от которых все и без того страдают. Эти люди всегда готовы кричать о «подстрекательстве к бунту»³². На доводы они отвечают молчанием, этим доводом сильного; на возмущение — презрением, этим правом слабого, узурпированным сильным; зная их тактику, я не хочу вызывать у них улыбку... Но о чем мне тревожиться? Ведь полистав мою книгу, они не станут ее читать; они изымут ее из обращения и запретят всякое упоминание о ней; эта книга не будет существовать, они сделают вид, словно для них и у них она и не существовала³³; их правительство, подобно их Церкви, защищается, притворяясь немым; такая политика процветала доселе и будет процветать и впредь в стране, где расстояния, оторванность людей друг от друга, болота, леса и зимы заменяют тем, кто отдает приказания, совесть, а тем, кто эти приказания исполняет, терпение³⁴.

Я не устаю повторять: революция в России будет тем ужаснее, что она свершится во имя религии: русская политика в конце концов растворила Церковь в Государстве, смешала небо и землю: человек, который смотрит на своего повелителя как на Бога, надеется попасть в рай единственно милостью императора.

Письмо двадцать второе

[...] Русский народ, как мне кажется, народ одаренный, но способности его остаются без применения, ибо русские считают, что их удел — творить насилие; как все жители Востока, русские обладают врожденным чувством прекрасного, иными словами, природа наделила этих людей тягой к свободе, но вместо этого господа делают их орудием угнетения. Едва выбившись из грязи, человек тотчас получает право, более того, ему вменяется в обязанность помыкать другими людьми и передавать им тумачки, которые сыплутся на него сверху; он причиняет зло, дабы вознаградить себя за притеснения, которые терпит сам. Таким образом дух беззакония спускается вниз по общественной лестнице со ступеньки на ступеньку и до самых основ пронизывает это несчастное общество, которое зиждется единственно на принуждении, причем на принуждении, заставляющем раба лгать самому себе и благодарить тирана; и из такого произвола, составляющего жизнь каждого человека, рождается то, что здесь называют общественным порядком, то есть мрачный застой, пугающий покой, близкий к покою могильному; русские гордятся, что в их стране тишь да гладь. Раз человек не захотел ходить на четвереньках, надо же ему чем-нибудь гордиться, хотя бы ради того, чтобы сохранить свое право на титул человеческого создания...

[...] В России нет далеких расстояний — так говорят русские, а вслед за ними повторяют все путешественники-иностранцы. Я принял это утверждение на веру, но на собственном опыте убедился в обратном. В России — сплошь далекие расстояния: на этих голых равнинах, простирающихся покуда хватает глаз, нет ничего, кроме расстояний; два или три местечка, которые стоит посетить, расположены в сотнях лье друг от друга. Эти необъятные просторы — пустыни, лишённые живописных красот; почтовый тракт разрушает поэзию степей; остаются только бескрайние дали да унылая бесплодная земля. Все голо и бедно, но вовсе не похоже ни на землю, прославленную ее обитателями, опустошенную историей и ставшую поэтическим кладбищем народов — такую, как Греция или Иудея; не похоже это и на дев-

ственную природу; здешний пейзаж не отличается ни величием, ни мощью, он просто-напросто невзрачен; это равнина, местами засушливая, местами болотистая, и только два этих вида бесплодности разнообразят пейзаж. Редкие деревеньки, все более и более заброшенные по мере того, как удаляешься от Петербурга, не радуют, но лишь удручают взор. Дома в них не что иное, как нагромождение бревен, впрочем довольно прочно скрепленных, с дощатой крышей, поверх которой на зиму иногда кладут слой соломы. В этих хибарках, наверно, тепло, но облик их наводит грусть: они похожи на солдатские временки, только в солдатских временках не так грязно.

Комнаты в этих хижинах смрадные, черные, душные. Кроватей нет: летом люди спят на лавках, стоящих вдоль стен, а зимой на печи либо на полу вокруг печи, таким образом русский крестьянин всю жизнь живет, как на бивуаке. Слово «жительствова́ть» предполагает благоустройство, домашность, неизвестные этому народу.

Письмо двадцать третье

[...] Что касается цивилизации, в России все не закончено, потому что все ново; на самой прекрасной дороге в мире всегда что-нибудь недоделано; вам на каждом шагу приходится сворачивать с тракта, который чинят, и ехать по перекидному или временному мостику; тогда ямщик на всем скаку поворачивает квадригу и направляет ее в сторону крупным галопом, как ловкий наездник — верхового коня. Но даже если нет нужды съезжать, с тракта, экипаж никогда не движется по нему прямо, ибо почти все время приходится ловко и быстро лавировать между множеством повозок, запрудивших дорогу, потому что по крайней мере десятком из этих телег правит один ломовой извозчик, и этот единственный человек не в силах удержать на одной линии столько повозок, каждую из которых везет норовистая лошадь. Независимость в России — привилегия животных.

[...] Для всякого ума, всерьез занятого идеями, зреющими в мире политики, очень полезно близкое знакомство с этим обществом, управляемым в основном в духе государств, которые

раньше всех вошли в анналы истории, но при этом уже насквозь пронизанным идеями, которые зреют в уме самых революционно настроенных современных народов... Патриархальная тирания азиатских правителей в соединении с теориями современной филантропии, нравы народов Востока и Запада, несоместимые по своей природе, и притом нераздельно слившиеся друг с другом в полуварварском обществе, где порядок держится на страхе, — это зрелище можно увидеть лишь в России; и, конечно, никакой мыслящий человек не пожалеет о том, что проделал трудный путь и приехал в эту страну посмотреть на все своими глазами.

Письмо двадцать пятое

[...] Запомните, Московский Кремль вовсе не то, чем его принято считать. Это не дворец, это не национальная святыня, где хранятся древние сокровища империи; это не русская крепость, это не чтимый народом приют, где починут святые, защитники родины; Кремль и меньше и больше этого; он просто-напросто обиталище призраков.

Нынче утром, снова отправившись гулять без провожатого, я добрался до самой сердцевины Кремля и зашел в несколько церквей, являющихся украшением этой твердыни благочестия, столь почитаемой русскими как за священные реликвии, так и за светские драгоценности и военные трофеи, которые там хранятся. Я сейчас слишком взволнован, чтобы описывать вам все в подробностях; позже я осмотрю сокровищницу внимательнее и поведаю вам обо всем, что там увижу.

Издали Кремль показался мне княжеским градом, стоящим на холме посреди города простолюдинов. Этот замок тиранов, эта гордая каменная громада встает над жилищем простого люда во всю высоту своих скал, стен и куполов, и в противоположность тому, что случается с памятниками обычных размеров, чем ближе подходишь к этой твердыне, тем больше восхищения она вызывает. Подобно скелетам гигантских древних животных, Кремль доказывает нам, что мир, в реальности которого мы все

еще продолжаем сомневаться, даже находя его останки, все же существует. Этому чудесному творению сила заменяет красоту, вычурность — изящество; это мечта тирана, мощная, страшная, как мысль человека, который властвует над мыслью народа; здесь есть нечто несоразмерное: я вижу оборонительные сооружения на случай войны, но теперь таких войн уже не бывает; эта архитектура не соответствует нуждам современной цивилизации.

Наследие сказочных времен, когда всюду безраздельно властвовала ложь: тюрьма, дворец, святилище; крепостной вал для защиты от иноземцев, укрепленный замок для защиты от черни, оплот тиранов, тюрьма народов — вот что такое Кремль!

[...] Жить в Кремле — значит не жить, а обороняться; угнетение ведет к бунту, а раз возможен бунт, нужно принять меры предосторожности; предосторожности в свой черед усугубляют опасность мятежа, и из этой длинной цепи действий и противодействий рождается чудовище, деспотизм, который построил себе в Москве цитадель: Кремль! Вот и все. Если бы великаны, жившие в допотопные времена, вернулись на землю, чтобы посмотреть, как живет хилое племя, пришедшее им на смену, они могли бы найти здесь пристанище.

[...] Мне кажется, я воочию вижу, как из всех ворот Кремля выходят пороки и заполняют Россию.

Петр I говорил: чтобы обмануть одного русского, нужны три еврея³⁵; нам нет нужды стесняться в выражениях, как императору, поэтому мы понимаем его слова так: один русский перехитрит трех евреев.

Другие народы терпели гнет, русский народ его полюбил; он любит его по сей день. Не характерна ли эта фантастическая покорность? Впрочем, нельзя не признать, что подчас эта всеобщая мания кротости становится основой возвышенных поступков. В этой бесчеловечной стране общество исковеркало человека, но не умалило его: удивительное перерождение душевных способностей! Человек здесь порой поднимает низость до героизма; он лишен доброты, но лишен и мелочности: то же можно сказать и о Кремле. Он не радует взор, но внушает страх. Он не прекрасен, он ужасен, ужасен, как царствование Ивана IV³⁶.

Такое царствование навеки делает душу народа, безропотно пережившего его, слепой; даже последние отпрыски этих людей, заклеянных именем палачей, будут носить на себе отпечаток преступлений своих отцов: преступление против человечества сказывается вплоть до самого отдаленного потомства. Это преступление состоит не только в том, чтобы творить несправедливость, но и в том, чтобы ее терпеть; народ, который, провозглашая смирение первейшей добродетелью, завещает потомкам тиранию, пренебрегает собственными интересами; более того, он не исполняет своего долга.

Слепая покорность подданных, их безропотность, их верность безумным хозяевам — не достоинства, а недостатки: повинование похвально, неограниченная власть почтенна лишь постольку, поскольку они становятся средством, охраняющим права человека. Когда царь не признает их, когда он забывает, на каких условиях человеку дозволено властвовать над себе подобными, граждане подчиняются только Богу, своему вечному владыке, который освобождает их от клятвы верности владыке мирскому.

Вот чего русские никогда не допускали и не понимали; однако эти условия необходимы для развития истинной цивилизации; без них наступил бы час, когда жизнь в обществе стала бы для человечества не полезной, а вредной, и софисты без труда вернули бы человека в лесную чащу.

[...]

Письмо двадцать девятое

[...] За последние два дня я видел множество достопримечательностей, прежде всего татарскую мечеть. Победители отправляют сегодня религиозную службу в укромном уголке столицы побежденных — христиан, которые в плату за свою терпимость имеют свободный доступ в святилище магометан.

Мечеть — маленькое невзрачное здание; люди, которым дозволяют поклоняться здесь Богу и пророку, тщедушны, грязны, бедны и пугливы. Каждую пятницу они приходят в этот храм,

чтобы простереться ниц на потертом шерстяном коврике, который каждый приносит с собой. Их красивые азиатские одежды давно превратились в лохмотья, их надменность стала бесполезной уловкой, всемогущество — низостью; они стараются держаться обособленно, не сближаясь с местным населением, которое окружает и подавляет их. Разумеется, глядя на тех нищих, что пресмыкаются в нынешней Москве, никто бы не догадался о том, как деспотически правили жителями Москвы их предки.

Сообщаясь преимущественно со своими единоверцами³⁷, эти несчастные потомки завоевателей торгуют в Москве азиатскими товарами и, дабы оставаться правоверными магометанами, избегают употребления вин и более крепких напитков, держат жен взаперти или, по крайней мере, не позволяют им показывать лица посторонним мужчинам, которые, впрочем, сносят эту потерю весьма равнодушно, ибо монголов не назовешь привлекательными. Выступающие вперед скулы, приплюснутые носы, маленькие, глубоко посаженные черные глазки, курчавые волосы, смуглая лоснящаяся кожа, небольшой рост, бедность и неопрятность — вот отличительные черты этого выродившегося племени, как мужчин, так и тех редких женщин, чьи лица я все-таки сумел разглядеть.

[...] Сегодня положение татарина в России хуже положения московского крепостного.

Русские гордятся своей терпимостью по отношению к вере их древних угнетателей³⁸, однако, на мой взгляд, в терпимости этой больше показного блеска, чем истинной философской мудрости; для народа же, которому оказывают подобное снисхождение, оно попросту унизительно. На месте потомков безжалостных монголов, так долго правивших Россией и наводивших ужас на весь мир, я предпочел бы молиться Богу в глубине души, лишь бы не вступать под своды мечети, милостиво пожалованной мне моими бывшими данниками.

[...] Мы, французы, пресыщенные вольностями и разнообразием, попав в Россию, приходим в отчаяние от царящих здесь однообразия и холодного педантизма, неотделимых от идеи порядка и внушающих ненависть к тому, что, вообще гово-

ря, достойно любви. Вся Россия, нация-дитя, — не что иное, как огромный коллеж; здешняя жизнь напоминает военное училище, с той лишь разницей, что учеба длится до самой смерти.

Немецкий склад ума, отличающий российских правителей, противен славянскому характеру; если бы русские — этот восточный, беспечный, капризный, поэтический народ — высказали вслух свои тайные мысли, они горько пожаловались бы на Алексея, Петра Великого, Екатерину II и их потомков, насаждавших и насаждающих в России германскую дисциплину. Как ни старайся императорская фамилия, она все равно остается чересчур немецкой по духу для того, чтобы безмятежно повелевать русскими и чувствовать себя на троне совершенно уверенно^{*39}; она не правит русскими, а подавляет их. Не сознают этого одни лишь крестьяне.

[...] Перед тем как покинуть Москву, где я вторично окажусь лишь проездом, я почитаю не лишним поговорить с вами о характере людей, населяющих Россию — страну, где я пробыл недолго, но где неотрывно и внимательно наблюдал за множеством людей и вещей, а также с превеликим тщанием сопоставляя множество сведений...

Вообще мне не показалось, что жители России страдают избытком великодушия; они не верят в эту добродетель и отрицают бы ее существование, достань у них на это смелости; нынче же они ее презирают, ибо она им совершенно чужда. В них больше хитрости, чем деликатности, больше мягкости, чем чувствительности, больше гибкости, чем непринужденности, больше приятности, чем нежности, больше проницательности, чем изобретательности, больше ума, чем воображения, больше наблюдательности, чем ума, более же всего в них расчетливости. Трудятся они не для того, чтобы принести пользу окружающим, а для того, чтобы получить вознаграждение; огонь созидания в их груди не горит; воодушевления, рождающего возвышенные плоды, они не ведают; чувства, не требуют иных оценок и иных

* Романовы по происхождению пруссаки, вдобавок, с тех пор как родоначальник этой династии занял трон, представители ее, в отличие от московских князей, женились чаще всего на московских принцессах.

наград, кроме тех, что исходят из собственного сердца творца, им неизвестны. Лишите их таких движителей, как корысть, страх или тщеславие, и они предадутся бездействию; в изящных искусствах они выказывают себя рабами, прислуживающими во дворце; священное одиночество гения им недоступно; чистая любовь к прекрасному их не насыщает.

С их свершениями в сфере практической дело обстоит точно так же, как с их творениями в мире мысли: там, где бал правит хитрость, благородство кажется обманом.

Величие души, я в этом убежден, не нуждается в наградах; однако, ничего не требуя, великая душа ко многому обязывает, ибо стремится сделать людей лучше: в России же она сделала бы их хуже, ибо здесь великодушие почитают притворством. У народа, ожесточенного постоянным страхом, милосердие слывет слабостью; с таким народом можно справиться, лишь запугивая его; неумолимая суровость ставит его на колени, мягкость же, напротив, позволила бы ему поднять голову; его нельзя убедить, но можно принудить к покорству, он не умеет быть гордым, но может становиться дерзким: он бунтует против снисходительной власти и повинуется безжалостной, ибо принимает злобу за силу.

Когда русские держатся любезно, они пленяют вас, как бы сильно вы ни были предубеждены против них: сначала вы не замечаете, что очарованы, а потом не можете и не хотите избавиться от этих чар; определить, отчего это происходит, так же невозможно, как объяснить работу фантазии или проникнуть в тайну колдовства; власть русских над нами — могучая, хотя и непонятная — коренится, возможно, в природной прелести славян — том даре, который в обществе заменяет все прочие дары, а сам не может быть заменен ничем, ибо прелесть — это, пожалуй, и есть то единственное достоинство, которое позволяет обойтись без всех остальных.

Вообразите себе французскую учтивость прежних времен, воскресшую во всем своем великолепии, вообразите любезность безупречную и безыскусную, самозабвение невольное и натуральное, простодушное следование правилам хорошего вкуса,

инстинктивную верность выбора, элегантный и чуждый уныния аристократизм, непринужденность без примеси дерзости, сознание собственного превосходства, смягчаемое тем благородством, что неотрывно от истинного величия... Я тщетно пытаюсь приискать слова для исчисления всех этих едва уловимых оттенков; их нельзя описать — их можно только почувствовать; их нужно угадывать — определения им противопоказаны; как бы там ни было, знайте, что все эти, а также многие другие достоинства отличают манеры и речь недюжинных русских людей, причем в наибольшей степени обладают ими те русские, что не бывали за границей, но, живя в России, имели сношения с просвещенными иностранцами.

Эти чары, это обаяние даруют русским безраздельную власть над сердцами: до тех пор, пока вы пребываете в обществе этих незаурядных созданий, вы покоряетесь их власти, становящейся вдвое сильнее оттого, что вы воображаете, будто русские смотрят на вас так же, как вы — на них, и это позволяет им торжествовать над вами. Вы забываете о времени и окружающем мире, вы не помышляете ни о делах, ни о заботах, ни о долге, ни о наслаждениях, вы живете настоящим, вы видите только нынешнего вашего собеседника, к которому питаете самые нежные чувства. Люди, у которых потребность нравиться ближним развилась до столь крайних степеней, нравятся непременно; их отличают безупречный вкус, утонченнейшая элегантность и абсолютная естественность; в их безграничной любезности нет ничего фальшивого, она — талант, ищущий применения; дабы продлить иллюзию, во власти которой вы пребываете, достаточно было бы, возможно, насладиться обществом русских подольше, но вы уезжаете, и все исчезает, кроме остающегося в вашей душе воспоминания. Уезжайте-уезжайте, это надежнее.

Русские — отличные актеры; они умеют играть и без сцены.

Все путешественники обвиняют их в непостоянстве; упрек этот более чем основателен: стоит русским проститься с вами, и они тотчас же вычеркивают вас из сердца; я объясню этот изъян не только их легкомыслием и ветреностью, но и недостатком образованности. Русские предпочитают поскорее распрощать-

ся с иностранным гостем, потому что опасаются сколько-нибудь продолжительного существования бок о бок с ним: оттого-то их пылакое увлечение приезжими так стремительно оборачивается безразличием. Это мнимое непостоянство лишь предосторожность, продиктованная верно понятыми интересами тщеславия и достаточно распространенная среди великосветских особ во всем мире. Тщательнее всего скрывают люди не порок, а пустоту; человек стыдится не своей развращенности, а своей ничтожности; следуя этому правилу, русские вельможи охотно выставляют напоказ те свойства ума и характера, которые пленяют с первого взгляда и позволяют в течение нескольких часов поддерживать увлекательную беседу; однако попытайтесь заглянуть за поразившие вас декорации — и гостеприимные хозяева преградят вам путь как нескромному соглядатаю, дерзнувшему приоткрыть дверь в спальню, изящно отделанную только снаружи. Принимают нас русские из любопытства, а отталкивают из осторожности.

Так поступают и мужчины, и женщины, и в дружбе, и в любви. Изображая одного русского человека, вы изображаете всю нацию; так, по одному солдату под ружьем можно составить представление обо всем полку. Нигде единообразия в управлении государством и образовании юношества не ощущается так сильно, как здесь. В этой стране все умы затянuty в одинаковый мундир. О! как, должно быть, тяжело существовать юному, чувствительному и простодушному жить среди этого народа, чье сердце холодно, а ум изощрен природой и обществом! Стоит мне вообразить, что происходит, когда сентиментальные немцы, доверчивые и взбалмошные французы, постоянные в своих привязанностях испанцы, страстные англичане, непринужденные и добродушные, как в доброе старое время, итальянцы сталкиваются с природным кокетством русских, как меня охватывает жалость к этим незадачливым чужестранцам, способным хоть на мгновение поверить, что им по плечу роли в здешнем спектакле. В сердечных делах русские — нежнейшие из хищников, их тщательно спрятанные когти, увы, ничуть не уменьшают их привлекательности.

Кроме России действие подобных чар мне случилось испытать, пожалуй, только в Польше — еще одно проявление связи русского и польского народов! Какие бы гражданские распри ни разделяли русских и поляков, природа объединяет эти две нации против их воли. Не будь одна из них вынуждена из политических соображений угнетать другую, они прониклись бы взаимной любовью и признательностью.

Поляки — русские, исполненные рыцарственного духа и исповедующие католическую веру, с той лишь разницей, что в Польше живут, а точнее сказать, командуют женщины, а в России — мужчины.

Однако эти же самые люди, столь любезные, столь одаренные и очаровательные, иногда вовлекаются в такие заблуждения, каких избегнули бы люди самые заурядные.

Вы и представить себе не можете, какую жизнь ведут иные московские юноши, выходцы из знатных семейств, известных всей Европе. Они предаются возмутительным бесчинствам; без устали вкушают они удовольствия, достойные то ли константинопольского сераля, то ли парижского рынка.

До конца дней они ведут жизнь, какую трудно выдержать в течение полугода, выказывая постоянство, которое было бы угодно небу, покойся оно на добродетели. Они словно нарочно созданы для прижизненного ада — так называю я существование многоопытного московского распутника.

В физическом отношении климат, в нравственном — правительство истребляют в этих краях всех слабых и немощных; все, кто не отличается ни могучим телосложением, ни тупым умом, гибнут; выживают лишь скоты либо сильные натуры, умеющие творить и добро и зло. Россия дает жизнь бешеным страстям либо беспомощным характерам, мятежникам либо автоматам, заговорщикам либо тупицам; промежуточные стадии между тиграном и рабом, безумцем и скотом русским неведомы; о золотой середине не может быть и речи: она негодна природе; избыток холода, как и избыток тепла, толкает людей на крайности. Я не хочу сказать, что сильные души встречаются в России реже, чем в других странах; напротив, здесь они более заметны, ибо выделя-

ются на фоне вялой толпы. Далеко не все честолюбивые помыслы русских подкреплены соответствующими способностями: страсть к преувеличениям — признак слабости.

Впрочем, несмотря на контрасты, которые я только что обрисовал, в одном отношении все русские похожи: все они легкомысленны, все живут сегодняшними интересами, забывая наутро о планах, родившихся накануне вечером. Можно сказать, что сердце их — царство случая; с обезоруживающей легкостью они соглашаются на любое дело и так же легко от этого дела отказываются. Они — отражения, они грезят и навевают грезы, они не земные существа, а призраки; они живут и умирают, не успев заметить, что жизнь — серьезная штука. Ни добро, ни зло для них не имеют большого веса; они умеют плакать, но не умеют чувствовать себя несчастными. Дворцы, горы, великаны, сиффы, страсти, уединение, блестящая толпа, высшее блаженство, безмерное горе: побеседуйте с ними четверть часа, и перед вами промелькнет целая Вселенная. Их быстрый и пренебрежительный взгляд хладнокровно обегает творения человеческого ума, чей возраст исчисляется столетиями; они думают, что, все презирая, над всем возвысятся; их похвалы суть оскорбления; они превозносятся, тоскуя от зависти, они простираются ниц перед теми, кого почитают модными кумирами, скрепя сердце. При первом же порыве ветра картина преобразается — до следующей перемены погоды. Прах и дым, хаос и бездна — вот все, что могут произвести на свет эти непостоянные умы.

Ничто не может укорениться в столь зыбкой почве. Здесь все различия стираются, все способности уравниваются: туманный мир, в котором русские существуют сами и предоставляют существовать нам, появляется и исчезает по мановению руки этих бедных уродцев. С другой стороны, в столь изменчивой атмосфере ничто не прекращается навсегда; дружба или любовь, которые мы считали безвозвратно потерянными, оживают от одного взгляда, одного слова в то самое мгновение, когда мы меньше всего этого ожидаем, с тем, Впрочем, чтобы снова пропасть, лишь только мы уверуем в их прочность. Русские — колдуны: под действием их волшебной палочки жизнь превращает-

ся в непрерывную фантазмагорию; игра эта утомительная, но разоряются в ней лишь растяпы, ибо там, где все плутуют, никто не остается в проигрыше: одним словом, если употребить поэтическое выражение Шекспира⁴⁰, чьи широкие мазки помогают постичь самую суть природы, русские лживы, как вода.

Все это объясняет мне, отчего по сей день русские, кажется, обречены Провидением повиноваться деспотической власти: монархи угнетают их столько же по привычке, сколько из сострадания.

[...] В других краях цивилизация возвышает души, здесь — развращает. Русские были бы нравственнее, оставайся они более дикими; просвещать рабов — значит подрывать устой общества. Дабы приобщиться к культуре, человеку потребен некоторый запас добродетели.

Стараниями своего правительства русский народ сделался молчалив и плутоват, хотя от природы он мягок, весел, послушен, миролюбив и красив; все это, конечно, замечательные свойства, однако без чистосердечия цена им невелика. Монгольская алчность этого племени и его неискоренимая подозрительность выказывают себя как в самых пустяковых, так и в самых значительных жизненных обстоятельствах. В латинских странах обещание почитается вещью священной, а слово — залогом, которым доверяют в равной мере и тот, кто дает обещание, и тот, кому его дают. У греков же и их учеников — русских слово не что иное, как воровская отмычка, служащая для того, чтобы проникнуть в чужое жилище.

По любому поводу креститься на образа прямо на улице, а также садясь за стол и вставая из-за стола (как поступают здесь даже великосветские господа) — вот и все, чему учит греческая религия; остальное отгадать нетрудно.

Неумеренность (я говорю не только о простолюдинах, многие из которых — горькие пьяницы) доходит здесь до таких пределов, что один московский весельчак, душа общества, ежегодно пропадает из города месяца на полтора, не более и не менее; если же вы поинтересуетесь, что с ним случилось, то получите исчерпывающий ответ: «Он запил!..»

[...] В России всякий бунт кажется законным, даже бунт против разума, против Бога! Ничто из того, что служит угнетателям, не считается здесь достойным почтения, даже то, что во всех других странах именуют святым. Там, где порядок лежит в основе угнетения, люди идут на гибель ради беспорядка; там все, что ведет к мятежу, принимается за самоотверженность. Ловлас и Дон Жуан предстают в такой стране освободителями исключительно оттого, что преступают закон: когда правосудие не пользуется уважением, в почете оказывается злодейство!.. Вся вина в этом случае возлагается на судей! Злоупотребления правительства так велики, что всякое повиновение ему встречается в штыки, в презрении к добронравию здесь признаются точно таким тоном, каким в любом другом месте сказали бы: «Я ненавижу деспотизм!»

[...] Абсолютная власть — чудовище, всегда готовое произвести на свет чудовище еще более страшное — тиранию народа.

Впрочем, говоря откровенно, демократическая анархия недолговечна, тогда как порядок, устанавливаемый самодержавной властью со всеми ее злоупотреблениями, длится из века в век, порождая свою мнимую благотворностью моральную анархию — худшее из зол, и материальную покорность — опаснейшее из благ: гражданский строй, скрывающий подобный нравственный беспорядок, — строй лживый.

Военная дисциплина в управлении государством также является могущественным средством угнетения; именно на ней, а не на мнимом равенстве, зиждется неограниченная власть русского монарха. Однако не оборачивается ли нередко эта страшная сила против того, кто пускает ее в ход? Вот две опасности, грозящие России постоянно: народная анархия, доведенная до крайних степеней, — в том случае, если нация поднимет бунт; в противном же случае — укрепление тиранической власти, угнетающей эту нацию более или менее жестоко, в зависимости от времени и места.

Дабы правильно оценить политическое положение России, следует помнить, что месть ее жителей будет особенно страш-

ной по причине их невежества и многотерпеливости, которой рано или поздно может наступить конец. Правительство, которое ничего не стыдится, ибо притворяется, что ни о чем не веда-ет, и черпает силу в этом мнимом неведении, не столько прочно, сколько жутко: страдания нации, отупение армии, ужас власть имущих, особенно тех из них, кто сами наводят наибольший страх, раболепство церкви, лицемерие знати, невежество и нищета простолюдинов, угроза ссылки, нависшая над всеми без исключения, — вот страна, какой создали ее нужда, история, природа и Провидение, чьи пути испокон веков неисповедимы...

И с этими-то хилыми средствами великан, едва покинувший свою древнюю азиатскую колыбель, желает нынче нарушить равновесие европейской политики!..

В каком ослеплении государство, чьи нравы годны самое большее для того, чтобы цивилизовать бухарцев и киргизов, осмеливается притязать на руководство миром? Вскоре Россия возжаждет не только уравниваться в правах с прочими нациями, но и вознестись превыше их. Ни во что не ставя успехи, достигнутые европейской дипломатией за последние тридцать лет, она пожелает, она уже желает предводительствовать в западных собраниях. В Европе дипломатия положила себе за правило быть искренней, русские же уважают искренность лишь в поведении других и считают ее полезной лишь для того, кто сам ею не пользуется.

В Петербурге солгать — значит исполнить свой гражданский долг, а сказать правду, даже касательно предметов на первый взгляд совершенно невинных, — значит сделаться заговорщиком. Разгласив, что у императора насморк, вы попадете в немилость, а друзья вместо того, чтобы вас пожалеть, станут говорить: «Надо признаться, он был страшно неосторожен»^{*41}.

* Именно такая судьба постигла в нынешнем году князя Долгорукова, автора невинной брошюры «Заметка о главных родах России». В брошюре этой сочинитель, за которого заступилась «Журналь де Деба», дерзнул предать печати то, что известно всему свету, а именно что род Романовых уступает в знатности роду Долгоруковых, что избрание Романовых на российский престол в начале XVII века не вполне законно, ибо его оспаривали Трубецкие, избранные первыми, и многие другие боярские семейства. Романов был признан царем лишь

Ложь — это покой, порядок; законопослушный подданный — наилучший из патриотов!.. Россия — больной, которого лечат ядом.

Понятно, что Европа, созревшая в трехсотлетних более или менее свободных спорах и омоложенная полувековой эпохой революций, должна дать решительный отпор тайному натиску поддальной державы. Вы знаете, как исполняет она этот долг!

Но, спрошу я себя еще раз, что же могло побудить столь скверно вооруженного колосса явиться на поле битвы без доспехов, ринуться в бой за идеи, его не волнующие, за интересы, для него по сей день не существующие (ибо промышленность в России еще не родилась).

Побуждает его исключительно прихоть самодержцев и мелкое тщеславие иных вельмож-путешественников. И вот юный народ в союзе с дряхлым правительством очертя голову бросается в схватку, не пугаясь препятствий, которые останавливают современные общества, с жалостью вспоминаящие о тех временах, когда люди вели войны сугубо политические. Злосчастные выскочки, жертвы собственного тщеславия! — вы пребывали в безопасности, но сами без всякой нужды обрекли себя на муки.

в обмен на некоторые либеральные перемены в устройстве государства. Весь мир свидетель тому, до чего эти послабления, отмененные вскоре Петром I, довели Россию. И за подобное преступление в наши дни знатный дворянин может быть сослан в Сибирь, в Вятку! Пока он еще не приговорен к ссылке, император лишь посоветовал (см. «Франкфуртскую газету» и «Аугсбургскую газету») ему отправиться туда (франкоязычная газета «Journal de Francfort», отчасти субсидируемая русским правительством, писала 5 мая 1843 г.: «Берлин, 26 апреля. Русские, посещающие нашу столицу, мало рассказывают о том, что происходит в их стране, ибо у них есть все основания действовать осторожно и осмотрительно. Тем не менее нередко они помогают нам исправлять ложные слухи, которые иные люди охотно распространяют о России за границей и в особенности во Франции. Так, русские уверяют, что неверно, будто князя Долгорукий и Мирский, только что возвратившиеся из Парижа в Петербург, обречены на опалу. Всем русским помещикам, пробывшим некоторое время в чужих краях, приходится рано или поздно возвращаться в Россию. Если русское правительство старается помешать богатым помещикам заживаться в Европе, то причиной тому исключительно соображения финансовые»). Столь патриархальный способ изгнания возможен лишь при отеческой самодержавной власти, царящей в России.

Как ужасны последствия политического тщеславия, обуявшего горстку людей!.. Эта страна, жертва честолюбия, сущность которого едва внятна ей самой, страна бурлящая, кровоточащая, обливающаяся слезами, желает внушить соседям, что в ее пределах царит совершенный покой, и тем умножить свое могущество; как бы она ни была изранена, она прячет свои язвы!.. И какие язвы? Обличающие, что тело больного изъедено страшной раковой опухолью! Правительство, обремененное народом, который либо изнемогает под гнетом, либо бунтует против любой узды, не дрогнув, выступает против врагов, в которых само же и возбуждает ненависть безо всяких к тому оснований, оно выходит на бой со спокойным и гордым челом, оно настаивает, грозит или, по крайней мере, намекает на свою грозность... оно ломает эту политическую комедию, а тем временем сердце его гложет червь⁴².

О! как жаль мне голову, управляющую движениями столь тяжело больного тела и зависящую от этих движений!.. Какую роль ей приходится играть! Ее удел — защищать с помощью бесконечных обманов славу, жидущуюся на выдумках или в лучшем случае на надеждах! Как подумаешь, что ценою куда меньших усилий можно было бы воспитать истинно великий народ, истинно великих людей, подлинных героев, сердце заливают жалость к несчастному предмету страхов и зависти всего мира — императору России, как бы его ни звали — Павел, Петр, Александр или Николай!

Больше того, жалость моя простирается на всю нацию в целом; я страшусь, как бы это общество, ослепленное безрассудной гордыней его вождей, не упилося допьяна цивилизацией еще прежде, чем стать цивилизованным; с народом дело обстоит так же, как и с отдельным человеком: чтобы снять урожай, гению надобно прежде вспахать землю; чтобы достойно снести бремя славы, ему следует начать с глубоких уединенных исследований.

Подлинное могущество, могущество благодетельное, не нуждается в хитростях. Отчего же вы хитрите без усталости? Оттого, что в жилах ваших течет яд, который вы даже не удосуживаетесь скрывать от окружающих. Сколько уловок, сколько не-

ловких обманов, сколько покровов, на поверку оказывающихся прозрачными, приходится вам пускать в ход, чтобы утаить хотя бы часть ваших целей и оставить за собою незаконно присвоенную роль! Вы намерены вершить судьбами Европы?! Мыслимое ли это дело? Еще недавно вы были ордой, скованной страхом, еще недавно повиновались приказам дикарей, едва выучившихся учтивым речам, а нынче вы вознамерились отстаивать цивилизацию от народов сверхцивилизованных! О! эту задачу решать опасно; она выше человеческих сил. Отыскивая корень зла, понимаешь, что все названные заблуждения — не что иное, как неизбежный плод фальшивой цивилизации, которую полтора столетия назад принялся насаждать Петр I. Россия дольше будет ощущать последствия гордыни этого человека, нежели восхищаться его славой; мне он кажется личностью скорее обыкновенной, чем героической, и многие из здравомыслящих русских разделяют это мнение, хотя и не решаются высказать его вслух.

Если бы российские государи, вместо того чтобы, подобно Петру I, забавы ради одевать медведей обезьянами или, подобно Екатерине II, заниматься философией, постигли, что приобщать русский народ к цивилизации следует исподволь, медленно развивая те великолепные задатки, которые Господь вложил в сердца здешних жителей, последних выходцев из Азии, — если бы они постигли это, тогда, не так сильно поражая Европу, они зато завоевали бы славу долговечную, всемирную, тогда сегодня на наших глазах русский народ продолжал бы исполнять свое предназначение, одерживая верх над древними азиатскими правительствами. Даже европейская часть Турции испытала бы на себе влияние России, а другие державы не смогли бы жаловаться на рост этого подлинно благодетельного влияния, — напротив, ныне Россия сильна лишь постольку, поскольку мы признаем за ней силу, иначе говоря, она имеет вид выскочки, стремящегося, худо ли, хорошо ли, вычеркнуть из памяти окружающих свое происхождение и состояние и убедить всех в своем мнимом могуществе. Власть над народами более дикими и рабскими, нежели она сама, принадлежит России по праву; эта власть — ее удел, она, простите мне это выражение, начертана в книге ее будуще-

го; что же до влияния России на народы более просвещенные, оно весьма сомнительно.

Впрочем, нынче эта нация *выбилась из колеи*^{*43} на великой дороге цивилизации, и никто не в силах ей помочь.

Письмо тридцать первое

[...] Презрение ко всему, чего не знаешь, — это, по-моему, преобладающая черта в характере русских. Вместо того чтобы попытаться понять непонятное, они норовят его высмеять. Если однажды им удастся в чем-то проявить свой настоящий талант, то окажется, к удивлению света, что это талант карикатуры. Изучая образ мышления русских и разъезжая по России, последнюю из всех государств вписавшей свое имя в великую книгу европейской истории, я убеждаюсь, что вздорные причуды выскочек способны овладеть множеством людей и сделаться достоянием целого народа.

[...] Самое обыкновенное состояние духа в этой стране — печаль, скрытая под иронией; особенно в салонах, ибо там более чем где-либо приходится таить свою грусть; отсюда саркастично-язвительный тон, ради которого насилюют себя и говорящие, и слушающие. Простонародье топит свою тоску в молчаливом пьянстве, а знать — в пьянстве шумливом. Так один и тот же порок принимает разные формы у раба и господина. У господ есть еще и другое средство от тоски — честолюбие, опьянение духа. Вообще же в народе этом, во всех его классах, царит некая врожденная грация, природная утонченность: изначальное преимущество, которого не отняли у него ни варварство, ни цивилизация, даже та, в которую он рядится.

Однако же следует признать, что ему недостает другого, более существенного качества — способности любить. Способность эта менее всего господствует в его сердце; оттого в повседневных, мелких делах русским совершенно чуждо добродушие, а в делах крупных — добросовестность; изящный эгоизм, вежливое безразличие — вот что обнаруживается в них при

* См.: Рабле, книга III, глава 3.

ближайшем рассмотрении. Такое бессердечие составляет здесь принадлежность всех классов общества и проявляется в различных формах в зависимости от положения наблюдаемого человека; суть же повсюду одна. Столь редкие среди русских чуткость и участливость преобладают у немцев, которые называют их *Gemüth*. Мы назвали бы это сочувственностью, сердечностью, если б имели надобность определить то, что и у нас самих немногим более распространено, чем у русских. Зато тонкую и простодушную французскую шутовскую шутливость заменяют здесь враждебная наблюдательность, лукавая приметливость, завистливая колкость, наконец, унылая язвительность, которая кажется мне куда опасней нашего смешливого легкомыслия. В здешних краях суровый климат, принуждающий человека к постоянной борьбе, непреклонное правительство и привычка к шпионству делают характер людей желчным, недоверчиво-самолюбивым. Здесь вечно кого-то или чего-то опасаются; и, что хуже всего, опасливость такая небезосновательна; прямо в ней не сознаются, но и скрыть ее не скроешь, особенно от наблюдателя мало-мальски внимательного и привыкшего, как я, сопоставлять разные народы между собой.

[...] Нередко случается, что я с содроганием сердца усаживаюсь на диван даже в частном доме.

В Петербурге и Москве видел я несколько общественных бань; моются в них по-разному; некоторые заходят в камеру, прогретую до совершенно нестерпимого, на мой взгляд, жара; в ней просто задыхаешься от прохватывающего пара; в других помещениях голые люди моют с мылом других голых, лежащих на раскаленных полках; у людей изысканных, как и повсюду, есть дома ванны; но все же в заведения эти стекается столько народу, столько насекомых питается постоянно поддерживаемым там влажным паром, столько гадов ютится среди снимаемой одежды, что редко случается оттуда уйти, не унеся на себе некое непроверяемое доказательство безобразной нечистоплотности русского народа. Одно лишь это воспоминание и вызванная им постоянная опаска заставляют меня сурово судить о всей стране в целом.

[...] Различия между людьми в этой стране столь резки, что кажется, будто крестьянин и помещик не выросли на одной и той же земле. У крепостного свое отечество, у барина — свое. Государство здесь внутренне расколото, и единство его лишь внешнее; знать по образованности своей словно предназначена жить в иных краях; а крестьянин невежествен и дик, будто покорствует таким же господам, как он сам.

Изъян русского образа правления видится мне не в чрезмерном аристократизме, а скорее в отсутствии признанной аристократии, права которой точно определялись бы конституцией. Мне всегда представлялось, что политически узаконенная аристократия благотворна, тогда как аристократия, зиждущаяся на одних лишь химерах да несправедливых привилегиях, вредноносна, поскольку права ее неопределенны и дурно упорядочены. Действительно, русские помещики — полновластные, даже слишком полновластные господа у себя в имениях; отсюда проистекают произвол и насилие, боязливо и лицемерно прикрываемые человеколюбивыми фразами, чей слащавый тон обманывает путешественников, а нередко и самих правителей страны. Но, по правде сказать, хотя эти люди и всевластны в своих поместьях, далеких от средоточия политических дел, в государстве они никто; у себя дома они творят всяческие бесчинства и ни в грош не ставят императора, подкупая или же запугивая исполняющих его волю второстепенных чиновников; однако же страну правят вовсе не они; всемогущие в мелких злодействах, творимых тайно от верховной власти, они бессильны и безвластны в общем руководстве государством. В России даже носитель самой громкой фамилии не представляет собою ничего, кроме себя самого, не пользуется никаким почетом помимо своих личных заслуг, о которых судит исключительно император, и, каким бы знатным вельможей он ни был, власть он имеет лишь ту, что сам себе незаконно присвоит в своих поместьях. Зато он обладает влиянием, и оно может стать огромным, если он умеет им ловко пользоваться, продвигаясь в чинах при дворе и благодаря двору^{*44}; угодничество — промысел не хуже других. Но любой промысел, а этот

* Смотри письмо девятнадцатое.

в особенности, доставляет лишь шаткое благополучие; в жизни царедворца нет места высоким чувствам, духовной независимости, истинно человеколюбивым и патриотическим воззрениям и великим политическим замыслам — они всецело принадлежат такому аристократическому классу, который законно утверждён в рамках государства, призванного простираť вширь свое господство и обеспечивать себе долгую жизнь. С другой стороны, нет места в ней и справедливой гордости человека, составившего себе богатство собственным трудом; итак, в ней соединяются недостатки демократии и деспотизма и отсутствует все, что есть доброго в этих двух общественных устройствах.

Здесь имеется особый класс людей, соответствующий нашей буржуазии, но не имеющий ее твердого характера — следствия независимости и ее опытности — следствия свободы мысли и образованности ума; это класс низших чиновников, как бы второе дворянство. По взглядам своим эти люди большею частью сторонники нововведений, тогда как по поступкам они самые жестокие деспоты в этом деспотическом государстве; выходцы из народных училищ, вступившие в статскую службу, они правят империей вопреки императору. Каждый из этих людей — чаще всего сын иностранца — получает дворянство вместе с крестом в петлицу, причем награды может присваивать не только император; обретя сей магический знак, они делаются землевладельцами, получают в собственность имения и крестьян; и новоиспеченные эти помещики, добившись власти, но не унаследовав от отцов привычку распоряжаться, а с нею и хозяйское великодушие, употребляют власть как истые выскочки. Они притязают просвещать народ, а сами тем временем лишь смешат старых и малых; их чудачества стали притчей во языцех; все, кто имеет дело с этими полудворянами, которых должность и положение возвели в чин, доставляющий земельную собственность, платят им за спесивое обращение злыми остротами. Свои феодальные права люди эти осуществляют с такою суровостью, что вызывают к себе ненависть злосчастных крестьян. Диковинное дело! В здешнем обществе деспотическое правление оказывается нестерпимо благодаря либеральному, подвижному началу, вне-

сенному в его устройство! «Будь у нас одни старые помещики, нам бы не на что было жаловаться», — говорят крестьяне. Эти новые люди, столь ненавистные своим немногочисленным крепостным, властвуют и над самою верховною властью, ибо во множестве случаев они навязывают императору свою волю; именно они подготавливают в России революцию сразу двумя путями — прямым, через свои воззрения, и косвенным, через ту ненависть и презрение, что возбуждают они в народе к аристократии (ведь до нее могут возвыситься подобные люди!) и к крепостному праву, окончательно утвердившемуся в России в то самое время, когда в старой Европе феодальный строй уже начал разрушаться. Что за сочетание двух зол — здесь командуют подчиненные, здесь под самодержавною тиранией кроется тирания республиканская!..

Таких-то врагов добровольно сотворили себе российские императоры, не доверяя старинной знати; а ведь аристократия признанная, исстари укорененная в стране, чьи нравы и обычаи смягчились благодаря общественному прогрессу, — разве не была бы она лучшим орудием просвещения, чем лицемерно-послушная и все разлагающая армия приказчиков, в большинстве своем иностранцев по происхождению, в глубине души сплошь более или менее проникнутых революционными идеями и в тайных своих мыслях столь же дерзких, сколь подобострастны они в словах и повадках?

Из своих канцелярий эти незаметные тираны, эти деспотичные пигмеи безнаказанно угнетают страну, даже императора, стесняя его в действиях; тот хоть и понимает, что не столь всемогущ, как о нем говорят, но, к удивлению своему (которое желал бы сам от себя скрыть), порой не вполне знает, насколько ограничена его власть. Болезненно ощущая этот предел, он даже не осмеливается сетовать, а ставит ему этот предел бюрократия, страшная всюду, ибо злоупотребление ею именуют любовью к порядку, но в России более страшная, чем где-либо. Видя, как тирания чиновников подменяет собою деспотизм императора, содрогаешься от страха за эту страну, где, ничем не уравновешен-

ная, утвердилась та система правления, что распространилась в Европе при Французской империи.

В России отсутствовали и демократические нравы — плод социальных и юридических перемен, свершившихся во Франции, — и пресса, плод и вместе зачаток политической свободы, которую она поддерживает, сама же ею порожденная. Российские императоры, равно заблуждаясь и в доверии своем, и в недоверчивости, видели в знати лишь соперников себе, а в тех, кого ставили своими министрами, желали иметь лишь рабов; итак, в двояком своем ослеплении, они безбоязненно предоставили высшим чиновникам и их подчиненным полную свободу опутывать сетями беззащитную страну. Отсюда возник рой мелких служак, которые норовят править страной согласно чуждым ей понятиям, не способным удовлетворить ее действительные нужды. Этот чиновничий класс, в глубине души враждебный тому строю, которому он служит, пополняется по большей части поповичами*, пошлыми честолюбцами, бездарными выскочками — ведь, чтоб заставить государство заняться собою, им не требуется заслуг; они сближаются с людьми всякого звания, но своего звания не имеют; в душе разделяют все предрассудки простонародья и все предубеждения знати, не обладая ни энергией первых, ни мудростью вторых; словом, сыновья священников в России — это революционеры, по должности своей обязанные поддерживать существующий строй.

Как вам понятно, такие чиновники становятся бедствием для страны.

Полуобразованные, соединяющие либерализм честолюбцев с деспотичностью рабов, напичканные дурно согласованными между собою философскими идеями, совершенно неприменимыми в стране, которую называют они своим отечеством (все свои чувства и свою полупросвещенность они взяли на стороне), — люди эти подталкивают Россию к цели, которой они, быть может, и сами не ведают, которая неизвестна императору и к которой вовсе не должны стремиться истинные русские, истинные друзья человечества.

* Сыновьями православных священников.

Говорят, что их многолетний заговор восходит ко временам Наполеона. Этот политик предчувствовал, сколь опасным может быть могущество России; и вот, желая ослабить противника мятежной Европы, он сперва прибегнул к силе идей. Воспользовавшись дружескими отношениями с императором Александром и природною расположенностью сего государя к либеральным установлениям, он заслал в Петербург якобы для помощи в осуществлении замыслов императора множество политических агентов — целую переодетую армию, призванную тайно проложить путь нашим солдатам⁴⁵. Эти ловкие проныры должны были проникнуть в правительство и, прежде всего овладев народным образованием, внушать молодежи учения, противные политическим верованиям страны. Так великий наш полководец, наследник Французской революции и враг свободы на всем свете, издавдал забрасывал сюда семена смуты, видя в единстве деспотического строя грозную опору военного правления, образующего мощь Российской державы. С тех пор и начали создаваться тайные общества, которые после походов во Францию и участвовавших сношений русских с Европою настолько широко охватили Россию, что их незримую власть многие рассматривают как причину неотвратимой революции.

Ныне Российская империя пожинает плоды неторопливой и глубоко продуманной политики своего противника — казалось бы, он повержен, но его макиавеллическая хитрость не исчезла и по его смерти, пережив неслыханные в истории войн поражения.

Революционные идеи, вызревающие во многих семействах и даже в полках русской армии, в немалой мере объясняются именно невидимым влиянием этих разведчиков нашей армии, а также их детей и учеников; прорываясь наружу, такие идеи порождали мятежи, которые до сих пор, как мы видели, разбивались, сталкиваясь с силою правительства. Быть может, я и ошибаюсь, но мне думается, что нынешний император сумеет одолеть эти идеи, покарав или же выслав всех до последнего людей, которые их отстаивали.

Письмо тридцать четвертое

[...] Политическое состояние России можно кратко определить так: это страна, где правительство говорит все что пожелает, потому что только оно и вправе говорить ...

[...] Чтобы жить в России, мало скрытности, требуется еще и притворство. Таиться полезно, лицемерить же необходимо; словом, предоставляю вам самому догадываться и судить о том, какие усилия вынуждены делать над собою благородные души и независимые умы, чтобы свыкнуться с таким правлением, где за покой и порядок платят унижением человеческого слова — этой священнейшей из способностей, дарованных небом человеку... В обычном обществе простой народ толкает вперед всю нацию, а правительство его осаживает; здесь же правительство погоняет, а народ его сдерживает⁴⁶, ибо для поддержания политического механизма где-то обязательно должен присутствовать дух консерватизма. До сих пор в одной лишь России видел я пример столь странного политического явления, как указанная перемена понятий. При самодержавном деспотизме революционным оказывается правительство, потому что «революция» означает произвольное правление и насильственную власть^{*47}.

Письмо тридцать пятое

[...] Народ в этой стране питает неприязнь ко всему нерусскому. Мне не раз говорили, что в один прекрасный день он перережет всех безбородых от края до края империи: русские опознают друг друга по бороде.

В глазах крестьян если русский бреет себе подбородок, то он изменник, продавшийся иноземцам, и сам достоин разделить их участь. Как же, однако, наказать устроителей такой «московской вечерни»?⁴⁸ Ведь всю Россию в Сибирь не сошлешь. Можно выселить обитателей одной деревни, но невозможно отправить в ссылку целую губернию. Кстати, по отно-

* Смотри в конце этого письма указ о денежной системе, взятый из «Journal de Pétersbourg» за 23 июля 1839 года.

шению к крестьянам такого рода наказание бьет мимо цели. Для русского родина — всюду, где долго тянутся зимы; снег везде выглядит одинаково — как белый саван, укутывающий землю, будь он в толщину шести дюймов или шести футов; оттого русский чувствует себя как дома, куда бы его ни сослали, лишь бы ему дали там построить себе сани и избу. В пустынях Севера создать себе новую родину стоит недорого. Для человека, не видавшего в жизни ничего, кроме мерзлых равнин, поросших более или менее чахлыми хвойными деревьями, всякая холодная и пустынная страна кажется родною. К тому же обитатели здешних широт и по нравам своим — кочевники, они от природы склонны к перемене мест.

[...] В России есть порядок; одному Богу ведомо, когда в ней появится цивилизация.

Государь, нисколько не полагаясь на силу убеждения, берется за все дела самолично, выставляя в качестве предлога необходимость сильной центральной власти в такой необъятной империи, как Россия; пожалуй, подобное устройство составляет закономерное дополнение к принципу слепого повиновения; иное, сознательное подчинение опровергло бы ложную идею всеобщей упрощенности, которая уже более века преобладает в умах преемников царя Петра и даже в умах их подданных. Когда все столь безмерно упрощается, то это не могущество, а смерть. Самодержавная власть, имея дело с условными подобиями людей, сама перестает быть реальною и превращается в призрак.

Письмо тридцать шестое г-ну ***

[...] В русских есть изящество, а значит, должен быть и какой-то особый род естественности, которого я, впрочем, не сумел разглядеть; возможно, он вообще неуловим для чужеземца, проехавшегося по России столь быстро, как я. Ни один народ не имеет столь трудноопределимого характера, как этот.

У русских не было средневековья, у них нет памяти о древности, нет католицизма, рыцарского прошлого, уважения к свое-

му слову*⁴⁹; они доныне остаются византийскими греками — по-китайски церемонно вежливыми, по-калмыцки грубыми или, по крайней мере, нечуткими, по-лапонски грязными, ангельски красивыми и дико невежественными (исключая женщин и кое-кого из дипломатов), по-жидовски хитрыми, по-холопски пронырливыми, по-восточному покойными и важными в манерах своих, по-варварски жестокими в своих чувствах; они презрительно насмешливы от безысходности, побуждаемые к язвительности вместе и природою, и ощущением собственной приниженности; они легкомысленны, но лишь на внешний вид — по сути своей русские расположены к серьезным делам; все они довольно умны, чтоб развить в себе необыкновенно тонкий житейский такт, но ни у кого недостает великодушия, чтобы подняться выше хитрости; они внушили мне отвращение к этой способности, без которой у них не проживешь. Следящие за каждым своим шагом, они кажутся мне самыми жалкими людьми на свете.

В сердце русского народа кипит сильная, необузданная страсть к завоеваниям — одна из тех страстей, что вырастают лишь в душе угнетенных и питаются лишь всенародною бедой. Нация эта, захватническая от природы, алчная от перенесенных лишений, унижительным покорством у себя дома заранее искупает свою мечту о тиранической власти над другими народами; ожидание славы и богатств отвлекает ее от переживаемого ею бесчестья; коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной вольности.

Россия видит в Европе свою добычу, которая рано или поздно ей достанется вследствие наших раздоров; она разжигает у нас анархию, надеясь воспользоваться разложением, которому сама же способствовала⁴⁹, так как оно отвечает ее замыслам; сделанное с Польшей затевают вновь, в большем размере. Париж уже не первый год читает возмутительные газеты — возмутительные во всех смыслах, — оплачиваемые Россией⁵⁰. «Европа идет тою же

* Несмотря на все сказанное выше, нелишне, быть может, пояснить, что это относится лишь к народным массам, которым в России введена только власть страха и силы.

дорогой, что и Польша, — говорят в Петербурге, — напрасным либерализмом она сама себя ослабляет, тогда как мы остаемся могущественны потому именно, что не свободны; потерпим же под ярмом, за свой позор мы отыграемся на других».

Невнимательному взгляду раскрытый мною здесь план может показаться химерическим; всякий же, кто посвящен в ход европейских дел и в тайны министерских кабинетов за последние двадцать лет, признает его верным. Здесь ключ ко многим загадкам, здесь простое объяснение тому, что лица, весьма серьезные по характеру своему и положению, полагают чрезвычайно важным, чтоб иностранцы видели их только с благоприятной стороны. Если бы русские были, как они утверждают, опорой порядка и законной монархии, разве стали бы они использовать людей и, хуже того, средства, ведущие к революции?

[...] Русская цивилизация еще так близка к своему истоку, что походит на варварство. Россия — не более чем сообщество завоевателей, сила ее не в мышлении, а в умении сражаться, то есть в хитрости и жестокости.

Своим последним восстанием Польша отсрочила взрыв уже заложенной мины, готовые к бою батареи остались в укрытии; ей никогда не простят этой необходимости таиться — таиться не от нее самой (ибо ее-то безнаказанно умерщвляют), но от ее друзей, которых приходится и далее дурачить, чтоб не спугнуть их человеколюбивых чувств. Соучастником такой мести, великодушной и яростной (заметьте оба этих обстоятельства), пытаются сделать и того, кто несет передовую стражу против новоявленной Римской империи, которая будет именоваться греческою, — и вот самый осмотрительный, но и самый слепой из европейских государей* начинает в угоду соседу своему и повелителю религиозную войну⁵¹ ... Подвигнутый на сей путь, он уже не скоро остановится; а коли сбили с толку его, то совратят и многих других ...

Прошу принять в рассуждение, что, если русские когда-либо добьются господства над Западом, они не станут править им,

* Писано при жизни покойного короля Пруссии, в 1839 году.

сами оставаясь дома, как монголы в старину; напротив, они поспешат покинуть свои заледенелые равнины; они не последуют примеру бывших своих повелителей — татар, вымогавших дань у славян издалека (ибо климат Московии страшил даже монголов); едва лишь перед москвитями откроются дороги в чужие края, как они толпами устремятся вон из своей страны.

Сейчас они толкуют о своей умеренности, отрещиваются от замыслов завоевания Константинополя⁵²; они-де боятся любого расширения империи, где и так уж большие расстояния стали сущим бедствием; подумать только, до чего они осмотрительны — даже опасаются жаркого климата!.. Погодите, скоро вы увидите, чем обернутся все эти опасения.

Перевод с французского под редакцией В.А. Мильчиной

Комментарии

Астольф де Кюстин

РОССИЯ В 1839 ГОДУ

Кюстин (Custine) Астольф Луи Леонор, де (1790–1857) — французский аристократ, монархист, литератор, путешественник. Родился в аристократической семье в Нидервиле в Лотарингии. Его дед и отец погибли во время якобинского террора. В 1811–1822 гг. путешествовал по Швейцарии, Англии, Шотландии, Италии, позднее — Испании. В 1814 г. в качестве помощника Талеярана участвовал в Венском конгрессе. Кюстин вращался в кругу интеллектуальной и художественной элиты, общался с Гёте, Шатобрианом, Бальзаком, Шопеном, был приглашен на службу князем Меттернихом. Описал свои путешествия по Швейцарии, Англии, Шотландии, Италии (1811–1822), Испании (1833) и России (1839).

Первое издание 36 писем, написанных Астольфом де Кюстином во время трехмесячного путешествия по России летом 1839 г., вышло в Париже в мае 1843 г. под названием «La Russie en 1839» (1–4 vol.), затем в ноябре того же года вышло второе, исправленное и дополненное издание. Третье и четвертое издания «России в 1839 году» вышли в 1846 г.; пятое — в 1854 г.; шестое — в 1855-м. Книга имела шумный успех у европейцев, ее перевели на немецкий и английский языки, неоднократно переиздавали. В России книгу Кюстина запретили, и первые отрывки из нее были опубликованы на русском языке лишь в 1891 г. Впервые текст путевых записок де Кюстина полностью переведен на русский язык, прокомментирован и издан в 1996 г. благодаря усилиям В.А. Мильчиной и ее коллег (см.: *Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр.; Под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. (Записи Прошлого)*

¹ Фрагменты писем пятого, десятого, одиннадцатого, тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого, семнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого, двадцать первого, двадцать второго, двадцать третьего, двадцать пятого, двадцать девятого, тридцать первого, тридцать четвертого, тридцать пятого, тридцать шестого печатаются по: *Кюстин Астольф де*. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Крига, 2008. С. 74–78, 131–133, 138, 147, 185–186, 197–199, 201, 203, 205, 211–213, 221, 224, 225, 253, 254, 256, 260, 274, 302, 304–306, 308, 349, 350, 362, 363, 367, 368, 377, 378, 404, 405, 407, 472, 473, 475, 478–482, 484, 485, 491, 493–496, 516, 518, 520, 528–531, 565, 567, 585, 595, 640–642, 645.

² *Князь, князь К**** — Козловский Петр Борисович (1783–1840) — русский дипломат и писатель.

³ Суждения, вложенные Кюстином в уста князя К***, звучали столь смело, что заставляли многих читателей сомневаться в их достоверности. Однако любовь к чересчур откровенным политическим разговорам отличала Козловского с юности, а жизнь в Европе в течение трех десятков лет лишь укрепила эту привычку, послужившую одной из причин его отставки в 1820 г.; «невоздержанность языка часто толкала его на нескромности, — вспоминает мемуаристка, — он высказывал убеждения, неприятные начальству, разоблачал злоупотребления, о которых лучше было бы промолчать, прославлял установления, решительно противные обычаям его отечества» (*Rzewuska R. Mémoires. Rome, 1939. Т. 2. Р. 149*).

⁴ Перечислены персонажи древней русской истории: Рюрик — легендарный начальник варяжского отряда, призванный вместе с братьями Синеусом и Трувором княжить в Новгороде, основатель династии Рюриковичей; Олег (?–912) — первый исторически достоверный князь Киевской Руси, правивший с 879 г. в Новгороде, с 882 г. в Киеве; Ольга (?–969) — княгиня, жена киевского князя Игоря, правила в малолетство своего сына Святослава и во время его походов; Владимир I (?–1015) — князь новгородский (с 969 г.) и киевский (с 980 г.), введший на Руси христианство в качестве государственной религии; Святополк (ок. 980–1019) — князь туровский (с 988 г.), киевский (1015–1019), старший сын Владимира I, убивший своих трех братьев и завладевший их уделами.

Владимир II Мономах (1053–1125) — великий князь киевский (с 1113 г.).

⁵ Романтизм толкуется здесь в духе идей г-жи де Сталь и А.В. Шлегеля — как культура европейского христианского Средневековья, противостоящая культуре Античности и Древнего Востока.

⁶ Сходство этих мыслей о России с идеями П.Я. Чаадаева заставляло некоторых исследователей усматривать в речах князя К*** отзвук чтения либо им, либо Кюстином «Философических писем» Чаадаева (см., например: *Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. Paris, 1967. Р. 188*), однако Козловский еще во второй половине 1820-х гг., независимо от Чаадаева написал «Опыт об истории России» (опубл. посмертно, см.: *Мильчина В.А., Остоват А.А. Из наследия П.Б. Козловского // Тютчевский сборник. Таллин, 1990*), где высказаны соображения, весьма близкие к тем, которые вложены в уста князя К*** Кюстином. Это лишний раз подтверждает точность воспроизведения французским писателем монологов русского собеседника.

⁷Изображение Польши как страны рыцарской галантности и европейской цивилизации, вообще традиционное для литературы, сочувственной по отношению к полякам, встречалось, в частности, в книгах, которыми Кюстин, по его собственному признанию, пользовался при работе над «Россией в 1839 году».

⁸См. *письмо четырнадцатое* — это письмо составлено Кюстином в Петербурге 22 июля 1839 г.

⁹Узбек — хан Золотой Орды в 1313–1342 гг.

¹⁰Комментарий Кюстина к изданию 1854 г.: «Примечательно, что свобода далеко не всегда является плодом усовершенствованной цивилизации; более того: чаще всего она оказывается достоянием народов полуварварских, которые еще не стали нацией, но находятся в процессе объединения. Славяне были свободны до того, как начали развиваться их общественные идеи; сегодня, пожалуй, самым свободным народом на земле являются арабы, по вине же установлений, какие приносим им мы, они потеряют в отношении независимости ровно столько же, сколько приобретут в смысле порядка. Когда говоришь о свободе, следует точно определить значение слова, иначе рискуешь сказать глупость, достойную мальчишки-школяра».

¹¹*Автократия* (от греч. *autokrátēia* — самовластие, самодержавие) — форма правления, представляющая собой неограниченное и бесконтрольное полномочие одного лица в государстве.

¹²В ходе восстания, которое началось в Польше 17 ноября 1830 г., польский сейм объявил Романовых свергнутыми с польского престола; в сентябре 1831 г. русская армия взяла Варшаву и полностью подавила восстание, а 14 февраля 1832 г. Николай I отменил конституцию, дарованную Польше в 1815 г. Александром I и обеспечивавшую ей известную автономию. После подавления восстания были ликвидированы польский сейм и отдельная польская армия, закрыты польские университеты; многие польские дворяне, замешанные в восстании, лишились своих поместий, конфискованных российскими властями, и были вынуждены эмигрировать.

¹³Симпатии Козловского к католицизму не подлежат сомнению; в 1825 г. он даже выпустил анонимно брошюру «Письмо немецкого протестанта к епископу Честерскому», где от имени мнимого протестанта с берегов Рейна пламенно отстаивал права и свободы английских католиков.

¹⁴Необходимость русско-французского союза активно обсуждалась во французской прессе при Июльской монархии. Если публицисты республиканских убеждений обличали Россию как «империю кнута», а журналисты проправительственной ориентации относились к России настороженно, то легитимисты (желавшие возвращения на трон «легитимной» старшей ветви Бурбонов и ставившие превыше всего необходимость бороться с революционной анархией), видели в России царство порядка и торжества истинных монархических идей и ради этого готовы были даже закрыть глаза на то, что российские власти преследуют своих подданных католиков (прежде всего в Польше).

¹⁵Имеются в виду французские просветители XVIII в., сторонники конституционной монархии английского образца.

¹⁶ Имеются в виду знаменитые итальянские поэты, авторы рыцарских поэм «Освобожденный Иерусалим» (1575) — Тассо (Tasso) Торквато (1544–1595) и «Неистовый Роланд» (1516) — Ариосто (Ariosto) Лудовико (1474–1533).

¹⁷ Гомер — легендарный поэт Древней Греции; Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265–1321), выдающийся итальянский поэт, мыслитель-гуманист и политический деятель, основоположник итальянского литературного языка.

¹⁸ Поэтическим образцом для Тассо стала гомеровская «Илиада» — древнегреческая эпическая поэма об Илионе (Трое), описывающая события Троянской войны и деяния великого воина Ахилла (Ахиллеса).

¹⁹ Фурьеристы — последователи социального учения Фурье (Fourier) Франсуа Мари Шарля (1772–1837), предлагавшего создать новый справедливый общественный строй путем разделения государства на территориальные товарищества (фаланстеры).

²⁰ Форма этого афоризма восходит к мысли Шамфора (1741–1794): «Французское правительство — монархия, ограниченная песенками» (*Шамфор*. Характеры и анекдоты, № 853; в подлиннике у Шамфора и Кюстина одно и то же слово — *tempérée*), а содержание — к «славной шутке госпожи де Сталь» (определение Пушкина из «Исторических заметок» 1822 г.) о «деспотических правительствах, не ограниченных ничем, кроме убийства деспота» (Десять лет в изгнании, 1821); на тот факт, что Сталь перефразировала Шамфора, впервые указал Ю.М. Лотман (см.: Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 364–365).

²¹ Вольтер (Voltaire, псевдоним; настоящие имя и фамилия Мари Франсуа Аруэ (Arouet)) (1694–1778) — знаменитый французский просветитель XVIII в.

²² Впервые эта фраза появилась в «Истории обеих Индий» Рейналя (2-е изд., 1774. Кн. 19), в написании которой принимал активное участие Дидро. Здесь ее автором был назван «один чужестранный наблюдатель, объехавший большую часть империи». Затем г-жа де Сталь в книге «Десять лет в изгнании» приписала эту фразу Дидро, оспорив, впрочем, сам ее смысл: «Многим пришлось по вкусу знаменитое словцо Дидро: «Русские сгнили, не успев созреть». Не знаю, однако, утверждения более ложного: сами пороки русских, за немногими исключениями, причину имеют не развращенность, но необузданность» (*Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании / Пер. с фр., ст., коммент. В.А. Мильчиной. М., 2003. С. 215, 445*). Дидро, однако, себя автором этой фразы не признавал (*Tourneux M. Diderot et Catherine II. Paris, 1899. P. 582*).

²³ Заграничные паспорта выдавались с разрешения императора людям благонадежным и способным объяснить цель поездки (например, для лечения), да и то если политическая ситуация была благоприятной.

²⁴ Все авторы антикюстиновских брошюр дружно опровергли этот факт (см., например, у Греча: «Должно быть, только нищие иностранцы разгуливают по нашим улицам посреди зимы в одном фраке» (*Gretch N.I. Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé "La Russie en 1839". Traduit du russe par Alexandre Kouznetzoff. Paris, 1844. P. 53*)).

²⁵ См. письма пятое и двадцать девятое — пятое письмо составлено Кюстином на борту парохода «Николай I», пересекающего Финский залив, а двадцать девятое — в августе 1839 г. в Москве.

²⁶ ...напоминает свод законов Ивана Грозного. — Имеется в виду судебник Ивана IV (1550), утвержденный первым на Руси Земским собором. «Тех, кто поднимет руку на государя, бунтовщиков, предателей, поджигателей, богохульников, убийц, разбойников, фальшивомонетчиков и главарей банд» судебник предписывал казнить, а «обыкновенных воров» — наказывать кнутом (*Schnitzler J.-H. Essai d'une statistique generatee de l'Empire de Russie. Paris, 1829. P. 274*).

²⁷ Это слова архиепископа Тарантского ... г-н Валери... — В книге Валери (настоящее имя и фамилия Антуан Клод Паскен (1789–1847)) «Итальянские достопримечательности и анекдоты» (*Valery. Curiosites et anecdotes italiennes. Paris, 1842*), 36-я глава которой посвящена тарантскому архиепископу Джузеппе Капеце-Латро (1744–1836), приведенной фразы о русских нет. Однако суждение это пользовалось популярностью и неоднократно встречается в литературе, в том числе, например, у полковника Гагерна со ссылкой на Наполеона: «Поскребите его шкуру — и вы найдете татарина» (*Гагерн Фридрих. Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 671*).

²⁸ ...в письме тридцать втором, из Москвы. — Описка Кюстина; тридцать второе письмо писано не в Москве, а по дороге в Нижний Новгород.

²⁹ ...обе турецкие кампани... явили всем слабость этого колосса... — Имеются в виду Русско-турецкие войны 1806–1812 и 1828–1829 гг. Обе войны были победоносными; скептическая оценка Кюстином их результатов основывается, по-видимому, на том, что ни одна из них не окончилась полным разгромом Турции и захватом Константинополя. В издании 1854 г. Кюстин сделал к этому месту примечание: «Что же сказать о третьей войне с турками?»

³⁰ Здесь не ведают ничего, кроме учений... — Представления о военизированном характере жизни в России порой принимали у французских авторов анекдотическую форму; ср., например: «В повседневном быту Николай действует с гибкостью и изяществом казацкого капитана. В кабинете своем он хранит маленький барабан и маленькую трубу, с помощью которых призывает своих министров. Если ему надобно призвать графа Чернышева, военного министра и генерала от инфантерии, он бьет в барабан, причем, как говорят, весьма искусно; если же ему требуется побеседовать с генералом от кавалерии Бенкендорфом, он трубит в трубу» (*Fournier M. Russie, Allemagne et France. Paris, 1844. P. 70*).

³¹ ...так называемого польского заговора... — Речь идет о тайном «Содружестве польского народа», ячейки которого были созданы Шимоном Конарским (1808–1839) на Украине, в Белоруссии и в Литве; в 1838 г. организация была раскрыта, и весной следующего года Конарского расстреляли (см. о нем: Русский архив. 1870. Кн. 1. С. 241–263).

³² ... о «подстрекательстве к бунту». — Примечание Кюстина к третьему изданию 1846 г.: «Разве в одном из опровержений на мою книгу меня не называют якобинцем?» Имеется в виду Греч, утверждавший, что кюстиновские насмешки над единением императора и народа были бы уместны в устах

бешеного якобинца, соратника Робеспьера, но звучат крайне странно в устах маркиза (*Gretch N.I. Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé "La Russie en 1839". Traduit du russe par Alexandre Kouznetzoff. P. 38–39*).

³³ ...сделают вид, словно для них и у них она и не существовала... — Примечание Кюстина к третьему изданию 1846 г.: «Император уберег меня от этой беды».

³⁴ ...тем, кто эти приказания исполняет, — терпение. — Примечание Кюстина к третьему изданию 1846 г.: «В опровержение этого пассажа были написаны книги и произнесено немало речей, но истина рано или поздно всегда торжествует».

³⁵ ...чтобы обмануть одного русского, нужны три еврея... В «Подлинных анекдотах о Петре Великом» Я. Штелина (нем. изд. 1785; фр. пер. 1787) анекдот восьмой носит название «Замысловатый отказ Петра Великого на прошение жидов, чтобы он позволил им жить в России»; Петр здесь говорит: «Я стал бы жалеть о них, если б они поселились в России, ибо хотя и думают о них, что они в торговле весь свет обманывают, однако ж я опасаясь, что они у моих россиян не много бы выторговали» (Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 332). Это речение было весьма популярно во франкоязычной литературе о России. Фабер вкладывает в уста Петра фразу: «Мне не нужны жида; в моей империи их и без того довольно; я знаю русский народ» (*Faber G.-T. Bagatelles: Promenades d'un desoeuvre dans la ville de Saint-Petersbourg. SPb., 1811. T. 2. P. 68*). Ансело пишет: «Невозможно даже вообразить, как хитер русский купец: под самой простодушной внешностью он скрывает самый изощренный ум. Петр I прекрасно знал это, и когда советники его попросили запретить жидам въезд в империю, отвечал: "Нет-нет, пусть приезжают, пусть познакомятся с моими бородачами — увидите, надолго они в России не задержатся"» (*Ancelot J. Six mois en Russie. Paris, 1827. C. 55*). Наконец, Мармье сообщает: «Петр I отвечал амстердамскому бургомистру на вопрос, отчего царь не дозволяет жидам селиться в России: "О, пусть приезжают, ежели хотят, но ручаюсь: моих русских им не перехитрит"» (*Marmier X. Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. Paris, 1843. T. 2. P. 109–110*).

³⁶ Иван IV — Иоанн IV Васильевич Грозный (1530–1584), князь московский и всея Руси (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 г.).

³⁷ Сообщаясь преимущественно со своими единоверцами... — Сведения эти, вероятно, восходят к Лекуэнту де Лаво, подробно описывающему быт московских татар. Они, пишет Лаво, «образуют в Москве особую нацию, питаются кониной, совершают омовения, посещают мечеть и держат жен взаперти [...] Живут они весьма уединенно и, можно сказать, не смешиваясь с остальным населением города» (*Laveau G. Lecoainte de. Description de Moscou... 2-me ed. Moscou, 1836. Vol. I. P. 283*).

³⁸ Русские гордятся своей терпимостью по отношению к вере их древних угнетателей... — Причины этой терпимости объясняет Барант: за мусульманством в этот момент не стояло никакой политической идеи, поэтому правительство относилось к нему, в отличие от польского католицизма, вполне лояльно и не подвергало преследованиям (*Barante P. de. Notes sur la Russie, 1835–1840. Paris, 1875. P. 220*).

³⁹ *Романовы по происхождению пруссаки...* — Скорее всего, Кюстин почерпнул эту версию из Левека, который сообщает о происхождении Романовых: «Андрей, сын Ивана и, как говорят, брат одного прусского князя, приехал в Россию в середине XIV столетия, в царствование великого князя Ивана Ивановича...» (*Levesque P.-Ch. Histoire de la Russie. Paris, 1812. Т. 6. Р. 138*).

⁴⁰ *...выражение Шекспира... лживы, как вода.* — Шекспир. *Отелло*, д. 5, явл. 2.

⁴¹ *...станут говорить: «Надо признаться, он был страшно неосторожен».* — Именно такая судьба постигла А.И. Тургенева, который в апреле 1843 г. был вызван из Москвы в Петербург по подозрению в том, что предоставил рукописные материалы для брошюры Долгорукова (см. следующее примеч.). Тургенев сумел исчерпывающе доказать свою непричастность к этому делу, и тем не менее летом 1843 г. на водах в Мариенбаде русские, включая великую княгиню Елену Павловну, сторонились его как «сообщника д'Альмагро» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 256).

...князя Долгорукова, автора невинной брошюры... — Князь Петр Владимирович Долгоруков (1817–1868) в начале февраля 1843 г. выпустил в Париже на французском языке под псевдонимом граф д'Альмагро брошюру «Заметка о главных родах в России» (объявлена в «Bibliographie de la France» 11 февраля 1843 г.), в которой, по словам видного сановника М.А. Корфа, «откровенно рассказал происхождение и домашние тайны некоторых высших наших фамилий» и которую Я.Н. Толстой расценил как «хулы и клеветы с большими шансами на правдивость» (*Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1825–1855. СПб., 1909. С. 530, 531*). Заметка в «Journal des Debats», на которую ссылается Кюстин и к которой восходит его примечание, была опубликована 28 марта 1843 г. Здесь сообщается, что «князь Д..., принадлежащий к одному из славнейших родов России и проживавший некоторое время в Париже, только что получил приказ покинуть Францию и немедленно вернуться в Москву». Причиной этого, объясняет автор заметки, явилась брошюра князя, представляющая собою не что иное, как простое перечисление титулов, которое в любой другой стране могло бы испугать лишь людей, не имеющих на свои титулы никакого права, в России же произвела большой шум, ибо здесь все зависит от воли одного человека — императора, и никакие действия высшей власти никогда не обсуждаются публично. Ссылаясь на «своего корреспондента в Петербурге», газета сообщала, что особый гнев императора вызвали два места в брошюре. Первое — «приложение к биографической справке о роде князей Трубецких, один из представителей которого так жестоко расплачивается в Сибири за попытку устроить революцию, предпринятую по смерти императора Александра». В этом «приложении» князь Д... рассказывает об избрании на царство Михаила Романова и, назвав других претендентов на русский престол — Мстиславского, Пожарского и Трубецкого, отказавшихся от этой чести в пользу Романовых, напоминает о «конституции», которой поклялся хранить верность Михаил Романов: «Палата боярская состояла из бояр и определенного числа чиновников, выбранных царем думных дворян, палата общин — из представителей духовенства, дворянства и буржуазии (т. е. купечества)». Конституция, которой Михаил Романов поклялся следовать в 1613 г., а Алексей Михайлович — в 1645 г., писал «Journal des Debats», не раз-

решала царю «устанавливать новых податей, объявлять войну, заключать мир и приговаривать к смертной казни без согласия палат. До Петра I в начале всех указов стояло: “Царь указал, и бояре приговорили”. Петр I, мало приверженный конституционным формам правления, уничтожил обе палаты, и с тех пор ни одна русская книга не осмеливалась их упоминать. Но официальные бумаги, хранящиеся в архивах империи, свидетельствуют об их существовании» (на самом деле «ограничения» власти Михаила Федоровича — позднейшая легенда, возникшая в 1720–1730-х гг.; подробнее см.: *Платонов С.Ф.* Лекция по русской истории. М., 1993. С. 336–344). Другим источником упоминание Долгоруковым его более подробного сочинения «История России после восшествия на престол Романовых», которое «к маю месяцу будет окончено и останется на хранении в гостеприимной Франции вплоть до тех пор, когда оно будет опубликовано, сказать же, когда именно это произойдет, автор пока затрудняется». Российского императора, утверждала парижская газета, разгневало упоминание Франции в таком контексте. В авторстве заметки в “*Journal des Debats*” подозревали самого Долгорукова (русский поверенный в делах Н.Д. Киселев, по сообщению Я.Н. Толстого, знал это «из верного источника» — ГАРФ. Ф. 109. С. А. Оп. 4. № 195. Л. 89 об.) Долгоруков же «не признавал себя автором» (А.И. Тургенев — Н.И. Тургеневу, 26 мая 1843 г. (РОИРАИ. Ф. 309. № 950. Л. 235)). «Заметка о главных родах в России» вызвала во Франции оживленный интерес как в правительственных, так и в легитимистских кругах. По свидетельству А.И. Тургенева, «Шатобриан и Тьер уговаривали его [Долгорукова] писать историю своей страны» (РОИРАИ. Ф. 309. № 950. Л. 238. Письмо к Н.И. Тургеневу от 18 июня 1843 г.), а сам Долгоруков в покаянном письме к Николаю I хвалился: «Старец Шатобриан — эта живая хоругвь чести и великодушья — сказал мне: “Князь! Дворянству русскому следовало бы соорудить вам памятник; до вас никто из нас ничего и не знал об этом дворянстве!”» (*Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1825–1855. С. 535). 16 февраля 1843 г. Долгоруков был вызван в Россию и сразу по прибытии арестован, а 20 мая сослан в Вятку; к месту ссылки он прибыл 1 июня 1843 г.

Пока он еще не приговорен к ссылке, император лишь посоветовал ему отправиться туда... См. «Франкфуртскую газету»... — Франкоязычная газета “Journal de Francfort”, отчасти субсидируемая русским правительством, писала 5 мая 1843 г.: «Берлин, 26 апреля. Русские, посещающие нашу столицу, мало рассказывают о том, что происходит в их стране, ибо у них есть все основания действовать осторожно и осмотрительно. Тем не менее нередко они помогают нам исправлять ложные слухи, которые иные люди охотно распространяют о России за границей и в особенности во Франции. Так, русские уверяют, что неверно, будто князя Долгорукий и Мирский, только что возвратившиеся из Парижа в Петербург, обречены на опалу. Всем русским помещикам, пробывшим некоторое время в чужих краях, приходится рано или поздно возвращаться в Россию. Если русское правительство старается помешать богатым помещикам заживаться в Европе, то причиной тому исключительно соображения финансовые».

⁴²...а тем временем сердце его гложет червь. — Примечание Кюстина к пятому изданию 1854 г.: «С 1839 года правительство это ничуть не изменилось: и ныне, в 1854 году, оно точно таково же, каково было прежде».

⁴³См. Рабле, книга III, глава 3. — Речь идет о главе «О том, как Панург восхваляет должников и займодавцев», где говорится, что если никто никого ничем не будет ссужать, мир «выбьется из колеи». Употребленное Рабле, а вслед за ним Кюстином французское слово *degauger* в словарном значении — сельскохозяйственный термин, означающий «проводить борозду через пашню» или «проводить между».

⁴⁴Смотри письмо девятнадцатое. — Это письмо составлено Кюстином в Петербурге 1 августа 1839 г.

⁴⁵...заслал в Петербург... множество политических агентов... тайно проложить путь нашим солдатам. — Возражения Греча: «Абсурдно думать, что Наполеон вынашивал столь далеко идущие планы: он слишком хорошо понимал, что пяти-шести лет недостаточно, чтобы деморализовать целое поколение; поэтому он послал в Россию лишь военных инженеров, которые, прибыв по большей части под видом коммивояжеров, должны были чертить планы для французской армии. Почти все эти агенты, так же как и кое-кто из шпионов, были опознаны, арестованы и поселены под надзором в нашем тылу, где вольны были продолжать свои разыскания; однако по окончании войны правительство выдворило их за пределы России» (*Gretch N.I. Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé "La Russie en 1839". Traduit du russe par Alexandre Kouznetzoff. P. 88*). Наполеон намеревался выпустить прокламации для возбуждения русских крестьян против русского дворянства и даже приказал искать в московских архивах документы о Пугачеве, надеясь затем найти продолжателя его дела, но в конце концов от этого намерения отказался (см.: *Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 220*).

⁴⁶В обычном обществе простой народ толкает вперед всю нацию, а правительство его осаживает; здесь же правительство погоняет, а народ его сдерживает... — Тот же диагноз, но с противоположной оценкой был поставлен в книге Адама Гуровского «Правда о России»: «Россия — единственная страна в мире, где правительство более цивилизованно, чем нация, и деяния его на века ограждены от тех препятствий, какие мешают нынче другим государствам Европы; в России пожелать — значит преуспеть. [...] В России, где власть — единственная цивилизующая сила, территориальные, торговые и умственные усовершенствования исходят от правительства, им замышляются и под его водительством осуществляются» (*Gurovsky A. Verite sur la Russie. Paris, 1834. P. 59*). Ср., однако, уточнение Баранта применительно к новейшему состоянию дел в 1839 г.: «Теперь правительство видит свою цель в том, чтобы оставить общество в его нынешнем состоянии. Долгое время император и его правительство шли впереди народа, теперь они хотят его остановить» (*Barante P. de. Notes sur la Russie, 1835–1840. P. 446*).

⁴⁷Смотри в конце этого письма указ о денежной системе, взятый из "Journal de Pétersbourg" за 23 июля 1839 года. — Имеются в виду законы, вводившие новую финансовую систему в стране, которые были подписаны 1 июля 1839 г. императором Николаем I — Манифест и Именной указ Сенату «Об

учреждении депозитной кассы серебряной монеты при Государственном коммерческом банке». Манифест объявлял серебряный рубль единственной законной монетной единицей Российской империи и предписывал пересчитать все подати, сборы и прочие расходы на полновесную валюту. Согласно манифесту, ассигнации допускались к обращению лишь в качестве вспомогательной денежной единицы с неизменным отношением 1 серебряный рубль к 3 руб. 50 коп., ассигнациями. Далее в законе закреплялось право плательщика на выбор средства платежа. Именной указ объявлял о создании депозитных касс с 1 января 1840 г., а билеты, которые должна была выпускать такая касса, законным платежным средством наравне с серебряной монетой. Эти билеты представляли собой своего рода вид сохранных записок на создаваемые вклады, которые должны были безусловно обмениваться на ранее сданные драгоценные металлы. Монеты из драгоценных металлов, поступавшие в кассу, следовало хранить в неприкосновенности и использовать только для обмена билетов депозитной кассы. Целью мероприятий, начавшихся в 1839 г., была замена ассигнаций новым видом (временных) денег, но уже обеспеченных серебром, т. е. депозитными билетами.

⁴⁸ ...«*московской вечерни*»... — Кюстин уподобляет бунт против насильственного бритья бород «сицилийской вечерне» — восстанию, в ходе которого жители Сицилии истребили завоевателей-французов, расположившихся на острове с 1266 г.; восстание началось с первым ударом колокола, сзывавшего к вечерне в первый день Пасхи, 30 марта 1282 г.

⁴⁹ ...*надеясь воспользоваться разложением, которому сама же способствовала*... — Примечание Кюстина к пятому изданию 1854 г.: «Она хвасталась тем, что трудится ради поддержания порядка, сама же при этом платила разносчикам анархии. До Июльской революции парижская «Насьональ» получала деньги от Поццо ди Борго». Либеральная газета «Насьональ», редактируемая А. Тьером, Ф.-О. Минье и А. Карредем, начала выходить 3 января 1830 г.; деньги на ее выпуск давал банкир Ж. Лаффит. Сведениями о том, что «Насьональ» финансировалась русским послом в Париже К.О. Поццо ди Борго (1764–1842), мы не располагаем. В сочувствии либералам Поццо замечен не был, однако в августе 1830 г., убедившись в победе Луи-Филиппа, принял его сторону и тем повлиял на реакцию всего дипломатического корпуса, поначалу настроенного весьма недоброжелательно по отношению к новой власти (*Pasquier E.-D. Memoires. Paris, 1895. Т. 6. Р. 316–317*).

⁵⁰ *Париж уже не первый год читает возмутительные газеты... оплачиваемые Россией.* — О деятельности Я.Н. Толстого, в чьи обязанности входил подкуп французских газет и помещение в них заметок в пользу России, написанных от лица французских журналистов, см.: *Тарле Е. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. М., 1937. С. 563–603*). Следует, впрочем, подчеркнуть, что все эти газеты придерживались легитимистской ориентации и называть их «возмутительными» в смысле «республиканскими» или «анархическими» оснований нет. На «иждивении» Толстого находились во второй половине 1830-х гг. такие издания, как «*La France*», «*La France et l'Europe*», «*La Revue du Nord*» (последние две прекратили свое существование в 1839 г.), «*La Patrie*»,

“L’Assemblée Nationale” и др. На рубеже 1830–1840-х гг. к контактам с Я. Толстым склонялся редактор популярнейшей газеты “La Presse” Э. де Жирарден, его заметки охотно печатала легитимистская “Quotidienne”. Впрочем, некоторые наблюдатели считали контрпропагандистскую деятельность русского правительства недостаточно активной. «Решительно, — писал Бальзак Э. Ганской 24 апреля 1844 г., — колоссу следует наконец завести в Париже русскую газету. Обойдется она ему в какие-нибудь 500–600 тысяч рублей ассигнациями, а пользы будет куда больше, чем от танцовщицы. Прыгает она ничуть не хуже; остается выяснить, что на 60-й параллели ценят выше: нравственное удовольствие от лести или же удовольствия, доставляемые танцовщицами» (*Balzac H. Lettres a Mme Hanska. P., 1968. T. 2. P. 429*).

⁵¹ *...самый осмотрительный, но и самый слепой из европейских государей, начинает... религиозную войну...* — Имеются в виду широко освещавшиеся в европейской прессе события конца 1837 г., когда по приказу прусского короля Фридриха Вильгельма IV архиепископ кельнский Август Кламенс Дросте-Вишеринг (1773–1845) был арестован за неповиновение правительству, в частности за отказ благословлять смешанные браки между католиками и протестантами в том случае, если родители не намерены воспитывать детей в католической вере.

⁵² *...открещиваются от замыслов завоевания Константинополя...* — Общим местом европейской политической печати, враждебной к России, была мысль о том, что главная цель Николая I — завоевание Константинополя; напротив, журналисты, сочувствовавшие России, подчеркивали, что в Константинополь Россия стремилась лишь при Екатерине II, император же Николай ведет политику исключительно мирную и оборонительную. Подтверждением этой точки зрения мог служить итог Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда армия И.И. Дибича без боя заняла город Адрианополь и тем открыла себе путь к турецкой столице, однако не стала продолжать наступление. Война окончилась подписанием в сентябре 1829 г. Адрианопольского мирного договора, так как в русских правительственных кругах осознали, что завоевание Стамбула может втянуть Россию в конфронтацию с ведущими европейскими державами (см.: *Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 115–116; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 91–94*). Пересмотр Николаем I политики его бабки Екатерины II проявился в том числе и в ревизии ее «греческого проекта», предусматривавшего уничтожение Османской Порты и основание Греческой империи под скипетром представителя дома Романовых со столицей в Константинополе (см.: *Освоат А.А. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829 г.) // Тыняновский сборник. Третьи тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 64–65*). Мысль об исключительном миролюбии Николая I активно утверждалась в прорусской европейской печати (см., например, серию статей в газете “Journal de Francfort” за ноябрь 1834 г. французского журналиста Шарля Дюрана, чьи услуги были как раз в это время куплены русским правительством). О том, что «мысль о завоевании Константинополя в России нынче не популярна», писал, ссылаясь на собственные впечатления от поездки по югу России, публицист Ф.А. Леве-Веймар на страницах авторитетного журнала «Ревю де Де Монд»

(Russie 1837–1937. Les trésors retrouvés de la Revue des Deux Mondes. Paris, 1997. P. 47). Однако, несмотря на все подобные заверения, французские журналисты неустанно приписывали России завоевательные планы, заходящие все дальше и дальше, причем по-прежнему в южном направлении; так, газета "Commerce" утверждала 8 октября 1837 г., что «ныне Россия уже не считает Константинополь достойным слишком больших жертв [...] Истинно русские честолюбцы помышляют о Персии и Индии». А давний оппонент российской политики известный публицист Сен-Марк Жирарден в рецензии на последний том «Истории Франции» Л.-П.-Э. Биньона («Журнал де Деба», 31 января 1838 г.) писал: «Подробности, которые г-н Биньон извлекает из дипломатических донесений, доказывают, что начиная с 1808 г. в России соседствовали два разных взгляда на овладение Константинополем, а вернее сказать, на средства овладеть им; взгляды были разные, но носители их преследовали одну и ту же цель. Был взгляд народный и национальный, был взгляд дипломатический. Народный взгляд заключался в том, что завоевать Константинополь нужно ради того, чтобы сделать большую империю еще больше и могущественнее»; дипломаты же и министры, продолжает Сен-Марк Жирарден, считали необходимым угодить этому народному чувству. Несмотря на все опровержения российских политиков, подозрения относительно видов России на завоевание Константинополя сохранялись не только у явных политических противников Российской империи, но и у наблюдателей нейтральных и даже сочувствующих; так, отчет III Отделения за 1841 г. утверждает, что «в Германии не постигают, каким образом Россия до сего времени не воспользовалась благоприятными обстоятельствами, дабы завладеть Константинополем, который был бы важнейшим условием преобладания ее политики в Европе», и приводит высказывание короля вюртембергского, который в частной беседе признался, что «не верит совершенному со стороны России самоотвержению, а напротив, убежден, что неминуемо придет время, когда русские займут Константинополь» (Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869: [Сб. док.] / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М., 2006. С. 247, 248). В сознании французов тема Константинополя особенно актуализировалась в связи с восточным кризисом 1839–1840 гг.; 15 июля 1840 г. Англия, Россия, Австрия, Пруссия, приняв сторону Турции в ее конфликте с египетским пашой, самым могущественным турецким вассалом, пользовавшимся покровительством Франции, подписали конвенцию, согласно которой Турция и черноморские проливы поступали под коллективную охрану четверного союза европейских держав. Франции, исключенной из этого союза, пришлось выбирать между войной с ним или отказом от поддержки египетского паши, чьи амбиции грозили целостности Порты (Луи-Филипп выбрал мирное решение). Ср. бытовую реакцию на эти события, зафиксированную В.А. Соллогубом по возвращении из заграничного путешествия 1842–1843 гг.: «Иногда за табль-д'отом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Россия завладеет всем светом? правда ли, что в будущем году Цареград назначен русской столицей?» (Соллогуб В.А. Тарантас. СПб., 1845. С. 211. Репринт. изд.: М., 1985).

Комментарии В.А. Мильчиной и А.А. Основата

LÉGENDES
DÉMOCRATIQUES
DU NORD

PAR

J. MICHELET

PARIS
GARNIER FRÈRES, LIBRAIRES-ÉDITEURS
RUE DES SAINTS-PÈRES, 6
—
1854

Жюль Мишле

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА

Фрагменты¹

VI. До 1847 года Европа не знала, что такое Россия.

Там царит коммунизм

То, что я скажу, может показаться странным, и тем не менее это факт: до 1847 г. Россия, настоящая, народная Россия, была известна в Европе ничуть не больше, чем Америка до Христофора Колумба².

Я прочел все более или менее значительные сочинения о России, опубликованные в Европе. Они мало чем меня обогатили. Я смутно предчувствовал, что сочинения эти, внешне серьезные, но внутренне легковесные, описывают платье, но не человека.

Наблюдатель проницательный и тонкий, наделенный женским чутьем, г-н де Кюстин изобразил русское высшее общество, а мимоходом набросал и нескольких удачных портретов людей из народа³.

Мицкевич начертил общий очерк жизни славян, а затем, перейдя к деталям, с восхитительной ясностью осветил нам истинный характер русского правительства. Он пошел бы и дальше, но ему не позволили. Кафедру у него отняли⁴.

Впрочем, возвышенное стремление оправдать Россию, примирить братьев-соперников, русских и поляков, напомнив им об их общем происхождении, мешало Мицкевичу выделить черты собственно русские, которые отличают эту нацию от других славянских народов и ставят ниже их, показать жалкое и подлое состояние, до которого низведен славянский дух в Российской империи.

В 1843 г. ученый-агроном г-н Гакстгаузен посетил Россию с тем, чтобы изучить тамошние способы земледелия. Он желал видеть только землю и плоды земли; увидел же человека⁵.

Он открыл Россию. Из его скрупулезного исследования мы узнали больше, чем из всех прежних книг, вместе взятых.

Свидетельство этого замечательного наблюдателя тем более заслуживает доверия, что его можно считать исходящим от самой России; это — ее показание против самой себя. Заручившись рекомендацией императора, Гакстгаузен имел дело с местными чиновниками и крупными помещиками, которые наверняка постарались бы скрыть от него правду, пожелай он изучить российские формы управления, но не мешали ему исследовать во всех подробностях российскую жизнь на местах, нравы крепостных крестьян и устройство деревень, способы обработки земли и положение земледельцев.

Довольный оказанным ему приемом, немец медленно осматривает одну общину за другой, приглядывается, наблюдает, расспрашивает по мере сил, и, как бы велико ни было его подобо-страстие, его низжайшее почтение к российскому правительству и к помещикам, чьи владения он посещает, сохраняет, однако же, замечательную свободу суждения.

К какому же выводу привело немецкого ученого это исследование, проведенное под покровительством заинтересованных лиц? К самому неожиданному и делающему г-ну Гакстгаузену большую честь.

Вывод этот нигде не сформулирован прямо, но каждая страница книги г-на Гакстгаузена убеждает читателя, что в России *и земледелие и земледельцы пребывают в плачевном состоянии, что производят они очень мало, что крестьяне, легкомысленные и непредусмотрительные, едва ли способны измениться в лучшую сторону.*

Нас уверяют, что население в России растет очень быстро. Но зато не растет производство; никто ничего не делает. Удивительный контраст: людей становится больше, но сама жизнь, кажется, заражена немощью и смертью.

Для объяснения такого чуда довольно одного слова, и слово это вбирает в себя всю Россию.

Русская жизнь — это коммунизм.

Такова единственная, почти не знающая исключений форма, какую принимает русское общество. Община, или коммуна, су-

шествующая под властью помещика, распределяет землю между своими членами, где на десять лет, где на шесть, где на четыре или на три, а в иных местах всего на год.

Семья, в которой к моменту раздела кто-то умер, получает меньше земли; семья, где кто-то родился, — больше. Крестьяне так сильно заинтересованы в том, чтобы семья их не уменьшилась, что если старик, глава семьи, умирает, дети берут к себе на его место чужого старика⁶.

Силу России (в некоторых отношениях сходной с Соединенными Штатами Америки) составляет этот исконно присущий ей аграрный закон, иначе говоря, постоянное перераспределение земли между всеми, кто на ней живет. Чужаки редко выказывают желание воспользоваться этим правом, ибо опасаются попасть в рабство. Зато русские женщины благодаря такому положению дел рожают детей одного за другим без оглядки и без остановки. Вот поистине самый действенный способ поощрения рождаемости: каждый ребенок, едва появившись на свет, получает от общины надел — своего рода награду за рождение.

Чудовищная жизненная мощь, чудовищная плодovitость, которая грозила бы страшными опасностями всему миру, не будь она уравновешена другой, не менее чудовищной силой — смертью, которой прислуживают два расторопных помощника — ужасный климат и еще более ужасное правительство.

Добавьте к этому, что и сам общинный коммунизм, способствующий рождаемости, несет в себе также начало совершенно противоположное — влекущее к смерти, к непроизводительности, к праздности. Человек, ни за что не отвечающий и во всем полагающийся на общину, живет, словно объятый дремотой, предаваясь ребяческой беззаботности; легким плугом он слегка царапает бесплодную почву, беспечно распевая сладкозвучную, но однообразную песню; земля принесет скудный урожай — не страшно: он получит в пользование еще один надел: ведь рядом с ним жена, которая скоро родит ему очередного ребенка.

Отсюда проистекает весьма неожиданное следствие: в России общинный коммунизм укрепляет семью. Женщину здесь нежно любят; жизнь ее легка. От нее в первую очередь зависит

достаток семьи; ее плодовитое чрево для мужчины — источник благосостояния. Рождения ребенка ждут с нетерпением. Его появление на свет встречают песнями: оно сулит богатство. Правда, чаще всего ребенок умирает в младенчестве; однако плодовитая мать не замедлит родить следующее дитя; так что семья не утратит причитающегося ей земельного надела.

Вот жизнь *совершенно природная*, в самом низшем, глубоко материальном смысле слова, которая принижает человека и тягивает его на дно. Мало труда, никакой предусмотрительности, никакой заботы о будущем. Женщина и община — вот две силы, помогающие жить мужчине. Чем плодовитее женщина, тем щедрее община. Физическая любовь и водка, непрерывное рождение детей, которые тотчас умирают, после чего родители немедленно зачинают следующих, — вот жизнь крепостного крестьянина.

Собственность крестьянам отвратительна. Те, кого сделали собственниками, очень быстро возвращаются к прежнему, общинному существованию. Они боятся неудачи, труда, ответственности. Собственник может разориться; коммунист разориться не может — ему нечего терять, поскольку он ничем и не обладал. Один из крестьян, которому хотели дать землю в собственность, отвечал: «А вдруг я свою землю пропью?»

По правде говоря, есть нечто странное в том, что одним и тем же словом «коммунизм» обозначают вещи самые противоположные: вялый, дремотный коммунизм русских общин и героический коммунизм тех, кто защищает Европу от варваров и стоит в авангарде борцов за свободу. Сербь и черногорцы, живущие в непосредственной близости от огромной Турецкой империи, то и дело вступают с нею в неравный бой; турки всякий день могут захватить их, привязать к хвостам своих лошадей и увести на чужбину, однако славяне находят силы сопротивляться этим страшным обстоятельствам; силы эти они черпают в своеобразном коммунизме. Они вместе собирают урожай и готовят пищу, они живут и умирают, как братья. Такой коммунизм, как доказывают сражения, в которых принимают участие эти люди, и песни, которые они слагают, не расслабляет ни рук, ни ума.

Как далеко до него другому коммунизму — бессознательному, врожденному, праздному, в котором пребывают, словно в спячке, все те, кто привык жить стаей, в ком еще не проснулся индивид. Так живут моллюски на дне морском; так живут многие дикие племена на далеких островах; поднимемся ступенькой выше, и мы увидим, что точно так же живет беспечный русский крестьянин. Он спит в лоне общины, как дитя в утробе матери. Община утешает его в превратностях рабской жизни, и, как ни грустно такое утешение, оно, поощряя апатию, длит ее вечно.

Единственный луч света, который озаряет мрачное существование русского крепостного крестьянина, не способного ничего изменить в своей судьбе, единственный источник его счастья — это семья, жена и дети. Однако и здесь мы находим убожество самое отталкивающее... Ребенок рождается, его любят, но о нем почти совсем не заботятся. Он умирает, и его место занимает другой, которого так же сильно любят, но о котором, потеряв его, так же мало сожалеют. Так струит свои воды река. Женщина — источник, откуда являются на свет целые поколения, являются с тем, чтобы исчезнуть в недрах земли. Мужчине до этого нет дела. Разве женщина или ребенок ему принадлежат? Отвратительное крепостное существование порождает тот плачевный коммунизм, о котором мы пока еще сказали далеко не все. Тот, кто не хозяин даже самому себе, не хозяин ни своей жене, ни своей дочери, — разве властен он над своим потомством? Итак, в действительности семья в России не существует.

VII. В России всё — иллюзия и обман

Русский коммунизм — вовсе не общественное установление, это естественное условие существования, объясняемое особенностями расы и климата, человека и природы.

Русских нельзя отнести к числу людей северных. В них нет ни северной яростной мощи, ни северной неколебимой серьезности. Русские — люди южные; это понимает всякий, кому знакомы их бойкость и проворство, их бесконечная подвижность. Лишь нашествие татарских орд заставило их покинуть юг и обосноваться

посреди той громадной топи, которая именуется Северной Россией. Эта мрачная часть России населена очень густо. Напротив, богатая и плодородная южная часть остается безлюдной.

Восемь месяцев в году страна тонет в грязи, делающей невозможными какие бы то ни было перемещения; в остальное время земля покрыта снегом и льдом, так что путешествия возможны, но — если ехать не в санях — трудны и опасны. Унылое однообразие подобного климата, невольное одиночество, проистекающее из невозможности двинуться с места, — все это сообщает русскому человеку чрезвычайную потребность в движении. Если бы железная рука власти не приковывала русских к земле, все они, и дворяне и крестьяне, разбежались бы куда глаза глядят; они принялись бы ходить, ездить, путешествовать. Все русские только об этом и думают. Они пашут землю и служат в армии помимо воли; рождены они для того, чтобы странствовать, быть разносчиками, старьевщиками, бродячими плотниками, а главное — кучерами; вот ремесло, которым они владеют блистательно.

Не имея возможности покориться голосу этого инстинкта, зовущего его вдаль, земледелец находит утешение в суетливых передвижениях, ограниченных пределами родной деревни. Постоянный передел земли, передача участков из одних рук в другие дают возможность всей общине совершать своего рода путешествия на месте. Благодаря этим частым обменам скучная недвижимая земля начинает казаться разнообразной, пришедшей в движение.

К русским в точности применимо то, что говорят, — возможно, с меньшими основаниями — о славянах в целом: «Для них нет ни прошлого, ни будущего; они знают только настоящее».

Переменчивые обитатели океана северной грязи, где природа без усталости соединяет и разъединяет, растворяет и разлагает на составные части, русские, кажется, и сами состоят из воды. «Лживы, как вода», — сказал Шекспир⁷. Глаза их, удлинённые, но никогда не раскрывающиеся полностью, — не такие, как у остальных людей. Греки называли русских «людьми с глазами ящериц»⁸; еще лучше выразился Мицкевич, сказавший, что у на-

стоящих русских «*глаза насекомых*» — они блестят, но смотрят не по-человечески.

Глядя на русских, ясно понимаешь, что это племя пока не развилось до конца. Русские — еще не вполне люди.

Им недостает главного свойства человека — нравственного чутья, умения отличать добро от зла. На этом чутье и этом умении стоит мир. Человек, их лишенный, плывет по воле волн и пребывает во власти нравственного хаоса, который еще только ожидает появления Творца.

Мы не отрицаем, что у русских есть множество превосходных качеств. Они кротки и уступчивы, из них выходят верные друзья, нежные родители, они человеколюбивы и милосердны. Беда лишь в том, что они напрочь лишены прямодушия и нравственных принципов.

Они лгут без злого умысла, они воруют без злого умысла, лгут и воруют везде и всегда.

Странное дело! У них в высшей степени развита способность восхищаться, и это сообщает им восприимчивость ко всему поэтическому, великому, быть может, даже возвышенному. Однако истина и справедливость для них — пустой звук. Заговорите с ними на эти темы, они будут слушать с улыбкой, но не ответят ни слова и не поймут, чего вы от них хотите.

Справедливость — не просто залог существования всякого общества, она — его реальность, его основа и сущность. Общество, не ведающее справедливости, есть общество мнимое, существующее на словах, а не на деле, лживое и пустое.

В России все, от мала до велика, обманывают и лгут: эта страна — фантазмагория⁹, мираж, империя иллюзий.

Начнем с самого низа, с того элемента российской жизни, который кажется самым прочным, самым оригинальным и самым народным, — семья.

В России и семья — не семья. Разве жена здесь принадлежит мужу? Нет, прежде всего она принадлежит помещику. Она рождает ребенка — как знать, от кого?

В России и община — не община. С первого взгляда может показаться, будто это маленькая патриархальная республика, в

которой царит свобода. Но присмотритесь внимательнее, и вы поймете, что перед вами всего-навсего жалкие рабы, которые вольны лишь делить между собой тяготы рабского труда. Стоит помещику продать этих крестьян или купить новых — и республике придет конец. Ни община в целом, ни отдельные ее члены не знают, какая судьба постигнет их завтра.

Поднимемся повыше, рассмотрим существование помещиков. Здесь контраст идеального и реального делается еще разительнее, ложь еще заметнее. По видимости, помещик в России — отец своим крестьянам: вместе со старостой, деревенским старейшиной, он по-отечески разбирает, кто прав, кто виноват. На деле же этот отец — жестокий владыка, царек, управляющий своей деревней более деспотично, чем император из Петербурга — всей страной. Он волен избить крестьянина, волен забрать у него дочь или отдать его самого в солдаты, сослать в сибирские рудники, продать владельцам новых фабрик — работа на них ничем не отличается от каторги, и крестьяне, разлученные с семьей, гибнут там один за другим.

Свободным крестьянам жить еще тяжелее, так что никто не стремится к свободе. Один мой русский приятель тщетно пытался убедить своих крепостных в преимуществах свободы. Они предпочитают оставаться рабами и положиться на случай: это ведь все равно что лотерея; бывает, что барин оказывается добрым. Однако так называемые свободные крестьяне, принадлежащие государству, на такой случай рассчитывать не могут. Правительство хуже любого барина.

Правительство это состоит из самых лживых людей, какие только встречаются в империи лжи. Оно именуется русским, по сути же остается немецким; из каждых шестерых чиновников пять — немцы, уроженцы Курляндии и Ливонии¹⁰, нагледцы и педанты, составляющие разительный контраст с русскими людьми, вовсе не знающие российской жизни, чуждые русским нравам и русскому духу, делающие все наперекор здравому смыслу, всегда готовые надругаться над кротким и легкомысленным русским народом, извратить его исконные похвальные свойства.

Невозможно без омерзения думать о том, что в этой стране чиновников и церковь только называется церковью, по сути же составляет часть государственной машины. Народ не получает от священников ни духовного назидания, ни утешения. Религиозная проповедь запрещена категорически. Те, кто попытался проповедовать, были сосланы в Сибирь. Священник — не кто иной, как чиновник, а значит, имеет военные звания. Митрополит Московский дослужился до генерал-аншефа, митрополит Казанский — до генерал-лейтенанта¹¹. Вот церковь, в которой все от материи и ничего — от духа.

Роль папы в России играет собрание духовных лиц, ведению которого подлежат дела церковные; однако *все эти духовные лица приносят присягу царю*. Так что в реальности настоящий папа — не кто иной, как царь.

Толстой, русский сочинитель, знающий толк в этих делах, сообщает без обиняков: «Император по природе своей есть глава церкви»¹².

Что касается императора, то он — самый лживый из всех лживых русских, верховный агун, царящий над всеми прочими агунами.

Воплощенное провидение, отец родной, заступник крестьян!.. Позже у нас еще будет случай объяснить, какой дьявольский смысл обретают в России все эти слова.

Здесь довольно будет показать, насколько лжива эта власть, лжива даже в том, что, казалось бы, принадлежит к числу неоспоримых ее свойств, а именно в своей силе, в своей мощи; довольно будет показать, что власть эта, столь несгибаемая, столь суровая и, по видимости, столь сильная, на самом деле очень слаба.

Два вполне естественных обстоятельства породили правление совершенно неестественное, истинного монстра. Тягостная неуверенность в завтрашнем дне, на которую обрекали русских набеги татарской конницы, заставила их искать покоя и постоянства под властью единого правителя. Однако подвижность, искони присущая русской нации, ее бесконечная переменчивость делали покой недостижимым. Текучая, как вода, нация эта могла быть остановлена в своем движении только тем средством, какое

использует природа для удержания на месте водного потока, — резким, жестким, насильственным сжатием, подобным тому, которое в первые зимние ночи превращает воду в лед, жидкость — в кристаллы, твердостью не уступающие железу.

С помощью сходной насильственной операции было создано Российское государство. Таков его идеал, таким оно желает быть — источником сурового покоя, могучей неподвижности, достигнутой в ущерб лучшим проявлениям жизни.

Однако же таким ему стать не удастся. Если продолжить сравнение, то государство это придется уподобить тонкому льду, таящему под собой не вполне замерзшую воду: здесь всякую минуту рискуешь провалиться в полынью¹³. Прочность этого льда очень сомнительна, на его твердость нельзя полагаться.

Как мы уже сказали, в русской душе, даже если это душа раба, нет ничего, на чем можно было бы основать твердый порядок. Душа русского — стихия более природная, нежели человеческая. Добиться, чтобы она застыла, практически невозможно; она текуча, увертлива. Да и кому под силу с нею совладать? Чиновникам? — но чиновники эти ничуть не более нравственны, чем люди, которыми они намерены управлять. У них ничуть не больше последовательности, серьезности, верности, чувства чести, а без всего этого действия правительства не могут иметь успеха. Чиновники, подобно всем прочим жителям империи, легкомысленны, жуликоваты, алчны. Там, где все подданные воры, судей легко купить. Там, где дворянин и крепостной крестьянин продажны, чиновник продажен никак не меньше. Император прекрасно знает, что о нем забывают ради барышей, что его обворовывают, что самый верный из его придворных продаст его за сотню рублей.

Император наделен огромной, устрашающей властью, но его приказы могут быть исполнены только руками подчиненных; что же происходит при этом с абсолютной властью? Ею торгуют на каждой ступени чиновной лестницы, так что результат любого начинания совершенно непредсказуем.

Если бы императора обманывали всегда, если бы пренебрегали всеми его приказами, он взял бы свои меры и попытался

изменить подобное положение вещей. Однако постоянства нет даже в обмане. Величайший изъян этого механизма заключается в его неопределенности, в его прихотливости. Порой самые непререкаемые приказания самодержца остаются невыполненными. Порой же случайно вырвавшаяся у него фраза имеет следствия громадные и притом самые гибельные.

Пример: Екатерина, сослав в Сибирь нескольких французов, захваченных в плен в Польше, настоятельно рекомендовала обращаться с ними бережно (ибо желала прослыть милосердной в глазах общества). Она повторила свой приказ несколько раз, она гневалась, угрожала послушникам. Но приказания ее исполнены не были¹⁴.

Пример обратный: Николай сказал однажды крестьянам с берегов Волги, что в будущем все крестьяне должны получить свободу. Слова эти были подобны искре; тотчас вспыхнул бунт, крестьяне принялись убивать помещиков; для подавления мятежа потребовалось ввести войска и пролить море крови¹⁵.

Так живет эта непостоянная держава. Порой императора слушают чересчур внимательно и спешат повиноваться ему против его воли; порой его мнение вообще не берут в расчет. Например, у него на глазах, под самым его носом разворовывают и распродают по кусочкам всю оснастку линейного корабля, вплоть до медных пушек. Он это видит, об этом знает, угрожает, порой карает. Но изменить течение событий ему не под силу. Каждый день император убеждается, что его громадная власть — не более чем иллюзия, что его могущество — не что иное, как бессилие; жизнь напоминает ему об этом безжалостно и едва ли не насмешливо. Каждый день он возмущается все сильнее, гневается, суетится, предпринимает новые попытки — и вновь терпит поражение... Унизительный контраст! Земного бога обманывают, обворовывают, осмеивают и оскорбляют! Есть от чего сойти с ума!

Подведем итоги. Россия — царство лжи. Ложь — в общине, которую следовало бы назвать мнимой общиной. Ложь — в помещике, священнике и царе. *Крецендо*¹⁶ обманов, мнимостей, иллюзий!

Что же такое русский народ? Сообщество людей или еще не организованная природная стихия? Может быть, это песок, летучая пыль, подобная той, какая, взметнувшись в воздух, три месяца в году носится над русской землей? Или все-таки вода, подобная той, что во все остальные месяцы превращает этот безрадостный край в обширное грязное болото либо ледяную равнину?

Нет. Песок куда надежнее, чем русский народ, а вода далеко не так обманчива.

VIII. Каким образом своей лживой политикой Россия уничтожила Польшу

Поскольку Россия по своей природе и по своему образу жизни есть само воплощение обмана, ложь неизбежно становится основой ее внешней политики и оружием против Европы.

Однако здесь есть одна примечательная особенность: насколько Россия представляет собой народ изменчивый, непостоянный и неуверенный, настолько же она тверда и настойчива на дипломатической арене. Ее правительство по большей части состоит из иностранцев, зачастую полностью из немцев или же следует традициям немецкого макиавеллизма¹⁷ с примесью греческого и византийского коварства: оно мало меняется по своему составу, пополняясь более или менее одинаковыми людьми. Послы, дипломаты, наблюдатели и шпионы разного звания и обоего пола — все они составляют единое сообщество, исповедующее нечто вроде политического иезуитства¹⁸.

Единственные две силы в истории, которые постигли механизм лжи и широко практиковали обман, — это собственно иезуиты и русская дипломатия.

Новое время, превосходящее другие эпохи во всем, вооруженное множеством новых орудий и ремесел, представляет нам два не сравнимых ни с чем примера последовательного обмана, две эпопеи невероятной лжи, которую было бы невозможно даже представить в предшествующие эпохи. Первый образец — упорная просветительская деятельность иезуитов, завершенная ко времени Генриха IV. Она имела своей целью восстано-

ние царства фанатизма и убийства и возрождение дела Варфоломеевской ночи, но уже в масштабе Тридцатилетней войны¹⁹. Другой пример, более близкий по времени, который можно наблюдать уже более чем столетие, — это непрерывные интриги, с помощью которых русскому иезуитству (так я называю эту коварную русскую дипломатию) удалось разрушить Польшу изнутри и опутать ее сетью лжи снаружи, восстановив против нее всю Европу; лестью или деньгами оно завладело ключевыми рычагами общественного мнения, внушив ему тем самым ложное представление, создав видимость открытости, благодаря чему истинный порядок вещей был скрыт; наконец, оно становилось все смелее, и к всевозможным хитростям стало постепенно прибавлять и слепой террор.

Все это длилось крайне долго, и необходимо потратить немало времени, чтобы изучить этот вопрос. Однако дело и правда того стоят. Те, у кого хватит терпения изучить труды Рюльера, Огинского, Ходзько, Лелевеля²⁰ и других авторов, смогут стать свидетелями жестокого, но чрезвычайно интересного политического и физиологического опыта. Он позволит наблюдать за тем, как хладнокровное существо, впившись неподвижным тусклым взором в теплокровное животное, обвивало его, словно ужасный удав благородного коня, обездвигив своим гипнотическим взглядом, до тех пор, пока не смогло заглотить его, ослабленного и поваленного на землю.

Этот процесс был начат с осторожностью. Сначала Россия смотрела на Польшу лишь заинтересованным взглядом, проявляла добрососедское внимание, братское беспокойство, которое вызывали междоусобицы в Польше.

И настолько она любила эту Польшу, что не могла допустить, чтобы один поляк угнетал другого. Будучи философом, проповедником веротерпимости в лице императрицы Екатерины, русское правительство особенно интересовалось польскими диссидентами²¹, а также спешило на помощь религиозной свободе (которая не притеснялась).

Таковым было первое средство уничтожения, первое действие России против Польши.

Сама Екатерина в то время только что конфисковала земли русских монастырей²² и не испытывала беспокойства по этому поводу. Она задумала втянуть Россию в религиозную войну, заставить русских крестьян думать, что речь идет о защите их братьев по греческой вере, которых в Польше преследуют люди веры латинской. Эта война обратилась в ужасающее варварство. Можно было наблюдать, как под игом этой атеистки, которая проповедовала крестовый поход, население целыми деревнями подвергалось пыткам или заживо сжигалось во имя веротерпимости.

Все это совершалось исключительно из дружбы к Польше и для защиты польских диссидентов. Но это еще не все: императрица не меньше защищала и поляков, преданных своим древним варварским законам, этому своему исконному хаосу²³.

И это было вторым средством уничтожения Польши.

Будучи почитательницей древней польской конституции, императрица не потерпела бы никаких преобразований в этом государстве, ни того, чтобы его правительство было наделено хотя бы малейшей властью.

Работая на этом поприще, Россия более всего стремилась создать новую Польшу и обратить ее против существующей, словно коварный врач, который, дерзнув лечить больного против его воли, ловко умеет заставить его живой организм извергать других живых существ, исторгать паразитических червей...

При всем этом можно было наблюдать отвратительные по своей комичности сцены: эти поляки — друзья русских — выказывали свой патриотизм наистраннейшим образом. Например, на собрании сейма один из них, встав на колени, держал подле себя сына шести лет и с кинжалом в руке кричал, что убьет его, если кто-то посмеет изменить древние законы, и что желает оставаться свободным или же убить своего ребенка²⁴.

Такова суть второй кампании России против Польши. Третья же, более дерзкая, была не столько политической, сколько социальной. Начиная с 1794 г., во время восстания Костюшко²⁵, Россия вторгается в Польшу ни под каким иным предлогом, *кроме как обеспечить благополучие невинных сельских жителей*. Она издает клич Спартака, призыв к восстанию рабов²⁶: это была пер-

вая проба той политики, которую Австрия применит в 1846 г. во время резни в Галиции²⁷.

Таково было третье средство уничтожения Польши.

Не мечом победила Россия Польшу, она сделала это словами, с помощью которых и происходило ее уничтожение: русские победили через три обмана.

А что стало бы, если бы мы имели возможность описать здесь все средства, которые Россия в то время использовала для того, чтобы восстановить весь мир против Польши: она нарочно воспользовалась страстью восемнадцатого столетия к религиозной свободе, посеяв сомнение в европейскую мысль, бросив первые семена разрушения на ниве Запада!

Восхитительно точное определение было дано России, этой разрушительной силе, этому ледяному яду, который она медленно разносила и который ослабляет жизненные силы, парализует будущие жертвы, лишая их всякой защиты:

«Россия — это холера».

*Перевод с французского В.А. Мильчиной (части VI, VII),
О.Е. Сорокопудовой (часть VIII)*

Комментарии

Жюль Мишле

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА

Мишле (Michelet) Жюль (1898–1874) — французский историк и публицист. Родился в Париже в небогатой семье, сумел получить образование и стал преподавателем истории в Коллеже Сен-Барб (1822), профессором Высшей нормальной школы (с 1827 г.), а затем и Коллежа де Франс (с 1838 г.). В годы Июльской монархии стал кумиром радикального студенчества как борец против католической церкви. За отказ присягнуть Наполеону III в 1852 г. был лишен профессорской кафедры и должности заведующего исторической секцией Национального архива (которую занимал с 1831 г.). В последние годы жизни писал книги о природе и воспитании.

Ж. Мишле создал в начале 1850-х гг. цикл статей о России; толчком к написанию этих статей послужило знакомство с изданным на французском в 1851 г. сочинением Герцена «О развитии революционных идей в России», которое Мишле назвал «героической книгой великого русского патриота». Для Мишле, сочувствующего декабристам и полякам, Россия — самая настоящая «империя зла». Резкость суждений Мишле о русском народе вызвала про-

тест Герцена, который сразу после знакомства с его первыми статьями осенью 1851 г. опубликовал в Ницце на французском языке брошюру «Русский народ и социализм. (Письмо к Ж. Мишле)», где оспорил утверждение, «что Россия не существует, что русские не люди, что они лишены нравственного смысла» (Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 307 (авторизованный перевод Герцена, впервые опубликованный в Лондоне в 1858 г.) и призвал отличать русский народ от «византийско-немецкого правительства», народную Россию — от России официальной. В следующем произведении на русскую тему, цикле статей «Мученики России», Мишле говорит о русском народе уже в более мягком тоне и называет главной чертой русской души страдание, главным признаком русского человека — «разбитое сердце».

¹ Работа «Польша и Россия. Легенда о Костюшко» была впервые опубликована в августе-сентябре 1851 в газете «Событие» (L'Evenement), а затем вошла в книгу «Демократические легенды Севера» (1854).

Печатается по: Мишле Ж. Демократические легенды Севера / Пер. с фр. В. Мильчина // Отечественные записки. 2007. № 38 (5). С. 150–158; Michelet J. Légendes démocratiques du Nord. Paris, 1854. P. 51–55.

² В 1847 г. в Ганновере вышли (одновременно по-немецки и по-французски) два первых тома книги прусского экономиста Августа фон Гакстгаузена (1792–1866) «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (рус. пер. 1869), о которой Мишле подробно говорит ниже. Именно книга Гакстгаузена, наряду с упомянутым выше сочинением Герцена «О развитии революционных идей в России», явилась основным источником сведений Мишле о русской крестьянской общине.

³ В указании на «женское чутье» слышен намек на гомосексуальные склонности маркиза Астольфа де Кюстина, побывавшего в России летом 1839 г.; что же касается книги Кюстина «Россия в 1839 году» (1843), то Мишле, отзываясь о ней пренебрежительно и свысока, тем не менее заимствовал из нее множество деталей: от мелочей до общей характеристики страны как империи лжи (у Кюстина «империя фасадов»), причем заметно огрубил кюстиновские наблюдения и ужесточил оценки.

⁴ Польский поэт, бывший российский подданный Адам Мицкевич (1798–1855), после польского восстания 1830–1831 гг. живший во Франции в качестве политического эмигранта, в 1840 г. начал читать курс лекций о славянских литературах на специально открытой для него в Коллеж де Франс славянской кафедре; в мае 1844 г. по указанию французского правительства, недовольного проповедью славянского мессианизма в лекциях Мицкевича, курс был приостановлен.

⁵ Имеется в виду сочинение барона Августа фон Гакстгаузена (Haxthausen) (1792–1866) «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (на немецком языке впервые два тома “Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands”, а также практически одновременно их французский перевод “Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen. Edition

Française” вышли в Ганновере в 1847 г., третий том — соответственно в 1852 и 1853 г. в Берлине).

⁶ Опираясь на Гастгаузена, Мишле здесь описывает — в сильно упрощенной форме — российскую систему землепользования, при которой земля отводилась в надел не подворно, а общине, а затем каждому двору выделялся надел в соответствии с количеством ревизских душ, или по «тяглам».

⁷ Эту цитату из трагедии «Отелло» (д. 5, явл. 2) первым применил к русским Кюстин «Россия в 1839 году» (29-е письмо), у которого ее и заимствует Мишле.

⁸ Еще одно заимствование из Кюстина (32-е письмо), основанное вдобавок на неверной этимологической интерпретации; Кюстин ошибочно возводил слово «сарматы», или «савроматы», к греческому «савро» — ящерица.

⁹ *Фантазмагория* (иноск.) — не существующее в действительности, видение, призрак.

¹⁰ *Курляндия и Семигалия* — герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии, на территории исторических областей Курземе (Курляндия), Земгале (Семигалия) и Селия (Селония), с 1562 по 1795 гг.

Ливония — историческая область в северной Балтии. Названа немецкими рыцарями-крестоносцами в связи с одним из проживавших в то время на территории современной Балтии финно-угорских племен — ливов. В 1721 г. Ливония вошла в состав Российской империи как Лифляндская губерния. Территория исторической области в целом соответствует территории современных Латвийской и Эстонской республик.

¹¹ В этом пассаже нашли причудливое отражение сведения о российской системе чинов, которые Мишле мог почерпнуть, в частности, из книги Кюстина; разумеется, генеральское звание носили не духовные особы, а светские администраторы церкви, например дослужившийся до звания генерал-лейтенанта обер-прокурор Синода граф Н.А. Протасов.

¹² Речь идет о брошюре графа Я.Н. Толстого «Взгляд на российское законодательство», вышедшей на французском языке в Париже в начале 1840 г. и противопоставившей российский государственный строй (залог порядка и спокойствия) европейскому парламентаризму, источнику хаоса и нестабильности. Мишле цитирует брошюру Толстого по книге Кюстина (21-е письмо). В Своде законов 1832 г. российский император был назван «главою Церкви» только в примечании к статье, именующей его *защитником* господствующей веры, так что силы прямого закона эта статья не имела; тем не менее западные публицисты были склонны обвинять российских императоров в узурпации духовной власти.

¹³ К аналогичному образу 30 лет спустя прибегнул Константин Леонтьев, писавший о необходимости «подморозить Россию, чтобы она не гнила».

¹⁴ ... *Екатерина, сослав в Сибирь нескольких французов, захваченных в плен в Польше, настоятельно рекомендовала обращаться с ними бережно (ибо желала прослыть милосердной в глазах общества). Она повторила свой приказ несколько раз, она гневалась, угрожала ослушникам. Но приказания ее исполнены не были.* — Вероятно, имеются в виду события периода Барской конфедерации. В 1767 г. через пророссийски настроенную польскую знать и российского посла в Варшаве

князя Николая Репнина Екатерина II инициировала принятие конституции Речи Посполитой, которая ликвидировала результаты реформ Станислава II Понятовского 1764 г. Также был созван так называемый репинский сейм, признавший свободу вероисповедания и богослужения в православных и протестантских церквях. Православным и протестантам открылся доступ ко всем должностям Речи Посполитой, что вызвало негодование среди католических иерархов Польши. Речь Посполитая была вынуждена опереться на поддержку России для защиты от усиливающегося натиска со стороны Пруссии, которая желала аннексировать северо-западные районы Польши, дабы соединить свои западную и восточную части.

Установленные принципы веротерпимости, а также сам факт вмешательства во внутренние дела польско-литовского государства привели к созданию в 1768 г. католической Барской конфедерации и к последующей войне, в которой силы конфедерации сражались против войск России, польского короля и восставшего православного населения Украины (1768–1772). Конфедерация также обратилась за поддержкой к Франции и Турции, с которой Россия в это время находилась в состоянии войны. Однако турки потерпели поражение от русских войск, помощь Франции оказалась несущественной, и силы конфедерации были разгромлены русскими войсками М.Н. Кречетникова и польскими королевскими войсками. После подавления этого восстания часть пленных барских конфедератов была сослана по приказу Екатерины II в Сибирь.

¹⁵ *Николай сказал однажды крестьянам с берегов Волги, что в будущем все крестьяне должны получить свободу. Слова эти были подобны искре; тотчас вспыхнул бунт, крестьяне принялись убивать помещиков; для подавления мятежа потребовалось ввести войска и пролить море крови.* — В 1826 г. по всей России прокатилась широкая волна крестьянских восстаний. Этому способствовало распространение среди крестьян слухов о предстоящей отмене крепостного права и близком освобождении, вызванных смертью Александра I и восшествием на престол Николая I. Известное влияние на развитие крестьянского движения могло оказать восстание декабристов 1825 г. Особое влияние эти слухи оказали на государственных крестьян Псковской, Тверской, Ярославской и Вологодской губерний. В ряде мест государственные крестьяне перестали выполнять повинности. В Псковской и Тверской губерниях отказ от платежа податей в отдельных волостях вырос до открытого неповиновения властям и вызвал применение репрессий.

¹⁶ *Крещендо* (итал. *crescendo*) — музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

¹⁷ *Макиавеллизм* — термин, используемый для обозначения беззастенчивой политики, добивающейся своих целей, пренебрегая нормами морали. Название произошло от имени итальянского мыслителя Никколо Макиавелли (1469–1527) и связывается с идеями, изложенными в его работе «Государь». В бытовом употреблении соответствует понятиям «коварство» и «вероломство».

Н. Макиавелли считал, что каждое действие государства или его правителя допустимо, особенно во внешних, межгосударственных отношениях, если оно способно обеспечить преимущества для своей собственной страны.

Также позднее немецкий философ Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) отстаивал идею, что мораль придумана для индивидов, а в отношениях между государствами правым является то, которое сильнее.

¹⁸ *Иезуитство* — подход к моральным вопросам и проблемам, основанный на гибких моральных принципах и казуистике. Получил название по обществу иезуитов, которые широко употребляли подобные диалектические приемы в богословских спорах. Иезуитство не является объектом изучения моральной теологии и не классифицируется ею отдельно, но некоторые богословы иезуитов ввиду поощрения личной ответственности и уважения свободы совести подчеркивали важность «индивидуального» подхода к личным моральным решениям и в конечном итоге разработали и приняли казуистику. Отличительной чертой нового подхода стало то, что во время принятия решений индивидуальные стремления были более важными, чем сам нравственный закон. Этот прием был описан как «попытка достичь святых целей не святыми средствами». В бытовом употреблении соответствует понятиям «лицемерие», «двуличие»:

¹⁹ ... просветительская деятельность иезуитов, завершенная ко времени Генриха IV. Она имела своей целью восстановление царства фанатизма и убийства и возрождение дела Варфоломеевской ночи, но уже в масштабе Тридцатилетней войны. — Имеется в виду миссионерская деятельность ордена иезуитов. Иезуиты, или орден иезуитов — мужской монашеский орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 г. Игнатием Лойолой и утвержденный папой Павлом III в 1540 г.

Иезуиты сыграли большую роль в контрреформации, считались католической армией спасения, боролись с распространением протестантизма, активно занимались наукой, образованием и миссионерской деятельностью. Члены Общества Иисуса наряду с тремя традиционными обетами (бедности, послушания и целомудрия) дают и четвертый — послушания Папе римскому «в вопросах миссий»: Главным принципом иезуитов был лозунг “*perinde ac cadaver*” — «труп в руках хозяина», т. е. Папы. Служение иезуитов Папе Римскому было беспрекословным. Они отстаивали принцип верховенства власти папы во всех сферах, вплоть до низложения монархов. Они выработали свою доктрину тиранубийства, за что их позднее стали подозревать в связи с убийствами Генриха III и Генриха IV.

²⁰ *Рюльер* Клод Карломан (Claude Carloman de Rulhière) (1735–1791) — французский поэт, писатель, историк. “*Histoire de l’anarchie de Pologne et du démembrement de cette république*” («История анархии в Польше и разделения этой республики») (1807, 1862).

Огинский Михаил Клеофас (*Michał Kleofas Ogiński*) (1765–1833) — польский композитор-любитель, автор знаменитого полонеза Огинского. Участник восстания Костюшко и дипломат Речи Посполитой. “*Memoires sur la Pologne et les Polonais, depute 1788 jusqu’à la fin de 1815*” («Воспоминания о Польше и о поляках с 1788 до конца 1815 г.») (1826–1827).

Ходзько Леонард (Léonard Chodzko) (1800–1871) — польский историк. “*Tableau de la Pologne ancienne et moderne: sous les rapports géographiques, statistiques*” par Conrad Malte-Brun, Léonard Chodzko Joachim Lelewel, Michał

Podczaszyński («Древняя и современная Польша в географическом и статистическом отношении» Конрада Малте-Брюна, Леонарда Ходзько, Иоахима Лелевеля, Михаила Подсажинского (1830)), «Massacres de Galicie et Cracovie confisquée par l'Autriche en 1846» («Резня в Галиции и Кракове под властью Австрии в 1846» (1861)), «Histoire populaire de la Pologne» («Популярная история Польши» (1863)).

Лелевель Иоахим (Joachim Lelewel) (1786–1861) — польский историк, общественный и политический деятель, профессор Виленского университета. «Tableau de la Pologne ancienne et moderne: sous les rapports géographiques, statistiques» par Conrad Malte-Brun, Léonard Chodzko Joachim Lelewel, Michał Podczaszyński («Древняя и современная Польша в географическом и статистическом отношении» Конрада Малте-Брюна, Леонарда Ходзько, Иоахима Лелевеля, Михаила Подсажинского (1830)), «Histoire de Pologne» («История Польши» (1844)).

²¹ ...польскими диссидентами. — Имеется в виду некаатолическое население Польши в XIX в.

²² Сама Екатерина в то время только что конфисковала земли русских монастырей... — имеется в виду секуляризационная реформа, проведенная в Российской империи императрицей Екатериной II в 1764 г. с целью изъятия церковных владений, упразднения части монастырей, а также определения содержания для епархий и некоторых обитателей.

²³ ... поляков, преданных своим древним варварским законам, этому своему исконному хаосу. — Вероятно, речь идет о реформировании польского законодательства в середине XVIII в. Первые попытки проведения реформ относятся к 1763–1764 гг. — периоду «бескоролья», наступившему после смерти короля Августа III. На конвокационном сейме (сейм, собиравшийся после смерти короля для организации созыва избирательного (элекционного) сейма, который должен был выбрать нового короля) в 1764 г. был принят ряд реформ, наиболее существенными из которых были ограничение *liberum veto* при решении на сеймах вопросов экономического характера, учреждение общегосударственных финансовых и военных комиссий, ликвидация судебной власти шляхты над горожанами и др. Главным злом считалось историческое *liberum veto* (лат. «свободное вето») — принцип парламентского устройства в Речи Посполитой, который позволял любому депутату сейма прекратить обсуждение вопроса в сейме и работу сейма вообще, выступив против. Истоком этого принципа стала традиция единодушного принятия решений в сейме, где каждый шляхтич представлял свою область, был избран местным сеймиком и нес перед ним ответственность за все решения сейма, а также федеративного характера самого польско-литовского государства. Решение, принятое большинством против желания меньшинства (даже если это был только один сеймик), считали нарушением принципа политического равенства. В первой половине XVIII в. эта практика становится все более и более обычной для сессий сейма, которые прекращались в соответствии с *liberum veto*. В царствование нового короля Станислава-Августа (1764–1795) постоянно шла борьба между партией, желавшей реформ, и защитниками традиций сеймиковой автономии. Реформы 1764 г. были попыткой усилить центральную власть в польском

государстве, но их результаты сказывались недолго. Шляхта ожесточенно сопротивлялась проведению реформ в жизнь, так как в ограничении *liberum veto* усматривала покушение на свои вольности, а городское сословие еще не выступило на арену политической борьбы.

В 1767 г. под влиянием России партия недовольных новыми реформами составила Радомскую конфедерацию, которой удалось утвердить так называемые Кардинальные права. «Кардинальные права» закрепляли все отмененные в ходе предыдущих реформ практики прошлого, в том числе *liberum veto*, избираемость королей, шляхетские привилегии и т. д. Под гарантией России «Кардинальные права» Речи Посполитой объявлялись нерушимыми.

²⁴ *Например, на собрании сейма один из них, встав на колени, держал подле себя сына шести лет и с кинжалом в руке кричал, что убьет его, если кто-то посмеет изменить древние законы и что желает оставаться свободным или же убить своего ребенка.* — Вероятно, речь идет о возможном случае при реформировании польского законодательства середины XVIII в. — Подробнее см. примечание выше.

²⁵ *... во время восстания Костюшко ...* — национально-освободительное восстание на территории Речи Посполитой в 1794 г. под предводительством Тадеуша Костюшко против режима власти, установленного Тарговицкой конфедерацией при поддержке России и Пруссии.

²⁶ *... издает клич Спартака, призыв к восстанию рабов ...* — Спартак — бывший римский раб-гладиатор, возглавил восстание на территории современной Италии в период 74 (73) — 71 гг. до н.э. Его армия, состоявшая из беглых гладиаторов и рабов, разбила в ряде сражений несколько римских легионов, в том числе две консульские армии. Эти события вошли в историю как восстание Спартака, третье по времени крупнейшее восстание рабов в Риме после первого и второго Сицилийских восстаний. «Клич Спартака» (перенос.) имеет значение призыва к объединению и борьбе против несправедливости и угнетения.

²⁷ *... политики, которую Австрия применит в 1846 г. во время резни в Галиции.* — Галицийское восстание — крестьянское восстание на территории Западной Галиции в феврале—марте 1846 г., представлявшее собой волну массовых погромов и убийств местной шляхты, знати, правительственных чиновников, священников. Вошло в историю как Галицийская резня. Решениями Венского конгресса 1815 г. город Краков с прилегающей к нему территорией был объявлен «свободным, независимым и строго нейтральным городом» под покровительством Российской империи, Австрии и Пруссии, которые разделили между собой территорию некогда единого Польского государства еще в конце XVIII в. Эти государства обязались уважать нейтралитет вольного города и не вводить на его территорию свои войска ни при каких условиях. Взамен Краков должен был выдавать шпионов и дезертиров, бежавших на его территорию. Однако после поражения восстания в 1830 г. Краков превратился в основной центр польского подполья. Здесь с большим размахом действовали эмиссары польской эмиграции, при участии которых в Кракове был создан Революционный комитет, подготовивший новое восстание, назначенное на ночь с 21 на 22 февраля 1846 г. Аресты среди организаторов на польских землях,

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА

находившихся под управлением Пруссии и России, позволили подавить это восстание в зародыше. На территории австрийской Галиции восстание получило более широкий размах, но здесь повстанцев опередили инспирированные австрийскими властями крестьянские выступления. Австрийские власти в качестве противодействия заговорщикам использовали недовольство местных крестьян и распространили слухи о том, что шляхта планирует начать силовые действия против крестьянства. Тем самым был дан толчок к убийствам и грабежам дворянских поместий. Галицийские крестьяне, поднявшиеся против помещиков, фактически оказались союзниками австрийского правительства. Вооруженные отряды крестьян ограбили и уничтожили в течение нескольких дней февраля—марта 1846 г. более 500 поместий (в районе Тарнува было уничтожено более чем 90% усадеб). Убито, часто самым жестоким способом (отсюда и название этих событий «резня»), от 1200 до 3000 человек, почти исключительно представителей шляхты, знати, государственных чиновников, в их числе десятки священников. Крестьяне с особой жестокостью убивали своих хозяев, в том числе отрезали или отпиливали им головы. Австрийцы же за убитых помещиков выплачивали восставшим денежное вознаграждение. Так как выплачиваемые за мертвых суммы были выше в 2 раза и более, чем оплата за раненых или покалеченных шляхтичей, многие схваченные ранеными людьми приводились бандитами в Тарнув и убивались на пороге особняка австрийской администрации в центре города. По воспоминаниям очевидцев, это носило такой массовый характер, что кровь рекой текла по улицам города.

Комментарии В.А. Мильчиной, О.Е. Сорокопудовой

Эрнест Кёрдеруа

УРА!!! ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ ОТ КАЗАКОВ¹

Глава первая

Общее изложение причин, обуславливающих
неизбежность завоевания Западной Европы Россией

To be or not to be?

Шекспир

А. Доказательства, основанные на воле судеб

Все в природе постоянно обновляется. Жизнь — это череда превращений. Социальная эволюция есть непрерывная революция. Революция — способ сохранения того, что существует.

Современное общество терзаемо органическим недугом, от которого его может избавить только революция всеобъемлющая.

Цивилизация больше не удовлетворяет потребности человечества, она больше не отвечает его чаяниям и способностям; день за днем она ветшает и дряхлеет, тогда как род человеческий растет и молодеет. Рамка тесна для картины.

Одно из двух: либо Цивилизация падет — либо исчезнет с лица земли человечество, которое по ее вине страдает от Нищеты, Голода, Рабства, но также и от Роскоши.

Впрочем, цивилизованное общество временно по своей сути, в основе его лежат человеческие условности, и жить ему осталось недолго; тогда как общество человеческое по природе своей долговременно, в основе его лежат ценности вечные, и жить оно, по всей видимости, будет еще очень долго; отсюда следует: исчезнуть обречена Цивилизация, а не Человечество.

Измениться суждено и этнографии Европы. Слишком велико несоответствие между народами, населяющими восточную и западную части этого континента. Россия не может пребывать, как прежде, в окружении подчиненных ей наций и в отдалении от наук и интеллектуальной жизни Юга². Со своей стороны нации Запада не могут прозябать, как прежде, питаясь только своими собственными силами, ибо кровь их жидка, а из скрещения одной европейской нации с другой ничего жизнеспособного не родится.

Это противоестественное разделение народов приводит к тому, что они пасуют перед всякой абсолютной властью — материальной, как в России, торговой, как в Англии, интеллектуальной, как во Франции. А между тем поглощение одной нации другой, чем бы оно ни объяснялось, всегда будет нарушать законный порядок вещей. Более того: обретая над завоеванными нациями относительное превосходство, нация-победительница уступает им во многих других отношениях. Чрезмерное развитие одной способности лишает организм равновесия и вредит здоровью как человека, так и всего человечества.

Этнография Европы должна измениться. Нациям Севера недостает инициативы и образованности для того, чтобы приблизить на деле чаемые Равенство, Свободу и Счастье. В то же время нравственные их понятия не позволяют им больше терпеть рабство так же покорно, как прежде. Что же касается наций Юга, у них не осталось ни свободной земли, ни праздных рабочих рук для того, чтобы и далее опираться на принцип монополии, который, например, составляет силу Америки³. Если люди во множестве переселяются с одного континента на другой, это недвусмысленно свидетельствует об упадке того континента, который предоставляет рабочую силу. [...]

В Западной Европе цивилизация, бесспорно, господствует. Здесь все за нее: интересы большинства и печать времени, все правительства и армии и — за неимением правосудия — все привычки, предрассудки, общественное мнение. Она будет защищаться отчаянно, стоять не на жизнь, а на смерть. Одолеть ее с помощью убеждения, энтузиазма и требований справедливо-

сти невозможно. Следует понять раз и навсегда: одолеть Силу цивилизации может только Сила превосходящая!! [...] Я взыскую именно Силы, ибо Идея решает лишь собственные задачи. Идея предполагает, а Сила располагает — как бы эта Сила ни называлась: Богом, царем, нацией-завоевательницей или мятежной толпой. [...]

Б. Доказательства, основанные на современном положении

Запад не сдастся добровольно!

В таком случае не все ли мне равно, откуда явится и как будет зваться тот *народ-меченосец*, который при свете факелов погрузит Европу во власть анархии? Не все ли мне равно, будет ли это мой брат в Адаме, во Христе или в Мятеже? Разве война за счастье человечества не есть долг всех наций? И разве те нации, что прежде отдыхали, не берутся за дело в то мгновение, когда их сестры выбиваются из сил?

Моя вольная душа презирает пустые попечения о национальных интересах. Мною движет лишь желание возвестить истину, и я ищу в Европе силу, внешнюю по отношению к Западу, силу, чьи интересы были бы противоположны интересам Цивилизации, чьи судьбы были бы не похожи на наши; силу, не втянутую в современную систему; силу, чьи чаяния обширны, а свершения пока немногочисленны; силу новую, более могущественную, чем сила Цивилизации, способную одержать над ней победу и развеять ее останки по ветру... Все, что угодно, лишь бы положить конец всем этим ненавистным, из века в век возрождающимся Вавилонам и Содомам⁴, где погибли тысячи моих братьев и где вот-вот погибну я сам ...

Такой силы, единой, сплоченной и более могущественной, нежели та, благодаря которой существует сегодня Франция, — силы послушной, дисциплинированной, вышколенной деспотическим правлением; рабски покорной, в отличие от той, на которую опирается сегодня Франция: силы воинственной и завоевательной, слепой, глухой и немой, разрушительной, прези-

рающей условности и требования чести, кровожадной и более беспощадной, нежели все *сентябрьские* и *декабрьские* убийцы во Франции⁵: силы, не считающейся ни с какими потерями, ни с какими бедствиями и беспрестанно возрождающейся в лоне нации, которая может и хочет до бесконечности поставлять новых солдат и новые боеприпасы, в отличие от Франции, которая этого не может и не хочет. Такой силы я не нахожу нигде, кроме как в России.

а) *Сила, на которую опирается Россия, есть сила единая, сплоченная и более могущественная, нежели та, благодаря которой существует сегодня Франция.* Вот первое условие ее победы.

Ибо дуб можно свалить только стальным топором; металл тверже, острее, грубее, чем дерево. Я никогда не отводил России иной роли; я сказал, что она станет дубиной, которая расплющит западные страны с их интересами, станет мечом, который разрубит гордиев узел монополии. Только моим противникам из *злободневных политических листков*⁶ могло прийти на ум, будто я приписываю русской силе интеллектуальное могущество. [...] Я вижу в России силу разрушающую; я утверждаю, что она станет рычагом, способным перевернуть мир, что она швырнет к своим ногам потаскуху Цивилизацию и с презрением отвергнет ее продажные ласки. Кроме того, я утверждаю, что *настала пора* пустить эту силу в ход и что в настоящее время Россию можно назвать грозой западных лавочников, третейским судьей, решающим судьбу Европы, якорем спасения Человечества. Возражать мне станут только трусы.

б) *Сила, на которую опирается Россия, есть сила послушная, дисциплинированная, вышколенная деспотическим правлением, рабски покорная, в отличие от той, на которую опирается сегодня Франция.* Вот второе условие ее победы.

Ибо чем более абсолютна деспотическая власть, тем более она приспособлена для войны; а всякий деспотизм и всякая война, как я вскоре докажу, неминуемо приводят к революции. Важно, чтобы войну, завоевания, — а следовательно, и Революцию, — осуществлял в Европе народ молодой, новый. В нынешней борьбе великие западные державы — всего-навсего второ-

степенные действующие лица, а их правительства — паразиты, которые, разумеется, будут в той или иной мере влиять на решенные задачи, — но не более того. Настоящая война развернется между царским деспотизмом и личной свободой; истинные антитиподы — это казаки и Революция. А решение будет следующее: Революция от казаков*⁷. Ибо исходные данные задачи всегда присутствуют и в ее решении; все зависит лишь от того, в каком порядке их расположить.

в) *Сила, на которую опирается Россия, есть сила воинственная и завоевательная, слепая, глухая и немая, разрушительная, презирующая честь как пустую условность, кровожадная и более беспощадная, нежели все сентябрьские и декабрьские убийцы во Франции.* — Вот третье условие ее победы.

Ибо армии, состоящие из солдат с чувствительными сердцами и чутким слухом, из солдат пронизательных и болтливых, толстых, сытых и богатых, из солдат, которые еще недавно были лавочниками, — такие армии для войны не годятся. Ибо тот, кто боится крови и насилия, боится грабить, поджигать и нарушать клятвы, тот не способен быть воином.

г) *Русская сила не считается ни с какими потерями, ни с какими бедствиями; она беспрестанно возрождается в лоне нации, которая может и хочет до бесконечности поставлять новых солдат и новые боеприпасы, в отличие от Франции, которая этого не может и не хочет.* Вот четвертое условие ее победы.

Ибо цивилизованный человек действует осмотрительно, размышляет и рассчитывает, сомневается и опасается. А варвар идет в бой и умирает смеясь. Именно варвар — настоящий солдат, который стоит насмерть и достигает цели любыми средствами. Так вот, Россия — нация, целиком состоящая из подобных

* Никто не хочет понять это, в сущности, простое утверждение. Весь мир восхищался пресловутым предсказанием первого Бонапарта: «Меньше чем через полвека Франция будет или казацкой, или республиканской». В этом афоризме Мемнона из Собора инвалидов что ни слово, то бессмыслица. Республика или казаки! В девятнадцатом веке говорить такое — значит ничего не понимать и ни в чем не смыслить. Республика или казаки! Разве этими словами можно исправить нынешнее неустройство? Поистине великие политики — весьма посредственные философы. — Здесь и далее прим. Кёрдеруа.

людей, нация, где все без исключения верят в то, что их миссия — завоевывать и разрушать. Это земля, где человеческие существа покидают материнское чрево и домашний очаг исключительно ради того, чтобы по воле самодержца занять свое место в строю. Это страна, где по приказу самодержца бояре, то есть богачи, в один день лишаются всего своего состояния и смиряются с этим, не ропща. А богатства этой горстки людей расходуются на то, чтобы превратить в военные машины добрую половину населения земного шара!!

Пусть Наполеон III Возлюбленный⁸ в свой черед потребует от подданных, чтобы они отдали ему и детей, и деньги, — тут-то все и выяснится! Причем выяснится гораздо скорее, чем можно подумать!!

В. Доказательства, основанные на устройстве человеческого организма

Всякий молодой человек или молодой народ нуждается в развитии органическом. Раннее детство наше полностью отдано физическому росту. Точно так же обстоит дело и с ранним детством народов.

Возраст народов, точно так же, как и возраст людей, измеряется не годами. Из того, что славяне, — во всяком случае, большинство славян — явились на мировую сцену в то же самое время, что и варвары, покорившие Римскую империю, не следует, что сегодня их можно назвать ровесниками тех варваров, которые некогда окунулись в великий поток общественного совершенствования и с течением веков сделали нынешними цивилизованными народами.

Франки, саксонцы и германцы, например, за это время не только развились физически; они истощили свои мыслительные способности: их ум прошел через отрочество, окреп и достиг зрелости. Между тем славянская раса оставалась в арьергарде завоевателей, она пребывала за кулисами великого театра человеческого существования и выжидала там, сжимая рукоять своего меча. Вся ее история есть не что иное, как череда войн, которые

то обращали ее (славянскую расу. — *Сост.*) в рабство, то предоставляли ей власть, которую она удерживала с величайшей жестокостью.

Славяне и по сей день остаются детьми в колыбели. Последние три столетия они изо всех сил стремятся эту колыбель покинуть; на первых порах они повиновались деспотическому правлению, а затем вовлеклись в беспрестанные битвы с вражескими армиями и враждебной природой. Способности свои и силы они употребляли исключительно на приращение материального могущества; подобно тому как ребенок, потягиваясь, простирает руки из колыбели, они широко простерли свою власть, завладев многими территориями. Ни на одном этапе своего развития народ этот покамест не обнаружил наличия у него нравственной жизни, способной сравниться с нравственной жизнью других европейских стран. Русский ум был задушен путами деспотизма.

Из этого, опираясь на закон аналогии, я вывожу, что славянская раса поначалу будет переживать болезнь роста, а затем, преодолев этот кризис, вступит в фазу отрочества и стремительно начнет возвращать в возмужавшем организме дремавшие прежде ум и душу.

Умственное развитие, напротив, есть отличительная черта всех людей и народов, у которых за плечами — долгие годы жизни. Каждый из нас начинает изощрять свой ум, лишь достигнув зрелости. То же и с нациями.

Не все народы развивают нравственность в одни и те же сроки. Мы совершенствовали христианскую цивилизацию в течение тринадцати столетий. Сколько времени потребуется новым варварам на развитие цивилизации социалистической? Мы скоро сделались стариками; славяне долго оставались молодыми.

Все расы, населяющие землю, развиваются с разной скоростью: таково всеобщее правило.

Что же все это доказывает? Что народы суть не что иное, как временные орудия вечного и всеобщего движения; что движение это продолжается безостановочно и при необходимости заменяет одно орудие другим; что для различных видов работы

потребны различные орудия; ... что революция социальная есть революция по природе своей органическая и вечная, а революция политическая есть революция временная, плод интриг и обманутых ожиданий и что первую из этих революций остановить невозможно. ... Таким образом, я утверждаю, что мы, старые народы, одряхлеем и сделаемся бесполезными для человечества, тогда как народы юные и деятельные, настоящие социалистические революционеры, положат конец нашим бесплодным политическим дрязгам. [...]

Если на Западе суждено появиться новому обществу, Революция, которая его породит, разразится не в центре цивилизованного мира, — она придет извне и, медленно продвигаясь от окраин к центру, постепенно, область за областью, будет покорять своему влиянию пребывающий в упадке старый мир. [...] Так вот, единственный чужеземный народ, способный совершать завоевания и революции, — это Россия. [...]

Г. Доказательства, основанные на сравнении

Две нации: французская и русская — алчут Свободы, Справедливости, Счастья — целей, к которым стремится все человечество; русская нация ускорит движение к цели. Я утверждаю, что:

- славяне стоят ближе, чем мы, к равенству в свободе, потому что они равны в рабстве, тогда как у нас нет ни равенства, ни уверенности в завтрашнем дне;
- славяне расположены поддержать всякое преобразование общества, потому что они от революции только выиграют, тогда как мы расположены противиться всякому преобразению общества, потому что ждем от революции только лишений;
- славяне суть *бессознательные* революционеры, ибо таков их интерес, тогда как наш общественный интерес состоит в том, чтобы противиться революции, хоть мы и тщимся казаться революционерами; ведь никто ничего не делает бескорыстно. Всякий работник требует *хоть какой-нибудь* платы. С революционным трудом дело обстоит так же, как с любым другим: кто много говорит, тот мало делает. Цивилизованные *демократы* слишком

бескорыстны на словах и слишком болтливы в деле, чтобы продвинуть революцию хоть на шаг.

Я утверждаю, что:

- славянам будет легче свергнуть деспотическую власть одного правителя и отобрать собственность у феодалов, нежели нам одолеть тысячу противоборствующих властей, защищающих тысячу разных интересов;
- хотя рабство везде рабство, народам лучше иметь дело с открытой, единой, наследственной, безжалостной абсолютной властью, от которой при желании можно быстро избавиться, нежели с деспотизмом лицемерным, раздробленным, выборным и переменчивым, таким, который верховодит в Западной Европе и против которого мы бессильны что-либо предпринять, потому что он разделяет нас на множество разрядов;
- шестьдесят миллионов славянских крестьян быстрее одолеют горстку *бояр*, чем несколько тысяч цивилизованных революционеров — целое общество собственников;
- славяне, грубые и прозябающие в невежестве, лучше поймут и скорее примут радикальное отрицание и утверждение, которое принесет грядущая революция, нежели мы, цивилизованные существа, чей ум затуманен тиранией традиций, предрассудков и бесчестной корысти;
- они устремятся к Счастью, и ничто не сможет их остановить, тогда как мы себе на горе будем держаться за призрачное подобие порядка, законности и права.

Я утверждаю, что:

Нам не под силу объединить противоположные расы, ибо наш характер определен раз и навсегда: чрезмерное богатство, с одной стороны, и чрезмерная бедность — с другой; роскошь, ученость, благополучие на поверхности; пауперизм и невежество в глубине. Иное дело — русский народ; его характер отличается неопределенностью, и потому народ этот соединит европейские нации, задыхающиеся в своих границах, с народами Азии, вольно дышащими в своих степях; сходным образом со временем он примирит первобытную потребность в равенстве и свободе со всеми завоеваниями цивилизованной экономики.

Невозможно ввести новый общественный порядок в таких странах, где нации издавна ограничены одними и теми же законами и подчиняются старинным договорам. Ибо, согласно этим законам, все граждане разделены на разряды; согласно этим договорам все богатства распределены между собственниками, а привилегии принадлежат большинству, которое будет стоять насмерть, лишь бы не позволить меньшинству довести до конца свою подрывную деятельность. До тех пор, пока прежний порядок не будет атакован извне, он останется незыблем, несмотря на всю свою несправедливость, ибо будет находиться под защитой целой системы привычек, уничтожить которую под силу только завоевателям. Напротив, в такой стране, как Россия, где общественная система, навязанная сверху, так и не вошла в плоть и кровь населения, где правительство и дворянство составляют едва заметное меньшинство, — в такой стране новые идеи, выгодные обездоленному большинству, будут усвоены немедленно; им не придется вести борьбу с интересами прежних господ.

В то время как славянская раса наливается силой на востоке Европы, западные нации, которые сегодня еще способны ненадолго привлечь к себе внимание всего мира, с каждым днем все больше приходят в упадок. В то время как славянский мир объединяется под властью деспотизма, мир германо-латинский разлагается под властью анархии. В то время как каждый русский — настоящий солдат, покорно занимающий свое место в строю и готовый ринуться в бой, каждый гражданин цивилизованного мира всего лишь собственник, который желает сохранить свой клочок земли, или философ-социалист, который гордо отстаивает свое право участвовать в разрушении существующего порядка. В то время как Север находится еще на стадии завоевательных войн и конфликтов между нациями, мы уже давно истощаем силы в войнах гражданских, в столкновениях общественных принципов; мы не способны даже к обороне. Эти противоборствующие тенденции были продемонстрированы как нельзя более явно в последней большой европейской войне. Волна варваров-завоевателей прокатилась по Европе, не встретив ни малейшего сопротивления; из недр нашего славного отечества

не вышло даже горстки людей достаточно деятельных, достаточно *патриотичных*, достаточно презирующих интересы материальные, чтобы превратить плодородные поля, по которым предстояло двигаться неприятелю, в пустыни. В то время как русские в порыве дикого воодушевления сожгли Москву⁹, французы не сумели даже защитить Париж¹⁰.

Полвека назад во Франции еще встречались патриотизм и энтузиазм, пылкое юношество и восхищение великими полководцами, поклонение отчизне и славные знамена, под которыми армии шли в бой. Алячное торгашество и безнравственные спекуляции имели над нами куда меньше власти, чем сегодня. И тем не менее даже тогда, в расцвете славы, имея позади пятнадцать лет непрерывных побед, Франция пала под натиском России, сосредоточившей в себе мощь Священного союза¹¹. Что же сможет противопоставить сегодняшняя буржуазная Франция той же России, лишь безмерно усилившейся?.. Она не продержится и полугода. Поживем — увидим!.. Что до меня, то я утверждаю: совершается только то, что может совершиться; я ставлю не на деньги, а на силу.

В нас стремятся заглушить голос естественных страстей и законных притязаний, а мы еще и содействуем этому стремлению, покоряясь требованиям морали, противной природе. Нисколько не понимая себя, мы себя ограничиваем; нас губит заразительное дыхание нам подобных. Мы все скроены по одному и тому же образцу, все имеем одинаковые души и носим одинаковые одежды, а *выдающимся* называем того, кто особенно хорошо умеет подражать окружающим. Между тем русские славяне, повинувшись своей дикой натуре, предаются неукротимым страстям и вменяют себе в заслугу все выходки, которых мы стараемся избегать, а равно и все покушения на авторитет своих повелителей: ибо они, как говорит А. Герцен, не уважают закон, а лишь боятся наказания¹². [...]

Мы спорим о том, не пора ли нам организовать оборону, в тот момент, когда на наших флангах уже льется кровь. Русские же пользуются самым ничтожным поводом, чтобы перейти в наступление.

Мы живем на юге, а они на севере. Так вот, никому не удастся завоевать север! Никто не может там удержаться! Того, кто осмеливается сунуться на север, поджаривают на огне, как Наполеона в Москве!! Напротив, северные расы устремляются на юг и обновляют его.

Они ныне в том возрасте, когда кровь резво бежит по жилам и стучит в висках, когда нации и люди грезят о славе и свободе. А мы состарились, меч выпадает из наших слабеющих рук, и защищаемся мы исключительно на словах.

У нас воспаленный мозг, восторженная душа и хрупкое здоровье; силу мы считаем излишеством. Повторяю еще раз: пусть казаки научат нас жить.

Мы стары и хотим плыть против течения времени: попытка, обреченная на неудачу. Русские же движутся по течению, и природа им спешествует. Природа торжествует всегда, а война вовсе не так слепа и не так безумна, как твердят академики.

Мы — женственная раса, исполненная изящества, тонкости и сладострастной чувственности. Они — раса мужественная, из тех, что преследуют женственные расы, насиляют их и оплодотворяют.

Мы истощили наши силы, развивая цивилизацию, не способную составить счастье человечества. Наша душа, пережившая нас, — это идеи, рожденные меньшинством, которое ненавидит нашу цивилизацию. Напротив, славяне еще ничего не произвели, их силы и способности еще не пущены в ход. И рано или поздно они применяют их на деле, воплощая наши идеи и налагая на них печать их собственного характера.

В успехе Восточной войны¹³ заинтересованы наши правители и привилегированные классы, которые их содержат, но нации нашей, без сомнения, до этой войны никакого дела нет. Что выиграют от успехов французского оружия те, кому нечего терять и нечего беречь? Что же до тех, кто владеет собственностью, мы знаем наверняка, что они не пожертвуют ради спасения своих прислужников из правительства ни единой монетой. Между тем для России нынешняя война — война священная, ее приветствуют все, и бедные и богатые, ее воспевают все, кому

дан голос, в ней участвуют все, кому дана сила, ее восхваляли и предсказывали уже много веков подряд колдуны, проповедники и черноокие женщины, доводящие мужчин до исступления. [...]

Русские живут в чудовищных условиях; существование их не защищено даже нынешним законодательством; они повинуются правилам, зависящим от воли одного-единственного человека, и правила эти имеют силу не установлений, а законов; поверхность осквернена, однако глубины непорочны*¹⁴. «Свод законов Российской империи» — неудобоваримая мешанина статей, указов и распоряжений, противоречащих друг другу; это *pes plus ultra*¹⁵ произвола и сумасбродства. Лишь только *самодержец*, на котором держится все это помпезное сооружение, падет, его держава рухнет следом: околевший *pes* не укусит. [...]

Мы живем традициями, они живут чаяниями. Мы отступаем; они наступают. А в войне между обществами тому, кто отступает, нет пощады.

Мы собственники; они коммунисты. А во власти коммунизма меньше несправедливости, чем во власти собственников.

У нас индивид растворяется в общественном организме; у них его подавляет лишь воля властителя. А ведь тиранию личностей свергнуть легче, чем тиранию вещей.

Мы истощены лишениями всякого рода, болезнями наследственными и благоприобретенными, мелочным развратом, отравленными наслаждениями. Мы рождаемся увядшими; наши юноши движимы порочными инстинктами стариков. Славяне молоды и могучи, и мы именуем их варварами только потому, что руки их по-прежнему сильны, а ум здрав: *mens sana in corpore sano*¹⁶.

У них кости из железа, а у нас из папье-маше. Мы учимся плавать по книжкам, мы ездим верхом по науке, мы даже любовью занимаемся по прописям. Мы — искусственные люди, герои газетные и дуэльные, салонные и тепличные. Славяне остались такими, какими создала их природа.

* Наши шовинисты любят повторять вслед за Вольтером: «Русские сгнили, не успев созреть»; между тем Вольтер, верхогляд, как всякий француз, сморозил в этом случае изрядную глупость.

Мы обожаем Ученость; они поклоняются Мечу. Настало их время: час Меча пробил!!

Вся разница между Востоком и Западом Европы выражена как нельзя более ясно во фразе великого русского писателя Карамзина: дикие народы любят свободу и независимость, сказал он, а народы цивилизованные — порядок и покой¹⁷.

Перевод В.А. Мильчиной

Комментарии

Эрнест Кёрдеруа

УРА!!! ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ ОТ КАЗАКОВ

Кёрдеруа (Cœurderoy) Эрнест (1825–1862) — врач, политический деятель, публицист, коммунист-анархист. Родился в Авалоне, Бургундия, в семье врача. В 1842–1845 гг. изучал медицину в Париже, работал врачом в парижском госпитале. Под влиянием идей Ш. Фурье, П. Леру и П.-Ж. Прудона участвовал в революционных событиях 1848–1849 гг. После попытки поднять народ на восстание 13 июня 1849 г. бежал в Швейцарию, заочно приговорен Верховным судом к пожизненному изгнанию. В 1851 г. был выслан из Швейцарии, затем из Бельгии, жил в Великобритании, Испании, Италии. Занимался публицистической деятельностью и пропагандой анархистских идей. В 1859 г. отказался от амнистии, жил в Швейцарии, после продолжительной нервной болезни покончил с собой.

¹ Ура!!! Или революция от казаков. Лондон, 1854. Впервые опубликована на фр. языке (*Cœurderoy Ernest. Hurrah!!! Ou la revolution par les cosaques. Londres, 1854*). На титульном листе местом издания назван Лондон, но, скорее всего, книга была напечатана в Швейцарии или Бельгии. Накануне и во время Крымской войны «казацкая» тема активно эксплуатировалась во французском театре и во французской прессе, причем казаки рисовались самыми черными красками. Кёрдеруа трактует популярную фигуру по-своему. Казак, по его определению, — это всякий угнетенный. Книга Кёрдеруа — плод разочарования автора во французском революционном движении. Ход его мысли прост: коль скоро Франция не способна измениться самостоятельно, пусть ей помогут в этом русские завоеватели-варвары; коль скоро западная цивилизация обветшала и прогнила, пусть ее уничтожит войско Николая I. Осенью 1854 г., когда Франция уже полгода как находилась с Россией в состоянии войны, идея эта звучала настоящим вызовом.

Печатается по: *Кёрдеруа Э. Ура!!! Или революция от казаков / Пер. с фр. В. Мильчина // Отечественные записки. 2007. № 38 (5). С. 159–169.*

² Кёрдеруа характерным образом колеблется между отнесением России к числу *восточных* стран (противопоставляемых западным) или же стран *северных* (противопоставляемых южным). Подобное колебание — не личная при-

чуда Кёрдеруа; споры на эту тему ведутся в научном сообществе по сей день. Американский историк Ларри Вульф в книге «Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (1994; рус. пер. 2003) высказал предположение, что в XVIII в. вместо традиционного противопоставления Север/Юг на первый план вышла другая оппозиция: Восток/Запад — и Россия стала считаться страной восточной, однако многие коллеги Вульфа оспорили эту точку зрения (см., в частности: *Шенк Ф.-Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от Просвещения до наших дней // Новое лит. обозрение. 2001. № 52. С. 46–47; *Berelowirch W.* Europe ou Asie? Saint-Petersbourg dans les relations de voyages occidentaux // *Le Mirage russe au XVIIIe siècle.* Ferney-Voltaire. P. 59–60). Сами русские в XIX в. также относили Россию то к числу северных стран, то к числу стран восточных (азиатских) (подборку примеров см. в: *Орехов В.В.* Русская литература и национальный имидж. Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в. Симферополь, 2006. С. 268–276).

³ Под монополией Кёрдеруа понимает капиталистическую собственность и капиталистическую организацию производства в целом.

⁴ *Вавилон, Содом, Гоморра* — легендарные библейские города, которые, согласно Библии, были уничтожены Богом за грехи жителей. Воспринимаются как воплощение разврата и морального упадка.

⁵ *Сентябрьские убийцы* — участники массовых убийств аристократов в парижских тюрьмах 2–5 сентября 1792 г.; *декабрьские убийцы* — сторонники Луи Наполеона Бонапарта, будущего Наполеона III, который в ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот; попытки защитить распущенное Луи Наполеоном законодательное собрание были жестоко подавлены (в Париже было убито около 400 человек).

⁶ Имеются в виду политические журналисты, не разделявшие идей Кёрдеруа и его надежд на «революцию от казаков», например Шарль Рибероль, главный редактор эмигрантской республиканской газеты «Человек», выходившей на английском острове Джерси.

⁷ В примечании Кёрдеруа называет Мемноном — именем прославленного героя-воина древнегреческих мифов — императора Наполеона I, гробница которого находится в соборе Дома Инвалидов в Париже.

⁸ *Шарль Луи Наполеон Бонапарт* (Наполеон III) (1808–1873) — первый президент Французской республики 1848–1852 гг., император французов 1852–1870 гг.. Племянник Наполеона I.

⁹ Имеется в виду московский пожар 1812 г., который произошел 2–6 сентября во время оккупации французами Москвы, оставленной русской армией после Бородинского сражения. Пожар охватил практически весь Земляной город и Белый город, а также значительные территории на окраинах города, истребив три четверти деревянных в своей массе построек. Существует несколько версий возникновения пожара: организованный поджог при оставлении города, поджог русскими лазутчиками, неконтролируемые действия оккупантов, случайно возникший пожар, распространению которого способствовал общий хаос в оставленном городе. Очагов у пожара было несколько, так что возможно, что в той или иной мере верны все версии.

¹⁰ Имеется в виду сражение за Париж в 1814 г. 30 марта союзные армии фельдмаршалов Блюхера и Шварценберга (главным образом русские корпуса) атаковали и после ожесточенных боев захватили подступы к Парижу. Столица Франции капитулировала на следующий день, прежде чем Наполеон I успел перебросить войска для ее спасения. Сражение за Париж стало в кампании 1814 г. одним из самых кровопролитных для союзников, но в результате окончил эпоху Наполеоновских войн.

¹¹ Имеются в виду Наполеоновские войны (1799–1815), которые велись Францией с разными государствами Европы и закончились ее поражением и свержением Наполеона I. *Священный союз* — консервативный союз России, Пруссии и Австрии, созданный с целью поддержания установленного на Венском конгрессе (1815) международного порядка. Венский конгресс определил новую расстановку сил в Европе, сложившуюся к концу Наполеоновских войн, на долгое время обозначив ведущую роль стран-победительниц — России, Пруссии, Австрии и Великобритании — в международных отношениях.

¹² Имеется в виду рассуждение А.И. Герцена в пятой части работы «Былое и думы»: «У вас уважение к закону значит уважение к квартальному или к городовому сержанту» (*Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 4–5. М.: ГИХЛ, 1958. С. 335*).

¹³ Восточная война (Крымская война) (1853–1856) — война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму.

¹⁴ В примечании Кердеруа ошибается, называя автором этой максимы Вольтера; впервые обнародованная в «Истории обеих Индий» аббата Рейналя (1774), где она вложена в уста некоего анонимного «чужестранца», она с легкой руки Жермены де Сталь («Десять лет в изгнании», изд. 1821) приписывается Дидро.

¹⁵ Крайняя степень (*лат.*).

¹⁶ В здоровом теле — здоровый дух (*лат.*).

¹⁷ Имеется в виду рассуждение Н.М. Карамзина в исторической повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»: «Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок» (*Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 683*).

Комментарии В.А. Мильчиной, О.Е. Сорокопудовой

Histoire de la Sainte Russie

Préfacée par
Hélène Carrère d'Encausse

Gustave Doré

Гюстав Доре

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОБРАЗНАЯ, УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ
И ПРИЧУДЛИВАЯ ИСТОРИЯ СВЯТОЙ РУСИ

Фрагменты¹

В непроглядной вековой тьме затеряно начало истории России. И только IV столетие предъявляет нам нечеткие ее очертания. Однако первые десятилетия этой эпохи не представляют для нас большого интереса.

Если верить древнейшим источникам, между 2-м и 3-м годами могучий белый медведь Полнор пленился многообещающей улыбкой красотки моржихи. В результате этой порочной связи явился на свет первый русский (Nest.: p.: et ecc.; gloss. Conrad; apud. Sev. !: ? et q. s.). Правда, другие летописцы в качестве прародительницы русских упоминают не красотку-моржиху, а заурядную самку пингвина (§ XX II C. eccl. A. 8i6: et apud. Gall.: int.: et contra: § XIXIV etenim vero: ? sedin imp.: de tit. 181)². Между тем некоторым светилам науки для начала не мешало бы сломать друг другу парочку ребер, дабы обоюдно утвердиться в своих притянутых за уши догадках. Но мы-то, к счастью, не принадлежим к тем, кто позволяет себя дурачить избытком бесплодных знаний.

Вооружись, дорогой читатель, скептической благородной усмешкой и не расставайся с нею ни при каких обстоятельствах. Но советую помнить, что лишь посредством необычайной учености или слепого отвращения сможешь ты противостоять русским чарам. [...]

Первые русские поклонялись Перуну³ как божеству мира и войны, дружбы и вражды, порядочности и коварства, лицемерия и правдивости и т. д., и т. д., и т. д. На алтарь Перуну приносили в жертву всякого, кто осмеливался открыто высказать свое мнение. Согласно заповедям этой религии, змеи и прочие вредонос-

ные твари считались не менее могущественными, чем, к примеру, святые.

Что касается жрецов, то они использовали любой повод для применения бича, дабы принудить обычного смертного к покаянию и взыскать с него пеню. Тогда-то и возникло слово «кнут», что в связной и выразительной славянской речи означает то единственное средство, которое заставляло древних русских лезть, как они говорят, из кожи (к слову, довольно грубой), чтобы приобрести твердость духа и стойкие убеждения.

Будучи высокого мнения о своих женах, древние русские позволяли им крутить собой как угодно.

Наевшись наконец досыта, русские, руководимые лишь собственными инстинктами и страстями, решились в один из дней избрать единственного властителя. После недолгого выяснения отношений спорящие партии сошлись на том, что для управления народом требуется один, однако целый мужчина. Но в ходе усиленных поисков обнаружилось, что среди уцелевших никто (даже люди, имевшие при себе все конечности) не жаждет возглавить массы.

Таким образом, возникла необходимость пригласить претендента из соседней Азии. При первом же появлении Рюрик⁴ поспешил доказать, что в силе духа, а главное в меткости он превосходит своих не столь одаренных братьев. Заполучив трон, Рюрик тотчас же направил свои стопы к Константинополю. Но вскоре ему пришлось возвратиться домой, чтобы умереть от почечной колики.

Его престолонаследник Игорь⁵ также направил свои стопы к Константинополю, но вскоре вернулся в Новгород, где, подобно Рюрику, поспешил умереть от почечной колики. Наследник Игоря Олег⁶ тоже не замедлил направить свои стопы к Константинополю и, воротившись в отечество, был сражен тем же недугом, что и его предшественники.

Когда ж и унаследовавший трон Изяслав⁷ обнаружил у себя симптомы этой семейной болезни, лейб-медик дал ему совет: чтобы победить Турцию, достаточно овладеть Черным морем да излечиться от воображаемой хвори. Вняв доброму совету и про-

возгласив, что хочет вернуться лишь победителем турок, Изяслав отправился в путь.

Однако прием, выпавший на его долю в этой водолечебнице, оскорбил Изяслава настолько, что он, ослепленный яростью, не смог воспрепятствовать силе, разбившей там все его суда. На обратном пути Изяслав осыпал площадной бранью противостоящий ему ветер. Но спустя некоторое время его застал врасплох еще более сильный встречный ветер, от которого у него и вовсе дух перехватило.

Это мгновение всеобщего отчаяния решительно использовал сохранивший присутствие духа Василий. Задумав провозгласить себя наследником Изяслава, во все легкие проорал он, что кроме него никто не даст народу спасения. Незаконность этого возвышения повергла народ в величайшую смуту, которая так возмутила сына Василия Игоря, что он очень ретиво поспособствовал тому, чтобы и у отца немедля появились признаки все той же злополучной княжеской хвори.

Но довольно о коликах, хотя воистину тяжко — при всей объективности, с одной стороны, и всей совестливости, с другой стороны, — беспристрастно продолжать этот скорбный отчет. Вскоре престолонаследник Игорь, воодушевленный примером своих предшественников, самым коротким путем достиг врат Константинополя. Убедившись, что стража не горит желанием опустить подъемный мост, он торжественно провозгласил, что прибыл заключить с турками некое соглашение. Но коль они, паче чаяния, ответят на это отказом, вся просвещенная Европа не замедлит нанести им удар в спину. Надо ли объяснять, что турки, которые никогда не были приверженцами словесных игр, ответили на это предложение, мягко говоря, своеобразно.

После смерти Игоря (да простит нас читатель, но мы не можем точно сказать, каким образом он скончался) тайным искусствам русской политики обучала очередного наследника царица Ольга⁸. Она пыталась втолковывать ему, как способствует размышлениям одиночество, как оттачивает оно столь необходимый царям ясный разум — согласно знаменитому тезису Сократа⁹: познай самого себя.

Добавлю, что мудрая Ольга следила и за физическим развитием юного царя, понукая его упражняться в верховой езде и прочих мужских занятиях.

Царица отлично знала, как остудить пыл своих назойливых обожателей, которые, претендуя на трон, искали близости с великой женщиной. Одного она не умела: сделать так, чтоб на щеках ее, после подобной атаки на общественную мораль, не вспыхивал стыдливый румянец. О, где вы теперь, нравственные устои доброго старого времени?

Когда министры сообщили царице, что в стране ее ширятся беспорядки, эта строгая, но справедливая владычица устранила и беспорядки, и министров.

Восстановив порядок внутри державы, мудрая Ольга обратила свой взор на восток. Поняв, что печальный опыт ее предшественников должен служить ей предостережением, Ольга, вооруженная женской хитростью, решила предать Константинополь огню с помощью воробьев, несущих на своих перышках горящие фитили¹⁰. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Тогда лучезарная Ольга прибегла к последнему аргументу — пустила в ход свои женские чары, дабы пробудить страсть в стражнике городских ворот. Но этот добрый человек (благодаря наличию гарема) оказался морально устойчивым. Он сразу же распознал, что нацелилась царица совсем на другой ключ, а вовсе не на ключ к его сердцу.

Красота Ольги для меня настолько священна, что я предпочел бы не останавливаться на подробностях ее ухода из жизни. Так или иначе, все знают, что эта гордая царица в свои последние часы не приходила в сознание, а потому и не ощущала, как горят ее внутренности. Скажу лишь, что мудрая Ольга своевременно почувствовала приближение смерти и успела всенародно короновать своего сына¹¹.

Взойдя на престол, Изяслав II¹² призвал свое войско, дабы объявить соседям: он желает только мира и открыт для всякого, кто готов с наибольшей щедростью оплатить ему это предприятие. Соседи, услышав столь громкое заверение, впали в прострацию и долго стояли с раскрытыми ртами. Это вывело

его из себя, и он вынужден был начать борьбу не на жизнь, а на смерть. В народной памяти сохранилось, что первая битва была ужасной. Таких страшных ран, как в том бою, давно уже не видели. Немилость погоды спутала между тем все стратегические планы и сделала исход борьбы столь сомнительным, что каждый задумался, не пора ли ему читать отходную. Летописец Нестор¹³ склоняется к тому, что победили обе стороны. Однако Никон¹⁴ предполагает, что обе признали поражение.

Перед тем как покинуть поле битвы, сын Изяслава со своим собственным ему чувством юмора намекнул отцу, что управлять страной, будучи разрубленным на части, не так-то просто. Воссев на престол, Вячеслав¹⁵ сразу же заявил: кровь его настолько вскипела, что готов выступить против кого угодно. Даже, к примеру, против брата своего, Мистлава¹⁶. И буквально через пару дней встретил он этого самого брата, по сходной причине тащившегося на поле брани.

Издали заметил тот Мистлава и заорал во все горло: «Ха! Ты, мерзкий старикашка, откуда у тебя столько наглости, чтобы противиться мне, Вячеславу? Ты — гном, ты — мошка, а еще — вошь, клоп и блоха! Да не будь мы с тобой одной крови, я раздавил бы тебя одним щелчком! Откуда у тебя мощь, что у тебя за сила, какие ты совершил подвиги, чтобы столь бесстыдно и глупо бросать мне вызов? Одно тебе, дерзкий, осталось: сделать при плохой игре хорошую мину, да посмотреть, как ты сейчас выглядишь! Есть у тебя еще время на то, чтобы уступить мне власть и жить со мной в мире и согласии. Но если безумье и злоба склоняют тебя к борьбе, клянусь: час твой пробил. Стоит лишь поглядеть на моих яростных, гордых воинов, коим суждено покрыть себя славой 1812-го. Я сказал!»

«Все ли я расслышал? — ответил ему Мистлав. — Не обманывает ли меня слух мой? Кто тут болтает о мощи, да к тому же там, где моя империя простирается от Дона до Танаиса? Захоти я — и мне будет принадлежать весь мир, ибо его повергает в дрожь одно только мое имя, так что готов он пасть ниц передо мной, великим крокодилем и властителем! Ха! Дорого ты заплатишь за свою дерзость! Жаль мне тебя, братишка! Подписал ты

себе смертный приговор. Конец тебе, но именно этого ты, как видно, и хочешь».

«Берегись, — завопил в ответ Вячеслав, — терпение мое кончается! Не так уж остер твой ум, чтоб ты мог уязвить меня своей болтовней. Замолчи, иначе я лопну от смеха, слушая этот бред!» — «Ну что ж, потешимся оба! — усмехнувшись, сказал Мистлав. — Я — любящий брат, и мне будет приятно вспомнить, что перед тем, как отдать концы, ты смеялся». — «Прикуси язык, олух! — злобно прошипел Вячеслав. — Мы здесь не для потехи. Стоит мне захотеть, — ты пропал. А потому — не трать времени зря. Готовься принять смерть, как подобает мужчине». — «Коли так, сразимся немедленно! — ответил брату Мистлав. — Однако заруби, наглец, на носу: империя моя — от Дона до Танаиса, мир принадлежит мне и более никому! Помни это». — «Не слишком ли ты вознесся, жалкий хвастун? — взъярился Вячеслав. — Нынче на собственной шкуре испытаешь ты мощь княжьего гнева! Вижу, что не жалеешь ты ни себя, ни своих людей. Страшишься, негодяй, ибо вечером доведется мне выпить медовухи из чаши, что звалась твоей башкой. А вы, будущие герои 1812-го, рубите врага без жалости, бейте его, топчите его: не народ вы призваны защищать, а своего властителя!» — «Так умри ж, коль не хочешь уступить! — возопил Мистлав. — Спятил ты, всем понятно, но считаться с твоим безумьем я не намерен». — «Ни бранью своей, ни угрозами, — сказал ему Вячеслав, — ты чести моей, разбойник, не замараешь. Но не унижусь я до того, чтобы биться с тобой, ничтожный, грудь в грудь. Пришли вместо себя одного из своих воинов, а я, будь уверен, сделаю то же самое». — «Впервые ты произнес нечто разумное, — съехидничал Мистлав. — Клянусь, братец, за мной дело не станет!» (Воспроизвести полный текст этих взаимных оскорблений мы, к сожалению, не решились. Всякому, кто жаждет подробнее ознакомиться с русской тогдашней лексикой, советуем заглянуть в Летопись Нестора, том II.)

Придирчиво оглядев свое войско, выбрал Вячеслав самого сильного из мужей, великана воистину устрашающего вида,

и отправил его на поле брани. Но и Мистлав, надо сказать, не ударил в грязь лицом: против колосса выставил одного могучего быка — во всей империи не сыскалось бы силача крепче. Однако эта единственная в своем роде схватка, приняв неожиданный оборот, разочаровала обе стороны.

Кони, придя в смятение, встали на дыбы, давая тем самым понять, что правила битвы нарушены и следует начать ее заново. Русские тотчас же опровергли все обвинения в адрес их силача, но этим опровержениям и оправданиям никто уже не внимал...

Неожиданно для всех спор перешел границы парламентской вежливости, и началась рукопашная. Сцепившись, группировки ухитрились создать такую неразбериху, что битва в конце концов затянулась в настоящий гордиев узел. Четыре претендента на трон — Руитчеслав, Винтчеслав, Енутчеслав и Фуриаслав¹⁷ — один за другим сменяли друг друга. При этом во время рукопашной каждый последующий спихивал предыдущего с трона. Ветви царского рода постепенно отмерли, явив миру безжизненный ствол. Это ввергло воюющую страну в величайшую анархию. Лишь после двухлетней склоки Ярослав¹⁸, муж мудрый, сильный и, несмотря на русское происхождение, свободомыслящий, сумел щедрыми посулами вскружить голову большинству и занять престол.

Впервые обрели русские миролюбивую власть. Ее охотно и умело сосредоточил в своих руках Ярослав Мудрый, первый податель света, воссиявшего в полных тьмы сердцах его подопечных. Замечу, что поначалу подданные Ярослава в буквальном смысле заглатывали эти сальные свечи. Им так полюбилось сало, что из-за каждой свечи они готовы были пожрать друг друга.

Чуть позже Ярослав опубликовал знаменитый указ¹⁹: разумный правитель определил цену каждого изувеченного члена тела, каждого пострадавшего органа. И это привело к тому, что всякий бедняк, дабы сколотить себе небольшое состояньице, стал прибегать к услугам богача, разрешая тому беспрепятственно его, бедняка, калечить.

Отмечу, что и бояре восприняли это новшество с немалым энтузиазмом, ибо вымещать на других дурное расположение духа

им теперь дозволялось. Количество карманных денег — только оно — регулировало отныне меру барского гнева. Иначе говоря, чем больше был кошелек, тем больше мог позволить себе его законный владелец. Правда, для того чтобы оценить содержимое кошелька, нужно было сперва запустить туда руку. Помня, что перевес на стороне большего кошелька, владелец меньшего, не вступая в борьбу, давал деру.

Со временем русские, до восшествия Ярослава на трон успевшие привыкнуть к ежемесячному кровопусканию, стали страдать от застоя крови. В этих тяжких обстоятельствах существенно обогатились хирурги.

Когда Ярослав почувствовал, что конец его близок, наказал он своим пяти сыновьям жить в мире, любви и согласии. Но как только он почил в бозе, наследники трона с такой яростью набросились друг на друга, что от них не осталось ничего, кроме пяти их шлемов. После этой кровавой бани власть перешла к Святополку²⁰, единственному представителю царского рода. Удобно расположившись на троне, он принял польских послов, явившихся к нему с просьбой о мире. Оскорбленный столь унижительным предложением, Святополк приказал скормить их диким зверям.

Возмущенные таким обращением поляки нанесли ответный удар, заточив русских послов в темницу. Эти жесткие меры вывели Святополка из себя, и он известил свою империю, что вот-вот начнется великий убой. «Умеешь ты пошутить!» — ответил народ, узревший в этом помеху мирным своим трудам и обильным трапезам. Однако лицо разгневанного князя так побагровело, что подданные мгновенно смекнули: дело, как ни крути, идет к кровоизлиянию.

Прибыв на поле битвы, правитель вскорости осознал, что его подданные проницательней, чем ему казалось. Раздосадованный дурным обхождением, князь Святополк помчался к братьям умолять о помощи. Те же, возликовав, что есть у них теперь повод к военным действиям, поспешили убедить своих подданных, что перемена климата будет им чрезвычайно полезна. К этому все и шло, но коварный недруг, выслав им навстречу сильный ветер,

прописал каждому обязательную ледяную ванну. Не удовлетворенный методом лечения, Святополк предпочел исправить его последствия кровавой баней. Наконец он вернулся домой, но вот неожиданность: на троне восседал его сын, которого, надо сказать, весьма озадачил тот факт, что отец еще жив.

Эта драматичная ситуация не могла не отразиться на здоровье Святополка: сердце его пронзила острая боль, из глаз потекли горячие слезы. Зрелище было столь невыносимым, что даже до самого черствого из придворных дошло, что пора освободить князя от этой сердечной муки.

Оплакав лихую судьбу отца со всей сыновней прилежностью, напомнил себе Владимир²¹, что не предусмотрена скорбь в суровом распорядке властителя. Ко многому обязывает корона, в том числе и к женитьбе, так сказать, по велению сердца. И он решился на этот серьезный шаг, ибо любовь к народу вселила в него отвагу. Все знаменитые красавицы съехались ко двору с тем, чтобы князь выбрал одну из многих.

Но сердце давало ему столь противоречивые подсказки, что он никак не мог сделать выбор. Мучительные раздумья длились третий день, а князь нисколько не продвинулся в своем выборе... И наконец его осенило: все представленные ему дамы при длительном и подробном осмотре многое утрачивают. И все же его не покидало желание сделать окончательный выбор. Поскольку Владимир верил, что безгрешная любовь — основа супружеского счастья, ему претила не лишенная некоторого зверства страсть, с какой женщины оспаривали его сердце. Мерзостей было так много, что в конце концов князя стошнило.

И тошнота, видит Бог, не покидала правителя до самой смерти. Почувствовав, что конец близок, оглядел он, полный беспокойства, свое многочисленное потомство — и предстало перед ним во всей своей наготе проклятие многоженства, столь опасное в семье царской. Тут-то и осенила его мысль оставить закон о наследовании престола, но силы уже покинули Владимира, речь его стала бессвязной, и он скончался.

Его потомки распознали друг друга довольно быстро, и пустой пока трон тотчас же стал предметом ожесточенного спора.

Мощная когда-то держава русских превратилась в арену гражданской войны. Каждая семья создала теперь свою партию и окопалась соответственно собственным вкусом и пристрастиям. По истечении года, к счастью, сформировались крупные партии. Члены их после серьезных дебатов сошлись на том, что в стране надобно установить верховное главенство.

Одни были за Василия, статного и пригожего, другие — за брата его Михаила, деятельного и умного. Выдвигался также и Глеб, славящийся своим красноречием и миролюбием. Однако многие предпочитали ему Ростислава, которому не было равных в искусстве лицемерия. Под конец всплыли еще две кандидатуры: Роман, коего превозносили за силу, живость, доброту, военное уменье и кротость, и Георг, чья гениальность не вызывала сомнений, а значит, нечего было с ним и тягаться. И т. д., и т. д., и т. д.

Время от времени эту полемику прерывали громкие голоса: «К чему приведут нас взаимная ненависть и непрерывные споры? Разве, затеявая склоку, не проявляем мы себя как настоящие варвары?» — «А можно ли иначе? — возражали другие. — Не позорит ли себя цивилизованный люд, притворяясь, что ужасы гражданской войны ему противны?» — «Какая низость! — возмущенно орали первые. — Рубите этих бесстыдников! Как могут они утверждать такое!» И драка возобновлялась.

Откуда бралось это страстное честолюбие, пробуждающее в каждом неумную жажду власти? Однако лишь немногие из мечтающих завладеть короной знали, что нет головного убора тяжелее, чем этот. И если бы все, черт возьми, сделались вдруг королями, кем бы они повелевали?

В это же бурное время жил в Киеве замечательный летописец Нестор. Был он самым способным из русских монахов и к тому же единственным, кто знал тогда толк в письменной фиксации событий. Видит Бог, как благодарны мы ему за появление драгоценного о них отчета, который я, полностью доверяя этому ученому мужу, не рискнул изменить ни в одном пункте. Всю свою жизнь Нестор провел в келье, настолько одержимо творя эту летопись, что не замечал, как распатала война крепкие монастырские стены.

Правда, в один из дней опоры, на которых покоилась его келья, потряс удар такой силы, что Нестор уронил на пергамент кляксу. И это — наряду с прочим — объясняет нам, почему в данном отрезке русской истории так много неясного.

Однако в первой же строке, следующей за черной кляксой, можно прочесть, что после двадцати лет ни на минуту не стихающих распрей враждующие стороны примирились, поняв, что другого выхода у них нет. А потому, как только трон перешел к Андрею, вся страна легла перед ним на брюхо, дабы вновь восторжествовали мир и всеобщее благоденствие.

За Андреем последовал Брутаслав, великий охотник. За Брутаславом следовал Бафресслав, большой обжора. За Бафресславом следовал Куатшеслав, непревзойденный оратор. За Куатшеславом следовал Флитцеслав, самый меткий лучник. За Флитцеславом следовал Плумпсислав, ловкий прыгун. За Плумпсиславом следовал Калослав, красавец из красавцев. За Калославом следовал Вутислав, облаченный в доспехи. За Вутиславом следовал Шнуррислав с пышным султаном на шлеме. За Шнурриславом следовал Матратцеслав с великолепной бородой. За Матратцеславом следовал Мазохислав, большой друг животных. За Мазохиславом следовал Стехислав, известный окулист. За Стехиславом следовал Кексислав Чарующий, названный впоследствии разрушителем сердец. За Кексиславом следовал Спортислав²², отважный герой турниров.

Примечание: я забыл упомянуть, что каждый из этих владык пытался добиться капитуляции Константинополя — и каждый скончался от царских колик. И если я всякий раз не останавливаюсь на этом подробно, то лишь затем, чтобы не наскучить повторами любезному читателю, на добрую память которого я неустанно уповаю.

За Спортиславом следовал его прыткий сын Брутислав. Он успел захватить трон, пока отец объезжал коня. Но, возвратившись, отец немедля низверг ослушника. Это не понравилось царице, и она ухитрилась скормить мужу нечто такое, после чего он изверг из себя все, что принимал ранее. Короче говоря, ночь прошла беспокойно. А уже в шесть утра народ внятно разъяснил ему, что излишняя навязчивость добром не кончается.

Наследник трона Юрий, столкнувшись между восемью и восемью с половиной утра с междоусобными распрями, довольно скоро ощутил, что ситуация самым неприятным образом обостряется. Без четверти десять распри обрисовались более четко, однако переговоры были настолько тайными, что выйти наружу смогли только отходы.

Известно одно: с восьми с четвертью утра восемь принцев — в строгой очередности — предприняли попытку занять престол. Этим триумфальным шествием нынешние исследователи озадачены не менее, чем тогдашние устроители похорон. Наследник Гриффаслава, правивший уже четверть часа, поспешил подавить это новое движение в зародыше. Около девяти с четвертью в Новгороде объявилась партия, ратующая за одного из покойных принцев. Очевидно, он был не в курсе, что любое принуждение выводит строптивых новгородцев из себя, и они, образно говоря, словно с цепи срываются.

В половине первого многочисленные приверженцы Юрия уже успешно успели оплакать отмершую ветвь княжеского древа. Однако их слезы быстро осушила очередная крайняя надобность — возвести на трон нового властителя. Перспектива захватить власть была столь соблазнительна, что уже в полтретьего тронный зал заполнился до отказа.

Вернемся же в тронный зал, где Гарислав и тридцать пять других претендентов сменяли друг друга с такой скоростью, что детали происходящего ускользнули даже от самых зорких историков. И конечно же каждый из участников процесса направлял свои стопы к Константинополю, издавал дополнения к ортодоксальному вероисповеданию, укреплял государственную власть и под конец испытывал неизбежное отвращение к смерти²³.

В молниеносные мгновения борьбы многим претендентам на трон удалось не только прославиться, но даже вполне убедительно доказать, что смерть они приняли по-царски. В три с половиной во дворце образовалась такая давка, что стала ощущаться нехватка кислорода. Когда часы пробили четыре, все сооружение, вследствие уплотнившихся газов, взлетело на воздух. Необычайным давлением эфира трон занесло в Москву, которой

суждено было стать не только столицей империи, но и новой ареной борьбы. [...]

Воссев на престол, Иван²⁴ заподозрил, что чрезмерный прирост русского населения может привести к недовольству его монаршей властью, и немедленно ввел действенные ограничительные меры, тем самым навсегда закрыв рот всякому своему завистнику. Затем, чтобы сочетать полезное с приятным, Иван IV повелел застольную музыку во время придворной трапезы заменить занимательным пыточным представлением.

А чтобы устранить нелепые слухи о царском безумии и подтвердить свою кровную связь с народом, начал Иван Грозный устраивать настоящие кровавые бани. [...]

Полнота власти, доходящая порой до безумия, так вскружила Ивану голову, что с нее стала сваливаться корона, удерживать которую удавалось ему лишь ценой невероятных мук и усилий. Оставшись без единого подданного, Иван горестно погрузился в непроглядную тьму одиночества. Последнюю опору самодержец нашел в православной церкви. Воистину верна поговорка: старость делает из царей отшельников.

Однако эти испытания привели к тому, что впервые в душе Ивана пробудилось нечто, напоминающее сострадание. В глубокой старости Иван возвратился к забытым играм своего счастливого детства. В один из дней, разрывая кузнечика на части, он лопнул от смеха. В русской истории это был первый случай, когда монарх скончался не от привычных фамильных колик.

Многие историки (чтобы не сказать все) посвятили толстые тома эпохе правления этого чудовища. Нам же, любезный читатель, лучше забыть о кровавом демоне, созерцание которого столь ужасно, что способно огрубить чувства.

Достойным и могущественным наследникам Ивана пришлось изрядно потрудиться, чтобы свести со святой российской земли обильные пятна крови.

Но, занимаясь очисткой территории, наследники затеяли спор. Последовавшие за этим конфликты приняли, увы, затяжной характер. Образовавшиеся партии люто враждовали между собой. Всякая новая распря была страшней предыдущей, что

приводило противников к взаимному истреблению, а державу — к непредсказуемым последствиям. Хитросплетения дворцовых интриг создали такую путаницу, что историки не придумали ничего лучшего, как назвать это время смутным²⁵. Длющаяся столько лет ожесточенная борьба превратила цветущую страну в груду камней, из которых странным образом построен был новый господствующий дом — дом Романовых²⁶. Так началась в России эра миролюбия и согласия.

Поговорим и о ней, любезный читатель, но разреши мне сначала снять шляпу перед великим реформатором Святой Руси!

Позволю себе сослаться на высокоуважаемого Франсуа Рабле²⁷, лучшего из знатоков российской истории, в особенности того периода, когда страной управлял Петр Первый²⁸ (неважно, что родился мэтр Франсуа почти на двести лет раньше русского властителя, ибо гению дано быть пророком). Итак, позволю себе сослаться на рассказ этого великого историка о рождении существа, вызывавшего поначалу большие опасения: «В тот же миг, как младенец родился, он начал орать. Однако вопил он не “Мама!”, как все нормальные дети, а громко и отчетливо выкрикивал: “Пить! Пить! Пить!”, да так, что слышно его было не только в России, но и в Польше, словно всю просвещенную Европу приглашал он на дружескую попойку». Услыхав оглушительный рев своего бесценного отпрыска, мягкосердечный Алексей²⁹ пришел в такое изумление, что спросил: «Ответь, сынок, в кого ты такой горластый?» И т. д., и т. д., и т. д.

Еще в юные лета Петр озаботился тем, чтобы освоить, как должно, строительное искусство, ибо намеревался поставить власть на новый фундамент. Такая миссия требовала не речей, а деяний. Сапожное мастерство также приоткрыло ему свои тайные прелести. «Да чем же, — размышлял Петр, — царь умнее сапожника? Коль в грядущем человечество будет жить на более широкую ногу, мне тоже прибавится работы». Тяжкий труд каменотеса показал Петру, что можно слегка обтесать грубую свою натуру. Во всяком случае, сглаживать углы он со временем научился. Охваченный неистовым рвением овладеть различны-

ми навыками, не пренебрег он и ремеслом палача. Уроки фехтования и бокса сделали его лицо слегка одутловатым.

Однажды Петр изволил полистать на досуге один из философских трудов. Противоречивость этой науки вызвала у него приступ смеха. Теологический тезис: «Все суета сует!» показался Петру столь правдивым, что он тут же применил его к некоторым своим соратникам, слишком о себе возомнившим.

Жажда все постичь мучила его до тех пор, покуда каждой своей руке не подобрал он соответствующий ее природе навык. Столь разнообразная деятельность привела к тому, что взор его утратил прежнюю выразительность, ибо один глаз стал глядеть на восток, а другой — на запад. Стремление быть в курсе всех современных веяний завело благородного Петра так далеко, что он со свойственной ему самоотверженностью бросился изучать пороки своих подданных, дабы наставить заблудших овец на путь истинный.

Расширив свой кругозор до мыслимых и немыслимых границ, Петр осознал, что готов к управлению державой, и постарался убедить в этом членов своей семьи. Вскоре он взошел на трон, оказавшийся, увы, куда меньше, чем ему рисовало воображение.

Первые дни он трудился не покладая рук, дабы подавить мятежи, организованные личной его охраной. О своем восшествии на престол Петр гордо возвестил написанным собственноручно указом. В нем, к изумлению всего народа, он с такой легкостью поднял тяжелейшее прошлое России, словно весу в этом прошлом было не больше, чем в воробьином перышке. Надо ли говорить, что это выглядело как сверхчеловеческий успех юного властителя.

Как-то раз, во время придворной трапезы, Петру показалось, что от некоторых высказываний исходит явный душок крамолы. Тогда царь, во избежание нового мятежа, нашел способ объяснить своим сотрапезникам, что из-за безмерного честолюбия можно легко потерять голову. Со временем такого рода застоля вошли у Петра в привычку. И всякий, кто был приглашен туда, поспешно составлял завещание.

Для того чтобы в этой стране крепостного права и далее реализовывать популистские идеи либерализма, а также классового равенства, великий реформатор не раз приносил в жертву и себя, маршируя, как простой солдат, в строю собственного войска. [...] В своем популизме Петр зашел так далеко, что однажды известного всем Ромодановского³⁰ посадил, как шута, на трон. Но тот, надо сказать, эту капральскую выходку отклонил, явив окружающим пример скромности и пристойности. [...]

Взяв под свое покровительство иностранцев, Петр (сам того не желая) создал в России все условия для острейшей конкурентной борьбы.

Известно, что в Париже, остановившись у памятника Ришелье³¹, Петр в буквальном смысле бросился ему на шею с восклицанием: «О великий человек, я отдал бы половину моей империи за то, чтоб научиться у тебя управлять оставшейся половиной!» Но этот приступ московского самоуничтожения не нашел отклика в невозмутимых сердцах парижан. Алые румяна скромности на щеках Петра были столь густы, что оскорбили изысканный вкус французов. В конечном счете Петр вернулся в Россию ни с чем, если не считать затаенной в сердце обиды.

Однако желание утереть «лягушатникам» носы было настолько острым, что самодержец решил основать новую столицу, которая затмила бы красотой все столицы мира. Выбор подходящего для нее места стал для царя истинной мукой, но недюжинный ум и смекалка помогли наконец Петру найти то, что превосходило даже самые смелые из его замыслов.

Зодчие и строители, в течение двенадцати дней возводившие столицу на сваях, довольно быстро определили, что местная почва весьма податлива. А потому они тут же заподозрили, что ехидные французы не откажут себе в удовольствии позлословить: мол, петербургский двор воздвигнут русскими на куче жаб, змей, червей и прочей нечистой мерзости.

Что до ремесленников — они в кратчайшие сроки пришли к выводу, что окружающая их вода не содержит даже слабого намека на бревно. Но Петра, если речь шла о будущей славе его страны, невозможно было разжалобить этими жалкими, не стоящими внимания стонами.

В непростом положении оказались и зодчие. Вникнув в этот величественный проект, они намекнули царю, что проект требует пересмотра. Но Петр, уверенный, что не царское дело — менять принятое решение, заверил их в глубочайшем своем неуважении, правда украсив при этом камзолы зодчих весомыми орденскими звездами. [...]

Когда территория обрела четкие очертания, Петр продемонстрировал всему свету усмешку гениального триумфатора, который чувствует, что его наконец-то поняли. Правда, работники оказались настолько нерадивыми и медлительными, что Петру пришлось приложить руки к процессу их обучения, и, надо сказать, царское рукоприкладство себя оправдало. [...]

Не дожидаясь, пока глина окончательно высохнет, самодержец предпринял решительные действия по заселению новой столицы. В своем обращении к народу он не преминул упомянуть о ее удачном расположении, а также о том, что меланхолический характер ее окрестностей удивительным образом сопрягается с присущей славянам мечтательностью. [...]

Однажды во время купания (а царь был отличным пловцом, уж поверьте) Петр неожиданно для себя обнаружил, что большие рыбы имеют привычку пожирать мелких. Это открытие привело самодержца в такой восторг, что, выскочив из воды абсолютно голым (как некогда Архимед³²), он помчался по улицам Санкт-Петербурга с победным кличем: «Эврика! Я нашел».

Однако возбуждение, охватившее Петра в результате всего пережитого, сам он оценил как чрезмерное и срочно принял успокоительное. В ту роковую ночь посетили его невероятные честолюбивые грезы. Снилось Петру, что, укрывшись за Северным полюсом, сдирает он с глобуса карту Европы и, макая в татарский соус, поедает ее с недюжинным аппетитом. Но добравшись до западного куска Европы, замечает Петр, что граница меж Францией и Англией густо заляпана соусом. Стало быть, разжевать каждую страну в отдельности ему не удастся. А проглотить такой кусок очень трудно. И все же, пусть и рискуя подавиться, он решается на этот отважный поступок. Но жесткие Франция и Англия ухитряются так расцарапать ему небо, что

он немедленно извергает их из себя, чтобы не задохнуться. Нехватка кислорода заставила Петра проснуться, и он, испытав небольшое облегчение, вернулся в действительность.

Однако благодаря усилиям, кои предпринимал царь, дабы проглотить всю Европу, рот его так расширился, что домашние узнали Петра не сразу. Что до Екатерины³³, то, увидев своего царственного супруга, она испытала такой подлинный ужас, который со временем перешел у нее в стойкое отвращение.

После злосчастной ночи Петра стал мучить постоянный голод; утолить его не представлялось возможным. Посчитав это дурным предзнаменованием, царь срочно составил завещание, согласно которому семье отходило все его имущество. Покончив с земными заботами, он сочинил духовное завещание³⁴ и торжественно зачитал его некоторым своим подданным.

«Друзья мои, — троекратно чихнув, произнес Петр, — *opus consummatum est*, иначе говоря, дело сделано. Я слишком стар, чтобы долго претерпевать этот лютый голод. Конец мой близок. А потому оставляю вам в наследство самое дорогое: могучий свой аппетит. На небесах повстречаюсь я со своими знаменитыми предками. Я говорю не об Алексее, Михаиле³⁵, Иване, Олеге и прочих. Истинные мои предки — Александр³⁶, Цезарь³⁷, Атилла³⁸, Помпей³⁹ — словом, те властители, прямым наследником коих быть для меня почетно. Но до того, как я вознесусь на небо, откуда и далее буду вам по возможности оказывать покровительство, ознакомлю вас с последней моею волей — чтите ее свято. Итак, возлагаю на вас обязательство завершить славный труд, начать который помешали мне обстоятельства. Вам, думаю, неизвестно, что Европа — это всего лишь провинция России. Управляется же она несколькими сомнительными господами, вообразившими себя, с позволения сказать, монархами. Вам принадлежит сорвать с нее печать, притом без всяких формальностей, и входящие в нее страны принять в состав нашей великой державы. А ежели эти господа, паче чаяния, не захотят подчиниться, — примените к ним те силовые меры, которые, благодаря мне, пользуются у вас такой популярностью.

Вам, Кнутцов⁴⁰, выпала великая честь стать моим преемником, дабы кратчайшим путем привести наш народ к прогрессу.

Но помните: только кнут может заставить наших подданных бежать рысью.

Чувствую, что смерть уже рядом, а потому вот вам мое последнее слово: русские, будьте терпимы, но непримиримы. Будьте тверды. Да не соблазнят вас в грядущем хоть модные, но порочные лозунги, призывающие к уничтожению частной собственности, к нарушению международного права. Держитесь гордо. Отвергните свое настоящее, чтобы помнить лишь прошлое и пророческие слова русского царя Петра, который в последний раз обращается к своим подданным. Предавайте огню и мечу, убивайте, коль будет необходимо, но делайте это основательно. Губите Европу, бог с ней, но не Россию! Ибо сказал когда-то великий мой прародитель: “Ты, Петр, — тот камень, на котором будет воздвигнуто мое царство”». [...]

На русский престол взошла Екатерина II⁴¹. Подобно всем своим предшественникам, она сразу же направилась к воротам Константинополя и для начала предложила городу сдаться. Затем она повторила свое предложение. Поскольку двух попыток оказалось недостаточно, царица сделала третью во имя православия, равновесия в Европе и героев. Решительный отказ турок поставил царицу в трудное положение, однако она продолжала верить, что сможет вернуться в Россию.

Дабы иметь гарантии того, что известные драматические события не нарушат европейского равновесия, Екатерина в присутствии турецкого сановника скрепила своей подписью знаменитый Кайнарджийский договор⁴². В нем, прикрываясь подписью султана, она взяла на себя обязательство не только не повторять (в этом веке) осаду Константинополя, но исключить и саму мысль о ней как злосчастную и ошибочную. [...]

Пока (благодаря Кайнарджийскому договору) Европа пожинала плоды мирного сосуществования, Екатерина, пользуясь всеми благами цивилизации, жила, что называется, в царское свое удовольствие.

Конечно, моего читателя может удивить тот факт, что я изобразил ему римскую оргию вместо русской. Но я, в свою очередь, осмелюсь ему возразить: «А разве известно вам, как вы-

глядит русская оргия? Если нет, умоляйте Господа, чтобы Он вас оградил от этого зрелища! Но коль случилось вам быть свидетелем или (не дай бог!) участником сего срама, — покаяйтесь. И тогда вы, надеюсь, согласитесь со мной, что такому, даже и в малых дозах, не место в приличной книге. Лишь затем, чтобы эту непристойную картину хоть как-то облагородить, перенес я участников действия в далекое прошлое, облачив их при этом в римские одеяния. Впрочем, безнравственность и разгул, пусть и в античных одеждах, для нас не новость». [...]

Однако, выведя политическую борьбу за границы истории, поупражняемся в справедливости и отдадим должное редким проявлениям гуманизма в годы правления этой величайшей монархини. Несмотря на бесчисленные мятежи, сотрясающие ее державу, немолодая уже царица находила силы и время на строительство госпиталей, посещая которые особое внимание уделяла бунтарям.

Наряду с госпиталями основала властительница и несколько училищ, в основном геологического направления, хотя посещала их без особой охоты. Эта сверхчеловеческая деятельность не могла не изнурить Екатерину, и вскоре она умерла. [...]

Черeda славных деяний самодержцы растопила грубые сердца ее подданных. Екатерина была любима, притом, как это принято у русских, с такими излишествами, которые приближали печальную кончину великой государыни.

Неслыханный успех мемуаров, вышедших из-под пера короля Пруссии, вызвал у русской царицы приступ ревности, и она тотчас же села сочинять собственные. А поскольку эта первая пишущая женщина пользовалась прусскими чернилами, родилось выражение «синий чулок», оправданное к тому же и тем, что далеко не последнюю роль в сих замечательных мемуарах⁴³ играли ее монаршие ноги. Чтобы сделать свои сочинения более захватывающими, она не утаила ни единой подробности.

Ни одну королеву не оплакивали так, как оплакивали русские свою государыню. Воистину эти слезы были Екатериной заслужены, ибо ей удалось укротить дикость и грубость русской натуры и переодеть старых своих подданных в новые одеянья.

Но некоторым особо зорким дворянам исполненный страсти траур показался избыточным, фатовским и двусмысленным, и они сделали все, чтобы защитить честь покинувшей этот мир самодеержицы. Количество дуэлей было так велико, что даже солнце зашло за тучу.

Дабы погасить шумиху вокруг скандальных мемуаров матушки, а также чрезмерный пыл ее защитников, Павел I⁴⁴, взождая на престол, немедленно издал указ, который запрещал разговоры на любую тему. Предпринятые Павлом энергичные меры оказали, как ни странно, благотворное действие и на него самого. Вследствие запрета всяческих разговоров в моду вошел язык жестов.

Чтобы пресечь бунтарство в зародыше, Павел издал второй указ, запрещающий подданным мыслить. Тому же, кого ловили порой на этом преступном занятии, не оставалось ничего иного, как спешно сесть на свою лошадь. Этот суровый приказ опустошал провинцию за провинцией.

Последствия ужасного гнета не могли не отразиться на русском характере, основными чертами которого стали покорность и раболепство.

В конце концов царящий повсюду ужас взял за горло и самого властителя. Нетрудно догадаться, какова истинная причина той царской болезни, от которой Павел довольно быстро скончался.

К счастью, наследником этого жестокого тирана оказался мягкий и либеральный Александр⁴⁵, вознамерившийся поднять с колен своих униженных подданных. Но вскоре этот благородный правитель убедился, что низость в его народе неистребима. Печальное открытие настолько расстроило Александра, что он разрыдался как ребенок. [...]

В своем благородном рвении — создать систему гарантий всеобщего и нерушимого мира — Александр срочно собрал конгресс⁴⁶ властителей Европы и предложил им заключить договор, согласно которому территория всякого народа неприкосновенна, а стало быть, любые предлоги для войны в этом случае непозволительны. Но одно исключение все же было — оскорбление православия. Правда, эта возможность практически исключалась, ведь

существовало православие лишь в России, а она воевать не собиралась. С другой стороны, на долю России, как самой сильной империи, выпало бы весьма нелегкое, но почетное задание: карать любого, кто осмелится сей договор нарушить. [...]

Взойдя на царский престол, Николай I⁴⁷ тотчас же приказал оснастить свои сухопутные войска согласно последнему слову военной техники.

Была образован Совет министров, при этом каждого из министров освободили от обязанности выражать свое мнение. Было образовано также новое Общество для взаимного содействия всеобщему откорму и воспитанию под протекторатом Его Величества с высочайшей раздачей наград. [...]

Посещавших Россию путешественников нередко заставляли врасплох всякие неожиданности. К примеру, г-н Кюстин⁴⁸ с удивлением обнаружил, что в Петербурге и стены имеют уши. [...]

Раз в десять лет греко-русское духовенство готовило торжественный ортодоксальный салат. Вера, надежда и милосердие русской ортодоксии. Случилось так, что в этом уложенном слоями салате под Ветхим и Новым Заветами царь обнаружил еще один — новейший, от апостола Петра⁴⁹. В ту же секунду строгий исполнитель заветов покраснел от стыда, поняв, как запустил он свои священные обязанности. Это неприятное открытие подняло в царском мозгу такую бурю честолюбивых замыслов, что от напряжения монарх польсел.

Будучи человеком решительным, Николай вознамерился осуществить свои замыслы немедленно. Но довольно скоро к нему пришло горькое осознание того, что излишне раболопные поданные завоевателями становятся редко.

Начать военные действия царь поручил кавказскому корпусу. Спустя некоторое время генерал фон Остен-Сакен⁵⁰ доложил Его Величеству, что решительный успех русской армии возвратил ее в холмистую местность.

Эту разрушительную победу в Санкт-Петербурге отметили с должным блеском. Что до русской аристократии, она так увлеклась карточными сражениями, что страна потеряла изрядное количество голубой крови. Крупные помещики возвращали кар-

точные долги не только своими угодами, но и прикрепленными к этим угодам душами. Случалось, что перешедшие таким образом к новому хозяину души заставляли его в положении человека, проигравшего все, вплоть до последней рубахи. И, если внезапно налетал ветер, хозяин предстал перед ними в таком натуральном виде, что бедняги от изумления теряли сознание.

Дикие игорные страсти охватили в конце концов даже царский двор. Дошло до того, что и самодержец всея Руси отважился на игру с увеличенной ставкой. [...]

Это случилось майским волшебным утром. Дул нежный ветерок, небо сочилось голубиной. Солнце восходило над Черным морем, предвещая чудесный день. Турецкий народ ликовал, поскольку именно в этот день он собирался отметить самый великий в году праздник.

Вечером во дворце султана состоялся грандиозный банкет, где каждый из гостей принят был с величайшей щедростью и радушием.

Когда застолье наконец завершилось, князь Меншиков⁵¹, развлекавший весь вечер своих сотрапезников шутками, подошел вдруг к турецкому султану и сказал вот что:

«Свет очей моих, взял я на себя смелость сделать вам небольшое конфиденциальное сообщение. Честно говоря, готовил я этот сюрприз к десерту, но недоверие, внушенное мне соседями по столу, и непрекращающийся шум тысячи и одного разговора вынудили меня дождаться более удобного момента. Вам, полагаю, неизвестно, что Россия все это время держит под ружьем 1 200 000 обученных солдат и в случае необходимости может мобилизовать еще два миллиона. Русская армия добросовестно исполняет в Европе свои полицейские функции, как только у кого-то из наших слабых соседей мирная жизнь оказывается вдруг под угрозой. Достаточно и малейшей просьбы любого из этих правителей, чтобы наш милосердный император с необычайной суровостью заставил свое верховное командование покарать дерзких мятежников. А потому дано мне моим властителем важное поручение — передать вам уверения в нашей дружбе, в коей присутствуют, кстати, некоторые особенности.

Другим правителям приходится идти на определенные жертвы, чтобы добиться от нашей страны щедрой денежной помощи. Вы, как известно, в деньгах не нуждаетесь. Но другие ваши желания поспешила Россия предупредить, дабы избежать того, чтобы гордой натуре султана (при плохом исходе) выпала роль жертвы. Лишь из-за этого, видит Бог, 200 000 русских солдат стоят на границе вашей империи и готовы перейти Прут⁵², чтобы восстановить порядок между нашими встревоженными единоверцами и вашими нетерпимыми магометанами. Если бы вы нам помогли, это было бы справедливо, и мы не остались бы в накладе. Неужели и теперь, мой господин, откажетесь вы признать, что мы не просто любезны, но, можно сказать, потакаем всем вашим прихотям?»

«Черт побери! — закричал султан. — Так подло ударить под дых способен лишь спекулянт или конюх! Еще что-нибудь в этом духе — и я велю своим слугам вышвырнуть вас отсюда!»

«В таком случае, — учтиво ответил Меньшиков, — позволю себе заметить, что, скованный нашей русской толерантностью, долго я размышлял, прежде чем решиться на эту беседу с вами. Но с таким деревенщиной, который не скрывает своего недоверия, когда лучший друг похлопывает его по брюшку, не стоит церемониться. Не секрет ведь, что всякий порядочный русский способен со всей прямоотой ответить на оскорбление. Да, мой господин, есть в этой проблеме некие темные пункты, и мы должны сообщить вам, что ваши магометане — рвань, босяки и бездельники, — одним словом, турки. Без сомнения, при ином повороте беседы мы могли бы принять во внимание также и резвость наших единоверцев. Но с таким непоследовательным человеком, как вы, следует говорить без обиняков.

Слишком долго наши благородные братья по вере терпели гнусное поведение ваших последователей Корана. А уж как они были шокированы процветающим у вас многоженством, да еще и бесчисленными собаками, шныряющими повсюду без намордников! Вам же, мой господин, нет до этого дела. А между тем не раз и не два произнесли вы прекрасное слово “гостеприимство”. Однако вы упустили из виду, что быть гостеприимным означает

следовать правилу: гостям дозволяется делать все, что делали бы они у себя дома. Что же, ощущают ли себя, как в собственном доме, наши подданные в Константинополе или в Турции? Нет и еще раз нет! А что уж и говорить о морском проливе, который, подобно путам, ограничивает нам доступ к морю? Разве это не вызов? Неслыханное терпение нашего благородного государя — вот причина столь длительного бесчинства. Но, коль вы, самонадеянный господин мой, ввели нарушение запрета в обычай, позволим себе и мы высказать наши претензии в полный голос. Знайте же, что возмездие неотвратимо, не забывайте о наших воинах 1812-го! И если вбили вы себе в голову, что можете властвовать в собственном государстве, то это не что иное, как злая насмешка над могуществом моего правителя. Дело, увы, дошло до того, что лишь ваше отречение от престола в пользу моего господина может спасти положение. До завтрашнего утра есть у вас время на раздумье: решайте, что делать. Я же вынужден спешно собираться в дорогу. Уже десять вечера, а стало быть, мне пора откланяться. Итак, ждите меня завтра утром, а возможно, чуть позже — в своих покоях. Доброй вам ночи!»

Несколько дней ожидания, полных ужаса, показали султану вечностью. Надеясь изгладить из памяти нанесенное ему оскорбление, властитель не сделал ни одной попытки разыскать князя Меншикова. В конце концов тот сам явился к султану, оставив у входа в его дворец свойственную всем москвитам непревзойденную наглость. Думал он в тот момент лишь об успехе своей дипломатической миссии.

«Свет очей моих, — начал с порога Меншиков, — я пришел сюда лишь с одной целью — предупредить европейский кризис, который приблизили вы своим педантичным упрямством. Вот мой последний совет: позвольте нам управлять вашей страной, и все распри будут забыты. Мир в Европе отныне зависит только от вас — не становитесь же на пути у прогресса! Подумайте, что нас ждет, коль дадите волю своей безрассудной неопытности. Война, война со всеми ее кошмарами. И прокляну я тогда уста свои за то, что произнесли они это страшное слово. Известно ли вам, что такое война, милостивый господин мой? Крови про-

льется столько, что реки на этой земле станут красными. Пламя охватит лачуги бедняков, сгинут любовь и милосердие, невежество возьмет верх над просвещенностью. Это отбросит нас в прошлое, приведет к мерзости и безумию. Завистливая старая Европа разорвет своими острыми когтями все народившееся. Да пробудится в вашей душе сострадание! Неужели вы допустите, чтобы пролилась кровь? И к тому же кровь лучших на земле народов — вашего и нашего! Враги, нацепившие маски друзей, и все эти варвары погубят вас из глупости или злости. Или впрямь вы поверили, что известные своим коварством французы и англичане, убедившие вас в своем миролюбии и порядочности, не составили уже вероломный военный план, который может защитить их от справедливого нашего стремления управлять миром? Вы постоянно твердите о целостности. Не будет у вас повода беспокоиться о своей целостности, коль распорядитесь вы своей территорией так, как призывает вас мой великодушный властитель».

«Довольно, господин Меньшиков! — возразил Абдул⁵³. — Пришло время смыть ваши грязные оскорбления! Вы, очевидно, приняли меня за барана, коего можно стричь, когда вам заблагорассудится. Но я сомневаюсь, что хватит у вас на это силенок и сноровки. Не стоит вам дожидаться, пока я отдам приказ выдворить вас отсюда. Уйдите сами, иначе оба моих раба окажут вам в этом содействие!»

На откровенное требование убраться прочь Меньшиков ответил решительно: он с радостью поспешил в Петербург. [...]

Явились однажды к Николаю I герцог де Менуайль, граф Спадассин и капитан дворцовой стражи Мердайль⁵⁴ и заявили следующее: «Всемиловитейший господин и повелитель, можем мы прямо сегодня сделать вас самым счастливым и могущественным властителем со времен Александра Великого!»

— Говорите же, господа! — ответил им русский царь.

— Ваше величество, — продолжили свою речь визитеры, — для этого нужно немного. Оставьте вашу столицу на какого-нибудь капитана с небольшим отрядом, ибо укрепления, которые вы так славно придумали, сделали ее неприступной. А затем поделите свою армию на два войска и прикажите им выйти на поле

брани. Одно войско пусть обрушится на Абдул-Меджида и его приспешников, дабы уничтожить их в первой же битве. Покончив с ними, ваше войско сможет взискать с тамошних горожан кучу денег: чтобы остаться в живых, богачи не станут скупиться.

Второе войско должно двинуться на Гасконь, Перигор и Медок⁵⁵. Не встретив сопротивления, покорит оно без труда все крепости, города и замки. Захватив в портах вражеские суда, пусть идет оно на Галисию⁵⁶ и Португалию. После короткой осады Испания предпочтет сдаться. Воздвигнут там победители в память о вас, великий властитель, два столпа, превосходящие в мощи столпы Геркулеса⁵⁷, а море⁵⁸ в честь вас переименуют в Николаевское.

Затем они завоюют Тунис и всю варварскую империю. На обратном пути захватят русские воины Мальорку, Минорку, Сардинию, Корсику и другие острова Балеарского моря. Генуей, Флоренцией и Римом овладеют они с такой легкостью, что бедный Папа непременно умрет от страха.

— Клянусь честью, — заметил Николай, — никогда бы я не стал целовать его туфлю!

— В Италии завоюют они еще Неаполь, Калабрию, Сицилию, а напоследок — Мальту.

— С таким войском, — задумчиво произнес царь, — я охотно пойду на Лоретто.

— Не сейчас, ваше величество, — последовал ответ, — поберегите ваш пыл на обратный путь. Перед этим войско должно занять Кипр, Родос и прочие острова. Когда мы все это приберем к рукам, упаси Господь Иерусалим, ибо мощь султана будет ничто в сравнении с вашей мощью.

— Я велю тогда снова отстроить храм Соломона, — вскричал Николай.

— Ну, с этим можно и подождать. Остерегайтесь внезапных решений! Не взять ли нам за образец Августа Октавиана⁵⁹, изрекшего некогда: "Festina lente", то есть спеша медленно. Сначала нужно занять Малую Азию вплоть до Евфрата. [...]

— А что же предпримет другая половина моего войска, — ну та, что уничтожит этого дерзкого Абдула? — спросил царь.

— Несколько дней дадим победителям на разграбление города, — сказали советники, — но вскоре мы с ними воссоединимся. Однако лишь после того, как они завоюют для вас Бретань⁶⁰, Нормандию⁶¹, Фландрию⁶², Брабант⁶³, Артуа⁶⁴, Голландию и Зеландию, переправятся через Рейн, займут некоторые земли Швейцарии, Люксембург, Эльзас⁶⁵, Лотарингию⁶⁶ и Шампань⁶⁷. И вот тогда объединятся они в окрестностях Лиона с корабельными отрядами, возвратившимися с триумфом со Средиземного моря. Затем наше войско отправится в Богемию, завоевав по дороге Баден⁶⁸, Вюртемберг⁶⁹, Баварию⁷⁰, Австрию, Штирию⁷¹, и (впрочем, это немного стоит) Любек⁷², Норвегию, Швецию, Гренландию, а также северные районы вплоть до Полярного моря. В результате этого обходного маневра вы получите еще и Англию вместе с Ирландией, не считая всего остального. Пруссия, Валахия⁷³, Венгрия, Болгария и Турция, разумеется, не окажут сопротивления. Таким образом, Константинополю придется капитулировать.

— Учтите, — вскричал Николай I, — пока я не стану императором Константинополя, не будет мне покоя! Должны ли мы для начала извести всех этих собак, турецких и магометанских?

— Как же иначе? — дружно ответили министры. — Задайте им жару, ваше величество, а всякого, кто служит вам верой и правдой, вознаградите!

— Это справедливо, — ответил царь, — и обойдется мне сравнительно дешево. Дарю вам, верные слуги, Палестину и Сирию.

— Большое спасибо, — с поклоном сказали министры. — Сирия — это воистину царский подарок. Дай бог исполниться всем вашим гордым планам! [...]

На следующий день император Николай I, государь всея Руси, всей Польши и всей Сибири, великий и грозный самодержец, приказал своей гвардии построиться и обратился к ней с пламенной речью:

«Вольно! В этот единственный в своем роде день я призвал вас, чтоб сообщить вам следующее: настал для России час, когда она может ногой вышибить дверь одряхлевшей Европы. За 44 года ничье боевое оружие ни в одном сражении не сниска-

ло себе бессмертной, всемирной славы. А значит, наша задача в этот период всеобщего упадка, когда все нации, предавшись безвкусице и порокам, изнежились и ослабли, — добиться посредством войны воистину оглушительного успеха. Смирно! Европа развалится от одного только вида моей благородной гвардии.

Как ваш православный царь хочу вдохновить вас на битву святым, хотя и латинским, напутствием:

NICOLAUS NOBISCUM!

QUIS CONTRA NOS!

Николай с нами!

Кто против нас?». [...]

Когда в подзорную трубу,
от злости закусив губу,
разглядывал подробно
царь Николай Европы зад, —
вельможа-льстец, войдя в азарт,
спросил: «А вам удобно
трубу держать наоборот?»
Но государь бедняге рот
заткнул: «Умолкни, кочет!
И мне с утра мозги не парь,
поскольку царь на то и царь,
чтоб видеть то, что хочет».

Когда бескрайнюю страну
вовлек в кровавую войну⁷⁴
царь Николай Добрейший, —
льстец, пристегнув поклон к словам,
спросил: «Не кажется ли вам,
о государь мудрейший,
что в город враг войдет вот-вот?»
Но царь заткнул бедняге рот:
«Зови гостей к обеду
и мне с утра мозги не парь,
поскольку царь на то и царь,
чтоб не проспать к обеду».

Когда по лестнице дворца,
не повернув к толпе лица,
монарх взбирался важно, —
его спросил вельможа-льстец:
«Вам, наш заботливый отец,
не лучше ли — отважно
спуститься нынче вниз, в народ?»

ГЮСТАВ ДОРЕ

Но царь заткнул бедняге рот:
«К любому поученью
я нетерпим. И ты не парь
мозги мне: царь на то и царь,
чтоб не якшаться с чернью!»»

Когда, героев славных дел
припомнив, русский царь вспотел
от зависти, — вельможе
взбрело на ум заметить: «Вам,
подобно диким племенам,
свирепствовать негоже!
Храните свой великий род».
Но царь заткнул бедняге рот:
«Опять ума брожение?
Ты мне, бунтарь, мозги не парь,
поскольку царь на то и царь,
чтоб всех затмить в сраженье!»»

Когда, войска призвавши, вдруг
царь Николай рвануть на Юг
решился, — льстец, в испуге
холопском, глядя на царя,
спросил его (и, кстати, зря):
«Что, если вас на Юге
возьмет простуда в оборот?»
Но царь заткнул бедняге рот:
«Да кто мне насморк прочит?
Монарху, трус, мозги не парь,
поскольку царь на то и царь,
чтобы чихать на прочих!» [...]

Когда, поставив на кон честь,
спасти весь мир, забыв про месть,
покаялся царь лукавый, —
«Все так, — вельможа произнес, —
но впрямь ли хочет — вот вопрос! —
мир, чтоб его двуглавый
орел спасал, слетев с высот?»
Но царь заткнул бедняге рот:
«Для стад любой породы
есть палка прочная! Не парь
мозги мне. Царь на то и царь,
дабы пасти народы».

*Перевод с французского Л. Рофварг,
поэтический перевод с французского И.А. Евса*

Комментарии

Гюстав Доре

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОБРАЗНАЯ, УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ И ПРИЧУДЛИВАЯ ИСТОРИЯ
СВЯТОЙ РУСИ

Доре (Doré) Поль Гюстав (1832–1883) — французский иллюстратор, гравер, живописец. Родился в Страсбурге в семье строителя мостов. С раннего детства поражал окружающих мастерством рисунка, в десятилетнем возрасте выполнил иллюстрации к «Божественной комедии» Данте. В 1847 г. переехал в Париж, где поступил в лицей Шарлемань. В 15 лет стал штатным сотрудником еженедельного развлекательного издания «Le Journal pour Rire» («Журнал для смеха»). Получил широкую известность как иллюстратор.

¹ Вышедшая в 1854 г. работа Г. Доре «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси по старинным источникам и историкам: Нестору, Никону, Сильвестру, Карамзину, Сегюру и др. в 500 рисунках с комментариями» (*Histoire pittoresque dramatique et caricaturale de la Sainte Russie, d'après les chroniqueurs et historiens Nestor Nikan Sylvestre Karamsin Ségur etc. commentée et illustrée de 500 magnifiques gravures par Gustavo Doré. Paris, 1854*) стала одним из первых графических романов (визуальной повести, которая состоит из гравюр и текста). «История Святой Руси» была реакцией на политические события Крымской войны (1853–1856). В работе история России подается и интерпретируется в сатирическом, фантастическом и язвительном ключе.

Печатается по: Доре Г. История Святой Руси / Пер. с фр. Л. Рофварг; поэт. пер. с фр. И. Евса, отв. ред. Т. Волкова. М.: Астрель, 2012. С. 6–48, 81, 86–94, 100–102, 104–110, 112, 115, 118, 120, 123, 124, 129, 133, 135, 136, 138, 139, 141–146, 149–152.

² Здесь Доре дважды имитирует библиографическую ссылку.

³ Перун — бог-громовержец в славянской мифологии.

⁴ Рюрик (ум. 879) — летописный основатель Новгородского княжества на Руси, варяг, князь новгородский с 862 г. и родоначальник княжеской, ставшей впоследствии царской, династии Рюриковичей.

⁵ Игорь (ок. 878–945) — великий князь Киевской Руси, согласно летописной традиции — сын Рюрика.

⁶ Олег (ум. 912) — князь новгородский с 879 г. и великий князь киевский с 882 г. Получив власть над новгородскими землями после смерти Рюрика как опекун над его малолетним сыном Игорем, присоединил к Новгородской Руси Киев и перенес туда столицу, покорил и присоединил много славянских племен в Восточной Европе.

⁷ Вероятно, имеется в виду *Изяслав Ярославич* (1024–1078) — князь туровский (до 1054 г.), новгородский князь (1052–1054), великий князь киевский (1054–1068, 1069–1073 и с 1077).

⁸ *Ольга* — (ок. 890–969) — княгиня, правившая Древнерусским государством после гибели мужа, великого князя киевского Игоря Рюриковича с 945 до 962 г.

⁹ *Сократ* (ок. 469–399 до н.э.) — древнегреческий философ.

¹⁰ ... *решила предать Константинополь огню с помощью воробьев, несущих на своих перышках горящие фитили...* — Доре намеренно искажает историческую легенду. Согласно летописям, в 945 г. князь Игорь был убит племенем древлян. Решив отомстить за смерть мужа, Ольга в 946 г. вышла с войском в поход на древлян. После безуспешной осады в течение лета древлянской столицы Искоростеня Ольга сожгла город с помощью птиц, к ногам которых велела привязать зажженную паклю с серой.

¹¹ Вероятно, имеется в виду *Святослав Игоревич* (942–972) — князь новгородский в 945–969 гг., великий князь киевский в 945–972 гг.

¹² Вероятно, имеется в виду *Изяслав II Мстиславич* (ок. 1097–1154) — второй сын Мстислава Владимировича Великого, внук Владимира Мономаха, великий князь киевский (1146–1149, 1150, 1151–1154), князь волынский.

¹³ *Нестор* летописец (ок. 1056–1114) — древнерусский летописец, агиограф конца XI — начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря. Традиционно считается одним из авторов «Повести временных лет».

¹⁴ *Никон Печерский* (?–1088) — древнерусский церковный деятель XI в., игумен Киево-Печерского монастыря в 1078–1088 гг., основатель церкви и монастыря во имя Пресвятой Богородицы в Тмутаракани, летописец.

¹⁵ Вероятно, имеется в виду *Вячеслав Владимирович* (ок. 1083–1154) — сын Владимира Мономаха. Князь смоленский (1113–1127), князь туровский (1127–1132, 1134–1142 и 1143–1146), князь Переяславля-Южного (1132–1134, 1142–1143), великий князь киевский (с 22 февраля по 4 марта 1139 г., в июле 1150 г. и с апреля 1151-го по 1154 г.).

¹⁶ Вероятно, Доре намеренно искажает имя, и имеется в виду *Мстислав Владимирович Великий* (1076–1132) — великий князь киевский (1125–1132), сын Владимира Мономаха.

¹⁷ *Руитчеслав, Винткчеслав, Енутчеслав и Фуриаслав* — вымышленные имена, плод фантазии Доре.

¹⁸ *Ярослав Владимирович* (Ярослав Мудрый) (ок. 978–1054) — князь ростовский (987–1010), новгородский (1010–1034), великий князь киевский (1016–1018, 1019–1054).

¹⁹ Вероятно, имеется в виду Русская Правда — свод законов Древней Руси, содержала нормы уголовного, наследственного, торгового и процессуального законодательства.

²⁰ Вероятно, имеется в виду *Святополк Изяславич* (1050–1113) — князь полоцкий (1069–1071), новгородский (1078–1088), туровский (1088–1093), великий князь киевский (1093–1113). Сын великого князя киевского Изяслава Ярославича.

²¹ Доре искажает историю России, поскольку у Святополка Изяславича не было сына Владимира.

²² Все имена вымышленные.

²³ Доре смешивает разные исторические периоды, реальных и вымышленных персонажей, тем самым подчеркивая междоусобный характер войны этого периода и частую смену власти.

²⁴ *Иван IV Васильевич (Грозный)* (1530–1584) — великий князь московский и всея Руси с 1533 г., первый царь всея Руси с 1547 г.

²⁵ *Смутное время* — обозначение периода истории России с 1598 по 1613 г., ознаменованного стихийными бедствиями, польско-шведской интервенцией, тяжелейшим политическим, экономическим, государственным и социальным кризисом.

²⁶ *Романовы* — русский боярский род, носивший такую фамилию с конца XVI в.; с 1613 г. — династия русских царей и с 1721 г. — императоров всероссийских, а впоследствии — царей Польши, великих князей Литвы и Финляндии, герцогов Ольденбурга и Гольштейн-Готторпа и великих магистров мальтийского ордена.

²⁷ *Рабле Франсуа* (предп. 1494–1553) — один из крупнейших французских писателей эпохи Ренессанса, наиболее известен как автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

²⁸ *Петр I (Великий)* (1672–1725) — последний русский царь из династии Романовых (с 1682) и первый император всероссийский (1721–1725).

²⁹ *Алексей Михайлович (Тишайший)* (1629–1676) — второй русский царь из династии Романовых (1645–1676).

³⁰ *Ромодановский Федор Юрьевич* (ок. 1640–1717) — русский государственный деятель, приближенный царя Петра I. В 1697–1698 гг. находясь в заграничной поездке, Петр I фактически возложил на него управление государством, присвоив ему титулы князя-кесаря и Его Величество.

³¹ *Ришелье Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье* (1585–1642) — кардинал Римско-католической церкви, государственный деятель Франции. Кардинал Ришелье был государственным секретарем с 1616 г. и главой правительства с 1624 г. до своей смерти.

³² *Архимед* (287–212 до н.э.) — древнегреческий математик, физик, инженер. Сделал множество открытий в геометрии, заложил основы механики, гидростатики, автор ряда важных изобретений. Согласно легенде, Архимед сумел определить, сделана ли корона царя Гиерона из чистого золота или ювелир подмешал туда значительное количество серебра. Удельный вес золота был известен, но трудность состояла в том, чтобы точно определить объем короны: ведь она имела неправильную форму. Архимед все время размышлял над этой задачей. Как-то он принимал ванну, и тут ему пришла в голову блестящая идея: погружая корону в воду, можно определить ее объем, измерив объем вытесненной ею воды. По легенде, Архимед выскочил голый на улицу с криком «Эврика!», т. е. «Нашел!» В этот момент был открыт основной закон гидростатики: закон Архимеда.

³³ *Екатерина I* (1684–1727) — российская императрица, с 1721 г. как супруга царствующего императора, с 1725 г. — как правящая государыня.

³⁴ Вероятно, имеется в виду так называемое Завещание Петра — политически тенденциозная фальсификация, появившаяся ориентировочно в 1812 г.

и опубликованная на французском языке. По утверждению публикаторов, документ представлял собой стратегический план действий для преемников Петра I с целью установления Россией мирового господства. «Завещание» получило большое распространение в Европе в XIX и начале XX в. и принималось некоторыми авторами за подлинный документ.

³⁵ Имеется в виду *Михаил Федорович Романов* (1596–1645) — первый русский царь из династии Романовых, был избран на царствование Земским собором 1613 г.

³⁶ Имеется в виду *Александр Македонский* (356–323 до н.э.) — македонский царь с 336 г. до н.э. из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. Еще в Античности за Александром закрепилась слава одного из величайших полководцев в истории.

³⁷ *Цезарь Гай Юлий* (100 или 102–44 до н.э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Своим завоеванием Галлии Цезарь расширил Римскую державу до берегов Северной Атлантики.

³⁸ *Атилла* (ум. 453) — вождь гуннов с 434 по 453 г., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

³⁹ *Помпей Гней Великий* (106–48 до н.э.) — римский государственный деятель и полководец.

⁴⁰ Доре использует вымышленное имя, вероятно намекая его происхождением на слово «кнут».

⁴¹ *Екатерина II* (Великая) (1729–1796) — российская императрица с 1762 по 1796 г.

⁴² Имеется в виду Кючук-Кайнарджийский мирный договор — мирный договор между Россией и Османской империей, заключенный в 1774 г. в лагере при деревне Кючук-Кайнарджи (ныне Болгария); завершила первую турецкую войну императрицы Екатерины II. Подтвердил территориальные завоевания России в рамках предыдущего Белградского мирного договора 1739 г.

⁴³ Екатерина II действительно оставила после себя большое собрание сочинений — мемуары, записки, переводы, либретто, басни, сказки, комедии.

⁴⁴ *Павел I* (1754–1801) — российский император с 1796 по 1801 г.

⁴⁵ *Александр I* (*Благословенный*) (1777–1825) — российский император с 1801 по 1825 г., великий князь финляндский (с 1809 г.), царь польский (с 1815 г.).

⁴⁶ Имеется в виду Венский конгресс 1814–1815 гг. — конгресс европейских государств (за исключением Турции); завершил войны коалиций европейских держав с Наполеоном I. Заключены договоры, направленные на удовлетворение территориальных притязаний держав-победительниц, закреплена политическая раздробленность Германии и Италии; Варшавское герцогство разделено между Россией, Пруссией и Австрией. Франция лишена своих завоеваний. В сентябре 1815 г. постановления Венского конгресса дополнены актом о создании Священного союза.

⁴⁷ *Николай I* (1796–1855) — российский император с 1825 по 1855 г., царь польский и великий князь финляндский.

⁴⁸ *Кюстин* Астольф Луи Леонор де (1790–1857) — французский аристократ и монархист, писатель, путешественник, приобрел мировую известность

изданием своих записок о России — «Россия в 1839 году», — которую он посетил в 1839 г.

⁴⁹ Доре под апостолом Петром подразумевает здесь Петра I.

⁵⁰ *Остен-Сакен* Фабиан Вильгельмович (1752–1837) — князь, русский генерал-фельдмаршал (с 1826 г.), который прославился в Заграничном походе 1813–1814 гг., командуя отдельным русским корпусом в составе Силезской армии прусского фельдмаршала Блюхера. В Отечественную войну 1812 г. сражался на вспомогательном южном направлении.

⁵¹ *Меньшиков* Александр Сергеевич (1787–1869) — князь, генерал-адъютант, адмирал, морской министр Российской империи в 1836–1854 гг. В 1853 г. — чрезвычайный посол Российской империи в Константинополе.

⁵² *Прут* — река на Украине, в Молдавии и Румынии, левый приток Дуная. Во всех войнах русских с турками русские войска переходили через Прут.

⁵³ *Абду-Меджид I* (1823–1861) — 31-й султан Османской империи, правивший в 1839–1861 г.

⁵⁴ ... *герцог де Менуайль, граф Спадассин и капитан дворцовой стражи Мердаиль*... — Доре использует имена вымышленных персонажей.

⁵⁵ ... *двинуться на Гасконь, Перигор и Медок*... — исторические области Франции.

⁵⁶ *Галисия* — исторический регион и автономное сообщество на северо-западе Испании.

⁵⁷ *Геркулес* (Геракл) — в греческой мифологии герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Совершил знаменитые двенадцать подвигов. В память о своих странствиях Геракл поставил «Геркулесовы столпы». Так в Древнем мире называли две скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива.

⁵⁸ Имеется в виду Средиземное море.

⁵⁹ Имеется в виду *Гай Юлий Цезарь Август* (Гай Октавий Фурий) (63–14 гг. до н.э.) — римский политический деятель. Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им по завещанию.

⁶⁰ *Бретань* — историческая область Франции, занимающая полуостров на северо-западе страны.

⁶¹ *Нормандия* — историческая область на северо-западе Франции.

⁶² *Фландрия* — историческая область на северо-западе Европы (на территории современных Франции, Бельгии и Нидерландов), территория бывшего графства Фландрия.

⁶³ *Брабант* — историческая область Бельгии и Голландии.

⁶⁴ *Артуа* — историческая область на северо-востоке Франции.

⁶⁵ *Эльзас* — историческая область во Франции.

⁶⁶ *Лотарингия* — герцогство, располагавшееся на северо-востоке современной Франции. До 1766 г. герцогство входило в состав Священной Римской империи.

⁶⁷ *Шампань* — историческая область во Франции.

⁶⁸ Великое герцогство Баден — историческое государство, расположенное на юго-западе Германии, на правом берегу реки Рейн. Существовало в период 1806–1918 гг.

⁶⁹ *Вюртемберг* — историческая область на юго-западе Германии. Королевство Вюртемберг в период 1806–1918 гг.

⁷⁰ *Бавария* — королевство на юго-востоке Германии, существовало в период 1806–1918 гг.

⁷¹ *Штирия* — герцогство в составе Австрийской империи в период 1806–1918 гг.

⁷² *Любек* — город на севере Германии.

⁷³ *Валахия* — княжество на территории Валахии, существовавшее там с середины XIV в. до 1859 г., когда оно было объединено с Молдавским княжеством в Объединенное княжество Валахии и Молдавии.

⁷⁴ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг. — война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму.

Комментарии О.Е. Сорокопудовой

LA RUSSIE
ET
L'EUROPE

PAR
HENRI MARTIN

L'Europe aux Européens.

PARIS
FURNE, JOUYET ET Cie, LIBRAIRES-ÉDITEURS
45, RUE SAINT-ANDRÉ-DES-ARTS, 45
—
1866

Tous droits réservés.

Анри Мартен
РОССИЯ И ЕВРОПА

Фрагменты¹

Предисловие

Что такое Европа и что такое Россия? Европа представляет собой сообщество плохо организованное или же вовсе разрозненное. В этом смешении народов кроме слабого самосознания нет еще никакой гармонии.

Россия же являет собой единую общность. Деспотизм, через который и для которого она была создана, является единственной формой ее сознания.

В основании европейского общества лежат идеи личной свободы, семьи и частной собственности. Считается, что принципы эти предшествуют всем писанным законам и главенствуют над ними: законами же определяется лишь форма и границы этих основ, чья первоначальная роль никогда не ставится под сомнение. И хотя в реальности данные принципы могут не соблюдаться, в умах людей они незыблемы.

В основании сообщества русских, или московитов, если отбросить ложную видимость, в действительности лежит принцип сосредоточения власти в руках одного человека, который может произвольно распоряжаться всеми свободами, всем имуществом и всеми людьми. Одним словом, сообщество это управляется человеком, которому удалось уничтожить институт частной собственности в девяти обширных регионах.

После возникновения современных народов европейское сообщество не раз стремилось к объединению. В Средние века Европа под угрозой мусульманского вторжения сплотилась в единую христианскую республику; позднее французской дипломатии в лице Генриха IV² и Ришелье³ удалось построить систему

европейского баланса сил, целью которой стало сдерживание австрийской династии, заявившей претензии на создание всеевропейской монархии.

Со времен Французской революции⁴ европейское сообщество остро нуждается в новом союзе, который бы стал постоянным. И такой союз во что бы то ни стало должен быть заключен, иначе Европа будет разрушена и погибнет.

Европейские народы еще слабо отдают себе отчет в том, что главной целью создания подобной федерации независимых европейских народов станет их совместная борьба против России. Такой союз будет возможным только в том случае, если все европейские народы ясно осознают эту высшую цель и если в их общем сознании сформируется чувство европейского патриотизма.

Русские, или москвиты, как и европейцы, также всегда стремились к объединению. Их сообществу следует дать более общее имя — *туранское* (на востоке античного мира это название закрепилось за североазиатскими племенами). Первоначально сложилось объединение, состоявшее исключительно из туранских племен, — этот союз мы называем татарским. Во главе его стояли Атилла⁵, Чингисхан⁶, Тимур (Тамерлан)⁷ и османские султаны. С течением времени к этому сообществу примешались другие народы, а в эпоху Петра Великого⁸ и его преемников этот союз — Россия — приобрел европейские черты.

Подобное объединение народов имеет определенное преимущество над европейским сообществом. Оно заключается в полном осознании своей высшей цели, которая состоит в подчинении всех народов власти одного правителя

Начиная с эпохи Петра Великого, главным орудием этого сообщества стала европейская внешность. Однако последние победы России, то, как она ими воспользовалась, сорвали с нее эту европейскую маску⁹. Прежний туранин, татарин предстал пред нами теперь в облике русского человека. Маски сброшены, и Европа тому свидетель. Происходили события колоссального значения — Европа была им свидетелем и оставалась при этом в совершенном бездействии!

Почему она бездействовала и как ей следовало поступить? На этот вопрос мы попытаемся найти ответ. Однако, прежде чем говорить о настоящем или будущем, следует вкратце описать прошлое.

Польский вопрос — это всего лишь один из эпизодов в вопросе русско-европейском, тем не менее от него зависит решение всех остальных проблем. Поэтому мы считаем, что необходимо сначала кратко изложить основные этапы совместной истории России и Польши, прежде чем начинать изучение противостояния России и современной единой Европы и вопрошать себя, выживет ли она в будущем или нет.

Обращение к читателю

Мы работали над второй частью этой книги, озаглавленной «Настоящее и будущее» как раз в тот момент, когда описанные нами события были в самом разгаре, когда еще вершилась история. Поэтому представленный очерк о положении Англии, Австрии, Пруссии и об отношениях Франции с различными государствами отражает скорее минувшее положение вещей, чем нынешнее, а нынешнее может, в свою очередь, кардинально поменяться в будущем; однако никакая перемена не заставит нас изменить свое мнение о необходимости европейской федерации, а также о неизбежности радикального противостояния и последующей схватки между Россией и Европой.

Сегодня всякая война между европейцами является злом. В этом мы согласны с той частью общества, что выступает за мир. Наше глубокое расхождение состоит единственно в том, что эта партия на свою погибель считает возможным подходить к отношениям Европы с ее противником, руководствуясь теми же принципами, что допустимо применять исключительно во внутриевропейских международных делах.

Апрель 1866 г.

Введение

Глава I. О расах и национальностях

Даже в самые далекие от нас исторические эпохи, насколько вообще возможно заглянуть в глубь истории, человечество уже подразделялось на расы. Расы — это некоторые группы людей, которые различаются между собой по наследуемым ими физическим свойствам, нравственным и интеллектуальным качествам, способности к мышлению и чувствованию, а также языку. [...]

Таким образом, на первом этапе историю человечества определяли именно *расы*, в то время как на втором этапе главную роль стали играть *нации*.

Изучение собственно рас в строгом смысле этого понятия есть задача науки и философии. Вопрос же наций представляет собой главнейший политический вопрос нашего времени.

Отличие рас от наций состоит в том, что первые в течение многих веков более или менее соединялись между собой через войны и союзы, то есть происходило их насильственное или добровольное смешение: именно на основании этого *смещения* людей и происходило формирование отдельных народностей. В настоящее время не существует ни одного народа, который бы происходил от какой-либо одной расы в чистом виде. Например, к галлам — основному компоненту нашей французской нации — в разное время и в разном объеме примешивалась иберийская, греческая, латинская и германская кровь. Нельзя не отрицать тот факт, что, возможно, и само галльское племя сложилось на основе *смещения* нескольких народов арийской семьи*.

Складывание народностей протекает наиболее легко и плодотворно в тех регионах, где представители родственных рас близко соседствуют друг с другом, как это было, например, в Европе. Там потомки арийцев почти везде смешивались исключительно между собой: можно утверждать, что все народы,

* Совершенно точно известно, что с кельтами смешивались племена венетов и, возможно, фригийцев, и, вполне вероятно, не только они. — Здесь и далее прим. Мартена.

начиная от северной оконечности Европы вплоть до Сицилии, от Днепра и до Ирландского моря, за некоторым исключением, суть лишь ветви одной большой семьи народностей*.

Таким образом, нации имеют более сложную природу, чем расы. Каковы же те главные свойства, которые определяют сущность каждого народа и отличают его от искусственных образований — государств?

Таковых свойств несколько: во-первых, собственно врожденные качества, унаследованные народом от одной или нескольких рас; во-вторых, это язык, который определяет образ мышления и чувствования; в-третьих, установленные природой естественные границы обитания каждого народа; [...] и наконец, наиболее важный фактор — это самый дух нации, особенная совокупность ее устремлений и желаний. [...]

Язык является главным качеством любой нации. Необходимо отметить, что существуют такие народы, которые забыли свое родное наречие и говорят теперь на чужом языке. Позаимствовав язык у другого народа, они не усвоили при этом его духа. Таким образом, случайно усвоенный язык не может считаться подлинным свойством данной нации. Так, в античные времена вавилоняне и финикийцы, потомки Хама, заимствовали семитский язык, не став при этом настоящими семитами. То же произошло и с москвитами или великорусами, которые стали говорить на славянском языке, наречии европейских ариев, — но не усвоили при этом духовную природу европейцев, совместив славянский язык с духовностью совсем иного рода. [...]

* Несмотря на то что баски говорят на особом языке, совершенно невозможным представляется, что этот народ принадлежит к какой-либо другой расе, кроме арийской. Эти потомки иберов, настолько близкие нам по духу и внешнему облику, не могут происходить от какой-то другой, более отдаленной от нас ветви народностей. Мы указали, что складывание наций происходит легче там, где представители родственных рас близко соседствуют друг с другом, однако мы не отбрасываем полностью *возможность* подобного взаимодействия между потомками рас изначально более отдаленных. Заявлять обратное — значит предполагать, что история человечества predetermined заранее. Однако в данном случае необходимо, чтобы высшая раса доминировала в процессе смешения над низшей, иначе на политической арене возникнет отвратительное чудовище.

Бывают также народы, которые, сохранив полностью свой язык и свою самобытность, восприняли при этом духовные качества больших по числу народов совершенно другого происхождения, находясь в их окружении. Так случилось с царскими скифами — ариями, которые сделали туранами или татарами*. В случае же с венграми произошло обратное: туране по расе и языку, они стали совершенными европейцами по духу**. Таким образом, если судить о народе только по его языку, можно подумать, что венгры являются азиатами, а русские — европейцами: и то и другое заключение будет ложным. [...]

Если бы однажды европейские нации поняли, до какой степени они нуждаются друг в друге, если бы они позабыли свои старые обиды, отказавшись от мелочных склок и междоусобных войн, они смогли бы тогда соединиться в европейскую федерацию. Союза, подобного этому, никогда еще не видело человечество. Это сообщество с должной мудростью смогло бы восстановить первоначальное единство великой расы, от которой происходят все европейские народы. Всеевропейский союз обеспечил бы каждому из ныне живущих народов — потомков арийской расы — возможность свободного и независимого развития. Каким блестящим объединением, в котором бы воплотился весь человеческий гений, стало бы политическое сообщество, образованное Францией, Англией, Германией, Италией, Испанией, Скандинавией, Польшей, Грецией и дунайскими народами!***

Впрочем, судя по нынешнему ходу вещей, подобный союз станет возможным очень нескоро. Все европейские народы погружены в раздорах и склоках, хуже того, эта междоусобная борьба с большим умением разжигается другой, внешней расой. Ее чуж-

* Впрочем, судя по гробницам скифских вождей, расположенным в Тавриде, эти племена позднее снова сблизилась с арийскими народностями, попав под греческое влияние.

** Вполне вероятно, что в будущем другой туранский народ, финляндцы — также примкнут к европейскому сообществу. Мадыарский язык венгров в основе своей остается туранским, хотя и испытал более или менее сильное славянское влияние.

*** Речь не идет здесь о создании совместных или переходных государств, однако мы никоим образом не оспариваем ни целесообразности, ни теоретической возможности такого сценария.

дый дух проник в Европу в стремлении подчинить и уничтожить ее и не принес с собой ничего, кроме колоссального духовного вреда и угрозы физического уничтожения.

Государство и его народ, порожденные туранской расой ради достижения совершенно несбыточных и нездоровых идей, пренебрегли той справедливой ролью, которую уготовила им природа. Цель и предназначение этого государства состояли в том, чтобы стать проводником полученных от Европы начал цивилизации и распространить их в самых дальних оконечностях севера и востока Азиатского континента, чтобы тем самым вовлечь эти отсталые регионы в динамику современного мира. Вместо опоры на духовное богатство Европы, которое помогло бы этой державе изменить к лучшему духовные качества желтой расы, стоящей на более низкой ступени развития, — всего монгольского и китайского рода — она сама обратилась против Европы, чтобы подчинить ее своей власти. Она восстала против той самой Европы, что стала ее воспитательницей, будучи во всем выше создавшего эту империю народа. Держава эта не могла принести европейским народам ничего, кроме одного только разрушения и катастроф, коих не видел раньше Старый Свет.

Коварный ученик Европы сделался сегодня ее врагом и главной угрозой.

В самом начале нашего предисловия мы задались вопросом: что такое Европа и что такое Россия? Краткий ответ на него мы и постарались сформулировать выше. Теперь же нам предстоит рассмотреть его подробнее в первой части нашего исследования.

II. Арийская и туранская расы

С незапамятных времен между двумя большими семьями народов, которые возникли в первобытную эпоху в Центральной Азии, шла непрерывная борьба.

Одна из этих семей дала начало индийской и бактрийско-персидской цивилизациям на Востоке и европейским народам на Западе. В Библии эта семья народностей называется яфетитами, современная же наука предпочитает называть их исто-

рическим именем ариев. Другая ветвь народностей составляет семью, обычно называемую татарской. Однако мы, следуя точной традиции, назовем ее туранской*. Именно к этой семье принадлежали скифы, которые в античные времена устраивали нашествия на Европу, равно как и Атилла, Чингисхан и Тамерлан, вторгавшиеся в этот регион в Средние века. Наиболее долговечными государственными образованиями, вобравшими в себя многие туранские народы, стали державы Великих Моголов в Индии и турок-османов в Западной Азии и Восточной Европе. Наконец, в настоящее время такой державой, гораздо более сильной и опасной, является государство москвитов или великорусов, которое превратилось в империю, подчинившую также Белую и Малую России.

Предположительно, что в ряду различных человеческих рас туранская занимает промежуточное место между чисто белой расой ариев и желтой китайской или же индокитайской расой. По физическому строению туране стоят, скорее, ближе к нам, чем к китайцам, однако по своим нравственным качествам и общественным устоям они гораздо больше похожи на китайцев.

Туране подразделяются на две ветви. На юге Азии обитают, собственно говоря, туране, или тюрки, которые, исключая турок-османов, называются у нас западными татарами; севернее же расселена другая туранская ветвь — уральские народы, или финны. И те и другие почти в полном составе входят в русскую империю.

К туранам в строгом смысле этого понятия по обычаям, культуре и языку близка кочевая ветвь желтой расы — монголы, маньчжуры, калмыки и т. д., их мы называем восточными татарами: они всегда примыкали к туранам во время их нашествий на Запад и на Восток. И если для этнографа эти две ветви будут различаться по своим признакам, то для историка и политика они суть одно и то же. Хотя их лица не похожи, по духу своему они

* *Татары, та-та* — изначально это название носило только одно монгольское племя. Термин «туране», имеющий этимологически более широкое применение, в данном случае не совсем точен, поскольку он обозначает исключительно тюркские народы. Этнонимы с тем же корнем: *тюр-, туран-, турк-, турц-*.

едины. Именно поэтому вполне справедливо называть эти народы распространенным в Европе общим именем — татары. Не смотря на то что с научной точки зрения оно некорректно, оно, тем не менее хорошо отражает общность их нравов и обычаев.

Древнее противоборство арийской и туранской рас в Азии легло в основу легендарных сказаний, в которых непрерывно сражаются *Иран и Туран*. В настоящее время под властью *Турана* находится Центральная Азия, откуда происходят эти две расы. Туран также подчинил арийскую (индо-персидскую) Азию. Кроме того, приняв европейское обличье под именем России, Туран поглотил еще и европейские земли — священный удел арийской цивилизации и занял таким образом место среди народов Запада.

Иран и Туран сражаются за Старый Свет, представляя собой две противоположности человеческого рода. Желтая же раса склонна все более подчиняться туранской, хотя ранее неоднократно сама получала власть над ней. Другие первобытные народы, в древности населявшие Азию, которых Библия называет семитами и хамитами, занимали, по-видимому, промежуточное положение между арийской и туранской ветвями. Эти две крайние расы впоследствии ассимилировали их: таким образом, в настоящее время существуют лишь две ветви народностей — арийская и туранская. [...]

Народы восточной ветви желтой расы собственными силами создали цивилизованные общества — Китай и Японию. Туранские же племена и примкнувшие к ним кочевники желтой расы, широко известные своей разрушительной мощью, сумели создать государства только после того, как присвоили себе чужую религию и культуру. Их империи были подобны древним восточным деспотиям. Так, моголы, основавшие государство в Индии, равно как и турки-османы, заселившие территорию Византии, приняли сначала ислам — арабскую семитскую религию. Подобным образом поступили и московиты, уральское или финское племя*, которое осело на северных окраинах Европы и

* Мы имеем в виду первоначальное ядро племени московитов, которые затем восприняли некоторые элементы европейской культуры и в гораздо большей степени культуры тюрко-татарской.

Азии. В эпоху Средневековья москвиты объединились под властью европейских князей, подобно скифам, которых возглавили арийские вожди. Они заимствовали у славян их язык и приняли христианство, причем усвоили скорее только культ, нежели подлинный дух этой религии. После образования своего государства они всячески стремились расширить то, что они называют *Российской империей* — империей, которая росла, поглощая растерзанное тело европейского народа.

Таким образом, русская империя — это главный вопрос в повестке дня для нынешнего Старого Света. И от разрешения его должно зависеть разрешение всех остальных международных проблем. Европе предстоит решить этот коварный русский вопрос, эдакую сфинксову загадку: не нужно пытаться угадать правильный ответ, но необходимо деятельно включиться в поиск правильного решения, иначе Европа погибнет.

История Польши представляет нам только лишь один из многочисленных эпизодов этой непрерывной схватки *Ирана* и *Турана*. Тем не менее на данном отрезке нашей истории эпизод этот приобрел ключевое значение. История польского государства, образованного самой восточной из европейских наций, есть не что иное, как бесконечная вражда с Тураном, попытка не дать туранским народам завоевать западный мир — святая святых арийской цивилизации и единственный очаг прогресса на земле. Дважды Польша добивалась успеха: сначала в войне против монголов, затем в сражениях с оттоманскими султанами. Она пала лишь перед лицом своего третьего противника — Московии, хотя и сопротивлялась ее натиску более пяти столетий. Польское государство было уничтожено при непосредственном участии двух европейских монархий, в то время как другие европейские державы оставались полностью равнодушными ко всему происходящему. И вот эта умерщвленная, но бессмертная страна время от времени поднимается из своей гробницы, чтобы призвать Европу защитить самое себя с помощью восстановления польского государства.

Европа же отвечает на этот призыв лишь робким выражением сочувствия и снова позволяет своему врагу запрятать Польшу

в ее окровавленную могилу. Европа, кажется, не понимает, что вместе с польским государством погибает ее важнейшая составная часть. Европа, кажется, не понимает, что уничтожение Польши есть не что иное, как начало трагической драмы, в которой решается вопрос о ее собственном существовании.

Если наши умы не прояснятся, если души наши не восстанут ото сна, если не мы заставим наше настоящее обратить свой взор к прошлому и будущему, к чему же приведет это пагубное безразличие?

А. Тьер¹⁰, прекрасный историк, которого нельзя заподозрить в предвзятости в освещении международных проблем, — что только подкрепляет наше право привести здесь его слова, — однажды уже ответил на этот вопрос: «Если русский колосс встанет одной ногой у Дарданелл, другой — у Зунда, Старый Свет сделается его рабом, а свобода сохранится только в Америке. То, что ограниченные умы сегодня считают несбыточным, однажды воплотится в печальную реальность, и европейские народы, возможно, повторят судьбу разрозненных греческих полисов, покорившихся македонским царям»*.

Мы выражаем надежду, что Европа все же избежит этой печальной участи, по поводу чего и сам господин Тьер, разумеется, не переставал питать надежды. Но если для той болезни, о которой он говорил, не найдется действенного лекарства, его пророчество все же сбудется.

Выполняя наш долг, мы не думаем о том, хватит ли наших сил на то, чтобы закончить начатый труд: каждому свое! В данной книге мы представляем плод нашей трехлетней работы по изучению проблемы европейского общественного блага.

Сначала мы изучим основные вехи русской и польской истории, затем на основании полученных выводов рассмотрим основной вопрос нашего исследования, после чего станет возможным суждение относительно сегодняшнего и будущего положения Европы, а также тех мер, которые необходимо предпринять, чтобы устранить угрожающие ей опасности.

[...]

* История Консульства и Империи. Т. VIII. С. 448.

Глава VI. Два народа и две расы

Мы попытались вкратце описать основные события и особенности истории Польши и Московии. Перечислим теперь кратко сделанные нами выводы. Что же мы наблюдаем в Восточной Европе?

1. Славяне — это одна из групп европейской семьи народов. Они наделены всеми основными качествами этой семьи — духом индивидуализма, всесторонней развитостью, изобретательностью, стремлением к прогрессу и совершенствованию; они обладают также доблестью чистосердечия, свободолюбия и искренности; а достоинством их общественной жизни является особенное стремление к объединению, склонность формировать добровольные и свободные союзы. В дополнение к нашему очерку политической истории необходимо добавить еще несколько штрихов: напомним, что европейская культура обязана своим расцветом в том числе и славянским ученым, просвещенным людям, которые внесли значительный вклад в ее развитие во времена Ренессанса. Так, в области точных наук вспомним Коперника¹¹ — поляка, который стал не просто «братом по духу» для таких ученых, как Галилей¹², Кеплер¹³, Бэкон¹⁴ и Декарт¹⁵, но был, скорее, их «старшим братом» и предшественником.

Великие писатели, в том числе и поляки, ошибались, полагая отличительной особенностью славян традиции сельской общины, которые на самом деле суть лишь пережиток родоплеменного строя, через который в свое время проходили и большие народы Запада — галлы, германцы, иберы. Этот образ жизни славян тем не менее не помешал стремительному развитию у них института семьи и неизбежному возникновению связанной с ним частной собственности*.

У наших арийских народов земельная община и подобная общинная собственность на землю существовали лишь неко-

* В этом отношении нет ничего более удивительного, чем процессы, происходящие в настоящее время в сербском обществе: со времени отмены крепостного права личная собственность там стремительно вытесняет семейную, которая до этого играла у сербов примерно ту же роль, что и у наших древних кельтских племен.

торое время на первой ступени развития цивилизации и вскоре уступили место семейной собственности, в то время как у московитов, равно как и у других туранских народов, эта форма собственности, наоборот, никогда не прекращала быть основанием всего общества. Таким образом, для одного сообщества этот тип отношений стал лишь кратковременной фазой первоначального развития, эдакой зачаточной формой социума, тогда как в другом обществе подобные отношения продолжали играть главную роль и в период его зрелого существования.

На северо-востоке славяне заселяют земли вплоть до Валдайских гор¹⁶ и южного берега Ладожского озера; на востоке и юго-востоке они расселены по обоим берегам Днепра вплоть до Угры и Дона.

2. Из первоначальной общности славян выделились две обособленные ветви в них сильнее всего проявились качества, свойственные славянской расе: на севере это поляки, а на юге — сербы. Изучение последних не входило в круг наших задач, поскольку до настоящего времени им не приходилось сталкиваться с Московской.

3. К востоку от польской народности сложилась еще одна славянская общность. Первоначально ее даже отождествляли с поляками — настолько близко к ним она расселилась. Эта славянская ветвь отделилась от поляков, или, вернее, была отделена от них, в IX–XI вв. в ходе внешнего вторжения. Она получила от скандинавов иностранное название русь или руссы (по-латыни *Ruthenus*)*, по имени одного из шведских племен. Со временем разошлись языки двух народов; поляки оказались под латинским влиянием, рутены — под греческим, из-за чего они стали придерживаться разных обрядов. Однако оба народа сохранили память об общем родстве, и две разные ветви — польская и ру-

* В средневековой латыни название «руссы» звучало как «rutheni». По мнению славянских ученых, этот ошибочный перевод стал результатом путаницы: термину «rutheni» приписывается кельтское происхождение. Как бы то ни было, мы употребляем название «рутены» как синоним для «руссов».

тенская, — будучи частично отделенными друг от друга в течение нескольких веков, воссоединились вновь. Это добровольное объединение совершилось с помощью литовцев — неславянско-го народа, чья знать восприняла славянские обычаи и культуру.

4. К востоку от русских, или рутенских славян, за обширными хвойными лесами восточнее Днепра, за Валдайскими горами, рекой Волхов и Ладогой простираются земли, которые вплоть до XVIII в. не считались частью Европы. Эти земли были населены племенами, не принадлежавшими к европейской семье народов. Их и подчинили те скандинавы, от которых ранее некоторая группа славян получила имя руссов. Вслед за немецкой традицией мы называем обитателей этих далеких земель финнами, хотя в настоящее время ученые именуют эти народы уральскими, поскольку они с незапамятных времен занимают земли, прилегающие к Уральским горам. Все указанные племена состоят в родстве с тюркской и татарской семьей народностей, которую можно обозначить их общим родовым именем — туранская.

В XII в. один из князей скандинавского происхождения¹⁷ основал среди финнов новое государство, центром которого в итоге стала Москва. Под влиянием своих князей Московия обратилась в христианство и переняла славянский язык, однако целиком сохранила обычаи, нравы и идеи, совершенно чуждые славянам, равно как и другим европейцам. В ходе масштабного вторжения монголов новое государство было покорено, но не разрушено. И даже под игом монгольских ханов Московия не оставляла попыток завоевать славяно-русские земли.

После освобождения от монголов Московия разгромила рутенов на крайнем Севере (Новгород), после чего начала бесконечную схватку с Польшей, то есть с объединением польско-рутено-литовских народов. Московиты желали отобрать у Польши все земли, которыми когда-то владели русско-скандинавские князья. Московия разом заявила претензии на наследие монгольских ханов, византийских императоров и русско-скандинавских князей и устремилась на завоевание земель, населенных европейскими народами. Московские цари не успели еще отряхнуть

с себя пыль монгольских степей, как уже начали мечтать о всемирном царстве*.

Московит совершенно отличается по духу от славянина и европейца. Основные его качества — все отрицательные: отсутствие индивидуальности, всесторонней развитости, избретательности и непременно порождаемой ею способности к самосовершенствованию, что сочетается с необычайной покорностью и умением с большой легкостью подражать другим. У московитов совершенно нет никакой расположенности к созданию свободных сообществ, если только речь не идет о религиозном сектантстве. У них нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола, особенно со стороны верховной власти, оппозиция которой считается в некотором роде кощунством. Московиты не знают прав человека, у них наличествует влечение к самовластью и фанатичное преклонение перед грубой силой. Из наиболее выдающихся качеств московитов следует отметить большую хитрость и необычайную способность приспосабливаться к переменам.

У настоящих же славян жилище и крестьянский надел были разделены. Обладая участком земли, даже если он находился в ленном держании, крестьяне всегда стремились упрочить свое положение, обеспечить передачу земли по наследству внутри своей семьи. Молодой человек, который достигал совершеннолетия, устраивал себе отдельное хозяйство и в свою очередь про-

* См. молитву, составленную по приказу Бориса Годунова в конце XVI в.: «О душевном спасении и телесном здравии Слуги Божия, Царя Всевышним избранного и превознесенного, Самодержца всей Восточной страны и Северной; о Царице и детях их; о благоденствии и тишине отечества и Церкви под скипетром единого Христианского Венценосца в мире», — Карамзин. Т. XI. С. 122. И обращение Лжедмитрия к польскому посланнику: «Я не только Князь, не только Господарь и Царь, но и Великий Император в своих неизмеримых владениях. Сей титул дан мне Богом, и не есть одно пустое слово, как титулы иных Королей; ни Ассирийские, ни Мидийские, ниже Римские Цесари не имели действительнейшего права так именоваться. Могу ли быть доволен названием Князя и Господаря, когда мне служат не только Господари и Князья, но и Цари? Не вижу себе равного в странах полунощных; надо мною один Бог». — Там же. С. 356.

должал свой род, давая жизнь новому поколению. Как и у наших крепостных людей в эпоху Средневековья, личность, семья, свой надел составляли у славян, так сказать, их особенную индивидуальность даже в дни самого сурового феодального гнета.

Говорят, что в тех землях, где когда-то обитали славяне новгородские и псковские, и сегодня можно еще найти следы этого нерушимого европейского духа, который на протяжении стольких веков стремились уничтожить московиты. Там все еще можно распознать немногочисленных потомков славян, которые живут по соседству с селениями чуждого им народа, где принято жить в общих домах, где землю заново делят после каждой переписи¹⁸ и где зачастую селяне не могут спокойно дождаться очередной переписи и скорее стремятся заново поделить землю. В сообществе московитов личность не значит ничего, семейные узы слабы, а связи крестьянина с землей вообще не существует. Кажется, словно в этой местности все еще стоит лагерь *кочевая орда*.

Будучи у себя дома, московиты кажутся довольно добрыми и гостеприимными. Однако случись война, и однажды взявший оружие московит, если, конечно, он не ограничен железной дисциплиной и если начальники предоставляют его самому себе, проявляет такую неукротимую тягу к разрушению, каковую нельзя нигде больше встретить, кроме как у татарских народов: он инстинктивно стремится уничтожить все живое и неживое, оставляя после себя голую пустыню. Он изничтожил бы даже саму землю, если бы только мог это сделать. Чрезмерное возбуждение этих инстинктов в низших слоях народа делает из людей свирепых животных, что совмещается с распространением в верхах ложной просвещенности и цивилизованности Петров Великих и Екатерин Вторых: и мы уже могли лицезреть, какие чудовища появлялись таким образом на свет.

Нравственная добродетель современной Европы происходит из трех великих источников: христианства, рыцарства (под этим термином мы понимаем зародившиеся в средневековом обществе идеалы чести, принципы личного достоинства, нравственную возвышенность и своего рода особый культ прекрас-

ной женщины), а также современной философии с ее идеалами права, свободы и гуманизма.

Московия обладает лишь внешним европейским обликом, но так и не впитала в себя вполне подлинный дух христианства, который упорно подменялся суеверием, невежеством и в особенности раболепием клира. Ее высшие сословия не знали рыцарского достоинства. Что до философии, обыкновенно они просто повторяют уже существующие идеи без всякой веры в их истинность, излагая же свое мнение, они на самом деле думают иначе*.

Слабость нравственного сознания является отличительным знаком этого народа. Грубое равнодушие и врожденная скрытность простого народа превращаются у просвещенных людей в достойную софистов изворотливость, в способность с легкостью всему подражать без малейшего желания что-то усваивать, эдакую смесь легкомысленности и искусства двоемыслия, с которыми ничто не сравнится.

Иногда москвиты срывают с себя маску цивилизованности, давая волю своему татарскому нутру, которое выплескивается наружу в виде диких выходок, вроде тех тостов за здоровье Муравьева¹⁹ — этого воплощения убийства и разрушения, — криков «ура!» в его честь, которые доносятся со всех концов империи от странных людей, эдакой пародии на либералов и *филантропов*. Убийство и разрушение — это далеко не все способы

* Ж.-А. Шнитцлер рассматривает современную европейскую культуру с несколько иных позиций. Он считает, что в основе ее лежат три ключевых элемента, а именно римская образованность, унаследованная от греческих и восточных мудрецов, германское свободолюбие и христианская религия. Шнитцлер указывает на то, что Россия совершенно не знала Рима, от германского наследия она получила самое большее несколько крох, что касается христианства, Россия усвоила его особую форму, менее благоприятную для интеллектуального развития. «Нельзя отрицать тот факт, — говорит Шнитцлер, — что христианство пришло в Россию из Византии. Византийские правители, которые мало понимали истинный смысл Благой вести, превратили ее в простое средство осуществления своего деспотизма, в то время как священство, погрязшее в многочисленных дрязгах вокруг ложных вопросов, извратило высокие идеалы христианства, так что его чистый и истинный дух оказался забыт в погоне за всеобщим соблюдением внешней обрядности» (Империя царей. Т. III. С. 9–13).

угнетения, практикуемые москвитями. Среди них также можно вспомнить непрестанное наступление на институт семьи, будь то жестокая практика, когда детей отнимают от их матерей, или же посягательства на достоинство и целомудрие женщин. Вспомнить только указы Муравьева! Речь не идет здесь о грубых выходках пьяной солдатни, равно как и о личной инициативе военного начальника, опозорившегося перед Европой: здесь мы наблюдаем особую форму хорошо спланированного террора, который стал одним из средств управления. Получается стройная политическая система, в которой господствует всеобщая солидарность, где одни играют роль исполнителей, а другие, в том числе и общество, одобряют все содеянное. Вот в чем состоит их вызов Европе!

Что же мы еще можем прибавить к проклятию, которое вырвалось из честных уст Герцена²⁰ против всей этой *благородной России, цивилизованной России?** Решительно ничего, кроме разве что небольшой оговорки в пользу тех, кто, покраснев от стыда, устремился скорее отстраниться от этой политической вакханалии, в которой варварское неистовство соединилось с утонченными пороками европейской цивилизации.

Герцен действительно мечтал о чистом народе, который готов снизу самостоятельно освободиться от этого гнилого налета. Увы! Варварские низы остаются лишь слепым инструментом варваров, сидящих наверху: благодаря тем, кого Муравьев называет *раскольниками*, мы смогли понять, что следует ожидать от москвитов в конечном итоге.

Московский крестьянин, вероятно, имеет врожденные качества, способные дать свои плоды в будущем. Однако в нынешнем его состоянии, будучи таким, каким его сегодня делает власть, он представляет собой лишь только орудие в руках царизма, который манипулирует им, как ему вздумается, разжигая в нем слепой фанатизм, ненависть к Западу и страсть к завоеванию.

В данном случае мы рассматриваем только сегодняшнее положение вещей и то, каким оно будет в ближайшем будущем. Безусловно, речь не идет о том, что участь этого народа *предрешена*

* Колокол. 1863. 10 августа.

навечно и что он не способен достичь благополучия, которое отвечно бы его потребностям.

Фанатичное преклонение москвитов перед силой, персонафицированной в лице одного человека, есть не что иное, как извращение древней практики почитания патриархальной власти, которая, будучи низменным чувством, сама по себе не несет ничего плохого. Согласно превосходной теории этнографа Духиньского²¹, чувство это обусловлено потребностью в порядке и желанием сознавать себя в *безопасности*. Возникает оно у находящихся на крайне низкой ступени культурного развития народов, где отдельный человек неспособен распоряжаться своей судьбой и даже не выражает такого желания: он просто не может обойтись без посредника между собой и Провидением*. Соответственно *монарх*, царь, являет собой Отца, который получил от Бога абсолютную власть над большой семьей. Таков идеал москвитов.

Подумать только, если бы цари, Отцы, обладали пониманием своего истинного предназначения! Если бы европейские династии, вставшие во главе этих туранских племен, остались верны духу своих предков! Если бы они не прониклись мечтами татарских ханов о всемирной монархии! Если бы вместо того, чтобы разжигать в своем народе варварские инстинкты и навязывать ему европейское обличье, московские цари, наоборот, приложили бы все свои усилия, чтобы обеспечить эту огромную массу людей всем необходимым**, искоренить с течением времени этот деспотический патриархальный уклад, способствовать

* Этот факт следует связать с неполноценностью самой расы, поскольку у народов арийской расы никогда не было такой практики, даже на самых низших стадиях их развития. История свидетельствует о том, что люди арийской расы всегда обладали ясным чувством собственной свободы и индивидуальности. Будь то древние славяне, о которых речь шла выше, или же древние кельты, германцы, греки, латиняне и т. д.

** Обширные земли Поволжья представляют собой гигантский плодородный регион. Несмотря на то что Московия совершенно не похожа на другие славянские страны, она все же имеет нечто общее с Польшей, а именно черноземные регионы. Таким образом, даже если Московия утратила бы контроль над бассейном Днепра, она все равно располагала бы обширной сельскохозяйственной базой в Поволжье.

духовному развитию народа в той мере, в какой это позволяют его естественные способности, привести своих поданных к высшим идеалам человечества ... Наконец, они могли сделаться посредниками между Европой и Азией, как туранской, так и китайской, через что заняли бы славное, уготованное им природой место среди других народов*. Ведь повсюду, где есть подобные идеалы, народ будет обладать соответствующими им духовными качествами, будет жить в относительном благосостоянии.

В противоположность тому, что нужно было делать, московские цари поступали следующим образом: вместо того чтобы привить туранскому народу европейский дух, они сами сделали туранами и восстали против Европы. От своей арийской природы они сохранили только лишь то, что помогло им превратить Московию в самого опасного противника Запада, с каким не сравнятся никакие собственно татарские империи. Могущество этих империй никогда не длилось хоть сколько-нибудь долгое время. Татарская империя, однажды объединив многочисленные племена, вскоре неизбежно распадалась на множество осколков. Однако в случае с Московией арийский стержень крепко сдерживает вместе огромное число туранского народа. Таким образом, Россия имеет двойное обличье.

По отношению к татарским племенам это *империя*, образованная одной расой, огромная империя, которая естественным

* Все наши замечания относительно патриархальной власти справедливы равным образом и в отношении сельской общины, которая также представляет собой низшую форму общественной организации. Отметим, что этот институт не является совершенным извращением общественной жизни: если он не мешает социальному прогрессу и развитию сельского хозяйства, его вполне возможно совместить с высокими идеалами человеколюбия, братства и справедливости. Однако бывает, что эти принципы никак нельзя привить в обществах, построенных на основе сельской общины, как в случае с арабскими племенами, в которых отсутствует какая-либо организация и где господствует наследственная аристократия. По отношению к сельской общине просвещенный абсолютизм московских царей должен был поступить так же, как это следовало сделать с патриархальной властью. Необходимо было с течением времени реформировать этот примитивный институт, возникший благодаря врожденному расовому инстинкту. Однако царизм руководствовался только своими властными интересами и то прикрепляя народ к земле, то отрывал его от нее.

образом вмещает в себя все татарские народы. Они подчиняются ей так же, как подчинялись ранее власти Чингисхана и Тамерлана. Но однажды попав в зависимость от московской империи, эти племена не могут более отпасть от нее, как это происходило раньше с предшествующими ей туранскими государствами.

По отношению к Европе Россия представляет собой *нацию*, поскольку ее население не принадлежит к одной лишь туранской расе, но состоит из смешения нескольких народностей. Хотя тураны не преобладают здесь числом, туранский дух всецело господствует над всеми остальными народами. Тем не менее Россия отказывается признавать свое истинное положение и считает себя империей *панславянской*, то есть центром той расы, к которой она никак не принадлежит. Таким образом, Россия вполне поддается выработанным нами принципам классификации рас и национальностей. А если бы она была населена представителями одной только расы! Тогда она была бы не так опасна для Старого Света!

Как мы уже говорили ранее, для отдельного человека, равно как и для целого народа, не существует раз и навсегда предопределенного пути. Однако же в настоящее время нельзя более придумать никакого средства, которое бы помогло мирным путем принудить Московию занять свое законное, определенное природой место. Любые мечты о мирных переговорах суть лишь химеры, о которых даже предосудительно говорить вслух. Культ грубой силы можно устранить только с помощью силы. Схватка между Россией и Европой неизбежна. Русский народ можно привести к цивилизованности только через его поражение в войне. Если Европа не победит Россию, она погибнет.

Любая война между самими европейцами есть гражданская война. Война же с москвитами — это битва с внешним врагом, битва за существование.

Повторим еще раз, что высшая цель западной цивилизации — создание свободного сообщества независимых народов, связанных союзом, создание **ЕВРОПЕЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**. Высшая же цель московского царизма — поглотить все народности и создать единую евразийскую монархию. Меч нас рассудит.

Какими бы грандиозными, какими бы безумными ни казались устремления Московии, после разрушения Польши она значительно продвинулась к их осуществлению. Восстановление Польши, удобный момент для которого Европа только что снова упустила, смешало бы все планы московитов и в будущем устранило бы все опасные для Европы угрозы.

Итак, основываясь на достойных доверия источниках, мы изложили историю Европы. Остается только сделать заключение, необходимо на основании ошибок прошлого и настоящего сделать выводы о том, как следует поступать в будущем; с большей тщательностью нужно рассмотреть природу вышеописанной угрозы и указать те средства, которые, по нашему мнению, смогут помочь ее устранить. Однако сначала необходимо рассмотреть следующий вопрос: как случилось так, что настолько простая и ясная история Польши и Московии была самым странным образом искажена? Почему еще вчера, всецело сочувствуя Польше, мы совершенно не понимали природу ее противостояния с Россией, равно как и сущность самой России? Почему в ответ эти наши животрепещущие вопросы мы не получали ничего, кроме смутных и неуверенных отговорок, ложных и расплывчатых умозаключений?

Прежде чем излагать выводы, к которым взывает сама история, необходимо сначала кратко описать этот ворох интриг и обмана московитов, которые вот уже целое столетие с удивительной легкостью извращают истину.

Перевод с французского Р.В. Моторнова

Комментарии

Анри Мартен

РОССИЯ И ЕВРОПА

Мартен (Martin) Анри (1810–1883) — французский историк, публицист, писатель, политик. Родился в округе Сен-Кантен (Пикардия), его семья принадлежала к высшей прослойке среднего класса. Изучал право, некоторое время стажировался в качестве нотариуса. После успеха своих первых исторических романов, посвятил себя историческим исследованиям. Опубликовал «Историю Франции» в 19-ти томах. В 1848 г. преподавал историю в Сорбонне. В 1871–1876 гг. — член Национального собрания, в 1876–1883 гг. — сенатор, с 1878 г. — член Французской академии.

¹ Работа А. Мартена «Россия и Европа» впервые издана в Париже в 1866 г. на французском языке.

Фрагменты печатаются по: *Martin Henri. La Russie et L'Europe. Paris, 1866. P. I–VI, 1–14, 97–107.* Перевод Р.В. Моторнова.

² *Генрих IV Великий* (Генрих Наваррский, Генрих Бурбон) (1553–1610) — король Франции с 1589 г. (фактически — с 1594 г.), основатель французской королевской династии Бурбонов.

³ *Ришелье* Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585–1642) — кардинал римско-католической церкви, государственный деятель Франции. Кардинал Ришелье был государственным секретарем с 1616 г. и главой правительства с 1624 г. до своей смерти.

⁴ Имеется в виду Французская революция 1789–1799 гг.

⁵ *Атила* (ум. 453) — вождь гуннов с 434 по 453 г., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

⁶ *Чингисхан* (собственное имя — Тэмуджин; ок. 1155 или 1162–1227) — основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и в Восточную Европу.

⁷ *Тамерлан* (Тимур; 1336–1405) — среднеазиатский завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси.

⁸ *Петр I Великий* (Петр Алексеевич Романов; 1672–1725) — последний царь всея Руси из династии Романовых (с 1682 г.) и первый император всероссийский (1721–1725).

⁹ Имеется в виду подавление польского восстания 1863–1864 гг.

¹⁰ *Тьер Луи Адольф* (1797–1877) — французский политический деятель и историк.

¹¹ *Коперник* Николай (1473–1543) — польский астроном, математик, механик, экономист, каноник эпохи Ренессанса. Наиболее известен как автор гелиоцентрической системы мира, положившей начало первой научной революции.

¹² *Галилей* Галилео (1564–1642) — итальянский физик, механик, астроном, философ, математик, оказавший значительное влияние на науку своего времени. Он первым использовал телескоп для наблюдения небесных тел и сделал ряд выдающихся астрономических открытий.

¹³ *Кеплер* Иоганн (1571–1630) — немецкий математик, астроном, механик, оптик, первооткрыватель законов движения планет Солнечной системы.

¹⁴ *Бэкон* Фрэнсис (1561–1626) — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма.

¹⁵ *Декарт* Рене (1596–1650) — французский философ, математик, физик, физиолог, создатель аналитической геометрии.

¹⁶ Имеется в виду Валдайская равнина.

¹⁷ Имеется в виду *Рюрик* (ум. 879) — летописный основатель Новгородского княжества на Руси, варяг, князь новгородский с 862 г. и родоначальник княжеской, ставшей впоследствии царской династии Рюриковичей на Руси.

¹⁸ Имеется в виду практика передела наделов внутри крестьянской общины исходя из изменений в количестве работников, которые могли обрабатывать землю. — Прим. пер.

¹⁹ *Муравьев-Виленский* Михаил Николаевич (1796–1866) — губернатор Виленского генерал-губернаторства, Минской и Гродненской губерний.

²⁰ *Герцен* Александр Иванович (1812–1870) — русский революционер, публицист, писатель, философ.

²¹ *Духиньский* Францишек Хенрик (1816–1893) — польский этнограф и историк, вице-президент Парижского этнографического общества. Работы на польском и русском языке посвящены вопросу о первоначальных отношениях между Россией и Польшей. Пытался создать теорию славянской этнографии. Этнографическая теория Духиньского представляла собою стремление облечь в форму научной системы политические мечтания и чувства польской эмиграции. Основанием теории служит мысль, что великорусы, или «москали», не принадлежат к славянскому и даже к арийскому племени, а составляют отрасль племени туранского наравне с монголами и только присваивают себе имя русских, которое принадлежит по справедливости только малорусам и белорусам, близким к полякам по своему происхождению.

Комментарии Р.В. Моторнова, О.Е. Сорокопудовой

Карл Маркс

РАЗОБЛАЧЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

Глава четвертая

Прежде чем приступить к анализу памфлета, озаглавленного «Истина есть истина, когда она раскрывается вовремя»¹, которым мы закончим введение к «Разоблачениям дипломатии», уместно будет сделать несколько предварительных замечаний относительно общей истории русской политики.

Неодолимое влияние России заставляло Европу врасплох в различные эпохи, оно пугало народы Запада, ему покорялись как року или оказывали лишь судорожное сопротивление. Но чарам, исходящим от России, сопутствует скептическое отношение к ней, которое постоянно вновь оживает, преследует ее, как тень, усиливается вместе с ее ростом, примешивает резкие иронические голоса к стонам погибающих народов и издевается над самим ее величием, как над театральной позой, принятой, чтобы поразить и обмануть зрителей. Другие империи на заре своего существования встречались с такими же сомнениями, но Россия превратилась в исполина, так и не преодолев их. Она является единственным в истории примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом. С начала XVIII столетия и до наших дней ни один из авторов, собиравшийся ли он превозносить или хулить Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование.

Но, будем ли мы рассматривать Россию как спиритуалисты или как материалисты, будем ли мы считать ее могущество очевидным фактом или просто призраком, порожденным не-

чистой совестью европейских народов, — остается все тот же вопрос: «Как могла эта держава, или этот призрак державы, умудриться достичь таких размеров, чтобы вызывать, с одной стороны, страстное утверждение, а с другой — яростное отрицание того, что она угрожает миру восстановлением всемирной монархии?» В начале XVIII столетия Россию считали внезапно появившимся импровизированным творением гения Петра Великого. Шлёцер, обнаружив, что у России есть прошлое, счел это открытием², а в новейшие времена такие писатели, как Фаллмерайер, не зная, что они следуют по стопам русских историков, решительно утверждают, что северный призрак, устрашающий Европу XIX века, уже нависал над ней в IX столетии³. По их мнению, политика России начинается с первых Рюриковичей и систематически, правда, с некоторыми перерывами, продолжается до настоящего времени.

Развернутые перед нами старинные карты России показывают, что раньше она занимала в Европе даже большие пространства, чем те, которыми может похвалиться теперь: они со всей точностью свидетельствуют о непрерывном процессе расширения ее территории в IX–XI столетиях. Нам указывают на Олега, двинувшего 88 000 человек против Византии, прибывшего в знак победы свой щит на воротах ее столицы и продиктовавшего Восточной Римской империи позорный мир; на Игоря, сделавшего эту империю своей данницей; на Святослава⁴, с торжеством заявлявшего: «греки снабжают меня золотом, дорогими тканями, рисом, фруктами и вином, Венгрия доставляет скот и лошадей, из России я получаю мед, воск, меха и невольников»⁵; на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию, заставившего греческого императора, подобно тому как Наполеон заставил германского императора, выдать за него свою дочь⁶, соединившего военную власть северного завоевателя с теократическим деспотизмом порфиородных и ставшего одновременно господином своих подданных на Земле и заступником их на небесах.

Несмотря, однако, на известные параллели, вызванные этими реминисценциями, политика первых Рюриковичей коренным образом отличается от политики современной России. То

была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших Европу, — история современных народов начинается лишь после того, как схлынул этот потоп. Готический период истории России составляет, в частности, лишь одну из глав истории норманнских завоеваний. Подобно тому как империя Карла Великого⁷ предшествует образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, прибалтийских поселений, Турции и самой Московии. Быстрый процесс расширения территории был не результатом выполнения тщательно разработанных планов, а естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний — вассалитета без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани, причем необходимость дальнейших завоеваний поддерживалась непрерывным притоком новых варяжских авантюристов, жаждавших славы и добычи. Вождей, у которых появлялось желание отдохнуть, дружина заставляла двигаться дальше, и в русских, как и во французских землях, завоеванных норманнами, пришло время, когда вожди стали посылать в новые грабительские экспедиции своих неукротимых и ненасытных собратьев по оружию с единственной целью избавиться от них. В отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы. Если славянские племена удалось подчинить не только с помощью меча, но и путем взаимного соглашения, то эта особенность была обусловлена исключительным положением этих племен, территории которых подвергались вторжениям как с севера, так и с востока, и которые воспользовались первыми в целях защиты от вторых. К Риму Востока⁸ варягов влекла та же магическая сила, которая влекла других северных варваров к Риму Запада. Самый факт перемещения русской столицы — Рюрик избрал для нее Новгород, Олег перенес ее в Киев, а Святослав пытался утвердить ее в Болгарии, — несомненно, доказывает, что завоеватель только нащупывал себе путь и смотрел на Россию лишь как на стоянку, от которой надо двигаться дальше в поисках империи на юге. Если современная Россия жаждет овладеть Константинополем⁹,

чтобы установить свое господство над миром, то Рюриковичи, напротив, из-за сопротивления Византии при Цимисхии¹⁰ были вынуждены окончательно установить свое господство в России.

Могут возразить, что здесь победители слились с побежденными скорее, чем во всех других областях, завоеванных северными варварами, что вожди быстро смешались со славянами, о чем свидетельствуют их браки и их имена. Но при этом следует помнить, что дружина, которая представляла собой одновременно их гвардию и их тайный совет, оставалась исключительно варяжской, что Владимир, олицетворяющий собой вершину готической России, и Ярослав, представляющий начало ее упадка, были возведены на престол силой оружия варягов. Если в этот период и нужно признать наличие какого-либо славянского влияния, то это было влияние Новгорода, славянского государства, традиции, политика и стремления которого были настолько противоположны традициям, политике и стремлениям современной России, что последняя смогла утвердить свое существование лишь на его развалинах. При Ярославе¹¹ верховенство варягов было сломлено, но одновременно исчезают и завоевательные стремления первого периода и начинается упадок готической России. История этого упадка еще больше, чем история завоевания и образования, подтверждает исключительно готический характер империи Рюриковичей.

Нескладная, громоздкая и скороспелая империя, сколоченная Рюриковичами, подобно другим империям аналогичного происхождения, распадалась на уделы, делилась и дробилась между потоками завоевателей, терзалась феодальными войнами, раздиралась на части чужеземными народами, вторгавшимися в ее пределы. Верховная власть великого князя исчезает, поскольку на нее претендовали семьдесят соперничающих князей той же династии. Попытка Андрея Суздальского¹² снова объединить некоторые крупные части империи путем перенесения столицы из Киева во Владимир привела лишь к распространению процесса распада с юга на центр страны. Третий преемник Андрея оказался даже от последней тени былого верховенства — титула великого князя и чисто номинальной феодальной присяги, кото-

рую ему еще приносили¹³. Южные и западные уделы по очереди переходили к литовцам, полякам, венграм, ливонцам, шведам. Сам Киев, древняя столица, перестав быть резиденцией великого князя, превратился в заурядный город и был предоставлен своей собственной судьбе. Таким образом норманнская Россия совершенно сошла со сцены, и те немногие слабые воспоминания, в которых она все же пережила самое себя, рассеялись при страшном появлении Чингисхана¹⁴. Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преображенная Московия.

Татарское иго продолжалось с 1237 по 1462 г., более двух столетий¹⁵. Оно не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали неременной его принадлежностью. Ввиду того что численность татар по сравнению с огромными размерами их завоеваний была невелика, они стремились, окружая себя ореолом ужаса, увеличить свои силы и сократить путем массовых убийств численность населения, которое могло поднять восстание у них в тылу. Кроме того, оставляя после себя пустыню, они руководствовались тем же экономическим принципом, в силу которого обезлюдели горные области Шотландии и римская Кампанья, — принципом замещения людей овцами и превращения плодородных земель и населенных местностей в пастбища.

Татарское иго продолжалось целых сто лет, прежде чем Московия вышла из безвестности¹⁶. Чтобы поддерживать междоусобицы русских князей и обеспечить их рабскую покорность, монголы восстановили значение титула великого князя. Борьба между русскими князьями за этот титул была, как пишет современный автор, «подлой борьбой, борьбой рабов, главным оружием которых была клевета и которые всегда были готовы доносить друг на друга своим жестоким повелителям; они ссорились из-за пришедшего в упадок престола и могли его достичь только как грабители и отцеубийцы, с руками, полными золота и запят-

нанными кровью; они осмеливались вступить на престол, лишь пресмыкаясь, и могли удержать его, только стоя на коленях, распростершись и трепеща под угрозой кривой сабли хана, всегда готового повергнуть к своим ногам эти рабские короны и увенчанные ими головы»¹⁷.

Именно в этой постыдной борьбе московская линия князей в конце концов одержала верх. В 1328 г. Юрий, старший брат Ивана Калиты, подобрал у ног хана Узбека¹⁸ великокняжескую корону, отнятую у тверской линии с помощью наветов и убийств¹⁹. Иван I Калита и Иван III, прозванный Великим²⁰, олицетворяют Московию, поднимавшуюся благодаря татарскому игу, и Московию, становившуюся независимой державой благодаря исчезновению татарского владычества. Итог всей политики Московии с самого ее появления на исторической арене воплощен в истории этих двух личностей.

Политика Ивана Калиты состояла попросту в следующем: играя роль гнусного орудия хана и заимствуя, таким образом, его власть, он обращал ее против своих соперников — князей и против своих собственных подданных. Для достижения этой цели ему надо было втереться в доверие к татарам, цинично угодничая, совершая частые поездки в Золотую Орду, униженно сватаясь к монгольским князьям, прикидываясь всецело преданным интересам хана, любыми средствами выполняя его приказания, подло клеветая на своих собственных родичей, совмещая в себе роль татарского палача, льстеца и старшего раба. Он не давал покоя хану, постоянно разоблачая тайные заговоры. Как только тверская линия начинала проявлять некоторое стремление к национальной независимости, он спешил в Орду, чтобы донести об этом. Как только он встречал сопротивление, он прибегал к помощи татар для его подавления. Но недостаточно было только разыгрывать такую роль, чтобы иметь в ней успех, требовалось золото. Лишь постоянный подкуп хана и его вельмож создавал надежную основу для его системы лжи и узурпации. Но каким образом раб мог добыть деньги для подкупа своего господина? Он убедил хана назначить его сборщиком дани во всех русских уделах. Облеченный этими полномочиями, он вы-

могал деньги под вымышленными предложениями. Те богатства, которые он накопил, угрожая именем татар, он использовал для подкупа их самих. Склонив при помощи подкупа главу русской церкви перенести свою резиденцию из Владимира в Москву²¹, он превратил последнюю в религиозный центр и соединил силу церкви с силой своего престола, сделав таким образом Москву столицей империи. При помощи подкупа он склонял бояр его соперников-князей к измене своим властителям и объединял их вокруг себя. Используя совместное влияние татар-мусульман, православной церкви и бояр, он объединил удельных князей для крестового похода против самого опасного из них — тверского князя²². Затем, наглыми попытками узурпации побудив своих недавних союзников к сопротивлению и войне за их общие интересы, он, вместо того чтобы обнажить меч, поспешил к хану. Снова с помощью подкупа и обмана он добился того, что хан лишил жизни его соперников-родичей, подвергнув их самым жестоким пыткам. Традиционная политика татар заключалась в том, чтобы обуздывать одних русских князей при помощи других, разжигать их усобицы, приводить их силы в равновесие и не давать усилиться ни одному из них. Иван Калита превратил хана в орудие, посредством которого избавился от наиболее опасных соперников и устранил всякие препятствия со своего пути к узурпации власти. Он не завоевывал уделы, а незаметно обращал права татар-завоевателей исключительно в свою пользу. Он обеспечил наследование за своим сыном²³ теми же средствами, какими добился возвышения Великого княжества Московского, в котором так странно сочетались княжеское достоинство с рабской приниженностью. За все время своего правления он ни разу не уклонился от намеченной им для себя политической линии, придерживаясь ее с непоколебимой твердостью и проводя ее методически и дерзко. Таким образом он стал основателем московитской державы, и характерно, что народ прозвал его Калитой, то есть денежным мешком, так как именно деньгами, а не мечом проложил он себе путь. Именно в период его правления наблюдался внезапный рост Литовской державы, которая захватывала русские уделы с запада, между тем как давление татар с востока

сплачивало их воедино. Не осмеливаясь избавиться от одного бесчестья, Иван, по-видимому, стремился преувеличивать другое. Ни обольщения славой, ни угрызения совести, ни тяжесть унижения не могли отклонить его от пути к своей цели. Всю его систему можно выразить в нескольких словах: макиавеллизм раба, стремящегося к узурпации власти. Свою собственную слабость — свое рабство — он превратил в главный источник своей силы.

Политику, начертанную Иваном I Калитой, проводили и его преемники: они должны были только расширить область ее применения. Они следовали ей усердно, непреклонно, шаг за шагом. Поэтому от Ивана I Калиты мы можем сразу перейти к Ивану III, прозванному Великим.

В начале своего правления (1462–1505) Иван III был еще данником татар, удельные князья еще оспаривали его власть, Новгород, глава русских республик, властвовал над северной Россией, Польско-Литовское государство стремилось завоевать Московию, наконец, ливонские рыцари еще не были обезоружены. К концу его правления мы видим Ивана III сидящим на независимом троне, рядом с ним — дочь последнего византийского императора²⁴, у ног его — Казань, обломки Золотой Орды стекаются к его двору, Новгород и другие русские республики поработены, Литва лишена ряда своих владений, а ее государь — орудие в руках Ивана, ливонские рыцари побеждены. Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя²⁵. Каким же образом Ивану удалось совершить эти великие дела? Был ли он героем? Сами русские историки изображают его заведомым трусом²⁶.

Рассмотрим вкратце главные направления его борьбы в той последовательности, в которой он их начинал и доводил до конца, — его борьбу с татарами, с Новгородом, с удельными князьями и, наконец, с Польско-Литовским государством.

Иван освободил Московию от татарского ига не одним смелым ударом, а в результате почти двадцатилетнего упорного труда. Он не сокрушил иго, а избавился от него исподтишка. Поэтому свержение этого ига казалось больше делом природы, чем рук человеческих. Когда татарское чудовище наконец испустило дух, Иван явился к его смертному одру скорее как врач, предсказавший смерть и использовавший ее в своих интересах, чем как воин, нанесший смертельный удар. С освобождением от иноземного ига дух каждого народа поднимается — у Московии под властью Ивана наблюдается как будто его упадок. Достаточно сравнить Испанию в ее борьбе против арабов с Московией в ее борьбе против татар.

Когда Иван вступил на престол, Золотая Орда уже давно была ослаблена: изнутри — жестокими междоусобицами, извне — отделением от нее ногайских татар, вторжениями Тимура-Тамерлана, появлением казачества и враждебными действиями крымских татар²⁷. Московия, напротив, неуклонно следуя политике, начертанной Иваном Калитой, стала необъятной громадой, стиснутой татарскими цепями, но вместе с тем крепко сплоченной ими. Хань, словно под воздействием каких-то чар, продолжали служить орудием расширения и сплочения Московии. Они намеренно усиливали могущество православной церкви, которая в руках московитских великих князей оказалась опаснейшим оружием против них самих.

Чтобы восстать против Орды, москвитину не надо было изобретать ничего нового, а только подражать самим татарам. Но Иван не восставал. Он смиренно признавал себя рабом Золотой Орды. Через подкупленную татарскую женщину он склонил хана²⁸ к тому, чтобы тот приказал отозвать из Московии монгольских наместников. Подобными незаметными и скрытыми действиями он хитростью выманил у хана одну за другой такие уступки, которые все были губительными для ханской власти. Таким образом, могущество было им не завоевано, а украдено. Он не выбил врага из его крепости, а хитростью заставил его уйти оттуда. Все еще продолжая падать ниц перед послами хана и называть себя его данником, он уклонялся от уплаты дани под вы-

мышленными предложениями²⁹, пускаясь на все уловки беглого раба, который не осмеливается предстать перед лицом своего хозяина, а старается только улизнуть за пределы досягаемости. Наконец, монголы пробудились от своего оцепенения и пробил час битвы. Иван, содрогаясь при одной мысли о вооруженном столкновении, пытался искать спасения в своей собственной трусости и обезоружить гнев врага, отводя от него объект, на который тот мог бы обрушить свою месть. Его спасло только вмешательство крымских татар, его союзников. Против второго нашествия Орды он для видимости собрал столь превосходящие силы, что одного слуха об их численности было достаточно, чтобы отразить нападение. Во время третьего нашествия он позорно дезертировал, покинув армию в 200 000 человек. Принужденный против воли вернуться, он сделал попытку сторговаться на унижительных условиях и в конце концов, заразив собственным рабским страхом свое войско, побудил его к всеобщему беспорядочному бегству. Московия тогда с тревогой ожидала своей неминуемой гибели, как вдруг до нее дошел слух, что Золотая Орда была вынуждена отступить вследствие нападения на ее столицу крымского хана. При отступлении она была разбита казаками и ногайскими татарами³⁰. Таким образом, поражение превратилось в успех. Иван победил Золотую Орду, не вступая сам в битву с нею. Бросив ей вызов и сделав вид, что желает битвы, он побудил Орду к наступлению, которое истощило последние остатки ее жизненных сил и поставило ее под смертельные удары со стороны племен ее же собственной расы, которые ему удалось превратить в своих союзников. Одного татарина он перехитрил с помощью другого. Хотя огромная опасность, которую он на себя навлек, не смогла заставить его проявить даже каплю мужества, его удивительная победа ни на одну минуту не вскружила ему голову. Действуя крайне осторожно, он не решился присоединить Казань к Московии, а передал ее правителям из рода Менгли-Гирея, своего крымского союзника, чтобы они, так сказать, сохраняли ее для Московии. При помощи добычи, отнятой у побежденных татар, он опутал татар победивших. Но если этот обманщик был слишком благоразумен, чтобы перед свиде-

телями своего унижения принять вид завоевателя, то он вполне понимал, какое потрясающее впечатление должно произвести крушение татарской империи на расстоянии, каким ореолом славы он будет окружен и как это облегчит ему торжественное вступление в среду европейских держав. Поэтому перед иностранными государствами он принял театральную позу завоевателя, и ему действительно удавалось под маской гордой обидчивости и раздражительной надменности скрывать назойливость монгольского раба, который еще не забыл, как он целовал стремя у ничтожнейшего из ханских посланцев. Он подражал, только в более сдержанном тоне, голосу своих прежних господ, приводившему в трепет его душу. Некоторые постоянно употребляемые современной русской дипломатией выражения, такие, как великодушные, уязвленное достоинство властелина, заимствованы из дипломатических инструкций Ивана III.

Справившись с Казанью, он предпринял давно задуманный поход против Новгорода, главы русских республик. Если свержение татарского ига являлось в его глазах первым условием величия Московии, то вторым было уничтожение русской вольности. Так как Вятская республика объявила себя нейтральной по отношению к Московии и Орде³¹, а Псковская республика с ее двенадцатью пригородами обнаружила признаки недовольства³², Иван начал льстить последней и сделал вид, что забыл о первой, тем временем сосредоточив все свои силы против Великого Новгорода, с падением которого, он понимал, участь остальных русских республик будет решена. Удельных князей он соблазнил перспективой участия в разделе этой богатой добычи, а бояр привлек на свою сторону, используя их слепую ненависть к новгородской демократии. Таким образом ему удалось двинуть на Новгород три армии и подавить его превосходящими силами³³. Но затем, чтобы не сдерживать данного князьям обещания и не изменить своему неизменному «*vos non vobis*»³⁴, и вместе с тем опасаясь, что из-за недостаточной предварительной подготовки еще не сможет поглотить Новгород, он считал нужным проявить неожиданную умеренность и удовольствоваться одним лишь выкупом и признанием своего сюзеренитета. Однако

в грамоту, в которой эта республика изъявляла покорность, ему ловко удалось включить несколько двусмысленных выражений, делавших его ее высшим судьей и законодателем. Затем он стал разжигать распри между патрициями и плебеями, потрясавшие Новгород так же, как Флоренцию. Воспользовавшись некоторыми жалобами плебеев, он снова явился в Новгород, сослал в Москву закованными в цепи тех знатных людей, которые, как ему было известно, относились к нему враждебно, и нарушил древний закон республики, в силу которого «никто из граждан никогда не может быть подвергнут суду или наказанию за пределами ее территории»³⁵.

С той поры он стал верховным арбитром.

«Никогда, — говорят летописцы, — никогда еще со времен Рюрика не бывало подобного случая. Никогда еще великие князья киевские и владимирские не видели, чтобы новгородцы приходили к ним и подчинялись им, как своим судьям. Лишь Иван сумел довести Новгород до сего унижения».

Семь лет потратил Иван на то, чтобы разложить республику с помощью своей судебной власти³⁶. Когда же он счел, что силы Новгорода истощились, то решил, что настало время заявить о себе. Чтобы сбросить личину умеренности, ему нужно было, чтобы Новгород сам нарушил мир. Поэтому если раньше он прикидывался спокойным и терпеливым, то теперь разыграл внезапный взрыв ярости. Подкупив посла республики³⁷, чтобы тот на публичной аудиенции величал его государем, Иван немедленно потребовал всех прав самодержца, то есть самоупразднения республики. Как он и предвидел, Новгород ответил на это посягательство восстанием, избием знати и тем, что передался Литве. Тогда этот московитский современник Макиавелли³⁸, приняв вид оскорбленной добродетели, стал жаловаться:

«Новгородцы сами добивались того, чтобы он стал их государем; а когда, уступая их желаниям, он, наконец, принял на себя этот титул, они отреклись от него и имели дерзость объявить его лжецом перед лицом всей России; они осмелились пролить кровь своих соотечественников, остававшихся ему верными, и предать бога и священную русскую землю, призвав в ее пределы чужую религию и иноземного владыку»³⁹.

Подобно тому как после первого своего нападения на Новгород он открыто вступил в союз с плебеями против патрициев, так теперь Иван вступил в тайный заговор с патрициями против плебеев. Он двинул объединенные силы Московии и ее вассалов против республики. После ее отказа безоговорочно подчиниться он повторил прием татар — побеждать путем устрашения. В течение целого месяца он теснее и теснее стягивал вокруг Новгорода кольцо огня и разорения, держа постоянно над ним меч и спокойно ожидая, пока раздираемая распрями республика не пройдет через все стадии дикого иступления, мрачного отчаяния и покорного бессилия. Новгород был поработан⁴⁰. То же произошло и с другими русскими республиками. Любопытно посмотреть, как Иван использовал самый момент победы, чтобы ковать оружие против тех, кто добыл эту победу. Присоединив земли новгородского духовенства к своим владениям, он обеспечил себе средства для подкупа бояр, чтобы впредь использовать их против князей, и для наделения поместьями детей боярских⁴¹, чтобы в будущем использовать их против бояр. Стоит еще отметить те изощренные усилия, которые Московия, так же как и современная Россия, постоянно прилагала для расправы с республиками. Началось с Новгорода и его колоний, затем наступила очередь казачьей республики⁴², завершилось все Польшей. Чтобы понять, как Россия раздробила Польшу, нужно изучить расправу с Новгородом, продолжавшуюся с 1478 по 1528 год.

Казалось, Иван сорвал цепи, в которые монголы заковали Московию, только для того, чтобы опутать ими русские республики. Казалось, он поработил эти республики только для того, чтобы поступить так же с русскими князьями. В течение двадцати трех лет он признавал их независимость, терпел дерзости и сносил даже их оскорбления. Теперь благодаря низвержению Золотой Орды и падению республик он стал настолько сильным, а князья, с другой стороны, такими слабыми в результате влияния московского князя на их бояр, что Ивану достаточно было лишь продемонстрировать свою силу, чтобы исход борьбы был решен. Тем не менее он не сразу отказался от своих осторожных приемов. Он избрал тверского князя, самого могущественно-

го из русских феодалов, в качестве первого объекта своих действий. Он начал с того, что вынудил его к наступлению и союзу с Литвой, а потом объявил его предателем, далее, запугав этого князя, добился от него ряда уступок, которые лишили его возможности сопротивляться. Затем он использовал то ложное положение, в которое эти уступки поставили князя по отношению к его собственным подданным, и тогда уже стал ждать, каковы будут последствия этих действий. Все это закончилось тем, что тверской князь отказался от борьбы и бежал в Литву. Присоединив Тверь к Московии⁴³, Иван с огромной энергией продолжал осуществление своего давно задуманного плана. Прочие князья приняли свое низведение до степени простых наместников почти без сопротивления. Оставались еще два брата Ивана. Одного из них Иван убедил отказаться от своего удела, другого завлек ко двору, лицемерными проявлениями братской любви усыпил его бдительность и приказал убить⁴⁴.

Мы дошли теперь до последней великой борьбы Ивана — борьбы с Литвой. Она началась с его вступления на престол и закончилась только за несколько лет до его смерти. В течение 30 лет он ограничивался в этой борьбе тем, что вел дипломатическую войну, разжигая и усугубляя внутренние распри между Литвой и Польшей, склоняя на свою сторону недовольных русских феодалов из Литвы и парализуя своего противника натравливанием на него других его врагов: Максимилиана Австрийского, Матвея Корвина Венгерского и, главным образом, Стефана, молдавского господаря⁴⁵, которого он привлек к себе посредством брака, а также, наконец, Менгли-Гирея, оказавшегося таким же сильным орудием против Литвы, как и против Золотой Орды. Тем не менее после смерти короля Казимира и вступления на престол слабого Александра, когда литовский и польский престолы временно разделились⁴⁶, когда обе эти страны взаимно истощили свои силы в междоусобной борьбе, когда польское дворянство, поглощенное своими усилиями ослабить королевскую власть, с одной стороны, крестьянство и горожан — с другой, покинуло Литву и допустило уменьшение ее территории в результате одновременных вторжений Стефана Молдавского и Менгли-Гирея, когда, та-

ким образом, слабость Литвы стала очевидной, Иван понял, что пришла возможность использовать свою силу и что все условия для успешного выступления с его стороны налицо. И все же он не пошел дальше театральной военной демонстрации — сбора ошеломляющего своей численностью войска. Как он в точности предвидел, теперь было достаточно лишь сделать вид, что он желает битвы, чтобы заставить Литву капитулировать. Он добился признания в договоре тех захватов, которые исподтишка были совершены во время правления короля Казимира, и, к неудовольствию Александра, навязал ему одновременно и свой союз, и свою дочь⁴⁷. Союз он использовал, чтобы запретить Александру защищаться от нападений, подстрекателем которых являлся сам тесть, а дочь — для того, чтобы разжечь религиозную войну между нетерпимым королем-католиком и преследуемыми им его подданными православного вероисповедания. Воспользовавшись этой смутой, Иван рискнул наконец обнажить меч и захватил находившиеся под властью Литвы русские уделы вплоть до Киева и Смоленска⁴⁸.

Православное вероисповедание служило вообще одним из самых сильных орудий в его действиях. Но кого избрал Иван, чтобы заявить претензии на наследие Византии, чтобы скрыть под мантией порфирородного клеймо монгольского рабства, чтобы установить преемственность между престолом московитского выскочки и славной империей святого Владимира⁴⁹, чтобы в своем собственном лице дать православной церкви нового светского главу? Римского папу. При папском дворе жила последняя византийская принцесса. Иван выманил ее у папы, дав клятву отречься от своей веры — клятву, от которой приказал своему собственному примасу освободить себя⁵⁰.

Между политикой Ивана III и политикой современной России существует не сходство, а тождество — это докажет простая замена имен и дат. Иван III, в свою очередь, лишь усовершенствовал традиционную политику Московии, завещанную ему Иваном I Калитой. Иван Калита, раб монголов, достиг величия, имея в руках силу самого крупного своего врага — татар, которую он использовал против более мелких своих врагов — русских кня-

зей. Он мог использовать силу татар лишь под вымышленными предложениями. Вынужденный скрывать от своих господ силу, которую в действительности накопил, он вместе с тем должен был ослеплять своих братьев-рабов властью, которой не обладал. Чтобы решить эту проблему, он должен был превратить в систему все уловки самого низкого рабства и применять эту систему с терпеливым упорством раба. Открытая сила сама могла входить в систему интриг, подкупа и скрытых узурпации лишь в качестве интриги. Он не мог ударить, не дав предварительно яда. Цель у него была одна, а пути ее достижения многочисленны. Вторгаться, используя обманном путем враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и в конце концов ниспровергнуть ее с помощью средств, созданных ею же самой, — эта политика была продиктована Ивану Калите специфическим характером как господствующей, так и поработенной расы. Его политика стала также политикой Ивана III. Такова же политика и Петра Великого, и современной России, как бы ни менялись название, местопребывание и характер используемой враждебной силы. Петр Великий действительно является творцом современной русской политики. Но он стал ее творцом только потому, что лишил старый московитский метод захватов его чисто местного характера, отбросил все случайно примешавшееся к нему, вывел из него общее правило, стал преследовать более широкие цели и стремиться к неограниченной власти, вместо того чтобы устранять только известные ограничения этой власти. Он превратил Московию в современную Россию тем, что придал ее системе всеобщий характер, а не тем лишь, что присоединил к ней несколько провинций. Подведем итог. Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала *virtuoso*⁵¹ в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира.

Глава пятая⁵²

Одна характерная черта славянской расы должна броситься в глаза каждому наблюдателю. Почти повсюду славяне ограничивались территориями, удаленными от моря, оставляя морское побережье неславянским народностям. Финско-татарские племена занимали берега Черного, литовцы и финны — Балтийского и Белого морей. Там, где славяне соприкасались с морским побережьем, как на Адриатическом и отчасти на Балтийском море, они в скором времени вынуждены были подчиниться чужеземной власти. Русский народ разделил эту общую участь славянской расы. В момент своего первого появления на арене истории он населял земли у истоков и в верхнем течении Волги и ее притоков, Днепра, Дона и Северной Двины. За исключением небольшого участка в глубине Финского залива, его территория нигде не соприкасалась с морем. До Петра Великого он не смог отвоевать себе доступ ни к одному морю, кроме Белого, которое в течение трех четвертей года сковано [льдами] и непригодно для мореплавания. Место, где теперь находится Петербург, в течение прошедшего тысячелетия оспаривали друг у друга финны, шведы и русские. Все остальное побережье на протяжении от Полангена близ Мемеля до Торнио и весь берег Черного моря от Аккермана до Редут-Кале⁵³ были завоеваны позднее. И как будто в подтверждение антимерских свойств славянской расы из всей этой береговой линии русская национальность по-настоящему не освоила ни какую-либо часть балтийского побережья, ни черкесское и мингрельское восточное побережье Черного моря. Только побережье Белого моря, насколько оно вообще пригодно для земледелия, некоторая часть северного побережья Черного и часть побережья Азовского морей действительно были заняты русскими поселенцами. Однако даже и поставленные в новые условия, они все еще воздерживаются от морского промысла и упорно хранят верность сухопутным традициям своих предков.

Петр Великий с самого начала порвал со всеми традициями славянской расы. «России нужна вода»⁵⁴. Эти слова, с которыми он с упреком обратился к князю Кантемиру, стали девизом всей его жизни! Завоевание Азовского моря было целью его первой

войны с Турцией, завоевание Балтики — целью его войны со Швецией, завоевание Черного моря — целью его второй войны против Порты и завоевание Каспийского — целью его вероломного вторжения в Персию⁵⁵. Для системы местных захватов достаточно было суши, для системы мировой агрессии стала необходима вода. Только в результате превращения Московии из полностью континентальной страны в империю с морскими границами московитская политика могла выйти из своих традиционных пределов и найти свое воплощение в том смелом синтезе, который, сочетая захватнические методы монгольского раба и всемирно-завоевательные тенденции монгола-властелина, составляет жизненный источник современной русской дипломатии.

Говорят, что ни одна великая нация никогда не жила и не могла прожить в таком отдалении от моря, в каком вначале находилась империя Петра Великого; что ни одна нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские берега и устья рек были оторваны от нее; что Россия не могла оставить устье Невы, этот естественный выход для продуктов ее Севера, в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра, Буга и Керченский пролив — в руках занимавшихся грабежом кочевников-татар; что по самому своему географическому положению прибалтийские провинции являются естественным дополнением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними; что, одним словом, Петр — по крайней мере в данном случае — захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны. С этой точки зрения Петр Великий намеревался в результате своей войны со Швецией лишь создать русский Ливерпуль и обеспечить его необходимой полосой побережья.

Но здесь упускают из виду одно важное обстоятельство, тот *tour de force*⁵⁶, которым он перенес столицу империи из континентального центра к морской окраине, ту характерную смелость, с которой он воздвиг новую столицу на первой завоеванной им полосе балтийского побережья почти на расстоянии пушечного выстрела от границы, намеренно дав, таким образом, своим владениям эксцентрический центр. Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поставить его в такие условия, в кото-

рых он не мог быть в безопасности даже от внезапных нападений, пока не будет покорено все побережье от Либавы до Торнио, а это было завершено лишь к 1809 г. с завоеванием Финляндии.

«С.-Петербург — это окно, из которого Россия может смотреть на Европу», — сказал Альгаротти⁵⁷. Это было с самого начала вызовом для европейцев и стимулом к дальнейшим завоеваниям для русских. Укрепления, имеющиеся в наше время в русской Польше, являются лишь дальнейшим шагом в осуществлении той же самой идеи. Модлин, Варшава, Ивангород представляют собою не только цитадели, предназначенные для укрощения непокорной страны. Они являются такой же угрозой Западу, какую Петербург в сфере его непосредственного влияния представлял сто лет тому назад для Севера. Они должны превратить Россию в Панславонию подобно тому, как прибалтийские провинции превратили Московию в Россию.

Петербург, *эксцентрический центр* империи, сразу же указывал, что для него еще нужно создать периферию.

Таким образом, не само завоевание прибалтийских провинций отличает политику Петра Великого от политики его предшественников; истинный смысл этих завоеваний раскрывается в перенесении столицы. В отличие от Москвы Петербург был не центром расы, а местопребыванием правительства, не результатом длительного труда народа, а мгновенным созданием одного человека, не центром, определяющим свойства континентального народа, а морской окраиной, в которой они теряются, не традиционным ядром национального развития, а сознательно избранным местом для космополитической интриги. Перенесением столицы Петр порвал те естественные узы, которые связывали систему захватов прежних московитских царей с естественными способностями и стремлениями великой русской расы. Поместив свою столицу на берегу моря, он бросил открытый вызов антиторским инстинктам этой расы и низвел ее до положения просто массы своего политического механизма. Начиная с XVI в. Московия сделала важные территориальные приобретения только в Сибири, а до XVI в. непрочные завоевания на Западе и Юге были осуществлены лишь при непосредственном исполь-

зовании Востока. Перенесением столицы Петр возвестил, что он, напротив, намерен воздействовать на Восток и на своих ближайших соседей, используя Запад. Если использование Востока было ограничено узкими рамками из-за замкнутого характера и неразвитых связей азиатских народов, то использование Запада с самого начала стало безграничным и всеобщим благодаря подвижному характеру и всесторонним связям Западной Европы. Перенесение столицы означало это намеренное изменение средств воздействия, а завоевание прибалтийских провинций дало возможность добиться такого изменения, сразу обеспечить России преобладание над соседними северными государствами, установив ее прямой и постоянный контакт со всеми пунктами Европы, заложив основу для материальных связей с морскими державами, которые благодаря этому завоеванию стали зависимыми от России в получении материалов для кораблестроения. Этой зависимости не существовало, пока Московия, страна, производившая большую часть материалов для кораблестроения, не имела своих собственных путей для их вывоза, тогда как Швеция — государство, державшее эти пути в своих руках, — не владела страной, расположенной за ними.

Если московитские цари, осуществлявшие свои захваты, главным образом используя татарских ханов, должны были *татаризовать* Московию, то Петр Великий, который решил действовать, используя Запад, должен был *цивилизовать* Россию. Захватив прибалтийские провинции, он сразу получил орудия, необходимые для этого процесса. Эти провинции не только дали ему дипломатов и генералов, то есть умы, при помощи которых он мог бы осуществить свою систему политического и военного воздействия на Запад, но одновременно в изобилии снабдили его чиновниками, учителями и фельдфебелями, которые должны были вымуштровать русских, придав им тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних.

Ни Азовское, ни Черное, ни Каспийское моря не могли открыть Петру этот прямой выход в Европу. К тому же еще при его жизни Таганрог, Азов и Черное море с его вновь созданным

русским флотом, портами и верфями были опять заброшены или отданы туркам. Завоевание Персии тоже оказалось преждевременным начинанием. Из четырех войн, которые Петр Великий вел на протяжении своей жизни, его первая война с Турцией, плоды которой были потеряны во второй турецкой войне, продолжала, в известном смысле, традиционную борьбу с татарами. С другой стороны, она была лишь прелюдией к войне со Швецией, в которой вторая турецкая война являлась эпизодом, а персидская война — эпилогом. Таким образом, война со Швецией, длившаяся двадцать один год, поглощает почти всю военную деятельность Петра Великого. С точки зрения и целей, и результатов, и продолжительности мы с полным основанием можем назвать ее его *главной* войной. Все, что он создал, зависело от завоевания балтийского побережья.

Теперь предположим, что мы совершенно не знаем подробностей его военных и дипломатических операций. Но разве сам факт, что превращение Московии в Россию осуществилось путем ее преобразования из полуазиатской континентальной страны в главенствующую морскую державу на Балтийском море, не приводит нас к выводу, что Англия — величайшая морская держава того времени, расположенная к тому же у самого входа в Балтийское море, начиная с середины XVII в. сохранявшая здесь роль верховного арбитра, должна быть причастна к этой великой перемене? Разве Англия не должна была служить главной опорой или главной помехой планам Петра Великого и не должна была оказать решающее влияние на события во время затяжной борьбы не на жизнь, а на смерть между Швецией и Россией? Если мы не находим, что она прилагала все силы для спасения Швеции, то разве мы не можем быть уверены, что она использовала все доступные ей средства для содействия москвиту? И тем не менее в том, что обычно именуется историей, Англия почти не появляется как участник этой великой драмы и выступает скорее в роли зрителя, чем действующего лица. Но подлинная история покажет, что правители Англии не менее способствовали осуществлению планов Петра I и его преемников, чем ханы Золотой Орды — осуществлению замыслов Ивана III и его предшественников. [...]

Комментарии

Карл Маркс

РАЗОБЛАЧЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

Маркс (Магх) Карл (1818–1883) — немецкий философ, экономист, политический мыслитель, общественный деятель. Родился в г. Трир в семье адвоката. Окончил Берлинский университет. В 1842–1843 гг. работал журналистом и редактором газеты “Rheinische Zeitung”. В 1843 г. переехал в Париж, где познакомился с представителями социалистического и демократического движения, в 1844 г. началась дружба Маркса с Ф. Энгельсом. В 1845 г. Маркс переехал в Брюссель. В период революционных событий в Европе 1848–1849 гг. активно участвовал в работе международной организации «Союз коммунистов» и вместе с Энгельсом написал ее программу «Манифест Коммунистической партии» (1848). В июне 1848 — мае 1849 г. Маркс и Энгельс издавали в Кельне «Новую Рейнскую газету» (Маркс — главный редактор). После поражения революции Маркс выехал в Париж, а в августе 1849 г. переехал в Лондон, где прожил до конца жизни. Был организатором и лидером I Интернационала (1864–1876). Теоретическую и общественную деятельность Маркс продолжал благодаря материальной помощи Энгельса.

Работа К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», написанная в июне 1856 г. — марте 1857 г., представляет собой вводную часть оставшегося незавершенным труда по истории англо-русских отношений в XVIII в., которую К. Маркс печатал в газетах уркхартистов — сторонников Д. Уркхарта “The Sheffield Free Press” («Шеффилдская свободная пресса») и лондонской “The Free Press” («Свободная пресса»). В русском переводе эта работа готовилась к изданию в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС во второй половине 1950-х гг., но подготовка не была тогда завершена и впервые на русском языке она была опубликована В.А. Смирновой, Б.Г. Тартаковским при участии А.Ю. Зубкова в журнале «Вопросы истории» в 1989 г. (№ 1–4). Текст главы IV и фрагмент V главы, а также комментарии печатаются по: Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3–13.

¹ Имеется в виду памфлет Дж. Маккензи «Истина есть истина, когда она раскрывается вовремя, или Защита нынешних мероприятий нашего министерства против Московита... Скромно посвящается палате о[бщин], Лондон, 1719 год» ([Mackenzie G.]. Truth Is but Truth, as It Is Timed! or, Our Ministry's Present Measures against the Moscovite Vindicated by Plain and Obvious Reasons, Tending to Prove, That Is no Less the Interest of Our British Trade, Than That of Our State, That the Czar Be Not Suffer'd to Retain a Fleet, if Needs Must That He Should a Sea Port in the Baltick. The Whole Extracted from a Representation Made by His Majesty's Orders, and Given in to the Secretary of State by N.N. on His Return Hither from the Court of Muscovy, in August 1715. Humbly Dedicated to the House of Commons. Lnd. MDCCXIX).

² Шлёцер (Schlozer) Август Людвиг (1735–1809) — немецкий историк и статистик, в 1760–1766 гг. жил в России, один из основоположников норман-

нской теории происхождения Русского государства. Главный его труд «Нестор. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, ubersetzt und erklart» (Тт. 1–2. Gottingen. 1802).

³ Речь идет о рецензии немецкого историка и путешественника Я. Фаллмерайера (1790–1861) на книгу Ed. de Muralt «Essai de chronographie Byzantine pour servir a l'examen des Annales du Bas-Empire et partienliement des Chronographes slavons de 395 a 1057» (опубликована в «Allgemeine Zeitung» 11, 12.1.1856). Говоря о русских историках, Маркс, по-видимому, имеет в виду прежде всего Н. М. Карамзина.

⁴ Олег (ум. в 912) — древнерусский князь, совершил успешный поход на Византию в 911 г.; Игорь (ум. в 945 г.) — великий князь киевский (912–945), осуществил два военных похода на Византию в 941 и 944 гг.; Святослав Игоревич (ум. в 972 или 973 г.) — великий князь киевский (около 945–972). Все они — князья династии Рюриковичей, последним представителем которой на московском престоле был царь Федор Иванович (ум. в 1598 г.).

⁵ Маркс цитирует по книге: *Segur Ph. History of Russia and of Peter the Great. Lnd., 1829. P. 37.* Сегюр (de Ségur) Филипп-Поль де (1780–1873) — граф, французский генерал, военный писатель, участник Наполеоновских войн, автор ряда исторических трудов — «История Наполеона и Великой армии в 1812 году», «История Карла Восьмого», «История, мемуары периода с 1785 по 1848 годы» и др., в число которых входит «История России и Петра Великого» (1829), на которую ссылается К. Маркс.

⁶ Анна (ум. в 1011) — дочь византийского императора Романа II (959–963), была отдана замуж за киевского великого князя Владимира Святославича (980–1015, в крещении — Василий) в 987 г. братом, византийским императором Василием II (976–1025), уже после смерти своего отца. С именем Владимира Святославича (Владимир Красное Солнышко) связаны принятие на Руси христианства (988–989) и расцвет Киевской Руси; германский император — это последний император Священной Римской империи под именем Франца II и первый император Австрии под именем Франца I, дочь которого Мария Луиза в 1810 г. стала женой Наполеона I.

⁷ Карл Великий (742–814) — франкский король (768–800), с 800 г. император Священной Римской империи.

⁸ Имеется в виду Константинополь.

⁹ По-видимому, Маркс намекает здесь на один из пунктов так называемого Завещания Петра Великого — подложного документа, который в XIX в. в различных вариантах неоднократно публиковался в Западной Европе. Подложность «Завещания» впервые была доказана в работах Беркхольца (см. Berkholz G. Das Testament Peters des Grossen. — Baltische Monatsschrift, Oktober 1859, S. 61–73; ejusd. Napoleon I — auteur du testament de Pierre le Grand. Bruxelles. 1863).

¹⁰ Иоанн I Цимисхий (около 925–976) — византийский император (969–976).

¹¹ Ярослав Мудрый (около 978–1054) — великий князь киевский (1019–1054).

¹² Речь идет об Андрее Боголюбском (около 1111–1174); с 1157 г. первый великий князь владимиро-суздальский.

¹³ Здесь у Маркса, который в изложении фактов следует за книгой Сегюра (с. 70–71), неточность: третьим князем (1176–1212) на престоле Владимиро-Суздальского княжества был Всеволод Большое Гнездо, брат Андрея Боголюбского, при котором территория княжества расширилась, возросло его политическое и культурное значение; его преемником был сын Юрий (Георгий) (1189–1238), который после ряда междоусобиц восстановил авторитет княжества. Конец существованию Владимиро-Суздальского княжества был положен нашествием Батюя в 1238 г.

¹⁴ *Чингисхан* (1162–1227) — основатель Монгольской империи.

¹⁵ Датировка взята Марксом из книги Сегюра (с. 73–80); конец монголо-татарскому игу на Руси был положен в 1480 г. в результате длительной борьбы русского народа.

¹⁶ Маркс имеет в виду возвышение в XIV в. Московского княжества, а также военные победы русских войск под командованием Дмитрия Донского над полчищами Золотой Орды (битва на р. Воже в 1378 г., на Куликовом поле в 1380 г.).

¹⁷ Маркс цитирует Сегюра: *Segur Ph. History of Russia and of Peter the Great. Lnd., 1829. P. 213–214.*

¹⁸ *Юрий Данилович* (1281–1325) — князь московский (1303–1325), великий князь владимирский (1317–1325); *Иван I Данилович Калита* (ум. в 1340 г.) — с 1325 г. князь московский, великий князь владимирский (1328–1340); *Узбек* (около 1282–1342) — хан Золотой Орды (1312–1342).

¹⁹ Речь идет об одной из ветвей династии Рюриковичей, князьях Тверского княжества, существовавшего в XIII–XV веках. В борьбе за власть с московским князем Юрием Даниловичем тверской князь Михаил Ярославич (1271–1318) потерпел поражение и был убит (как впоследствии в 1339 г. его сын и внук) в ставке хана Узбека. В тексте у Маркса хронологическая неточность, перешедшая из книги Сегюра (с. 90–91, 94).

²⁰ *Иван III* (1440–1505) — великий князь московский (1462–1505).

²¹ Резиденция митрополита была окончательно перенесена в Москву в 1328 г.

²² *Александр Михайлович* (1301–1339) — великий князь тверской с 1326 г., в 1339 г. убит в Золотой Орде вместе с сыном Федором.

²³ *Семен Иванович Гордый* (1316–1353) — великий князь московский (с 1340) и владимирский (с 1341).

²⁴ *Софья* (Зоя) Палеолог (около 1448–1503) — вторая жена Ивана III, великая княгиня московская с 1472 г., племянница последнего византийского императора Константина XI Палеолога.

²⁵ В 1492 г. Иваном III была отправлена грамота турецкому султану Баязиду II (1481–1512), содержащая протест против притеснений русских купцов в турецких владениях.

²⁶ Здесь Маркс, по-видимому, имеет в виду Карамзина, на которого ссылается Сегюр (с. 125) при описании поведения Ивана III при «стоянии на Угре» (*Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1817. С. 140–151*).

²⁷ *Ногайская Орда* (от Волги до Иртыша) выделилась из Золотой Орды фактически еще в конце XIV в., а окончательно — в 1426–1440 гг.; Тимур

(Тамерлан) (1336–1405) нанес сокрушительный удар Золотой Орде в трех больших походах 1389, 1391, 1394–1395 гг. Во второй половине XV в. на южных и юго-восточных окраинах Русского государства из беглых крестьян и посадских людей образовались вольные общины казаков, которые использовались властями для несения сторожевой службы в этих районах. Крымские татары в результате длительной борьбы выделились из состава Золотой Орды в 1443 г., образовав Крымское ханство, в 1475 г. оно признало вассальную зависимость от Османской империи. Золотая Орда во второй четверти XV в. практически прекратила свое существование, ее наследницей стало татарское государство в низовьях Волги под именем «Большой Орды».

²⁸ Речь идет об Ахмате (ум. в 1481), хане Большой Орды (1459–1481).

²⁹ Выплата дани Большой Орде была прекращена Иваном III в 1476 г.

³⁰ Основным фактором, который привел к освобождению Великого княжества Московского от монголо-татарского ига, была героическая борьба русского народа. События, завершившие эту борьбу, изложены Марксом неточно. Хан Ахмат предпринял два похода против Москвы: в 1472 г., после взятия Алексина, он отступил перед русским войском; в 1480 г. на р. Угре против войска Ахмата стояли сильные отряды русских, и он также был вынужден отступить, а 6 января 1481 г. его убил ногайский князь Ивак. «Стояние на Угре» положило конец 240-летнему монголо-татарскому игу на Руси. Крымский хан Менгли-Гирей (ум. в 1515, хан с 1468) действительно разгромил Большую Орду, но это случилось позднее, в 1502 г.

³¹ Вятская земля в 1459 г. была подчинена Москве, но пользовалась известной самостоятельностью. В 1489 г. Вятская земля окончательно вошла в состав Великого княжества Московского.

³² Псковская феодальная республика существовала как самостоятельное государственное образование с 1348 по 1510 г.

³³ Речь идет о победе московского войска над новгородцами в 1471 г. на р. Шелони.

³⁴ *Sic vos non vobis* — букв. «так вы (творите, но) не себе (не для самих себя)» (лат.), здесь в значении «использовать вас, но не для вашей пользы».

³⁵ Эту и приведенную ниже цитату Маркс берет из книги Сегюра (с. 132).

³⁶ Речь идет о том, что после 1475 г. вопреки прежним установлениям судопроизводство по жалобам новгородцев стало вестись не в их родном городе, а в Москве.

³⁷ Послами Новгородской республики при Великом княжестве Московском в 1477 г. были подвойский (должностное лицо для передачи вестей) Назар и вечевой дьяк Захар.

³⁸ *Макиавелли* (Machiavelli), Никколо (1489–1527) — итальянский политик, философ, историк и писатель.

³⁹ Маркс цитирует книгу Сегюра (с. 134).

⁴⁰ Окончательное включение Новгорода в состав Русского централизованного государства произошло в 1478 г.

⁴¹ *Дети боярские* — обедневшие потомки бояр, не унаследовавшие крупных земельных владений предков, а следовательно, и принадлежности к боярству. С установлением обязательной службы в Русском государстве дети боярские

постепенно сливались с дворянами и составили средний класс служилых людей.

⁴² Речь идет о своеобразной республике украинского казачества (Запорожская Сечь), возникшей в середине XVI в.; была лишена независимости Петром I в 1709 г. и окончательно уничтожена Екатериной II в 1775 г.

⁴³ Последний самостоятельный тверской князь Михаил Борисович (1461–1485), женатый на внучке литовского князя Казимира IV Ягеллончика (1440–1492, с 1447 и польский король), стремился освободиться от растущей зависимости от Москвы и с этой целью вступил в договорные отношения с Литвой. Однако Ивану III удалось сломить сопротивление тверского князя, и в 1485 г. Тверь окончательно вошла в состав Великого княжества Московского. Так закончилась борьба тверских и московских князей за первенство на Руси.

⁴⁴ У Ивана III было четыре брата, уделы которых были в разное время присоединены к великокняжеским владениям. Один из братьев, Андрей Большой, умер в заточении.

⁴⁵ *Максимилиан I* (1459–1519) — император Священной Римской империи (1493–1519); *Матвей Корвин* (*Маттиас I Хуняди*, 1443–1490) — венгерский король (1458–1490); *Стефан III Великий* (ум. в 1504 г.) — молдавский господарь (1457–1504).

⁴⁶ После смерти Казимира IV Ягеллончика (1427–1492) польский престол достался его сыну Яну Ольбрахту (1459–1501, король с 1492 г.), а литовский — другому сыну, Александру Ягеллону (1460 или 1461–1506), ставшему в 1501 г. также польским королем.

⁴⁷ Брак Елены, дочери Ивана III и Софьи Палеолог, с литовским великим князем Александром был заключен по инициативе и настоянию литовской знати, рассчитывавшей тем самым добиться уступок от Ивана III.

⁴⁸ В результате войн Ивана III с Великим княжеством Литовским (1487–1494 и 1500–1503) к Москве отошел ряд западных русских городов и прилегающих к ним земель (Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др.). Смоленск был присоединен к России в 1514 г., уже после смерти Ивана III.

⁴⁹ Имеется в виду киевский великий князь Владимир Святославич.

⁵⁰ События излагаются здесь неточно. Стремясь спасти Византийскую империю от турецкого завоевания, представители восточной христианской церкви пошли в 1439 г. на Флорентийском соборе на заключение так называемой Флорентийской унии. Они согласились признать главенство папы в церкви, принять догмы католического вероучения при сохранении обрядовой стороны православия. После взятия Константинополя турками в 1453 г. брат последнего византийского императора Константина XI Палеолога (1449–1453) Фома с семьей нашел убежище в Риме. Папа Павел II, разработав план женитьбы Ивана III на дочери Фомы Палеолога Софье (Зое), рассчитывал, опираясь на решения Флорентийской унии, посредством этого брака утвердить свою власть над православной церковью на Руси. Брак Ивана III и Софьи был заключен уже при папе Сиксте IV 12 ноября 1472 г. Иван III использовал этот брак для укрепления престижа Руси в международных отношениях и автори-

тета великокняжеской власти внутри страны; примас — Филипп (ум. в 1473), митрополит с 1464 г.

⁵¹ *Virtuoso* — виртуозной (*итал.*).

⁵² Как явствует из письма Маркса Энгельсу от 9 апреля 1857 г., он использовал в этой главе одну из неопубликованных статей Энгельса о панславизме. «В последней моей статье, — писал Маркс, — я до словно использовал одну из твоих, где говорится о Петре I» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 99*).

⁵³ *Поланген* (совр. Паланга), *Мемель* (совр. Клайпеда) — города на восточном побережье Балтийского моря, Торнио — город в Лапландии на северном побережье Балтийского моря; *Аккерман* (совр. Белгород-Днестровский) — город на северо-западном побережье Черного моря; *Редут-Кале* (совр. Кулеви) — населенный пункт на восточном берегу Черного моря.

⁵⁴ Эту цитату Маркс приводит по книге Сегюра (с. 312). *Кантемир* Дмитрий Константинович (1673–1723) — молдавский ученый-энциклопедист, господарь (1710–1711).

⁵⁵ Имеются в виду русско-турецкие войны конца XVII в. и 1710–1713 гг. и поход Петра I в 1722–1723 гг. в прикаспийские владения Ирана.

⁵⁶ *Tour de force* — ловкий прием (*фр.*).

⁵⁷ Маркс цитирует «Письма о России» итальянского ученого и писателя графа Альгаротти (*Algarotti*) Франческо (1712–1764) — *Lettres du comte Algarotti sur la Russie. Lnd., 1769. P. 64.*

*Публикация подготовлена В.А. Смирновой, Б.Г. Тартаковским
при участии А.Ю. Зубкова.*

*Консультанты А.И. Гольман, Н.Ю. Колпинский,
А.А. Никифоров и Н.И. Павленко*

Фридрих Энгельс

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА¹

I

Мы, западноевропейская рабочая партия², вдвойне заинтересованы в победе русской революционной партии.

Во-первых, потому, что царская Российская империя является главным оплотом, резервной позицией и вместе с тем резервной армией европейской реакции; потому, что одно уже ее пассивное существование представляет для нас угрозу и опасность.

А во-вторых, потому, — и этот момент мы, со своей стороны, все еще недостаточно подчеркивали, — что своим постоянным вмешательством в дела Запада эта империя задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития и делает это с целью завоевания для себя таких географических позиций, которые обеспечили бы ей господство над Европой и тем самым сделали бы невозможной победу европейского пролетариата³.

Карлу Марксу принадлежит та заслуга, что он первый указал в 1848 г. и с тех пор неоднократно подчеркивал, что именно по этой причине западноевропейская рабочая партия вынуждена бороться не на жизнь, а на смерть с русским царизмом. Выступая в том же духе, я и здесь лишь продолжаю дело моего покойного друга, выполняю то, что ему не суждено было осуществить⁴.

Да и среди русских революционеров обнаруживается подчас относительно слабое знакомство с этой стороной русской истории. Это объясняется, во-первых, тем, что в самой России допускается на этот счет лишь официальная легенда, а во-вторых, многие настолько сильно презирают царское правительство, что считают его неспособным ни на какие разумные действия, не-

способным отчасти в силу его ограниченности, отчасти вследствие коррупции. В области внутренней политики это, впрочем, верно; тут неспособность царизма совершенно очевидна. Однако нужно знать не только слабые, но и сильные стороны противника. А внешняя политика — это безусловно та область, в которой царизм силен, очень силен. Русская дипломатия образует своего рода современный орден иезуитов, достаточно мощный, чтобы преодолеть в случае необходимости даже царские прихоти и коррупцию в своей собственной среде, чтобы тем шире распространять ее вокруг. Вначале этот орден набирался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как например Поццоди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен; иностранкой была и его основательница, Екатерина II⁵.

У старорусского высшего дворянства было еще слишком много мирских интересов, частных и семейных, оно не отличалось той безусловной надежностью, какая требовалась для службы в этом новом ордене. А так как дворянство нельзя было принудить к отказу от личной собственности и к безбрачию католических священников-иезуитов, то ограничились тем, что доверили ему сначала лишь второстепенные посты, а также посты, связанные с представительством, посольской службой и т. д., постепенно подготавливая таким образом школу отечественных дипломатов. До сих пор только *один* чистокровный русский, Горчаков⁶, занимал высший пост в этом ордене, его же преемник, фон Гирс⁷, опять-таки носит иностранную фамилию.

Именно это тайное общество, набиравшееся вначале из иностранных авантюристов, и подняло Российскую империю до ее нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед каким вероломством, предательством, убийством из-за угла, пресмыкательством, не скупясь ни на какие подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, — эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, содействовала больше, чем все русские армии, расширению границ России от Днепра и Двины за Вислу, до Пру-

та, Дуная и Черного моря, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Оксуса и Яксарта⁸; это она способствовала тому, чтобы сделать Россию великой, могущественной, внушающей страх и открыть ей путь к мировому господству.

Но тем самым она укрепила царскую власть и внутри страны. В глазах вульгарно-патриотической публики слава побед, следующие одно за другим завоевания, могущество и внешний блеск царизма с избытком перевешивают все его грехи, весь деспотизм, все несправедливости и произвол; шовинистическое бахвальство с лихвой вознаграждает за все пинки.

И это происходит в тем большей степени, чем меньше в России известны действительные причины и подробности этих успехов, чем больше заменяются они официальной легендой, как это делается и всюду (например, во Франции и Пруссии) доброжелательными правительствами ради блага своих подданных и поощрения их патриотизма. Поэтому русский, если только он шовинист, рано или поздно падет на колени перед царизмом, как мы это уже видели на примере Тихомирова⁹.

Однако каким образом смогла подобная шайка авантюристов приобрести такое огромное влияние на ход европейской истории? Очень просто. Они не создали ничего нового, они лишь правильно использовали существующее положение вещей. Все успехи русской дипломатии имеют под собой весьма осязаемую материальную основу.

Представим себе Россию в середине прошлого столетия. Уже в то время она занимала огромную территорию с исключительно однородным в расовом отношении населением. Население было редким, но быстро растущим; следовательно, одно уж течение времени обеспечивало рост могущества страны. Это население находилось в состоянии духовного застоя, было лишено всякой инициативы, но в рамках своего традиционного образа жизни было пригодно решительно на все; выносливое, храброе, послушное, способное преодолевать любые тяготы и лишения, оно поставляло превосходный солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя. Сама страна обращена к Европе лишь одной своей западной границей и по-

этому уязвима лишь с этой стороны; она не имеет такого центра, захват которого мог бы принудить ее к заключению мира, она почти абсолютно недоступна для завоевания вследствие бездорожья, протяженности территории и бедности ресурсов. Такая страна представляет собой неуязвимую мощную позицию для каждого, кто умеет ее использовать, позволяя себе отсюда безнаказанно проделывать в Европе такие вещи, которые вовлекли бы любое другое правительство в бесконечные войны.

Сильная, почти неприступная в обороне Россия была соответственно слаба в наступлении. Сбор, организация, вооружение и передвижение армий внутри страны наталкивались на серьезные препятствия, и ко всем материальным затруднениям присоединялось еще безграничное взяточничество чиновников и офицеров. Все попытки сделать Россию способной к наступательным действиям большого масштаба до сих пор терпели неудачу; вероятно, и последняя, предпринятая ныне попытка, введение всеобщей воинской повинности¹⁰, также потерпит полную неудачу. Можно сказать, что препятствия возрастают здесь почти пропорционально квадрату числа тех масс, которые требуется организовать, не говоря уже о том, что при такой малочисленности городского населения невозможно найти необходимое теперь огромное количество офицеров. Эта слабость никогда не была тайной для русской дипломатии; поэтому она всегда старалась по возможности избегать войн и допускала их только как самое крайнее средство, да и то лишь при исключительно благоприятных условиях. Ее могут устроить только такие войны, когда союзники России должны нести основное бремя, подвергать свою территорию, превращенную в театр военных действий, опустошениям и выставлять наибольшую массу бойцов, в то время как русские войска выполняют роль резервов, которые падают в большинстве боев, но на долю которых во всех крупных сражениях выпадает связанная со сравнительно небольшими жертвами честь решать окончательный исход дела; так это и было в войне 1813–1815 годов¹¹. Но война не всегда может происходить в таких выгодных условиях, и поэтому русская дипломатия предпочитает использовать в своих целях про-

тиворечивые интересы и алчность других держав, натравливая эти державы друг на друга и извлекая из враждебных отношений между ними выгоды для завоевательной политики России. На свой страх и риск царизм ведет войну только против таких заведомо слабых противников, как шведы, турки, персы, и в этом случае ему уж не приходится делить с кем-либо свою добычу.

Однако вернемся к России 1760 года. Соседями этой однородной, неприступной страны были главным образом страны, которые, по видимости или в действительности, пришли в упадок, приближались к распаду и представляли поэтому настоящий *matière à conquêtes*¹². На севере — Швеция, могущество и престиж которой были подорваны именно вследствие того, что Карл XII¹³ сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России. На юге — турки и их данники, крымские татары, представлявшие собой лишь обломки прежнего величия; наступательная сила турок была сломлена еще 100 лет тому назад, оборонительная же их сила, пока еще значительная, также уменьшилась; лучшим показателем этой возрастающей слабости являлись волнения, начавшиеся среди покоренных ими христиан: славян, румын и греков, которые составляли большинство населения Балканского полуострова. Эти христиане, почти исключительно греко-православного вероисповедания, были, таким образом, единоверцами русских, а среди них славяне — сербы и болгары — к тому же и их соплеменниками. Поэтому стоило лишь России объявить о своем призвании защищать угнетенную православную церковь и поработенное славянство, как почва для завоеваний — под маской освобождения — была уже здесь подготовлена. Точно так же к югу от Кавказского хребта под турецким владычеством находились небольшие христианские государства и исповедующие христианство армяне, по отношению к которым царизм мог провозгласить себя «освободителем». К тому же здесь, на юге, алчного завоевателя прельщала такая военная добыча, равной которой не было в Европе: древняя столица Восточной Римской империи, метрополия всего православного мира, город, одно уже русское название которого

Константинополь-Царьград служит выражением господства над Востоком и того авторитета, которым наделен его властитель в глазах восточных христиан.

Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы, однако, не только духовное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решающим этапом к установлению господства над Европой. Это означало бы безраздельное господство над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом.

Это означало бы, что Черное море по первому желанию царя может быть закрыто для всех торговых и военных флотов, кроме русского, что это море превращается в русскую военную гавань и место маневров исключительно русского флота, который в любой момент мог бы с этой надежной резервной позиции делать вылазки через укрепленный Босфор и снова укрываться в этой гавани. Тогда России оставалось бы только установить такое же господство, прямое или косвенное, над Зундом и обоими Бельтами¹⁴, — и она была бы неприступна также и с моря.

Господство над Балканским полуостровом продвинуло бы границы России до Адриатического моря. Но эта граница на юго-западе была бы непрочной без соответствующего перенесения всей западной границы России, без значительного расширения сферы ее господства. А условия здесь были, пожалуй, еще более благоприятные.

Прежде всего Польша; эта основанная на грабеже и угнетении крестьян дворянская республика находилась в состоянии полного расстройтва; ее конституция делала невозможным какое-либо общенациональное действие и в силу этого обрекала страну на положение легкой добычи соседей. С начала восемнадцатого столетия Польша, по выражению самих поляков, держалась беспорядком (*Polska nierzadem stoi*); иностранные войска непрерывно оккупировали всю страну или проходили через нее; она служила им постоянным двором и трактиром (*karczma zajezdna*, как говорили поляки), при этом, однако, они, как правило, забывали об оплате. Уже Петр Великий систематически разорял Польшу, его преемникам оставалось только протянуть

руку к добыче. И для этого у них был к тому же такой предлог, как «принцип национальностей»¹⁵. Польша не являлась однородной страной. В те времена, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству. Это княжество впоследствии добровольно объединилось с Польшей¹⁶. С тех пор, вследствие более высокого уровня цивилизации Польши, дворянство Белоруссии и Малороссии сильно ополячилось, а в XVI веке, когда в Польше господствовали иезуиты, православных русских подданных Польши вынуждали присоединяться к Римско-католической церкви. Это давало великорусским царям желанный предлог для притязаний на территорию бывшего Литовского княжества, как на национальную русскую область, угнетенную, однако, Польшей, хотя, по крайней мере малороссы, по мнению виднейшего современного слависта Миклошича¹⁷, говорят не просто на одном из русских диалектов, а на вполне самостоятельном языке; другой предлог для вмешательства состоял в том, чтобы в качестве защитников православия выступить в пользу православных униатов¹⁸, хотя последние давно уже примирились со своим положением по отношению к Римско-католической церкви.

За Польшей лежала другая страна, которая, казалось, окончательно пришла в состояние полного распада, — Германия. Со времени Тридцатилетней войны германская Римская империя¹⁹ являлась государством лишь номинально. Власть имперских князей все более приближалась к полному суверенитету; их право не повиноваться воле императора, заменявшее в Германии польское *liberum veto*, было по условиям Вестфальского мира открыто гарантировано Францией и Швецией²⁰; таким образом, усиление центральной власти в Германии было поставлено в зависимость от согласия заграницы, весьма заинтересованной в том, чтобы не допустить этого усиления. К тому же, Швеция в силу своих завоеваний в Германии являлась членом Германской империи, имела место и голос в имперском сейме. В каждой войне император обнаруживал немецких имперских князей в числе союзников своих чужеземных врагов, каждая война, таким об-

разом, являлась в то же время и междоусобной войной. Почти все более крупные и средние имперские князья были подкуплены Людовиком XIV²¹, и экономически страна была настолько разорена, что без этого ежегодного притока французских денег, шедших на подкуп, не было бы вообще никакой возможности сохранять в стране деньги как средство обращения^{*22}. Поэтому император давно уже искал опору своей власти не в самой империи, которая лишь вводила его в расходы и ничего не приносила, кроме забот и тревог, а в своих австрийских — немецких и ненемецких — наследственных владениях. И рядом с австрийской династией постепенно уже начинала возвышаться в качестве ее соперницы прусская династия.

Таково было положение дел в Германии ко времени Петра Великого. Этот действительно великий человек — не чета Фридриху «Великому»²³, покорному слуге преемницы Петра Екатерины II, — первый в полной мере оценил исключительно благоприятное для России положение в Европе. Он ясно — гораздо яснее, чем это было сделано в его так называемом завещании, составленном, по-видимому, каким-то эпигоном²⁴, — разглядел, наметил и начал осуществлять основные принципы русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше, так и по отношению к Германии. Германия занимала Петра больше, чем любая другая страна, за исключением Швеции. Швецию он должен был разбить; Польшу он мог захватить, стоило ему только протянуть руку; до Турции было еще слишком далеко; но стать твердой ногой в Германии, занять там такое положение, которое так широко использовала Франция и использовать которое у Швеции не хватало сил, — это было для него главной задачей. Он делал все, чтобы путем приобретения какой-либо немецкой территории сделаться немецким имперским князем, но тщетно; ему удалось лишь ввести систему брачных союзов с членами немецких княжеских фамилий и использования в интересах дипломатии внутренних раздоров в Германии.

* *Gulich*. Geschichtliche Darstellung des Handels u. Jena 1830, 2. Band, S. 201–206. — Прим. Ф. Энгельса.

После Петра это положение еще больше изменилось в пользу России благодаря возвышению Пруссии. В ее лице у германского императора вырос внутри самой империи почти равный ему по силе противник, который увековечивал и доводил до крайности раскол Германии. Но в то же время этот противник был еще довольно слаб, чтобы обходиться без помощи Франции или России, — особенно России, — так что чем больше он освобождался от вассальной зависимости по отношению к Германской империи, тем вернее он попадал в вассальную зависимость к России.

Таким образом, в Европе оставались лишь три державы, с которыми приходилось считаться: Австрия, Франция, Англия, а для того, чтобы поссорить эти державы между собой или подкупить их, используя в качестве приманки обещание территориальных приобретений, не требовалось большого искусства. Англия и Франция по-прежнему все еще являлись соперниками на море; Францию можно было привлечь перспективой территориальных захватов в Бельгии и Германии; Австрию можно было прельстить обещаниями всяческих выгод за счет Франции, Пруссии, а со времени Иосифа II²⁵ и за счет Баварии. Таким образом, при умелом использовании сталкивающихся интересов Россия могла обеспечить поддержку любой своей дипломатической акции со стороны сильных, даже со стороны превосходящих по силе союзников. И вот, лицом к лицу с этими распадающимися соседними странами, лицом к лицу с этими тремя великими державами, раздираемыми вечными ссорами в силу своих традиций, экономических условий, политических или династических интересов или завоевательных устремлений, постоянно стремившимися друг друга перехитрить, — стояла единая, однородная, молодая, быстро возвышающаяся Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная для завоеваний, к тому же представлявшая собой нетронутый, крайне податливый пластический материал. Какая находка для талантливых и честолюбивых людей, для людей, стремившихся к власти, все равно, где и каким путем, лишь бы это была действительная власть, действительная арена для их таланта и честолюбия! А таких людей «просвещен-

ный» восемнадцатый век порождал в огромном количестве; во имя служения «человечеству» эти люди разъезжали по всей Европе, посещали дворы всех просвещенных государей, — а какой государь не желал быть в то время просвещенным! — и оседали там, где находили выгодное место, образуя своего рода «не имеющий отечества» дворянско-буржуазный интернационал просвещения.

Этот интернационал пал к ногам северной Семирамиды, также не имевшей отечества Софии-Августы Ангальт-Цербстской, названной в России Екатериной II, и именно из этого интернационала сама Екатерина набирала нужные ей элементы для своего иезуитского ордена русской дипломатии.

В своей работе о Томасе Море Карл Каутский²⁶ показал, каким образом первая форма буржуазного просвещения, «гуманизм» XV и XVI веков, в своем дальнейшем развитии превратилась в католический иезуитизм. Совершенно то же самое мы видим и здесь, когда вторая, вполне зрелая форма буржуазного просвещения в XVIII веке превращается в современный иезуитизм, в русскую дипломатию. Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели. «Ирония истории» неумолимо вносит здесь свои поправки²⁷.

Посмотрим теперь, как действует этот иезуитский орден, как он использует непрерывно меняющиеся цели соперничающих друг с другом великих держав в качестве средства для достижения своей никогда не меняющейся, никогда не упускаемой из виду цели — мирового господства России.

II

Никогда еще международное положение не было более благоприятным для завоевательных планов царизма, чем в 1762 г.,

когда на престол вступила, после убийства своего мужа, великая блудница Екатерина II. Семилетняя война расколола всю Европу на два лагеря²⁸.

Англия сломала могущество французов на море, в Америке, в Индии, а затем бросила на произвол судьбы своего континентального союзника, прусского короля Фридриха II. Этот последний находился в 1762 г. на краю гибели, когда вступивший на российский престол Петр III²⁹ прекратил войну против Пруссии; Фридриху, покинутому своей последней и единственной союзницей, Англией, надолго рассорившемся с Австрией и Францией, истощенному семилетней борьбой за существование, не оставалось другого выбора, как броситься к ногам только что взошедшей на трон царицы. Это обеспечивало ему не только могущественное покровительство, но и давало надежду на присоединение того куска Польши, который отделял Восточную Пруссию от основной части его монархии и завоевание которого стало теперь главной целью его жизни. 31 марта (11 апреля) 1764 г. Екатерина и Фридрих заключили Петербургский договор о союзе³⁰, согласно секретной статье которого обе стороны взяли на себя обязательство охранять силой оружия действующую польскую конституцию, — это лучшее средство разрушения Польши, — от всяких попыток реформы. Этим был предрешен будущий раздел Польши. Кусок Польши был той костью, которую царица бросила Пруссии, чтобы заставить ее смиренно сидеть целое столетие на русской цепи.

Я не буду вдаваться в детали первого раздела Польши³¹. Но характерно, что он был осуществлен — против воли старомодной Марии-Терезии³² — в основном тремя главными столпами европейского «просвещения»: Екатериной, Фридрихом и Иосифом. Последние два, гордясь той просвещенной государственной мудростью, с какой они попирали как предрассудок традиционные нормы международного права, были при этом достаточно глупы, чтобы не заметить, что своим участием в грабеже Польши они с головой отдавали себя во власть русского царизма.

Вряд ли кто мог оказать Екатерине большую услугу, чем эти просвещенные августейшие соседи. «Просвещение»³³ являлось

таким же девизом царизма в Европе в восемнадцатом веке, каким «освобождение народов» в девятнадцатом. Любой захват территории, любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов. И по-детски наивные западноевропейские либералы, вплоть до Гладстона³⁴, верили этому³⁵, подобно тому как не менее наивные консерваторы также непоколебимо верят в пустые фразы о защите легитимизма³⁶, о поддержании порядка, религии, европейского равновесия, о святости договоров — фразы, которые одновременно твердит официальная Россия. Русской дипломатии ловко удавалось льстить обеим большим буржуазным партиям Европы. Ей, и только ей, разрешается быть в одно и то же время легитимистской и революционной, консервативной и либеральной, ортодоксальной и просвещенной. Отсюда понятно то презрение, с каким смотрит подобного рода русский дипломат на «образованный» Запад.

За Польшей наступила очередь Германии. В 1778 г. Австрия и Пруссия затеяли между собой драку из-за баварского наследства³⁷, и опять-таки к выгоде одной лишь Екатерины. Россия стала уже достаточно могущественной, чтобы все еще, подобно Петру, помышлять о получении прав члена Германской империи³⁸; она стремилась теперь приобрести там такое же положение, которого она уже достигла в Польше и которое в Германской империи занимала Франция, — положение гаранта беспорядка в Германии против всяких попыток реформы. И этого положения она добилась. По Тешенскому миру 1779 г. Россия вместе с Францией взяла на себя гарантию как этого мирного договора, так и всех подтвержденных им прежних мирных договоров, в частности Вестфальского 1648 года. Этим было закреплено бессилие Германии, и сама она была намечена в качестве объекта будущего раздела между Францией и Россией.

Не была забыта и Турция. Войны России против турок всегда приходится на такие периоды, когда на западной границе России царит мир, а Европа в той или иной степени занята где-нибудь в другом месте. Екатерина вела две таких войны³⁹. Первая привела к завоеваниям на Азовском море и провозглашению неза-

висимости Крыма, превращенного спустя четыре года в русскую провинцию. В результате второй граница России передвинулась с Буга вплоть до Днестра. Во время этих войн русские агенты подстрекали греков к восстанию против турок. Разумеется, повстанцы были в конце концов брошены русским правительством на произвол судьбы.

Во время американской войны за независимость Екатерина впервые сформулировала от своего имени и от имени своих союзников принцип «вооруженного нейтралитета» (1780 г.) — требование ограничения прав, на которые претендовала Англия для своих военных судов в открытом море. Это требование стало с тех пор постоянной целью русской политики и в основном было признано Европой и самой Англией по условиям Парижского мира 1856 года⁴⁰. Только Соединенные Штаты Америки до сих пор не желают с ними считаться.

Разразилась французская революция, и это было новой удачей для Екатерины. Нисколько не опасаясь проникновения революционных идей в Россию, она увидела в этом событии лишь новый удобный повод перессорить между собой европейские государства, с целью обеспечения России свободы действий. После смерти обоих ее «просвещенных» друзей и соседей Фридрих-Вильгельм II в Пруссии, Леопольд в Австрии⁴¹ попытались вести независимую политику. Революция предоставила Екатерине прекрасный случай под предлогом борьбы с республиканской Францией вновь приковать их обоих к России и в то же время, пока они были заняты на французской границе, сделать новые приобретения в Польше. И Пруссия и Австрия попались на удочку. И хотя Пруссия — разыгрывавшая с 1787 по 1791 г. роль союзницы Польши против Екатерины — вовремя спохватилась и потребовала на этот раз более значительной доли в грабеже Польши, хотя Австрии также пришлось выделить кусок Польши, но все же львиная доля добычи опять-таки досталась Екатерине⁴². Почти вся Белоруссия и Малороссия были теперь воссоединены с Великороссией.

Но на этот раз медаль имела и оборотную сторону. Пока грабеж Польши отвлекал также силы коалиции 1792–1794 гг.⁴³,

ослабляя ее наступательную мощь против Франции, последняя за это время настолько окрепла, что совершенно самостоятельно одержала победу. Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию, а вместе с французской революцией началось движение, против которого бессилён и царизм. Этой роли поляков мы на Западе никогда не забудем.

Впрочем, как мы увидим, это не единственный случай, когда поляки спасали европейскую революцию.

В политике Екатерины отчетливо обозначились уже все существенные черты нынешней политики России: присоединение Польши, хотя при этом на первых порах приходилось еще часть добычи уступать соседям; превращение Германии в объект будущего раздела; Константинополь как великая, никогда не забываемая, шаг за шагом осуществляемая главная цель; завоевание Финляндии для прикрытия Петербурга и присоединение, в порядке компенсации, Норвегии к Швеции, что и было предложено Екатериной во Фридрихсгаме королю Густаву III⁴⁴; ослабление морского превосходства Англии посредством ограничительных правил международного права; возбуждение восстаний среди христиан-райя⁴⁵ в Турции; наконец, умелое сочетание либеральной и легитимистской фразеологии, посредством которой по мере надобности Россия дурачит падких до фраз западноевропейских «образованных» филистеров⁴⁶ и их так называемое общественное мнение.

К моменту смерти Екатерины владения России превосходили уже все, что мог требовать даже самый необузданный национальный шовинизм. Все, что носило русское имя, — за исключением незначительного числа австрийских малороссов, — находилось под скипетром ее преемника, который мог теперь с полным правом называть себя самодержцем всероссийским. Россия не только завоевала выход к морю, но и овладела как на Балтийском, так и на Черном морях обширным побережьем и многочисленными гаванями. Под русским господством находились не только финны, татары и монголы, но также литовцы, шведы, поляки и немцы. — Чего еще желать? Для любой другой нации этого было бы достаточно. Для царской же дипломатии —

нацию не спрашивали — это являлось лишь базой, откуда теперь только и можно было начинать настоящие завоевания.

Французская революция отшумела, сама породив своего усмирителя — Наполеона⁴⁷. Она, казалось, оправдывала высокую мудрость русской дипломатии, которая не дала себя запугать грандиозным народным восстанием. Возвышение Наполеона открывало теперь перед русской дипломатией возможность новых успехов: Германия приближалась к тому, чтобы разделить участь Польши. Но преемник Екатерины, Павел⁴⁸, был упрямым, своенравным человеком, на него нельзя было положиться; он ежеминутно расстраивал планы дипломатов; он стал невыносимым, его надо было устранить. Соответствующие исполнители легко нашлись среди гвардейских офицеров; наследник престола, Александр, состоял в заговоре и прикрывал его; Павел был задушен⁴⁹, и тотчас же началась новая кампания к вящей славе нового царя, который вследствие самого способа восшествия на престол стал пожизненным слугой иезуитской шайки дипломатов.

Эта последняя предоставила Наполеону окончательно разрушить Германскую империю и довести до крайности царивший в ней беспорядок. Однако когда дело дошло до окончательной расплаты, тут снова выступила Россия. По Люневильскому мирному договору (1801 г.)⁵⁰ Франция приобретала весь немецкий левый берег Рейна, причем было оговорено, что немецкие князья, которые в связи с этим лишались своих владений, должны получить компенсации на правом берегу Рейна за счет земель имперского духовенства: епископов, аббатов и т.п. И теперь Россия заявила, ссылаясь на полученные ею по Тешенскому договору 1779 г. права гаранта, что при распределении компенсаций решающее слово должно принадлежать ей и Франции, обоим гарантам беспорядка в Германии. А распри немецких князей, их жадность и вошедшее в привычку предательство по отношению к империи уже обеспечили то, чтобы это слово России и Франции стало действительно решающим. Дело дошло до того, что Россия и Франция составили план раздела церковных земель между лишенными владений князьями и все основные положения этого плана, составленного за границей и в интересах загра-

ницы, были возведены в закон Германской империи (решение имперской депутации, 1803 г.)⁵¹.

Германская империя как союзное государство было фактически разрушено; Австрия и Пруссия стали действовать как самостоятельные европейские державы и, подобно России и Франции, рассматривали входившие в империю мелкие государства лишь как территорию для завоевания. Что же ожидало эти мелкие государства? Пруссия была еще слишком мала и слишком молода, чтобы притязать на главенство над ними, а Австрия только что утратила последние следы этого главенства. Но на наследство Германской империи претендовали также Россия и Франция. Франция разрушила старую империю силой оружия; своим соседством вдоль всего Рейна она оказывала непосредственное давление на мелкие государства; а овеянные славой победы Наполеона и французских армий довершили остальное, — мелкие немецкие князья оказались у его ног. А Россия? Теперь, когда цель ее вековых стремлений была почти достигнута, когда Германия находилась в состоянии полного распада, была смертельно истощена, бессильна и беспомощна, — могла ли Россия именно в такой момент допустить, чтобы корсиканский выскочка вырвал у нее добычу из-под носа?

Русская дипломатия немедленно начала кампанию за установление верховенства над мелкими германскими государствами. Добиться этого, само собой разумеется, было невозможно без победы над Наполеоном. Следовательно, надо было привлечь на свою сторону немецких князей и так называемое общественное мнение Германии, насколько в то время о нем вообще могла идти речь. Князей принялись обрабатывать посредством дипломатии, филистеров — посредством литературы. В то время как при дворах щедро расточались русская лесть, угрозы, ложь и деньги на подкуп, публику засыпали таинственными брошюрами, в которых Россия превозносилась как единственная держава, способная спасти Германию и взять ее под свою действительную защиту, что в силу Тешенского договора 1779 г. составляет ее право и ее долг. И когда разразилась война 1805 г., то каждому, кто способен был хоть что-нибудь видеть, должно было стать яс-

ным, что дело шло лишь о том, образуют ли мелкие государства французский Рейнский союз или же — русский.

Судьба хранила Германию. Русские и австрийцы были разбиты при Аустерлице, и новый Рейнский союз так и не стал форпостом царизма⁵². Французское же иго было, по крайней мере, игом современным, заставившим немецких монархов покончить с наиболее вопиющими анахронизмами в существовавшем до тех пор порядке вещей.

За Аустерлицем последовали прусско-русский союз, Йена, Эйлау, Фридланд и Тильзитский мир 1807 года⁵³. Здесь снова обнаружилось, какое огромное преимущество давало России ее безопасное в стратегическом отношении положение. Разбитая в двух кампаниях, она приобрела новую территорию за счет своих бывших союзников и заключила союз с Наполеоном для раздела мира: Наполеону — Запад, Александру — Восток!

Первым плодом этого союза было завоевание Финляндии. Без всякого объявления войны, но с согласия Наполеона, русские начали наступление; неспособность и продажность шведских генералов, а также разногласия между ними обеспечили русским легкую победу; смелый переход русских войск через замерзшее Балтийское море повлек за собой насильственный дворцовый переворот в Стокгольме и уступку Финляндии России⁵⁴. Однако спустя три года, когда наметился разрыв с Наполеоном, царь Александр вызвал в Або маршала Бернадота, избранного наследником шведского престола, и обещал ему Норвегию, если тот присоединится к союзу Англии и России против Наполеона⁵⁵. Так осуществился в 1814 г. план Екатерины: Финляндия — мне, Норвегия — тебе.

Но Финляндия была только прелюдией. Целью Александра, как всегда, оставался все тот же Царьград. В Тильзите и Эрфурте⁵⁶ Наполеон твердо обещал ему Молдавию и Валахию и подал надежду на раздел Турции, за исключением, однако, Константинополя. С 1806 г. Россия вела войну с Турцией; на этот раз восстали не только греки, но также и сербы⁵⁷. Однако то, что в отношении Польши звучало лишь иронически, для Турции соответствовало действительности: она держалась беспорядком. Обладавший железной стойкостью рядовой солдат, сын наде-

ленного такой же стойкостью турецкого крестьянина, именно вследствие этого беспорядка получал возможность выправлять то, что портили продажные пашы. Турок можно было разбить, но не сломить, и русская армия продвигалась по направлению к Царьграду очень медленно.

Но ценой за эту «свободу рук» на Востоке было присоединение к континентальной системе Наполеона, разрыв всяких торговых отношений с Англией⁵⁸. А это означало для тогдашней России полное расстройство торговли. Это было то время, когда Евгений Онегин (Пушкина) узнал из Адама Смита

Как государство богатеет
... и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет, —

меж тем как, с другой стороны,

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог⁵⁹.

Россия могла получать деньги лишь посредством морской торговли и вывоза своего сырья на главный в то время рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой. Экономика оказалась сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые отношения с Англией втихомолку были возобновлены; условия Тильзитского договора были нарушены, и разразилась война 1812 года.

Наполеон во главе соединенных армий всего Запада перешел русскую границу. Поляки, компетентные в этом деле судьи, советовали ему остановиться на Двине и Днепре, реорганизовать Польшу и ждать там наступления русских. Полководец такого масштаба, как Наполеон, не мог не признать, что это был правильный план. Но находясь уже на такой головокружительной высоте и при том непрочном фундаменте, на который он опирался, Наполеон уже *не мог* решиться на затяжные кампании. Ему необходимы были быстрые успехи, блистательные победы, завоеванные штурмом мирные договоры; он пренебрег советом поляков, пошел на Москву и тем самым привел русских в Париж.

Уничтожение огромной наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе. В Пруссии поднялся весь народ, принудивший трусливого короля Фридриха-Вильгельма III⁶⁰ к войне против Наполеона. Австрия присоединилась к России и Пруссии, как только закончила свои военные приготовления. После сражения при Лейпциге⁶¹ от Наполеона отпал Рейнский союз, а через каких-нибудь восемнадцать месяцев после вступления Наполеона в Москву Александр вошел в Париж как властелин и повелитель Европы.

Турция, преданная Францией, заключила в 1812 г. мир в Бухаресте, уступив русским Бессарабию. Венский конгресс принес России Царство Польское⁶², так что теперь к ней было присоединено почти девять десятых прежней польской территории. Однако еще более важное значение имело то положение, которое царь занимал теперь в Европе. На европейском континенте он не имел больше соперников. Австрия и Пруссия шли у него на поводу. Французские Бурбоны были обязаны ему восстановлением на престоле своей династии и поэтому также были ему послушны. Швеция получила благодаря ему Норвегию в качестве залога дружественной царю политики. Даже испанская династия обязана была своим восстановлением гораздо больше победам русских, пруссаков и австрийцев, чем победам Веллингтона⁶³, которые никогда бы не смогли сокрушить Французскую империю.

Никогда еще Россия не достигала такого могущественного положения. Но она сделала также еще один шаг за пределы своих естественных границ. Если в отношении завоеваний Екатерины у русского шовинизма были еще некоторые извиняющие — я не хочу сказать оправдывающие — предлоги, то относительно завоеваний Александра об этом не может быть и речи. Финляндия населена финнами и шведами, Бессарабия — румынами, конгрессовая Польша⁶⁴ — поляками. Здесь уж и говорить не приходится о воссоединении рассеянных родственных племен, носящих русское имя, тут мы имеем дело с неприкрытым насильственным завоеванием чужой территории, с простым грабежом.

III

Победа над Наполеоном была победой европейских монархий над французской революцией, последней фазой которой являлась наполеоновская империя; победа эта была отпразднована восстановлением «легитимизма». Но в то время как Талейран рассчитывал посредством этой придуманной им фразы поймать на удочку царя Александра, русской дипломатии в гораздо большей степени удалось при помощи той же фразы водить за нос всю Европу. Под предлогом защиты легитимизма она основала «Священный союз», этот расширенный русско-австро-пруссский союз, доведенный до степени заговора всех европейских монархов против их народов под главенством русского царя⁶⁵. Другие монархи верили в этот предлог; но как смотрели на это царь и его дипломатия, мы сейчас увидим.

Для русской дипломатии речь шла лишь о том, чтобы использовать достигнутую в Европе гегемонию с целью дальнейшего продвижения к Царьграду. Для достижения этой цели она могла пустить в ход три рычага: румын, сербов, греков. Наиболее подходящим элементом были греки. Это был торговый народ, а купцы больше всего страдали от притеснений турецких пашей. Христианин-земледелец под турецким владычеством находился в лучших материальных условиях, чем где бы то ни было. Он сохранил свои институты, существовавшие до турецкого завоевания, и полное самоуправление; пока он платил налоги, турок, как правило, не обращал на него внимания; лишь изредка подвергался он насилиям, подобно тем, какие в средние века приходилось сносить западноевропейскому крестьянину от дворянства.

Это было унижительное и едва терпимое существование, однако в материальном отношении оно было не столь обременительным и не так уж не соответствовало тогдашнему уровню цивилизации этих народов; поэтому прошло немало времени, прежде чем славянский райя обнаружил, что подобное существование невыносимо. Напротив, греческая торговля с того времени, как турецкое господство избавило ее от разорительной конкуренции венецианцев и генуэзцев, быстро расцвела и достигла таких больших размеров, что не могла уже больше пере-

носить и самого турецкого господства. В самом деле, турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности⁶⁶ — безопасность личности купца и его собственности. Неудивительно поэтому, что греки, которые с 1774 г. предприняли уже две попытки восстания, восстали теперь еще раз⁶⁷.

Греческое восстание создало, таким образом, благоприятные возможности, но для того чтобы царская дипломатия могла здесь развернуть энергичные действия, необходимо было предотвратить вмешательство со стороны Запада, следовательно, надо было сделать так, чтобы Запад был занят своими внутренними делами. И почва для этого была великолепно подготовлена фразой о легитимизме. Легитимные монархи повсюду вызвали против себя глубокую ненависть. Попытки восстановить дореволюционные порядки привели в возбуждение буржуазию всего Запада; во Франции и Германии началось брожение, в Испании и Италии вспыхнуло открытое восстание⁶⁸. Ко всем этим заговорам и восстаниям царская дипломатия приложила свою руку. Не то, чтобы она их устраивала или хотя бы существенно способствовала их временным успехам. Однако через своих полуофициальных агентов она делала все возможное, чтобы сеять раздоры во владениях своих легитимных союзников⁶⁹. И уже совсем открыто покровительствовала она тем мятежным элементам Запада, которые выступали под маской сочувствия грекам; а кто же были эти филэллины, собиравшие деньги, посылавшие в Грецию добровольцев и целые вооруженные вспомогательные отряды, как не те же самые карбонарии и прочие либералы Запада?

Все это нисколько не мешало просвещенному царю Александру на конгрессах в Ахене, Троппау, Лайбахе, Вероне призывать своих легитимных коллег к самым энергичным действиям против их мятежных подданных и для подавления революции посылать австрийцев в 1821 г. в Италию, а французов в 1823 г. в Испанию⁷⁰; это не помешало ему даже осудить для видимости

восстание греков, хотя в то же самое время он разжигал это восстание и подстрекал западноевропейских филэллинов удвоить свои усилия. Снова глупая Европа была одурачена невероятным образом; монархам и реакционерам царизм проповедовал легитимизм⁷¹, либеральным филистерам — освобождение народов и просвещение⁷²; и те и другие верили ему.

В Вероне французский министр, романтик Шатобриан⁷³, был совершенно очарован царем, который подал французам надежду на приобретение левого берега Рейна, если только они будут послушно следовать за Россией. Этой надеждой, подкрепленной позднее, при Карле X⁷⁴, твердым обещанием, русская дипломатия водила на помочах Францию и направляла французскую восточную политику с небольшими перерывами вплоть до 1830 года.

Несмотря на все это, «человеколюбивая» политика царя, который под предлогом освобождения греческих христиан от мусульманского гнета стремился сам занять место мусульман, не достигала желаемых успехов⁷⁵. Ибо, как писал русский посол в Лондоне, князь Ливен (депеша от 18 (30) октября 1825 г.), «вся Европа с ужасом смотрит на этот русский колосс, гигантские силы которого ждут только сигнала, чтобы двинуться против нее. В ее интересах поэтому поддерживать турецкую державу, этого естественного врага нашей империи»⁷⁶.

Война в Греции продолжалась с переменным успехом, а между тем все попытки России добиться высокого согласия Европы на занятие Дунайских княжеств и тем самым вынудить Турцию к капитуляции терпели неудачу. Тем временем Турция получила в 1825 г. помощь из Египта; греки были повсюду разбиты, восстание почти подавлено. Русская политика стояла перед выбором: либо поражение, либо принятие смелых решений.

Канцлер Нессельроде обратился за советом к своим послам. Поццо-ди-Борго в Париже (депеша от 4 (16) октября 1825 г.) и Ливен в Лондоне (депеша от 18 (30) октября 1825 г.) высказались безоговорочно за решительные действия: следует немедленно занять Дунайские княжества, не обращая внимания на Европу и даже на опасность европейской войны. Таково, очевидно, было

мнение всей русской дипломатии. Но Александр был слабым и непостоянным человеком, наделенным большим самомнением, и к тому же мистиком и романтиком; он напоминал «*gres du Bas-Empire*»⁷⁷ (как называл его Наполеон) не только своей хитростью и лицемерием, но также нерешительностью и отсутствием энергии. Легитимизм он стал воспринимать всерьез, и греческие повстанцы ему уже надоели. Бездеятельный и в то время, при отсутствии железных дорог, почти неуловимый, путешествовал он по югу, около Таганрога. Внезапно пришло сообщение о его смерти⁷⁸. Поговаривали об отравлении. Уж не устранила ли дипломатия сына таким же образом, как некогда отца? Во всяком случае, умер он для нее как нельзя более кстати.

В лице Николая⁷⁹ вступил на престол такой царь, лучше которого дипломатия и желать не могла: посредственный человек с кругозором взводного командира⁸⁰; для него внешняя сторона власти была превыше всего и ради нее он готов был пойти на все. Теперь стали действовать более решительно и довели дело до войны с Турцией, избежав вмешательства со стороны Европы. Англию — либеральными фразами, а Францию — вышеупомянутыми обещаниями склонили к тому, что и та и другая, соединив свои флоты с русским, 20 октября 1827 г., вопреки состоянию мира, напали на турецко-египетский флот при Наварине и уничтожили его⁸¹. Англия, правда, вскоре отошла от союза, но бурбоновская Франция осталась верна России. В то время как царь объявил войну туркам и его войска 6 мая 1828 г. перешли Прут, 15000 французских солдат готовились к отплытию в Грецию, где они и высадились в августе — сентябре того же года. Для Австрии это было достаточным предостережением, чтобы не атаковать русских во фланг во время их наступления на Константинополь: последствием таких действий была бы война с Францией, и тогда вступил бы в силу русско-французский союз, предусматривавший завоевание Константинополя для одного из союзников и левого берега Рейна — для другого.

Дибич⁸² продвинулся, таким образом, до Адрианополя, но там он попал в такое положение, что ему пришлось бы спешно отступить обратно за Балканы, если бы турки продержались еще

каких-нибудь две недели. У него было только 20 000 человек, четвертая часть которых болела чумой. Тогда в качестве посредника выступило прусское посольство в Константинополе и склонило турок к миру посредством ложного сообщения об угрожающем, в действительности же совершенно неосуществимом наступлении русских. Этим оно помогло русскому полководцу выйти, как говорит Мольтке⁸³, «из такого положения, которому достаточно было продлиться еще, пожалуй, несколько дней, чтобы он оказался сброшенным с высоты победы в пучину гибели» (Мольтке. «Русско-турецкая кампания», с. 390)⁸⁴.

Во всяком случае, мир принес Российской империи устья Дуная, часть территории в Азии и новые предлоги для постоянного вмешательства в дела Дунайских княжеств⁸⁵. Последние с этого момента вплоть до Крымской войны служили в качестве «*karczma zajezdna*»⁸⁶ для русских войск; лишь изредка в течение этого периода княжества были свободны от них.

Прежде чем удалось использовать эти преимущества для дальнейших целей, разразилась июльская революция⁸⁷. Теперь русским агентам пришлось на некоторое время припрятать свои либеральные фразы; речь шла в данном случае лишь о защите «легитимизма». Был уже подготовлен поход Священного союза против Франции, как вдруг вспыхнуло польское восстание, которое в течение целого года держало Россию под угрозой; так Польша вторично ценой самопожертвования спасла европейскую революцию⁸⁸.

Я не буду останавливаться на русско-турецких отношениях в период 1830–1848 годов. Важным в этих отношениях было то, что России представилась возможность впервые выступить в качестве защитницы Турции от ее мятежного египетского вассала Мухаммеда-Али, послать к Босфору 30-тысячное войско для защиты Константинополя и посредством Ункяр-Искелесийского договора фактически установить на целый ряд лет русское господство над Турцией⁸⁹; далее, ей удалось затем в 1840 г. вследствие предательства Пальмерстона⁹⁰ в одно мгновение превратить угрожающую ей европейскую коалицию в коалицию против Франции⁹¹, и наконец, она сумела подготовить аннексию

Дунайских княжеств посредством непрерывной оккупации, эксплуатации крестьян⁹², а также переманиванием на свою сторону бояр при помощи "Reglement organique"⁹³ (см. Маркс, «Капитал», т. I, гл. VIII)⁹⁴. В основном же этот период был посвящен завоеванию и русификации Кавказа, что удалось, наконец, осуществить лишь в результате двадцатилетней борьбы.

Тем временем царскую дипломатию постигла тяжелая неудача: когда 29 ноября 1830 г. великий князь Константин был вынужден бежать из Варшавы от польских инсургентов, в руки последних попал весь его дипломатический архив, подлинные депеши министра иностранных дел и официальные копии всех важных депеш послов. Весь механизм русской дипломатии 1825–1830 гг. был раскрыт⁹⁵. Польское правительство переслало эти депеши через графа Замойского⁹⁶ в Англию и Францию, и по указанию английского короля Вильгельма IV⁹⁷ они были в 1834 г. опубликованы Давидом Уркхартом в "Portfolio"⁹⁸. Этот "Portfolio" до сих пор остается одним из главных и во всяком случае самым достоверным источником для истории тех интриг, посредством которых царизм стремится перессорить между собой западноевропейские страны, чтобы в результате этих раздоров подчинить их всех своему господству.

Русская дипломатия не только без вреда, но и с прямой выгодой для себя выдержала уже так много западноевропейских революций, что, когда разразилась февральская революция 1848 г., она могла приветствовать это как чрезвычайно благоприятное для нее событие. Революция перекинулась в Вену, не только устранив главного противника России, Меттерниха⁹⁹, но и пробудив от спячки австрийских славян — этих возможных союзников царизма; она охватила Берлин и тем самым излечила страдающего жаждой деятельности, но совершенно беспомощного Фридриха-Вильгельма IV¹⁰⁰ от его страстного желания стать независимым от России. Что могло быть более благоприятным? Россия была гарантирована от всякой заразы, а в Польше были расположены столь значительные силы, что она не могла и пошевелиться. А как только революция распространилась и на Дунайские княжества¹⁰¹, русская дипломатия получила то, чего

хотела, — предлог для нового вторжения в Молдавию и Валахию, чтобы восстановить там порядок и еще более укрепить там русское господство.

Но этого мало. Австрия, самая упорная, самая непреклонная противница России на границах Балканского полуострова, была приведена на край гибели восстанием в Венгрии и Вене¹⁰².

Победа венгров означала, однако, новый взрыв европейской революции, а наличие большого числа поляков в венгерской армии служило гарантией того, что на этот раз революция не остановилась бы на польской границе. Поэтому Николай разыграл великодушие. Он приказал своим войскам вторгнуться в Венгрию, подавил превосходящими силами венгерскую армию и закрепил тем самым поражение европейской революции¹⁰³. А когда Пруссия все еще пыталась воспользоваться революцией для того, чтобы разорвать Германский союз и подчинить, по крайней мере, мелкие северогерманские государства прусской гегемонии, Николай вызвал ее и Австрию к себе на суд в Варшаву и вынес решение в пользу Австрии¹⁰⁴. В благодарность за свою многолетнюю покорность России Пруссия была позорно унижена, когда она на одно мгновение обнаружила слабые поползновения к сопротивлению. Шлезвиг-гольштейнский вопрос Николай также решил не в пользу Германии и назначил наследником датского престола Кристиана Глюксбургского, убедившись предварительно в его пригодности для целей царизма¹⁰⁵. Не только Венгрия, вся Европа лежала у ног царя, и это было прямым следствием революции. И разве не вправе была русская дипломатия втайне восторгаться революциями на Западе?

Но февральская революция была, тем не менее, первым похоронным звоном по царизму. Мелкая душонка ограниченного Николая не могла прийти в себя от возбуждения, вызванного этой незаслуженной удачей; он слишком торопился с продвижением к Константинополю; разразилась Крымская война; Англия и Франция пришли на помощь Турции, а Австрия горела желанием *d'etonner le monde par la grandeur de son ingratitude*¹⁰⁶. Ибо Австрия знала, что в благодарность за военную помощь в Венгрии и за вынесенное в Варшаве решение от нее ждут ней-

тралитета или даже поддержки русских завоеваний на Дунае, а это было равносильно окружению границ Австрии Россией от Кракова до Оршовой и Землина. И на этот раз Австрия, — чего с ней почти никогда не случалось, — посмела иметь собственное мнение.

Крымская война была единственной в своем роде колоссальной комедией ошибок, когда постоянно спрашиваешь себя: кто же тут обманут? Но эта комедия стоила несметных затрат и свыше миллиона человеческих жизней. Едва только первые отряды войск союзников высадились в Болгарии, как австрийцы вступили в Дунайские княжества, а русские отступили за Прут. Таким образом, Австрия вклинилась на Дунае между обеими воюющими сторонами; дальнейшее ведение войны в этом районе возможно было только с ее согласия. Но Австрия нужна была для войны на западной границе России. Австрия знала, что Россия никогда не простит ей этой ее черной неблагодарности; поэтому она готова была присоединиться к союзникам, но только для серьезной войны, ведущейся с целью восстановления Польши и значительного перенесения назад западной границы России. Такая война неизбежно вовлекла бы в союз и Пруссию¹⁰⁷, через территорию которой Россия получала все свои ввозимые припасы; европейская коалиция блокировала бы Россию с суши и с моря и обрушилась бы на нее с такими превосходящими силами, что победа была бы несомненной.

Но это вовсе не входило в расчеты Англии и Франции. Наоборот. Обе они были довольны тем, что образ действий Австрии избавлял их от опасности серьезной войны. То, чего желала сама Россия, — чтобы союзники направились в Крым и основательно там застряли, — было предложено Пальмерстоном, и за это с радостью ухватился обеими руками Луи-Наполеон¹⁰⁸.

Продвигаться из Крыма в глубь России было бы стратегическим безумием. Таким образом, война была благополучно превращена в войну показательную, что удовлетворяло всех ее главных участников. Однако царь Николай не мог долго мириться с тем, что неприятельские войска прочно обосновались на окраине его империи на русской земле; для него показательная война вскоре

снова стала войной серьезной. Но если это место было наиболее благоприятным для показательной войны, то для серьезной войны оно было наиболее опасным. То, что составляет силу России при обороне, — огромная протяженность ее редко населенной, бездорожной и бедной ресурсами территории, — обернулось против самой же России, как только Николай сосредоточил все свои военные силы в одном пункте периферии — в Севастополе. Южнорусские степи, которые должны были стать могилой вторгшегося неприятеля, стали могилой русских армий, которые Николай со свойственной ему жестокой и тупой беспощадностью гнал одну за другой в Крым вплоть до середины зимы. И когда последняя, наспех собранная, кое-как снаряженная и нищенски снабженная продовольствием армия потеряла в пути около двух третей своего состава — в метелях гибли целые батальоны, — а остатки ее оказались неспособными к сколько-нибудь серьезному наступлению на врага, тогда надменный пустоголовый Николай жалким образом пал духом и, приняв яд, бежал от последствий своего цезаристского безумия¹⁰⁹.

Условия мира, которые поспешно заключил его преемник¹¹⁰, были весьма мягкими¹¹¹. Но тем значительнее были последствия войны для внутреннего положения страны. Чтобы самодержавно господствовать внутри страны, царизм должен был быть более чем непобедимым за ее пределами; ему необходимо было непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями. А теперь царизм потерпел жалкое крушение, и притом в лице своего внешне наиболее импозантного представителя; он скомпрометировал Россию перед всем миром, а вместе с тем и самого себя — перед Россией. Наступило небывалое отрезвление. Колоссальные жертвы, понесенные в войне, слишком глубоко взволновали русский народ, царю приходилось слишком часто взывать к его преданности, чтобы можно было сразу же вернуть народ к прежней пассивности и механической покорности. Ведь постепенно и Россия развивалась как в экономическом, так и в духовном отношении; рядом с дворянством зарождался другой просвещенный

класс — буржуазия. Словом, новый царь вынужден был прикидываться либералом, но на этот раз *внутри* страны. А тем самым было положено начало внутренней истории России, движению умов среди самой нации и отражению этого движения — общественному мнению, пусть еще очень слабому, но все больше приобретающему значение и все меньше позволяющему себя игнорировать. Таким образом, у царской дипломатии появился враг, который должен с ней покончить. Ибо подобного рода дипломатия возможна лишь до тех пор, пока народ остается совершенно пассивным, не имеет другой воли, кроме воли правительства, и призван только поставлять солдат и платить налоги для осуществления целей, преследуемых дипломатами. Но поскольку в России началось внутреннее развитие, а вместе с тем и внутренняя борьба партий, завоевание конституционной формы, при которой эта борьба партий может вестись, не вызывая насильственных потрясений, является лишь вопросом времени. Но тогда и прежняя русская завоевательная политика станет делом прошлого: в ходе борьбы партий за власть дипломатия утратит свою неизменную и постоянную цель, безоговорочное распоряжение силами нации окажется невозможным, — Россия по-прежнему останется трудно доступной и сравнительно столь же слабой в наступлении, но во всех прочих отношениях она станет такой же европейской страной, как и другие, и специфическая сила ее прежней дипломатии будет подорвана навсегда.

“La Russie ne boude pas, elle se recueille”, — сказал после войны канцлер Горчаков¹¹². Он и сам не знал, как справедливы его слова. Он говорил только о дипломатической России. Но неофициальная Россия тоже сосредоточивалась. И в этом сосредоточении (*recueillement*) ей оказывало поддержку само правительство. Война доказала, что даже из чисто военных соображений Россия нуждается в железных дорогах и крупной промышленности. И правительство принялось выращивать класс русских капиталистов. Но такой класс не может существовать без пролетариата, а для того, чтобы создать элементы последнего, пришлось провести так называемое освобождение крестьян; личную свободу крестьянин оплатил передачей дворянству лучшей части

своего земельного владения. Той земли, которая у него осталась, было слишком много, чтобы умереть, но слишком мало, чтобы существовать. Следовательно, в то время как русская крестьянская община¹¹³ была подорвана в корне, развитие новой крупной буржуазии всячески поощрялось посредством привилегий железнодорожным компаниям, покровительственных пошлин и других льгот; благодаря этому в городе и в деревне началась настоящая социальная революция, которая уже не давала успокаиваться пришедшим в движение умам. Появление молодой буржуазии нашло свое отражение в либерально-конституционном движении, а зарождение пролетариата — в движении, которое обычно называют нигилизмом. Таковы были действительные результаты «recueillement» России.

Между тем дипломатия, по-видимому, еще не замечала, какой противник возник у нее внутри страны. Напротив, за пределами страны, как казалось, она одерживала победу за победой. На Парижском конгрессе 1856 г. Орлов¹¹⁴ играл главную роль, которой домогались многие¹¹⁵; вместо того чтобы приносить жертвы, он добился новых успехов; военные права на море, на которые претендовала Англия и которые со времен Екатерины оспаривались Россией, были окончательно аннулированы и был заключен русско-французский союз против Австрии¹¹⁶. Этот союз вступил в действие в 1859 г., когда Луи-Наполеон решил отомстить Австрии за Россию. Последствий русско-французской сделки, которая тогда была разоблачена Мадзини¹¹⁷ и согласно которой, в случае продолжительного сопротивления Австрии, одного из русских великих князей предполагалось выставить кандидатом на трон независимой Венгрии, — этих последствий Австрия избежала благодаря быстрому заключению мира. Но со времени 1848 г. народы постоянно расстраивали происки дипломатии. Италия стала независимой и единой вопреки воле и царя, и Луи-Наполеона¹¹⁸.

Война 1859 г. встревожила также и Пруссию. Она почти удвоила численность своей армии и поставила у кормила правления человека, который мог помериться силами с русской дипломатией по крайней мере в одном отношении: в полной нераз-

борчивости в выборе средств. Этим человеком был Бисмарк¹¹⁹. Во время польского восстания 1863 г. он с театральным жестом принял сторону России против Австрии, Франции и Англии и сделал все, чтобы обеспечить победу России¹²⁰. Этим он добился отказа царя от его обычной политики в шлезвиг-гольштейнском вопросе; с царского дозволения герцогства были в 1864 г. отторгнуты от Дании¹²¹. Затем последовала австро-прусская война 1866 года; и тут царю опять представился случай порадоваться новому наказанию Австрии, а также росту могущества Пруссии — этого единственного вассала, сохранившего еще верность даже после пинков 1849–1850 годов.

Война 1866 г. повлекла за собой франко-прусскую войну 1870 г., и царь снова встал на сторону своего прусского «молодца дяди»¹²², он держал Австрию под непосредственной угрозой и таким образом лишил Францию единственного союзника, который мог бы спасти ее от полного разгрома. Но так же, как Луи Бонапарт в 1866 г., так и Александр в 1870 г. оказался обманутым вследствие быстрых успехов немецкого оружия. Вместо затяжной войны, до предела истощающей обе воюющие стороны, последовали быстрые удары, в результате которых в течение пяти недель бонапартистская империя была ниспровергнута, а ее армии отправлены в Германию в качестве военнопленных.

В то время в Европе было только одно место, где правильно понимали создавшееся положение: это был Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих. 9 сентября 1870 г. он выпустил воззвание¹²³, в котором проводилась параллель между войной 1866 г. и войной 1870 года¹²⁴. Война 1866 г., говорилось в воззвании, велась с согласия Луи-Наполеона, но достаточно было побед Пруссии и усиления ее мощи, чтобы Франция тотчас же заняла враждебную позицию по отношению к Пруссии. Точно так же новые успехи в 1870 г. и связанное с ними новое усиление прусско-германской мощи принудят русского царя стать во враждебные отношения с Германией, хотя во время войны он и оказывал Германии дипломатическую поддержку. Необходимой предпосылкой преобладающего влияния России на Европу является ее традиционное верховенство над Германией, которое те-

перь было подорвано. В тот момент, когда в самой России революционное движение начинает становиться грозной силой, царь не может допустить такую потерю своего престижа вне страны. И если теперь еще Германия аннексией Эльзас-Лотарингии принудит Францию броситься в объятия России, то она должна будет либо сделаться явным орудием русских завоевательных планов, либо же после короткой передышки начать готовиться к войне одновременно и против России и против Франции, — к войне, которая легко может перерасти в расовую войну против объединенных славянской и романской рас.

Новая Германская империя оказала России услугу, отторгнув Эльзас-Лотарингию от Франции¹²⁵ и тем самым действительно толкнув Францию в объятия России. Царская дипломатия оказалась теперь в завидном положении; она сумела поставить в зависимость от России обе страны, и Францию и Германию, которые стали вследствие этого отторжения смертельными врагами. И этим благоприятным положением она снова воспользовалась для наступления на Царьград, для объявления войны Турции в 1877 году. После длительной борьбы русские войска подошли в январе 1878 г. к самым воротам турецкой столицы, как вдруг в Босфоре появились четыре английских броненосца и принудили русских, перед которыми уже виднелись купола Софийского собора, остановиться и передать выработанный ими Сан-Стефанский договор на пересмотр европейскому конгрессу¹²⁶.

Тем не менее казалось, что успех достигнут огромный. Румыния, Сербия, Черногория, расширившие свою территорию и получившие независимость благодаря России, были поэтому у нее в долгу; четырехугольник крепостей между Дунаем и Балканами, этот мощный бастион Турции¹²⁷, был на время разрушен; Балканы, последнее прикрытие Константинополя, отняты у турок и разоружены; Болгария и Восточная Румелия, формально вассалы Турции, стали в действительности вассалами России; возвращена потерянная в 1856 г. территория в Бессарабии; завоеваны новые важные позиции в Армении; Австрия, заняв Боснию, стала соучастницей в разделе Турции и неизбежной противницей

всех стремлений Сербии к независимости и объединению; наконец, Турция вследствие потери территории, истощения и непосильных обязательств по возмещению военных издержек попала в полную зависимость от России, оказалась в таком положении, при котором она, по мнению русских, и совершенно правильному мнению¹²⁸, могла быть лишь временной хранительницей Босфора и Дарданелл для России. Таким образом, казалось, что России оставалось лишь выбрать подходящий момент, чтобы достигнуть своей великой конечной цели — овладеть Константинополем, этим “*la clef de notre maison*”¹²⁹.

В действительности, однако, дело обстояло совсем не так. Если отторжение Эльзас-Лотарингии заставило Францию броситься в объятия России, то наступление на Константинополь и Берлинский мир заставили Австрию броситься в объятия Бисмарка. А в результате этого все положение снова изменилось. Крупные военные державы континента разделились на два больших, угрожающих друг другу военных лагеря: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой. Вокруг тех и других вынуждены группироваться более мелкие государства. Но это означает, что русский царизм не может сделать последнего решающего шага, не может действительно овладеть Константинополем без мировой войны с приблизительно равными шансами, войны, исход которой будет, вероятно, зависеть не от обеих начавших ее сторон, а от Англии. Ибо война Австрии и Германии против России и Франции лишила бы весь Запад подвоза русского хлеба по суше. Между тем все западноевропейские страны живут лишь за счет подвоза хлеба из-за границы. А это можно было бы осуществлять тогда только по морю; превосходство же Англии на море дало бы ей возможность лишиться и этого пути подвоза либо Францию, либо Германию, таким образом взять измором ту или другую страну, смотря по тому, на чью сторону она бы встала¹³⁰. Но бороться за Константинополь посредством мировой войны, в которой Англия будет решать исход дела, — ведь это и есть именно то положение, избежать которого русская дипломатия стремилась в течение полтора десятилетия. Это уже было ее поражением¹³¹.

На деле и союз с республиканской Францией, в которой происходит постоянная смена стоящих у власти лиц, вовсе не представляется надежным для царизма и еще меньше соответствует его заветным желаниям. Только при реставрированной французской монархии царизм мог быть достаточно уверенным в своей союзнице в той страшной войне, которая теперь только и возможна. Вот почему за последние пять лет царизм взял Орлеанов под свое совершенно особое покровительство; они должны были даже породниться с ним посредством брака с представителем датского королевского дома, этого русского форпоста на Зунде.

А для того чтобы подготовить во Франции реставрацию Орлеанов¹³², ставших теперь тоже русским форпостом, был использован генерал Буланже¹³³, приверженцы которого во Франции сами хвастаются тем, что таинственным источником так щедро раздаваемых ими денег является не кто иной, как русское правительство, предоставившее им *пятнадцать миллионов франков* на проведение их кампании. Таким образом, Россия снова вмешивается во внутренние дела западных стран, на этот раз открыто в качестве защитницы реакции, используя нетерпеливый шовинизм французской буржуазии против революционного духа французских рабочих.

Вообще именно после 1878 г. стало обнаруживаться, как сильно ухудшилось положение русской дипломатии с тех пор, как народы все больше стали позволять себе вмешиваться в дела, и притом вмешиваться с успехом. Даже на Балканском полуострове в районе, где Россия *ex professo*¹³⁴ выступает в роли освободительницы народов, ничего не удается добиться.

Румыны в благодарность за то, что именно они сделали возможной победу русских под Плевной¹³⁵, вынуждены были снова уступить принадлежавшую им часть Бессарабии и теперь они вряд ли позволят прельстить себя обещаниями относительно присоединения в будущем Семиградья и Баната. Болгары сыты по горло царским методом освобождения в результате действий царских агентов, направленных в их страну; только сербы и, пожалуй, греки пока еще не запуганы — те и другие потому, что они не находятся непосредственно на пути к Константинополю.

Австрийские славяне, освободить которых от немецкого гнета царь считал себя призванным, сами с тех пор заняли господствующее положение, по крайней мере в Цислейтанской части империи¹³⁶. Фраза об освобождении народов¹³⁷ всемогущим царем отжила свой век, ее можно применить разве только еще в отношении Крита или Армении, но это не производит уже никакого впечатления в Европе даже на христиански благочестивых английских либералов; из-за Крита или Армении уже не рискнет европейской войной даже такой поклонник царя, как Гладстон, с тех пор как американец Кеннан разоблачил¹³⁸ перед всем миром все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению¹³⁹.

И тут мы подошли к основному вопросу. Внутреннее развитие России со времени 1856 г., поддержанное политикой правительства, оказало свое действие; социальная революция сделала гигантские успехи; Россия с каждым днем становится все более и более западноевропейской страной; развитие крупной промышленности, железных дорог, превращение всех натуральных повинностей в денежные платежи и разложение вследствие этого старых устоев общества — все это происходит в России с возрастающей быстротой. Но в той же мере все больше обнаруживается и несовместимость царского абсолютизма с новым обществом, находящимся в стадии становления. Образуются оппозиционные партии, конституционные и революционные, которые правительство может подчинить себе лишь при помощи все более грубого насилия. И русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда русский народ скажет свое слово и когда необходимость урегулирования своих собственных внутренних дел не оставит ему ни времени, ни желания заниматься такими ребяческими затеями, как завоевание Константинополя, Индии и мирового господства. Революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучится теперь в двери России, и внутри страны у нее уже достаточно союзников, которые ждут только случая, чтобы открыть ей эти двери.

Правда, когда читаешь русские газеты, можно подумать, что вся Россия увлечена царской завоевательной полити-

кой; повсюду — сплошной шовинизм и панславизм, призывы к освобождению христиан от турецкого ига, а славян — от немецко-мадьярского. Но, во-первых, каждый знает, какие оковы наложены на русскую прессу; во-вторых, правительство годами насаждало этот шовинизм и панславизм во всех школах; и в-третьих, эта пресса, поскольку она вообще выражает какое-либо независимое мнение, является выразителем лишь настроений городского населения, то есть народившейся буржуазии, которая, конечно, заинтересована в новых завоеваниях как в средстве расширения русского рынка. Но это городское население составляет во всей стране ничтожное меньшинство. Как только национальное собрание предоставит возможность высказать свое собственное мнение подавляющему большинству русского народа, сельскому населению, — мы услышим тогда другие вещи. Опыт, который правительство проделало с земствами¹⁴⁰ и который вынудил его вновь свести эти земства к нулю¹⁴¹, служит гарантией того, что русское национальное собрание, чтобы преодолеть хотя бы самые главные внутренние трудности, очень скоро должно будет решительно положить конец всем стремлениям к новым завоеваниям.

* * *

Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзас-Лотарингии Германией; 2) стремлением царской России к Константинополю; 3) все жарче разгорающейся во всех странах борьбой между пролетариатом и буржуазией, показателем которой служит наблюдающийся повсюду подъем социалистического движения.

Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Германская аннексия превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзниц Германии. Оба лагеря готовятся к решительной борьбе, к войне, какой еще не видел мир, к войне, в которой друг другу будут противостоять от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоя-

тельства препятствовали тому, что эта страшная война до сих пор не разразилась: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый изобретенный образец оружия оказывается превзойденным новыми изобретениями раньше, чем его успеют ввести хотя бы только в одной армии, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы. Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, который позволит русскому народу навсегда покончить с традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо того, чтобы заниматься фантазиями о мировом господстве, позаботиться о своих собственных внутренних жизненных интересах, которым угрожает в высшей степени серьезная опасность.

В этот день Бисмарк¹⁴² потеряет всех своих союзников против Франции, которых бросила в его объятия русская угроза. Ни для Австрии, ни для Италии не будет тогда ни малейшего интереса таскать для Бисмарка¹⁴³ каштаны из огня, участвуя в гигантской европейской борьбе. Германская империя снова окажется в том изолированном положении, при котором, по словам Мольтке, все ее боятся, но никто не любит¹⁴⁴, что является неизбежным результатом ее политики. И тогда взаимное сближение борющейся за свою свободу России и республиканской Франции будет настолько же естественным для положения обеих стран, насколько и безопасным для общего положения Европы. В этом случае и сам Бисмарк, или его преемник, трижды подумает, прежде чем решится развязать против Франции войну, в которой ни Россия не станет прикрывать его фланг от Австрии, ни Австрия от России, и обе будут радоваться каждому понесенному им поражению, так что весьма сомнительно, справится ли он даже с одними французами. Все симпатии были бы тогда на стороне Франции, и она даже в самом худшем случае была бы гарантирована от дальнейших территориальных потерь. Поэтому, вместо того чтобы держать курс на войну, Германская империя вскоре нашла бы, вероятно, свое изолированное положение настолько невыносимым, что стала бы искренне добиваться соглашения с

Францией; тем самым грозная опасность войны была бы устранена, *Европа могла бы разоружиться*, и больше всех выиграла бы от этого сама Германия.

В тот же день Австрия утратит единственное историческое оправдание своего существования — служить барьером русскому наступлению на Константинополь. Как только Россия перестанет угрожать Босфору, Европа потеряет всякий интерес к существованию этого пестрого конгломерата народов. Утратит также свое значение и весь так называемый восточный вопрос, — вопрос о дальнейшей судьбе турецкого господства в областях со славянским, греческим и албанским населением, а также спор из-за обладания входом в Черное море, которым тогда уже никто не сможет монопольно завладеть и использовать против Европы.

Магьяры, румыны, сербы, болгары, арнауты¹⁴⁵, греки¹⁴⁶ и турки получат, наконец, возможность уладить без иностранного вмешательства взаимные споры, произвести размежевание своих национальных территорий, устроить свои внутренние дела по собственному усмотрению. Тогда сразу обнаружится, что главным препятствием к автономии и свободному объединению народов и обломков различных народностей на территории между Карпатами и Эгейским морем был все тот же царизм, который использовал мнимое освобождение этих народов для маскировки своих планов мирового господства.

Франция избавится тогда от того противоестественного, вынужденного положения, в которое поставил ее союз с царем. Если царю претит союз с республикой, то революционному французскому народу гораздо более претит союз с деспотом, палачом Польши и России. В войне на стороне царя Франция в случае поражения была бы лишена возможности прибегнуть к своему великому, единственно действенному средству спасения, к целебному средству 1793 г. — революции, мобилизации всех сил народа посредством террора и революционной пропаганде во вражеской стране. В этом случае царь немедленно объединился бы с врагами Франции, так как с 1848 г. времена сильно изменились, и царь с тех пор имел возможность в самой России

познакомиться на собственном опыте, что собой представляет террор.

Таким образом, союз с царем вовсе не означает усиления Франции; напротив — в момент наибольшей опасности он помешает ей обнажить свой меч. Но если в России место могущественного царя займет русское национальное собрание, тогда союз новой освобожденной России с республиканской Францией будет вполне естественным и само собой разумеющимся, тогда он будет способствовать, а не мешать революционному движению во Франции, тогда он будет выгоден и борющемуся за свое освобождение европейскому пролетариату. Таким образом, и Франция выиграет в результате крушения царского всемогущества.

Вместе с этим исчезнут и все предлоги для безумной гонки вооружений, превращающих всю Европу в военный лагерь и заставляющих смотреть на войну чуть ли не как на избавление. Тогда даже германский рейхстаг вынужден был бы очень скоро отказать в постоянно возрастающих требованиях денежных ассигнований на военные цели.

И тем самым Запад, не тревожимый и не отвлекаемый иностранным вмешательством, получил бы возможность заняться своей современной исторической задачей: разрешением конфликта между пролетариатом и буржуазией и переустройством капиталистического общества в социалистическое¹⁴⁷.

Но крушение царского самодержавия в России оказало бы и непосредственное воздействие на ускорение этого процесса. В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции, — в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер.

Ибо реакционные правительства Европы¹⁴⁸ прекрасно понимают, что, несмотря на все их препирательства с царем из-за Константинополя и т. д., может наступить такой момент, когда они охотно швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он только потребует, лишь бы он защитил их от революции. Поэтому в тот день, когда сам этот главный оплот¹⁴⁹ перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы

потеряют последние остатки самоуверенности и спокойствия; им тогда придется рассчитывать лишь на свои собственные силы и они скоро почувствуют, насколько это меняет положение. Возможно, они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония всемирной истории!¹⁵⁰

Таковы те обстоятельства, в силу которых Западная Европа вообще, и западноевропейская рабочая партия в особенности, заинтересованы, весьма глубоко заинтересованы, в победе русской революционной партии и в свержении царского абсолютизма. С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны невиданных масштаба и силы. Одно только может остановить ее: перемена политического строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, — не подлежит никакому сомнению. Пусть же эта перемена произойдет своевременно, прежде чем свершится то, что без нее неизбежно.

Комментарии

Фридрих Энгельс

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА

Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895) — немецкий философ, историк, один из основоположников марксизма. Родился в г. Бармен, Вестфалия, в семье текстильного промышленника. Преждевременно оставил гимназию, чтобы, по настоянию отца, работать в принадлежащей семье торговой фирме. В 1838–1841 гг. в Бремене, наряду с обучением на торгового работника, подрабатывал бременским корреспондентом «Штутгартской утренней газеты» и «Аугсбургской общей газеты». В 1841–1842 гг., пребывая на военной службе в Берлине, посещал лекции по философии в университете, где сблизился с младогегельянцами. В 1842 г. переехал в Великобританию, в Манчестер, где работал в конторе фабрики, также сотрудничая с «Рейнской газетой». После встречи с Марксом в Париже в 1844 г. началась их дружба. Энгельс активно участвовал в организации (1847) и деятельности «Союза коммунистов», вместе с Марксом написал программу Союза — «Манифест Коммунистической партии» (1848). В июне 1848 — мае 1849 г. вместе с Марксом издавал в Кельне «Новую Рейнскую газету», в 1849 г. участвовал в вооруженном восстании в Юго-Западной Германии. В ноябре 1849 г. переехал в Лондон, в ноябре 1850 г. — в Манчестер, где работал в торговой конторе, с 1870 г.

жил в Лондоне. Энгельс оказывал постоянную материальную помощь Марксу. Вместе с Марксом руководил деятельностью I Интернационала. После его смерти Энгельс занимался развитием марксистской доктрины и ее популяризацией, был советником и руководителем европейских социалистов, прежде всего немецких.

Статья «Внешняя политика русского царизма» написана Ф. Энгельсом в декабре 1889 — феврале 1890 г. (английский вариант закончен в марте 1890 г.) по просьбе участников первой русской марксистской группы «Освобождение труда», готовившей к изданию в Лондоне литературно-политическое обозрение «Социал-демократ». Основная ее часть первоначально была опубликована сразу в нескольких изданиях: в переводе на русский язык под заглавием «Иностранная политика русского царства» в журнале «Социал-демократъ» (книга 1 и 2, февраль и август 1890 г.), на немецком языке в «Die Neue Zeit» (№ 5, май 1890 г.) и в переводе автора на английский язык — в «Time» (апрель и май 1890 г.), заключительная часть, освещающая положение в Европе, в виде самостоятельной статьи — в газетах «Nord Wacht» (№ 28, 13 июля 1890 г.), «Wahler» (№ 113, 1 июля 1890 г.).

Печатается по: Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. М., 1962. С. 11–52. Комментарии редакции (подготовитель тома А.К. Воробьева, помощники подготовителя Р.Г. Лебедева и Ф.Г. Рябов, редакторы Л.И. Гольман и И.А. Арманда) даны в сокращении.

¹ «Социал-демократ» — марксистский литературно-политический журнал, издавался группой «Освобождение труда» в 1890 г. в Лондоне и в 1892 г. в Женеве; выходил нерегулярно, всего вышло четыре номера. В редакцию входили В.И. Засулич, Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод.

«Die Neue Zeit» («Новое время») — теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 до октября 1890 г. ежемесячно, затем до осени 1923 г., еженедельно. Редактором журнала с 1883 до октября 1917 г. был К. Каутский.

«Time» («Время») — английский ежемесячный журнал, издавался в Лондоне в 1879–1891 гг. В 1890–1891 гг. редактором журнала был социалист Б. Бакс.

² В английском тексте, опубликованном в журнале «Time», вместо слов «Мы, западноевропейская рабочая партия» напечатано: «Не только социалисты, но и каждая прогрессивная партия в любой стране Западной Европы». — Здесь и далее курсивом выделены разночтения немецкоязычного и англоязычного вариантов статьи, отмеченные редакцией 22-го тома собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

³ В английском тексте вместо слов «сделали бы невозможной победу европейского пролетариата» напечатано: «под железной пятой царя была бы уничтожена всякая возможность прогресса».

⁴ В английской публикации вместо этого абзаца дан следующий текст: «В Англии нельзя писать о внешней политике России, не упомянув при этом имени Давида Уркхарта. В течение пятидесяти лет он неутомимо работал над тем, чтобы ознакомить своих соотечественников с целями и методами русской дипломатии — предмет, который он основательно изучил; и единственной наградой

за все его старания было то, что он стал посмешищем и приобрел репутацию надоедливого человека. Правда, обыкновенный филистер называет так каждого, кто настойчиво говорит о вещах неприятных, как бы важны эти вещи ни были. Тем не менее, Уркхарт, ненавидевший филистеров, но не понимавший ни их природы, ни исторической неизбежности их существования в настоящее время, был обречен на провал. Сам он — будучи тори старой школы, видевший, что до сих пор в Англии одни только торы оказывали эффективное сопротивление России и что действия английских и зарубежных либералов, а также и все революционные движения на континенте обыкновенно шли лишь на пользу этой державе, — считал, что для действительного отпора вмешательству России надо обязательно быть тором (или же турком) и что каждый либерал и революционер является, сознательно или бессознательно, орудием России.

Систематические занятия русской дипломатией привели Уркхарта к убеждению, что она — всемогуща, что она и в самом деле является единственным активным фактором современной истории, все же другие правительства — лишь пассивные орудия в ее руках; так что, если бы не его столь же преувеличенная оценка силы Турции, нельзя было бы понять, почему эта всемогущая русская дипломатия давно уже не захватила Константинополь.

Стремясь, таким образом, свести всю современную историю, начиная с французской революции, к дипломатической шахматной игре между Россией и Турцией, в которой другие европейские государства играют роль пешек России, Уркхарт должен был выдавать себя за некоего восточного пророка, возвецающего вместо простых исторических фактов тайную, мистическую доктрину на таинственном, гиперболически-дипломатическом языке, доктрину, полную намеков на не только малоизвестные, но едва ли даже достоверно установленные факты; а в качестве верного целебного средства против преобладания русской дипломатии над английской он предлагал возобновить практику привлечения министров к суду за государственную измену и заменить кабинет тайным советом. Уркхарт был человеком с большими заслугами и вдобавок изысканным англичанином старого образца; но русские дипломаты вполне могли бы сказать: "*Si M. Urquhart n'existait pas, il faudrait l'inventer*".

Уркхарт — Уркхарт (Urquhart) Дэвид (1805–1877) — английский дипломат, консервативный публицист и политический деятель, туркофил; в 1830-х гг. выполнял дипломатические поручения в Турции, в 1847–1852 гг. член парламента, торн.

"*Si M. Urquhart n'existait pas, il faudrait l'inventer*" — Если бы г-н Уркхарт не существовал, его следовало бы выдумать (*фр.*)

⁵ Поццо-ди-Борго Карл Осипович, граф (1764–1842) — русский дипломат, по происхождению корсиканец; с 1814 по 1821 г. посланник, с 1821 по 1835 г. посол в Париже, затем в Лондоне (1835–1839).

Ливен Христофор Андреевич, князь (1774–1839) — русский дипломат, посланник в Берлине (1810–1812), посол в Лондоне (1812–1834).

Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780–1862) — русский государственный деятель и дипломат; канцлер, министр иностранных дел (1816–1856).

Екатерина II (1729–1796) — русская императрица (1762–1796).

⁶ *Горчаков* Александр Михайлович, князь (1798–1883) — русский государственный деятель и дипломат; посол в Вене (1854–1856), министр иностранных дел (1856–1882).

⁷ *Гирс* Николай Карлович (1820–1895) — русский дипломат, посланник в Тегеране (с 1863 г.), Берне (с 1869 г.), Стокгольме (с 1872 г.); товарищ министра иностранных дел (1875–1882), министр иностранных дел (1882–1895).

⁸ *Оксус и Яксарт* — реки Аму-Дарья и Сырдарья.

⁹ *Тихомиров* Лев Александрович (1852–1923) — русский публицист, в 1870-е гг. революционер-народник, с конца 1880-х гг. — монархист.

¹⁰ Энгельс имеет в виду введение в России в 1874 г. всеобщей воинской повинности взамен рекрутских наборов. Согласно введенному с 1 января 1874 г. Уставу о воинской повинности все мужское население России в возрасте от 21 до 43 лет, за исключением уроженцев Средней Азии, Казахстана и ряда народностей Сибири, Поволжья и Крайнего Севера, обязано было проходить военную службу в регулярной армии, запасе или ополчении. Призыв на военную службу производился посредством жеребьевки. Эта система должна была способствовать превращению русской армии в массовую армию нового типа, однако в условиях самодержавной России проведению в жизнь принципа всеобщей воинской повинности препятствовали сословные привилегии, многочисленные льготы, распространявшиеся лишь на имущие классы, неравные условия отбывания военной службы для различных слоев населения и т. д.

¹¹ Имеются в виду войны шестой (1813–1814) и седьмой (1815) коалиций европейских государств против наполеоновской Франции. В войне 1813–1814 гг. русские войска составляли свыше трети армии союзников (России, Австрии, Пруссии и других государств) и сыграли крупнейшую роль в освобождении Германии от наполеоновского господства, а также в разгроме наполеоновских войск на территории Франции, повлекшем за собой крушение Первой империи.

¹² *Matière à conquêtes* — объект для завоеваний (фр.).

¹³ *Карл XII* (1682–1718) — шведский король (1697–1718).

¹⁴ *Зунд, Бельт* (Большой и Малый) — проливы, соединяющие Балтийское и Северное моря.

¹⁵ Энгельс употребляет термин, ставший выражением одного из принципов внешней политики бонапартистской Второй империи (1852–1870), на основании которого государства образуются из людей, принадлежащих одной и той же нации.

¹⁶ Речь идет о Великом княжестве Литовском — феодальном государстве, образовавшемся в начале XIII в. С середины XIII по начало XV в. под власть литовских князей подпали украинские, белорусские и западнорусские земли. Осуществляя захват этих земель, литовские феодалы использовали ослабление их, вызванное татаро-монгольским нашествием, феодальной раздробленностью и усобицами, а также стремление населения к объединению для отпора монгольским завоевателям. Первая попытка объединения Польши и Литвы была сделана в 1385 г., когда оба государства заключили между собой так называемую Кревскую унию с целью главным образом совместной борьбы против возростающей агрессии со стороны Тевтонского ордена. Уния предусматривала

инкорпорацию Великого княжества Литовского в состав Польши и насильственное введение в Литве католичества. До середины XV в. уния несколько раз распадалась и возобновлялась. В 1569 г. была заключена Люблинская уния, согласно которой Польша и Литва образовали одно государство под названием Речь Посполитая; Литва сохраняла автономию.

¹⁷ *Миклошич* (Miklosish) Франтишек (1813–1891) — ученый-славист, один из основоположников сравнительной грамматики славянских языков; по происхождению словенец.

¹⁸ *Униатами* называли христиан, которые принадлежали к так называемой униатской церкви, образовавшейся в результате унии (объединения) православной и римско-католической церкви. Уния была провозглашена на церковном соборе в Бресте в 1596 г. Согласно Брестской унии православное население Речи Посполитой должно было признать своим главой римского папу и принять основные догматы католицизма, хотя и сохраняло внешнюю обрядность православной церкви.

¹⁹ Имеется в виду Священная Римская империя (с 1512 г. — Священная Римская империя германской нации) — государственное образование, существовавшее с 962 по 1806 гг. и объединявшее многие европейские территории. К середине XVII в. империя превратилась в конгломерат независимых государств.

²⁰ *Liberum veto* (букв. «свобода запрета») — действовавший в феодально-шляхетской Польше XVI–XVIII вв. принцип обязательного единогласия в сейме при решении того или иного вопроса. Согласно этому принципу любой депутат нижней палаты сейма мог воспрепятствовать принятию решения, хотя бы за него высказались все остальные депутаты. Этот принцип являлся наряду с выборностью польских королей одной из основ польской шляхетской «конституции», направленной на укрепление политических позиций польских магнатов и шляхты за счет ослабления королевской власти.

Вестфальским миром 1648 г., завершившим Тридцатилетнюю войну (1618–1648), названы два мирных договора: договор между германским императором, немецкими князьями и Швецией, заключенный в Оснабрюке, и договор между германским императором и Францией, заключенный в Мюнстере (оба эти города расположены в Вестфалии). По условиям мира, в результате сделки стран-победительниц (Швеции и Франции) с немецкими князьями, Германия лишилась значительной части своей территории. К Швеции отошла вся Западная Померания с островом Рюгеном, ряд пунктов в Восточной Померании, некоторые церковные владения и т. д. Франция получила бывшие владения Габсбургов в Эльзасе, а также подтверждение ее прав на ранее захваченные ею территории. Увеличили свои владения и некоторые немецкие княжества. Вестфальский мир закрепил политическую раздробленность Германии. Немецкие князья получили право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать союзы между собой, а также с иностранными государствами.

²¹ *Людовик XIV* (1638–1715) — французский король (1643–1715).

²² Энгельс ссылается на второй том труда немецкого экономиста и историка *Гюлиха* (Gulich) Густава (1791–1847) «Geschichtliche Darstellung des

Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit» («Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени»).

²³ Фридрих II (прозванный «великим») (1712–1786) — прусский король (1740–1786).

²⁴ Имеется в виду фальшивый документ, использовавшийся западноевропейскими политиками и публицистами для антирусской пропаганды. Версия о наличии «Завещания Петра Великого» была выдвинута на Западе еще в 1797 г. В 1812 г. содержание этого мнимого завещания было изложено в книге французского историка, публициста, дипломата Шарль-Луи Лезюра «О росте русского государства от его возникновения до начала XIX века» (*Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle*. Par M.L***. Paris, 1812), а в 1836 г. этой фальшивке была придана форма документа в изданных Фредериком Гайярэ «Мемуарах кавалера д'Эона» (*Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Еon*. Т. I–II. Paris, 1836). В XIX в. в Западной Европе было широко распространено убеждение в том, что «Завещание» является либо подлинным документом Петра I, либо составлено по поручению его преемников.

²⁵ Иосиф II (1741–1790) — соправитель императрицы Марии Терезии (1765–1780), император Священной Римской империи (1780–1790).

²⁶ Речь идет о работе немецкого экономиста, историка и публициста К. Каутского «Томас Мор и его Утопия» (*Kautsky K. Thomas More und seine Utopie. Mit einer historischen Einleitung*. Stuttgart, 1888).

²⁷ В английском тексте данный абзац опущен.

²⁸ Семилетняя война (1756–1763) — война между двумя коалициями европейских государств: англо-прусской, с одной стороны, и франко-русско-австрийской — с другой. Война была вызвана столкновением интересов Пруссии, Австрии, России, Франции и колониальным соперничеством Франции и Англии. Военные действия между противниками, помимо морских сражений, велись в Европе, а также на территории их американских и азиатских колоний. В 1756–1757 гг. войска прусского короля Фридриха II одержали ряд побед над австрийцами и французами, однако победы русских войск в Пруссии в 1757–1760 гг. свели на нет результаты прусских побед и Пруссия была близка к поражению. Неожиданное изменение внешнеполитического курса России, вследствие смерти 5 января 1762 г. (25 декабря 1761 г.) императрицы Елизаветы и восшествия на престол Петра III, заключившего мир с Пруссией, дало последней возможность закончить войну и с Австрией. Семилетняя война завершилась заключением Парижского и Губертсбургского мирных договоров. По Парижскому договору Франция вынуждена была уступить Англии свои крупнейшие колонии (Канаду, почти все французские владения в Ост-Индии и т. д.), чем было упрочено колониальное и морское могущество Англии. Губертсбургский мир восстанавливал Пруссию и Австрию в довоенных границах.

²⁹ Петр III (1728–1762) — русский император (1761–1762).

³⁰ Петербургский договор 31 марта 1764 г. — договор об оборонительном союзе между Россией и Пруссией, заключенный на 8 лет и подписанный от

имени России Н.И. Паниным и вице-канцлером А.М. Голицыным, а от имени Пруссии прусским посланником в Петербурге В. Сольмсом. Договаривающиеся стороны гарантировали друг другу неприкосновенность их территорий, военную и финансовую помощь в случае нападения на одну из сторон, а также обеспечение взаимных торговых интересов. В секретных статьях договора Россия и Пруссия брали на себя обязательство не допускать изменения польской и шведской конституций. В особой секретной статье предусматривалось обязательство Пруссии поддерживать кандидата на королевский престол в Польше, предложенного Россией. Договор отражал стремление России и Пруссии воспрепятствовать усилению влияния Австрии и Франции в Польше.

³¹ Первый раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией был осуществлен в 1772 г. Согласно конвенциям о разделе, подписанным в Петербурге 5 августа 1772 г., Австрия и Пруссия захватили часть западноукраинских и коренных польских земель: Австрия — Галицию, Пруссия — Вармию и часть Поморья, Куявии и Великой Польши. К России отошли Латгалия и часть Восточной Белоруссии.

³² *Мария Терезия* (1717–1780) — императрица Священной Римской империи (1745–1780).

³³ В английском тексте вместо слова «Просвещение» напечатано: «“Прогресс” и “просвещение”».

³⁴ *Гладстон* (Gladstone) Уильям Юарт (1809–1898) — английский государственный деятель, во второй половине XIX в. лидер либеральной партии; канцлер казначейства (министр финансов) (1852–1855 и 1859–1866) и премьер-министр (1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894).

³⁵ В английском тексте вместо слов «верили этому» напечатано: «верят этому по сей день».

³⁶ Так называемый «принцип легитимизма» (от лат. “legitimus” — «законный») был выдвинут на Венском конгрессе (1814–1815) французским представителем Талейраном. Согласно этому принципу предусматривалось восстановление в Европе «законных» династий, свергнутых в ходе Французской буржуазной революции конца XVIII в. и наполеоновских войн.

³⁷ Речь идет о войне за баварское наследство (1778–1779), которая была вызвана притязаниями германских государств на различные части Баварии в связи со смертью курфюрста Максимилиана-Иосифа, не оставившего прямых наследников, и борьбой между Австрией и Пруссией за главенствующую роль в Германии. Война закончилась заключением в мае 1779 г. Тешенского мирного договора между Австрией, с одной стороны, Пруссией и Саксонией — с другой. Согласно этому договору, Пруссия и Австрия получили некоторые части территории Баварии, а Саксония — денежную компенсацию. Баварский престол был передан курфюрсту Пфальцскому. Тешенский мир подтверждал ряд заключенных в прошлом германскими государствами мирных договоров, начиная от Вестфальского договора 1648 г., кончая Губертсбургским договором 1763 г. Выступив вначале в качестве посредника между воюющими сторонами, Россия в специальной статье договора была объявлена вместе с Францией державой-гарантом установленного договором порядка, получив фактически право вмешательства в дела германских государств.

³⁸ В английском тексте вместо слов «о получении прав члена Германской империи» напечатано: «о вхождении в состав Германской империи путем приобретения какого-нибудь небольшого немецкого княжества».

³⁹ Энгельс имеет в виду успешные для России войны с Турцией 1768–1774 и 1787–1792 гг.

⁴⁰ В Декларации относительно вооруженного нейтралитета, обнародованной Екатериной II 11 марта 1780 г., провозглашалось право нейтральных судов в море защищать себя оружием от нападения воюющих государств, право нейтральных государств свободно торговать с воюющими державами, принцип неприкосновенности неприятельской собственности, находящейся под нейтральным флагом, признание блокады только в том случае, если вход в блокируемый порт фактически закрыт военно-морскими силами. Эта декларация, направленная против Англии в период ее войны против восставших североамериканских колоний (1775–1783), легла в основу конвенции, заключенной между Россией и рядом государств. К декларации в 1780–1783 гг. присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий. Эти принципы вооруженного нейтралитета были впоследствии положены в основу Декларации о принципах морского международного права, подписанной представителями Австрии, Франции, Англии, Пруссии, России, Сардинии и Турции 16 апреля 1856 г. Декларация была приложена к Парижскому мирному договору, подписанному 30 марта 1856 г. участниками Крымской войны 1853–1856 гг.

⁴¹ Фридрих-Вильгельм II (1744–1797) — прусский король (1786–1797) и Леопольд II (1747–1792) — австрийский государь и император Священной Римской империи (1790–1792) в 1790 г. заключили Рейхенбахскую конвенцию, в 1791 г. подписали Пильницкую декларацию, а в феврале 1792 г. заключили оборонительный союз, направленный против революционной Франции. 4 августа 1791 Леопольдом II был подписан сепаратный Систовский мир, по которому Австрия уступала туркам все завоеванные территории. Договор завершил австро-турецкую войну 1787–1791 гг. и Осmano-габсбургские войны в целом.

⁴² Имеются в виду второй и третий разделы Польши в 1793 и 1795 гг. По второму разделу Польши к России отошли часть Белоруссии и Правобережная Украина; Пруссия захватила Гданьск, Торунь и часть Великой Польши; Австрия во втором разделе не участвовала. По третьему разделу Польши к России отошли Литва, Курляндия, западные районы Белоруссии и часть Волыни. Австрия захватила часть Малой Польши с Люблином и Краковом. Основная часть коренных польских земель с Варшавой была захвачена Пруссией. В результате третьего раздела Речь Посполитая прекратила свое существование как самостоятельное государство.

⁴³ Речь идет о коалиции государств Европы против революционной Франции, которая началась военным союзом между Пруссией и Австрией. В 1793 г., после провозглашения 10 августа 1792 г. во Франции республики и казни в январе 1793 г. короля Людовика XVI, к антифранцузской коалиции открыто присоединились Англия, Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния и ряд мелких

германских и итальянских государств. Война Франции с участниками этой (первой) коалиции продолжалась до 1797 г.

⁴⁴ Во Фридрихсгаме (Финляндия) летом 1783 г. по инициативе шведского короля Густава III состоялась его встреча с Екатериной II. Поездка во Фридрихсгам была предпринята Густавом с целью выяснения намерений Екатерины II относительно Турции и Крыма, а также ее отношения к планам захвата Швецией Норвегии. Со своей стороны Екатерина II добивалась в то время сближения со Швецией в связи с подготовкой России к войне с Турцией.

⁴⁵ *Райя* — букв. «подданные» (тур.), в Европе так называли немусульманское население Османской империи.

⁴⁶ *Филистер* — ограниченный человек с узкими взглядами, самодовольный мещанин, невежественный обыватель.

⁴⁷ *Наполеон I* Бонапарт (1769–1821) — французский император (1804–1814 и 1815).

⁴⁸ *Павел I* (1754–1801) — русский император (1796–1801).

⁴⁹ Павел I был задушен шарфом в ночь на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке в собственной опочивальне в результате заговора, вдохновителями которого были Н.П. Панин и П.А. Пален, а группу непосредственных исполнителей («пьяных гвардейцев») возглавляли Н.А. Зубов и Л.Л. Беннингсен. Участие в заговоре цесаревича Александра Павловича не доказано.

⁵⁰ *Люневильский мирный договор* был заключен между Австрией и Францией 9 февраля 1801 г. в результате поражения второй антифранцузской коалиции европейских государств. Согласно условиям мира Австрия уступила Франции значительные территории в Германии и Италии, а также признала зависимые от Франции республики в Голландии, Швейцарии и Северной Италии.

⁵¹ *Решением имперской делегации* (комиссии из представителей государств Германской империи, избранной имперским сеймом в октябре 1801 г.) от 25 февраля 1803 г. было ликвидировано большое количество мелких государств Западной Германии. Территории этих государств были присоединены к более крупным германским государствам в качестве компенсации за земли на левом берегу Рейна, отошедшие по Люневильскому договору к Франции. В результате было упразднено 112 германских государств (почти все духовные владения и имперские города) с общим населением в 3 млн человек; их владения в значительной части были переданы целиком зависевшим от наполеоновской Франции Баварии, Вюртембергу и Бадену, а также Пруссии. Решение имперской делегации было лишь официальным оформлением положений заключенной в октябре 1801 г. между Францией и Россией секретной конвенции, предусматривавшей урегулирование территориальных вопросов в прирейнской Германии в интересах наполеоновской Франции.

⁵² *Сражение при Аустерлице* (Моравия) 2 декабря (20 ноября) 1805 г. между русско-австрийскими и французскими войсками закончилось победой Наполеона I. После этого поражения Австрия вышла из третьей коалиции и заключила с Наполеоном Пресбургский мир. Россия и Англия продолжили борьбу, образовав в 1806 г. новую, четвертую, коалицию против наполеоновской Франции.

Рейнский союз — объединение государств Южной и Западной Германии, основанное под протекторатом Наполеона I в июле 1806 г. Создание такого военно-политического оплота в Германии удалось Наполеону в результате разгрома Австрии в 1805 г. После образования Рейнского союза средневековая Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование. В состав Рейнского союза первоначально вошло 16 (Бавария, Вюртемберг, Баден и др.), а затем еще 5 государств (Саксония, Вестфалия и др.), которые стали фактически вассалами наполеоновской Франции. Войска этих государств участвовали в завоевательных походах Наполеона, в том числе в походе 1812 г. в Россию. Союз распался в 1813 г. в результате поражения наполеоновской армии.

⁵³ Перечисляется ряд сражений 1806–1807 гг. в войне четвертой коалиции (Англии, России, Пруссии, заключившей в июле 1806 г. тайный союз с Россией о борьбе с Наполеоном, и Швеции) против наполеоновской Франции: Сражение при *Йене* (Тюрингия) между прусскими и французскими войсками произошло 14 октября 1806 г. и закончилось разгромом прусской армии. В сражении у *Прейсиш-Эйлау* (Восточная Пруссия) 7–8 февраля 1807 г. между французскими и русскими войсками Наполеон, несмотря на огромные потери французских войск, не смог добиться решающего успеха.

Сражение при *Фридланде* (Восточная Пруссия) 14 июня 1807 г. между французскими и русскими войсками закончилось победой наполеоновской армии. *Тильзитский мир* — мирные договоры, заключенные 7 и 9 июля 1807 г. между наполеоновской Францией и участниками четвертой антифранцузской коалиции, Россией и Пруссией, потерпевшими поражение в войне. Условия мира были крайне тяжелыми для Пруссии, которая лишилась значительной части своей территории (в том числе всех владений на запад от Эльбы). Россия не понесла никаких территориальных потерь и даже приобрела Белостокский округ, отошедший к ней от Пруссии (позднее, после победы Наполеона над Австрией в войне 1809 г., к России был присоединен Тарнопольский округ в Восточной Галиции). Однако Александр I должен был признать французские завоевания в Германии и произведенные там Наполеоном территориальные изменения, а также согласиться на образование герцогства Варшавского, явившегося французским плацдармом у границ России, и присоединиться к блокаде Англии (так называемой континентальной блокаде). Между Россией и наполеоновской Францией был заключен оборонительный и наступательный союз, направленный против Англии. За это Наполеон обещал предоставить России свободу действия в отношении Турции и Швеции.

⁵⁴ Имеется в виду поход русской армии под командованием М.Б. Барклая-де-Толли через Ботнический залив зимой 1809 г. во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. Вступление русских войск на территорию Швеции ускорило осуществление заговора шведских аристократов против короля Густава IV с целью ограничения королевской власти в интересах аристократической олигархии. В марте 1809 г. Густав IV был низложен, и королем под именем Карла XIII вскоре был объявлен его дядя герцог Зюдерманландский. В сентябре того же года Швеция вынуждена была заключить с Россией Фридрихсгамский мир, уступив ей Финляндию.

⁵⁵ В Або (Турку) в августе 1812 г. состоялась встреча Александра I и наследника шведского престола Карла-Йоанна (Бернадота). Результатом встречи явилась конвенция, подписанная Россией и Швецией 30 (18) августа 1812 г. и фактически оформившая военный союз между ними против наполеоновской Франции. Конвенция содержала также обязательство России оказать военную помощь Швеции против Дании в случае отказа последней уступить шведскому королю Норвегию. В свою очередь Швеция обязывалась поддерживать территориальные притязания царского правительства, в частности на территорию подвластного Наполеону герцогства Варшавского.

⁵⁶ Имеется в виду свидание Наполеона I с Александром I, состоявшееся в Эрфурте 27 сентября — 14 октября 1808 г. Наполеон, обеспокоенный ростом национально-освободительного движения в покоренных им странах, в частности в Испании, и опасаясь выступления против него Австрии, рассчитывал добиться помощи со стороны Александра I на случай войны с Австрией, пообещав в свою очередь Александру I поддержку притязаний России на Молдавию и Валахию. Хотя переговоры закончились подписанием секретной конвенции, предусматривавшей формально возобновление заключенного в 1807 г. в Тильзите франко-русского союза, тем не менее Александр отказался от активной поддержки Наполеона в его борьбе с Австрией. Во время франко-австрийской войны 1809 г. Россия ограничилась оккупацией Галиции, но никаких военных действий против Австрии не предпринимала.

⁵⁷ Русско-турецкая война началась в 1806 г. и продолжалась (с перерывом в 1807–1809 гг.) до 1812 г. Она явилась результатом обострения русско-турецких отношений, которому способствовали происки наполеоновской дипломатии. В ходе войны русские войска нанесли турецкой армии ряд тяжелых поражений на европейском и кавказском театрах войны. Война завершилась Бухарестским мирным договором, подписанным 28 мая 1812 г. Согласно договору Россия получила Бессарабию до реки Прут и право торгового судоходства по Дунаю, а также ряд областей Закавказья. Договор подтверждал прежние соглашения между Россией и Турцией относительно признания за Молдавией и Валахией ряда автономных прав. Победа России в войне объективно способствовала освобождению пародов Балканского полуострова от турецкого владычества. Успешные действия русских войск на Балканах оказали существенную поддержку народному восстанию в Сербии 1804–1813 гг., в ходе которого сербы, добившись изгнания турецких завоевателей, создали в 1805–1811 гг. свое государственное управление. По Бухарестскому договору 1812 г. Турция должна была предоставить Сербии автономию в делах внутреннего управления. Однако, воспользовавшись вторжением наполеоновской армии в Россию, султан, в нарушение договора, организовал в 1813 г. карательный поход в Сербию и на время восстановил там свое господство. В результате нового победоносного восстания сербов в 1815 г., а также дипломатической помощи России турецкое иго было свергнуто, и после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Турция специальным фирманом султана 1830 г. вынуждена была признать автономию (фактическую независимость) Сербии.

⁵⁸ *Континентальная система*, или континентальная блокада, объявленная Наполеоном в 1806 г., запрещала странам европейского континента вести

торговлю с Англией. Присоединение России к континентальной системе было обусловлено Тильзитским договором 1807 г.

⁵⁹ Пушкин А.С. «Евгений Онегин», глава первая, строфа VII. (В оригинале прозаический немецкий перевод Энгельса: «*wie ein Staat reich wird und wie er kein Geld braucht, wenn er nur Ueberflus an Produkten hat... sein Vater das nicht begreifen konnte und ein Landgut nach dem andern vorhypothekiren muste*».)

⁶⁰ Фридрих-Вильгельм III (1770–1840) — прусский король (1797–1840).

⁶¹ Сражение при Лейпциге 16–19 октября 1813 г. — генеральное сражение между войсками участников шестой антифранцузской коалиции европейских держав (России, Австрии, Пруссии, Швеции) и наполеоновской Франции. Победа союзных войск в этом сражении, вошедшем в историю как «Битвы народов», решила исход кампании в пользу союзников, привела к распаду Рейнского союза и освобождению Германии от наполеоновского господства.

⁶² Решением Венского конгресса европейских монархов и их министров, заседавшего с перерывами в 1814–1815 гг. после разгрома наполеоновской Франции, карта Европы была перекроена в целях реставрации легитимных монархий, вопреки интересам национального объединения и независимости народов Польша была вновь поделена между Австрией, Пруссией и Россией. При этом большая часть созданного Наполеоном I в 1807 г. по Тильзитскому миру герцогства Варшавского перешла к России под названием Царства Польского.

⁶³ Речь идет о восстановлении династии Бурбонов в Испании в 1814 г.

Веллингтон (Wellington) Артур Уэлсли, герцог (1769–1852) — английский полководец и государственный деятель; в 1808–1814 и 1815 гг. командовал войсками в войнах против наполеоновской Франции; начальник артиллерийского управления (1818–1827), главнокомандующий английской армией (1827–1828, 1842–1852), премьер-министр (1828–1830), министр иностранных дел (1834–1835).

⁶⁴ Конгрессовая Польша — так называли часть Польши, которая под официальным названием Царство Польское отошла к России по решениям Венского конгресса 1814–1815 гг.

⁶⁵ Священный союз — объединение европейских монархов, основанное в 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией для подавления революционных движений в отдельных странах и сохранения там правящих режимов.

⁶⁶ В английском тексте вместо выражения «буржуазной предпринимательской деятельности» напечатано: «прибыльной торговли».

⁶⁷ Энгельс имеет в виду греческое восстание, начавшееся весной 1821 г. и вскоре принявшее массовый характер. В январе 1822 г. Национальное собрание, созванное в Эпидавре, провозгласило независимость Греции и приняло конституцию. Турецкий султан, будучи не в состоянии справиться своими силами с восставшими греками, призвал на помощь своего вассала, правителя Египта Мухаммеда-Али, войска которого в 1825 г. вторглись в Морею (Пелопоннес), учиня повсюду зверскую расправу над греческим населением. В начале восстания отношение к нему держав Священного союза, в частности России, было резко отрицательным. Однако огромное сочувствие, которое вызвала повсюду борьба греков, а главное возможность использовать эту борьбу для упрочения

своего влияния на юге Балканского полуострова побудили Англию, Россию и Францию признать Грецию воюющей стороной и оказать ей военную помощь. Решающее значение для завоевания Грецией независимости имела победа России в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в результате которой Турция вынуждена была признать Грецию самостоятельным государством.

⁶⁸ Речь идет о революциях в Испании (1820–1823), в Неаполитанском королевстве (1820–1821) и в Пьемонте (1821). Революционное движение в этих странах было подавлено в результате вмешательства Священного союза, направившего французские войска в Испанию и австрийские в Италию.

⁶⁹ В английском тексте вместо слов «сеять раздоры во владениях своих легитимных союзников» напечатано: «возбуждать недовольство и раздоры среди подданных своих легитимных союзников».

⁷⁰ Перечисленные конгрессы Священного союза происходили в Ахене в 1818 г., в Троттау (Опава) в 1820 г., в Лайбахе (Люблина) в 1821 г. и в Вероне в 1822 г. Решения всех этих конгрессов были направлены на подавление революций и национально-освободительных движений в европейских странах.

⁷¹ В английском тексте после слова «легитимизм» добавлено: «и сохранение status quo».

⁷² В английском тексте слова «и просвещение» опущены.

⁷³ Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене, виконт де (1768–1848) — известный французский писатель, государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1822–1824), представитель Франции на Веронском конгрессе (1822).

⁷⁴ Карл X (1757–1836) — французский король (1824–1830).

⁷⁵ В английском тексте в этой фразе вместо слов «"человеколюбивая" политика царя» напечатано: «мир взирал с недоверием или в лучшем случае с равнодушием на "человеколюбивую" политику царя», а слова «не достигала желаемых успехов» опущены.

⁷⁶ По-видимому, Энгельс цитирует «Собрание документов о России, большей частью секретных и неопубликованных, с которыми полезно ознакомиться в связи с современным кризисом» ("Recueil des documents relatifs à la Russie pour la plupart secrets et inédits, utiles à consulter dans la crise actuelle". Paris, 1854. P. 52–53).

⁷⁷ Grec du Bas-Empire — грек времен Восточной Римской империи, византиец (фр.).

⁷⁸ Император Александр I скоропостижно скончался 19 ноября 1825 г. в возрасте 47 лет в Таганроге, в доме П.А. Папкова, по официальной версии от «горячки с воспалением мозга», т. е. брюшного тифа.

⁷⁹ Николай I (1796–1855) — русский император (1825–1855).

⁸⁰ В английском тексте вместо слов «посредственный человек с кругозором взводного командира» напечатано: «самодовольный, посредственный человек, чей кругозор никогда не превосходил кругозора офицера ротного масштаба, человек, который жестокость ошибочно принимал за проявление энергии, а прихоть и упрямство за выражение силы».

⁸¹ Битва при Наварине (современный Пилос — город и порт в Греции) произошла 20 октября 1827 г. между турецко-египетским флотом и соеди-

ненными английской, французской и русской эскадрами под командованием английского адмирала Э. Кодрингтона, направленными европейскими державами в греческие воды с целью вооруженного посредничества в войне между Турцией и греческими повстанцами. Сражение, начавшееся после отказа турецкого командования прекратить расправу с греческим населением, привело к полному разгрому турецко-египетского флота и ускорило начало успешной для России Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

⁸² *Дибич* Иван Иванович, граф (1785–1831) — русский генерал-фельдмаршал, главнокомандующий в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.; главнокомандующий армией, подавлявшей польское восстание 1830–1831 гг.

⁸³ *Мольтке* (Moltke) Хельмут Карл Бернхард (1800–1891) — прусский генерал, с 1871 г. генерал-фельдмаршал, военный деятель и писатель; в 1835–1839 гг. служил в турецкой армии; начальник прусского (1857–1871) и имперского (1871–1888) Генерального штаба.

⁸⁴ *Moltke. Der russisch-turkische Feldzug in der europaischen Türkei 1828 und 1829. Berlin, 1845. S. 390 (Мольтке. Русско-турецкая кампания в европейской Турции в 1828 и 1829 годах. Берлин, 1845. С. 390).*

⁸⁵ Имеется в виду Адрианопольский мирный договор, заключенный в сентябре 1829 г. между Турцией и Россией в результате успешной для последней войны 1828–1829 гг. По договору к России переходили устья Дуная с островами и значительная часть восточного побережья Черного моря к югу от устья Кубани. Турция должна была признать автономию Молдавии и Валахии, предоставив им право самостоятельного избрания господарей. Гарантия этой автономии возлагалась на Россию, что было равносильно установлению протектората царя над княжествами. Правительство Турции обязывалось также признать Грецию самостоятельным государством, связанным с Турцией лишь уплатой ежегодной дани султану, и соблюдать все предыдущие договоры в отношении автономии Сербии, узаконив эту автономию специальным фирманом.

⁸⁶ В английском тексте после слов "*karczma zajezdna*" напечатано: «(трактира)».

⁸⁷ Июльская буржуазная революция 1830 г. во Франции.

⁸⁸ Речь идет о Польском восстании 1830–1831 гг.

⁸⁹ *Ункяр-Искелесийский договор* между Россией и Турцией был заключен 8 июля 1833 г. Подписанию договора предшествовала высадка в районе Босфора, в местности Ункяр-Искелеси, русских десантных частей, которые были направлены в Турцию с целью оказания помощи султану против угрожавшей турецкой столице армии Ибрагима-паши, сына восставшего против султана правителя Египта Мухаммеда-Али. В мае 1833 г. Порта, при посредничестве Англии и Франции заключила с Мухаммедом-Али мир, уступив ему Сирию и Палестину. Несмотря на то что непосредственная опасность для султана миновала, царская дипломатия сумела использовать напряженность обстановки и пребывание русских войск в Турции для того, чтобы побудить Порту заключить оборонительный союз с Россией, и добилась включения в Ункяр-Искелесийский договор, оформивший этот союз, секретной статьи, по которой Турция обязывалась по требованию России не пропускать через проливы иностранные военные суда. Вторая статья подтверждала Адрианопольский

договор и другие русско-турецкие соглашения. Срок действия договора устанавливался в восемь лет.

⁹⁰ *Пальмерстон* (Palmerston) Генри Джон *Темпл*, виконт (1784–1865) — английский государственный деятель, министр иностранных дел (1830–1834, 1835–1841 и 1846–1851), министр внутренних дел (1852–1855) и премьер-министр (1855–1858 и 1859–1865).

⁹¹ Имеется в виду обострение восточного вопроса в связи с новой турецко-египетской войной (1839–1841) и усилением противоречий между Англией и Францией, которая втайне поддерживала правителя Египта Мухаммеда-Али. Опасаясь одностороннего вмешательства в конфликт России на стороне султана, Англия настояла на коллективном обращении западных держав к Порте с предложением военной помощи. 15 июля 1840 г. Англия, Россия, Пруссия, Австрия и Турция без участия Франции подписали в Лондоне конвенцию об оказании помощи турецкому султану. Возникла угроза войны между Францией и коалицией европейских держав, однако Франция не решилась на такую войну и отказалась от поддержки Мухаммеда-Али. В результате военного вмешательства Англии и Австрии последний должен был отказаться от своих владений за пределами Египта и подчиниться верховной власти султана.

⁹² В английском тексте вместо слов «эксплуатации крестьян» напечатано: «размещения своих солдат на постой среди крестьян».

⁹³ *“Reglement organique”* («Органический регламент») — первая конституция Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), введенная в 1831 г. П.Д. Киселевым, главой русской администрации в этих княжествах, которые были оккупированы русскими войсками после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Согласно Органическому регламенту законодательная власть в каждом княжестве предоставлялась собранию, избираемому крупными землевладельцами, а исполнительная власть — государям, пожизненно избираемым представителями землевладельцев, духовенства и городов.

⁹⁴ В английском тексте вместо слов, напечатанных в скобках, дано следующее подстрочное примечание:

«Кодекс для сельского населения, отдававший в распоряжение бояр — местной земельной аристократии — большую часть рабочего времени крестьянина, да к тому же без всякого вознаграждения. Подробнее см. Карл Маркс, “Капитал”, гл. X, стр. 218–222 английского издания».

В первом английском издании первого тома «Капитала» (Лондон, 1887 г.), на которое здесь ссылается Энгельс, деление на главы не совпадает с делением на главы в немецких изданиях.

⁹⁵ В английском тексте эта фраза дана в следующей редакции: «Весь механизм русской дипломатии и все интриги, которые она плела в 1825–1830 гг., были раскрыты».

⁹⁶ *Замойский* (Zamojski) Владислав, граф (1803–1868) — польский магнат, дипломат, участник восстания 1830–1831 гг., после подавления восстания один из руководителей консервативного крыла аристократической польской эмиграции в Париже, полковник войск польских, генерал-дивизии турецких войск, британский генерал.

⁹⁷ *Вильгельм IV* (1765–1837) — английский король (1830–1837).

⁹⁸ *“Portfolio”* — сокращенное название собрания дипломатических документов и материалов, издававшегося Д. Уркхартом в Лондоне. Серия *“The Portfolio: or a Collection of State Papers”* («Портфель, или Собрание государственных документов») выходила в 1835–1837 гг.; новая серия выходила в 1843–1845 гг. под названием *“The Portfolio. Diplomatic Review”* («Портфель. Дипломатическое обозрение»).

⁹⁹ *Меттерних* (Metternich) Клеменс, князь (1773–1859) — австрийский государственный деятель и дипломат; министр иностранных дел (1809–1821) и канцлер (1821–1848), один из организаторов Священного союза.

¹⁰⁰ *Фридрих-Вильгельм IV* (1795–1861) — прусский король (1840–1861).

¹⁰¹ Речь идет о демократических революциях 1848 г. в Молдавии и Валахии, подавленных объединенными силами внутренней реакции и вооруженной интервенции султанской Турции и России.

¹⁰² Речь идет о революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи, начавшейся успешным венским восстанием 13–15 марта 1848 г., которое стимулировало революционные события в других частях империи — Венгрии, Италии, а также в Чехии, Словакии, Галиции, Трансильвании, Хорватии, Воеводине, Истрии и Далмации. Помимо глубокого кризиса политической системы поводом к революции послужили межэтнические противоречия в многонациональном государстве, стремление народов империи к культурно-политической автономии.

¹⁰³ Попытка австрийских войск подавить революции в Венгрии, начавшуюся в марте 1848 г., потерпела неудачу. 2 апреля 1849 г. венгерские повстанцы низложили австрийскую династию Габсбургов и провозгласили независимость. Австрийский император Франц-Иосиф обратился за помощью к российскому императору, после чего к австрийской границе были отправлены четыре пехотных корпуса русской армии (175 тыс. человек). В апреле русские войска вошли в Галицию, возобновили военные действия в Трансильвании, а 10-тысячная дивизия генерала Ф.С. Панютинна направилась к Вене, чтобы не дать венгерским войскам захватить австрийскую столицу. В июне 1849 г. с севера, с территории Царства Польского, начали поход в Венгрию главные силы русских войск (150 тыс. человек) под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. 300-тысячному русско-австрийскому войску противостояла 150-тысячная армия венгерских повстанцев (включавшая отдельный польский легион), которая к августу 1849 г. была разбита на всех фронтах и капитулировала.

¹⁰⁴ Имеются в виду переговоры представителей Пруссии и Австрии, происходившие в октябре 1850 г. в Варшаве при посредничестве Николая I с целью урегулирования отношений между обеими странами, борьба которых за гегемонию в Германии обострилась после революции 1848–1849 гг. Австрия стремилась к восстановлению Германского союза — объединения германских государств, созданного Венским конгрессом и фактически распавшегося в период революции, Пруссия надеялась закрепить свое главенство путем образования союза германских государств под своей эгидой. Император Николай I, не желавший усиления Пруссии и стремившийся к сохранению феодальной раздробленности Германии, выступил в Варшаве в роли арбитра в споре между Австрией и Пруссией и дал понять, что решительно поддерживает Австрию.

¹⁰⁵ Энгельс имеет в виду Лондонский договор о целостности Датской монархии, который был подписан 8 мая 1852 г. Россией, Австрией, Англией, Францией, Пруссией и Швецией совместно с представителями Дании. В основу этого документа был положен протокол, подписанный представителями упомянутых государств 4 июля 1850 г. в Лондоне. Этот протокол устанавливал принцип неразделенности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн, создавая тем самым преграду стремлениям немецкого населения этих герцогств к отделению от Дании и объединению с Германией. Договор 1852 г., хотя и признавал за герцогствами право на самоуправление, сохранял, однако, над ними верховную власть датского короля. Преемником бездетного датского короля Фредерика VII был признан Кристиан Глюксбургский (впоследствии король Кристиан IX).

¹⁰⁶ *d'étonner le monde par la grandeur de son ingratitude* — удивить мир величиной своей неблагодарности (*фр.*). Выражение, приписываемое Шварценбергу (Schwarzenberg) Феликсу (1800–1852) — австрийскому государственному деятелю и дипломату, в связи с враждебным России поворотом в австрийской политике.

¹⁰⁷ В английском тексте эта фраза дана в следующей редакции: «Такая война сделала бы невозможным нейтралитет Пруссии».

¹⁰⁸ *Луи Наполеон* — Наполеон III.

¹⁰⁹ Император Николай I скончался от отека легких 18 февраля 1855 г. в разгар Крымской войны. Версия о самоубийстве императора, «не выдержавшего позора» Крымской войны, получила широкое распространение в кругах либеральной «прогрессивной общественности».

¹¹⁰ Преемником Николая I стал Александр II (1818–1881) — русский император (1855–1881).

¹¹¹ Речь идет о Парижском мирном договоре, заключенном 30 марта 1856 г. по окончании Крымской войны 1853–1856 гг. между Францией, Англией, Австрией, Сардинией, Пруссией и Турцией, с одной стороны, и Россией — с другой. Россия, потерпевшая поражение в войне, должна была уступить устье Дуная и часть Южной Бессарабии, отказаться от протектората над Дунайскими княжествами и от покровительства христианским подданным Турции, согласиться на нейтрализацию Черного моря, означавшую закрытие проливов для прохода иностранных военных судов и запрещение России и Турции иметь на Черном море военно-морские арсеналы и военный флот; в обмен на Севастополь и другие города, захваченные союзниками в Крыму, Россия возвращала Турции Карс. Во время переговоров на Парижском конгрессе Англии и Австрии не удалось в полной мере осуществить свои агрессивные замыслы в отношении России. На исход переговоров повлияла героическая оборона Севастополя, поражения турецкой армии на кавказском театре войны, неудачи союзников в Балтийском море, а также умелое использование русской дипломатией англо-французских противоречий.

¹¹² *La Russie ne boude pas, elle se recueille* — Россия не сердится, она сосредоточивается (*фр.*) Выражение из циркулярной депеши А.М. Горчакова от 21 августа 1856 г. русским дипломатическим представителям за границей, в

которой он определял направление внешней политики России в связи со своим вступлением в 1856 г. на пост министра иностранных дел.

¹¹³ В оригинале русское слово, написанное готическими буквами; в английском тексте это слово написано латинскими буквами со следующим подстрочным примечанием: «Самоуправляющаяся коммуна русских крестьян».

¹¹⁴ Орлов Алексей Федорович, граф, после 1856 г. князь (1786–1861) — русский военный и государственный деятель, дипломат; заключил Адрианопольский (1829) и Ункяр-Искелесийский (1833) договоры с Турцией, возглавлял русскую делегацию на Парижском конгрессе (1856).

¹¹⁵ В английском тексте конец этой фразы дан в следующей редакции: «Орлов был центральной фигурой и играл руководящую роль».

¹¹⁶ Энгельс имеет в виду приложенную к Парижскому мирному договору Декларацию о принципах морского международного права. Наметившееся на Парижском конгрессе сближение между бонапартистской Францией и Россией привело к заключению 3 марта 1859 г. по инициативе Наполеона III франко-русского секретного соглашения. Александр II обязался оказывать Наполеону III дипломатическую помощь в его подготовке военного разгрома Австрии, а в случае войны придвинуть к австрийской границе русские войска, чтобы сковать часть австрийской армии на востоке. В свою очередь Наполеон, действуя в духе соглашения, продолжал поддерживать политику России на Балканском полуострове.

¹¹⁷ Мадзини (Mazzini) Джузеппе (1805–1872) — итальянский революционер, один из вождей национально-освободительного движения в Италии.

¹¹⁸ В 1859 г., заручившись поддержкой Александра II, Наполеон III развязал войну Франции и Пьемонта (Сардинского королевства) против Австрии. При этом он стремился под флагом «освобождения» Италии захватить новые территории и укрепить бонапартистский режим во Франции посредством успешной «локальной» военной кампании. Подлинные намерения Наполеона III были разоблачены в то время Дж. Мадзини в его манифесте «Война». После поражений австрийской армии при Мадженте и Сольферино Наполеон III, напуганный развивавшимся национально-освободительным движением в Италии и не желая содействовать ее объединению, сепаратно заключил с Австрией Виллафранкский прелиминарный мирный договор 11 июля 1859 г. В результате войны Франция получила Савойю и Ниццу, Ломбардия была присоединена к Пьемонту. Однако уже в 1860 г. в Италии развернулась широкомасштабная борьба за объединение страны. В результате героических военных действий волонтеров Гарибальди, поддержанных народными массами, в Сицилии и Неаполе была свергнута династия Бурбонов, и юг Италии был объединен с Пьемонтом в единое Итальянское королевство. Венецианская область продолжала до 1866 г. оставаться под властью австрийцев. Окончательное объединение Италии было завершено занятием Рима и Папской области итальянскими войсками в 1870 г.

¹¹⁹ Бисмарк (Bismarck) Отто, князь (1815–1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии; посол в Петербурге (1859–1862) и в Париже (1862); министр-президент Пруссии (1862–1872 и 1873–1890);

канцлер Северогерманского союза (1867–1871) и Германской империи (1871–1890).

¹²⁰ Во время Польского восстания 1863–1864 гг. прусское правительство Бисмарка, стремясь воспрепятствовать распространению восстания на захваченные Пруссией польские земли, а также желая заручиться поддержкой России в деле объединения Германии под гегемонией Пруссии, предложило царскому правительству военную помощь для подавления восстания. В феврале 1863 г. по инициативе Бисмарка была заключена конвенция между Россией и Пруссией о совместных действиях против восставших.

¹²¹ В 1864 г. в результате войны Австрии и Пруссии против Дании, закончившейся поражением Дании, герцогства Шлезвиг и Гольштейн были объявлены совместным владением Австрии и Пруссии, а после австро-прусской войны 1866 г. были присоединены к Пруссии.

¹²² В оригинале русское выражение, написанное готическими буквами; в английском тексте оно написано латинскими буквами со следующим подстрочным примечанием: «Молодец дядя {Uncle's a brick} — обычное восклицание Александра II при получении им телеграмм от Вильгельма, извещавших о победах».

¹²³ К. Маркс. «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне».

¹²⁴ В английском тексте вместо изложения содержания воззвания далее до конца абзаца приводится соответствующая выдержка из него, начиная со слов: «Точно так же, как в 1865 г. Луи Бонапарт обменялся обещаниями с Бисмарком» до слов: «к войне против объединенных славянской и романской рас».

¹²⁵ Эльзас и восточная часть Лотарингии были уступлены Францией Германской империи, провозглашенной 18 января 1871 г., по прелиминарному мирному договору, заключенному 26 февраля 1871 г. в Версале в результате поражения Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Условия этого договора были окончательно подтверждены мирным договором, подписанным 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне.

¹²⁶ Сан-Стефанский прелиминарный (предварительный) мирный договор между Россией и Турцией был заключен 3 марта 1878 г. в Сан-Стефано (близ Константинополя) в результате окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Этот договор означал усиление влияния России на Балканах и вызвал резкий протест со стороны Англии и Австро-Венгрии при негласной поддержке Германии. Под давлением дипломатических и военных угроз русское правительство было вынуждено передать договор для пересмотра международному конгрессу, который состоялся в Берлине с 13 июня по 13 июля 1878 г.; на конгрессе присутствовали представители России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании, Италии и Турции; в результате работы конгресса был заключен Берлинский трактат, согласно которому условия Сан-Стефанского договора были резко изменены в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова. Территория самоуправляющейся Болгарии, предусмотренная Сан-Стефанским договором, была урезана более чем вдвое; из болгарских областей к югу от Балкан была образована автономная провинция «Восточная Румелия», оставшаяся под властью султана; значи-

тельно урезана была территория Черногории. Берлинский трактат подтвердил предусмотренное Сан-Стефанским договором возвращение России части Бессарабии, отторгнутой от нее в 1856 г., и в то же время санкционировал оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Накануне конгресса Англия захватила Кипр. Решения Берлинского конгресса способствовали созданию на Балканах очага новых международных противоречий, чреватого новыми войнами.

¹²⁷ Энгельс имеет в виду четырехугольник крепостей на территории Болгарии: Сиаистрия, Руцук, Шумла и Варна. В этом районе в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были сосредоточены главные силы турецкой армии.

¹²⁸ В английском тексте вместо слов «по мнению русских, и совершенно правильному мнению» напечатано: «и это очень хорошо знала русская дипломатия».

¹²⁹ «Ключом от нашего дома» (слова Александра I, сказанные в беседе с французским послом Коленкуртом в 1808 г.).

¹³⁰ В английском тексте к этому месту дано следующее подстрочное примечание: «Отсутствие тех военных прав на море, на которые Англия так долго претендовала и от которых она в конце концов отказалась согласно Парижской декларации 1856 г., Англия могла бы не почувствовать в обыкновенной войне с одной или двумя континентальными державами. Эти последние, даже будучи блокированы с моря, всегда могли бы в наш век железных дорог везти любое количество нужных им товаров по суше из граничащих с ними нейтральных стран; именно в этом состояла главная услуга, оказанная Пруссией России во время Крымской войны. Но в той европейской войне, которая нам теперь угрожает, весь европейский континент раскололся бы на враждебные группировки; соблюдение нейтралитета стало бы в конце концов невозможным; международная сухопутная торговля была бы почти, если не вовсе, прекращена. При таких обстоятельствах Англия могла бы пожалеть об отказе от своих военных прав на море. Но, с другой стороны, в такой войне проявилось бы в полной мере превосходство Англии на море, а больше, собственно, ничего и не требуется».

¹³¹ В английском тексте далее добавлен следующий абзац: «Санкт-петербургские дипломаты отдавали себе отчет, насколько важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г., завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г., стало неотложной задачей. В 1865 г. русские заняли Ташкент, создав, таким образом, опорный пункт на Яксарте; в 1868 г. был присоединен Самарканд, в 1875 г. — Коканд, а Бухарское и Хивинское ханства поставлены в вассальную зависимость от России. Затем началось медленное наступление на Мерв из юго-восточного района Каспийского моря; в 1881 г. был взят Геок-Тепе, первый важный форпост в пустыне; в 1884 г. сдался Мерв, и теперь Закаспийская железная дорога восполнила разрыв в русской линии коммуникаций, соединив Михайловское на Каспийском море с Чарджуем на Оксусе. Нынешняя позиция русских в Туркестане далеко еще не обеспечивает им надежной и достаточной базы для нападения на Индию. Но она во всяком

случае создает очень серьезную угрозу для вторжения в будущем и вызывает постоянные волнения среди местного населения. Пока английское владычество в Индии не имело вероятных соперников, до тех пор даже восстание 1857 г. и его жестокое подавление можно было рассматривать как события, укрепляющие в конечном счете владычество англичан. Но когда в Туркестане утверждается первоклассная европейская военная держава, превращающаяся силой или путем уговоров в своих вассалов Персию и Афганистан и продвигающаяся медленно, но неуклонно к Гиндукушу и Солимановым горам, — тут уж дело принимает совсем другой оборот. Английское владычество перестает быть для Индии чем-то вроде неумолимого рока; перед местным населением открывается другая перспектива; то, что силой было создано, силой же может быть и разрушено; и если Англия попытается теперь преградить России путь к Черному морю, Россия постарается доставить Англии немало неприятностей в Индии. Но несмотря на все это, морское могущество Англии еще настолько велико, что в той всеобщей войне, которая, по-видимому, теперь надвигается, Англия может все еще причинить России гораздо больше вреда, чем Россия Англии».

В 1857–1859 гг. в Индии происходило крупнейшее народное восстание против английского владычества. Восстание вспыхнуло весной 1857 г. среди так называемых сипайских частей бенгальской армии, вербовавшихся из местных жителей, и охватило крупнейшие районы Северной и Центральной Индии.

В ноябре 1839 г. экспедиционным отрядом под командованием оренбургского военного губернатора генерала В.А. Перовского был предпринят поход в целях завоевания Хивинского ханства. Отряд в составе 5000 человек с несколькими орудиями и продовольственным обозом оказался не подготовленным к тяжелым условиям зимнего перехода через пустынные степи. Потеряв половину людского состава вследствие массовых заболеваний, Перовский, не дойдя до Хивы, вынужден был в 1840 г. вернуться обратно в Оренбург.

¹³² Орлеаны — королевская династия во Франции (1830–1848).

¹³³ Буланже (Boulangier) Жорж Эрнест Жан Мари (1837–1891) — французский генерал, военный министр (1886–1887).

¹³⁴ *Ex professo* — по должности (нем.).

¹³⁵ Плевна (Плевен) — город в Северной Болгарии, который был взят союзной русско-румынской армией 10 декабря 1877 г. в результате упорных боев с турецкими войсками во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

¹³⁶ В результате преобразования в 1867 г. Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию река Лейта была признана границей двух частей монархии: Цислейтании (Австрия, Чехия, Моравия, Силезия, Штирия, Каринтия, Тироль и другие земли) и Транслейтании (Венгрия, Словакия, Хорватия, Трансильвания и некоторые другие земли).

¹³⁷ В английском тексте вместо слов «об освобождении народов» напечатано: «об освобождении угнетенных христианских народов».

¹³⁸ Речь идет о серии статей американского журналиста Джорджа Кеннана «Сибирь и сырьевая система», написанных после поездки по Сибири в 1885–1886 гг. и опубликованных в издававшемся в Нью-Йорке журнале «The Century Illustrated Monthly Magazine» («Иллюстрированный ежемесячный журнал нашего века») в 1888–1890 гг.

¹³⁹ В английском тексте после слов «попытку к сопротивлению» добавлено: «с тех пор как стало известно об экзекуции, которой была подвергнута г-жа Сигида, и прочих русских "зверствах"».

Сигида (Малаксиано) Надежда Константиновна (1862–1889) — русская революционерка, член партии «Народная воля». На Карийской каторге 7 ноября 1889 г., вступившись за честь одной из политических заключенных, Елизаветы Ковальской, Сигида дала пощечину коменданту каторги Маслокову, за что была подвергнута телесному наказанию розгами. После наказания в качестве протеста приняла яд и вскоре умерла. После смерти Сигиды несколько политзаключенных, решив своей смертью сделать невозможным дальнейшее применение телесного наказания, попытались покончить с собой.

¹⁴⁰ В оригинале здесь и ниже русское слово, написанное готическими буквами: в английском тексте оно написано латинскими буквами с пояснением в скобках «(советы графств)».

¹⁴¹ Энгельс имеет в виду введение в России в 1864 г. ограниченного местного самоуправления — земств.

¹⁴² В английском тексте вместо слова «Бисмарк» напечатано: «Германская империя».

¹⁴³ В английском тексте вместо слов «для Бисмарка» напечатано: «для германского императора».

¹⁴⁴ В речи в германском Рейхстаге 16 февраля 1874 г., которая здесь имеется в виду, Мольтке должен был признать, что немцы со времени своих удачных войн «повсюду приобрели уважение, любви же не приобрели нигде».

¹⁴⁵ Турецкое название албанцев.

¹⁴⁶ В английском тексте после слова «греки» добавлено: «армяне».

¹⁴⁷ В английском тексте вместо слов «переустройством капиталистического общества в социалистическое» напечатано: «и связанным с этим решением экономических проблем».

¹⁴⁸ В английском тексте вместо слов «Ибо реакционные правительства Европы» напечатано: «Ибо господа в Берлине и Вене».

¹⁴⁹ В английском тексте после слов «когда сам этот главный оплот» добавлено: «когда Россия».

¹⁵⁰ В английском тексте вместо этой фразы напечатано: «Германский император, возможно, поддастся бы искушению послать свои войска для восстановления царской власти, но это было бы верным шагом к уничтожению его собственной власти». Далее добавлен следующий абзац: «В самом деле, не может быть никакого сомнения в том, что Германия — совершенно независимо от тех или иных возможных действий со стороны России или Франции — быстро приближается навстречу революции. Последние всеобщие выборы показывают, что силы немецких социалистов через каждые три года увеличиваются вдвое, что в настоящий момент из всех партий империи социалисты представляют собой самую сильную партию, собравшую 1 437 000 голосов избирателей из общего числа в семь миллионов, и что все карательные и исключительные законы были совершенно бессильны помешать их успехам. Но немецкие социалисты, готовые принять как должное любые экономические уступки, какие молодой император пожелает сделать рабочему классу, в то же время полны решимости, — и эта решимость

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

непоколебима как никогда после десятилетнего действия исключительного закона — добиться восстановления политической свободы, завоеванной в 1848 г. на баррикадах Берлина, но утраченной в значительной мере при Мантёйфеле и Бисмарке. Они понимают, что только эта политическая свобода даст им необходимые средства для достижения экономического освобождения рабочего класса. Вопреки некоторым признакам, как будто бы свидетельствующим об обратном, мы стоим накануне борьбы между немецкими социалистами и императором, представителем личной и патриархальной власти. В этой борьбе император в конце концов должен потерпеть поражение. Результаты выборов показывают, что социалисты делают быстрые успехи даже в сельских районах, крупные же города фактически ими уже завоеваны; а в такой стране, где каждый взрослый физически годный мужчина является солдатом, это означает постепенный переход армии на сторону социализма. Пусть только произойдет внезапная перемена политического строя в России — и воздействие этого события на Германию будет колоссальным; а это должно ускорить кризис и удвоить шансы социалистов».

**Публикация подготовлена А.К. Воробьевым, Р.Г. Лебедевой,
Ф.Г. Рябовым, редакторами Л.И. Гольманом, И.А. Арманд**

ZASADY DZIEJÓW POLSKI

INNYCH KRAJÓW SŁOWIAŃSKICH I MOSKWI.

WYJAŚNIENIE RZECZY CO DO POMNIKA MAJĄCEGO BYĆ POSTAWIONYM W NOWOGRODZIE NA PAMIĄTKĘ ZAŁOŻENIA PAŃSTWA MOSKIEWSKIEGO JAKOBY W 862 ROKU.

PARIS

F. H. DUCHIŃSKIEGO.

CZĘŚĆ DRUGA

ODDZIAŁ PIERWSZY : KRYTYCZNY : Wyjaśnienie niektórych punktów spornych w Dziejach Słowian, Litwy i Moskwy. — ODDZIAŁ DRUGI : Podział Dziejów Polaków i innych Słowian, też Dziejów Moskali, na Epoki, i ogólna charakterystyka każdej Epoki.

PARYŻ.

9792 W drukarni i 64. RENOU i MAULDE. przy ulicy de Rivoli 644

—
1859 r.

Франтишек Духиньский

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ,
ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

Часть вторая: Раздел первый: критический: прояснение
некоторых спорных вопросов в истории славян,
Литвы и Москвы

Несколько вступительных замечаний

Вы держите перед собой, любезные земляки мои и читатели, уже вторую часть *Основ истории Польши* и других славянских, или славянских стран. Вы заметили, что мы делаем уступку вашим предрассудкам в этой второй части уже в самом названии труда, ибо мы смеем надеяться, что уже смогли вас достаточно убедить в иноземном, а именно финском, чудском или германском происхождении имени славян, или славян, до сих пор еще не принятого окончательно народами, так называемыми; смеем также надеяться, что мы уже смогли достаточно убедить вас, что старейшим и исконнейшим именем этих народов являются лехи, или полехи, поляне, что значит земледельцы. Вы уже видели доводы в пользу справедливости такого вывода в первой части; в нынешней, второй, увидите новые доказательства, а еще больше увидите в частях последующих. Итак, мы используем названия славяне, или славяне, ибо мы не столько заботимся об имени, сколько о сути как таковой, и, делая уступку предрассудкам, слишком укорененным в отношении имен, стремимся занять ваше внимание самой сутью.

Также называем мы жителей Москвы москалями¹, но в этой части нашего труда читатель увидит уже и доводы в пользу того, что имя это происходит не от города Москва, но что было оно одним из старейших и исконнейших имен уральских народов, населявших московский край.

Мы назвали *первый раздел* настоящего труда нашего *критическим* с той целью, чтобы уже самим названием показать главный его характер.

Впрочем, *первая часть* нашего труда² не является историей, ибо история есть простой рассказ, бытописание, история исходит из критики, из полемики, но критики, полемики видеть в себе не позволяет, велит лишь догадываться, что была ею предварена. Однако же данный раздел нашего изложения еще более критичен, нежели *первая часть*. Следует это из того, что сейчас мы разбираем предметы, еще менее известные у нас, чем те, которыми мы занимались до сих пор, а посему многими могут подвергаться большому сомнению.

Так обстоит дело, особенно когда речь заходит о государстве и обществе в Польше и в Москве, физико-географическом влиянии Польши и Москвы на историю их жителей. Отсылаем здесь к анализу и ландшафта, и течения рек, и климата, и ботаники, и минералогии и строительства, и физиогномики³, и медицины, и поэзии, и народных примет, и философии, и религии. Каждый из этих предметов дает нам новые доводы в пользу того, что Новгород, Смоленск и ближний к нам восточный берег Днепра⁴ являются границей *общности Народов европейских со всех этих точек зрения*, и, наоборот: москали, начиная с восточных частей Новгородской губернии, с восточных частей Тверской и Смоленской губерний, а также с западных границ губерний Калужской, Орловской (исключив берега Десны), в Курской губернии и на землях донских казаков — *состоят во всех этих отношениях в тесном единстве с теми народами уральской ветви*, к которым они принадлежат по своему происхождению.

Мы не говорим, что первыми прокладываем путь для исследований столь весомых и разнообразных: разумеется, мы с признательностью называем имена учителей наших, если они нам известны, но во многих пунктах мы их дополняем, насколько это возможно. Кроме того, мы первыми прокладываем путь для систематизации наблюдений по этим предметам для практического применения в наших целях, а именно: для очерчивания границ индоевропейских народов с востока, а уральских — с запада

в месте их встречи в Европе. Разумеется, здесь одним рассказом удовлетвориться трудно, *надобно доказывать и еще раз доказывать*.

Неужто все, что мы намеревались доказать, совершенно доказано? Мы убеждены, что так и есть: впрочем, там, где остаются сомнения, мы говорим: *здесь мы остаемся в сомнениях*. Неуверенность мы не выдаем за истину.

Между тем, мы убеждены в одном: а именно, если бы даже более поздние изыскания исследователей изменили в каком-то пункте то, что мы представляем как уже доказанное, и в этом случае мы выиграли бы многое: те, кто нас сможет победить в том или ином пункте, целостности системы не нарушат: а что еще приятнее для возделывающего нашу ниву? Они будут нас побеждать в рамках той же системы, которую мы сами создали, ибо наша система справедлива, и противники наши, если они сами историки, опровергнуть этого не смогут.

Наша вера укрепляется, и средства защиты истины, которые мы выдвигаем, становятся все надежнее по мере усиления наших противников, которые у нас есть не только среди москалей, но и среди земляков наших.

Известно, что кабинет министров в Петербурге пожертвовал 500 000 рублей серебром на воздвижение памятника в Новгороде, призванного увековечить, как гласит манифест кабинета министров, *основание российского государства в 852 г.*⁵ Оглашена также программа для участников конкурса на проект памятника, награда за проект будет соразмерна величию цели. Целью же является: увековечить принятый общественным мнением и, как мы увидим, утвержденный указом Екатерины II⁶ факт, что Государство Московское берет свое начало не в самих землях нынешних почти 40 000 москалей, но в Новгороде и на Руси, что история Новгорода и Руси и есть начало истории Москвы, что нападение татаро-монголов в XIII в. внезапно отделило Русь от Москвы, что литовские князья и польские короли правили Русью как завоеватели, хотя Рюриковичи правили там по праву добровольного выбора на трон династии Рюрика; что дом Романовых, а затем и Гольштейн-Готорпов⁷ имел и имеет историко-

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

династические права на Русь, что москали суть славяне и приняли христианскую религию в то же время, что новгородские славяне и днепровские жители.

Таковы основные положения, на увековечение которых в камне, как если бы они были непреложными истинами, кабинет министров в Петербурге выделил 500 000 серебряных рублей, то есть 3 500 000 польских злотых, не считая награда за проект.

Мы благодарим от всего сердца петербургский кабинет за оглашение идеи о памятнике, ибо памятник сей откроет глаза всем, истина будет раскрыта, а имя пишущего эти строки не будет забыто земляками его и другими братьями-славянами, ибо будет напоминать об освободителе их мыслей от морального рабства, которое и есть страшнейшая тирания, навязанная им московским кабинетом.

И все же выступают против провозглашаемых нами основ самые известные из польских писателей, все польские историки! Все, все до одного, ибо все исключают историю Руси из истории Польши либо лишь вскользь говорят об этой истории в рамках истории Польши до XVI в.; считают, что москали едины со славянами в их потребностях, проистекающих из единства происхождения и единства исконной славянской цивилизации.

Даже здесь, в изгнании, где единство Польши должно бы лучше осознаваться, чем внутри страны, у петербургского кабинета есть множество писателей, которых оно в данном случае может использовать *для обоснования истинности основ, которые призван увековечить новгородский памятник.*

Об этих тщетных усилиях наших писателей мы еще расскажем позже в той мере, в какой это послужит научному прогрессу, ибо здесь, где начинается спор с нашими судьями, мы хотим начать с изложения наших доводов в пользу необходимости реформ, и с принципов, на которых эти реформы должны основываться.

Завершаем эти несколько вступительных замечаний последними словами первой части наших *Основ*. Итак, мы писали:

Поскольку и поляки, и москали свято убеждены, что ни поляки не станут москалями, ни москали поляками, то главным вопросом, требующим разрешения, является следующий: *где*

должны проходить географические и историко-цивилизационные границы, которые отделяют жителей польского государства от московского государства, так, чтобы эти государства могли существовать рядом при условии их полной независимости и возможности развивать эту независимость с пользой и для Москвы, и для Польши, и для других народов (Основы, часть 1, с. 98).

I. Содержание

Влияние географического положения Польши и Москвы на историческое развитие их жителей, Польша в древнейших своих восточных границах составляет единое целое с остальной Европой, учитывая рисунок ландшафта, учитывая систему рек, учитывая качество грунта и учитывая климат. Москва во всех этих отношениях принадлежит к азиатской системе. Влияние этих различий на формирование польского и московского государства. Замечания в этих отношениях о дунайских славянах.

Каким же образом сможем мы убедить и историков, и политиков, то есть и людей, которые изучают историю рода человеческого в прошлом, и тех, кто ее изучает с временной практической целью, как их убедить в том, что выводы, которые делаются из существующего изложения истории Польши и других славянских стран, а также из истории Москвы, *совершенно ложны, ибо основываются они на совершенно ложных принципах?*

До сих пор мы доказывали общность основной части жителей Польши и других славян с индоевропейскими народами, и общность москалей с уральскими народами, исходя в основном из свидетельств хронистов, из этнографии; свидетельства конкретных достижений цивилизации до сих пор упоминались лишь вскользь. И здесь еще к доказательствам общности характера цивилизации славян, в том числе жителей Новгорода, Смоленска и Малороссии, с остальными европейцами и общности москалей с уральскими народами мы будем обращаться довольно мало. Наши нынешние доводы будут в основном опираться на *физико-географические данные*. Оставим хроники, этнографию — одним словом, *оставим людей*, а средством наших исследований сделаем

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

сейчас лопату! Отправимся искать границу славян и европейцев в целом на восток с лопатой в руках; возьмем и плуг, ибо мы намерены изучать историю Польши и Москвы, исходя из влияния на них почвы, а значит во времена после всемирного потопа, когда еще ни Польша, ни Москва не были заселены, именно поэтому этнография нам не нужна.

Мы уже изложили принципы истории поляков и других славян, а также истории москалей во времена после всемирного потопа, приняв за основу четыре эпохи их жизни в Азии (первая эпоха: результат единства рода человеческого; вторая эпоха: результат разделения рода человеческого на три больших рода: так называемые Белый, Желтый и Черный; третья эпоха: результат разделения Белого рода на три ветви: арийскую, или индийскую, уральскую и семитскую; четвертая эпоха: результат удельного выделения славян, романцев и латинников и германцев из арийской ветви. См.: Основы... Часть первая. С. 13–14⁸). Мы увидим, какое большое значение каждый из этих принципов имел в новейшей истории народов, которые нас занимают. Сейчас мы намерены описать в общих чертах историю Польши и Москвы до прибытия в Европу их нынешних жителей, с целью, изложенной в названии этого раздела. Приступим к определению важности этой цели для изложения истории не только наших, но и всех других индоевропейских и уральских народов. Как и в иных исследованиях истории Польши и Москвы, а также при изучении влияния на нее самой почвы, мы не можем не учитывать всех индоевропейских и уральских народов, ибо только такой взгляд с высоты позволит лучше рассмотреть и оценить вопросы о месте Литвы, Руси, москалей среди других народов, вопросы, которые трудно понять, если мы хотим рассматривать их только в границах этих народов, в границах, так сказать, провинциальных.

Перейдем к сути.

Господь Бог ограничил обиталище людей одним лишь земным шаром, чтобы они помнили, что вынуждены жить вместе, а значит, вынуждены практиковаться в христианских добродетелях, делая друг другу взаимные уступки. Однако, он разделил землю так, чтобы впредь облегчить соблюдение своих заповедей

отдельным группам человеческого общества, чтобы, когда каждая группа будет прочно спаяна, она была связана с другой различными степенями родства.

Воистину, создавая землю, Господь Бог соединил Европу и Азию сушей на большой территории; но четко обозначил границы Европы — отметим это особо — Балтийское море и земли, прилегающие к ближнему к нам восточному берегу Днепра; так же, создавая землю, соединил Господь Бог Москву с глубочайшей Азией.

Долго мы блуждали, прежде чем пришли к выводу, только что изложенному; сейчас же, думая о наших трудностях на этом пути, стыдимся, ведь мы искали истину, ясную, как день, искали, как если бы были во тьме. И воистину: давайте посмотрим на карту Европы и Азии, и все станет ясно. Для начала ограничимся Польшей и Москвой; посмотрим на них как на *географическое целое* и увидим, что на небольшой части этих земель расположены четыре крупные речные системы, а именно: Висла, Двина, Днепр и Днестр, а на *большой части* есть только одна система, а именно, Волга. Волга пересекает из конца в конец всю эту *большую часть*. *Значит, нет единства.*

Идем далее: эта меньшая часть испещрена множеством, пусть и небольших, речушек, которые устремляются к тем самым четырем главным артериям, хотя *большая их часть* образует собственные системы. В свою очередь, *большую часть* территории пересекают две крупные реки: на севере Кама, а на юге большая река Ока; *и эти две большие реки непосредственно подчинены Волге*. Таким образом, очевидно, что населению территорий, объятых названными четырьмя системами рек — Вислы, Двины, Днепра и Днестра — будут известны четыре более или менее сильных типа *региональной жизни*; в то время как население территории, объятай одной лишь системой огромной внутренней водной артерии, будет иметь лишь один характер, или *только один регионализм*, хотя эта территория в десять с лишним раз больше первой. *Значит, нет единства.*

Опускаем множество других умозаключений, следующих из течения рек, которые способствуют развитию четырех ре-

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

гионализмов в Польше и большему единообразию населения в Москве, поскольку существующее положение вещей является результатом этих принципов.

По сути, в Польше есть четыре главных, более или менее сильных, регионализма, а именно: вислинский, двинский, днепровский (украинский) и днестровский, каждый со своими особенностями. Очевидно, что физико-географическое строение Польши не позволяет развиваться большим различиям между регионалистами, ибо Польша, хотя и не является столь крупным степным образованием, как Москва, и хотя ее географические условия довольно разнообразны, все же объединяется волнистой равниной.

Мы должны здесь также добавить: из четырех систем в Польше Днестр будет наименее выразительным, а приднестровский регионализм будет еще слабее, чем привислинский, подвинский или поднепровский.

Давайте посмотрим еще на лесистые московские степи. Как бы глубоки ни были различия между географически удаленными друг от друга жителями, например, живущими на юге, Астраханской и Орловской губерний, и жителями северных Ярославской, Вологодской, Казанской и Пермской губерний; однако все они подпадают под влияние системы реки Волга, ибо две большие реки, Ока и Кама, объединяют их, первая, устремляясь из Орловской губернии, вторая — из Пермской губернии к Волге.

Мы не забыли о реке Дон, и вскоре к ней вернемся, здесь же только напомним, что Дон, хотя он как таковой и больше, чем Ока, но именно она имеет большее значение, чем Дон, в истории складывания единообразия населения Москвы; а все это потому, что Ока составляет единое целое с Волгой, Дон же одинок. Таково же отношение восточной Двины к Каме.

Чтобы лучше дать почувствовать, насколько сильно единообразие жителей Московского государства в основных чертах их цивилизации, напомним также, что реки Ока и Кама в этом отношении оказывают населению южной, восточной и северной части Москвы такую же услугу, какую река Буг оказывает жителям Польши. Буг⁹ берет свое начало на Руси, а впадает в Вислу,

и когда бужанин-русин¹⁰ думает о своей реке, мыслью и сердцем он тут же соединяется с Вислой и привислинскими жителями, так что эти две большие реки, как и легенды жителей их берегов, оказываются для него тесно связанными, родственными. Такое же чувство единения охватывает жителей Орла, Калуги, Москвы, Твери, Ярославля, Вологды, Перми, Казани, Астрахани, когда они думают о своих реках.

Таковы основные принципы влияния географического положения Польши и Москвы на историю их жителей.

Прежде чем продвинуться дальше в нашем анализе этого положения, ответим здесь и сейчас на следующий вопрос: что же лучше для прогресса цивилизации жителей конкретной страны: отсутствие в ней регионализмов или их появление.

Ответим сразу, не колеблясь, что общества, возникшие в результате развития различных регионализмов и их борьбы друг с другом — если эти регионализмы слились с целью создания единого целого во имя высшей идеи — такие общества располагают большими средствами для развития цивилизации, нежели общества, которые возникли без предшествующей борьбы регионализмов, по праву одной лишь первоначальной расовой общности. И вот почему: развитие региональной жизни доказывает развитие индивидуального характера жителей. Если же затем жители с уже развитой индивидуальностью объединяются друг с другом, такое объединение всегда преследует высшую моральную цель, для реализации которой региональная жизнь недостаточна, следовательно, созданное таким образом общество должно иметь больше морального элемента, чем общество, созданное исключительно по праву исконной соплеменности, ибо здесь не развилась индивидуальность, не было моральной борьбы, а значит, не было и жертвы, лишенной права на индивидуальность для некоей высшей цели.

Состояние цивилизации жителей Польши с ее четырьмя регионализмами и состояние цивилизации жителей Москвы с высочайшим уровнем единообразия этой цивилизации весьма красноречиво подтверждает наши слова.

Так кратко ответим мы на наш вопрос и пойдем далее.

Рассмотрим Польшу и Москву в их отношении к Европе и Азии с точки зрения географии. Здесь еще большие поражают нас различия Польши и Москвы.

Мы видим, что физико-географические черты нашей Родины способствуют, с одной стороны, общности ее жителей с народами Западной Европы, так же, как происхождение жителей нашей Родины, создает, с другой стороны, ее внутреннее единство: мы видим, что физико-географические черты Московского государства как таковые отделяют его жителей от Европы, объединяя их с жителями Центральной Азии вплоть до китайской стены, так же, как объединяют их идейные и духовные потребности, следующие из их происхождения.

Итак, общность жителей Польши с народами латинскими (романскими) и германо-скандинавскими, а также общность их потребностей, следующих из происхождения, как и общность подобных потребностей москалей с народами уральской ветви, следует не только из степени их родства по крови, как мы это видели в первой части; эта общность является также следствием других причин, не менее важных, а именно: физико-географического строения Польши и Москвы в его отношении к Европе и Азии, а также складывания духа и характера цивилизации населения двух этих государств в древнейшую эпоху после разделения рода человеческого, в Средние века и в современности. Здесь пора показать справедливость этого положения с учетом географических причин.

Из множества физико-географических причин, которые влияли и будут всегда влиять на проявления общности жителей Польши с германскими и латинскими (романскими) народами, как и на проявления общности москалей с уральскими народами, остановимся, хоть и ненадолго, на четырех: *во-первых*: ландшафт, *во-вторых*, течение рек, *в-третьих*, характер почвы, *в-четвертых*, климат.

Начнем с первой причины. Рассматривая всю Европу и Азию, включая Кавказские горы и Тибет, как единое целое, мы увидим, что Польша принадлежит в узком смысле к системе Европы с точки зрения ее ландшафта. Восточные границы исторической Польши и будут окончательными границами этой системы.

Первым исследователем, который обратил на это внимание, был замечательный датский ученый, писавший по-французски, Мальте-Брун¹¹. Он считал финские горы на севере и днепровскую возвышенность на юге границей собственно европейской горной системы*.

В новейшее время известный нам ученый Шницлер¹² подтвердил наблюдения Мальте-Бруна и дополнил их, показав, что не днестровские, а днепровские пороги (возле Екатеринослава) являются границей европейской горной системы на юге и что эти знаменитые днепровские пороги суть последние звенья Карпат**. Сюда же относятся и *Печерские горы* в Киеве.

Добавим еще несколько деталей. Первое: горы, а точнее валдайская возвышенность, где берут начало две реки — Двина и Волга (в Тверской губернии), — а на юге — Аврятинская возвышенность, где берут начало реки в Волынской губернии — представляют собой разные цепи, соединяющие горы юго-западной Европы с Польшей.

Второе: если рассматривать одну только Польшу, она предстает как равнина, но если сравнить ее с остальной Европой, с одной стороны, и с Москвой — с другой, если заметить при этом, что Уральские горы не разделяют жителей с разных их сторон, хотя бы настолько, как Карпаты разделяют жителей своих склонов; при таком сравнении окажется тем более очевидным, что вся Европа является краем гористым по сравнению с Москвой и с азиатской степью вплоть до самого Тибета, а в Европе — до Кавказа; что Польша составляет единое целое с остальной Европой как с горной системой так же, как Москва (*которая как таковая составляет половину Европы, если считать ее Европой*) составляет единое целое с Центральной Азией с учетом ее сухих степей.

Эти географические основания истории Польши и Москвы имеют необычайно важное значение не только в истории этих государств, но и в целом в истории индоевропейских и московско-уральских народов.

* Geographie. de l'Europe: wyd. 1844. T. 2. — Здесь и далее прим. Духиньского.

** Statistique. de la Russie, Paris 1858. Première Partie.

Общность Польши с остальной Европой и общность Москвы с Центральной Азией очевидна и в систематике их рек, то есть в систематике различий их торговых и цивилизационных потребностей, что мы увидим ниже.

II (Продолжение)

Вторая причина. Горы влияют на предназначение рек, и наоборот, реки влияют на предназначение гор. Это не значит, что те и другие обязательно должны соседствовать друг с другом, но, как это показывает практическое использование их в Польше и в Азии, система европейских гор, очевидно, заканчивается в Финляндии и на восточных границах Польши; ибо горы, а точнее валдайская возвышенность, или, по крайней мере, значительная их часть, являются границей поселения тех славян, которые тесно связаны с исторической судьбой жителей Польши не только потому, что часть этих возвышенностей была исконно заселена лехами, которые вышли из Польши в древнейшие времена, что подтверждает и вся история славянских древностей (ср. *Starożytności Słowiańskie Шафарика*¹³, особенно т. 2 с. 96, где река Тверца обозначена как граница последних славянских поселений вблизи валдайских гор и с. 180, 448 и 618, где содержатся последние результаты исследований Шафарика, подтверждающие, что славяне, бывшие под властью руссов, пришли в свои земли из привислинской Польши), но также потому, что древний лехитский элемент населения этих возвышенностей был усилен благодаря оседанию здесь польских пленников в конце XVII в.*¹⁴; так же Екатеринославская губерния была заселена в XII и XVIII веке малороссами, которые еще теснее связаны со славянами, точнее, с теми самыми лехами, которые являются историческими жителями Польши.

Итак, система европейских рек также уместается в тех же широко понимаемых границах Польши, ибо система европейских рек связана с европейской горной системой в том смысле,

* *Baron Haxthausen. Etudes... sur le Russe. Vol. 3.*

что их течение весьма разнообразно, что особенно поражает при сравнении Европы с Москвой, которая хоть и занимает половину Европы, обладает только одной речной системой (Волга с Окой и Камой), в то время как другая часть Европы располагает почти двадцатью очень разными речными системами.

С Москвы, как мы показали, начинается система степей, которые заканчиваются у Кавказа и Тибета. На просторах этих степей нет таких гор, как Карпаты, Балканы, Альпы и многие другие в Европе, ибо Уральские горы, с их знаменитыми рудниками, во все не так высоки, поэтому именно Кавказ и Гималаи прекрасно сочетаются с этими степями. Московские же реки, такие как Волга, Енисей, Амур (еще недавно китайский, ныне московский) потому так велики, что они находятся в гармонии с другой, гористой частью Азии, и определяют край степей.

Наши противники могут нам возразить, что реку Дунай можно сравнить с этими московскими реками, ведь она велика, но при этом на ее берегах нет степей, как это происходит на берегах Волги и других московских рек. Мы ответим на это кратко: даже Дунай, крупнейшая река европейской системы, это лишь речушка по сравнению с Волгой.

Третья и четвертая причины. Признаемся, что если весомый авторитет заграничных исследователей помог нам доказать, по крайней мере в общих чертах (насколько позволяют наши издательские возможности), что восточные границы исторической Польши являются крайней границей европейских гор и рек, что география московской земли тесно связывает ее с остальной частью степной Азии, то общественное мнение решительно отказывается признавать эти два разнонаправленных единства с учетом характера грунта и климата.

Французские геологи и натуралисты, к которым я обращался за поддержкой в этих вопросах, даже удивлялись, что якобы могут существовать различия между краем приднепровским и поволжским, о которых я спрашивал. На составляемых ими картах ни в отношении характера почвы, ни в отношении флоры, не видно никакой разницы. Русь и Москва для них это одно и то же, особенно близка Москва к Литве и Малороссии.

Трудно говорить о предметах, которые не являются нашей специальностью. Итак, замечания, которые мы делаем в геологическом разделе, как и в разделе об отличиях Польши и Европы в целом от Москвы с точки зрения климата, суть лишь результаты обобщений исследований другого характера. Эти обобщения мы считаем достойными того, чтобы привлечь к ним внимание специалистов. Особенно просим об этом г-на Едлинского, члена Французского Геологического Общества и слушателей *Высшей польской школы в Париже*¹⁵, посвятивших себя наукам, которых касаются наши обобщения. Вот они, эти обобщения.

Первое. Польша представляет собой два господствующих склона: один из них обращен к Балтийскому морю, другой — к Черному. Они определяют направление течения двух рек: Вислы и Днепра. Москва же представляет собой лишь один господствующий склон, и он обращен к Востоку, к Центральной Азии, составляя с Азией степное единство. Это единообразное и, что для нас еще важнее, резкое устремление московского склона, совершенно отличного от двух польских склонов, прекрасно подчеркивает направление течения двух рек, господствующих в московской системе, то есть Волги и Амура. Если добавить к этому сказанное выше о ландшафте, а именно о том, что Финские и Валдайские горы (вместе с истоками Двины и Волги), а также приднепровская возвышенность в Киеве и днепровские пороги являются последней частью гор европейской системы, сложно даже предположить, что один тип почвы и одинаковый климат царит в польском Поднепровье и в Москве.

В подтверждение своей мысли не могу не представить вниманию господ геологов то, чему научили меня мои собственные дорожные наблюдения.

В первый раз я переправлялся через Днестр между Тирасполем и Бендерами. Я ехал из Одессы, вокруг песок да песок, такое однообразие, как на море, только здесь однообразие песка, а воду надо иметь в обозе, как это делают чумаки¹⁶. Эти пустыни вовсе не были мне противны, ибо то были времена юношеских надежд политического заговорщика, и я был преисполнен горя-

чим патриотизмом. И все же, несмотря на это, когда я переехал через Днестр, то был потрясен разительным отличием и климата, и всей земли. Воздух был напоен благоуханием цветов, ибо прекрасной зеленой травой и полевыми цветами устлана была все земля около Бендер, так что не только чем-то незначимым показались мне многочисленные следы лагеря Карла XII¹⁷, но, признаюсь, что упоение красотой природы этой земли на миг пересилило даже мой патриотизм. Тогда я еще и не думал о системе рек, гор и о климате, отличающих искони всю Европу от Москвы, но тогда уже я сказал себе, что этот вот глубокий канал, Днестр, дал разную землю двум своим берегам.

Еще больше убедился я в том, какое влияние имеют реки на характер земли и на климат, когда посетил окрестности двух берегов Днестра возле Сороки и Ямполья. С правой, бессарабской стороны Днестра, виноград считают плодом столь же обыкновенным, как и пшеница, и виноградники не прекращаются по всей Молдавии и Валахии, наоборот, на левом берегу Днестра, виноградники растут только вдоль берега, не дальше чем на две три мили вглубь. И виноград уже гораздо хуже. Еще пример: с бессарабской стороны Днестра баранину подают к столу даже у самых богатых бояр, так как баранина у них такое же обычное мясо, как у нас говядина. Известно, что у нас баранина — это исключительно редкое блюдо на столе, требующее разнообразных горьких приправ, так как она дает не очень приятный запах. В Бессарабии эти приправы уже не нужны. Я спросил одного боярина: откуда эта разница? Тот ответил мне: «У нас трава другая, чем за Днестром».

Пусть натуралисты и медики исследуют эти детали, из-за которых с одной стороны столь узкой реки, как Днестр, виноград — натуральный продукт, а травы таковы, что поедающие их бараны дают мясо, не требующее никаких особенных приправ, чтобы быть употребленным в пищу, и почему на другой стороне этой же реки дело обстоит совершенно иначе. Для нас это ясно: революция, породившая Днестр, создала и другой характер почвы, другой климат по обе стороны этой реки. Мы говорим климат, ибо характер почвы и климат идут вместе, ведь более низкая

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

или более высокая температура почвы сочетается более низкой или более высокой температурой воздуха*.

Подобные различия мы наблюдали по обе стороны Дуная, хотя здесь они уже не были столь существенны, как на Днестре. Похожую большую разницу мы заметили по обе стороны Босфора. Мы назвали Босфор прекраснейшей улицей Константинополя (и всего мира в журнале "*Le Panrussizme*"), и так оно и есть, но эта улица создала невероятные различия с обеих своих сторон.

Таковы важнейшие причины, по которым я вынужден считать ошибочным мнение геологов об однообразии почвы в Москве и на берегу Днепра; сходство, возможно, и есть, но лишь на небольшой территории, как и в виноградниках под Ямполом. В самой же Москве характер почвы должен быть иным. Ведь Днепр шире и глубже Днестра. Посему революция, породившая Днепр, обязательно должна была повлиять и на залегание пластов грунта — одним словом, на характер почвы по обе стороны этого порождения геологической революции. Но есть и вторая причина, которую также отдаю на суд специалистов.

Вторая причина: почва и климат должны различаться и действительно различаются не территории географической и исторической Польши, с одной стороны, и Москве — с другой, это показывает ботаника обеих стран. Читатель уже догадался, что мы намерены представить предмет в самых общих чертах. Остановимся подробнее лишь на тополе, так как к нему привлек наше внимание один московский ученый, г. Маслов¹⁸, и поэтому мы следили за тем, что пишут другие авторы об этом дереве. Итак, ссылаясь на эту монографию о тополе, в той части, в которой она касается нынешнего предмета, мы заявляем, что в Москве тополь

* И это мы можем доказать примером из собственного опыта. Когда остатки польских легионов вошли в Турцию после подавления Венгерского восстания, небывалый снег выпал в Константинополе и в Смирне. Поляки удивились и задрожали при мысли, что их братьям предстоит переходить через Балканы. Однако никто из легионеров не погиб от холода, а фиговые и апельсиновые деревья ко всеобщему изумлению пострадали очень мало. А все потому, что земля хранила высокий градус тепла, как это свойственно общему климату Турции, т. е. ее атмосфере в обычном состоянии.

не растет. Доказательства этого содержатся в трудах самого г. Маслова, члена Агрономического общества в Москве (см. отчет о его путешествии в Киев в 1837–1838 гг.). Этот исследователь надивиться не мог, сколь прекрасен тополь в Малороссии.

Тополя, растущие без специального ухода, заканчиваются на восточных и северных границах Малороссии и Белой Руси.

Зададимся теперь вопросом: какая почва способствует росту тополя, а какая нет?

Ботаника и опыт помогают найти ответ: *долина* — лучшее место для тополя, *равнина* же для него не столь хороша, *песок* неблагоприятен, но там он иногда растет; совершенно не выживает тополь лишь на *глинистом и твердом грунте*.

Итак, очевидно, что Польша представляет собой равнину, но только если мы сравниваем Польшу с другими частями западной и южной Европы, при сравнении же ее с Москвой она явно обнаруживает общность с Европой, в Москве же начинаются степи, песчаные, глинистые и твердые, которые объединяют ее с Центральной Азией.

Обратимся еще к медицине: какие болезни человека лечат при помощи целебных свойств тополя? Поясним: мы придерживаемся того мнения, что для недугов человеческого тела, перенесенных из далеких чужих краев, самые действенные лекарства обнаруживаются в тех же чужих краях, но против недугов, возникших по местным причинам, из-за состава, климата и т. д. есть лекарства в самих этих странах. Так, медицинские энциклопедии учат нас, *что цвет тополя, по крайней мере, умиряет или лечит ревматическую боль, геморроиды и кожные болезни*.

Обратимся теперь к поэзии, легендам, приметам; обратимся к искусствам и ремеслам; каждый из этих предметов со своей стороны сообщит нам множество интересных подробностей, которые доказывают все яснее, что земля Польши в широком ее понимании благоприятна для тополя, и что она другая, чем московская почва, которая (в узких границах так называемой Восточной России и далее в Азии) не дружит с тополем.

Мы говорим в целом о границах Польши и Москвы; хотя в Польше могут быть и есть конкретные участки земли, небла-

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

гоприятные для тополя, в Москве же могут быть конкретные участки земли, благоприятные для этого дерева. Однако эти включения не ослабляют, а лишь доказывают справедливость нашего вывода.

Мы упомянули о тополе в поэтической стихии Польши, в стихии ее народных легенд, поверий и т. д., чтобы дать почувствовать, до какой степени москали чужды подобных впечатлений, закрепленных в формах мысли и оборотах речи. Достаточно сказать, что вид тополя, даже тополя белорусского, на москалей, даже на жителей Московской губернии производит такое же впечатление, как на нас апельсиновые сады Сицилии и Мальты.

Перед нами лежат «*Отечественные записки*», номер за сентябрь 1837 г. Вот что здесь читаем: «Более всего, кажется, поражается путешественник, особенно едущий с холодных пространств Северо-восточной Руси (автор едет из Москвы в Белоруссию) изменением растительности, которая уступает понемногу более теплому климату и указывает, что путь лежит к югу. Радость, с какою я увидел в первый раз за 525 верст от Москвы на станции Криштополы Могилевской губернии тополи, это красивое, стройное дерево, составляющее лучшее украшение садов Украины, поймет тот, кто гулял в этих садах и потом лет двадцать мечтал о них посреди суровых деревьев Севера»¹⁹.

Мы понимаем автора. Он чувствовал то же, что и мы, когда приехали на Сицилию и Мальту и вошли в апельсиновые сады.

Мы убеждены, что позже точная статистика (которой у нас пока нет) страдающих ревматизмом в Польше и в Москве покажет, что в первой гораздо больше людей, страдающих этой болезнью, чем во второй, хотя население Москвы в два раза больше, чем Польши. В целом жители Москвы должны страдать от иных физических недугов, чем жители Польши, по тем же причинам, по которым в одной стране тополь не растет, а в другой это дерево столь прекрасно. То, что мы сказали о ревматизме, относится также к геморроидам и кожным болезням.

Возьмем другие деревья: ель и береза в западной части Москвы сильно уступают деревьям в восточной части Польши. Москали вынуждены своим богатым воображением восполнять

также рассказы о том, как головы рыцарей в древности торжественно покрывали дубовыми венками, ибо у них дубов нет.

В разделе минералогии чрезвычайно занимает нас монография о янтаре. Этот плод земли нашей лучше всего показывает связь наших прадедов с Римом и Грецией до нашей эры. Янтарь в античности считали слезами Аполлона. Янтарь — любезнейшая жертва для богов. Янтарь мог встречаться в разных частях Европы, но нигде он не был в таком изобилии, как в Польше. Во времена Нерона римляне ездили за янтарем на Вислу.

И теперь еще прусское правительство взимает огромный таможенный сбор за вывоз янтара. Однако великое множество сведений, составляющих историю янтара в сфере религии, поэзии, скульптуры, медицины и т. д., заставляет нас ограничиться здесь лишь одним замечанием: и здесь восточные границы Польши являются последним рубежом земли, рождающей янтарь; ибо янтарь, пусть и в небольшом количестве, находят в некоторых районах Белоруссии.

Московская земля не рождает янтара, даже следа его здесь нет. Состав московского грунта показывает, что он относится к земле, рождающей бриллианты.

Третий довод. Позвольте обратить ваше внимание, господа геологи, также на то, что восточные границы Польши считают западными границами государства Московского с *географической точки зрения* серьезнейшие московские исследователи, например, г. Надеждин, профессор Петербургского университета. Его рассуждения на эту тему содержатся в Энциклопедическом словаре, вышедшем в Москве в 1836–1838 гг. в статье *Великороссия*²⁰. Господин Е.Е., хорошо знакомый с московскими изданиями, обратил внимание одного из наших знакомых на то, что сами московские писатели, если они честны перед самими собой, признают еще более открыто, чем г. Надеждин, что географическое положение Москвы, состав ее почвы, а следовательно, и дары природы, отличают ее от Польши. В доказательство он показал № 104 газеты «Петербургские ведомости» за 1857 г.²¹, отрывком из которого завершаем наши замечания о различиях почвы и климата на Руси и в Москве с точки зрения флоры, с точки зрения медицины и с географической точки зрения.

Г. Яковлев²², автор статьи, обращает внимание на то, что московские степи сменяются холмами и долинами в Псковской и Витебской губерниях, что гористость усиливается по мере продвижения на запад.

Прибыв из Петербурга в Витебскую губернию, светлейший путешественник так был поражен иным ландшафтом, что воскликнул: «Вместе с ландшафтом около Динабурга изменяется и все вокруг: Русь (так автор зовет Москву) исчезает, а начинается Литва и Польша». Тот же писатель не может оторвать глаз своих от наших елей и берез, говоря: «Наши какие-то мрачные, серые, грязные»^{*23}.

Это лишь немногие доказательства, показывающие, что ландшафт, течение рек, характер грунта и климат совершенно различны в Польше и в Москве, что во всех этих отношениях Польша принадлежит к европейской системе, а Москва принадлежит к азиатской системе, что это и сегодня определяет степной характер Москвы и само направление главной ее водной артерии, то есть реки Волги^{**24}.

* Позже автора поражают придорожные кресты, белые хаты в деревнях и, что важно, рассредоточенные, чего совершенно нет в Москве.

Мы читали в одном ботанико-медицинском словаре, что цвет тополя (его у нас, кажется, называют котиками) лечит некоторые женские болезни, но среди врачей по этому вопросу нет согласия. Посему не считаем его решенным. Однако мы уверены, что женские болезни, даже одинаковые, должны иметь совершенно иной характер болезни в Литве и в Малороссии, с одной стороны, и в Москве — с другой. Возможно, *Общество польских врачей в Париже*, забыв, что идея заметных различий в болезнях на Днепре и в Москве (как результат влияния заметных различий в составе грунта и в климате в обеих странах), исходит от профана, захочет принять ее к рассмотрению и даст свой решительный ответ изучающим истории.

** Мы уже писали, что оставляем специалистам дальнейшие исследования на тему страдающих ревматизмом в Польше и Москве, будучи уверенными в уже представленных результатах исследования. Однако нельзя не добавить, что наша теория, опирающаяся на анализ характера земли и климата, согласно которой жители Польши должны быть более подвержены ревматизму, чем жители Москвы, была предметом изысканий также в практической сфере, то есть в рекомендациях специалистов. Французский академик Жан Шап Д'Отрош показывает на практике, что последние не подвержены ревматическим болям (*Jean Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie. Amsterdam, 1769. Vol. 1. P. 92*). О том же, что во всей Польше свирепствует ревматизм, известно всем. В названном сочинении можно найти также доказательства того, что Уральские горы вовсе не так высоки, какими сделало их воображение европейцев.

III
(Следующее продолжение)

Теперь позвольте изложить наши доводы относительно различий климата и состава грунта на Руси и в Москве, в том числе с учетом этнографии.

Последний довод. Хотя все народы могут жить повсюду, давая доказательства своего высокого материального благополучия, что экономисты видят в росте народонаселения, нельзя, однако, отрицать, что каждый народ, как и каждый человек, если он свободен, выбирает землю, которая лучше всего подходит для его образа жизни, для его наклонностей. Это видно на примере евреев, в том числе тех наибеднейших, кто мог бы обеспечить себе, по крайней мере, верный кусок хлеба, займись они земледелием, и все же бегущих от земледелия на самых плодородных землях и влачащих нищенское существование в городах, где обычно они промышляют лишь перепродажей и бегают из дома в дом, подвергая себя множеству неприятностей и огромному унижению.

Из всех обстоятельств, проясняющих причины того, почему евреи избегают земледелия, важнейшим является *исконный характер их скотоводческо-купеческой цивилизации*, характер, который никогда не изменится. Просвещение их массы, пусть даже христианское, когда они станут христианами, будет зависеть от христианского совершенствования их скотоводческо-купеческих добродетелей. То же можно сказать и о татарах. Завладев Русью, Подолией, Вольнью, Украиной, богатейшими плодородными землями, татары оставили их сразу же после завоевания, двинувшись на степи южной Москвы. Татары пренебрегли удобством жизни земледельческих народов, прекрасно обустроенными городами и предпочли им дикие степи и кочевые стоянки. Это пример доказательства справедливости тех законов в истории рода человеческого, согласно которым каждый народ, как и каждый человек, когда он свободен, ищет землю, повинуюсь своим инстинктам.

Итак, у славян господствует земледельческая стихия над всеми другими стихиями. У москалей же, наоборот, побеждает стихия купеческая, пастушеская, это сегодня всем известно.

Посмотрим на этнографическую карту современной Российской империи, не на ту карту, которую сделал г. Мроновский, но, например, на карту Н. Карамзина, содержащуюся в первом томе его *Истории*²⁵. Там видно, что Новгород, Смоленск, Любеч и Чернигов — это последние славянские города в X в., а дальше на восток, за Смоленском, собственно в Москве, живут уральские народы; на восток же от Малороссии, правда, в некоторых частях живут славяне, но у них нет ни одного города. И даже Н. Карамзин говорит, что границы славян на востоке доходили самое дальнее до Смоленской и Черниговской губерний, о чем мы уже писали. Об этом же говорят и этнографические карты Ахматова²⁶, показывающие границу между славянами и уральскими народами в XI–XIII вв.*

То же самое показывает и этнографическая карта г. Викенеля²⁷, к которой мы вернемся ниже. Если бы нас спросили: «Неужели не существует никакого физического признака границ славян и уральцев в современном Российском государстве, который, согласно твоей теории, мог бы обозначить физическую границу между составом почвы, климатом, растительностью, болезнями, между европейской и азиатской системой?» Ответу честно: нет. Господа геологи, ботаники, минералоги и другие, которых это занимает, могут воспользоваться в своих исследованиях подробными границами, отделяющими славян от уральцев, которые приводит Шафарик. Вот они (выписываем из *Славянских древностей*): границы славян и уральцев, которые находились под властью Руси, варягов или норманнов, «эти границы доходили на севере (автор имеет в виду главным образом славян) через озеро Ильмен до самого озера Ладога и оттуда шли на восток по реке Тверце вплоть до Волги, оттуда по западному берегу реки Москвы до самой Оки, оттуда до самых истока Дона, а по Дону вплоть до впадения в него реки Сосны, оттуда до истоков Окола и до самого Донца и вдоль реки Угол (сегодня Орел) до самого

* Призываю господ этнографов обратить особое внимание на эту карту, поскольку она была сделана в Петербурге (1824) под присмотром самого Карамзина, и служит для иллюстрации его *Истории*. Она находится в Библиотеке Рихелье в разделе карт.

Днепра, оттуда вдоль берегов Днепра вплоть до устья Южного Буга» (*Славянские древности*, т. 2, раздел 27).

Вот они, подробные границы, где *далее всего на севере и на востоке можно искать поселений славян* в IX–XII вв., а мы говорим: и сейчас. Вплоть до этих самых границ мы считаем нужным изучать *состав почвы, растительность, климат в европейской системе* с той, однако, оговоркой, что течение реки Десны относится к системе европейских рек, поскольку Десна впадает в Днепр*.

Если следовать изложенным нами идеям о выборе народами земли для проживания (во времена, когда они могли выбирать), станет очевидным, что земледельческие народы распространились на восток, вплоть до тех самых границ Европы, где заканчивается система европейских гор, и система европейских рек, и система европейской флоры, а значит, и европейского климата.

И наоборот, уральские народы, у которых преобладает кочевническо-купеческая жизнь, распространились из Азии на Запад вплоть до границ систем, создающих единство Европы с точки зрения географии.

Чем больше мы будем вникать в эти идеи, тем больше будем убеждаться в их справедливости. Это очевидно, например, и в принципах естественных границ польского и московского государств. Несколько замечаний об этом предмете позволят нам показать их справедливость в практической сфере.

Каково же влияние географического положения Польши и Москвы на образование этих государств?

Вот вопрос, ответом на который мы завершим наши наблюдения над предметом, которому посвящен этот раздел нашего труда.

Естественным следствием сказанного выше должно стать то, что концентрация и развитие идей о государстве у жителей географических систем Польши и Москвы должны существенно различаться в основных своих принципах, ибо названные

* Именно с учетом того, что река Десна относится к системе европейских рек, поему и Малороссия относится к географической системе Европы со всеми важнейшими последствиями этого положения.

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

физико-географические факторы требуют совершенно иной экономии при управлении Польшей и Москвой. Рассмотрим это положение более детально.

Мы уже видели, что географическое строение Польши создало в ней несколько важнейших регионализмов. Таким образом, экономия правительства Польского государства должна преследовать главную цель во внутренней политике: *приложить все усилия для того, чтобы исчезли эти региональные особенности ее жителей.*

Такой была главная проблема всей прежней истории Польши, таковы ее современные задачи и такими будут ее задачи всегда; ибо никогда не перестанут появляться особенности, и отдельные личности, и провинции, а значит, никогда не прекратится работа в этом направлении.

Доказательства наших слов имеются в истории всех индоевропейских народов. Франция лишь в конце прошлого столетия стала единым государством, какое мы видим сегодня, но и сегодня еще главные усилия французского правительства во внутреннем управлении идут на *старания по концентрации власти.* Впрочем, некоторые французы, как граф Монталамбер²⁸ и другие думают, что Франция, раз уж она едина, может теперь дробиться без опасений утратить это единство; даже околоправительственные органы иногда заявляют нечто подобное; но лишь иногда, и то с опаской, и это правильно: ведь жители Франции еще не столь прочно объединены, как парижане. Народам же это свойственно: без излишнего насилия сблизаться друг с другом, ибо в этом состоит их главная цель на земле; в свою очередь, это сближение должно происходить в рамках древних разделений рода человеческого, исторических отношений и географических влияний. Эти последние имеют здесь особый вес.

Все зло современной Испании происходит оттого, что там развитие регионализмов по-прежнему чрезвычайно сильно. Испанцам пока еще труднее объединить свои историко-региональные силы, чем французам, поскольку географическое строение Испании создает более сильные регионализмы, чем строение Франции. Это касается также и англичан, и немцев, и

итальянцев, и скандинавов, так как всюду влияние географии, особенно системы гор и рек, создает условия для развития сильных регионализмов, а не князя или правительства!

Таким образом, Польша демонстрирует тесное единство в отношении этой главной проблемы с Германией, с Италией, с Испанией, с Англией.

Географическое устройство Московского государства освобождает правительство этого государства от проблемы, основной для правительств европейских государств, а именно: уничтожения регионализмов, ибо примерно сорока миллионам москалей, можно сказать, не знаком регионализм: единство московского языка, который един у народа и у дворянства (ведь они выучили его, так сказать, по книгам), показывает это лучше всего.

Много говорят о регионализме донских, уральских и сибирских казаков. Однако, как мы уже писали, что как в Польше Днепр, так и в Москве Дон из-за своей относительной незначимости для других рек в этих странах, не мог создать мощного регионализма. Тем более, что донские и иные московские казаки отличаются от других москалей лишь тем, что они более подвижны, а следовательно, менее просвещены. В своей исторической памяти донские казаки хранят, правда, легенды о войнах с москалями, но и те и другие составляют теснейшее единство и вместе отличаются, например, от славян. Наконец, донские казаки немногочисленны: все их население не насчитывает даже миллиона.

В целом московское правительство не направляет своих усилий на противодействие развитию регионализмов в самом Московском государстве, ибо не в этом состоит его главная цель, как это происходит во всех других европейских государствах, ибо даже жители Центральной Азии, не имея своего развитого регионализма, не отличаются в основных потребностях своего рода и характера своей цивилизации от москалей; и в этом отношении, и по своему происхождению они — москали и легко переймут и московский язык, и московскую христианскую религию.

Однако Москва в результате разделов Польши сломала извечный порядок, следующий из географических принципов двух

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ
государств, которые должны исполнять свое предназначение совершенно независимо.

Насильственные методы, к которым прибегает петербургский кабинет в своем желании «омосковить» Польшу, доказывают, что Москва не чувствует в себе никакой моральной силы, которая бы, в свою очередь, могла заставить поляков оставить свою национальность ради московской, как, например, немцы пользуются своей моральной силой, а именно представлением о превосходстве своей цивилизации, например, в отношении идей. Польша исходила в своем отношении к Руси из представлений о превосходстве своей цивилизации. Жалобы жителей Познани на немцев вводят москалей в заблуждение. Они убеждены, что поляки под властью немцев больше страдают, чем поляки, оставшиеся под московским владычеством.

IV

Петербургское правительство именно потому, что в его состав входят люди, воспитанные скотоводческими и купеческими народами, и которое ориентируется на великое множество своих подданных того же степного воспитания, не знакомых с развитием индивидуальности ни в отдельном человеке, ни в провинциях, не может исполнять свои христианские обязанности в отношении жителей Польши и вынуждено стать для них тираном. Тираном вынуждено стать для поляков прекрасное для москалей московское правительство, ибо по природе своей оно не может вести поляков моральным путем к сближению с москалями, ибо мораль народа московского, а именно представления о правах человека всегда были, есть и будут хуже развиты, чем такие же представления у поляков (а значит, и у малороссиян), потому, что географическое строение Польши, относящее ее к гористым и возделываемым землям, развило у ее жителей привязанность к земле, любовь к земледелию, отсюда — и к земельной собственности, отсюда и более высокий уровень развития представлений о праве, о правах человека. Народы воспитанные так, как московский, под влиянием степи, не знают, не чувствуют

всех этих движений души или знают в их среде одни лишь ученые, но и они не чувствуют их и не имеют для них сочувствия.

Польское государство возникло как результат добровольного сближения четырех регионализмов, развившихся благодаря системе польских рек — одним словом, оно возникло на правах федерации. Так же на правах федерации создавались все европейские государства. Были и здесь завоевания, связанные с тиранами, но в истории европейских государств преобладают не завоевания, а федерации как добровольный договор, как это было в Германии или Италии, или приобретение, или переход по наследству. Федеративная идея преобладала в образовании европейских государств благодаря их системе гор и рек, создавшей сильные регионализмы. Именно на таких основаниях и возникло польское государство. В образовании же московского государства, как и в образовании всех государств у степных народов, преобладает *завоевание* в буквальном значении этого слова. Федеративные принципы, как например, переход земли по наследству, брак или приобретение, есть в истории государства московского, но действовали они как исключение, чтобы подтвердить, что завоевание есть главный принцип создания этого государства. В подтверждение справедливости сказанного стоит лишь напомнить, что в истории Польши главнейшим событием является добровольное объединение жителей Галицкой Руси в первой, а остальных ее частей во второй половине XIV в., в то время, как главнейшим событием московского государства является *покорение* Казанского, Астраханского и Ногайского ханств во второй половине XVI в.

Окончательный вывод из этих замечаний таков: наблюдается удивительная гармония между географическими границами Европы и Азии в современной Российской империи и границами между их жителями с этнографической точки зрения и, что еще важнее, с точки зрения характера цивилизации последних.

Не мы сами, но гораздо более серьезные исследователи предмета, который нас занимает, приходят к таким же выводам: как Мальте-Брюн и Шнитцлер, когда они представляют финские горы и днепровские возвышенности как *последние звенья в европейской*

горной системе, тем самым признавая единство Европы западной и южной, вместе с приднепровской, то есть восточной, и исключая Москву из этого единства; как Карамзин, представляющий Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов как самые удаленные славянские города на Востоке; как Вискнель, показывающий, что и сегодня границы разделяют славян и уральцев, то есть земледельцев и скотоводов (так как и он смотрит на москалей как на народ пастушеский); как Надеждин, считающий географические границы Восточной Европы западными границами Московского государства; как барон Гаксгаузен, который также Новгород, Белую и Малую Русь считает последними странами, заселенными народами европейской цивилизации. Мы показали, в свою очередь, что европейская система рек и флоры и европейский климат также совпадают с восточными границами системы европейских гор и с западными географическими границами Москвы.

Нам остается лишь напомнить о том, что мы уже доказали в *первой части*, а именно, что еврейская и мусульманская религии, которые находятся в полной гармонии с исконной цивилизацией скотоводческих народов, имели своих приверженцев среди аборигенных жителей Москвы, что эти религии остановились на западных границах Москвы (Основы, часть I, с. 65).

Упомянутая гармония должна стать основой для исследований не только богатств земли и климата Польши и Москвы, но основанием истории жителей этих стран, во всех проявлениях их жизни.

Эту гармонию состава почвы, ландшафта, течения рек, климата, состояния флоры мы назвали в самом начале настоящего раздела: *Основами истории Польши и Москвы* во времена, когда эти страны еще не были заселены. Мы видели, что для исследования этой истории в меньшей степени пригодны хроники, здесь *лопата* служит самым полезным и самым практичным средством обнаружения границ между индоевропейскими и уральскими народами в целом и особенно между славянами и москалями, между польским и московским государствами.

Границы между этими двумя государствами, которые были созданы в XIV и XV в., когда и Новгород, и Малая Русь входили

ли в состав Польского государства, являются одновременно как с географической точки зрения, так и с точки зрения культуры границами народов двух ветвей: индоевропейской и уральской *во всех проявлениях их жизни.*

Таковы результаты наших исследований. А теперь зададимся вопросом: неужели эти результаты могут быть опровергнуты? Отвечаем: они никогда не будут опровергнуты, как никогда земля Польши не перестанет относиться к европейской системе, а земля Москвы к азиатской системе, разве что мы назовем Азию Европой, но и тогда будет две Европы, как, по сути, есть и сейчас, а именно: Европа до восточных границ Польши и Европа московская, ведь Москва и сегодня составляет половину Европы.

Те, кто говорит, что прогресс человечества опровергнет эти положения, грешат перед законом божьим, ибо пока будут люди на земле, они будут под властью земли, и даже святость поляков и святость москалей будет разной, ибо Господь Бог жаждет разнообразия даже в самой святости.

Мы обращаем взор в далекое будущее и с наслаждением видим бесчисленных потомков сегодняшних миллиарда или двух миллиардов людей, жителей Европы, Азии, Африки, Америки, Океании и Австралии, ставших ближе друг к другу благодаря силе пара и силе электричества, возмозжно, летающих по воздуху в гости друг к другу, видим — что слаще всего для христианина — исполнившийся на земле главный завет Бога о будущности рода человеческого: будет одно лишь стадо и один пастырь, и всех охватит христианское милосердие, и властью над людьми будет лишь власть духовная, а именно моральная! Мы видим все это, ибо так быть должно. Но мы видим, что и в этом единстве будет разнообразие: *разнообразие святости.* Это разнообразие святости среди людей всегда будет основываться на их потребностях, проистекающих из их исконного разделения на земледельцев и пастырей и из влияния на них географического характера почвы. Согласно этому извечному и непреложному закону, жители Польши, и даже Польши днепровской, будут в проявлениях своей святости и милосердия ближе к испанцам, итальянцам, жителям Мексики, Чили и Нового Света, чем к ближайшим

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

своим восточным соседям, то есть к москалям; ибо и те и другие будут развивать свою святость в согласии с исконной своей цивилизацией и в соответствии с географическим влиянием своих земель, которые в Европе более гористые, чем в Москве или Средней Азии.

Москали станут святыми, но будут проявлять свою святость так, что возлюбив поляков, они, однако, всегда будут ближе к народам уральской ветви, к степным народам, чем к полякам.

Такого же мнения придерживается замечательный ученый москаль, князь Гагарин²⁹, ныне монах иезуит. Ученый этот открыто заявил в *L'Univers*³⁰, католической парижской газете, что «никогда российские католики не встанут под одними флагами с католиками поляками»³¹ (в дискуссии с газетой *Przegląd Rozpnański*, см. *Часть первая Основ, с. XX*). Мы этого не заявляем, будучи уверенными, что московские католики будут отличаться с практической точки зрения от польского католицизма, из-за действия непреложных законов, о которых мы уже говорили, а именно законов географических и этнографических.

Таковы истины, которые тщетно петербургский кабинет и историческая школа, созданная им в прошлом веке, пытаются стереть из памяти человечества. Тщетные усилия: не вы, о, монархи, не вы, сановники, не вы, историки, разделили земли горами и реками, не вы разделили род человеческий на земледельцев и пастырей, не вы были свидетелями этого деления, значит, и не в ваших силах уничтожить следствия, проистекающие из этого деления и земли, и людей.

С болью в сердце останавливаемся мы здесь: мы ограничены в издательских возможностях и хотели указать лишь те разнообразные пути, которые ведут к изучению истории Польши и других славянских стран, а также к изучению истории Москвы, которые заброшены историками; наконец, в следующем разделе мы намерены представить, пусть кратко, результаты наших исследований внешнего вида жителей Польши и Москвы, их духовных, поэтических, религиозных потребностей, их идейных представлений о форме правления, о правительстве, о понятиях, следующих из происхождения и исконного характера их цивили-

зации, а значит, придется нам вновь обратиться к землям Польши и Москвы, к землям Европы и Азии и придется нам показать новые детали географического влияния строения Польши и Москвы на создание этих государств.

Что касается меньшинства славянских земель, о которых мы не говорили. Меньшинства, ибо Польша и Малороссия составляют большую часть славян. Итак, земли славян, живущих за пределами Польши, относятся к землям европейской системы, так как они гористые и обладают множеством речных систем, а посему в них есть, как и в Польше, проявления регионализмов. Жители этих земель так же привязаны к земле, разве что за исключением болгар, которые чрезвычайно смешаны с уральцами, остальные же предпочитают земледелие торговле, а стремление наследовать землю у них, как и у поляков, сильно развито, со всеми прекрасными последствиями такого стремления как проявления морали, федеративных идей и т. д. Одним словом, славяне, живущие за пределами Польши, находятся под тем же географическим влиянием, что и поляки.

Таковы замечания, с которыми петербургский кабинет обязан был ознакомить тех лиц, которые хотели бы увековечить память основания Московского государства. Разумеется, что уже из географических оснований следует, что Московское государство, заключающее в себе половину Европы, не могло быть основано ни в Новгороде, ни на Руси, но лишь в самом Московском государстве, то есть в географической системе Москвы.

Перевод с польского О.А. Остатчук

Комментарии

Франтишек Духиньский

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

Духиньский (Duchiński) Францишек Хенрик (1816–1883) — польский историк, этнограф, писатель. Родился в украинно-польской семье в Киевской губернии Российской империи. Уже в первых своих работах на русском и польском языках исследовал взаимоотношения России и Польши. После польского восстания 1830–1831 гг. эмигрировал во Францию. Разрабатывал оригинальную теорию славянской этнографии, был профессором истории в Высшей польской школе в Париже, хранителем польского музея в Рап-

персвилле (Швейцария), вице-президентом Парижского этнографического общества.

Труд Ф. Духиньского «Основы истории Польши и других славянских стран, а также истории Москвы», был издан в Париже тремя частями в 1858, 1859 и 1861 гг. Фрагмент второй части печатается по: *Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku. F. H. Duchinińskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde, 1859. S. 5–32. Перевод О.А. Остапчук.*

¹ Здесь и далее этнонимы, в том числе историзмы «Москва», «москали» сохранены в соответствии с текстом оригинала. Духиньский в традиции польской литературы того времени именует «москалями» жителей «Москвы» — независимого Русского государства, возродившегося в Северо-Восточной Руси после падения татаро-монгольского ига, а собственно русскими, «русинами» — жителей западных и юго-западных русских земель, захваченных в XIV в. Польшей и Литвой.

² *Первая часть нашего труда* — имеется в виду первая часть книги «Основы истории Польши...» (*Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy...* F.H. Duchinińskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde, 1858).

³ *Физиогномики* — физиогномика (от греч. *phýsis* — природа, природные задатки и *gnomonikós* — сведущий, проникающий) — искусство распознавать природные задатки (особенности характера и склонности человека) по физическим свойствам (пропорциям лица и тела, характерным минам, жестам и позам, телесной конструкции и осанке).

⁴ *Восточный берег Днепра* — имеется в виду правый берег Днепра.

⁵ *500 000 рублей серебром на воздвижение памятника в Новгороде, призванного увековечить, как гласит манифест кабинета министров, основание российского государства в 852 г.* — имеется в виду памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый в Великом Новгороде в 1862 г. в честь тысячелетнего юбилея основания государства Российского. В 1857 г., в преддверии памятной даты 1000-летия призвания Рюрика на княжение, по желанию министра внутренних дел и последовавшего за ним постановлению Комитета Министров был объявлен конкурс на лучший проект памятника, который планировалось поставить в Новгороде, куда, согласно легенде, варяг и был призван. Государство объявило о начале повсеместного сбора денег от всех сословий населения на сооружение этого памятника. Планировалось, что стоимость памятника составит полмиллиона руб., но народ пожертвовал только около 150 тыс. руб.; и основная сумма в 400 тыс. руб. была добавлена государством. В конкурсе одержал победу проект художника М.О. Микешина. Наряду с ним в создании памятника приняли участие скульпторы и архитекторы И.Н. Шредер, Р.К. Залеман, П.С. Михайлов, Н.А. Лаверецкий, А.М. Любимов, М.А. Чижов, Г.А. Боссе и В.А. Гартман. В июле 1860 г. На памятнике помещено 120 фигур людей, признанных выдающимися деятелями Русского государства. Главное управление путей сообщения заключило со скульпторами контракты, по которым за лепку

каждой фигуры в глине, затем ее отливку в гипсе в двух экземплярах, с последующей доставкой на бронзовую фабрику, было назначено вознаграждение в 4000 руб. Памятник открыли 8 сентября 1862 г. в присутствии императора Александра II.

⁶ *Указом Екатерины II* — своим указом от 4 декабря 1783 г. императрица Екатерина II повелела создать «Комиссию для составления записок о древней истории, преимущественно России» под наблюдением графа А.П. Шувалова, которого вскоре заменил Герард Миллер. В результате работы комиссии появилась отредактированная самой Екатериной II «Летописный свод государства Российского» в пяти томах, а теория норманизма (т. е. призвания варягов, якобы и создавших русское государство), которой придерживались приглашенные на работу в Россию З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.А. Шлецер и др., стала господствующей в исторической науке (см.: Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005).

⁷ *Рюриковичи правили там по праву добровольного выбора на трон династии Рюрика; что дом Романовых, а затем и Гольштейн-Готторпов* — перечислены династии русских правителей. Последними правителями правящей династии Рюриковичей на Руси были цари Федор I Иоаннович (1557–1598), правивший с 1584 г. и Василий Шуйский (1552–1612), правивший с 1606 по 1610 г. под именем Василий IV Иоаннович. В 1613 г. был избран на царство Михаил Федорович Романов (1596–1645). Прямая ветвь рода Романовых на всероссийском престоле пресеклась после смерти императрицы Елизаветы Петровны в 1761 г., когда готторпский герцог Карл Петер Ульрих (1728–1762) стал императором Всероссийским под именем Петра III. Гольштейн-Готторпская ветвь Романовых правила Россией до 1917 г.

⁸ *Основы... Часть Первая* — Духинский ссылается на первую часть своего труда: *Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy przez F.H. Duchnińskiego*. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde, 1858.

⁹ *Буг* — речь идет о реке Западный Буг.

¹⁰ *Бужанин-русин* — здесь имеются в виду жители Галиции, Буковины и Закарпатья, входивших в состав Габсбургской империи, а также Вольни и Холмщины Российской империи, которые называли себя «русинами». Так же называли их и поляки.

¹¹ *Мальте-Брун* — Мальт-Брюн, Мальтебрюн (Malte-Brun, настоящее имя — Мальт Конрад Брююн) Конрад (1775–1826), французский географ датского происхождения, картограф, автор фундаментального «Курса всемирной географии» (Париж, 1810–1829, т. 1–8) многократно издававшегося в Европе. Духинский ссылается на пятое издание, во второй том которого вошло «Описание Европы» (*Précis de la géographie universelle: Ou description de toutes les parties du monde, sur un plan nouveau, d'après les grandes divisions naturelles du globe; précédée de l'histoire de la géographie chez les peuples anciens et modernes, et d'une théorie générale de la géographie mathématique, physique et politique... par Malte-Brun. Cinquième édition par m. J.-J.-N. Huot. Tome deuxième. Description de L'Europe. Paris: Au bureau des publications illustrées, 1845*). У Духиньского ошибочно указан 1844 г.

¹² *Шницлер* — Шницлер (Schnitzler) Иоганн Генрих (1802–1871) — эльзасский историк и статистик, работавший в России в 1826–1848 гг., автор труда *Statistique et itinéraire de la Russie, ou Manuel complet du diplomate, du négociant et de tout voyageur en Russie. Ouvrage accompagné de cartes, de plans et de tableaux statistiques et généalogiques; par J.H. Schnitzler. Première partie. Essai d'une Statistique générale de l'Empire de Russie.* — Strasbourg, de l'impr. de F.G. Levrault. 1829. («Статистика и дорожник России, или полная ручная книга для дипломата, купца и всякого путешествующего по России. С картами, планами и таблицами статистическими и родословными. Сочинение И.Г. Шницлера. Часть первая. Опыт общей статистики российского государства»), на который ссылается Духинский.

¹³ Имеется в виду двухтомный труд деятеля словацкого и чешского национального возрождения, историка, филолога, поэта Шафарика (Safarik) Павла Йозефа (1795–1861) «Славянские древности» (1836–1837), который имел большой успех и был переведен на русский, польский и немецкий языки. Духинский ссылается на польское издание: *Starożytności słowiańskie* P.J. Szaferczyka. T. 2 / Przeł. z czes. H. N. Bieńkowski. Poznań : W. Stefański, 1844.

¹⁴ Здесь и далее Ф. Духинский ссылается на сочинение барона фон Гакстгаузена (Haxthausen) Августа (1792–1866) — прусского экономиста. В мае—октябре 1843 г. А. Гакстгаузен совершил путешествие по ряду губерний России, плодом которого явился трехтомный труд: «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*» («Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России»). На немецком языке первые два тома, а также практически одновременно их французский перевод «*Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen. Edition Française*» вышли в 1847 г., третий том в 1852 г. на немецком и в 1853 г. на французском языках. На третий том французского издания и ссылается Духинский.

¹⁵ *Высшей польской школы в Париже* — Высшая польская школа была основана князем Адамом Чарторыйским в 1848 г. и располагалась на бульваре Монпарнас в Париже. Духинский преподавал в ней историю.

¹⁶ *Чумаки* — украинские крестьяне, которые в XVI–XIX вв. отправлялись на волах к Черному и Азовскому морям за солью и рыбой, развозили их по ярмаркам, а также занимались доставкой хлеба и других товаров.

¹⁷ *Лагеря Карла XII* — Карл XII (1682–1718), король Швеции (с 1697) после поражения от русских войск в Полтавской битве (1709) бежал в Османскую империю в окрестности г. Бендеры. За время четырехлетнего «бендерского сидения» Карл XII построил три лагеря-города на левом берегу и на правом берегах Днестра.

¹⁸ *2. Маслов* — Маслов Степан Алексеевич (1793–1879) — русский писатель, юрист, агроном, деятель сельского хозяйства, основатель и многолетний секретарь «Императорского Московского общества сельского хозяйства» (1820), первый редактор «Земледельческого журнала» (1821–1840).

¹⁹ Цитата восстановлена по: Б. Годъ за границею // Отечественные записки, учебно-литературный журнал. Томъ СХІV. 1857. Годъ девятнадцатый.

Сентябрь. Санкт-Петербургъ, 1857. IV. Смесь. С. 1–21 (орфография изменена).

²⁰ Г. Надеждин, профессор Петербургского университета. ... в Энциклопедическом словаре, выходявшем в Москве в 1836–1838 гг. в статье Великороссия — имеется в виду статья русского литературоведа, историка и этнографа Надеждина Николая Ивановича (1804–1856) «Великая Россия», вошедшая в так называемый Лексикон Плюшара, который выходил в типографии А.А. Плюшара с 1835–1841 гг. под редакцией Н.И. Греча, затем А.Ф. Шенина и др. (Надеждин Н.И. Великая Россия // Энциклопедический лексикон. Т. IX. СПб., 1837: в типографии А. Плюшара. С. 261–276). Статья эта была написана бывшим профессором словесных наук не Петербургского, как ошибочно указывает Духиньский, а Московского университета Н.И. Надеждиным в ссылке, в которой он находился до 1838 г. за публикацию в 1836 г. в своем журнале «Телескоп» знаменитого философического письма П.Я. Чаадаева.

²¹ № 104 газеты «Петербургские ведомости» за 1857 г. — Духиньский цитирует статью «Заметки на лету», помещенную в разделе «Фельетон» газеты «Санктпетербургские ведомости» (К. Заметки на лету. I. От Петербурга до Варшавы // Санктпетербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 15 мая 1857. Среда. № 104. С. 1.).

²² Г. Яковлев — статья в «Санктпетербургских ведомостях» подписана псевдонимом «К.».

²³ В примечании Духиньский упоминает *Общество польских врачей в Париже* — «Общество врачей польского происхождения в Париже» (Association des Medecins d'Origine Polonoise de Paris) было основано группой польских врачей-эмигрантов, главным образом А. Рачиборским и А. Баранецким в 1858 г.

²⁴ В примечании Духиньский ссылается на амстердамское издание книги французского астронома и путешественника, первооткрывателя нового литературного жанра — путевых заметок — аббата Жана Шап Д'Отроша (Chappe d'Auteroche) (1722–1769) «Путешествие в Сибирь» (Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les Moeurs, les Usages des Russes, & l'État; &c. Par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche... Amsterdam: Marc Michel Rey, 1769).

²⁵ Н. Карамзина, содержащуюся в первом томе его *Истории* — имеется в виду «История государства Российского» (т. 1–12, 1803–1826) Николая Михайловича Карамзина (1766–1826).

²⁶ *Этнографические карты Ахматова* — имеется в виду «Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства, составленный на основании истории Карамзина Иваном Ахматовым» (СПб. Ч. 1–2, 1829–1831).

²⁷ *Викенеля* — Викенель (Viquesnel) Огюст (1800–1870), французский путешественник, геолог, географ, этнограф, президент Французского геологического общества (1858).

²⁸ *Граф Монталамбер* — Монталамбер (Montalembert) Шарль-Форб де Трион (1810–1870) — французский политический деятель.

²⁹ *Князь Гагарин* — Гагарин Иван Сергеевич (1814–1882), князь, российский дипломат. В 1842 г. перешел в католичество, затем вступил в орден иезуитов,

ОСНОВЫ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ, ИНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И МОСКВЫ

был рукоположен в священники, изучал богословие, преподавал церковную историю в нескольких иезуитских колледжах. После публикации сочинения «Россия, станет ли она католической?» (1856) доступ в Россию для Гагарина был закрыт, он был лишен всех сословных и имущественных прав.

³⁰ *L'Univers* — имеется в виду “L'Univers religieux, philosophique, politique, scientifique et littéraire” («Мир религии, философии, политики, науки и литературы») — французская клерикальная газета.

³¹ В тексте цитата на французском языке.

***Комментарии О.А. Остапчук, А.А. Ширинянца,
при участии П.И. Талерова и Й. Деца***

Юзеф Пилсудский

РОССИЯ*¹

Русский Царь — главный враг польского рабочего класса. Варварские законы, связывающие каждого человека и обрекающие его на чиновничий произвол, национальный гнет, задерживающий естественное развитие нашей страны, дикое преследование каждого, даже незначительного, проявления рабочего сознания — все это плоды правления Царя у нас. Царское Самодержавие — главное препятствие на нашем пути всегда и теперь, когда мы ведем борьбу исключительно за наши насущные интересы.

В будущем, с развитием сил и сознания трудящейся массы, польское рабочее движение будет стремиться осуществить его настоящие и коренные задачи. Польский рабочий уже понял необходимость политических свобод и все больше стремится к партии, которая в своей программе требует Независимой и Демократической Речи Посполитой**, лучше всего обеспечивающей эти права и содействующей полной победе пролетариата — введению социалистического строя. Поэтому борьба рабочего класса с царским самодержавием неизбежна, борьба не на жизнь, а на смерть, и легко предвидеть, кто победит в этой борьбе. Рабочие и их дело не пропадут, поэтому погибнет самодержавие.

Но к этой борьбе мы должны приготовиться. Необходимо знать противников самодержавия, которые могли бы присоеди-

* Robotnik, однодневка, издательство Польской Социалистической Партии, Лондон [1895]. Пилсудский Ю. Собрание сочинений. Т. 1. С. 79–91. — Прим. польск. издателей.

** Это требование находится в парижской программе, принятой Польской Социалистической Партией в ноябре 1892 г. См.: Szkic programu polskiej partii socjalistycznej 1878–1917, zebrał F. Tych, Warszawa 1975. — Прим. польск. издателей.

ниться к нам в нашей общей борьбе. Одного из этих противников самодержавия мы хорошо знаем — это международное движение рабочего класса всех стран, частью которого мы являемся и которое в лице гениальных своих представителей, вспомним хотя бы имена Маркса², Энгельса³, Либкнехта⁴, Бебеля⁵, Геда⁶ решительно определило свою позицию. Необходимо также распознать врага, понять его и иметь представление о его сильных и слабых сторонах. Поэтому необходимо изучить общественные условия России, продуктом которых является самодержавие.

Этому посвящена наша статья. Рассматривается в ней положение каждого социального слоя и класса и его отношение к самодержавию.

I

Самым многочисленным классом в России является крестьянство. Жители городов составляют десятую часть населения (в Польше четвертую). Города, кроме немногочисленных индустриальных центров, не имеют почти никакого значения для экономики страны; это острова в океане крестьянства, места пребывания различных губернских и уездных органов власти, с множеством чиновников, живущих за счет деревенского населения.

И хотя Россия — это крестьянское государство, но это не значит, что она для них является раем. Отнюдь! Невозможно описать словами какую ужасающую нищету терпит эта громаднейшая, но и покорная масса населения, какое унижение является ее участью и какое невежество царит среди крестьян. *Крестьяне были освобождены и наделены землей* в значительно меньшем количестве, чем наши крестьяне*, помещики при этом распорядились так, чтобы крестьяне получили самые худшие земли по цене значительно превышающей их стоимость. Кроме

* Освобождение крестьян в Польше, провозглашенное народным правительством, произошло во время восстания 63 г., поэтому царское правительство, желая заручиться поддержкой крестьян наделило их отрезками земли более крупными, чем своих крестьян. — Здесь и далее прим. Пилсудского.

этого крестьянство несло всю тяжесть налогообложения. Дворянство в России имеет десять миллионов десятин и платит за них в казну тринадцать миллионов рублей. В руках крестьян сто пять миллионов десятин, а налог с земли достигает сто девяносто пяти миллионов рублей. Было подсчитано, что во многих регионах, если даже крестьянин продал бы все, что собирает на своем скудном отрезке земли, не оставляя никаких средств ни для себя, ни даже для своей *семьи* к жизни, то и так этого не хватило бы ему на уплату всех налогов.

При таких условиях хозяйства с каждым годом все более нищают, крестьянин постепенно продает скот, почва все более истощается, голод и нищета становятся частыми гостями в крестьянском доме, попадает он в сети ростовщиков, но и тогда не в состоянии платить налоги. Казна несет убытки, которые с каждым годом все больше увеличиваются, и до милостивого манифеста нового царя, который простил половину этой задолженности (потому что знал, что и так этих денег не выжать), русские губернии, как правило, задолжали казне годовой налог, а некоторые, например, Самарская, Казанская, Воронежская, Уфимская и др. не платили налогов два и даже три года.

В наше время главная сила на свете — деньги, об этом хорошо знает самодержавие и поэтому все время ужесточает законы, чтобы выжать деньги из несчастного крестьянина. Губернаторы вознаграждаются за хороший сбор податей; поэтому осенью, когда наступает время платежей по всей России, раздаются свист розог и стоны избиваемых мужиков. Как видим, царь Александр II⁷ освободил крестьян от помещиков, чтобы заковать их в кандалы нищеты.

Ненамного же добродетение царя улучшило судьбу крестьян. Если и вздохнули они с облегчением от грабежа и угнетения крепостников, то эта относительная свобода продолжалась недолго. Уже сын добродетеля, злопамятный Александр III⁸, решил, что крестьяне имеют слишком много свободы. Он установил так называемых земских начальников⁹, которым дана почти неограниченная власть над крестьянами. Закон точно не определил, что собственно должен такой начальник делать, поэтому поступают

они с крестьянами по своему произволу и сами решают, как народ воспитывать в послушании и смирении. На эту должность назначают крупных дворян-землевладельцев, которые взяв кнут в руки, вспомнили давние времена крепостничества.

Длинный был бы список, если бы перечислить все дикие идеи, которые зарождаются в головах пропитых и к тому же совершенно тупых начальников, однако для представления этой стороны народной жизни вспомним, по крайней мере, о некоторых. Почти везде эти начальники приказали крестьянам при встрече с дворянами или чиновниками кланяться и уступать дорогу. Некоторым захотелось, чтобы на подчиненных им землях, супружеские пары жили в согласии, а дети почитали родителей. Издали поэтому соответствующие законы и арестом или розгами наказывают ссорившихся супругов и непослушных сынов и дочерей. В Смоленской губернии один такой сатрап запретил крестьянам на собственной земле сеять клевер, обосновывая, что это для них эта ненужная роскошь; в другом месте начальник хотел перевоспитать «ленивых мужиков», поэтому просил всех помещиков доносить ему о нерадивых и неработающих мужиках, чтобы их наказать (и опять розгами).

Нищета и рабство — два слова, описывающие жизнь русского крестьянина. Хотя он имеет надел земли, но не является его собственником, потому что плоды его труда не принадлежат ему, львиную долю пожирает правительство, остатки же высасывает множество мелких пиявок: чиновники, дворяне, ростовщики. Не удивительно, что крестьянин всей душой ненавидит этих пиявок, которые пьют его кровь. Но, к несчастью, ненавидит он своих непосредственных угнетателей, а царю, кто все эти насилия освящает и узаконивает, верит и любит его как Бога.

Русские крестьяне убеждены, что царь заботится только об их счастье, а если они и встречаются в своей жизни только несправедливость, если судьба им никогда не благоволит, виноваты в этом господа и чиновники, которые обманывают царя рассказами, что крестьяне хорошо живут. Во всех крестьянских восстаниях выступают они против дворян, чиновников, готовы их резать и жечь, но никогда не восстают против царя.

Самое известное крестьянское восстание в конце прошлого века — восстание Пугачева¹⁰, — когда полыхало почти пол-России и едва не обрушился престол Екатерины¹¹, — достигло такой силы только потому, что Пугачев¹² назвал себя спасшимся от преследования Екатерины II императором Петром III¹³. Когда двадцать лет тому назад русские революционеры призывали крестьян к восстанию, только в одной местности удалось им поднять бунт, и только тогда, когда один из них решил сыграть роль царского посланника*. Стоит вспомнить историю, произошедшую во времена недавнего голода¹⁴. Царь и его правительство не хотели тратить деньги на такие глупости, как помощь голодающим. А когда общество частным образом собирало средства для помощи голодающим, покупало хлеб и посылало его крестьянам, мужики всех раздающих еду привечали как посланников царя, и даже были случаи, когда крестьяне понравившихся им ошибочно принимали за переодетого наследника!

Крестьянин не видит дальше собственного носа. Дворянин, чиновник, ростовщик эксплуатируют его и поэтому заслуживают ненависть, дальше однако крестьянин не видит, и ненависть его не является, так сказать, продуктивной, скорее стихийной, бессознательной. Это так, как если бы рабочий чувствовал только гнет и эксплуатацию капиталиста и не понимал, что эта эксплуатация зависит не от данного конкретного владельца, но следствие капиталистических отношений как таковых.

С чем, однако, связано это непонимание реальности. Для объяснения этого обратимся к истории.

Долгое и тяжелое монголо-татарское иго¹⁵, которое продолжалось несколько веков, оставило нестираемый след на всей русской истории и определило национальный характер. Привило оно этот дух рабства, эту покорность власти, это безропотное принятие ударов судьбы, чем отличается русский народ от других. Предшествующее монголо-татарскому завоеванию быстрое и бурное развитие городов замирает, подданные русских

* См. подробнее в книге (Alfonsa) Thuna, *Historia rucha rewolucyjnego w Rosji*. (перевод работы этого немецкоязычного автора издан CZZSP в 1893 г. в Лондоне.)

княжеств утрачивают жалкие остатки свободы. С исчезновением отдельных княжеств, возрастает власть московского князя, предшественника сегодняшних царей, властелинов вольных в жизни и смерти всех своих подданных. Одновременно задерживается экономическое развитие России; города утрачивают свое былое значение, а среди крестьян сохраняется старая форма общинного управления землей.

Форма эта до сих пор поддерживает власть царского самодержавия. Энгельс пишет: «Сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово "мир" означает, с одной стороны, "вселенную", а с другой — "крестьянскую общину"¹⁶. Весь мир означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г-н Ткачев¹⁷ говорит о {"миросозерцании"} русского крестьянина, то он явно неправильно перевел русское слово "мир". Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для {восточного деспотизма}; от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение»¹⁸.

Крестьянские массы, которые унаследовали невежество и рабство, являются естественным базисом самодержавия. Благодаря этой крестьянской массе, самодержавие стало тем, кем оно является — могущественным врагом прогресса во всех странах. Это те самые крестьяне, которые уже будучи солдатами, шли завоевывать и заковывать в цепи другие народы, они и сейчас не осознают собственных интересов и со штыком и нагайкой стоят на страже этого дома рабства и варварства, который называют русским государством. Они являются теми, кто отбирает себе и своей семье кусок хлеба и, не требуя ничего для себя, наполняют царскую сокровищницу и карманы его слуг золотом.

Подведем итоги. Мужики — это самое многочисленное сословие в России. Огромные налоги, законы, защищающие интересы ростовщиков и признающие привилегии дворянства, гнет и самоволие чиновников, одним словом общественно-экономические порядки, господствующие в царской России, толкнули этот класс в пропасть нищеты и рабства. Но отсутствие самосознания у этого класса, его невежество и рабские инстинкты — следствие истории и господствующих экономических условий — не только не создают возможности для крестьянского восстания, но, напротив, являются тем самым фундаментом, на котором построено царское самодержавие.

Единственная опасность, грозящая самодержавию, отнюдь не зависящая от мужичьей воли, в постоянном обнищании и обеднении крестьянства, в неизбежном истощении этого источника, откуда самодержавие черпает свои денежные средства.

II

Вторым сословием, для которого матушка Россия не мать, а мачеха, является рабочий класс — городской пролетариат. По правительственным данным (хотя и не заслуживающим доверия), во всей России, кроме Польши, рабочих, работающих на фабриках, шахтах и в крупных предприятиях, всего около полутора миллионов. Включим семь работников и получим около 6 миллионов пролетариата, а это составит пятнадцатую часть всего населения. Однако для самой России это число не будет так велико. Большею частью этих 6 миллионов являются поляки, литвины, латыши, русины, одним словом, рабочие других национальностей, их прошлое было совсем другим, и поэтому нынешнее их положение значительно отличается от положения русских трудящихся. Населяют они западную часть государства, в которой экономическое развитие пробегало быстрее, чем в самой России.

Капитализм в России пребывает на таком этапе своего развития, когда еще не встречает сопротивления рабочего класса, которого сам же и порождает. Капиталисты в своей погоне за

прибылью продлевают рабочий день, а имея дело с рабочим с небольшими требованиями, платят за тяжелый труд очень мало. Эксплуатация, не встречая сопротивления, безгранично господствует, нагло угнетая и грабя «золотоносный» труд пролетария. Так продолжается до тех пор, пока рабочие не становятся все более и более сознательными, пока не начинают бороться с буржуазией и требовать лучшей доли. Эту сознательную борьбу начали товарищи в западноевропейских странах. Чем далее на Восток, тем тяжелее судьба рабочих, в России самый продолжительный рабочий день, самая минимальная заработная плата и самое плачевное состояние рабочего класса.

Темнота и несознательность рабочих позволяет капиталистам наполнять свои карманы, прибегая ко всяческому насилию и обману, которыми так богато их воображение. Помогает им в этом самодержавно-крепостнический строй России, в котором господствует взяточничество и лихоимство.

Нищета и унижение — удел рабочего. Капиталист смотрит на рабочего не как на человека, но как на неодушевленное орудие, с той только разницей, что машина от плохого обращения ломается, а работник-машина, как представляет сам себе капиталист, от этого крепчает и приносит большой доход. Так происходит и в России. Не встречая сопротивления, фабриканты и заводчики доходят до того, что взрослых рабочих за разные проступки подвергают телесным наказаниям*. Мы, польские рабочие, живущие при этом же правительстве, как и наши русские товарищи, легко можем увидеть это тяжелое положение трудящихся масс, не борющихся со своими эксплуататорами.

Правда, и там случаются забастовки, но это скорее проявление отчаяния и мести, чем сознательное рабочее движение. Если бы это движение действительно существовало, тогда, как поется в майской песенке, «Не смолкал бы его голос» (*Nie zamilknałby jego głos*), к сожалению, этого о русском рабочем движении сказать нельзя. Один из известнейших русских социалистов Плеханов¹⁹ в книге *Русский рабочий в революционном движении* рассказывает, каким серьезным представлялось в 1878 году рабочее

* Robotnik. N 4.

движение. В лице своих наиболее передовых представителей оно созрело для предъявления требований политической свободы. Прошло однако несколько лет и это движение не оставило никакого следа — «голос смолк»! *Если возможно было бы собрать все доступные по этому вопросу сведения, мы нашли бы и другие примеры того, что все усилия пробудить к сознательной жизни рабочий класс в России не оставили никаких следов. Это естественные последствия общественно-экономических отношений в России.*

Рабочая масса в России не является классом пролетариата в точном смысле этого слова. Пролетариат — порождение города. С развитием городов рос и усиливался пролетариат. С ростом значения городов в жизни страны определялись цели и задачи рабочего движения. В России, как мы видели, города никогда не играли существенной роли. В нынешней России они в большинстве случаев существуют за счет деревни, ничего не давая ей взамен, кроме гор чиновничьих бумаг. А в тех немногих промышленных центрах большинство рабочих, трудящиеся на фабриках и в мастерских, чаще всего являются крестьянами, которых нищета и необходимость заработка выгнала из домов, и которые спешат вернуться к своему куску земли, к крестьянскому труду. Они не принадлежат городу, не являются пролетариатом, не имеющим ничего кроме рабочей силы. Это явление так распространено, что большинство фабрик вынуждено сокращать производство летом, потому что огромное количество рабочих возвращается в деревню. В других местах, например на Урале, рабочие, трудящиеся на шахтах и заводах, это бывшие крепостные, которым помещики, грабя богатства, содержащиеся в недрах их земли, вместо барщины на поле приказали отрабатывать ее на фабрике. После отмены крепостного права²⁰ крестьяне хотя и получили землю, но в таком небольшом количестве, что вынуждены искать дополнительные заработки у своих бывших господ.

Рабочий, имеющий в собственности землю, — скорее крестьянин, временно выступающий в роли рабочего, он больше думает о своей земле, а не об условиях жизни пролетариата. И даже живя в городе, он, как мы уже говорили, — не имеет ясной по-

зиции, ему незнакомо чувство солидарности, и в конце концов он по-прежнему верит в царя. Упомянутый Плеханов в этой же книге приводит разговор рабочих во время забастовки, когда фискалы начали шнырять среди бастующих.

«Тише, братцы, — крикнул однажды собравшейся перед фабричным зданием толпе какой-то, должно быть уже искушенный опытом, прядильщик, — тут таскаются фискалы²¹!» — «Какие фискалы?» — полюбопытствовал другой, обращаясь к своему соседу. — «А это, брат ты мой, такие люди, — ответил тот, — которых царь тайно посылает разузнать, нет ли где притеснения народу. Они походят, послушают, да ему и расскажут. Фискалов бояться нечего, это он напрасно, фискалы правду наблюдают»²².

Вполне очевидно, что в случае, описываемом Плехановым, лестное мнение о фискалах скоро разбилось в прах при столкновении с действительностью, но сама возможность появления среди рабочих такой мужицкой идеи показывает, что крестьянское начало преобладает среди русских рабочих.

Расплывчатая позиция, преобладающая среди большинства русских рабочих, мешает росту классового сознания рабочих. Кроме этого, необходимо заметить, что монгольско-татарское рабство, и теперь существующее в форме царского гнета, отпечаталось как на крестьянах, так и на рабочих. Невежество (большинство рабочих не умеет читать), покорность власти еще долго будет мешать растущему рабочему движению в России. Без сомнения, капитализм, который все увереннее развивается в России, неизбежно породит те же самые плоды, что и в других странах. Рабочий класс поймет свои интересы и поднимется на бой с капиталом, он отчетливо осознает, что самодержавие противоречит между его интересам. И никто, кажется, не будет так горячо приветствовать развитие сознательного рабочего движения в России как мы — польские рабочие. Но мы не должны заблуждаться и обязаны признать, что появление сильной рабочей партии в сегодняшних экономических и политических условиях в России еще долгое время будет невозможным.

III

Теперь рассмотрим положение привилегированных классов в России. Как мы уже заметили, в России отсутствует тот уровень экономического развития, который характеризуется четким противопоставлением класса собственников и класса неимущих (буржуазии и пролетариата). Класс собственников не является сплоченным классом и его можно разделить на многочисленные группы людей с различными привилегиями, с различным культурным уровнем — от крестьянина-ростовщика, который наживается на нищете и эксплуатации какой-то деревеньки и совсем не отличается ни своим образованием, ни своей культурой от крестьянина, до богатого банкира и фабриканта, для махинаций которых открыта вся страна.

Любимым ребенком самодержавия, а вместе с тем и наиболее привилегированным сословием, является дворянство. И неудивительно, он ведь плоть от плоти самодержавия. Русское дворянство возникло и сформировалось совершенно иначе, чем в других странах. Первой ступенькой к дворянству, а на это указывает значение слова дворянин, была приемная, кухня, конюшня царя, позднее ряды дворянства формировались из послушной армии чиновников. Приемная и канцелярия оставили отпечаток на дворянине и никогда он в России, в отличие от дворянства в других странах, не имел искушения ограничить власть монарха — хлебодателя. Поэтому царское самодержавие старалось насколько возможно поддерживать этот лакейский класс. Платят они налогов меньше, чем другие классы; кроме того за счет народа был создан для них специальный банк, предоставляющий им огромные кредиты и отличающийся тем от обычных банков, что платит проценты, только тот, кто хочет. Вполне очевидно, что при таких условиях деньги утекают из банка, но не возвращаются, а потери возмещаются за счет народа. Наделено дворянство и другими привилегиями: льготы при поступлении в научные заведения, возможностью выбора любой профессии, особенными паспортами, и даже своим самоуправлением (Дворянское или Благородное собрание²³), с правом представления

правительству проектов необходимых реформ. И при всем этом этот класс утрачивает свои позиции, земля все чаще переходит в руки купцов и мещанства, а дворянство отступает туда, откуда пришло — в прихожую и канцелярию. Этот класс приговорен к смерти и не сыграет уже какой-либо значительной роли в истории России.

С завистью на привилегии и льготы, предоставляемые царским правительством дворянству, смотрит буржуазия, хотя сама не может жаловаться на их отсутствие. Огромные пошлины на импортированные товары почти уничтожают, к выгоде фабриканта, какую-либо конкуренцию; для некоторых ветвей промышленности вводятся поощрения при экспорте русских товаров, то есть правительство выплачивает фабрикантам определенные суммы при вывозе товаров за границу; это дает возможность диктовать цены на внутреннем рынке и продавать некачественный товар — страдают от этого только бедняки, которые вынуждены употреблять эти товары, а карманы фабрикантов быстро наполняются. Купцы, мелкие и крупные ростовщики имеют всегда помощь правительства. Взятничество чиновников и невежество эксплуатируемых масс дают возможность грязным спекулянтам быстро увеличивать свое состояние. Поэтому в России необыкновенно высокие доходы, достигающие даже 40 процентов. Получая такую прибыль, могут ли капиталисты быть недовольными?

Но на ярком солнце самодержавия, которое только немногих согревает своим теплом, а остальные массы обрекает на нищету и унижение, и для капиталистов есть пятна. Самое большое пятно — это неумелая экономическая политика правительства. Для своего развития капитализм требует определенных удобств, требует качественных и разветвленных линий железных дорог, хорошо функционирующей почты, одним словом, быстрой и удобной связи, для развития капитализма необходим определенный уровень технического образования — всего этого самодержавие однако не обеспечивает. Кроме этого царское правительство требует при всех операциях от каждого человека выполнения такой массы различных бюрократических формаль-

ностей, а касается это и торговли, и производства, что это не может не мешать развитию капитализма. Как мы уже упоминали, продажность и произвол русских чиновников способствует безмерной эксплуатации рабочего класса, но одновременно от их самоволия страдают и имущие, особенно беднейшие из них. Чиновничий произвол затрудняет ведение дел, *создает неуверенность в завтрашнем дне*.

Эти пятна на солнце самодержавия вызывают недовольство буржуазии и способствуют появлению оппозиции, так называемой либеральной, которая считает, что может лучше управлять страной, чем самодержавие, лучше обеспечить условия для роста буржуазии. Но этот либерализм, невинный и слабый перед самодержавием, подобен ягненку. Слишком хорошо живетя всему классу, который его породил, чтобы он позволил себя вовлечь в борьбу, которая могла бы хотя бы на минуту помешать его благополучию. Это доказывает недавняя история России. Александр II дал определенные права собственникам — установил городское и сельское самоуправление²⁴. Огромная радость среди либеральных собственников недолго продолжалась. Александр III ограничил самоуправление, везде поставил чиновников²⁵, а либералы, от страха прижав ушки, даже не пробовали защищать свои права.

IV

Мы рассмотрели положение всех классов. Во всех классах находим общие черты. России является страной, в которой капиталистическая экономика стоит еще на первых ступенях своего развития. Границы между классами расплывчаты, и, имея рабское прошлое, они не обладают традицией политической борьбы и способностью к сплочению, к созданию политических партий. Единственная сплоченная сила в России — масса чиновников, эта армия самодержавия. Это также единственная сознательная сила. Царское самодержавие знает, что темные массы крестьян являются его опорой и поэтому издает такие законы, которые

запрещают продажу крестьянской земли, чтобы мужик не стал пролетарием, но вместе с тем позволяет его грабить разного рода кровососам и само высасывает из него все, что может. Знает самодержавие и о том, что отсутствие классового сознания, отсутствие согласия и единства между людьми, принадлежащими к одному классу, выигрышно и поэтому запрещает, насколько возможно, всякие собрания, а где их нельзя избежать, они должны проходить с согласия и под опекой чиновников. Как мы видим, каждый класс, кроме дворянства, имеет свои причины, чтобы быть недовольным нынешним порядком вещей, каждый класс может породить врагов самодержавия.

В силу вышеуказанных причин понятно, почему революционное движение в России никогда не было массовым, всегда опиралось на отдельные личности. Только небольшая группа доблестных людей, постигших страдания рабочих, несколько личностей, случайно вырванных из трудящихся масс, поддерживали революцию, снабжаемые денежными средствами капиталистов, недовольных экономической политикой самодержавия.

Такое движение, будучи слабым, не может одержать победу, не может выработать постоянной и устойчивой идеологии, которая характеризует массовые движения как таковые. Состав людей, принадлежащих движению, случаен, хотя, как это было с Народной Волей²⁶, в благоприятных условиях может серьезно напугать самодержавие.

Так было раньше. В будущем, по крайней мере в ближайшем, *нельзя надеяться на существенное изменение ситуации к лучшему*. Но, как мы уже заметили, капитализм в России переживает бурное развитие. Классовое расслоение будет усиливаться. Возрастет самосознание рабочего класса, и тогда он во имя своих классовых интересов выступит против царского самодержавия. Но процесс будет медленный и долгий, учитывая, что Россия почти полностью отрезана от европейского рабочего движения, а самодержавие делает все возможное, чтобы благая весть не была услышана рабочими массами.

К счастью, в состав Русского государства, кроме России входят еще и другие покоренные силой и закованные в кандалы

рабства царским самодержавием страны. Население этих стран: поляки, литовцы, латыши, русины занимает территории, принадлежащие в прошлом Речи Посполитой²⁷. И поэтому у них совсем другое историческое прошлое, другая традиция, все они подвергаются царским самодержавием суровым национальным и религиозным преследованиям, которые возбуждают ненависть к господствующему режиму. У них нет той веры в царя, которая мешает русским народным массам увидеть истинное положение вещей, следовательно, и пробудить у них политическое сознание легче. Экономическому развитию этих стран не мешало монголо-татарское иго, непримиримо-противоположные классы образовались, а борьба между ними, как например в Польше, выковала сильное рабочее движение.

Именно в силу вышеизложенных причин можно предположить, что здесь (в Польше) появится такая сила, которая сотрет в прах мощь царского самодержавия. Русское движение может только помочь в этой борьбе. Самодержавие, которое, как мы уже убедились, хорошо представляет себе свое положение и поэтому понимает эту опасность. Царское самодержавие, угнетая покоренные народы, стремится к тому, чтобы они как бы срослись в одно целое с русским, менее для него опасным. Русский царь является наследником монгольского хана. Монголо-татарское иго, сдерживая развитие России, укоренило и установило царское самодержавие, которое чувствует себя в России спокойно и безопасно. Наученное опытом, самодержавие хочет русским рабством сдержать развитие и прогресс в покоренных странах, чтобы и там обрести свое логово. Ждет его там однако неизбежная погибель. Польский рабочий класс, который уже сейчас доставляет самодержавию огромные хлопоты, поведет за собой в бой рабочие массы поработанных народов и при поддержке революционного движения в самой России одержит полную победу, которая не только ему, но и всем, стонущим под царским игом, даст свободу и независимость.

*Перевод с польского Д.А. Романовского
при участии Й. Деца*

Комментарии

Юзеф Пилсудский

РОССИЯ

Пилсудский (Piłsudski) Юзеф Клеменс (1867–1935) — польский государственный и военный деятель. Родился в богатой шляхетской семье в родовом имении Зулов Свентянского повета Виленской губернии. За участие в студенческих беспорядках в 1886 г. исключен из Харьковского университета. В 1887 г. за причастность к заговору, направленному на убийство царя Александра III, арестован и приговорен к 5 годам ссылки в Сибири. В 1894 г. избран представителем Литовской секции в Рабочем Центральном Комитете Польской социалистической партии (ППС) и стал главным редактором партийной газеты «Robotnik» («Рабочий»). Стремился к восстановлению Польши в исторических границах Речи Посполитой 1772 г. С 1918 по 1922 г. — Начальник государства Польша. Маршал Польши с 1920 г. В 1926–1928 и в 1930-е гг. занимал должности военного министра и премьер-министра Польши.

¹ Статья Ю. Пилсудского «Россия», впервые опубликована в 1895 г. в газете «Рабочий». «Рабочий» (польск. «Robotnik») — орган подпольной Польской социалистической партии. Польская социалистическая партия (Польская партия социалистов, ППС, польск. Polska Partia Socjalistyczna, PPS) существовала в 1892–1948 гг. Членом Польской социалистической партии Пилсудский стал в 1893 г., на II Съезде ППС в 1894 г. Пилсудский был принят в Центральный рабочий комитет (с небольшими перерывами он оставался его членом до 1914 г.). Кроме того его выбрали редактором газеты «Рабочий», он выступал также в роли публициста, издателя и печатника. Первый номер «Рабочий» вышел 12.07.1894 г. Газета печаталась в Липнишках, хотя местом издания значилась Варшава. Всего в Липнишках удалось отпечатать шесть номеров «Рабочего». В последнем номере из этой серии, вышедшем с датой 24 декабря 1894 г., читателям сообщалось о временной приостановке издания. В связи с разоблачением издание перенесено в Вильнюс (с мая 1895 по 1899 г.). В течение шестимесячного перерыва в Лондоне издали однодневку первомайского «Рабочего». Тираж «Рабочего», когда его редактором был Пилсудский, колебался в пределах 1200–2000 экземпляров при объеме газеты 10–12 страниц.

Печатается по: *Piłsudski Józef. Wybór Pism / Wstęp Włodzimierz Suleja, Krzysztof Polechoński. Wybór i opracowanie Włodzimierz Sulej. Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich — wydawnictwo. 1999. S. 3–19.* Перевод Д.А. Романовского при участии Й. Деца.

² *Маркса — Маркс (Marx) Карл (1818–1883) — немецкий философ, социолог, экономист, политический и общественный деятель. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике — теорию прибавочной стоимости, в политике — теорию классовой борьбы.*

³ *Энгельса* — Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895) — немецкий политический и общественный деятель, один из основоположников марксизма, друг, единомышленник и соавтор Карла Маркса.

⁴ *Либкнехта* — Либкнехт (Liebknecht) Вильгельм (1826–1900) — немецкий революционер и парламентский политик, социал-демократ.

⁵ *Бebelя* — Бебель (Bebel) Фердинанд Август (1840–1913) — деятель германского и международного рабочего движения, социал-демократ, один из основателей Социал-демократической партии Германии (САПГ).

⁶ *Гeда* — Гед (Guesde) Жюль (настоящее имя и фамилия — Матье Базиль; 1845–1922) — французский политик-социалист.

⁷ *Александр II* — Александр II Николаевич (1818–1881) — российский император, царь польский и великий князь финляндский (1855–1881) из династии Романовых. Вошел в русскую историю как проводник широкомасштабных реформ. Удостоен особого эпитета в русской дореволюционной историографии — Освободитель (в связи с отменой крепостного права по Манифесту 19 февраля 1861 г.). Погиб в результате террористического акта, организованного партией «Народная воля».

⁸ *Александр III* — Александр III Александрович (1845–1894) — российский император, царь польский и великий князь финляндский из династии Романовых. В официальной дореволюционной историографии именовался Миротворцем, сын императора Александра II.

⁹ *Земских начальников* — земский начальник (земский участковый начальник) — особый чиновник в Российской империи в 1889–1917 гг., сочетающий на территории своего участка (меньшего, чем уезда) административную власть по отношению к крестьянам и их сообществам (сельским обществам и волостям) и ограниченную судебную власть по отношению ко всему населению. Положение о земских начальниках 1889 г. — один из символов правления Александра III, описываемых обычно понятием «контрреформы». Это закон сократил полномочия волостных судов, сходов и старост и поставил вместо них земских начальников, городских судей, уездных членов окружных судов, почетных мировых судей, уездные съезды и губернские присутствия.

¹⁰ *Восстание Пугачева* — восстание Пугачева (пугачевщина, Пугачевское восстание, Пугачевский бунт) — восстание яицких казаков в 1773–1775 гг., переросшее в полномасштабную крестьянскую войну под предводительством Е.И. Пугачева. Восстание охватило земли Яицкого войска, Оренбургский край, Урал, Прикамье, Башкирию, часть Западной Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье. В ходе восстания к казакам присоединились башкиры, татары, казахи, чуваша, мокшане, эрзяне, уральские заводские рабочие и многочисленные крепостные крестьяне всех губерний, где разворачивались военные действия.

¹¹ *Престол Екатерины* — Екатерина II (Великая) (1729–1796) — российская императрица с 1762 по 1796 г.

¹² *Пугачев* — Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России. Пользуясь слухами, что император Петр III жив, Пугачев назвался им; он был одним из нескольких десятков самозванцев, выдававших себя за Петра, и самым удачливым из них.

¹³ *Петром III* — Петр III (Петр Федорович, урожденный Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский; 1728–1762) — российский император в 1761–1762 гг. После полугодичного царствования свергнут в результате дворцового переворота, возведшего на престол его жену, Екатерину II, и вскоре лишился жизни. Во времена правления Екатерины за Петра Федоровича выдавали себя многие самозванцы (зафиксировано около сорока случаев).

¹⁴ *Недавнего голода* — имеется в виду голод в России 1891–1892 гг. — экономический и эпидемический кризис, охвативший осенью 1891 — летом 1892 г. основную часть Черноземья и Среднего Поволжья (17 губерний с населением 36 млн человек).

¹⁵ *Монголо-татарское иго* — система политической и даннической зависимости русских княжеств от монголо-татарских ханов. Установление ига стало возможным в результате монгольского нашествия на Русь в 1237–1241 гг. В Северо-Восточной Руси длилось до 1480 г. В других русских землях устранялось в XIV в. по мере присоединения их к Великому княжеству Литовскому и Польше.

¹⁶ *Крестьянскую общину* — «мир», «сельская община», «крестьянская община» — единица административно-хозяйственного самоуправления крестьян Российской империи. Несколько сельских обществ составляли волость. Сельские общества управлялись сельскими сходами, избиравшими сельских старост. До 1904 г. они несли коллективную ответственность за уплату налогов своими членами.

¹⁷ *Ткачев* — Ткачев Петр Никитич (1844–1886) — русский революционер, идеолог народничества, литературный критик и публицист.

¹⁸ Цитата Ф.Энгельса приведена по: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. М., 1961. С. 537–548.

¹⁹ *Плеханов* — Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — теоретик и пропагандист марксизма, философ, литературный критик, видный деятель российского и международного социалистического движения. Входил в число основателей РСДРП и ее органа газеты «Искра».

²⁰ *Отмены крепостного права* — крестьянская реформа в России (известная также как отмена крепостного права) — реформа, начатая в 1861 г., упразднившая крепостное право в Российской империи. Явилась первой по времени и наиболее значимой из реформ императора Александра II; возвещалась Манифестом об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г.

²¹ *Фискалы* — здесь агенты тайной полиции.

²² Цитата из работы Г.В. Плеханова приведена по: *Плеханов Г.В.* Русский рабочий в революционном движении: Статьи 1885–1903. Л.: Лениздат, 1989. С. 96.

²³ *Благородное собрание* — Дворянское (Благородное) собрание — орган дворянского самоуправления в Российской империи, существовавший в период с 1766 по 1917 г. Дворянские собрания действовали как на губернском, так и на уездном уровнях.

²⁴ *Сельское самоуправление* — имеются в виду реформы 1860–1870-х гг. в Российской империи, проведенные в царствование императора Александра II. В российской историографии известны как Великие реформы.

²⁵ *Поставил чиновников* — имеются в виду конрреформы Александра III 1880–1890-х гг. в Российской империи.

²⁶ *Народной Волей* — «Народная воля» — революционная народническая организация, возникшая в 1879 г. после раскола партии «Земля и воля» и распада террористической группы «Свобода или смерть», поставившая основной целью принуждение правительства к демократическим реформам, после которых можно было бы проводить борьбу за социальное преобразование общества. Одним из основных методов политической борьбы «Народной воли» стал террор. В частности, члены террористической фракции «Народной воли» рассчитывали подтолкнуть политические изменения убийством императора Александра II.

²⁷ *Речи Посполитой* — Речь Посполитая (от польск. «Rzecz» — вещь и польск. «pospolita» — общая) — федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 г. и ликвидированная в 1795 г. с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией. Располагалась преимущественно на территориях современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы, а также на части территории России, Латвии, Эстонии, Молдавии и Словакии. При наличии единого государственного устройства Королевство Польское и Великое княжество Литовское имели каждое свой собственный административный аппарат, казну, войско и законы. Главой государства являлся пожизненно избираемый сеймом монарх, носивший титул короля польского и великого князя литовского.

*Комментарии Д.А. Романовского,
О.Е. Сорокопудовой, А.А. Ширинянца*

De moribus Ruthenorum.

Zur Charakteristik der russischen Volksseele.

Tagebuchblätter aus den Jahren 1857—1873

von

Victor Hehn.

Herausgegeben von Theodor Schlemann.

Stuttgart 1892.

Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung
Nachfolger.

Виктор Ген

О ПРАВАХ РУССКИХ

Введение¹

Русский народный дух вряд ли откроет новую эпоху. Русские по своему происхождению принадлежат к индоевропейской группе народов, но по своему внешнему виду представляют переход от татарских племен к европейцам, произошло ли это в результате долгой эволюции или от скрещивания и смешения. Если умственное развитие создает тело, то бросается в глаза, в какой степени в России творческая деятельность искажается, обрывается, отвергается или скорее, как часто ее силы оказываются недостаточными. В России очень распространены незавершенные формы: то лицо абсолютно необработано, только намечено, еще не изваяно, без рельефа, то голова остроконечная, четырехугольная, слишком маленькая, задняя часть скошена. Правильные черты почти не встречаются, нос выглядит мясистым, как губка, подстриженные в скобку волосы висят толстыми сосульками, затылок напоминает затылок быка, кожа вялая, мышцы дряблые, с возрастом обычно наступает ожирение. Конечности русского очень гибкие, но они напоминают скорее прогибы слишком слабо пришитых отдельных частей куклы, чем свободное, прямое, сдержанное перетекание всех движений, которым мы любимся у благородно организованных народов. [...] Все, что кажется принадлежащим России, при ближайшем рассмотрении оказывается когда-то выученным или позаимствованным у соседей: пища и обычаи, предания и организация, поговорки и ругательства, одежда и утварь. Подробное перечисление завело бы нас слишком далеко, но можно смело утверждать: Россия ничего не

изобрела. Более чем полтора столетия назад она открылась для европейской культуры и прилагает все усилия, чтобы ее культура стала такой же. Но какой новый элемент, соответствующий ее национальной природе, был воспроизведен Европой? В то время как Северная Америка за короткий период своего существования с гениальной силой уже выдумала много нового, будь то область идей или техники; в то время как даже турки, когда они появились в Европе, принесли нам свою военную музыку, свою пехоту и т. д., русских можно полностью исключить из числа тех народов, без которых цивилизация утратила бы свои важные черты. [...] Мы обладаем в первую очередь гением подражания, сказал один русский генерал фон Гагерну², когда тот спросил о самом выдающемся качестве русских. Гагерн посмеялся тогда над «этим новым видом гения», но не был ли Петр Великий³ и в самом деле таким гением и не продемонстрировал ли он своей нации, которая так хорошо усвоила его педагогику, в значительной степени то же самое? Русский смышлен, гибок, легкомыслен, но в нем нет ядра, он легковесен и ничто не выдает в нем скрытую природную силу, которая в какой-то момент неожиданно проявляется и посрамляет все расчеты новыми созиданиями. С ним можно сделать все страхом и приказом, но на него самого нельзя положиться. Масса нации представляет собой податливый воск, который отлично годится для того, чтобы его каждый день заново формовали и переформовывали политические механики, а инертная суть остается все той же. Оттого так трудно определить, какой принцип окажется в основе новой эры, которой положит начало Россия. Историк Устрялов⁴, которому при императоре Николае⁵ было поручено переписать русскую историю в национальном духе, испытал затруднения при попытке сформулировать, в чем состояло своеобразие русского государства и народа. В качестве основных черт он назвал свойственные многим народам: монархические убеждения (имеется множество показательных примеров во всей Азии) и крепкую веру (можно найти в старое и в новое время во многих местах,

например, германцы относили это к своим преимуществам). Теории относительно их собственной роли в будущем, удаленности от Запада и т. д. пришли к русским, как и все прочее, из-за границы: сами они не додумались бы до этого. Что Константинополь является частью их наследства и должен быть завоеван, они уже совершенно забыли с прошлого столетия, когда Вольтер льстил тем самым Екатерине II⁶. Лишь недавно английские, немецкие журналисты и писатели, проявив опасения на счет восточной политики России, тем самым напомнили русским эту их обязанность. Новый предмет увлечения этого рода принес в Россию барон фон Гакстгаузен⁷. Этот католическо-феодалный романтик, которому современные политические системы кажутся слишком простыми и потому слишком пошлыми и который по этой причине занят поисками всего древнего и странного, заметил во время своего путешествия по России, что там во многих местах земля не находится в индивидуальной собственности, но вновь и вновь подвергается сельским обществом переделу в зависимости от количества работников в семье⁸. Эта *arva per annos mutant*⁹, подмеченная Цезарем и Тацитом только у наполовину оседлых германцев, и не сохранившаяся ни у каких других славянских племен, кроме русских и, пожалуй, у татар, связывается теперь с современным социализмом. Высказывания французских и немецких авторов по поводу конкуренции, пролетариата и пауперизма используются как грубый, отвратительный фон, и тем самым картина новой эпохи, которая благодаря русской общине охватит мир, будет нарисована в совершенно немецкой манере. С тех пор этой теме посвящаются все номера издающихся в Лондоне русских журналов. А поскольку консерваторы и все, стоящие вне политики, хотят сохранить деревенскую общину, так же как и все существующее (что дворяне используют социалистическую аргументацию в своих интересах, нам известно также и на примере Германии), то русское коммунистическое сельское хозяйство превратилось теперь во всеобщего любимца, и все делается для того, чтобы защитить этот древний пережиток от протестов политической экономии.

28 марта.

Спор между господином Чернышевским в «Современнике» и «Экономическим указателем»¹⁰. Первый стоял за общинное крестьянское хозяйство, не за индивидуальную частную собственность. Русские, надо заметить, всегда идут в ногу со временем, всегда стремятся к самому новому. Жены мелких чиновников из провинциальных городков гонятся за последней парижской модой, увешивают себя ленточками, вставляют в платья кринолины¹¹, между тем рядом с ними, отставая всего на шаг, служанки; народ, все окружение одето в самое грубое, вульгарное, вонючее, грязное национальное платье, и то, что они сами принадлежат к лучшему обществу, не сразу заметишь, они еще не сделали и первого шага навстречу цивилизации. Мужчины непременно хотят иметь в своих квартирах паркет, но когда посещаешь неподалеку отхожие места, то при виде их пробирает дрожь! Таковы приверженцы философии Фейербаха¹² в России, где церковь застыла в первоначальном византийском виде тысячелетней давности, и не было сделано даже и первых шагов навстречу схоластике¹³. В России имеются и социалисты, которые думают, что обновление мира начнется с России благодаря тому, что в ней существует, наряду с молотилками и прочей техникой, примитивная, еще не распрощавшаяся с древностью структура сельского хозяйства. Это просто смешно! Коммунизм предполагает развитую личность, сформированные характеры, человечество, которое закалилось и поняло самую суть всего в длительной борьбе частной собственности, неравных благ, самозащиты, абстрактной личности, закоренелого индивидуального права и т. д., в борьбе, которая велась на многих этапах и в течение долгого времени. А что мы видим в России? Несчастный, жертвенный народ, без саморефлексии, который забывается в водке, народ, привыкший за многие столетия к побоям, издевательствам, к порке розгами и кнутом, к зуботычинам и пощечинам, народ с азиатской доблестью смирения, без опоры, без своей собственной созидательной силы, народ, который с рождения чувствует себя уверенно, если ему приказывают и надо быть послушным,

народ, с которым все можно сделать приказом и розгами, которого страхом и взмахами кнута, этим идеальным, обезличенным оружием повелителей, варягов, немецких знатоков строя, можно принудить к геройским подвигам, даже к гениальными деяниям. И этот народ должен заложить основу самой совершенной системы, при которой в каждом отдельном человеке вызреет чувство свободы, в котором растворится общая гармония общества. Эта система должна выходить за пределы правового государства, государства, в котором царит конкуренция, и самостоятельно создать самую умную и идеальную политическую организацию, в которой будут поощряться нежнейшие ростки образованности и человечности! С таким же успехом можно перепрыгнуть прямо от кристаллов к человеку, оставив в стороне мир растений и животных!¹⁴

Да и вообще затруднительно в гиперборейской стране¹⁵, в суровой, бездушной природе, под свинцовым небом, в нищете, нужде, в борьбе с зимами, болотами и метелями подняться на новую ступень образованности. Чтобы это произошло, природа должна была бы создавать человеку меньше трудностей. Культура просыпается и вызревает в благоприятных местностях. Когда человек становится там более свободным, тогда он несет свою свободу в полночные и тропические страны, чтобы учить и лечить. Россия не породит никакой эры, кроме эры насилия и разрушения.

В России нет ничего идеального, на всем следы вульгарности, в особенности на черепах и лицах людей. Внешне все грубо, бездушно, ничто не взывает из глубины. Честь и долг здесь неизвестны, повсюду царит неприкрытое мошенничество. Глаза русского странно стеклянные, в них никогда нет выражения восхищения, но одна только хитрость. Особенно вульгарен нос, который виден из-за спины, затылок как будто срезанный.

* * *

[...] Политические авторы возлагают надежду на привлечение народа, на высвобождение скрытых сил якобы свежих и неиспорченных национальных элементов; тогда все должно из-

мениться как по мановению волшебной палочки. Это обычные призывы, когда наступает разочарование в существующем порядке вещей. Только я думаю иначе: масса, которую предстоит образовать и облагородить, становится все шире, задача — все труднее, решение ее — делом все более далекого будущего. То, что раньше вытекало слабыми ручейками, после прорыва запруд превратится в бурные потоки.

Благодаря примеси чужой крови, воспитанию на протяжении многих поколений, благодаря богатству и культуре, что смягчает воздействие сурового климата, и т. д., дворянство, аристократия полностью изменились, хотя отсутствие моральных основ, терпения, настоящей практичности, примитивная хитрость и нечестность, вообще низкие азиатские черты и выдают все еще их происхождение. Но появление широких народных масс на авансцене может привести к господству над исконной природой человека рабско-татарской натуры с ее безличной, фаталистической покорностью установлениям, традициям, коллективным договорам, заповедям; механическим сознанием, отсутствием душевной отзывчивости.

Возврат к этому, может быть, для начала и покажется успехом, через столетия, возможно, прогрессом, более основательным и имеющим более прочный фундамент, чем сейчас. Но для этого необходимо, чтобы законы привели к заметным практическим результатам. Мы полагаем, что все в основном останется по-старому. Жизнь, историю с оставленными ими глубокими следами невозможно стереть, они не могут так легко отступить перед какой-нибудь публикацией закона, все равно, исходит ли она от трона, Сената, Имперского Совета или же от законодательного собрания депутатов.

* * *

[...] Тот, кто желает познакомиться с самоотверженно-фаталистическим характером народа России, тот должен изучить длительное правление Ивана Грозного¹⁶. Теперь склонная к парадоксам новейшая мода изображает этого правителя благодетелем страны, проводившим разумную, блистательней-

шую политику. На самом деле он был не кто иной, как грубый *tuzhik*¹⁷, физически крепкий, без духовной опоры, потому вечно скучающий, жестокий в развлечениях. Под видом паломничества он совершал бесконечные путешествия, во время которых тысячами летели головы и потоками лилась кровь. В некоторых отдаленных городах по традиции еще и сегодня видят в гигантских горах человеческих останков дело рук этого палача. В народе все это вызывает известное благоговение. Бояре безмолвно подчинялись, народ принимал кровопролитие за суд божий. Он испытывал удовлетворение, ощущая высшую силу. Народ несчастен, если он предоставлен себе самому — но ему нравится, чтобы его мучили, он любит подчиняться, испытывать на себе непонятное давление, быть добычей высшей силы. В глубине души он тоскует по этому! Это избавляет его от груза индивидуальности, от разобщения. Это азиатская, религиозная, нелицеприятная мораль. Так же восстала Индия против Англии, потому что она не могла осилить те требования, которые предъявляет свобода. Индус с ликованием давал пушкам уничтожать себя безо всякого сожаления; гибель давала ему чувство собственного достоинства. Англичане — этот европейский, наполовину американский, наиболее развитый в Европе народ справедливо полагал, что благодаря присяжным, благодаря упорядоченному государственному управлению, благодаря промышленной конкуренции и т. д. он может управлять азиатами — но последним недоставало самой основы здания: индивидуальности, чувства собственного достоинства.

* * *

[...] 4 июня 1864 г. в Нижнем Новгороде опять сгорела большая деревянная ярмарка¹⁸, которая стоит на огромном луку между Окой и Волгой. Убытки составили не меньше миллиона. В последний раз это произошло в 1859 г. Пять лет — это долгое время. Эта ярмарка — настоящее произведение национальной архитектуры и место, где заводят контакты. Она в точности подходит на восточный базар, возможно, так же выглядел город будинов у Геродота¹⁹. Постройки совершенно в туземном вкусе — у европейца это вызывает смех и отвращение.

Какие грубые формы, какая неразумная техника, какие кричащие краски! Все это представляет собою крайне запутанный лабиринт будок, домов, переулочков, выступов, поворотов, волнующих, полных нечистот, пьяниц в разном градусе и степени опьянения. Среди всего этого — трактиры, самовары и человеческие рвотные массы.

Так строит, так живет народ, если он предоставлен себе самому. Кто же еще, как не правительство, в состоянии оказать помощь, изменить что-то к лучшему? После большого несчастья, когда эти люди собираются вместе и обсуждают происшедшее, можно услышать, как они сами говорят: почему власть (*natschalstwo*²⁰) ничего не предпринимает, почему она оставляет нас без помощи, бросает нас на произвол судьбы? Мы имеем тут дело с так называемыми скрытыми народными силами, с самоуправлением, с глубоко запрятанной общественной жизнью и т. д. Все эти прекрасные вещи отсутствуют, и ссылки на них — также всего только западноевропейская политическая теория. Теперь правительство прикажет (заметим, прикажет, не посоветует, не направит, не придет на помощь; в этой стране приказ — единственно действенное, приемлемое, нередко творящее чудеса лекарство), чтобы впредь строили только из камня, оно пришлет туда своих архитекторов, получивших образование за границей. Эти архитекторы подготовят свои чертежи и планы, по которым все должны будут строить; купцы будут молча роптать, как на неотвратимую судьбу, и давать деньги. Когда все будет готово, они окажутся довольными и будут все одобрять. Пожарные команды с царящим в них военно-механическим порядком, с английскими и американскими брандспойтами, одеждой команды, уставом и т. д., были уже там раньше. Все также разработано в Петербурге, заказано, изготовлено и ввезено согласно приказу. Таков уж русский путь просвещения.

[...]

Пьянство наносит сейчас (в 1864 г.) большой урон русскому народу. Это ни с чем несравнимое бремя. Все пьют и напиваются до смерти. Врач одного из крупных лазаретов сказал мне: семь-

десять пять из ста случаев заболеваний — это алкоголизм, а именно, острый алкоголизм, бесчисленные хронические заболевания на почве пьянства, естественно, не учитываются. С точки зрения народного хозяйства последствия этого — обеднение, нищета. Прогулы, сонливость тормозят производство, непосредственные следствия пьянства — преступления. Пьют даже бабы, дети отравляются уже в утробе. Вчера я видел офицера в форме, который валялся, как свинья, в сточной канаве.

* * *

[...] При открытии железнодорожного сообщения между Петербургом и Москвой встретились в середине пути, там, где идущие навстречу друг другу поезда сближаются, два купца, один ехал из Москвы в Петербург, другой — в противоположном направлении. Один из них сел не в тот вагон, и оба оказались вместе, двигаясь в одном направлении. Оба очень удивлялись. Какие хитрецы эти немцы, говорили они: мы оба едем в одном отделении²¹, но один — в Москву, другой — в Петербург. Чертовски изобретательны эти немцы!

* * *

Что *lichaimstwo*²² (взяточничество) является основной чертой, а не просто порождено правительством, немцами, существующими обстоятельствами, в этом может легко убедиться каждый, кто сам углубится, как антиквар, в древность или, путешествуя, окажется среди народа. Отсутствие стержня, стойкости, индивидуальности. С каким трудом проводилась на Западе любая реформа, прежде вошло там в плоть и кровь, упрочилось при помощи тысячи нитей и корней. Здесь же немислимая революция освобождения произошла сама собой — как будто волосы остригли. Легкомыслие, равнодушие кочевников ко всему старому и новому, отсутствие воли, которая требуется для сопротивления, привычка получать свою судьбу от кого-то сверху или со стороны.

* * *

С этим связано и движение в сторону внешнего, механического порядка, в сторону неповоротливой техники, к *bumashnost*²³ и бюрократии (соблюдение буквы и формы). Мировые судьи, даже если они никогда раньше и не состояли на государственной службе, проявили себя неисправимыми бюрократами, слугами номеров и параграфов — благодаря врожденному таланту.

* * *

Leurs yeux ont une expression particulière; c'est le regard fourbe des peuples de l'Asie. Кюстин²⁴.

* * *

Нередко случается, что пьяница, который не в состоянии дальше выносить свою слабость, является к своему господину и говорит: прикажи дать мне 25 плетей, я не могу избавиться от этого порока! Удары плетью возымели действие, умение самому предостеречь себя — это необходимость таких жестоких усилий, на которые у него нет сил. И при подобном состоянии нравов закон требует отмены телесных наказаний!

* * *

К счастью — в этом случае — законы бессильны, жизнь поправит их.

В школах также насаждается *Krotost*²⁵ (безропотность) и вежливость. Что же получается? Что человеческие, нежные, основанные на собственном понимании нравственного чувства требования, предостережения, ожидания ничего не дали, но ожесточенные нападения, размахивание кнутом, крик, угрозы прямого физического действия тут же, как по волшебству, опять все поставили на место.

Социалистическое устройство общества не предполагает ничего иного, как стадную сплоченность, когда оказавшийся в одиночестве совершенно теряется.

Каста — для защиты, напоминающая стадо *Artel*²⁶ — для воздействия на массу. Социализм на Востоке — это стадное чувство.

* * *

[...] Точно так же выглядит дело и с правосудием. Народные суды исчезают, и на их место заступают письменные процессы, писаное право, процессы с делами, с бюрократией, с юридической ученостью, неповоротливостью и движением по инстанциям, со ссылками на те или иные параграфы, на авторитет римского права, с юридическими тонкостями, остроумием адвокатов. В публике, которая ожидает правосудия, видят лишь *corpus vile*²⁷, ее используют в качестве объекта для упражнений в поисках малейших несоответствий, в изощренных словопрениях и т. д. Образование в области правового чувства, правовое образование, вообще образование в области юриспруденции, служащей дополнением к законам, зашло настолько далеко, что стали обращаться к бесхитростности изначальных юридических действий: все стало устным, судопроизводство стало вестись ускоренно, судья берется не из сословия ученых юристов, процесс открытый и т. д.

* * *

[...] Они (русские — *ред.*) не являются молодым народом, напротив, они дряхлы как китайцы. Все их ошибки проистекают не из юношеской незрелости, а от астенической слабости²⁸. Они очень древние, ветхие, в них законсервировалось все самое старое, и они не растауются с этим. По их языку, по их семейному укладу, их религии, по их обычаям и суевериям, по их праву наследования и т. д. можно изучать старину. У них нет совести, чести, они неизменно легкомысленны, непоследовательны, у них отсутствуют чувства и самостоятельность в современных культурных формах, которые требуют развитой, самостоятельной субъективности.

Они неизменно нравственны, непреклонны, надежны в тех случаях, когда речь идет об их собственном, древнеазиатском образе жизни. Это неподвижный народ. У подобного народа, по наблюдению Гете²⁹, даже к технике отношение религиозное. И в старых русских отраслях техники они ведут себя деловито, повсюду, где не требуется ненавистная, сосредоточенная на себе

индивидуальность, но совместное производство по унаследованным, для каждого писаным правилам. Тогда они работают как бобры, как муравьи, как пчелы. Все европейские промышленные предприятия в России до смешного убоги. Все это только напказ, все сиюминутно, все непрочно, все приукрашено. Во всем детское подражание новейшим высочайшим образцам, и это подражание несовершенно, грубо, безвкусно. [...]

* * *

5 марта 1868 г.

Дело с новым устройством суда зашло уже так далеко, что если арестованный преступник финансово состоятелен, то судьи в ходе предварительного следствия, когда преступник отрезан от любого общения с внешним миром, вступают с ним в контакт и советуют, что ему следует отвечать на те или иные вопросы. Они ловят следователя еще прежде, чем дело окажется у него, оплата заранее! Новые формы встретились с прежними людьми, и стало еще хуже. К старому судопроизводству все уже привыкли, каждая отдельная часть, так и все в целом, все учреждения, национальная жизнь как таковая — все одна помойная яма (помойка). Думаете, если кому-нибудь из русских рассказать об этом или нарисовать картину всего существования, тот будет негодовать, возмущаться? Ничего подобного, а если это и произойдет, то будут лишь пустые слова, сердце останется холодным. По-настоящему он негодует, только если заденут или оскорбят старые, не европейские, но древнеазиатские представления, обычаи, устои. Новая европейская мораль, честь, долг, деловитость и все с этим связанное находит в нем лишь опасного мошенника, лукавого, лишенного совести лицемерного человека. Но нападают на веру в царя, сопротивляются его авторитету, находятся и такие, кто на словах заигрывает с европейской демократией, а в душе сотрясается от неслыханного коварства.

Или презирают церковные уставы, например, употребляют в пищу молоко во время поста или же не признают древнего семейного уклада, например, не почитают отца, или находятся такие, кто изображает из себя коммунистов, или объявляют себя

приверженцами радикального индивидуализма по американскому образцу, но в глубине души они по-настоящему негодуют. [...] О народе, то есть почти обо всех по отношению к небольшому числу просвещенных и зрелых людей, уже можно сказать противоположное. Так, хотя, с точки зрения европейца, русский купец лжив, беззаботен, беспорядочен и никогда не научится вести бухгалтерию, держать в порядке конторские дела, платить в срок, честно относиться к своим обязанностям и навсегда останется не более чем лукавым азиатом, но как только он создаст со своими товарищами артель по азиатскому, татарскому образцу, можно быть уверенным, что он будет вести дело честно и по каждой мелочи будет давать правдивый отчет. Это очень крепкий народ, и только потому безнравственный, что его пытаются превратить в европейца. Он любит, чтобы с ним обращались по всей строгости, чтобы над ним деспотически властвовали, чтобы его пороли, чтобы на него грубо орали. Начальник, который умеет грубо приказывать, пользуется его расположением. Даже и теперь, после стольких либеральных реформ, когда повсюду спрос на самостоятельность и человеческое достоинство, они по-настоящему тоскуют по приказам, по чужой воле, по кнуту. Они чувствуют себя покинутыми, все идет вкривь и вкось, при ближайшем рассмотрении каждый оказывается рабом своей лени, своей слабости, своего пьянства.

* * *

[...] В деспотических государствах правит индивидуум, отсюда колебания, непоследовательность, отсутствие непрерывного развития. В личной жизни временные настроения отдельной личности ограничиваются и корректируются поведением всех остальных, всеми. В азиатских государствах все колеблется и меняют настроение в зависимости от индивидуума. А поскольку в действительности масса на это не способна, то она только делает вид, и именно в этом залог стабильности. Причина остается вечно и неизменно все той же. В свободных странах, где все активны, каждое отдельное мгновение — это только результат соответствующего развития, а потому все развивается.

* * *

[...]

Аристократии в полном смысле слова в России не существует. Родовитый дворянин отправляется в свое имение, надевает овечью шкуру и становится крестьянином. При императоре Николае большинство важных сановников были бастардами³⁰, то есть они не носили благородных фамилий: Перовский, Орлов³¹ и т. д., влиятельный государственный секретарь Позен³² (еврей, который явился в Петербург в качестве торговца гусями перьями), Клейнмихель, литовский крестьянин³³ и т. д. Петр Великий сделал крестьянскую девку легкого поведения своей супругой и императрицей, мальчика у торговца пирогами — своим фаворитом³⁴ и т. д. Аристократия — это первый повод для политического устройства. При еще более высоком развитии эта форма ломается или включается в систему в качестве служебного органа; там, где даже аристократия невозможна и не существует, там нет никакого политического устройства, никакого элемента, образующего государство, а один только восточный деспотизм.

[...] Страшная физическая продуктивная сила! Инстинкт продолжения рода, как у некоторых диких животных и негров! Это опасно. *Prolifici, vagina nat.*³⁵ Знакомый описывает мне характер одного из его русских друзей! Скоморох с грубым, жестоким лицом и запавшими глазами, добродушный, но с низкой душой, способный на любое мошенничество, приятный в обхождении, ничего не принимающий всерьез, ленивый, легкомысленный, быстро находящий во всем и во всех низкие стороны и изображающий их грубо-шутовски, герой при выпивке, известный среди девиц. Где он ни появится, там веселье, потому что все его любят, и этому не мешают его многократно продемонстрированные и всем известные взгляды.

Типичный портрет!

* * *

3-е января 1869 г.

Доказательства любви русских к царю. Когда летом 1868 г. великий князь Владимир совершал в обществе Перовского, Мидендорфа и проч.³⁶ научное путешествие по Сибири, то вдоль его

пути народ растянулся больше чем на 50 верст. Это было вроде явления на Земле чуда. На станциях, где великий князь менял лошадей, то есть должен был проезжать с быстротой молнии, повсюду скапливались крестьяне, голодавшие к тому времени уже 14 дней, лежа дождливым летом в сырости, терпеливо ожидая возжеленного момента. Они давились у экипажа, только чтобы получить счастливую возможность дотронуться до него кончиками пальцев или поцеловать колесо; вознице пришлось прибегнуть к кнуту, чтобы удалить всех, выражающих свое благоговение. Великий князь не удостоил их даже взглядом. Счастье получить возможность угостить его завтраком оказалось недоступным. В Индии это высшее блаженство — быть раздавленным колесами божественной колесницы. При таком сильном сердечном порыве, на такой ступени нравственного сознания безумные нигилисты, безголовые радикалы мечтают не только о конституции, но и о женской эмансипации, об общности имуществ! Это же просто олухи. И их можно вылечить, только если поставить в угол.

В России христианство незаметно превратили в религию Перуна³⁷. То есть внешний вид, излишество чувств, отсутствие идей!

На такой ступени политического развития этого народа было бы уместным, чтобы правитель сидел невидимым в окруженном зрителями адитоне, как мидийские цари³⁸. Если он выходит, то с величайшей торжественностью. Простота здесь не годится.

[...]

февраль 1873

Признания в провалах всех новейших учреждений теперь участились и становятся все более откровенными. В одном «Московском листке» я читаю жалобы на то, как происходят собрания *Zemstwo*³⁹. Из ста членов присутствует лишь десять или двадцать, и те употребляют время на то, чтобы делать покупки, выполнять поручения своих жен, играть в клубах ночи напролет и принимать приглашения на званые обеды. Через пару дней они один за другим опять разъезжаются по домам, и собрание вновь не в полном составе. Тогда председатель является к губернатору и

сообщает ему, что заседания не могут продолжаться из-за отсутствия посетителей. Не остается ничего другого, как на этот раз закрыть сессию, несмотря на то, что не решено еще множество вопросов. Если у кого-то срочное дело к земству, например, ему нужно получить от него отношение в городской или земельный банк, то ему приходится отыскивать отдельных членов в городе, одних — в клубе, других — в церкви, третьих даже в пекарне, уговаривать их явиться сегодня вечером, обещать вечеринку после заседания и т. д. В этом случае ему, возможно, удастся собрать их всех вместе, и они спешно проголосуют за проект. Превосходное требование закона состоит в том, что бюджет должен быть принят на первом заседании, иначе эта важная часть принятия решений по большей части будет недействительной.

Основная причина, по которой это или другие подобные учреждения не действуют, заключается во всеобщей лени, в быстро возникающей вялости.

Тот, кто бывал членом так называемой комиссии, которые здесь создаются по самым разным поводам, несомненно, наблюдал подобное. На заседаниях выступают ораторы, по большей части большие либералы, хвалят какое-нибудь постановление, осуждают все медленное и благоразумное с поверхностным остроумием, не будучи основательно знакомыми с вопросом, не изучив его, но в красивых выражениях, озвучивая с горячей убежденностью прописные истины. Если же кому-то из этих политиков и законодателей через три недели после заседания положат на подпись протоколы, то он будет подписывать их неохотно и даже не поинтересуется содержанием этих протоколов. Для просмотра он слишком ленив, да и вообще дело уже давнишнее и к чему утрачен всякий интерес.

Перевод с немецкого Т. Вильке, под ред. А.А. Шириянца

Комментарии

Виктор Ген

О НРАВАХ РУССКИХ

Ген (Hehn) Виктор Амадеус (Виктор Евстафьевич) (1813–1890) — прибалтийско-немецкий историк. Родился в г. Дерпт Эстляндской губернии

Российской империи. Его дед Ф.К. Гадебуш был известным остзейским историком. После окончания гимназии поступил в Дерптский университет на историко-филологический факультет и окончил его со степенью кандидата философии. В 1838 г. путешествовал по Швеции, Германии, Франции, Испании и Италии, в Берлине изучал философию Гегеля и сравнительное языкознание. По возвращении из-за границы стал старшим учителем немецкого языка, а в 1841 г. — учителем высшего Перновского уездного училища с чином титулярного советника. В 1846 стал лектором немецкого языка в Дерптском университете. По подозрению в пособничестве революционерам был выслан на жительство под полицейский надзор в Тулу, где прожил с 1851 по 1853 г. В 1856 г. Ген получил место старшего библиотекаря Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, в 1860 г. был награжден орденом св. Станислава 2-й степени, а в 1864 г. — назначен штатным старшим библиотекарем. В 1873 г. вышел в отставку с чином действительного статского советника и переселился в Берлин.

Фрагменты книги Виктора Гена «О нравах русских. К характеристике русской национальной души. Страницы дневника 1857–1873 гг.» печатаются по: *Hehn V. De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele. Stuttgart, 1892. S. 6–9, 39–41, 64–65, 71–72, 92–93, 95–96, 106–107, 118, 141–143, 150, 152, 155, 164, 165, 227–228.* Перевод Т. Вильке, под ред. А.А. Ширинянца.

¹ Данный фрагмент приводится в изложении Теодора Шиманна, написавшего введение к книге и включившего в него несколько листов, оказавшихся «среди бумаг, оставшихся после Виктора Гена». Это, как указывает издатель, — часть «большого исследования о панславизме, от которого, к сожалению, сохранилось только несколько страниц» (*Schiemann Theodor. Vorrede // Hehn V. De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele. Stuttgart, 1892. S. 3.*)

² *Сказал один русский генерал фон Гагерну* — эпизод беседы о новом роде гениальности — подражательности (“*Le génie de l’imitation*”) с генерал-лейтенантом Александром Александровичем Кавелиным (воспитателем наследника российского престола в 1834–1841 гг.) описан полковником Фридрихом фон Гагерном (Gager) (1794–1848) в его воспоминаниях о поездке в 1839 г. в свите голландского принца Александра Оранского к петербургскому двору (см.: *Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1991. С. 686.*)

³ *Петр Великий* — Петр I (1672–1725), русский царь с 1682 г., император с 1721 г.

⁴ *Историк Устрялов* — Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) — историк, профессор Петербургского университета, академик (с 1844) Петербургской академии наук. Концепция исторического развития России, сформулированная Устряловым в период николаевского царствования, следовала официальным установкам, объявлявшими основами русской жизни «Православие — Самодержавие — Народность». Сам автор «триединой формулы»

министр народного образования С.С. Уваров любил посещать лекции Устрялова и рекомендовал остальным преподавателям ориентироваться в своих лекциях на его работы. В 1837 г. Устрялов стал победителем конкурса написание лучшего учебника по русской истории, организованного Уваровым. В результате его учебное пособие, составленное на основе диссертации на степень доктора философии «О системе прагматической русской истории» (защищена в 1836), вплоть до 60-х гг. XIX в. оставалось практически единственным официально рекомендованным для преподавания истории русскому юношеству. Подробнее о концепции Устрялова и его учебнике см.: *Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2.*

⁵...*при императоре Николае* — имеется в виду российский император Николай I (1796–1855), правивший с 1825 г.

⁶*Вольтер льстил тем самым Екатерине II* — Вольтер (Voltaire, псевдоним; настоящее имя и фамилия Мари Франсуа Аруэ (Arouet) (1694–1778) — знаменитый французский просветитель XVIII в. Пятнадцать лет (1763–1778) Вольтер состоял в переписке с императрицей Екатериной II, и в частности призывал русскую императрицу пойти в войне с турками до Стамбула, вновь превратить его в Константинополь, разрушить Турцию, спасти балканских христиан. «Если они только решатся воевать с вами, государыня, — писал он ей, — то с ними легко может случиться то, что некогда имел в виду Петр Великий: Константинополь их сделается столицей Русской империи. Варвары эти вполне достойны быть наказанными... я весьма серьезно убежден в том, что если когда-либо суждено изгнать турок из Европы, то они именно будут изгнаны никем другим, как русскими» (Вольтер Екатерине. Фернэ, 15-го ноября (1768 г.) // Вольтер и Екатерина II / Издание В.В. Чуйко. СПб., 1882. С. 22–23). Эти призывы знаменитого философа не могли не импонировать Екатерине II, которая действительно вынашивала идею создания на развалинах Османской империи новой православной империи под эгидой России. В этой связи достаточно вспомнить так называемый екатерининский греческий проект, который предусматривал: изгнание турок с территории Европы; освобождение Греции и создание греческой империи, Новой Византии, с православным императором во главе. К этой роли предназначался второй внук императрицы Константин, который и именем своим, и воспитанием (он с детства был окружен греческими наставниками и воспитывался в греческом духе) предуготовлялся на престол (см. подробнее: *Зорин А.А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. Гл. I. Русские как греки. «Греческий проект» Екатерины II и русская ода 1760–1770-х гг.*).

⁷*Барон фон Гакстгаузен* — Гакстгаузен (Haxthausen) Август (1792–1866) — прусский экономист. В мае—октябре 1843 г. А. Гакстгаузен совершил путешествие по ряду губерний России, плодом которой явился трехтомный труд “*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*” («Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России»). На немецком языке первые два тома, а также практически одновременно их французский перевод “*Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales*

de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen. Edition Française” вышли в 1847 г., третий том — в 1852 г. на немецком и в 1853 г. — на французском языках. В своем исследовании наряду с характеристикой помещичьего дворянства, провинциальной администрации и пр. Гакстгаузен детально описал быт русских крестьян, основные формы русского общинного землевладения и дал анализ социально-экономического значения общины, которую считал патриархальным институтом во главе с помещиком — расширенной патриархальной семьей и единственным средством предохранения России от «язвы пролетариата». Современники считали, что именно Гакстгаузен «открыл» науку русскую крестьянскую общину.

⁸ *В зависимости от количества работников в семье* — распределение земли между крестьянскими хозяйствами в русской общине (так называемая система разверстки и надела) производилось по ревизским или наличным душам либо по числу рабочих рук в хозяйстве, либо по едокам. Вопрос о подворной земельной нарезке решали сельские сходы.

⁹ *Arva per annos mutant* — ежегодная смена пахотного поля (лат.).

¹⁰ *Спор между господином Чернышевским* — полемика об общинном землевладении между журналами «Современник» и «Экономический указатель» началась по инициативе Н.Г. Чернышевского в 1857 г. В своих статьях «Заметки о журналах. Февраль, 1857» и «Заметки о журналах. Апрель, 1857» Чернышевский обвинил либеральную журналистику в том, что последняя занимается схоластикой, а не насущными вопросами общественной жизни. Он подверг жесткой критике «Экономический указатель» за помещенную в нем статью Д. Струкова «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства» (1857, № 5, 7, 9, 10), в которой развивались либеральные взгляды по аграрному вопросу в России. «Экономический указатель» в № 22, 25, 27, 29 за 1857 г. опубликовал статью И.В. Вернадского «О поземельной собственности», которая в июне 1857 г. была подвергнута Чернышевским критическому разбору в статьях «Studien Гакстгаузена», а августе-октябре — в его работе «О поземельной собственности». В полемику втянулись «Русский вестник», «Русская беседа», «Атеней», «Отечественные записки» и многие другие журналы.

¹¹ *Вставляют в платье кринолины* — кринолин (от фр. crin — конский волос, lin — плотный лен), специальная жесткая ткань, предназначенная для пошива пышных нижних юбок, которая с 1859 г. стала заменяться «искусственными кринолинами» на обручах, сделанными из стали или китового уса, которые вшивались в юбку.

¹² *Приверженцы философии Фейербаха* — сторонники Людвиг Фейербаха (Feuerbach) (1804–1872), немецкого философа, материалиста и атеиста. В русском мыслящем обществе фейербахианство к 40–50-м гг. XIX в. стало теоретической модой. Его сочинения, запрещенные к изданию в России, были известны по немецким оригиналам, а также по изложениям М.А. Бакунина, А.И. Герцена, Р. Гайма и др. Особое впечатление на русских читателей произвела работа «Сущность христианства» (1841), в которой, критикуя религию, разоблачая иллюзии, составляющие сущность религиозного сознания, Фейербах попытался создать гуманистическую «философию будущего», которая преодо-

лела бы вековую враждебность прежней философии и религии, гармонически синтезировав сильные стороны той и другой. А именно: близость религии к «сердцу» человека, к его повседневным чувствам и переживаниям, с одной стороны, и рационализм, познавательный потенциал философии, опирающийся на данные естественных наук — с другой.

¹³ *Навстречу схоластике* — схоластика (греч. scholastikós — школьный, ученый) — тип религиозной философии, представители которой, применяя философские понятия и приемы мышления к учению Отцов Церкви, стремились рационально обосновать и систематизировать христианское вероучение.

¹⁴ *Прямо от кристаллов к человеку, оставив в стороне мир растений и животных* — явная аллюзия к Н.Г. Чернышевскому, который в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения», опубликованной в журнале «Современник» в 1858 г., опираясь на философские теории Шеллинга и Гегеля, приводя многие «геологическо-физиологические» примеры диалектического развития форм, начиная с зарождения самой планеты Земля, а также многочисленные примеры из других «сфер бытия», сформулировал «всеобщий» «закон вечной смены форм», доказывающий возможность перехода России с помощью института крестьянской общины к социализму, минуя капитализм и «пролетариатство» (см.: *Чернышевский Н.Г. Критика философских предубеждений против общинного владения* // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.]. Т. V: Статьи 1858–1859 / Подготовка тома и текстол. коммент. Н.М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 389).

¹⁵ *Гиперборейской стране* — от гиперборея (др.-греч. — за Бореем, северным ветром, «за севером»), здесь в значении «северная страна».

¹⁶ *Длительное правление Ивана Грозного* — Иоанн IV Васильевич (1530–1584), прозванный Иваном Грозным, правил Россией более пятидесяти лет, сначала как великий князь московский и всея Руси (с 1533), а затем первый царь всея Руси (с 1547).

¹⁷ *Muzhik* — мужик. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

¹⁸ *Опять сгорела большая деревянная ярмарка* — крупнейшая в России Нижегородская ярмарка, впервые открытая летом 1817 г., к середине XIX в. представляла собой огромный город с правильными, довольно широкими мощеными улицами (их было около 30), освещенными фонарями, площадями (их было 7 — Спасская, Магометанская, Театральная, Армянская, Самокатная, Главная и Торговая). На ее территории находилось 5520 лавок с 16 840 магазинами и торговыми складами, размещенными в 96 торговых рядах, 7 маклерских контор, 29 трактатов, 78 харчевен, 10 торговых бань, 6 цирюлен, 5 портных балаганов, 35 кузниц, 43 постоялых двора, 21 питейная выставка, 42 кухни, 10 фотографических балаганов. В силу недостаточности противопожарных мер ярмарка часто горела. Так, во время крупного пожара 1857 г. за короткое время сгорело до ста зданий, в том числе театр и цирк. Пожар, случившийся в 1859 г., не только разрушил вновь построенные деревянные балаганы и лавки, но не пощадил и каменное здание мусульманской мечети. После пожара 1864 г.,

когда выгорела треть ярмарочных строений, ярмарку вывели из-под государственного управления, был учрежден ярмарочный комитет, состоявший из выборных от купцов, а вновь построенные каменные здания стали переходить в собственность владельцев.

¹⁹ *Город будинов у Геродота* — здесь у Гена неточность, у Геродота в его «Истории...» речь идет о деревянном городе гелонов-земледельцев, которых он считал элинами, переселившимися на земли кочевых племен будинов, живших на территории между Днепром и Волгой в 1 тыс. до н. э. (см.: *Геродот. История. IV: 108–109*).

²⁰ *Natschalstwo* — начальство. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

²¹ *Едем в одном отделении* — имеется в виду купе, т. е. закрывающееся дверью отделение для пассажиров в железнодорожном вагоне.

²² *Lichoimstwo* — лихоимство. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

²³ *Bumashnost* — бумажность. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

²⁴ *Leurs yeux ont une expression particulière; c'est le regard fourbe des peuples de l'Asie* — У них странное выражение глаз; это коварный взгляд азиатских народов (фр.), цитата из книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году». В русском издании 2008 г. фраза выглядит так: «У них у всех миндалевидный разрез глаз, а взгляд бегающий и плутоватый, азиатский» (*Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Крива, 2008. С. 205*).

²⁵ *Krotost* — кротость. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

²⁶ *Artel'* — артель. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

²⁷ *Corpus vile* — подопытное животное (лат.).

²⁸ *Астенической слабости* — астения (от греч. *asthénéia* — бессилие, слабость) состояние, характеризующееся снижением жизненного тонуса, пониженной работоспособностью, повышенной умственной и физической утомляемостью, и т. п.

²⁹ *Gete* — Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий просветитель, поэт, мыслитель и естествоиспытатель.

³⁰ *Бастардами* — здесь бастард (нем. *Bastard*) — незаконнорожденный, внебрачный ребенок.

³¹ *Перовский* — Лев Алексеевич Перовский (1792–1856), внебрачный сын графа А. К. Разумовского от мещанки М. М. Соболевской. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант; министр внутренних дел (1841–1852), министр уделов и управляющий Кабинетом Его Императорского Величества (1852–1856). Граф (1849).

Орлов — Алексей Федорович Орлов (1787–1862), внебрачный сын Ф. Г. Орлова (одного из братьев Орловых, помогавших Екатерине II взойти на престол) и Т. Ф. Ярославовой. Генерал от кавалерии, генерал-адъютант; главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии

и шеф жандармов (1844–1856). Председатель Государственного совета и Комитета министров (1856–1861). Председатель Негласного комитета (с 1858 Главного комитета) по крестьянскому делу. Граф (1825), князь (1856).

³²*Государственный секретарь Позен* — Позен Михаил Павлович (1798–1871). Сын врача. Иудей, принявший православие. Начал службу столоначальником в Департаменте народного просвещения (1817), закончил в 1845 г. выйдя в отставку с поста временно управляющего VI отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Статс-секретарь (1836), тайный советник (1842).

³³*Клейнмихель, литовский крестьянин* — Андрей Андреевич Клейнмихель (1757–1815) — генерал-лейтенант русской армии (1812), родился в семье пастора в Риге.

³⁴*Петр Великий сделал крестьянскую девку...* — Екатерина I Алексеевна (урожденная Марта Скаврнская) (1684–1727), дочь литовского крестьянина, взятая в плен во время Северной войны, наложница Б.П. Шереметева, затем А.Д. Меншикова, с 1712 г. жена Петра I, русская императрица с 1725 г.

Мальчика у торговца пирогами... — Меншиков Александр Данилович (1673–1729), фаворит Петра I и Екатерины I, по слухам, в молодости продавал пироги на улицах Москвы.

³⁵*Prolifici, vagina nat.* — чрезмерная плодовитость, природное свойство влагалища (лат.).

³⁶*Великий князь Владимир...* — Великий князь Владимир Александрович (1847–1909), третий сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, в 1868 г. совершил путешествие по Волге, Оренбургской, Пермской губерниям и в Сибири, побывав в Оренбурге, Нижне-Уральске, Петропавловске, Омске, Усть-Каменогорске, Павлодаре, Семипалатинске, Бийске, Барнауле, Кольвани, Томске, Тюмени, Тобольске, Екатеринбурге, Перми и др. Помимо генерал-адъютанта графа В.А. Перовского, контр-адмирала Г.Т. Бока, флигель-адъютанта Н.П. Литвинова и других официальных лиц, великого князя в поездке сопровождал известный русский естествоиспытатель и путешественник, исследователь Сибири и Дальнего Востока академик Александр Федорович Миддендорф (1815–1894) с сыном Карлом.

³⁷*Превратили в религию Перуна* — Перун, в славянской мифологии бог-громовержец, в древнерусском языческом пантеоне — покровитель князя и дружины.

³⁸*Окруженном зрителями адитоне, как мидийские цари* — вероятно, у Гена здесь аллюзия, связанная с адитоном (др.-гр. «святыня», «недоступный») — особой комнатой в древнегреческих и римских храмах, куда могли входить только избранные, и древнеперсидской ападаной — отдельно стоящим зданием для торжественных царских приемов.

³⁹*Zemstwo* — земство. Это слово в книге по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

Комментарии А.А. Ширинянца

LIVLÄNDISCHE
A N T W O R T

AN HERRN

JURI SAMARIN

VON

C. SCHIRREN.

DRITTE AUFLAGE.

LEIPZIG
VERLAG VON DUNCKER & HUMBLOT
1869.

Карл Ширрен
**ЛИФЛЯНДСКИЙ ОТВЕТ
ГОСПОДИНУ ЮРИЮ САМАРИНУ**

Tacite a dit depuis longtemps ce qu'il y
a de précaire dans ce règne de silence, qui
succède à la dévastation : solitudinem fa-
ciunt, pacem appellans Fürst Gortschakow
an Herrn von Oubril¹.

18 Febr. 1867.

Вы недавно порадовали весь свет (тех, кто читает по-русски) грандиозным зрелищем (или скорее его программой*)².

Вы призываете на помощь пятидесятиmillionному народу родственные племена, чтобы подавить кучку немцев, которым ставят в упрек то, что они хотят остаться теми, кем в течение семи столетий были их предки: трудолюбивым сообществом, которое сегодня на границах гигантской империи борется за сохранение испытанных начал культуры и будет и дальше вести эту борьбу.

Будучи невосприимчивым благодаря чутью Вашего народа к суждениям западной страны, благодаря ненависти к ее симпатиям, Вы как ни в чем не бывало громогласно заявляете, что достоинство запрещает Вам разговаривать с Францией, с Англией или с Германией. Для крестового похода, к которому Вы зовете против немцев в Лифляндии, Вам достаточно сочувствия славян, «которые, находясь под гнетом западной Европы, узнали на собственном опыте, до какого бесстыдства может дойти расовая ненависть», и поместив Ваше знамя на Градчанах³, Вы разворачиваете на глазах у чехов воплощение стыдливого достоинства.

* Окраины России. Первая серия: Русское Балтийское поморие. Вып. 1: Русское Балтийское поморие в настоящее время. Вып. 2: Воспоминания православного латыша Индрика Страумита. Прага, 1868 (на русском языке). — Прим. Ширрена.

От имени национального собрания всех россов, которое отбрасывает на Вас тень, Вы требуете от остзейских провинций, в особенности от «остзейской интеллигенции», отдаться на милость и на немилость, потому что с этим требованием к ним обращается «не та или иная личность, будь это даже самодержец собственной персоной», но великий народ.

Вы обращаетесь к русскому народу от имени Вашего национального собрания с предостережением, чтобы он не удовлетворялся «обычными» наказаниями со стороны законов и полиции, но чтобы он всем скопом пришел на помощь плохо устроенным глазам правительства, и что при этом не следует рассчитывать на одобрение западных стран, но тем вернее — на инстинктивное признание всеми славянскими племенами, «разумеется, за исключением Польши».

Во имя того же национального собрания правительство почитает себя призванным прямо нарушить права страны или отменить их для того, чтобы толпа могла без помех вести среди маленького остзейского сообщества широкую пропаганду, сопровождаемую всеми неизбежными при свободных дебатах всплесками чувств и неводержанностями. Куда уж яснее!

Вы торопите, так как в Лифляндии (Вы беретесь это доказать) речь идет о государственной измене и промедление опасно.

Из-за этой опасности Вы не отказываетесь использовать требующие много времени способы доказательств, и, веря в то, что Вы просите не о доверии, а о снисхождении, Вы удостоиваете обвиняемого вслед за скорым приговором редкой привилегии увидеть себя привязанным к «программе», пока однажды не явится некий «Муравьев»⁴ будущего, чтобы и правда привести в исполнение приговор всему обществу, как Вы это предписываете.

Между тем Вы не без ловкости обходитесь средствами, находящимися в распоряжении существующего правительства, и в маске Гракхов⁵ выполняете полицейские функции.

Первое же Ваше слово выдает Ваш образ мыслей.

Вам известно, что эта страна находится в бедственном положении. Договоры, на основании которых она связана с империей, в сорок раз старше недавнего польского восстания. Восстание у всех в империи на памяти, договоры там всеми забыты.

Без колебаний Вы овладеваете положением.

Едва лишь Вы приступаете к обвинению, как сравнение с Польшей уже возбуждает умы и нравственная неразбериха празднует свое величайшее торжество.

С остроумием, сообразным бесстрашию, Вам удастся найти подход к неразрешимому уравнению. Где только не искала его злобная прихоть: в правительстве он отдает себя в Ваше распоряжение, в то время как Вы предусмотрительно избегаете промежуточных звеньев причины и следствия, Вы направляете острие на нас, приходя к логическому выводу, что только инстинкт Вашего народа в состоянии парализовать следствия. Потому что если правительство, несмотря на своих наместников и генерал-губернаторов, несмотря на все роды полиции, самую тайную, тайную и обычную, несмотря на тысячи официальных глаз, ушей, перьев, рублей, ружей, несмотря на аппарат насилия, снабженный всеми его атрибутами, обнаружило в Польше долгое время зреющую под покровом лояльности революцию только тогда, когда она уже явно разразилась, отчего же не может в Лифляндии та же опасность таиться под тем же правительственным покровом? Или (чтобы вернуться к симптомам) если в Польше подстрекатели подкручивают усы и уходят в леса, почему отсутствие усов в Лифляндии и отвращение немцев к длительному пребыванию в лесах дают уверенность в остзейской лояльности?

Вопрос позволителен, и ответ найдется.

Ну, а там, где он не найдется, там найдете его Вы, господин Самарин!

Вы заявляете, что в Лифляндии, как и в Польше, крестьяне, что среди крестьян — помещики, наряду с помещиками — духовные лица, и что как там, так и здесь ни те, ни другие не являются ни русскими, ни православными. Что Вам делать среди крестьян, кроме как подрывать доверие к правительству, любовь к господствующей расе, повиновение господствующей церкви? Для этого ни в Польше, ни в Лифляндии не требуется особого красноречия: какая-нибудь внезапная мысль будет приноровлена к народному пониманию и пущена в обращение; какой-

нибудь приказ правительства будет переиначен; то хорошее, что предназначено для народа, будет утаено; и наконец, чтобы окончательно ожесточить, под видом расквартирования войск добьются обманным путем военной экзекуции, направленной против крестьян.

Здесь я останавливаюсь, чтобы выразить Вам свое восхищение. Здесь больше, чем обычное искусство клеветы, так говорит гений. Конечно, и в Лифляндии бывали военные экзекуции, частью, как во всех странах мира, во время явного восстания, частью, возможно, тогда, когда их лучше бы не было. В Лифляндии достаточно немцев, которые искренне желают, чтобы мы были избавлены на все времена от ваших военных экзекуций. Между тем это были лишь исключения. Напротив, «расквартирования войск» повторяются более-менее регулярно, и эта, спору нет, хитрая уловка так тесно мысленно связала их с военными экзекуциями, что где бы в будущем не были расквартированы войска, какой-нибудь человеколюбец в Москве думает: Ах, снова экзекуция в Лифляндии!

Я возвращаюсь к Вашим рассуждениям.

Итак, мы — совершенно то же, что и Польша. После того, как мы оказали достаточный нажим на сельское население, наша пропаганда не менее хитро прокрадывается через границу, пробирается в высшие правительственные сферы, ищет возможности вывезти наиболее благоприятные решения; укрывается в Остзейском комитете⁶, в этой маленькой крепости в *partibus Russorum*⁷, гнездится в салонах; подкупает решения суда; смущает умы. И тем легче русского можно привести в восторг и одурачить, как только немец или поляк даст ему понять, что его ум благородно просвещен и он *accident heureux parmi les sciens*⁸.

Третье сходство в следующем: мы клеветем не хуже, чем поляки. Вы немец или поляк, господин Самарин?

Наконец, мы прокрадываемся через западную границу и скандалим в чужих газетах до тех пор, пока в какой-нибудь палате, совсем как у поляков, какой-нибудь *exaltado*⁹ не подаст голоса в нашу пользу и не внесет запроса, и, наконец, «как обычно бывает», дружеское государство обращается к Петербургу с

любезной просьбой дать ему в руки что-нибудь, чтобы дало возможность заткнуть род назойливой оппозиции. И так как (это Ваше утверждение, господин Самарин, не мое) в самом деле не делается, не планируется ничего такого, в чем нельзя было бы публично признаться, то невозможно угадать, каким способом отказать добрым соседям в такой пустяковой просьбе. Просьба выполняется. Между тем, это никого не удовлетворило: только пожинаяются дружеские советы ради европейского спокойствия, ради доброго соседства, а лучше бы действовать так или этак, и как только начинается обмен мнениями по поводу остзейских провинций, все катится вниз по известному наклонному пути к скамье подсудимых европейского трибунала, и не следует слишком рассчитывать на то, что в какой-то момент появится князь Горчаков¹⁰, возьмет обвиняемого за руку, поднимет его и, как когда-то в связи с польскими делами, торжественно выведет из зала.

Таким образом, остзейский вопрос, как и польский вопрос, станет бессмертным, и от обоих вопросов будет одинаково трудно отделаться.

На этом сходство временно заканчивается.

Между тем Вы владеете достойным восхищения искусством восстанавливать при помощи мельчайших деталей потускневшие изображения. Там, где Вы даете понять верящим в Вас людям, что Россия якобы не является нашим отечеством, Вы употребляете слова в той форме, в которой понятия наиболее привычны русским; где Вы засчитываете нам в государственную измену тот факт, что наше отечество — Германия, там слово должно быть приспособлено к форме, которая более привычна для Польши. Московит в немецком тексте переводится как москаль, москаль — это польская оскорбительная форма. Расчет прост. «Совсем как поляки!» — восклицает московский человеколюбец.

«Совсем как поляки!» — воскликнем, может быть, и мы, правда, скорее не в силу убеждения, а на основании опыта!

После того, как Вы настроили умы сообразно с целью, Вы ведете их к цели через четырнадцать ступеней с ловкостью, которая то блестяще скрывает намерения, то заманчиво приоткрыва-

ет их, и указываете попутно на 1. provincial¹¹ Svod¹² и привилегии; 2. великое conversion¹³ в православие; 3. обратный переход из православия и закон о смешанных браках; 4. аграрные отношения; 5. остзейский общинный порядок; 6. городское управление; 7. положение русских граждан в Риге; 8. заслуги русских священников и чиновников; 9. судьбы русского языка в школах и в администрации; 10. впечатления некоторых латышей; 11. отмену штапельного права¹⁴ в Риге; 12. подъем остовов кораблей; 13. отмену гильдий; 14. судебную реформу, которая предстоит.

Так много этапов, так много обвинений; так много мучений *in petto*¹⁵.

Вы обвиняете нас в том, что мы всегда обходим законы и постановления правительства. При помощи пожелтевшего пергамента практикуются запрещенные культы, при помощи смутных юридических понятий ведется война против сиятельной юриспруденции нового времени. Против православной церкви, которая призвана освободить угнетенные массы и крепко привязывает к себе совесть, чтобы в действительности отменить ее, ведется борьба при помощи лжи и насилия; все плоды ее духовных трудов отнимаются у нее светскими искусстваами. Под видом свободы, при помощи аграрных законов, один хитрее и вероломнее другого, народ все сильнее закабалается. На место поголовного преобладания бедности распространяется сомнительное благосостояние, *мое* и *твое* все прочнее укореняются в деревне. В городах вопиющие растраты в администрации и неумные планы реформ. Кто думает и действует по-русски, того не следует брать за образец. Благодетельное языковое принуждение нигде не встречает одобрения. Хотя и принесены в жертву некоторые нелепые привилегии, но остальные отстаиваются с мужеством отчаяния против свободы бессилия, против братства подлости, против равенства кабалы, всего того, что Вы, господин Самарин, возвещаете всем пограничным племенам империи от имени русского народа в соответствии с миссией, возложенной на него Провидением.

Собственно, эти обвинения возникли не впервые, еще труднее их доказать. Нас уже раньше мучили ими и отравляли нам

жизнь. На протяжении жизни поколения и даже дольше мы половину нашего времени употребляем на то, чтобы не совершить ничего, что могло бы поставить нас под удар. Мы держим ответ, нас допрашивают и проверяют, опрашивают и допрашивают и снова проверяют; сбор доказательств завершен: нас оправдывают. Едва мы успеваем вздохнуть с облегчением, как все начинается заново. Тема бессмертна, и наша жизнь протекает под виселицей.

Мы держали ответ числами и словами, в большом и в малом, в деталях и в целом.

Мы показали, как принимаются законы и постановления правительства и как они проводятся в жизнь; как они приносят пользу и как вредят; как их можно было бы изменить и как они, измененные или неизменные, продолжают действовать на благо или во зло. Мы осветили миссию православной церкви с ее претензиями, средствами и успехами и не дадим свету погаснуть и в дальнейшем. Мы воспитали крестьян в духе свободы, построили для них церкви и помогаем в строительстве; организовали школы и содержим их; мы обеспечили их литературой на их языке; мы были рядом с ними и в хорошие, и в плохие времена. Конечно, мы несем ответственность за их растущее благосостояние, разделение на *мою* и *твою* собственность мы можем извинить только наследственным недугом западных культур. Наши города терпели Вашу, господин Самарин, осаду, Вашу и прочих ревизоров, однако, держались. Они платили налоги и таможенные пошлины, возможно, больше, чем были в состоянии. Они понесли большие расходы, которые им не помогли; лишились больших доходов, которые им причитались; как только могли, берегли дом, как полагалось, давали отчет. Они послушно добивались, где это было возможно, хороших, где это не было возможным — разных, а где не выходило иначе — плохих реформ. Некоторые осуществлены, других дожидаются еще и сегодня. Русские были встречены в стране радушно, они нашли пищу и богатство, защиту со стороны судов и надежных соседей. Для них были организованы школы, возможно, не так много, как им было нужно, но значительно больше, чем удалось бы организовать им самим. Если они нуждались в добром

совете, то не получали отказа; если они получали совет, то пользовались им, если они спрашивали плохого совета или давали его, их старались вразумить. Их не брали за образец, чтобы не лишиться их удовольствия выбирать себе те образцы, которых они желали; и если им недоставало инстинкта, то, надо надеяться, им помогало благоразумие. Конечно, благодетельное языковое принуждение ни у кого не вызвало восторга. Некоторыми привилегиями мы пожертвовали; остальные мы продолжаем защищать, коль невозможно иначе, то с мужеством отчаяния, против свободы бессилия, против братства общности, против равенства кабалы, всего того, что Вы, господин Самарин, возвещаете всем пограничным племенам империи от имени русского народа в соответствии с миссией, возложенной на него Провидением.

Не в обиду Вашему народу будь сказано: о миссии, возложенной на него Провидением, он знает столь же мало, как о своих ложных пророках.

При теперешних обстоятельствах оказалось бы самым удивительным промахом, если бы мягкий остзейский характер, потрясенный впечатлением, которое Ваше обвинение могло произвести на враждебно настроенные души, возможно, подталкиваемый участливым сердцем, испытает прежнюю муку и попытается терпеливо истолковать, доказать, опровергнуть то, что уже сотни раз было истолковано, доказано, опровергнуто, и в своей искренности не заметит, как он избежал одной петли, чтобы окончательно угодить в другую. Потому что пока он, обманутый похожим содержанием обвинения, думает, что он имеет дело со старой системой неосведомленности, уклонений и слегка упорядоченного произвола, он с запозданием поймет, что имеет дело с новыми методами посягательств, когда первая задача — превратить возражения в признания и придти к заключению, что из доказательств невиновности следует неотвратимость экзекуции.

Не без приступа меланхолического веселья мне удастся вызвать в своем воображении диалог, который мог бы завязаться между честными натурами, если бы они упорствовали в стремлении оправдать нас в Ваших глазах. Они не будут подозревать

о Ваших намерениях и доверчиво, с деликатной оглядкой на то, что они принимают за Ваш конек, вернутся к аграрному вопросу и, возможно, обнаружат прогресс у крестьян. Из-за привитого воспитанием благоговения перед законом они не смогут обойти закон, но будут толковать о законном пути развития. Уже первая попытка взаимопонимания была бы обречена на неудачу. Развитие! Вы его ненавидите, и Вам, как никому другому известно, насколько бесцеремонно можно обращаться с законами.

Вы возражаете, что если подобное развитие на самом деле считается законным, то это обнаруживает только одно: каковы же законы в этой стране.

С Вами услужливо соглашаются: законы поддаются усовершенствованию, их можно изменить.

Изменить! Именно этого страна все время добивается; с 1848 г. одиннадцать постановлений по аграрному вопросу! Теперь она жаждет двенадцатого.

Друг страны вздыхает с облегчением: несомненно, истинное развитие лучше всего происходит само по себе; в Курляндии, вы это отметили, не потребовалось никаких законов, чтобы положить конец конфискации крестьянских земель.

Конечно, злбно возражат: не осталось ничего, что можно было бы конфисковать.

Теперь честный ум взволнован; тепло говорят о растущем благосостоянии крестьян, о многочисленных арендаторах, о земельных собственниках, о свободной конкуренции.

Здесь Вы перебиваете: конкуренция прежде всего все губит, цены становятся непосильными, тот, кто наконец приобретает землю, платит больше того, чем располагает, продает еще дороже, требует платить наличными, богатеет, делает богатыми других.

Тем хуже, выносите Вы приговор: кто богатеет, приближается к немцам.

На это трудно что-либо возразить. Вы ставите точку, осыпав насмешками недостаточную просвещенность крестьян: еще тридцать лет тому назад в стране господствовало мнение, что образование для латышей вступит в противоречие с интересами немецкого сословия, и народ вовсе не заботился о просвещении.

Простодушный друг страны, еще не умудренный опытом, позволит себе возразить: сегодня ведь все иначе. Он насчитает Вам в Латвии и в Эстонии тысячи школ, большая часть из них организована и содержится немцами.

Ответ повторяется: тем хуже; просвещение приближает крестьянина к немцам; в школах он впитывает ненависть к русской нации и к православной церкви, и вот оно: начиная с сороковых годов совершается отход от гернгутеров¹⁶ и переход в православную церковь, поскольку у протестантской церкви не было в стране никаких корней. С того времени, как крестьяне обратили свои сердца и надежды на Россию, протестантские священники и немецкие помещики, чтобы заполучить назад хотя бы часть блудных детей, прибегли к оригинальной интриге: делая возможным приобретение собственности на землю и некоторое школьное образование для крестьянской элиты, они создают в народе пронемецкий союз против прорусски настроенной массы, которая опускается все ниже.

Как несерьезно, заключаете Вы насмешкой над немцами, которые говорят свобода, а подразумевают кабалу, которые цепляются за смехотворные привилегии, за ограниченные сословные списки, которые ведут вечные войны одного сословия против другого, одной корпорации против другой, богатых против бедных, благородных против ничтожных.

Тут Вам возразят, что и здесь произошли изменения: свобода передвижения, сообщения, промыслов. Сближение увеличивается.

Только этого не хватало! Вам самим отлично известно, Вы знакомы со всеми заговорами. Сословия, еще недавно находившиеся в ссоре, (так Вы изображаете положение дел) стремятся к примирению; рыцарство жертвует различными исключительными правами, отменяет запреты на приобретение дворянских поместий, выражает готовность выбирать на некоторые должности даже ученых. Оно само намеревается предоставить элите крестьянского сословия избирательное право, и в то время, как правительство с благодарностью за такие благодеяния отходит в сторону, поскольку оно не делает ничего, кроме того, что все прочнее скрепляет взаимные услуги и жертвы, уже сегодня на

развалинах старых сословий отчетливо видно новое немецкое общество, которое стремится превратить сословные права в земельное право, а в старых привилегиях больше не ищет цели как таковой, но средство для отделения от империи.

Отделение от империи! Но ведь именно привилегии, сословные права и земельное право, только они, собственно, и обеспечивают в правовом отношении, в отношении государственного и национального права связь с империей. Как можно отделить то, что связывает?

Теперь всякая дальнейшая дискуссия рискованна: довольно уже прекались, надо начать действовать.

Ваше дело не спорить с обвиняемым, но без околичностей отправить его туда, где ему подобает быть.

Вам свойственна изумительная ловкость упрощать запутанные вопросы и сужать размах дознания.

Дело за тем, чтобы лишить обвиняемого — защиты, свидетеля — смелости, присяжных — совести, судей — закона, шайку — молчания. Только это делает процесс быстрым, а прямой путь — самый лучший.

Обвиняемый ссылается на права. У него нет никаких прав.

И пусть это станет самым бескорыстным делом: на место нашего права поставьте закон; беззаконие для нас постепенно установится само.

Вы проповедуете мысль, что у нас нет никаких прав, поскольку отчасти у нас их никогда не было, отчасти мы их утратили, и утратили частично из-за того, что мы их не защищали и против их нарушения не протестовали, частично оттого, что мы и протестовали, и защищали. В первом случае мы из-за отказа от апелляции легкомысленно упустили ее и, таким образом, сами лишили себя прав. Во втором случае мы апелляцией оказали сопротивление суверенной власти, этому единственному источнику законодательства, и тем самым окончательно лишились прав.

После того, как нас во имя суверенитета лишили прав, мы остаемся под защитой законов. При теперешних обстоятельствах Вы инстинктивно терпите суверенитет, а в законе отражается беззаконие. Вы приводите доказательства того, что мы упу-

скаем по легкомыслию любую защиту закона. Потому что или мы подчиняемся законам, или мы их обходим. В первом случае закон можно объяснить только недосмотром законодательной власти, поскольку он оказывает содействие направлениям, которые противны инстинктам правящей расы, что, наверняка, не входило в намерения законодателя. Подобные законы следует упразднить, и тем самым мы лишаемся защиты этих законов. Во втором случае достоинство законодательной власти требует, чтобы любое уклонение от законов сделалось бы невозможным, а поскольку наше особое искусство в том и состоит, что мы обходим законы так же, как другие им следуют, то цель может быть достигнута лишь тогда, когда нас лишат возможности как нарушать любые законы, так и следовать им: единственное средство и единственный выход, который не позволит по нашему желанию отменять любой закон, это поставить нас вне всякого закона.

Вы нашли для этого законный путь, отказав нам в отечестве. Потому что пока мы остаемся теми, кто мы есть, Россия не хочет быть нашим отечеством, а Германии не позволено им быть. В результате у нас нигде никакого отечества. Мы превратимся в иаотов¹⁷.

Но тот, кто потерял отечество и право, что ему еще остается в царстве мыслей? Вы доказываете, что у нас их нет. Доказательство убедительное. Возможно, в других землях цензура нашла способ обуздывать мысли или их выражение, нам же она присудила скрывать недостаток мыслей. На Земле у нас нет лучшего друга, чем цензура. Как только мы начинаем говорить и не знаем, что сказать дальше, мы прячемся за цензуру, и она приказывает нам замолчать. Правда, из прирожденной злобности, исчезнувшие здесь мысли вновь появляются по ту сторону границы, принимают там совершенно бесстыдный вид и накликают на нас беду, но и в том и в другом случае мы пропали, и в этом все дело.

О защите, в чем бы нас ни обвиняли, не может быть и речи.

И, разумеется, нас обвиняют!

От хижины до залов резиденции, от деревни до министерства, от церковной кафедры до ступеней трона приготовлены Ваши петли и разложены Ваши сети. Ни одно слово не ускользает от Вас, каждое движение подмечается. Там, где невозможно

иначе, Вы читаете мысли, и там, где ищется несомненный во все времена признак государственной измены, Вы раскрываете чудовищный заговор.

Заговоры — это наша культура, призыв — отпадение от империи, отличительная черта — сопротивление вопреки инстинкту.

Повсюду, где пробуждается инстинкт, там образуется для нас форум.

Инстинктивно призываете Вы нас к ответственности, инстинктивно же Вы обвиняете нас, и поскольку Вам знаком инстинкт, Вы осторожны с доказательствами: Вы изображаете.

И с каким восхитительным искусством Вы изображаете!

Также и прежде, когда нас обвиняли, усилия защиты были велики. То один, то другой, издали, не понимая, в зависимости от настроения или по расчету, для себя или ради других изображал нас на свой лад, и мы должны были доказать, что это изображение ложно. Мы зывали к фактам, нам демонстрировали изображение; мы зывали к разуму, воображение заявляло о своем недовольстве; мы зывали к здравому смыслу, ум оставался запертым. Мы, не отчаиваясь, приступали к делу исправления изображения при помощи фактов, воображения — при помощи разума, умов — при помощи здравого смысла; мы пытались уличить, наставляя на путь истины. Мы преодолевали нетерпение и досаду; мы разбирали по буквам азбуку логики, права, морали; мы спорили об элементарных понятиях человеческой культуры как о самых возвышенных тезисах. Чтобы не оскорблять умы, мы отрекаемся от наших прав; чтобы успокоить воображение, мы оправдывали наши заслуги; мы признавали правоту изображения в целом и испрашивали разрешения внести лишь отдельные поправки. И плохо ли, хорошо ли, но спасли в конце концов нашу действительность. Ее не узнали, но не смогли оспорить: от изображения пришлось отказаться.

Ваше поведение много хитрее и не поддается никакому контролю. Вы просвещаете, но только между прочим, Вы изображаете, но только для того, чтобы возбудить фантазии; Вы будите инстинкт; Вы обучаете его изображать самого себя по желанию и уступаете ему его внутреннюю работу.

Вы сотворили себе свою собственную теорию, чтобы дразнить его анекдотами и приводить его в неистовство от алчности.

Вы прибегаете к трем методам.

Или Вы ручаетесь за достоверность — не анекдота, но распространившегося по всей стране слуха. Слухи Вы делаете мериллом настроений в стране, а из настроений Вы делаете те выводы, которые Вам подходят.

Или Вы ручаетесь за анекдот, признавая, что в нем, впрочем, речь идет пока лишь об отдельном случае, призываете читателя мысленно (я повторяю Ваши слова) увеличить его «в четыреста тысяч раз».

Или Вы не ручаетесь ни за факты, ни за слухи, нанизывая анекдот на анекдот, слух на слух и предупреждая читателя, чтобы он не принимал на веру все, что ему сообщается, и заканчиваете требованием вычеркнуть одно за другим из памяти и мысленно не возвращаться ни к чему, кроме как к общему впечатлению, и при этом признать: да, я убежден!

А теперь давайте решительно поймаем мгновение и добьемся приговора против кражи мыслей, отечества и прав. Вы знакомы с Вашей публикой и с Вашими судьями. Не требуется никаких доказательств. Вы ставите условный знак и говорите: по этому знаку вы должны его узнать. Если он смотрит направо, значит, виновен; если он смотрит налево, значит, признал свою виновность; если налево, то не может оспаривать; опущенный взгляд говорит о том, что он признал себя уличенным; наверх — что милость только у Бога. Быстро выносите приговор и приговаривайте его к повешению.

Присяжным все ясно, галерка одобрительно рукоплещет.

То, что в речи есть грубого, доходит прямым путем по адресу. Тонкий аромат вьется за кулисами, а на простой народ он не действует.

Ни один не может ускользнуть от Вас, так много Вы обвиняете.

Вы составили опись всех профессиональных и общественных групп, всех людей и сфер человеческой деятельности, которые должны быть прокляты.

Антирусская пропаганда (такова формула Вашего обвинения) ведется и в провинции, и вне ее. В провинции она берет свое начало в деревне, в пасторатах и в поместьях. Ею руководят проповедники и помещики; в качестве орудия используются управляющие, писари, церковные служки, школьные учителя, всевозможная прислуга в церквях и в поместьях, издатели латышских газет, онемеченные латыши и эстонцы, крестьянская масса, если она находится под немецко-лютеранским влиянием. Вся страна представляет собою большую антиправославную коалицию, в которой протягивают друг другу руки церковь, полиция, суды.

В городах действуют граждане, совет и гильдии; в церквях — проповедники, в школах — ученые, учителя, инспектора, кураторы; в присутствиях — чиновники. Вне церкви, школы и присутствий — вся «остзейская интеллигенция», поскольку она печатает, ведет переписку, говорит или думает, будь это под цензурой дома, или вне дома без цензуры.

А генерал-губернаторы раздают одобрения.

Здесь впечатлительная натура возражает, что невозможно, чтобы все население, от самых первых умов до самого последнего, ничем, совершенно ничем бы не занималось, кроме пустых заговоров, чтобы, например, среди чиновников не нашлось бы ни одного, который бы добросовестно выполнял свой долг и ничего, кроме своего долга. Ответ у Вас уже готов. Вы описываете подобного человека; Вы не находите достаточно слов для вознесения его высокой образованности, его неустанного рвения, его ловкого, энергичного руководства; он исполняет свой долг, разумеется, «только так, как он его понимает»; он тоже немецкого происхождения; он тоже не принадлежит к греческой церкви; он тоже — довольно, инстинкт отворачивается от него. Прочь от него к другим.

Проповедники рассеяны по всей стране. Они проповедуют и ждут свою паству; время от времени кто-нибудь из них может оказаться виновным перед уголовным кодексом и допустит целого грека или половину его до причастия, может быть, удержит какую-нибудь душу от перехода, что полностью осуждается, только ведь их всех не перевешаешь? И здесь Вы не отказываетесь

от ответа. Ежедневно, ежечасно толпится все лютеранское духовенство в газетах, с кафедр раздаётся ругань в адрес православной церкви. Ежедневно, ежечасно? Но среди сотен, среди тысяч проповедников вряд ли найдется кто-то, кто хотя бы вспомнит о православной церкви, как же она может себя чувствовать оскорбленной? Ответ не заставляет себя ждать. Оскорбление заключается в вере. Точно так, как тот пастор Дебнер¹⁸, который написал о крестном знамении и поклонении иконам и был за это наказан, именно так думают все протестанты. «Где справедливость?» — задают они нам вопрос, и мне даже не нужно спрашивать, что в Ваших глазах более справедливо: отпустить одного, или повесить всех вместе.

Теперь мы, правда, все протестанты, мы или граждане, проповедники, помещики, или что-то вроде «остзейской интеллигенции», и провинцией надо управлять: ей нужно воспитывать людей, платить налоги, преданно оказывать империи подобающие услуги; право и суд, церковь и школа — это не мельницы, которые приводятся в движение ветром, это не безвольные существа, которыми движет инстинкт. Они хотят, чтобы их приводила в движение сила человека. Мы создали их, мы должны их защищать, мы должны их отстаивать.

Из деревенской тиши затравленная остзейская интеллигенция бежит в шум резиденции и ищет справедливости и защиты. Она завязывает контакты с сильными мира сего, она ищет в их душах хотя бы один доступный уголок, полупонимание, остаток совести. Она ссылается, нет, не на свое право: это внесло бы разлад в защиту закона, в реальные отношения, в интересы государства, которому эти провинции как-никак принадлежат.

Интриги! Интриги и клевета!

А разве не было бы достойно, справедливо, разумно хотя бы выслушать притесняемых, принять во внимание то, что они хотят высказать, проявить, в известных границах, больше понимания, прийти им на помощь, когда они справедливо жалуются?

«Никоим образом!» — звучит Ваш приговор. Тот, кто исполняет просьбы остзейского рыцарства, восстает против инстинкта; тот предаёт господствующую расу, кто с уважением

относится к остзейским гражданам. Тот пропал, кто хотя бы прислушался к этим немцам. От имени Вашего национального собрания Вы зовете его на суд.

Министерства, Сенат, имперский совет пока еще остаются крупными организациями правительства.

Правда, от них не следует ожидать слишком многого. От высшего совета гигантской империи не приходится требовать, чтобы он задумывался о возможности применения всеобщих законов на местах и о том, чтобы законодательство на местах было всегда справедливым, точным, нелицеприятным. Для этого он находится слишком высоко, слишком далеко и весь он настроен слишком пристрастно. Вероятно, именно это наблюдение в тридцатые годы и вынудило покойного императора вызвать к жизни Остзейский комитет для частичного устранения жалоб¹⁹.

Также и внутри министерств, даже при наличии самой доброй воли, не всегда удается правильно угадать решающую позицию, которая бы по-настоящему выражала интересы империи и провинции. На каких бы принципах не управлялись провинции, без определенного понимания их запросов не обойтись. Там, где право, привычки, обычаи прочно укоренились на почве общественной жизни, от хозяйства к хозяйству, из деревни в деревню, в профессиях, в сословиях, в семьях, на транспорте и в ремесле, в торговле и в образе жизни, ведь все эти корни дают государству часть его пищи. Даже если пересаживать с осторожностью, все равно нужно знать характер почвы, местные условия, изгибы корней. Откуда и взяться знанию, как не из провинции? Нужно по крайней мере прислушаться ко всем этим знаниям и внимательно изучить их.

Наконец, от Сената нельзя требовать специального изучения прав остзейских провинций и, если требование быть разумно судимым не слишком несправедливо, то возможность создания остзейского высшего трибунала кажется как естественным, так и соответствующим договорам выходом.

Повсюду рекомендуется разделение труда.

Вы налагаете Ваше вето. Понимание вызывает в Вас отвращение. Кто добивается понимания, тот поляк, кто способствует

пониманию, тот предатель. Уже одни только мысли о трибунале являются отпадением от империи; требование страны быть услышанной — возмущение; Остзейский комитет — это клуб. Вы угрожаете всем инстанциям, от самой нижней до самой высшей, каждому, кто осмелится вступить за Остзейские провинции, каждому, кто только возвысит голос, тем, что дадите показания об их поведении и нравах, их характере и их нравах.

Тогда, с маской в руке, до мозга костей наполовину согнутым, наполовину трибуном Вы являетесь перед императором.

Перед Твоим Величеством (примерно так скажете Вы) предстанут Твои лояльные остзейцы, как всегда покорные и очень скромные. Они станут умолять Тебя даровать слово пощады с высоты твоего трона ради утешения любимой, глубоко оскорбленной страны. Они придут, чтобы мошеннически добиваться признания их немецкой национальности. Они не будут пугать Тебя сомнительными словами; они не будут требовать конституции, во всяком случае, они не упомянут о ней. Они будут говорить о свободе совести, о национальной церкви, об автономии, о выборах судей, о немецком языке и о школах. Они станут умолять Тебя не остаться равнодушным к делам страны; они прольют потоки своих чувств перед Твоим троном; они не преминут похвастаться той кровью, которую их предки пролили за императора и за империю; будут клясться в своей лояльности, которую они всегда проявляют, разумеется, с оговорками. Они утверждают, что имеют на это право. Если Ты не исполнишь их просьб, они не будут делать ничего, что Ты желаешь. Совсем как поляки!

Не слушай их! На карту поставлен Твой суверенитет! Их самые верноподданнические чувства представляют собою оскорбления. Право, на которое они ссылаются, это не право. Все законы исходят от Тебя. Законы, на основании которых управляются остзейские губернаторства, покоятся не на договорах и международных обязательствах, но на Тебе, и что бы ни говорили остзейские юристы, для нас Твой суверенитет не мертвая буква. Он не может быть слишком большим, слишком высоким и слишком могущественным. Помни же, что мы с Тобою. Мы хо-

тим делить с Тобою все. Чем больше то, чем Ты владеешь, тем больше достается нам, и если у Тебя вдруг ничего не останется, то мы зато будем иметь все.

Твой отец, покойный император, был во всем весьма ограничен, но обладал одной способностью, без которой нет исторического величия: он угадывал инстинкт масс. Ты не захотел отказаться от имени освободителя: Россия имеет право знать, за что она Тебя благословляет.

Император, который поставил свое имя под Положением от 19-го февраля 1861 г.: лифляндские, эзельские, эстляндские, курляндские постановления о крестьянах он может теперь порвать в клочки²⁰.

Мы не требуем от Тебя слишком многого. Под титулом Величество подтверди господство над массами; под титулом единство империи — господство расы. Ты не должен отменять порабощения совести: на этом покоится будущее церкви. Таран языкового принуждения обращает западную культуру в развалины. Если в стране будет ликвидировано судопроизводство, будут растоптаны аграрные отношения. Будет ликвидировано любое право и все договора, провинция будет разорена раз и навсегда, и тогда, с доказательствами исторического величия в руках, Ты окажешься среди нас, чтобы приветствовать новую эру и объявить Твое национальное собрание всех русских истинным освободителем. Отныне не будет другого хозяина, кроме инстинкта правящей расы!

Перевод с немецкого Т. Вильке, под ред. А.А. Шириняца

Комментарии

Карл Ширрен

ЛИФЛЯНДСКИЙ ОТВЕТ ГОСПОДИНУ ЮРИЮ САМАРИНУ

Ширрен (Schirren) Карл Христиан Гергард (1826–1910) — остзейский историк. Родился в г. Рига. В 1844–1848 гг. учился в Дерптском университете, в 1858 г. стал профессором этого университета по кафедре истории. С 1863 г., будучи сотрудником “*Dogater Tageblatt*”, отстаивал немецкие интересы в Остзейском крае. За издание в 1869 г. в Лейпциге брошюры “*Livländischer Antwort...*”, направленной против действий российского правительства в

Остзейском крае, Ширрен был удален с кафедры. В 1873 г. стал профессором Кильского университета.

Объемная брошюра Ширрена «Лифляндский ответ господину Юрию Самарину», включающая десять глав, была опубликована в 1869 г. в Лейпциге и выдержала три издания за год. Брошюра Ширрена стала ответом на книгу одного из лидеров славянофилов Юрия Федоровича Самарина (1819–1876) «Окраины России» (1868).

Текст первой главы печатается по третьему изданию: *Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin von C. Schirren. Dritte Auflage. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1869. S. 1–18.* Перевод Т. Вильке, под ред. А.А. Ширина.

¹ В качестве эпиграфа к своей работе К. Ширрен взял фразу русского министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, адресованную русскому послу в Германии графу Павлу Петровичу Убри (1820–1896): «Тацит сказал уже давно, что самое непрочное в этом царстве тишины это то, что она наступает за опустошением: они создают пустыню и называют это миром». Здесь Горчаков цитирует слова вождя бриттов о римских завоевателях: «Там, где они создают пустыню, они называют это миром» из сочинения древнеримского историка Публия Корнелия Тацита «О жизни и характере Юлия Агриколы» (Тацит, Агрикола, XXX, 4).

Сам «Лифляндский ответ...» предваряло следующее обращение К. Ширрена к Ю.Ф. Самарину:

«Господин Самарин!

После того, как Вы на чужой земле подняли забрало и бросили в лицо Вашим остзейским противникам у себя на родине обвинение в трусливой анонимности, Вы анонимно призываете Ваших друзей на свою сторону. Это несерьезно, потому что преимущества остаются за господствующей расой.

Я признаю это и являюсь без сопровождающих лиц.

Я один несу ответственность за то, к чему я приступаю.

В остальном я пользуюсь той же свободой, которой воспользовались и Вы.

Я говорю с тем же правом от имени страны, что и Вы от имени расы. Вам не давали ни доверенности, ни поручения. Мне не давали также.

Вы сочли нужным поносить нас.

Я нахожу нужным не мириться с этим.

Вы ловко остановились на инстинктах Вашего народа, я же останавливаюсь на праве моей страны.

Волонтер против волонтера, это делает партию не совсем неравной.

Допрат, в апреле 1869 г.

К. Ширрен»

² Речь идет о первых двух выпусках книги Ю.Ф. Самарина «Окраины России», напечатанной за границей и неразрешенной к ввозу в Россию: Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Вып. I. [Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую часть)]. Издание Ю. Самарина. Прага: типография д-ра Ф. Скрейшовского. 1868. Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Вып. II. [Записки право-

славного латыша Индрика Страумита. (1840–1845)]. Издание Ю. Самарина. Прага: типография др. Э. Грегра, 1868.

³ *На Градчанах* — Градчаны (*чешск.* Hradčany), один из старейших районов Праги.

⁴ Некий «Муравьев» — имеется в виду Муравьев-Виленский Михаил Николаевич (1796–1866) русский государственный деятель, генерал от инфантерии (1863), граф виленский (1865), По окончании Московского университета в 1811 г. поступил на военную службу. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Член декабристских организаций «Союза спасения» и «Союза благоденствия», в 1821 г. отошел от декабристского движения. В 1825 г. арестован по делу декабристов, но оправдан. В 1826 г. назначен витебским вице-губернатором, а в 1828 г. — могилевским губернатором. Принимал участие в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. Во время Польского восстания 1863–1864 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями. В 1866 г. председатель Верховной следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова.

⁵ *В маске Гракхов* — К. Ширрен имеет в виду обычай и право древнеримской знати снимать с умерших погребальные маски, точно воспроизводящие цвет кожи и черты покойника, использовать их во время похорон, надевая на людей, схожих с покойником фигурой и цветом волос, а затем хранить их в агриуме (передней части дома) в деревянных киотах, для того, чтобы сохранить память о славных деяниях усопшего и воспитывать на его примере новых граждан-патриотов (см.: *Полибий*. Всеобщая история. Книги I–IX / Пер. и ком. Ф.Г. Мищенко. М., 2004. Шестая книга. 53, 54). В 154 г. до н.э. во время торжественных похорон Тиберия Семпрония Гракха — древнеримского политика и полководца, отца знаменитых реформаторов братьев Гракхов, множество мужчин шли в погребальных масках покойного, сделанных из воска.

⁶ *Остзейском комитете* — имеется в виду Остзейский комитет для рассмотрения вопросов землевладения в Остзейском крае (1846–1876).

⁷ *Partibus Russorum* — в русской части (*лат.*)

⁸ *Accident heureux parmi les sciens* — счастливый случай среди своих (*фр.*)

⁹ *Exaltado* — экзальтированный (*исп.*)

¹⁰ *Князь Горчаков* — Горчаков Александр Михайлович, князь (1798–1883) — русский государственный деятель и дипломат; посол в Вене (1854–1856), министр иностранных дел (1856–1882).

¹¹ *Provincial* — провинциальный (*англ.*)

¹² *Svod* — свод. В тексте слово написано по-русски латинскими буквами. — Прим. переводчика.

¹³ *Conversion* — обращение (*англ.*)

¹⁴ *Штапельного права* — штапельное, стапельное или складочное право (*нем.* Stapelrecht), средневековое городское право принуждать купцов, осуществлявших транзит своих товаров через окрестности города, торговать этими товарами в специально отведенном месте в пределах таких городов.

¹⁵ *In petto* — наготове (*ит.*)

¹⁶ *Отход от гернгутеров* — гернгутеры, протестантская секта, уходящая своими корнями к реформаторскому движению Чешских (Богемских) братьев,

КАРА ШИРРЕН

участники которого в 1722 г. покинули Моравию и перебрались в саксонское местечко Гернгут, а затем в Прибалтику. В 1828 г. в Прибалтике насчитывалось около 40 тысяч гернгутеров.

¹⁷ Илоты — илоты (от др.-греч. *heilotes* — государственные крепостные в древней Спарте), здесь в значении бесправные, порабощенные люди.

¹⁸ *Пастор Дебнер* — вероятно, имеется в виду Дебнер (Döbner) Христиан Август Карл (1800–1873).

¹⁹ *Вероятно, именно это наблюдение в тридцатые годы и вынудило покойного императора вызвать к жизни Остзейский комитет ...* — Остзейский комитет был создан по указанию императора Николая I в 1846 г.

²⁰ *Император, который поставил свое имя под Положением от 19-го февраля 1861 г.* — имеются в виду «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», утвержденные императором Александром II 19 февраля 1861 г.

Комментарии А.А. Шириняца

Singrussisch und Altlivländisch.

Politische und culturgeschichtliche Aufsätze

von

Julius Ehardt.

Leipzig,
Verlag von Dunder & Humblot.
1871.

Юлиус Экгардт
НОВАЯ РУССКАЯ ЭРА

«С 862 по 1862! Тысяча лет существования России! Колокол ударил! Это не поминальный колокол вымирающего рода, но призыв к возрождению всех славянских племен к новой жизни, канун которой мы отпраздновали 19-го февраля 1861 года!

Руку, братья!

Мы начинаем новое тысячелетие и вместе с этим — новую жизнь. Услышали ли вы голос свыше, который пробудил двадцатимиллионный народ? Прислушайтесь к звучанию этого голоса, он шел от сердца, и только ваши сердца способны понять его.

Это было дыхание жизни, которое вывело народ на новый жизненный путь, труба Страшного суда, которая пробудила мертвых. Теперь дело за нами: понять значение настоящего момента, уловить его подлинный смысл, чтобы в будущем мы больше не заблуждались, не повторяли оставленного позади тысячелетия. Малейшая ошибка жестоко отомстит за себя в будущем»¹.

Эти слова можно было прочитать в передовой статье первого январского номера газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1862 г., и они точно отражали настроение и мысли, с которыми образованная и полуобразованная часть русского общества встречала год, завершивший первое тысячелетие существования России, и явившийся вместе с тем началом новой эры. Малопонятная восторженность, которая слышится в этих словах известного панслависта Костомарова², была тогда языком повседневности в России. Инстинктивное понимание того, что преобразование аграрных отношений даст уникальную возможность возрождения всей государственной и общественной жиз-

ни в России, убежденность в неустойчивости и непригодности всего полученного в наследство положения вещей, наконец, гордая надежда на то, что путем объединения всех славяно-русских сил удастся немедленно достичь самых высоких целей и открыть новую эпоху мировой истории, создать славянское крестьянское царство и перепрыгнуть через промежуточные ступени, на которых находятся все прочие государства — таковы были мысли, занимавшие поколение, которое выросло при Николае³ в безмолвном подчинении старой системе, пережило катастрофическое банкротство абсолютистского военного государства, а затем в течение немногих лет наблюдало пробуждение общественного мнения, отмену крепостного права, начало страстно-взбужденной эпохи реформ.

В первые годы правления Александра II все классы русского общества были охвачены лихорадочным возбуждением, которое росло год от года. Как только возникла уверенность, что правительство намерено покончить со старой системой и выступить на поприще перемен, которые охватили остальную Европу и которые при Николае отвергались как революционные заблуждения, во всех уголках и краях огромной империи возникло такое сопротивление трусливой вере в авторитет и безмолвному раболепству николаевской эпохи, энергичнее и решительнее которого трудно себе представить. Россия, привыкшая получать все толчки извне и слепо подчиняться исходящим от правительства лозунгам сегодняшнего дня, была вовлечена в Восточную войну⁴ в твердой уверенности в непобедимости своего оружия и в непогрешимости правящей системы. То, что монарх, чья воля в течение четверти столетия была определяющей не только для России, но и для большей части европейского континента, который, как только утихли революционные бури, задушил в зародыше все свободолюбивые идеи и без сопротивления добился всех своих целей, может выйти из борьбы против союзников в деле поддержки полумесяца — французов и англичан, иначе как победителем, большинству из тех, кто радостно приветствовал вступление царя в Дунайские княжества⁵, казалось немислимым. Набожная преданность, у которой не было никакого другого

основания, кроме веры в конкретного человека, в силу природы вещей зависела от успехов, и когда успех отвернулся от царя, здание, которое Николай возводил полжизни, чтобы подданные восхищались им самим и чтобы отвлечь их от какого-либо участия в западноевропейских делах, с грохотом рухнуло. Когда позже его преемник взял дела в свои руки, не для того, чтобы собрать обломки старого здания, но чтобы снести его оставшийся фундамент и возвести все заново по новому плану, то всем тем, кто в своих действиях и мыслях не знал другой путеводной нити, кроме безгрешной царской воли, стало не по себе, как если бы весь мир перевернулся вверх дном и оказался на другом пути. И число тех, кто вырос в безумном обожании сегодняшнего кумира, не имея никакого представления о гражданской самодеятельности, было преобладающим. Старая система до такой степени связала все имеющиеся силы службой государству и господствовавшим в нем идеям, что сама собой напрашивалась мысль, будто с его банкротством обанкротится также и жизнь нации. Хотя вскоре стало ясно, что еще существуют силы, которые ведут независимое от царской воли существование, но осталось под вопросом, окажутся ли они способными справиться с неслыханной задачей построения нового здания. Даже и лучшие умы нации долгое время видели единственное спасение в отрицании всего того, что до сих пор считалось правилом и мерилом; в силу закона, согласно которому, кто стремится превзойти самого себя, после каждого сильного потрясения как правило употребляет власть себе на пользу, те, кто пытались возглавить общественное мнение, сначала хлопотали лишь о как можно более резкой формулировке приговора рухнувшим кумирам. Началось всеобщее дезертирство, измена старым традициям, в чем больше других отличались те, кто особенно скомпрометировал себя рабской преданностью военному абсолютизму. Массы, которые привыкли слепо следовать провозглашенным лозунгам, были вовлечены в это, не имея ни малейшего представления о цели, достижение которой было важно для тех, кто полагал себя лидерами; вместо того, чтобы толкать, массы оказывались теми, кого толкали.

Что эти перемены могли произойти так внезапно, и, по-видимости, так неожиданно, объясняется как чудовищным размером поражения, которое потерпела старая система в Крымской войне, так и состоянием общественных отношений в последние годы правления императора Николая. После победоносного завершения короткого венгерского похода⁶ жесткость и самоуверенность стареющего правителя стали настолько невыносимы, что это ощущение передалось самым широким кругам, не случайно именно самые доверенные советники императора первыми пришли к тому, что поставили под сомнение вменяемость монарха. После кончины министра финансов графа Канкрин⁷, единственного человека, который до конца своей службы в правительстве сохранил известную независимость и самостоятельность, Николай потерял способность терпеть какое бы то ни было противодействие, даже и малейшее сомнение в непогрешимости своей воли: он полагал, что может по своему усмотрению управлять не только действиями и мыслями своих подданных, но также и законами народного хозяйства и денежного обращения, и заставить их служить его взглядам. Довольно характерно, как он при помощи ободряющих слов: «Я буду тебе помогать» принудил тайного советника Вронченко⁸, убежденного в собственной непригодности, взять на себя управление финансами, которые уже в сороковых годах нуждались в срочном реформировании. Соединенное со страхом отвращение к революционным идеям, которые, как казалось Николаю, присутствовали во всех формах западноевропейской жизни, привело к системе застоя и изоляции, становящейся с каждым днем все жестче, и последствия которой скоро начали проявляться во всех областях государственной жизни. Начиная с 1848 г. Третье отделение царской канцелярии (политическая полиция), руководимое графом Алексеем Орловым⁹, превратилось на деле в высшее учреждение империи, в важнейшую деталь государственной машины. Первой заповедью стала оглядка на неограниченность власти этого отделения, которой должны были подчиняться представители всех прочих отраслей управления, какое бы имя они не носили: как военный министр, так и министры просве-

щения, внутренних дел или юстиции должны были повиноваться каждому его указанию. Мысли об отмене крепостного права, которые император долгое время вынашивал, были после года революций¹⁰ полностью отброшены, принесены в жертву «более высоким мнениям». Даже внимание к армии, которая всегда была особенно дорога царю, оказалось не в состоянии способствовать освобождению крестьянства, давно уже по тысяче причин ставшему необходимым. В то время как во всей остальной Европе была введена система резервистов и запасного состава, и благодаря ставшему возможным сокращению личного состава в мирное время была достигнута экономия в расходах на военное дело, которая сберегала финансовые запасы на время войны, не сокращая имеющиеся в наличии вооруженные силы, Россия была лишена этой возможности из-за системы крепостного права. В соответствии с тогдашними законами каждый крепостной, который поступал в армию, получал для себя и для своих детей свободу, которой он, однако, мог воспользоваться, только если был отпущен в отпуск или уволен из армии. Эта система допускала бесконечно долгий срок службы, определенный в 25 лет, и привела к непригодности большей части действующей армии. Солдаты-ветераны, истощенные физически и морально из-за жалкого состояния продовольственного снабжения и бесчеловечно жестокой дисциплины, были почти негодны в бою, к тому же при отсутствии резервного состава, формирование воинских частей и в случае войны было возможно лишь ценой напряжения сил остальной армии. Конечно, не было сомнения в том, что гигантский личный состав армии, неограниченный срок службы поглощали несоразмерную часть населения слабозаселенной империи. Николай, который всегда считал своей основной задачей поддержание военной мощи России, отнюдь не отрицал серьезности этих опасений; по трем различным поводам, в 1826, 1836 и в 1839 годах собирались тайные комитеты для предварительного обсуждения вопроса о реформировании аграрных отношений¹¹, в решающий момент они, однако, всякий раз распускались со стереотипной фразой: «В настоящее время обстоятельства не позволяют далее заниматься этим вопросом». Император никак

не мог свыкнуться с мыслью о решающих изменениях, хотя они касались всего лишь отношений крестьян к их господам.

Если даже военное дело до такой степени зависело от «консервативных» наклонностей правителя, что скорее готовы были отказаться от изменений, чем затронуть хаос унаследованных обстоятельств, то совершенно ясно, какая судьба была уготована прочим областям государственной жизни, к которым император всегда относился с известной враждебностью. Со времени войны с Венгрией не могло и речи идти о дальнейшем расширении сети железных дорог, при том, что неизменно все жестче отгораживались от заграницы и от всего, что шло из-за границы, и любые расширения контактов рассматривались как беспорядки. Известно, что система запретительных таможенных пошлин в 1848–1854 гг.¹² перешла те границы, которые определил для нее Канкрин, что цензура запретила почти все выдающиеся произведения немецкой, французской и английской литературы, 90% всех органов западноевропейской печати, что поездка за границу была возможна раз в год только по прямому разрешению императора и при уплате суммы в 500 рублей¹³, что иностранные деятели культуры, ученые и промышленники сталкивались с огромными трудностями, чтобы доставить в слабозаселенную империю то, в чем она испытывала такую острую нужду — все это нет нужды повторять, чтобы проиллюстрировать мрачный характер периода, который продлился от манифеста против западных «язычников»¹⁴ до дней кончины царя. Гнет достиг такой силы, которую молодому поколению сегодняшней России трудно представить. Враждебность по отношению к западным идеям, которую демонстрировали все те, кто рассчитывал на милость императора, выродилась в открытое презрение ко всем наукам и к просвещению, ко всем научным мыслям и научным исследованиям. Не только число студентов в российских университетах начиная с 1849 и 1850 гг. свелось к 300¹⁵, университетские преподаватели не имели возможности следить за успехами науки в остальной Европе, общепризнанные учебные пособия и школьные учебники были запрещены, кафедры философии и общего европейского права были официально упразднены, профессорско-

преподавательским составом руководили теперь не им самим выбранные ректоры, а назначенные императором чиновники, со студентами обращались как с кадетами и принуждали их заучивать наизусть допущенные министерством тексты — но насмешкой и презрением встречали любого, кто вообще посвятил себя науке или какой-либо профессии, не имевшей прямого отношения к армии и к бюрократии. За 25 лет император всего один раз посетил Санкт-Петербургский университет, в 1854 году, когда со студентами должны были проводиться военные занятия, чтобы в случае необходимости они могли принять участие в защите Отечества. Известно, что император отнюдь не скрывал своего презрительного отношения к мирным искусствам и наукам и с военной грубостью самодовольно демонстрировал это. Княгине Голицыной, которая ему радостно сообщила, что ее сын получил в Московском университете степень доктора медицины, он издевательски ответил во время официального застолья: «Ну, тогда он скоро сможет ставить клистиры моим гренадерам!» Делами командовали до такой степени невежественные генералы, что невозможно было и помыслить о техническом обучении и усовершенствовании военных органов управления. Даже о потребности в их улучшении можно было говорить только тайком. Хотя император по временам и впадал в страшную ярость, когда ужасающая коррупция юстиции и властей, процветавшая повсеместно как результат слепой системы субординации, предавалась огласке в отдельных, особенно очевидных случаях, тем не менее, все знали, что критику существующих учреждений он полагал прерогативой самодержца, и в особенности в последние годы своего царствования беспощадно пресекал, если это делали другие. Иная Россия, нежели официальная, регламентированная *Ukaze*¹⁶, не должна была и не могла существовать, но и такая Россия была окутана непроницаемым молчанием. Повышения в чинах, награды и правительственные постановления составляли почти единственное содержание выходящих в империи газет. Даже раздел местных и полицейских новостей был не в чести и строго контролировался цензорами (за которыми с 1852 г. следил Верховный тайный цензурный комитет¹⁷), единственными

формами журналистики, с которыми мирились, были литературная критика и драматургия. Политические новости из-за границы и внутренние новости должны были перепечатываться из правительственных органов печати. В пятидесятые годы ко всему, что напоминало критику правительственных учреждений, стали относиться с такой настороженной и непримиримой придирчивостью, что цензор «Северной пчелы»¹⁸ получил выговор за то, что допустил, чтобы фельетонист этой газеты пожаловался на неудобство чугунных скамеек в парке Царского Села: они ведь были отлиты по эскизу, одобренному свыше!

Все, как околдованные, испытывали трепет под критическим взглядом строгих, холодных глаз неумолимого правителя, и не было преувеличением утверждение одного французского корреспондента того времени о том, что никогда еще он не испытывал подобного страха перед человеком, как перед этим монархом, по природе честным, но ограниченным, убежденным в том, что «послушание по отношению к вышестоящим» должно быть господствующим требованием любой консервативной политики, и который превратил империю в гроб поваленный¹⁹. Производящие классы должны были молча и оцепенело терпеть эксплуатацию в пользу господ и бюрократии, в то время как толпившаяся вокруг государя и его наместников аристократия пыталась заглушить чувство собственного унижения безумными оргиями. «Путешествие в Петербург» генерала фон Гагерна²⁰ содержит мастерское изображение того вакхического образа жизни, при помощи которого двор пытался держать в напряжении толпившуюся при нем знать и который препятствовал другим, более серьезным интересам: десять раз на дню менялись указания по поводу распорядка дня, чтобы никто не мог свободно располагать хотя бы одним часом. Сыновьям из лучших семейств серьезно препятствовали в выборе любой другой деятельности, кроме военной: ведь служба в гвардии, кроме всего прочего, была самым верным путем к званиям, орденам и повышениям — единственным целям аристократического тщеславия. Немногие молодые люди, которым было позволено вкушать удовольствия от воспитания за границей, должны были быть готовы к тому, что по воз-

вращении на родину к ним будут относиться с недоверием, даже к тому, что сам император будет отчитывать их за «нерусские» манеры или за их платье. Мелкое дворянство в провинции было обречено на то, чтобы подражать придворным манерам в зависимости от капризов генерал-губернаторов и чахнуть в армейской службе или в качестве самых мелких чиновников. Единственным проявлением свободной воли было издевательство над собственными крестьянами, бывшими в их распоряжении, так как непоступление на государственную службу было тождественно потере большей части дворянских прав. Русского дворянина с юности воспитывали в убеждении, что армейская шагистика является его прирожденным делом, улыбка императора — высшей наградой. Семейства, которым было известно, что их знают при дворе, не осмеливались посылать своих сыновей в университет: они ведь могли в этих презренных рассадниках науки заразиться либеральными идеями, которые неминуемо вели в Сибирь или в безмолвные казематы Петропавловской крепости.

Предубеждения, жестокость и ограниченность взглядов императора усилились в пятидесятые годы в устрашающей мере, неблагоприятное влияние, которое они оказывали на работу государственной машины, стало ощущаться сильнее, чем когда бы то ни было. Постепенно высшие посты заняло поколение, выросшее в его железное правление, что было существенным ухудшением по сравнению с прошлым. Привыкшие с юности полагать главным предназначением человека исполнение царских желаний, видеть самый надежный путь к званиям и орденам в тщательном следовании предписаниям касательно формы и дисциплины, молодые слуги государства были не в состоянии поддерживать учреждения, во главе которых они оказались, хотя бы на том уровне, которого те достигли во времена, когда еще были активны отдельные оставшиеся в живых выученики Александра I. Молодых чиновников отличало отсутствие знаний, поверхностность и легкомыслие, которые приводили в ужас старших современников императора. Чего же было и ожидать от людей, которым в университетах или в специальных учебных заведениях не позволяли свободно обращаться с физическими или химически-

ми приборами, чтобы в случае внезапного визита императора их можно было показать в наилучшем виде? И, тем не менее, и благо, и зло государства зависели исключительно от этой бюрократии, так как ни одна из сторон государственной деятельности не допускала параллельного развития соответствующей частной деятельности. Тогда как в остальной Европе частные учебные заведения составляли конкуренцию государственным, крупные промышленники боролись с камеральными чиновниками²¹ и государственными служащими за пальму первенства, правовая жизнь формировалась как адвокатами и учеными специалистами, так и судьями, то в России все благополучие, вся деятельность связывались с короной, т. е. с бюрократией. Целительная конкуренция частных лиц постоянно оттеснялась и устранялась, потому что ее находили обременительной и неудобной. К тому же число военных, назначенных юрисконсультами и на административные должности, с каждым годом росло, а пренебрежение к гражданским знаниям усиливалось. Люди за пятьдесят, такие, как Канкрин и Перовский, которые никогда не держали в руках оружия²², должны были смириться с тем, чтобы их переименовали из тайных советников в генерал-лейтенанты²³, поскольку солдатский император не мог долго выносить вида гражданской униформы. Из высшей администрации все чаще исчезали истинные таланты, чтобы освободить место приверженцам муштры, невеждам самого безнравственного толка: министерство юстиции было доверено генералу Бибикову²⁴, извергу арапчеевской школы, во главе ведомства путей сообщения и публичных зданий находился известный граф Клейнмихель²⁵, чьей единственной заслугой было отвращение к железной дороге. Николай был глубоко убежден, что его собственное правление делает излишней любую самостоятельность министра; больше всего ему были по сердцу послушные орудия его воли: известный своею беспомощностью тайный советник Брок²⁶ был назначен министром финансов, потому что ему удалось в соответствии с требованием императора уложиться с докладом о трудном и сложном деле в отрезок времени в пять минут!

Этих примеров достаточно, чтобы дать представление о том, в каком положении оказались армия, фортификационное дело и продовольственное ведомство, управление и связь к началу Восточной войны — и одновременно, как глубоко должны были пасть нравы общества, если оно в течение жизни целого поколения терпело такие унижительные отношения, чтобы, в конце концов, впасть в восхищение подобными же. Когда война стала весьма вероятной, и общество все больше убеждалось, что нечего и думать о том, чтобы правительство пошло на уступки или примирение, все, кто имел отношение к правительству, или хотел его иметь, принялись усердно льстить чувствам превосходства и уверенности в победе, сверх всякой меры укреплять самоуверенность, с которой император и вступил в войну. Привычка видеть во всех вопросах, касающихся общегосударственных дел, лишь возможность подобострастного удовлетворения желаний императора и тем самым — повод для восхождения по чиновничьей лестнице, привела к тому, что поддержку уверенности правителя в победе наивно считали требованием традиции и соблюдением лояльности. Более того, мысли о войне с «неверными» и о воссоздании Византийской империи так откровенно отвечали национальным инстинктам русских, что вряд ли потребовались особые усилия, чтобы возбудить боевое воодушевление, безрассудство которого ясно понимали лишь те немногие, кто был в курсе сомнительного состояния армии и продовольственного снабжения. От масс сознательно скрывали любые сведения о деятельности существовавших учреждений, и не удивительно, что те считанные голоса людей, которые шепотом высказывали предостережения, остались не услышанными, также как и предостережения Киселева и Бруннова²⁷, императорских послов в Лондоне и в Париже. Для всех лояльных русских разумелось само собой, что всю ответственность за возможные сложности следует вручить императору, который приучил свои народы к мысли, что он является единственным лицом в империи, имеющим право высказывать мнение и выражать волю.

И Николай должен был испить до дна эту чашу ответственности, которую он наполнял в течение всей своей жизни! Ему

пришлось уразуметь, что в грандиозной борьбе, которую он затеял против союзных держав, Англии и Франции, речь шла не просто об осуществлении или о неосуществлении его восточных планов, но о деле всей его жизни, о положении России в мире, о системе, ради которой он пожертвовал всеми прочими соображениями, посредством которой он в буквальном смысле слова «бросил вызов своему веку». Его поражение должно было стать поражением его внутренней политики, потерей его положения в собственной империи, всего, чем вообще располагала Россия. Смутные предчувствия истинного значения борьбы овладело всеми теми, кто сохранил остатки самостоятельного мышления, уже во время первых катастроф, которые потерпели русские войска на Дунае²⁸, и, распространяясь по всей огромной империи, в узких, закрытых дружеских кружках почитались «либеральными»: безоговорочные приверженцы старой системы старались заглушить свою тревогу безумной фанфаронадой²⁹ против западноевропейских союзных держав. Раболепствующие придворные круги с началом войны науськивали петербургские газеты, которым до сих пор запрещалось заниматься какими-либо политическими вопросами, по части дерзких насмешек над враждебными союзными державами. Но с каждой новой победой ненавистных врагов, росло число тех, кто не желал разделять ответственности за старую систему и в несчастливой звезде русского оружия увидел свет, который мог бы осветить путь России к лучшему будущему. После дней Инкермана и Альмы³⁰ процесс усилился: хотя правительственная пресса продолжала говорить бодрым языком, хотя официальные бюллетени, изготовлявшиеся в помещении Генерального штаба в Санкт-Петербурге, все еще предрекали, что счастливые перемены уже недалеки, но чары, которые до сих пор владели всеми, были рассеяны. В среде придворных затихли легкомысленные насмешки, которые считались уместными для унижения противника, даже в караульных помещениях офицеров, которые дежурили в Зимнем дворце, слышен был ропот о «больших ошибках», а когда император появлялся в своем окружении, его встречали тягостным молчанием уныния, походившим на обвинение. В Москве, которая

всегда сохраняла известную самостоятельность, еще больше — в губернских городах зажиточных областей, появилась рукописная литература, которая, расходясь в сотнях тысяч копий, постепенно овладевала общественным мнением. Труды Кюстина и Головина³¹, которые еще десять лет назад отбрасывались как злонамеренные, были извлечены на свет и с уважением прочитаны. В это же время Александр Герцен создал в Лондоне «Вольную русскую типографию»³²; первые номера его газеты «Kолокол» (Колокол)³³, полные обвинений против правящей системы, которые тайными путями проникали через тщательно охраняемые границы, содержали исчерпывающие сведения о размере потерь, которые несла армия, о воровстве чиновников продовольственного ведомства, о бездеятельности начальников: то, что до сих пор боязливо, опираясь на непроверенные слухи, шептали на ухо, теперь получило ужасное подтверждение, было написано черным по белому и заверено официальными свидетельствами, которые тайными путями добивались до Лондона. Даже лица, отмеченные чинами и наградами, больше не считали ниже своего достоинства пожимать плечами при сообщениях о новых несчастиях или показывать своим ближайшим знакомым записки, в которых содержались предложения по устранению недостатков, подробные планы преобразования всей отрасли административного управления. Если перед катастрофой считалось хорошим тоном считать превосходным все, что исходило от царской воли, и свысока смотреть на «язычников» Запада, то после первых тяжелых ударов, нанесенных русскому могуществу, вошла в моду некая критическая холодность, которая сознательно демонстрировала свое недовольство нарушением господствующего порядка вещей. Упорное молчание, которое хранили официальные бюллетени боевых действий по поводу истинного положения дел, в значительной степени способствовало недоверию и беспокойству образованной части населения и непомерному росту слухов по поводу бедственного положения армии и коррупции в продовольственном ведомстве. С жадностью, которая была прямо связана со строгостью цензуры и росла по мере ее усиления, читались записки, составлявшиеся государственными деятелями

всех сортов; с докладной записки, составленной в 1854 году будущим министром внутренних дел Валуевым³⁴ (в то время чиновником в канцелярии администрации генерал-губернатора Лифляндии, Эстляндии и Курляндии) по поводу недостатков в администрации, было в течение нескольких месяцев снято, по видимому, больше ста тысяч копий.

Сам император сделался еще неприступнее и мрачнее, чем когда-либо. Страх перед вспышками его гнева передался даже его ближайшему окружению, которое мало-помалу больше не решалось докладывать ему об истинном положении вещей. «Pour ne point l'affliger»³⁵ сообщения о неудачах в Крыму смягчались и видоизменялись так же, как и поступавшие сообщения тайной полиции о недовольстве образованных слоев населения. О том, что в русской империи уже в 1854 году существовали люди, которые, при всей патриотической скорби по поводу ужасной судьбы героического гарнизона Севастополя³⁶, приветствовали каждую победу союзных держав как поражение старой системы и ожидали от предстоящего захвата русской Сарагосы³⁷ возрождения национального существования, внушающий страх государь, вероятно, так и не узнал. Орлов и Клейнмихель, которые утаивали от него эти известия, были уверены, что царский гнев и жестокие репрессивные меры лишь увеличат зло и неизбежно усилят влияние недовольных, умножив их единомышленников.

Как ни велико было число тех, кого в правление императора Николая можно было назвать «недовольными» или «либералами», благодаря суровой деятельности полиции со времени кровавого судилища 1826 года³⁸, а в особенности — со времени ребяческого заговора петрашевцев 1848-го года³⁹, о партиях как таковых не могло быть и речи. Кто соприкоснулся с либеральными взглядами, держал их при себе и был рад, если мог без оглядки поделиться своими мыслями в кругу тех, кого он хорошо знал. Кроме Польши, там, куда доставал скипетр императора, начиная с сороковых годов не было и речи о практически-политических целях. Тем не менее, среди так называемых «русских либералов» уже тридцать лет тому назад можно было обнаружить три различных направления. Самой известной и самой большой была

группа фрондирующих аристократов; к ней, особенно многочисленной в Москве, временами примыкали самые разные люди, которых вряд ли связывало что-либо, кроме общей антипатии к петербургской власти. Большинство из них принадлежало к старинным боярским фамилиям, по каким-то причинам они попали при дворе в немилость, не сделали карьеры или прервали ее не по своей воле. Вышедшие в отставку генералы и тайные советники, честолюбивые предводители дворянства, которые находили удовольствие в грызне с высшими чиновниками, наконец, благородные бездельники, которые в Париже и Лондоне получили представление о том, что предназначением дворянства может быть более возвышенная деятельность, чем служба при дворе — все они составляли ядро этого общества. Едва ли отличаясь от придворного общества нравственным или интеллектуальным просвещением, эти круги выделялись лишь большей независимостью от поступавших из Петербурга призывов, и, кроме того, горячим интересом к национальной литературе. Важно же то, что среди них были не только носители знаменитых имен, но также и лица, которые, будучи наследниками либеральных традиций лучшего периода правления Александра I, пребывали в сознательной и преднамеренной оппозиции к политической системе императора Николая и остались верны просветительским идеям об участии нации в государственной жизни, с которыми сам Александр навсегда порвал после своего возвращения с Венского конгресса⁴⁰. Царившие среди московской дворянской оппозиции взгляды включали в себя, таким образом, в соответствии со своеобразным составом этих кругов, самые разные элементы: в то время как недовольство аристократии бесцеремонностью, с которой Николай обращался с представителями старейших дворянских родов и отдавал их под начало немецким выскочкам типа Дубельта и Клейнмихеля⁴¹, являлось отправной точкой этого недовольства господствующей системой, сюда добавлялись также и конституционные и либеральные устремления, которые так же мало вязались с господствующей системой, как и с программой правительства, которое все дружно ненавидели. Участникам боярской фронды в качестве неясного идеала виделось

ограничение абсолютной монархии со стороны глав старых дворянских родов; ненависть к придворной и военной камарилье⁴² императора, состоявшей в основном из немцев, предпочтение национальных привычек и обычаев, мысли о восстановлении той роли, которую город Москва играл до Петра Великого, — способствовали размытости и неясности этих представлений. Безусловно, не могло быть и речи о конкретных планах, сознательно поставленных целях, так как и в Москве, и в Петербурге сознавали зависимость от милости царя. На деле удовлетворялись в основном националистическими фразами и своего рода политическими посиделками, которые подогревались нелюбовью императора к Москве и его нарочито пренебрежительным отношением к «старинным фамилиям».

Как по своему содержанию, так и по влиянию гораздо большее значение имела духовная жизнь независимых кругов, которые группировались при Московском университете. Несмотря на строгий контроль, которому подвергались как преподаватели, так и учащиеся, невзирая на указы и регламенты, которые до мельчайших деталей регулировали одежду, образ жизни и дисциплину студентов, ограничивали лекции профессоров утвержденными сверху текстами, сужая до бессмыслицы посещение этих лекций студентами, в этом высшем учебном заведении с начала тридцатых годов господствовала бодрая, независимая жизнь. Под влиянием отдельных университетских преподавателей, которые в александровскую эпоху получили образование во французских, а в особенности — в немецких университетах, у более способных, с лучшими задатками студентов пробудился глубокий интерес к немецкой философии. С рвением, подогревавшимся недоброжелательством, с которым правительство следило за всеми теми преподавателями, которые считали других «учеными ради заработка», изучали Гегеля⁴³ и Шеллинга⁴⁴; этот последний, вероятно, нигде не имел такого большого и устойчивого влияния, как среди русских приверженцев его натурфилософии. Давление и опасности, которым подвергались вкусившие этих запретных плодов, связали на всю жизнь целеустремленных молодых людей, посвятивших себя научным исследованиям. Окру-

женные грубыми инспекторами и подслушивающими шпиками, в мире, который признавал лишь разлагающие чувственные наслаждения и пустую суету, молодые философы считали, что выполняют свой священный долг, выступая в роли пророков более достойного будущего в своем отечестве. Лучшие из членов Совета университета скрытно пытались поддерживать эти стремления и ограждать их от жестокостей тайной полиции. Каждая запрещенная книга, которая давала представление о духовной жизни далекого Запада, попав в их руки, поступала в общую собственность всех принадлежащих к этому маленькому товариществу, делалась предметом дискуссий и обсуждений, которые длились неделями⁴⁵. Совершенно особенное влияние оказывали труды французских социалистов, интерес к которым постепенно пришел на смену интересу к немецкой философии. И именно потому, что они находились в резком конфликте с тем реальным миром, в котором существовали, их поглощали с восторгом. Уже к середине тридцатых годов в среде московского либерального студенчества и профессуры можно было выделить две различные группы. В то время, как одни единственное спасение видели в мудрости Фурье и Бабефа⁴⁶, наряду с которыми, из крайне левых признавали лишь гегельянцев⁴⁷, то другие склонялись к немецкой натурфилософии, встав по примеру наших романтиков⁴⁸ на почву национальных принципов, и как те требовали чисто немецкого образования и развития, так и эти требовали чисто славянского. Чтобы получить правильное представление об этой школе, которая впоследствии сыграла определенную роль как партия славянофилов⁴⁹, и до сих пор много значит, необходимо, чтобы мы кратко ознакомились с историей национальной идеи в России со времени Петра Великого.

Вряд ли нуждается в доказательствах тот факт, что намерения великого царя-реформатора находились в прямом противоречии с национальными традициями и нацелены были на то, чтобы принести их в жертву западноевропейской культуре. Наверное, никогда более жестоко не обходились с национальным своеобразием великого народа, чем это происходило в начале XVIII столетия в Москве. Сан патриарха был насильственно упразднен,

гигантская земельная собственность церкви была обращена на нужды государства; под барабанный гром были введены европейское летосчисление и европейский календарь, запрещено национальное платье; традиционная система военной службы и вооружения переделана на немецкий лад; монастырское уединение женщин в семьях разрушено; столица была перенесена в финские болота, руководить делами назначено было множество ненавистных чужаков; организована новая школьная система: даже правописанию и грамматике русского языка пришлось претерпеть преобразования, которые произвел властный сын царя Алексея⁵⁰. После как того, как энергией железного самодержца было подавлено восстание против проникновения западного образа жизни, во главе которого встали стрельцы и некая боярская партия⁵¹, часть населения, принадлежавшая к высшим классам, последовала против воли за данным извне толчком, и примерно столетие французско-немецкая полукультура, которая была навязана русским, господствовала во всех тех общественных слоях, куда она проникала. Иностранцы верховенствовали в империи, иностранные идеалы царили во всех областях общественной жизни. Короткий период реакции, когда русская старина, ловко используя ревность, существовавшую между Минихом и Бироном⁵², торжествовала и путем возвышения Елизаветы⁵³ пыталась вытеснить иностранцев, не имел долговременных последствий, поскольку при Петре III⁵⁴ снова неограниченно господствовало немецкое влияние, как и в период правления Анны и регентства, которое осуществлялось от имени Иоанна IV⁵⁵. Однако ни Петр, ни его преемники не сумели завоевать сердец народа; русский остался в старом смысле слова простым человеком, но только им, человеком, от которого нельзя было ожидать активного сопротивления навязанной ему культуре Запада. Единственным оппозиционным элементом, который существовал в массах и в какой-то степени осознавал тот антагонизм, в котором он находился по отношению к намерениям правительства, был раскол, т. е. партия староверов-раскольников, со времени реформатора Никона⁵⁶ вышедших из государственной церкви и расколовшихся на бесчисленное количество сект, ведущих

тайное существование от ледяных полей Белого моря и Двины и дальше вниз по берегам Дона. В этих сектах билась ненависть нации против всего чужеземного, что чванилось в перенятых на Западе формах и что отошло от отцовских обычаев, чтобы пожертвовать ими ради кумиров еретического Просвещения. На эти секты и на их популярность в народе опирался Пугачев⁵⁷, отважный предводитель казачества, который в 70-ые годы 18-го века поднял восстание под именем Петра Третьего, чтобы убрать Екатерину II⁵⁸ и вместе с ней — господствующую касту и восстановить народ в его добрых, старых правах. Пугачев был всего только последователем целого ряда казачьих атаманов, которые то в качестве претендентов, то в качестве простых атаманов разбойников вставали во главе недовольного южнорусского и казацкого крестьянства. Его примеру позже последовал Гончаров⁵⁹ и другие староверы — казацкие атаманы. Конечно, им не удалось настолько приблизиться к своей цели, как это удалось неистовому завоевателю Казани⁶⁰. Нигде в высших кругах государства и общества раскол не был представлен; при том чудовищном гнете, под которым он влачил свое существование в течение двух столетий жестоких преследований, он получал сторонников только из среды простого народа. Так продолжалось до конца прошлого столетия; литературная вражда между Ломоносовым и несколькими немецкими членами Петербургской Академии Наук⁶¹ была единственным эпизодом, каким национальное самосознание отреагировало на духовное засилье иностранцев. Даже уступки, которые Екатерина II время от времени делала русским инстинктам аристократии и церковников, на самом деле не имели никакого значения. Отчетливее проявилось национальное сознание и его антагонизм к романо-германскому Западу в связи с событиями 1812 года; когда французы в союзе с немцами, итальянцами и испанцами шли на Москву, немцы Беннингсен и Барклай⁶² должны были уступить место князю Кутузову⁶³, в рядах солдат несли греческие иконы, чтобы воспламенить национальную и религиозную ненависть правоверных к еретикам-«галлам» и к их союзникам, и призванное народное ополчение впервые с дней Петра Великого надело исчезнувшие из армии

Armjäsk⁶⁴ (крестьянское платье). В соборах Москвы, Петербурга и Киева от имени восточной церкви официально проклинали наступавшие нации еретиков. Разбуженный корсиканским императором⁶⁵ патриотизм 1812 г. принял вскоре новый, антиримский образ⁶⁶ (как верно подметил новейший русский писатель), наслаждался фразами Плутарха⁶⁷ и тем самым постепенно становился все более чуждым массам. За десятилетия, последовавшие за великими французскими войнами, наступила эпоха расцвета русской национальной литературы, которая использовала некоторые элементы народности. Карамзин⁶⁸, императорский государственный историограф, стремился пробудить интерес к допетровскому времени и к русскому средневековью; Пушкин⁶⁹, самый талантливый из последователей лорда Байрона⁷⁰, давал при случае волю своему гневу в адрес лишнего всякого национального содержания, скованного французскими формами образования тогдашнего русского общества и впервые в знаменитой оде⁷¹, обязанной своим появлением Польскому восстанию 1830 года⁷², выразил мысль, что племена европейского Запада не имеют никакого понятия о внутренних славянских вопросах и делах и не имеют права вмешиваться в них. Пользовавшееся самым большим влиянием, самое значительное литературное произведение того времени, комедия Грибоедова «Горе от ума»⁷³, была также направлена против французских манер аристократии и самым издевательским образом высмеивала царившую смесь французских обычаев с «нижегородскими». Сетования на засилье чужих элементов здесь тесно увязаны с убеждением, что в России отношения находятся на гораздо более низком уровне, чем во всех прочих странах Европы, и что полемика по поводу правящих в России немцев и французов превращается в решающем пункте в страстное обвинение против правительства и против самих русских. Решившись однажды на критику существующих отношений, критик неминуемо придет к тому, что сочтет все прочие остатки русского варварства еще более неприемлемыми, чем склонность к европейскому просвещению в России. Отправной точкой его собственного просвещения было знакомство с более высокой культурой, и если и вынудило его на

осуждение карикатуры, в которую превратилось все западноевропейское на славянском Востоке, то все же он не мог не видеть, что корни этого искажения — в общественной жизни и в государственных учреждениях. Если русский критик в какой-то мере серьезно стремился к гуманности, к свободе и просвещению, то он при этом непременно приходил к мысли, что свои национальные желания и склонности следует принести в жертву более возвышенным взглядам. Оценка истинного русского общества в первой половине этого столетия была возможной только с позиций либерализма, что неизбежно вело опять обратно в Западную Европу. Через круговорот этих *raisonnements*⁷⁴ прошли все русские либералы старой школы.

В противоположность этому, со стремлением к чисто национальному развитию любой ценой, в том числе, и ценой отказа от значительных достижений культуры и от политического либерализма, мы впервые сталкиваемся у славянофилов, которыми, как уже упоминалось, стали молодые последователи философии Шеллинга и романтиков. В то время как социалистически настроенные члены московских студенческих кружков ориентировались на французские образцы и ради выполнения национальной задачи, как мы в дальнейшем увидим, полагали достаточным объединение всех славянских народов, создание панславистской мировой империи, славянофилы представляли внутреннюю сторону славянского национального движения, они были прежде всего заинтересованы в том, чтобы очистить русскую жизнь от чуждых элементов, которые со времени Петра Великого разъедали ее, и вернуться к оставленным старо-византийским основам образования и веры. Им мало было того, что они славяне в политических вопросах, их доктрина включала в себя совершенно определенное славянское мировоззрение.

Новая школа с течением времени настолько глубоко ушла в изучение старославянской жизни, византийской патристики и теологии, что времена до Петра Великого стали им все в большей степени казаться золотым веком. Рядом с однообразной, внутренне опустошенной жизнью французского общества, которое, казалось, было лишено какого-либо интереса к отечеству,

доброе старое время, когда все слои общества существовали в счастливом наивном согласии, стало представляться потерянным раем. Князь старого времени разделял интересы своих подданных, по-отечески правил ими, руководил ими в сражениях и на народных собраниях, белый царь был *primus inter pares*⁷⁵, православное духовенство стояло во главе истинно народного образования, которое в равной степени было доступно для всех сословий; всемогущий патриарх обеспечивал чистоту нравов и веры, а также независимость церкви от государства. Даже варварский деспотизм отдельных царей, как, например, Ивана Грозного⁷⁶, казался по сравнению с насильственными мерами Петра, который не щадил никаких традиций, никаких священных обычаев и народных обрядов, правлением строгого, но благосклонного отца, который даже ужасы облачал в популярные формы. Гражданские войны 17-го столетия — таковы были дальнейшие аргументы — по своим последствиям вряд ли были столь же пагубны, как непрерывные завоевания 18-го столетия. «Если мы сравним наш исторический путь, — говорится в труде одного из вождей славянофильства, — с историческим путем других народов и государств, то обнаружим, что он прямо противоположен историческому пути других народов: в то время как западные народы повсюду добились освобождения от кабалы и рабства, наше развитие шло как раз в обратном направлении. На смену сложному государственному устройству времен «Русской правды»⁷⁷ (самый древний, относящийся к первому тысячелетию христианского летосчисления памятник русского права), которое не знало телесных наказаний, пришли варварские жестокости царя Алексея Михайловича⁷⁸, а на смену им — кровавое правление Петра⁷⁹. Вместо прежней крестьянской свободы в 16-ом столетии установилось крепостное право, вместо громких и энергичных голосов, которые господствовали в старое время на сельских и народных собраниях, в 18-ом столетии наступило злое молчание, безмолвие, которое гнетуще давило на русский народ, и т. д.»⁸⁰. В результате у друзей новой школы из глубокого почитания и пиетета перед забытым и осмеянным старым временем развилась яростная враждебность к за-

падноевропейской культуре, которая прервала и перечеркнула спокойный путь образования истинно славянской цивилизации. Санкт-Петербург, воплощение петровских реформаторских идей, колыбель французского 18-го столетия, злобно ненавидели из-за его космополитической бесцветности, в нем видели корень всех зол. От могучей военной и гражданской бюрократии, которая из Петербурга в союзе с опустившимся дворянством заполонила отечество и свела его до прислужника алчного иностранца, существовало в глазах этой новой школы лишь одно спасение: народ. Один только народ остался верен национальным святыням, несмотря на все искушения, народ остался чужд культу новых кумиров, с молчаливой покорностью сносил все обиды и презрение от тех, кто отрекся от родства с ним по языку и происхождению и наперегонки с разбойничьими соратниками Петра и Анны расхитил и растратил самое ценное в нем. Поэтому от одного только народа можно было ожидать возрождения России в русском духе. В полном согласии с этим народолюбием, которое с самого начала характеризовало партию славянофилов, была и их привязанность к греко-православной церкви и к византийской теологии: в то время как все прочие либеральные партии яростно нападали на правящую церковь, славянофилы нашли в духовенстве опору и союзника в борьбе против враждебных элементов. Пыл и решимость, с какими славянофилы защищали направление своей партии, стали известны в Москве уже в 30-е годы; но из-за того, что сторонники этих кружков избегали открыто демонстрировать свои политические намерения, правительство относилось к ним терпимо и посмеивалось над ними как над национальными прожектерами. Считалось ребячеством, что молодые люди из хороших семейств общаются с народом и участвуют в теологических диспутах, которые по старому обычаю устраивались по Пасхальным Воскресеньям около Ивана Великого между православными и крестьянами-староверами⁸¹. О том, что некоторые из этих прожектеров поклялись ходить в национальной красной рубахе и в бархатной безрукавке, докладывалось в Петербург как о курьезе и соответственно игнорировалось⁸². Тем не менее, некоторое время спустя академическая

полиция приняла энергичные меры против философствующих студенческих кружков: философия была официально запрещена, многие активные участники кружков сосланы в Вятку и в Пермь, к границе с Азией. Эта участь постигла не вождей славянофильства, но друживших с ними их противников, приверженцев социалистического направления, во главе которого стоял Александр Герцен, незаконный сын богатого, также живущего в Москве, аристократа. Для него это оказалось к лучшему, так как помогло решительно порвать со всем прошлым и укрепиться в идеях французского социализма. Он и его друзья были решительными сторонниками Руге, позже — Штирнера⁸³ и прочих последователей левых гегельянцев. Славянская древность имела в их глазах также мало ценности, как и русское настоящее, Запад в качестве колыбели революционных идей стоял, по их мнению, на более высокой ступени, чем Восток; как со всеми авторитетами, эти молодые люди порвали также и с греческой церковью, которую они презирали как заведение для одурачивания. Они мечтали о социалистической федеративной республике, где должны объединиться все славянские народы, чтобы сбросить прогнивший Запад. Свои социалистические идеи «*Sapadniki*»⁸⁴ (западники, как их называли их товарищи) взяли у французов, свои панславистские мечты — от незадолго до того появившихся чешских и словацких панславистов⁸⁵. Между тем, с российской стариной и со славянофильской теорией у этих мечтателей о новом европейском мировом порядке было больше общего, чем это казалось с первого взгляда: прежде всего, общим у этих двух направлений была ненависть к существующему порядку, под гнетом которого они должны были страдать, восхищение подлинным народом, с чьей помощью они надеялись уничтожить петербургскую бюрократию и петербургских аристократов, а также их антипатия к немцам, которых одни ненавидели как «мамелюков»⁸⁶ абсолютизма, другие — как врагов и как тех, кто наносил вред национальному развитию. Наиболее важным связующим звеном между обеими фракциями, которым было предназначено в 50-е годы делить между собой власть над молодежью, были общие мечты об известном институте общины, в которой отменялась

всякая личная собственность на землю и общинные земли превращались в собственность всех членов общины.

Само собой разумеется, что при жизни императора Николая ни партия славянофилов, ни социалистов, никакая другая группа «недовольных» не решалась открыто выступать и действовать как политическая партия. Нарушить глухое, мертвое молчание, которое царило во всей империи — это меньше всего могло придти на ум тем, кто понимал, что безопасность возможна только под покровом тайны от непреклонной жестокости тайной полиции, которая находилась в руках Орлова и его помощника генерала Дубельта. После уже упомянутых мер против московских либеральных студенческих кружков и ссылки Герцена, а также других их членов, стало тише, чем когда бы то ни было, и в университетах. Пресса уже давно отучилась искать ответы на вопросы, не связанные с эстетикой и критикой, а исследования по проблемам славянской археологии, которые славянофилы время от времени публиковали в своем органе «Маяк»⁸⁷, чтобы энергично выступать против западных европейцев и католиков и сделать как можно более очевидными преимущества русского своеобразия, даже III отделение царской канцелярии не могло рассматривать как враждебные государству. Ведь сам император ненавидел Запад и гордился тем, что был подлинно русским царем.

Но все это ни в коем случае не исключало того, что революционные устремления московской молодежи находили тайных приверженцев по всей империи. Плачевное состояние государственных учебных заведений, в которых пресекалось любое свободное проявление мысли и чувства, делало невозможным какое-либо по-настоящему научное образование, и в значительной степени способствовало тому, что именно необузданные и крайние учения встретили самый почтительный прием, получили самое быстрое распространение. Там, где запрещен доступ к современному образованию, где запрещено все, что не соответствует взглядам правительства, всем тем, кто стремился к независимости, запретное казалось достойным одобрения; чем резче противоречило учение существующему порядку вещей, тем бесспорнее оно было. Внешне все замерло в молчаливом подчинении царю, и взгляды, разде-

лявшиеся большей частью общества, множеством тех, кто хотел слыть «*comme il faut*»⁸⁸, разделялись этим большинством.

Это положение вещей вначале не изменилось даже после катастрофы, которую старая система потерпела в Крыму, так как строгие законы, которые исключали любое выражение независимого общественного мнения, продолжали действовать. Но до какой степени была подготовлена почва, на которую падали со всех сторон поступавшие новости о потере военной мощи, до тех пор считавшейся непобедимой; с какой жадностью читалась мемуарная литература, которая подводила итоги полученному в борьбе с Западной Европой опыту; каким многотысячным эхом отзывалось каждое критическое слово — обо всем этом нет необходимости говорить после изложенного выше. Лица, пользовавшиеся доверием императора, вскоре оказались не в состоянии что-нибудь предпринять для борьбы с оппозиционными настроениями, которые постепенно овладевали всеми слоями общества и подкреплялись каждым новым роковым известием из Крыма. Все, что они могли предпринять, сводилось к тому, чтобы оставить нетронутой завесу тайны, которая покрывала это духовное движение, предупреждать любой повод к публичному проявлению всеобщего уныния и ожесточения, скрывать от монарха отчаянное внутреннее положение в империи, не дать ему возможности получить и малейшее представление о том, что все те, кто в катастрофическом положении армии и продовольственного ведомства обвиняют императора и его систему и чья заветная мечта — полный крах старого порядка, исчисляются десятками тысяч, и количество их ежедневно возрастает. Даже вполне безразличное для хода войны присоединение Италии к западным союзникам⁸⁹, Испания, которая делала вид, что следует примеру Виктора-Эммануила⁹⁰, недовольство всех прочих держав Россией — способствовали всеобщему неприятию николаевской политики в России. Высокомерие и доведенная до крайности преданность императора законности настроили все эти державы против России, вынужденной расплачиваться за заблуждения ее владыки уже находясь на грани банкротства.

Перевод с немецкого Т. Вильке, под ред. А.А. Ширинянца

Комментарии

Юлиус Экгардт

НОВАЯ РУССКАЯ ЭРА

Экгардт (von Eckardt) Юлиус Вильгельм Альберт (1836–1908) — балтийско-немецкий журналист, историк, дипломат. Родился в Вольмаре в Лифляндской губернии Российской империи. Изучал право в Санкт-Петербурге, Дерпте и Берлине. Служил в лифляндской консистории и редактировал «Rigasche Zeitung». Политика русификации побудила его переехать в Германию, в Лейпциг, где он редактировал журнал «Die Grenzboten» (1867–1870, с Фрейтагом), «Hamburgische Correspondent» и др. С 1874 служил секретарем в гамбургском сенате, затем германским консулом в Тунисе, Марселе, Стокгольме, Базеле и с 1900 в Цюрихе.

Работа «Новая русская эра», вошедшая в сборник «Младорусский и старолифляндский. Политические и культурно-исторические сочинения фон Юлиуса Экгардта», выдержавший в течение года два издания (Лейпциг, 1871), печатается по: Jungrossisch und altlivländisch. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze von Julius Eckardt. Zweite Auflage. Leipzig: Duncker und Humblot, 1871. S. 1–24. Перевод Т. Вильке, под ред А.А. Ширинянца.

¹ Экгардт цитирует фрагмент статьи русского историка, профессора Санкт-Петербургского университета Николая Ивановича Костомарова (1817–1885) «Тысячелетие», опубликованной в газете «Санкт-Петербургские ведомости» в январе 1862 г. под заголовком «862–1862». В оригинале текст выглядит так: «862–1862.

Тысяча лет России, тысяча лет России! Ударил колокол! Это не погребальный звон умирающему государству; это набат возрождения славянских племен к новой жизни, канун которой отпразднован был 19-го февраля!

Руки ваши, братья!

Мы начинаем новое тысячелетие и, вместе с ним, новую жизнь. Вы слышали голос сверху, поднявший на ноги двадцать миллионов народа? Прислушайтесь к его звуку: это был голос, вышедший из сердца — сердцем и понимайте его.

Это было дыхание жизни, двинувшее народ на новую дорогу, это была труба *последнего дня*, воскресившая мертвых.

Наше дело понять значение настоящей минуты, уловить истинный смысл ее, чтобы не ошибиться в предстоящем будущем, и не повторить пройденное тысячелетие. Малейшая ошибка сегодня горько отзовется нам впоследствии...» (– дъ. [Костомаров Н.И.]. 862–1862 // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1862. № 1. Среда, 3 января. С. 1).

² Известного панслависта Костомарова — Н.И. Костомаров уже с середины 1840-х гг. проявил себя как панславист, доказывая духовное единство славян в древности в лекциях, прочитанных в Киевском университете («Славянская мифология». Киев, 1847) и разрабатывая основы их объединения в программе тайной политической организации «Кирилло-Мефодиевское общество» (1846–1847). Панславистская программа Кирилло-Мефодиевского общества,

изложенная Костомаровым в «Уставе и правилах», «Книге бытия украинского народа» («Закон божий»), воззваниях «Братья украинцы», «Братья великороссияне и поляки» предполагала создание духовного и политического объединения «южноруссов, северноруссов с белоруссами, поляков, чехов со словенцами, сербов-лужичан, иллиро-сербов с хорутанами, болгар» в славянскую федерацию с центром в Киеве, включающую 18 отдельных республик на территории Польши, Чехии и Моравии, Сербии, Болгарии и России, которая в свою очередь делилась на 14 республик. Во всех частях федерации предусматривались «одинаковые основные законы и права, равенство веса, мер и монеты, отсутствие таможен и свобода торговли», «всеобщее уничтожение крепостного права и рабства в каком бы то ни было виде», «дворянских и всяких привилегий», «отмена смертной казни и телесных наказаний», «единая центральная власть, заведующая сношениями вне союза, войском и флотом; но полная автономия каждой части по отношению к внутренним учреждениям, управлению, судопроизводству и народному образованию». Общий «сейм, или славянское собрание», состоящий из двух камер (палат) — депутатов и выбранных сенаторов и министров — должен был собираться не реже одного раза в 4 года и решать общесоюзные дела, а в каждой республике — ежегодно избираться свой сейм. Во главе этих сеймов — «правители, избранные на время», которые так же, как депутаты и чиновники, выбираются по их «уму и образованности», а не на основании происхождения или богатства. Для защиты от внешних врагов наряду с небольшой общесоюзной регулярной армией в каждой республике предполагалось создание своей милиции и введение всеобщего воинского обучения населения «на случай народного ополчения». Также провозглашались свобода совести, печати, образования, однако равенством прав пользовались только граждане-христиане; запрещалась всякая пропаганда «как бесполезная при свободе», при этом предполагалось склонять католиков к принятию славянского языка в богослужении, более того, общим (литературным) языком для всех славян признавался язык великорусский. Впоследствии, в 1860–1870-х гг. Костомаров стремился отмежеваться от панславистских идей, однако полемизировал с польскими националистами, заявлявшими о неславянском происхождении русского народа, поддерживал политику царского правительства в Польше и на Балканах.

³ *При Николае* — император Николай I Павлович (1796–1855) правил Россией с 1825 по 1855 г.

⁴ *Восточную войну* — Восточная или Крымская война 1853–1856 гг. между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства.

⁵ *Вступление царя в Дунайские княжества* — в июне 1853 г. русские войска вступили в Дунайские княжества — Молдавию и Валахию, — находившиеся под номинальным протекторатом Турции. Эти события привели к тому, что 4 октября 1853 г. султан объявил войну России.

⁶ *Короткого венгерского похода* — поход российских войск в восставшую Венгрию в апреле — сентябре 1849 г. начался по просьбе австрийского правительства. Российская армия (командующий — генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич) заняла Галицию и Трансильванию, вступила в Венгрию, нанесла

поражения венгерской армии 21 июля у Дебрецена и 25 июля у Германштадта. 1 августа венгерская армия капитулировала.

⁷ *Министра финансов графа Канкрин* — Канкрин Егор Францевич (1774–1845), граф (с 1829), в 1823–1844 гг. министр финансов России.

⁸ *Вронченко Федор Павлович* (1779–1852) — действительный тайный советник (с 1842 г.), министр финансов России с 1844 по 1852 гг., граф (с 1849 г.). В глазах общественного мнения был человеком, абсолютно не соответствующим требованиям, которым должен отвечать министр финансов. Имел репутацию хитрого царедворца, интригана, рутинера, циника, любителя доступных женщин.

⁹ *Третье отделение ... руководимое графом Алексеем Орловым* — III отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, институт политического надзора и сыска в России был учрежден в июле 1826 г. Его исполнительным органом стало воинское соединение — корпус жандармов. Руководил III отделением главноуправляющий (он же и шеф жандармов). В 1844–1856 гг. начальником этого отделения был близкий друг императора Николая I генерал-адъютант граф Алексей Федорович Орлов (1786–1861).

¹⁰ *Года революций* — имеется в виду период европейских революций 1848–1849 гг.

¹¹ *В 1826, 1836 и в 1839 годах собирались тайные комитеты* — имеются в виду Секретные комитеты, временные высшие совещательные органы в России, которые образовывались императором Николаем I для обсуждения проектов различных преобразований, особенно в области аграрных отношений. Первый из Секретных комитетов был создан в декабре 1826 г. для выработки общего плана государственных преобразований и существовал до 1832 г. Секретный комитет, созданный в марте 1835 г., обсуждал план постепенного уничтожения крепостного права с полным обезземелением крестьян и был распущен в 1836 г. Следующий Секретный комитет работал над определением условий освобождения крестьян в 1839–1842 гг., подготовив «Указ об обязанных крестьянах» (1842).

¹² *Система запретительных таможенных пошлин в 1848–1854 гг.* — здесь Экгард ошибается, так как именно в 1848 г. начались работы по пересмотру таможенного тарифа в сторону его либерализации. Новый тариф был утвержден 21 апреля 1850 г. В нем были уменьшены ставки (от 10 до 30%) по главным предметам импорта (хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые ткани, красильные вещества, изделия из металлов, колониальные товары, продукты питания и т. п.). Запрещенными к ввозу в страну остались сушеные грибы, сахар-рафинад, спиртные напитки, мед и пиво в бочках, чай, сортовое железо, чугун, очищенная селитра, порох, и некоторые другие товары. Более того, как отмечает русский экономист К.Н. Лодыженский — автор фундаментального труда по истории таможенной системы России, в 1854 г. во время Крымской войны были значительно снижены таможенные пошлины с большинства товаров, при ввозе их через сухопутную границу страны. А сразу после окончания войны, в 1857 году, в России был введен либеральный таможенный тариф, практически отменивший пошлины на западноевропейский промышленный импорт (см.: *Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа*. СПб., 1886. С. 252–254 и др.).

¹³ *Прямому разрешению императора и при уплате суммы в 500 рублей — действительно, если в начале XIX столетия заграничные паспорта в Российской империи выдавались беспрепятственно всем лицам, желающим пересечь границу, то в царствование императора Николая I были предприняты шаги для ужесточения выезда за рубеж. Указ «О воспитании Российского юношества предпочтительно в отечественных учебных заведениях» от 18 февраля 1831 г. запрещал молодым людям от 10 до 18 лет воспитываться и учиться за границей. В апреле 1834 г. был установлен срок пребывания за границей российских подданных: для дворян — пять лет, а для прочих сословий — три года. Пошлина при оформлении заграничных паспортов достигала огромной по тем временам суммы 500 рублей серебром. Именным Указом, данным Сенату «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» от 15 марта 1844 г. было запрещено выдавать заграничные паспорта лицам обоего пола моложе 25 лет, кроме тех, кто выезжал «для излечения болезни, для получения наследства, для усовершенствования себя в художествах и высших ремеслах, равно по делам торговым; при поездке за границу с родителями, воспитателями и жен с мужьями».*

¹⁴ *От манифеста против западных «язычников» — имеется в виду Высочайший Манифест, подписанный императором Николаем I 14 марта 1848 г., в котором было заявлено: «...после благословений долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства.*

Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшее по мере уступчивости Правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России.

Но да не будет так!

По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов Наших.

Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предрекает нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! разумеите языцы и покоряйтеся: яко с нами Бог!» (см.: Высочайший манифест 14 марта 1848 г. // Николай Первый и его время: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2000. Т. 1. С. 121).

¹⁵ *Число студентов в российских университетах начиная с 1849 и 1850 гг. свелось к 300 — усиление с 1849 г. административного контроля над университетами, ограничение приема студентов и повышение платы за обучение привели к тому, что к 1850 г. в Московском университете количество студентов сократилось с 1168 до 821, а в Санкт-Петербургском — с 731 до 387 человек.*

¹⁶ *Ukaze* — указами. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

¹⁷ С 1852 г. следил *Верховный тайный цензурный комитет* — вероятно, речь идет о «Комитете для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений» — высшем постоянном цензурном органе, осуществлявшем надзор за «духом и направлением» российской литературы и периодической печати. Комитет являлся также органом наблюдения за деятельностью цензурных установлений, имел право представления к служебным взысканиям для цензоров. Первоначально решения и распоряжения Комитета представлялись на утверждение императору и объявлялись от его имени, но с 1852 г. он получил право приводить свои постановления в действия собственной силой, на Высочайшее усмотрение передавались лишь особенно важные случаи и вопросы законодательного характера (см.: *Рейфман П.С.* Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. 2001–2003. <http://reifman.ru/russ-tsenzura/glava-5/>). За почти 8 лет своего существования (со 2 апреля 1848 г. по 1 января 1856 г.), Комитет просмотрел 10 214 книг, 5573 номера журналов, 56 112 номеров газет, 9116 литографированных записок. Эту деятельность обобщили в 295 журналах и в ежегодных отчетах (см.: *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 200).

¹⁸ «*Северной пчелы*» — санкт-петербургская ежедневная (с 1831) газета «Северная пчела», имевшая подзаголовок «газета политическая и литературная», носила консервативный, проправительственный характер и пользовалась монополией на освещение политических известий.

¹⁹ *Гроб повапленный* — повапленный, т. е. выбеленный, покрашенный, гроб был в славянских языках презрительным символом внутренне опустошенного, но с виду благопристойного человека или общества.

²⁰ «*Путешествие в Петербург*» генерала фон Гагерна — имеются в виду воспоминания полковника Фридриха фон Гагерна (Gager) (1794–1848) о поездке в 1839 г. в свите голландского принца Александра Оранского к петербургскому двору (на рус. яз. см.: *Гагерн Ф.* Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1991).

²¹ *Камеральными чиновниками* — камеральные (от лат. camera — свод, сводчатое помещение, комната, кладовая для хранения имущества, государственной казны; в Германии так называли присутственные места) чиновники занимались широким кругом дел: управлением казенным имуществом и государственными расходами, сбором податей, наблюдением над промышленностью, выполняли полицейские обязанности и т. д.).

²² *Канкрин и Перовский, которые никогда не держали в руках оружия* — на самом деле, Е.Ф. Канкрин чин генерал-лейтенанта получил в действующей армии в 1815 г., а в 1828 г., будучи уже министром финансов, т. е. гражданским служащим, получил высший генеральский чин — генерала от инфантерии; в свою очередь полковник Л.А. Перовский был уволен с военной службы с производством в чин действительного статского советника и назначен камергером двора Его Величества в 1822 г., а чин генерала от инфантерии и почетное светское звание генерал-адъютанта получил в конце жизни в 1855 и в 1856 гг.,

будучи министром уделов и управляющим Кабинетом Его Императорского Величества.

²³ *Переименовали из тайных советников в генерал-лейтенанты* — по закону о порядке государственной службы в Российской Империи («Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных») гражданский чин тайного советника соответствовал чину генерал-лейтенанта.

²⁴ *Генералу Бибикову* — Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792–1870), генерал-адъютант (1845), генерал от инфантерии (1848), директор Департамента внешней торговли (1825–1835), киевский военный губернатор, подольский и воынский генерал-губернатор (1837–1852), министр внутренних дел Российской империи (1852–1855). Был сторонником жестких мер, но, по словам Ю.Ф. Самарина, в 1849–1853 гг. служившего правителем канцелярии киевского генерал-губернатора, «часто он доверялся людям, во зло употреблявшим его доверие; часто политическое давление власти на элементы, враждебные правительству и русской народности, превращалось в личные притеснения в руках исполнителей и служило поводом к безнаказанным вымогательствам со стороны орудий этого давления» (цит. по: *Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России. Т. 2. СПб., 1888. С. 494*).

²⁵ *Известный граф Клейнмихель* — Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869), граф (1839), генерал от инфантерии (1841). Карьерный рост начал как личный адъютант графа А.А. Аракчеева. В 1842–1855 гг. возглавлял Главное управление путей сообщения и публичных зданий, руководил постройкой железной дороги Санкт-Петербург — Москва. «Как утверждает В.А. Панаев (один из его подчиненных, дистанционный начальник при постройке Петербургско-Московской железной дороги), «Клейнмихель не был государственным мужем в широком значении этого слова, но он был очень умен, талантлив и обладал особенной опытностью в вопросах административного свойства, и потому был всегда на месте, что бы ни попадало в круг его деятельности, а следовательно, превосходным министром врученной ему отрасли». Клейнмихеля за глаза называли сумасшедшим и боялись, как огня. Подобная репутация, пожалуй, имела лишь одну положительную сторону, но зато какую! Как пишет тот же Панаев, Клейнмихель, благодаря своим связям с государем, а также благодаря слухам, ослабившим его как зверя и тирана, «на всех постоянно производил впечатление могущества, и это приносило большую пользу для всего им управляемого» (см.: *Панаев Г.Г. Граф П.А.Клейнмихель на посту главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями // Железнодорожный транспорт. 2010. № 3. С. 68–72. <http://www.zdt-magazine.ru>*).

²⁶ *Тайный советник Брок* — Брок Петр Федорович (1805–1875), статс-секретарь (1852), сенатор (1852), член Государственного совета (1853). В 1852–1853 гг. управляющий министерством, в 1853–1858 гг. министр финансов. С 1857 г. действительный тайный советник. Деятельность Брока на посту министра вызвала критику в обществе и бюрократических кругах. Ему ставились в вину дефициты государственного бюджета, расстройство денежного обращения, акционерный и биржевой ажиотаж, отсутствие четкого плана в политике финансового ведомства.

²⁷ *Предостережения Киселева и Бруннова, императорских послов в Лондоне и в Париже* — Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — граф, генерал-адъютант (1823), генерал от инфантерии (1834). С 1837 г. министр вновь образованного Министерства государственных имуществ. В ранге министра участвовал в совещаниях (декабрь 1855 и январь 1856), на которых выступал против продолжения Крымской войны. Назначение послом во Францию получил в июне 1856 г. уже после окончания войны и подписания Парижского мира (март 1856).

Бруннов Филипп Иванович (1797–1875) — граф, с 1818 г. на дипломатической службе. Посланник России в Лондоне (1840–1854, 1858–1874), проводил политику англо-русского сближения, активно выступал против Крымской войны.

²⁸ *Первых катастроф, которые потерпели русские войска на Дунае* — в июне 1853 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией и оккупировала Дунайские княжества. В ответ Турция 4 октября 1853 г. объявила войну. Русская армия, перейдя Дунай, отеснила турецкие войска от правого берега и осадила крепость Силистрию. После ряда неудач (при Ольтенице 23 октября 1853 г., под Каракалом 16 мая 1854 г. и др.), русская армия вынуждена была снять осаду крепости (8 июня 1854 г.), а затем и покинуть княжества.

²⁹ *Безумной фанфаронадой* — фанфарада (от fanfaron — болтун, агун (фр.), хвастовство, легкомысленно-хвастливые высказывания).

³⁰ *Дней Инкермана и Альмы* — Имеются в виду сражения Крымской войны: Альминское (8 сентября 1854) и Инкерманское (5 ноября 1854), в которых русские войска потерпели поражение.

³¹ *Труды Кюстина и Головина* — Кюстин (Custine) Астольф де (1790–1857), маркиз, французский литератор, автор очерков путешествий по странам Европы, в том числе русофобского сочинения в четырех томах «La Russie en 1839» («Россия в 1839 году», Париж, 1843; книга имела шумный успех у европейцев, ее перевели на немецкий и английский языки, неоднократно переиздавали).

Головин Иван Гаврилович (1816–1890) — русский публицист, эмигрант (с 1844), автор большого количества критических сочинений о России на французском и немецком языках, из которых наиболее радикальны по содержанию «La Russie sous Nicolas I-er» («Россия при Николае I», Париж, 1845; книга была переведена на несколько европейских языков) и «Катехизис русского народа» (Париж, 1849; на титуле — СПб.).

³² *Александр Герцен создал в Лондоне «Вольную русскую типографию»* — Герцен Александр Иванович (1812–1870) — русский публицист, писатель, эмигрант (с 1847), в феврале 1853 г. при содействии польских эмигрантов создал в Лондоне «Вольную русскую книгопечатню», в которой издавал брошюры, книги, литературные и общественно-политические сборники «Полярная звезда» (1855–1862, 1868 — в Женеве), «Голоса из России» (1856–1860), газету «Колокол» (1857–1865, в 1865–1867 — в Женеве). Издания типографии, имевшие оппозиционный характер по отношению к правящему царскому режиму, были запрещены как в России, так и в ряде европейских стран, и распространялись нелегально.

³³ Здесь явная фактическая ошибка Эжгардта — газета «Колокол» стала издаваться Герценом после окончания Крымской войны, которая в 1854–1856 гг. лишь упоминалась в его работах: листовке «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» (1854), статье в польской газете «Польско-русский революционный союз» (1854), а также в «Письме к императору Александру Второму» (1855), в программной статье альманаха «Полярная звезда» — «Вперед, вперед!» (1856) и др., не содержащих никаких «исчерпывающих сведений о потерях».

³⁴ *Докладной записки, составленной в 1854 году будущим министром внутренних дел Валуевым* — имеется в виду Петр Александрович Валуев (1815–1890), тайный советник, статс-секретарь Е.И.В. (с. 1859), граф (с 1880), курляндский гражданский губернатор (1853–1858), министр внутренних дел России (1861–1868), министр государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров (1879–1881). Под влиянием неудач русской армии в Крымской войне, написал записку «Дума русского» (датирована автором 28 августа 1855 г., опубликована в 1891 г. см.: [Валуев П.А.]. Дума русского // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. 70. 1891. С. 349–359), подвергнув в ней критике российскую бюрократию. Записка, распространявшаяся в рукописных списках, получила большую известность, привлекла внимание великого князя Константина Николаевича, открыла Валуеву путь в правительственные сферы. Однако утверждение Эжгардта о «ста тысячах копий» этой записки — явное преувеличение.

³⁵ *“Pour ne point l'affliger”* — «чтобы не огорчать его» (*фр.*).

³⁶ *Ужасной судьбы героического гарнизона Севастополя* — во время Крымской войны главная база российского Черноморского флота — Севастополя в течение 349 дней героически оборонялся против сил англо-франко-турецкой армии, почти вдвое превосходящих численность гарнизона крепости. Союзники потеряли за время Севастопольской обороны 72 тыс. человек (не считая больных и умерших от болезней). Русские — 102 тыс. человек.

³⁷ *Русской Сарагосы* — испанский город Сарагоса прославился во время Испанской революции 1808–1814 гг. героической обороной от французских оккупантов, осаждавших его дважды. Летом 1808 г. гарнизон крепости отбил все штурмы французов и выдержал в течение 60 дней тяжелую осаду. Вторую осаду-штурм Сарагосы, начавшуюся в декабре 1808 г., несмотря на отчаянное сопротивление осажденных, сдержать не удалось, и в феврале 1809 г. крепость пала. За это время в Сарагосе армия Наполеона Бонапарта потеряла около 25 тысяч человек, а защитники крепости более 50 тысяч. Сравнение Севастополя с Сарагосой можно найти у А.И. Герцена: «Он (Николай I. — А.Ш.) знал Альму и Евпаторию, но крымской Сарагосы, но богатырской защиты Севастополя не предвидел» (*Герцен А.И. Вперед! Вперед! Первая статья в «Полярной звезде» // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XII. М., 1957. С. 308*).

³⁸ *Со времени кровавого судилища 1826 года* — имеется в виду уголовный процесс по обвинению участников восстания 14 декабря 1825 г. («декабристов») в государственной измене, проведенный высшим чрезвычайным судебным органом Российской империи, специально учрежденным императором Николаем I для этого случая. Верховный уголовный суд для суждения злоумышлен-

ников, открывшихся 14 декабря 1825 г. работал с 3 июня по 12 июля 1826 г. Из привлеченных к следствию 579 человек, суду были преданы 121 человек. Суд установил одиннадцать разрядов, поставив вне разрядов пять человек, и приговорил: на смертную казнь — пятерых — четвертованием, 31 — отсечением головы, 17 — к политической смерти, 16 — к пожизненной ссылке на каторжные работы, 5 — к ссылке на каторжные работы на 10 лет, 15 — к ссылке на каторжные работы на 6 лет, 15 — к ссылке на поселение, 3 — к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь, 1 — к лишению чинов и дворянства и разжалованию в солдаты до выслуги, 8 — к лишению чинов с разжалованием в солдаты с выслугой. Император Николай I указом Верховному уголовному суду от 10 июля 1826 г. смягчил приговор почти по всем разрядам; только в отношении пяти приговоренных, поставленных вне разрядов, приговор суда был подтвержден (П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С.И. Сергей Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин и П.Г. Каховский). Суд вместо мучительной смертной казни четвертованием приговорил их повесить, «сообразуясь с Высокомонаршим милосердием, в сем самом деле явленным смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенных».

³⁹ *Ребяческого заговора петрашевцев 1848-го года* — в апреле 1849 г. по доносу прокуратора в Санкт-Петербурге был арестован М.В. Буташевич-Петрашевский (1821–1866), пропагандировавший социалистическое учение Ш. Фурье в кругу людей, которых собирал у себя на квартире по пятницам. Из 123 человек, привлеченных к следствию по делу участников его кружка — «петрашевцев», 22 были судимы военным судом, 21 из них приговорен к расстрелу. После обряда приготовления к смертной казни 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу в Петербурге, по конфирмации Николая I, они были сосланы на разные сроки на каторжные работы, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска. В 1856 г. петрашевцы были амнистированы и к началу 1860-х восстановлены в гражданских правах — все, кроме Петрашевского.

⁴⁰ *С Венского конгресса* — Венский конгресс — общеевропейская конференция, проходившая в Вене в 1814–1815 гг., в ходе которой была определена новая расстановка сил в Европе, сложившаяся после победы над Наполеоном, и обозначена ведущая роль «великих европейских держав» — России, Австрии и Великобритании в международных отношениях.

⁴¹ *Немецким выскочкам типа Дубельта* — Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862), генерал от кавалерии (1856); начальник штаба Отдельного корпуса жандармов (1835–1856) и управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1839–1856), происходил из лифляндского дворянского рода.

⁴² *Придворной и военной камарилье* — камарилья (иноск.), группа придворных, влияющая интригами на государственные дела в интересах личной выгоды.

⁴³ *Изучали Гегеля* — Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), классик немецкой философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. В России интерес к учению Гегеля носил характер западнической моды на «европейскую философию» (прежде всего Шеллинга, но также Канта и Фихте).

⁴⁴ *И Шеллинга* — Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Иосиф (1775–1854), классик немецкой философии. Созданное им в первые годы научного творчества натурфилософское учение изложено в труде «Система трансцендентального идеализма» (1800); затем Шеллинг разрабатывал «философию тождества», а с середины 1810-х гг. постепенно перешел к так называемой философии мифологии и Откровения, носившей мистический характер. Из всех европейских философов Шеллинг оказал наибольшее влияние на развитие русской философской мысли XIX столетия. В 1820–1840-е гг. с ним встречались П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, братья Киреевские, С.П. Шевырев, Ф.И. Тютчев и многие др.

⁴⁵ Ср. с А.И. Герценом «Наш небольшой кружок собирался часто, то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядом с болтовней, шуткой, ужином и вином шел самый деятельный, самый быстрый обмен мыслей, новостей и знаний; каждый передавал прочтенное и узнанное, споры обобщали взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех. Ни в одной области ведения, ни в одной литературе, ни в одном искусстве не было значительного явления, которое не попало бы кому-нибудь из нас и не было бы тотчас сообщено всем» (Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 113).

⁴⁶ *Фурье* — Фурье (Fourier) Франсуа Мари Шарль (1772–1837), французский социалист, критик буржуазного строя («цивилизации»), основатель утопической системы фурьеризма, согласно которой в обществе будущего — строе «гармонии», развернутся все человеческие способности. Новое общество утвердится, как считал Фурье, путем мирной пропаганды социалистических идей.

И Бабёфа — Бабёф (Babeuf), Франсуа (1764–1797), французский революционер, организатор движения «равных» (1795–1796), стремившихся к осуществлению коммунизма путем насильственного свержения существующего общественного порядка.

⁴⁷ *Лишь гегельянцев* — имеется в виду левое гегельянство, философское направление, зародившееся в Германии в 1830-е гг. Виднейшими представителями его были прямые или косвенные ученики Гегеля — Д.Ф. Штраус, Л. Фейербах, К. Маркс, Б. Бауэр, А. Руге, М. Штирнер и др. Стремясь «поставить Гегеля с головы на ноги», то есть вернуть его умозрительную диалектику на реальную почву, они выступили радикалами в политике и вольнодумцами в религии.

⁴⁸ *Примеру наших романтиков* — имеется в виду немецкий романтизм, движение в философии, литературе и искусстве, возникшее в Германии в конце XVIII в. и господствовавшее там вплоть до 30-х гг. XIX в. Романтизм был направлен против рационализма и классических канонов в художественном творчестве. Принято делить немецкий романтизм на ранний и поздний. Именно поздние романтики (А. фон Арним (1781–1831), К. Brentано (1778–1842), Я. Гримм (1785–1863), В. Гримм (1786–1859), В. Гауфф (1802–1827) и др.) отличались консерватизмом и национализмом. Для них характерно обращение к традиционным ценностям, проблемам национальной самобытности, национального характера, стремление жить и творить в согласии с национальным («народным») духом.

⁴⁹ *Партия славянофилов* — славянофильское направление русской общественной мысли XIX в. оформилось в 1840-е гг. Его представители выступали против дальнейшего сближения России с западноевропейской цивилизацией. Последняя подвергалась с их стороны критике как тупиковая и ущербная. Славянофилы подчеркивали необходимость возрождения национальной самобытности, утраченной, по их мнению, после реформ Петра I. Их представления были во многом созвучны идеям православия, самодержавия, народности. Все славянофилы были монархистами, считая самодержавие исконной формой власти в России, большую роль они отводили православной вере в формировании русской народности. С либеральным направлением общественной мысли славянофилов сближала критика крепостного права в России, а также трактовка вопроса о взаимоотношениях власти и общества. Апеллируя к допетровской Руси, славянофилы считали необходимым для восстановления прежнего согласия между народом и властью созвать Земский собор, как законосовещательный орган при монархе. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И.В. Киреевский (1806–1856), А.С. Хомяков (1804–1860), К.С. Аксаков (1817–1860), Ю.Ф. Самарин (1819–1876) и др.

⁵⁰ *Царя Алексея* — имеется в виду Алексей Михайлович Романов (Тишайский), русский царь (1645–1676), отец Петра I.

⁵¹ *Восстание против проникновения западного образа жизни, во главе которого встали стрельцы и некая боярская партия* — восстание московских стрельцких полков 1698 г. Стрельцы сместили своих начальников и направились к столице для расправы с боярами и иноземцами, которых обвиняли в своих невзгодах. Восставшие (около 4000 человек) намеревались возвести на престол царевну Софью Алексеевну (1657–1704), находившуюся в заточении в Новодевичьем монастыре, или в случае ее отказа боярина князя В.В. Голицына, бывшего в ссылке. На подходе к Москве стрельцы были разбиты. В ходе «великого розыска» 1698–1699 гг., который возглавил лично Петр I, были казнены 1182, биты кнутом, клеймены и сосланы более 600 человек, а царица Софья пострижена в монахини. Следствие и казни продолжались до 1707 г.

⁵² *Минихом и Бироном* — Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович) (1683–1767), граф (1728), генерал-фельдмаршал (1732). При его помощи Бирон Эрнест Иоганн (1690–1772), граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны (1693–1740), герцог Курляндии и Семигалии (с 1737) стал в октябре 1840 г. регентом. Однако уже 9 ноября 1840 г. по приказу Миниха и с согласия Анны Леопольдовны Бирон был арестован, обвинен в «захвате регентства» и стремлении завладеть престолом, приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в п. Пелым Тобольской губернии. В свою очередь, в 1742 г. Миних, приговоренный к четвертованию императрицей Елизаветой Петровной, был помилован ею и отправлен в ссылку в тот же Пелым, на смену Бирону, переведенному в Ярославль.

⁵³ *Елизаветы* — Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица (1741–1761), дочь Петра I. Пришла к власти в ноябре 1741 г. в результате дворцового переворота, свергнув с престола малолетнего Ивана Антоновича. Елизавета выдвинула идею возвращения к петровскому наследию, забытому

ее предшественниками, и на ее основе пыталась строить свою политическую программу в первые годы царствования.

⁵⁴ *При Петре III* — Петр III (Петр Федорович, урожденный Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский; 1728–1762), российский император в 1761–1762, после полугодичного царствования свергнут в результате дворцового переворота, возведшего на престол его жену, Екатерину II.

⁵⁵ *Период правления Анны и регентства, которое осуществлялось от имени Иоанна IV* — речь идет о правлении императрицы Анны Иоанновны (1693–1740), дочери Ивана V — брата и соправителя царя Петра I, вдове герцога курляндского, приглашенной на российский престол Верховным тайным советом в 1830 г. По ее распоряжению престол после ее смерти должен был наследовать потомок ее племянницы Анны Леопольдовны, принцессы Брауншвейг-Люнебургской (1718–1746). Двухмесячный сын последней Иоанн VI Антонович занял трон 17 октября 1840 г., а регентом при нем был назначен Э.И. Бирон, свергнутый в результате дворцового переворота 9 ноября в пользу Анны Леопольдовны, которая «правила» Российской империей при своем сыне с 9 ноября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. У Эггардта здесь явная ошибка, так как от имени Иоанна IV Грозного, умершего в 1584 г., Анна, жившая в XVIII в., править не могла. Свергнутый же Елизаветой Петровной император-младенец Иоанн VI провел почти всю жизнь в заключении в тюрьмах, в одиночных камерах и уже в царствование Екатерины II был убит охраной в 23-летнем возрасте при попытке его освободить.

⁵⁶ *Раскол, т. е. партия староверов-раскольников, которые со времени реформатора Никона* — раскол, раскольники — официальное название сторонников старообрядчества в России, отвергающих предпринятую в 1653–1656 гг. патриархом Никоном (1605–1681) и царем Алексеем Михайловичем церковную реформу, целью которой была унификация богослужебного чина Русской Церкви с греческой Церковью.

⁵⁷ *Пугачев* — Пугачев Емельян Иванович (1742–1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России, самозванец, называвший себя Петром Федоровичем — императором Петром III.

⁵⁸ *Екатерину II* — Екатерина II Алексеевна (урожд. Софья Фредерика Августа, принцесса княжества Анхальт-Цербст на севере Германии) (1729–1796) — российская императрица (с 28 июня 1762).

⁵⁹ *Последовал Гончаров* — Гончаров (Гончар, Ганчар) Иосиф Семенович (1796–1879), старообрядец, атаман некрасовцев — потомков донских казаков, в 1740 г. эмигрировавших в Турцию. Во время Русско-турецкой войны 1853–1855 гг. активно участвовал в формировании отряда султанских казаков, в преддверии Польского восстания 1864 г. польские эмигранты с его помощью пытались организовать казацкую и старообрядческую военную силу, враждебную русскому правительству.

⁶⁰ *Неистовому завоевателю Казани* — Е.И. Пугачев, взяв предместья и основную часть Казани 12 июля 1774 г., сжег город, но после трех поражений от правительственных войск, потеряв всю артиллерию, множество убитыми и ранеными, 15 июля был вынужден бежать.

⁶¹ *Литературная вражда между Ломоносовым и несколькими немецкими членами Петербургской академии наук* — в послепетровское время, как и при Петре I, роль выходцев из Германии в российской экономике, науке и культуре была чрезвычайно важной. В 1725–1799 гг. из 111 академиков Санкт-Петербургской Императорской Академии наук и художеств немецкий язык был родным для 71. Четверо первых президентов Академии были немцами. В годы активной творческой деятельности русского ученого-энциклопедиста и просветителя Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765), главенствующее положение в Академии занимал Шумахер (Schumacher) Иван Данилович (1690–1761), человек, по отзывам современников, необычайной хитрости и изворотливости, в высшей степени своекорыстный. Он приехал в Россию из Германии еще при Петре I, вошел в доверие к нему, после его смерти прибрал к рукам фактическое руководство академией. При этом огромная часть денег, которая расходовалась государственной казной на содержание академии, Шумахером и группой пригретых им иностранцев присваивалась. В центре внимания Шумахера оказывались не интересы российской науки, а стремление выдвинуть на высокие посты «своих», тех, кто помогал ему бесконтрольно хозяйничать в академии. Вот против такого состояния дел в академии и выступил Ломоносов, вернувшись из Германии в 1741 г. Конфликт Ломоносова с Шумахером длился двадцать лет (до смерти Шумахера в 1761 г.) и принимал порой чрезвычайно острые формы. Ломоносов также выступил против исторических взглядов академиком Герарда Фридриха Миллера (Miller) (1705–1783) и Августа Людвига Шлёцера (Schlezer) (1735–1809), остро критиковал идеи их предшественника Готлиба Зигфрида Байера (Bayer) (1694–1738), возражая против выдвинутой ими «норманнской теории» становления российской государственности.

⁶² *Немцы Беннингсен и Барклай* — Беннингсен Леонтий Леонтьевич (Левин Август фон Беннингсен, 1745–1826), уроженец Ганновера, на службе в России с 1773 г., генерал от кавалерии (1802), барон, граф (с 1813). Не знал русского языка. Участник дворцового переворота 11 марта 1801 г. В русско-пруско-французской войне 1806–1807 гг. командовал корпусом, затем был главнокомандующим; потерпел поражение при Фридланде (1807), был отправлен в отставку. В 1812 г. возвращен на службу, ждал поста главнокомандующего, но был назначен начальником главного штаба армии. Был удален из армии после конфликта с главнокомандующим — М.И. Кутузовым. Во время заграничных походов 1813–1814 гг. командовал резервной армией, в 1814–1814 гг. — 2-й русской (южной) армией. В 1818 г. вышел в отставку и уехал в Германию. Барклай-де-Толли Михаил Богданович (Михаэль Андреас Барклай де Толли, 1761–1818), из старинного шотландского рода, переселившегося в Ригу в XVII в. На военной службе с 1776 г., командовал дивизией, корпусом. Генерал от инфантерии (1809). В 1809–1810 гг. генерал-губернатор Финляндии. С января 1810 г. по сентябрь 1812 г. военный министр. В Отечественной войне 1812 г. командовал 1-й Западной армией, ему же, как военному министру, была подчинена 2-я Западная армия. В условиях значительного превосходства противника проявил талант полководца и успешно осуществил отход и соединение двух армий. Однако отступление вызвало недовольство, и 17 августа он сдал командование армиями М.И. Кутузову и в сентябре 1812 г. ушел в отставку.

В феврале 1813 был назначен командующим 3-й, а затем русско-прусской армией, которой успешно командовал во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Генерал-фельдмаршал (с 1814), князь (с 1815).

⁶³ *Князю Кутузову* — Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813), главнокомандующий во время Отечественной войны 1812 г. Светлейший князь Смоленский (1812), генерал-фельдмаршал (1812).

⁶⁴ *Artjäsk* — армяк, верхняя, долгополая одежда из грубой, шерстяной ткани (изначально из верблюжьей шерсти), с капюшоном, без пуговиц, застежек, запахивается ремнем. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

⁶⁵ *Разбуженный корсиканским императором* — имеется в виду родившийся на острове Корсика Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte, 1769–1821), император французов в 1804–1815 гг., развязавший в июне 1812 г. войну с Россией, которая стала для русского народа Отечественной войной и окончилась практически полным уничтожением наполеоновской «Великой армии».

⁶⁶ *Антиримский образ* — здесь, антикатолический, антипапский.

⁶⁷ *Наслаждался фразами Плутарха* — Плутарх (ок. 45 — ок. 127), древнегреческий философ, биограф, моралист, автор фундаментального исторического труда «Сравнительные жизнеописания», в котором изложил биографии героев и правителей Древнего Рима и Древней Греции.

⁶⁸ *Карамзин Николай Михайлович* (1766–1826) — историк, писатель, журналист, поэт, один из основоположников русского консерватизма, член Российской академии (1818), почетный член Императорской АН (1818), действительный статский советник (1824). Создатель «Истории государства Российского» (т. 1–12, 1816–1829) — первого обобщающего труда по истории России.

⁶⁹ *Пушкин* — Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт и писатель, основатель новой русской литературы, в частности, автор знаменитого романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831), созданного в некоторой степени под влиянием поэмы Байрона «Дон Жуан».

⁷⁰ *Лорда Байрона* — Байрон (Вугон) Джордж Гордон (1788–1824), знаменитый английский поэт, с именем которого связан так называемый «байронизм» — общественное умонастроение, в определенных кругах европейской молодежи начала XIX в. ассоциировавшееся с индивидуализмом, подчеркнутой разочарованностью в общественной жизни, особым интересом к диким, экзотическим странам, а также с бунтарским духом и свободолобием.

⁷¹ *В знаменитой оде* — речь идет о патриотической оде А.С. Пушкина «Клеветникам России» (1831), непосредственным поводом для написания которой стало выступление некоторых депутатов во французском парламенте с призывом вооруженного вмешательства в военные действия на стороне польских повстанцев против русской армии.

⁷² *Польскому восстанию 1830 года* — имеется в виду антирусское восстание 1830–1831 гг. под лозунгом восстановления «исторической Речи Посполитой» в границах 1772 г. (т. е. до раздела Польши).

⁷³ *Комедия Грибоедова «Горе от ума»* — «Горе от ума» (1822–1824), комедия в стихах Александра Сергеевича Грибоедова (1795–1829).

⁷⁴ *Raisonnements* — рассуждения (фр.).

⁷⁵ *Primus inter pares* — первый среди равных (лат.)

⁷⁶ *Ивана Грозного* — Иоанн IV Васильевич (Грозный) (1530–1584), великий князь всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын великого князя Василия III.

⁷⁷ *Времен «Русской правды»* — свод древнерусского права XI–XII вв. условно названный «Русская Правда», действовал до конца XV в.

⁷⁸ *Варварские жестокости царя Алексея Михайловича* — речь идет об Уложении царя Алексея Михайловича («Соборном уложении») — своде законов русского государства, принятом Земским собором 1648–1649 гг. Основанное на Русской Правде и судебныхниках, Уложение, помимо всего прочего (слияние поместий и вотчин, установление вечной потомственной зависимости крестьян, отмена урочных лет и т. д.), усложняло систему наказаний, а сами наказания ужесточало (в частности, в нем, наряду с урезанием языка, ушей, пальцев, руки, в 63 случаях предусматривалось применение смертной казни).

⁷⁹ *Петр I Великий* (1672–1725) — русский царь (с 1682), первый российский император (с 1721), единолично правил Россией с 1689 по 1725 гг.

⁸⁰ Данная «цитата» «из труда одного из вождей славянофильства» — вольная фантазия Экгарта на тему славянофильства.

⁸¹ *Около Ивана Великого* — имеется в виду колокольня Ивана Великого на Ивановской площади Московского Кремля.

⁸² *О том, что некоторые из этих прожектеров покаялись ходить в национальной красной рубахе и в бархатной безрукавке, докладывалось в Петербург как о курьезе и соответственно игнорировалось* — инициатором оригинальной формы пропаганды славянофильских идей, которая заключалась в отказе от западноевропейских фасонов одежды — сюртуков, шляп, фраков и т. п. — и демонстративном ношении национального платья стал К.С. Аксаков. Желая во всем следовать традиционным русским обычаям, осенью 1843 г. К.С. Аксаков первым из славянофилов отпустил бороду, надел русскую рубаху с косым воротом и мурмолку на голову, заправил панталоны в сапоги, и в таком виде стал появляться на людях. Эффект, по свидетельству современников, был огромен, общественный резонанс — тоже. «К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина, как рассказывал, шутя, Чаадаев», — вспоминал А.И. Герцен (*Герцен А.И. Былое и думы* // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М., 1975. С. 226). Однако в среде национально ориентированных молодых дворян возникло стихийное движение «за русское платье». Некоторое время спустя, весной 1849 г. министру внутренних дел Л.А. Перовскому пришлось специальным циркуляром, разосланным всем предводителям дворянства, запретить русским дворянам ношение бород. А с К.С. Аксакова была взята персональная расписка, по которой он обязывался не появляться в общественных местах «в русской одежде».

⁸³ *Стронниками Руге, позже — Штирнера* — Руге (Ruge) Арнольда (1802–1880), немецкий философ-младогегельянец, политический деятель, публицист, писатель.

Штирнер (Stirner) Макс (псевд.; наст. имя и фам. Каспар Шмидт (Schmidt)) (1806–1856), немецкий философ-младогегельянец, идеолог анархоиндивидуализма.

⁸⁴ *Sapadniki* — западники. Это слово в оригинале по-русски лат. шрифтом. — Прим. переводчика.

⁸⁵ *Незадолго до того появившихся чешских и словацких панславистов* — обычно возникновение панславистской идеи относят к XVII в., когда изобретатель грамматики и лексического состава общеславянского языка хорват Юрий Крижанич (ок. 1618–1683) увидел в нем средство объединения всех славян. В XVIII в. его примеру последовал словенец Б. Кумездей (1738–1805), а в XIX в. — хорват Й. Вольтиджи и словак Я. Геркель. Но только во второй четверти XIX в. эта идея приобретает оформленный вид и широкое распространение. Представители молодого поколения славянских образованных слоев сосредоточились на создании литературы на местных языках и на изучении фольклорных традиций. Словак по происхождению, Ян Коллар (1794–1852), почти всю жизнь проживший в Пеште и умерший в Вене, протестантский викарий и поэт, в цикле сонетов «Дочь Славы» (1824) сетовал на падение славянской мощи, призывал к единству славянских народов и предрекал им великое будущее — заселение огромных территорий от Эльбы до Тихого океана, от арктических морей до Средиземного моря. В публицистических статьях «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836, русский перевод в 1840), «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков» (1846) и других произведениях он выдвинул программу культурного сближения славян, не имевшую политического характера. Иная концепция славянского объединения, в которой основное внимание обращено не на всеславянство, а на отдельные славянские народы — «австрославизм», возникла в середине 1840-х гг. благодаря усилиям чехов Карела Гавличека-Боровского (1821–1856) — известного публициста Австрии, а также друга многих русских славянских деятелей историка Франтишека Палацкого (1798–1876). Идеи объединения славян возникали и у южных славян: именовавшие себя «илирийцами», деятели хорватского национального движения (Людевит Гай (1809–1872) и др.) мечтали об объединении славян вокруг Хорватии, сербы (Илия Гарашанин (1812–1874) и др.) — вокруг Сербии.

⁸⁶ *Мамелюков* — мамелюки (араб. «невольники»), здесь в значении «войны».

⁸⁷ *Славянофилы время от времени публиковали в своем печатном органе «Маяк»* — журнал «Маяк современного просвещения и образованности» (1840–1845), издававшийся С.А. Бурачеком в Санкт-Петербурге, никогда не был «органом» славянофилов, первый славянофильский журнал «Русская беседа» выходил в Москве в 1856–1860 гг.

⁸⁸ *Comme il faut* — прилично (фр.).

⁸⁹ *Присоединение Италии к западным союзникам* — имеется в виду Сардинское королевство, которое выступило против России в Крымской войне в 1855 г.

⁹⁰ *Виктора-Эммануила* — Виктор Эммануил II (1820–1878) — король Сардинского королевства (с 1849 г.) и первый король объединенной Италии (с 1861 г.).

Комментарии А.А. Шириняца

Содержание

«Русский вопрос» и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века	5
Уилсон Роберт. Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году	60
Комментарии	80
Эванс Джордж. Замыслы России	86
Комментарии	100
Уркхарт Дэвид. Англия и Россия	104
Комментарии	144
Роулинсон Генри. Англия и Россия на Востоке	152
Комментарии	184
Вамбери Арминий. Предстоящая борьба в Индии	192
Комментарии	209
Копия плана европейского господства	211
Комментарии	214
Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году	218
Комментарии	275
Мишле Жюль. Демократические легенды Севера	288
Комментарии	302
Кёрдеруа Эрнест. Ура!!! Или революция от казаков	310
Комментарии	323
Доре Гюстав. Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси	326
Комментарии	357

СОДЕРЖАНИЕ

Мартен Анри. Россия и Европа	364
<i>Комментарии</i>	385
Маркс Карл. Разоблачение дипломатической истории XVIII века	388
<i>Комментарии</i>	409
Энгельс Фридрих. Внешняя политика русского царизма	415
<i>Комментарии</i>	454
Духиньский Франтишек. Основы Истории Польши, иных славянских стран и Москвы	478
<i>Комментарии</i>	508
Пилсудский Юзеф. Россия	514
<i>Комментарии</i>	529
Ген Виктор. О нравах русских	534
<i>Комментарии</i>	549
Ширрен Карл. Лифляндский ответ господину Юрию Самарину ...	557
<i>Комментарии</i>	575
Экгардт Юлиус. Новая русская эра	580
<i>Комментарии</i>	606

Научное издание

РУССКИЙ ВОПРОС
в истории политики и мысли
Антология

Под редакцией А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца

Редактор *З.Н. Осадченко*

Обложка художника *Ю.Н. Симоненко*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректоры *В.В. Конкина,*

Н.И. Коновалова, Г.Л. Семенова

Верстка *Л.В. Тарасюк*

Подписано в печать 10.12.2013. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная. Офсетная печать.

Гарнитура Агро Про. Усл. печ. л. 39,0 + 1,25 (вкл.).

Уч.-изд. л. 37,0 + 1,18 (вкл.).

Тираж экз. Изд. № 10 168. Заказ

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Тел.: (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71.

Тел.: (495) 939-33-23 (*отдел реализации*).

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-34-93

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121009, Москва, Шубинский пер., 6

В антологии «Русский вопрос в истории политики и мысли» собраны работы английских, немецких, французских и польских политиков, литераторов и общественных деятелей XIX века. В книгу вошли литературные эссе, публичные выступления, политическая публицистика, научные статьи и фрагменты книг, а также антирусские карикатуры того времени, т. е. все, что формировало неприязненное отношение европейского общественного мнения к России и русским. Часть публикуемых текстов впервые переведена на русский язык. Издание снабжено комментариями.

ISBN 978-5-19-010881-1

9 785190 108881

